

Р.М. АЛИМОВ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
АЗИЯ:
ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ**

**CENTRAL ASIA:
COMMON
INTERESTS**

32
850

6666.66

Р.М.АЛИМОВ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
общность интересов**

37a

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «ШАРК»
2005

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ходжаев А.Х.*
доктор политических наук *Касымов Н.А.*

Автор выражает особую признательность представительству Фонда имени Фридриха Эберта в странах Центральной Азии и лично господину Райнхарду Крумму, а также бюро представительства этого Фонда в Узбекистане во главе с госпожой Наилей Резяповой за помощь, оказанную при издании книги.

Редакторы:

Марлест Ицковский
Эльмира Иргашева
Пенелопа Крумм

Алимов Р.М.

Центральная Азия: Общность интересов / Р.М. Алимов. — Т.: «Шарк», 2005. — 464 с.

Данная монография рассчитана на политологов, сотрудников научно-исследовательских учреждений, работников дипломатической службы, преподавателей и студентов высших учебных заведений, всех, для кого представляют интерес проблемы геополитики, международных отношений, регионального сотрудничества и безопасности в Центральной Азии.

ББК 66.4(54)

© Главная редакция ИПАК «Шарк», 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Объективные условия и предпосылки регионального сотрудничества в Центральной Азии.....	12
1.1. Историко-культурная общность государств Центральной Азии как основа развития регионального сотрудничества..	12
1.2. Политические и социально-экономические предпосылки регионального сотрудничества.....	25
1.3. Международный опыт регионального сотрудничества.....	43
Глава II. Геополитический баланс сил в Центральной Азии и ключевые угрозы региональной безопасности	60
2.1. Проблема корреляции интересов крупных центров силы в формировании геополитического баланса сил в Центральной Азии.....	60
Соединенные Штаты Америки.....	62
Российская Федерация	70
Китайская Народная Республика.....	76
Европейский Союз.....	84
Япония.....	90
2.2. Роль международных организаций и институциональных механизмов в обеспечении региональной безопасности и стабильности.....	93
Организация Объединенных Наций	93
Организация Североатлантического договора.....	97
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.....	101
Шанхайская организация сотрудничества.....	104
Организация Договора о коллективной безопасности.....	114
Евразийское экономическое сообщество/Единое экономическое пространство	119
2.3. Ключевые вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии.....	127
Религиозный экстремизм и международный терроризм.....	128
Незаконный оборот наркотиков.....	140
Проблема нераспространения оружия массового поражения...	143
Экологические угрозы.....	147

Глава III. Перспективы регионального сотрудничества в условиях формирования новой среды безопасности в Центральной Азии.....	159
3.1. Афганский фактор после 11 сентября 2001 года в формировании новой среды безопасности в Центральной Азии..	159
3.2. Внешние факторы воздействия на процессы развития регионального сотрудничества в Центральной Азии.....	180
3.3. К формированию институциональных основ общего рынка в Центральной Азии и перспективы развития ОЦАС.....	205
Заключение.....	224

*Светлой памяти моего учителя, отца
Мирзамурада Алимова посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга — результат трехлетнего изучения процессов, происходящих в Центральной Азии, международное внимание к которой после трагических событий в США 11 сентября 2001 года в значительной степени возросло.

Работая с 2001 по 2004 год в Институте стратегических и межрегиональных исследований (ИСМИ) при Президенте Республики Узбекистан, автор вместе с коллегами совместно подготовили несколько работ, посвященных проблемам безопасности и международных отношений. В частности, можно упомянуть работу «Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность»¹. Она представляет собой анализ становления независимых центральноазиатских государств как полноправных участников мировой экономики и политики. В ней были рассмотрены основные геоэкономические и геополитические факторы, влияющие на обеспечение региональной безопасности.

За последние три года в регионе и в мире в целом произошли большие изменения, выдвигались новые инициативы и предложения по углублению сотрудничества и интеграции стран Центральной Азии. Это предопределило необходимость дальнейшего анализа, обобщения и подготовки новой работы, где основной акцент был бы сделан на перспективах всестороннего углубления регионального сотрудничества в условиях формирования новой архитектуры безопасности в регионе на базе «общности интересов» как самих его государств, так и внешних игроков.

Сегодня роль Центральной Азии в международной политике все более возрастает благодаря ее важному геостратегическому положению между Хартлэндом и Римлэндом — ареалами перманентного геополитического противоборства мировых держав — и богатым природным, энергетическим, минерально-сырьевым ресурсам.

¹ См.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — Т.: Шарк, 2002.

Страны Центральной Азии занимают также важнейшее геополитическое и геоэкономическое положение, являясь мостом, соединяющим Азию и Европу². Государствами региона и заинтересованными странами предпринимаются усилия по восстановлению этих маршрутов, в частности, путем развития современного автомобильного и железнодорожного транспорта. Кроме того, необходимо отметить географическую связь региона с Афганистаном, нестабильность на территории которого является одним из серьезнейших вызовов глобальной и региональной безопасности.

Идущие в Центральной Азии процессы отражают фундаментальную геополитическую трансформацию на обширном евроазиатском пространстве после распада Советского Союза. Эта трансформация происходит одновременно с формированием нового мирового порядка — после окончания «холодной войны» практически перестраивается вся система международных отношений на основе новых концепций и парадигм. Этот процесс лишь ускорился после 11 сентября 2001 года. Тогда выражалась надежда, что система международных отношений станет более консолидированной. Но чем дальше уходит время от того дня, тем чаще в политике многих государств проявляются устоявшиеся стереотипы, что оказывает негативное влияние на ситуацию как в Центральной Азии, так и в мире в целом.

Стратегической задачей центральноазиатских стран является построение новых связей в системе международных отношений с учетом, очевидно, приоритетности проблемы обеспечения их национальной и региональной безопасности. В то же время перед ними стоит задача не попасть в ловушку «дилеммы безопасности»³. Ясно одно: необходимо совершенствовать и развивать механизмы обеспечения безопасности региона и стремиться к улучшению взаимопонимания между всеми заинтересованными сторонами.

Говоря о перспективах развития Центральной Азии, следует отметить, что странам региона было бы целесообразно выработать полноценную стратегическую концепцию, которая в систематизированном виде обозначила бы среднесрочные и долгосрочные цели и задачи в сфере обеспечения региональной безопасности, мира и стабильности, а также пути их достижения. При этом интересы борьбы с современными вызовами и угрозами безопасности, как представляется, должны стать на-

² См.: там же. — С. 9.

³ Дилемма безопасности — широко распространенное явление, которое заключается в том, что средства, с помощью которых одно государство обеспечивает свою оборону, сталкиваются с другими как угроза, то есть как средства наступления, а не обороны (см.: Глоссарий терминов. Колледж по изучению международных отношений и вопросов безопасности европейского Центра имени Дж. Маршалла. — 2002. — С. 6).

правляющей линией расширения контактов и взаимодействия стран Центральной Азии с другими государствами и международными организациями.

Полагаю, что новая система безопасности должна обеспечивать странам региона возможность участвовать в различных коалициях, с учетом своих национальных интересов без необходимости делать однозначный геополитический выбор и углублять тем самым разногласия. Она должна гарантировать достаточное внимание к Центральной Азии со стороны не только России или Китая, но и США, Европейского Союза (ЕС), Японии, международных институтов, даже если их основное внимание переключится на другие регионы.

Анализ событий, которые развивались в Центральной Азии после 11 сентября, показывает, что она может избежать геополитического соперничества между Россией и США, другими западными странами, что здесь может быть налажено сотрудничество, которое пойдет на пользу всем заинтересованным сторонам. В государствах региона осознают, что крупнейшие страны мира — Россия, США, КНР, страны ЕС, Япония имеют как во многом совпадающие позиции в отношении Центральной Азии, так и ряд противоречий.

Возьмем, к примеру, проблему безопасности в регионе. Если к ней подходить с позиции традиционного видения новой «большой игры», которая здесь разворачивается, то есть на основе дихотомического взгляда типа «либо Америка, либо Россия», то вывод напрашивается однозначный: Узбекистан вместе с другими центральноазиатскими государствами ставится в ситуацию выбора между двумя альтернативными ориентирами. Вряд ли такой взгляд сегодня оправдан даже с точки зрения избыточности столь критикуемого закона «баланса сил». Действительно, ни Россию, ни США устранить сегодня с геополитического ландшафта Центральной Азии невозможно и нецелесообразно, поскольку даже в этом случае борьба за регион между ними не прекратится. Отсюда следует, что страны Центральной Азии заинтересованы в стратегических партнерах, которые рассматривают свою политику в отношении региона как долгосрочную и способны оказывать реальную, практическую поддержку в решении задач региональной безопасности и устойчивого развития.

Трудно говорить о реализации данных задач, не учитывая интересы России, точно так же, как не может быть речи об этом без учета интересов государств Центральной Азии⁴.

⁴ См.: Шмелев Борис. Проблемы укрепления безопасности в Центральной Азии и политика России. В кн.: Центральная Азия в XXI веке: сотрудничество, партнерство и диалог. Материалы международной конференции (13–15 мая 2003 года, Ташкент). — Т.: «Шарк», 2004. — С. 76.

Вхождение России в Организацию «Центральноазиатское сотрудничество» (ОЦАС) в качестве полноправного члена открывает широкие возможности для углубления ее всестороннего сотрудничества со странами региона, а также превращения в «локомотив» интеграционных процессов в Центральной Азии.

Вместе с тем Россия должна найти баланс между своими интересами на Западе и в Центральной Азии, вообще на постсоветском пространстве, а США и страны Европы должны этому активно содействовать. На сегодняшний же день перспективы развития отношений России с Западом пока не вполне ясны, что накладывает отпечаток неопределенности и на политику стран Содружества независимых государств (СНГ).

Включение Центральной Азии в глобальную стратегию США стало ключевым фактором, характеризующим новую геополитическую ситуацию в регионе. Вашингтон уже в течение продолжительного времени взаимодействует с центральноазиатскими странами по различным программам в сфере безопасности и военного сотрудничества. США также содействуют этим странам в проведении демократических и экономических реформ, что рассматривается Вашингтоном в качестве ключевого элемента обеспечения стабильности в регионе.

Углубление двусторонних отношений между государствами Центральной Азии и Китаем представляется вполне закономерным ввиду того, что, в частности, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан имеют довольно протяженную границу с КНР. Данный географический детерминизм объективно обуславливает обоюдную значимость углубления двусторонних взаимовыгодных отношений стран региона и Китая. Вместе с тем этот фактор существенно актуализируется для китайской политики на центральноазиатском направлении в геополитическом измерении в силу географического положения Центральной Азии между Европой и Россией, а также Каспийским бассейном, Ближним и Средним Востоком, Южной Азией.

Активное вовлечение Китая в процессы в Центральной Азии, особенно после образования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), вызывает много дискуссий в экспертных кругах. И это не случайно. Стабильный рост экономического, политического и военного потенциала КНР, наблюдаемый на протяжении последних двух десятков лет, объективно способствует ее превращению в более весомого и активного геополитического актора не только в регионе, но и в мире в целом.

Интересы Европейского Союза (ЕС), прежде всего, Германии, Великобритании и Франции, в Центральной Азии обус-

ловлены растущим осознанием стратегической важности региона для всей системы европейской безопасности. Исходя из принципа единого Евразийского континента, ЕС заинтересован в укреплении политической и экономической независимости государств Центральной Азии, расположенных «по соседству» с Европой и в то же время имеющих прямой выход на так называемые «полюсы риска», в частности, Афганистан.

Анализ внешнеполитической стратегии Японии в Центральноазиатском регионе позволяет проследить четко выраженную логику в ее политике, направленной, прежде всего, на содействие расположенным здесь странам в укреплении их независимости с целью обеспечить открытость и доступность Центральной Азии. Япония не стремится к доминированию в ней, проявляя заинтересованность в формировании геополитического баланса интересов, прежде всего, США, России и Китая. Думается, именно создание такого геостратегического расклада крупных центров силы в регионе, с точки зрения японской стороны, способно выступить фактором его стабильности.

Угроза безопасности странам Центральной Азии со стороны террористических и религиозно-экстремистских групп, хотя и снижена, но не исчезла полностью. Очевидно, что фронт глобальной борьбы с международным терроризмом будет расширяться. Достижение единого для всех состояния безопасности и стабильности возможно только на основе консенсуса в отношении сущности и природы современных вызовов и угроз, а также в отношении подходов и методов реагирования на них.

В связи с этим в среднесрочном периоде (в ближайшие 3—5 лет), как представляется, сотрудничество в сфере безопасности, то есть на основе как «общности угроз», так и «общности интересов», останется важнейшим приоритетом для государств Центральной Азии. Основной задачей при этом будет наращивание взаимодействия между их национальными правоохранительными органами и спецслужбами, а также между странами региона и другими государствами и международными организациями, вовлеченными в борьбу с международным терроризмом. Это не только позволит нарисовать «единый портрет» последнего, но и будет во многом способствовать укреплению доверительного духа в двусторонних и многосторонних межгосударственных отношениях.

Экономический интерес Запада и Востока к центральноазиатским странам сегодня, к сожалению, ограничивается сырьевыми ресурсами. Направление иностранных инвестиций в нефтяную, газовую и горнорудную промышленность — не в перерабатывающую сферу — постепенно низводит Центральную Азию до положения региона, экспортирующего сырье и зависящего от колебания мировых цен.

Однако превращение Центральной Азии в сырьевой прида-

ток вряд ли будет способствовать ее становлению как стабильного и безопасного региона. В этом контексте весьма важную роль играет проблема диверсификации экономик центральноазиатских государств.

Сегодня важно признать, что экономика стала одним из ключевых факторов безопасности, и игнорирование этой аксиомы было бы проявлением алогичности в центральноазиатской политике крупнейших стран мира, способных стать потенциальными инвесторами в стабильное и процветающее будущее региона. Они видят региональный рынок как единое целое — для них Центральная Азия привлекательна только как общий рынок. В Узбекистане убеждены, что формирование такого рынка, создание предпосылок для взаимовыгодного, сбалансированного и справедливого торгово-экономического партнерства позволит решить множество вопросов, прежде всего в социально-экономической сфере. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, выступая на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса 28 января 2005 года в Ташкенте, только такой рынок, не расчлененный на замкнутые национальные рамки, способен привлечь значительные потоки иностранных инвестиций, обеспечить устойчивое развитие и процветание стран региона.

В новых условиях для стран региона жизненно важно дальнейшее углубление сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях на новой концептуальной основе. Сегодня отчетливо просматривается перспектива, при которой национальная безопасность каждого государства Центральной Азии будет определяться его готовностью конструктивно взаимодействовать с соседями на базе доверия и взаимопонимания.

В этом контексте важным представляется поиск таких моделей регионального диалога, в основе которых лежала бы идея центральноазиатской консолидации. При этом необходимо концентрировать усилия на урегулировании водных и транспортных проблем, являющихся «ахиллесовой пятой» всех стран Центральной Азии. С моей точки зрения, постановка этих двух проблем в качестве главных несущих всех конструкций регионального сотрудничества будет отвечать интересам каждого государства региона.

При подготовке этой книги автор провел большое количество встреч и бесед с учеными, экспертами, с зарубежными коллегами, дипломатами, работающими в Ташкенте. В ноябре 2003 года в ИСМИ состоялась встреча с известным американским политологом Зб. Бжезинским. Во время одной из частных бесед он отметил: «Будущее Центральной Азии в руках самих государств региона. Если они смогут найти точки соприкосновения на основе совпадающих интересов, то их ожидает неплохое будущее».

В рамках данного исследования автором были изучены и проанализированы труды большого числа зарубежных ученых и политологов Узбекистана. Будучи участником многих международных конференций, проведенных как в нашей стране, так и за ее пределами, автор собирал лучшие мысли, касающиеся Центральноазиатского региона, и осуществил небольшое «полевое» исследование. Хотя по проблемам Центральной Азии написано немало замечательных работ, данная монография — это попытка обобщить имеющиеся взгляды на перспективы развития нашего «центральноазиатского дома».

Вместе с тем автор не претендует на «последнее слово» об истории, настоящем и будущем Центральной Азии и будет весьма признателен всем, кто выскажет свои замечания и предложения по существу рассмотренных в книге проблем.

Автор благодарит своих коллег — кандидата философских наук Ботира Турсунова, Шухрата Йигиталиева, Марлеста Ицковского, Дильфузу Кадырову и Лолу Таджибаеву, без помощи которых подготовка этой работы была бы невозможной.

ГЛАВА I

ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. Историко-культурная общность государств Центральной Азии как основа развития регионального сотрудничества

Центральная Азия является одним из уникальных регионов мира с древней историей и богатым духовно-культурным наследием. С древнейших времен на ее территории возникали и распадались десятки государств⁵. В силу своего географического положения Центральная Азия на протяжении многих веков имела особую геостратегическую значимость в политических и торговых-экономических отношениях таких империй, как Рим, Иран, Китай, а позднее царская и коммунистическая Россия.

Расположение Центральной Азии между буддийской, исламской, конфуцианской и христианской культурами способствовало тому, что она стала перекрестком различных цивилизаций. Этот уникальный фактор проявлялся и в архитектуре, и в живописи региона. В частности, как считают французские ученые, об этом свидетельствует «ансамбль настенных рисунков зала послов дворца короля Вархумана, который правил примерно в 660 годах нашей эры в Афрасиабе, сегодняшнем Самарканде». И далее: «Согласно китайским хроникам, Вархуман приказал декорировать зал приемов своего личного дворца картинами, представляющими соседние княжества, с которыми он поддерживал политические, культурные и коммерческие отношения... Без всякого сомнения, можно утверждать, что нигде в мире, кроме данного региона, невозможно найти такую разнообразную культуру, сконцентрированную в одном зале. Этот ансамбль картин ярко иллюстрирует исключительную ситуацию Центральной Азии — перекрестка миров»⁶.

В свою очередь, данный фактор способствовал формированию благоприятных условий для развития науки и культуры, особенно в средние века, которые вошли в мировую историче-

⁵ См.: Resul Yalcin. The Rebirth of Uzbekistan. Politics, Economy and Society in the post-Soviet Era. — L.: Ithaca Press, 2002. — P.1.

⁶ Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie Centrale: De la fin l'URSS a l'apres 11 septembre. — Paris: Presses Universitaires de France, 2003. — P.13.

скую науку как «Восточный, или Исламский Ренессанс». Этот уникальный по своей сути феномен проявился именно в период формирования и расцвета ряда государств в Центральной Азии. Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов отмечал: «Процветавшие на этой территории государства древнего Турана, Мавероуннахра, Туркестана оставили яркий след в развитии мировой культуры... Великий Темур, сделавший Самарканд столицей своего государства, славился покровительством ученым, философам, архитекторам, поэтам и музыкантам. Духовные, познавательные и эстетические ценности занимали важное место в образе жизни, традиционной культуре нашего народа. Мы чтим и гордимся своей историей и великими предками — мыслителями Востока Аль-Бухари, Ат-Термизи, Ахмадом Яссави, Бахоуддином Накшбандом, Аль-Хорезми, Беруни, Ибн Сино, Навои, Улугбеком и другими, внесшими неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации»⁷.

Замечательная плеяда ученых, мыслителей и поэтов Центральной Азии внесла огромный вклад в развитие философии, теологии, литературы, юриспруденции, астрономии, географии, медицины, математических наук. Благодаря научно-культурной и духовной доминанте, Центральная Азия, несмотря на все исторические перипетии, вплоть до сегодняшних дней сохраняет свою историко-культурную целостность и уникальность в лице ее суверенных государств.

Более того, следует отметить, что Центральная Азия, находясь на «перекрестке миров», оказывала серьезное воздействие на развитие культур соседних регионов и стран⁸. Как считает узбекский историк-китаевед А.Ходжаев, согласно сведениям китайских источников, задолго до начала нашей эры согдийцы (в то время коренное население региона) жили на северном и южном побережьях Каспийского моря и имели свое государство под названием Янчай (Аурси, Вэннаша). Позднее, переселившись на юг, они создали другое государство под названием Сутэ, или Суйи (Согд). Согдийцы вели оседлый образ жизни и играли большую роль в международной торговле. Поэтому вдоль Великого Шелкового пути, в том числе Древнего Китая, появились согдийские поселения, оказавшие определенное влияние на развитие китайской культуры⁹.

Вместе с тем отдельные зарубежные ученые-историки высказывали предположения об определенном влиянии этнокультурных элементов народов Центральной Азии на формирование

⁷ Каримов Ислам. Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 1993 г. В кн.: Ислам Каримов. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т. 2. — Т.: Узбекистон, 1996. — С. 46.

⁸ См.: Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. — Т.: Фан, 2004. — С. 7–9.

⁹ См.: Ходжаев А. Хитой манбаларидаги сутдларга оид айрим маълумотлар//Узбекистон тарихи. 1.2004 — 52–61 б.

китайского этноса и культуры еще в глубокой древности. В частности, известный ученый-синолог Л.С.Васильев пишет: «В настоящее время общепризнано, что древнекитайская культура в основе своей автохтонна. Однако этого еще весьма недостаточно для решения вопроса об этногенезе тех древнекитайских племен, которые со временем послужили основой для формирования китайской народности»¹⁰. В связи с этим Л.С.Васильев указывает, что согласно исследованиям немецкого синоведа В.Эберхарда¹¹, в III—II тысячелетиях до нашей эры в северо-западной части бассейна реки Хуанхэ преобладала прототюркская группа, которая наряду с прототунгусской и тибето-тангутской группами сыграла «важнейшую роль в формировании двух наиболее значительных неолитических культур» в древнем Китае¹².

В этом контексте примечательно мнение А.Ходжаева об ошибочности сложившегося в исторической науке представления, что тюрки как этнос образовались в VI веке нашей эры. Ученый утверждает, что в китайских источниках этноним «тюрк» (в современной китайской транскрипции «дили», «ди») впервые появился 4 тысячи лет тому назад. Следовательно, тюркские племена сформировались задолго до того, как этот этнос получил свое название в древнекитайских источниках¹³. Возможно, народы Центральной Азии имеют не менее глубокое историческое прошлое, чем другие древние цивилизации, которые известны нашим современникам.

Такие изыскания и гипотезы ученых дают основание полагать, что история народов Центральной Азии в более ранние века остается малоизученной в силу объективных причин. Однако очевидно, что культура Центральноазиатского региона — одного из древнейших очагов мировой цивилизации — не только является результатом внешнего воздействия культурных систем, но и сама оказывала существенное влияние на развитие других крупных цивилизаций. Возможно, наблюдаемый в настоящее время растущий интерес в научных кругах к истории и культуре региона приведет к новым разработкам и исследованиям.

В связи с этим кажется неслучайным, что после распада Советского Союза и обретения независимости странами Центральной Азии в начале 90-х годов XX столетия данный регион вновь стал открытым для ученых, проявляющих научно-исследовательский интерес к его истории и культуре. Это, в свою очередь, привело к постановке и изучению множества про-

¹⁰ Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в Древнем Китае. — М., 1961. — С. 52.

¹¹ См.: Eberhard W. Early Chinese Cultures and their Development. In: Annual Reports of the Smithsonian Institution. — 1937.

¹² Васильев Л.С. Указ. соч. — С.52.

¹³ См.: Ходжаев А. Кадимий хитой манбаларида туркий халкларга оид айрим этнонимлар. Китола: Узбекистон урта асрларда: тарих ва маданият. — Т., 2003. — 176—184 б.

блем, касающихся культурно-цивилизационного, общественно-государственного развития современных центральноазиатских государств.

На протяжении последних десяти лет в международных научных и аналитических кругах уделяется пристальное внимание геополитической, геостратегической и геоэкономической роли региона, его месту и значению в системе международной безопасности. Однако попытки анализа таких вопросов сопровождаются различными аргументами и определениями, характеризующими географические пределы Центральной Азии. Поэтому следует рассмотреть само понятие «Центральная Азия», которая на сегодняшний день включает в себя бывшие республики Советского Союза — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Топоним «Центральная Азия» в различные исторические периоды, как и по сей день, рассматривается по-разному, прежде всего, с географической, этнокультурной и политической точек зрения. В одних источниках утверждается, что Центральная Азия охватывала Туркестан (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), Синьцзян — Уйгурский автономный район Китая — СУАР (в западной научной литературе — Восточный Туркестан), Тибет и Монголию¹⁴.

Российские ученые Ю.Кулчик, А.Фадин и В.Сергеев утверждают: «Исторически эта обширная зона, которая распространяется от Урала до Памира, от берегов Каспийского моря до Алтайских гор, была единым целым, несмотря на существование различных наименований (Туран, Мавара-ан-нахр, Дашт-и-Кипчак, Туркестан). До XX столетия центральноазиатская культурная среда включала в себя не только вышеуказанную территорию, но и северный Иран, Афганистан и отдельные регионы Китая»¹⁵. При этом они полагают, что «Центральная Азия», включая территорию современного Казахстана, является единым регионом, исторически, этнически, экономически, социально и политически обладающим специфическими чертами»¹⁶.

В то же время французские ученые Мухаммад-Реза Джалили и Тьерри Кельнер считают, будто бы выражение «Центральная Азия/Asie Centrale» является «абстракцией, которая исходила из западного рационализма и пространственного разделения, свойственного географам XIX и начала XX веков»¹⁷. При этом в научной литературе отмечается, что на протяжении всей истории народов региона географическое пространство Централь-

¹⁴ См.: Узбекистон совет энциклопедияси. Т. 6. — Т., 1975. — 626 б.; Энциклопедический словарь. В 2-х томах. Т.2. — М., 1964. — С. 626.

¹⁵ Kulchik Y., Fadin A., Sergeev V. Central Asia after the Empire. — L., 1996. — P.1.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Djalili M., Kellner T. Moyen-Orient, Caucase et Asie Centrale: des concepts géopolitiques a construire et reconstruire?// Centrale Asian Survey. — 2000. — Vol.19, №1. — P.117—140.

ной Азии имело различные названия. Так, в античный период широко употреблялось греческое понятие «Трансоксиания», которая означала территорию «за рекой Оксус». Земли к северу от Амударьи, захваченные арабами и превращенные в мусульманские территории, назывались арабскими географами в VIII—IX веках «Мавара-ан-нахр» — «другая сторона от берега реки»¹⁸. В некоторых персоязычных источниках встречается выражение «Вароруд», которое в дословном переводе имеет такое же значение. Наряду с этим регион назывался «Туран» и «Туркестан». Наименование «Туран» впервые появилось в «Шахнаме» Фирдоуси¹⁹, согласно которой «шах Фаридун отдал своему среднему сыну Туру Туркестан — территорию на востоке от своего королевства, которая с тех пор стала называться Тураном»²⁰.

Во многих европейских источниках XVII—XVIII веков использовалось также название «Тартария». В частности, Ш. Монтескье в произведении «Дух законов» использует понятие «большая Тартария», которая находилась «на юге Сибири», включая в себя «Бушарию, Туркестан, Шарисм и Китайскую тартарию»²¹.

В энциклопедическом «Большом универсальном словаре XIX века» сказано, что территория «Туркестана», «Тартарии», «Центральной Азии» граничит на севере с Сибирью, на востоке — с Китаем, на юго-востоке — с королевством Кашгаров, на юге — с Индией, Афганистаном и Персией, на западе — с Каспийским морем, Россией и Европой²². В энциклопедии «The Encyclopedia Britanica», «Туркестаном» называется регион, находящийся между Сибирью и Тибетом, Индией и Афганистаном, Каспием, Монголией и степью Гоби²³.

Как отмечают М. Джалили и Т. Кельнер, в России в XIX веке термин «Туркестан» означал более ограниченное географическое пространство. Царская администрация «разделила на два отдельных региона завоеванное военным путем пространство в Азии»²⁴. На севере казахские степи стали называться «Степными краями», или «Киргизскими краями». На юге по указу царской власти от 11 июля 1867 года было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. С 1886 года эта территория именовалась «Туркестанский край».

Позднее советский режим ликвидировал объединяющее

Центральную Азию название «Туркестан» и вместе с этим географическое единство региона. На территории Туркестана в 1924 году были образованы Узбекистан и Туркменистан. В 1929 году из состава Узбекистана был выделен Таджикистан. В 1936 году Казахстан и Кыргызстан получили статус союзных республик. Таким образом, в конце 20-х годов на официальном языке название «Туркестан» было ликвидировано, вместо него стали использовать выражение «Казахстан и Средняя Азия». Подобное наименование, по всей вероятности, было не случайным и носило разъединительный характер. Такой подход имел крайне важное значение для большевиков, склонных рассматривать «казахские степи» в качестве геостратегической «буферной зоны», которая играла особую роль в их внешнеполитической стратегии на южном и восточном направлениях. При этом, по мнению ряда зарубежных ученых, в основе подобной политики лежали политические и стратегические мотивы Кремля, базирующиеся, в частности, на принципе «разделяй и властвуй»²⁵.

В западной научной литературе термин «Центральная Азия/Asie Centrale» начал использоваться с XIX века, и синонимами его в тот период являлись «Высокая Азия», «Высокая Тартария» и «Внутренняя Азия»²⁶. Впервые в 1843 году немецкий ученый Александр фон Гумбольдт описывает данный регион в качестве «отдельного географического ансамбля с научной точки зрения»²⁷.

Однако и сегодня под названием «Центральная Азия» воспринимаются различные варианты географического пространства в центре Евразийского континента. В частности, французский ученый Ж.-П. Ру отмечает, что под термином «Центральная Азия» он понимает географическое пространство, куда входят «Монголия, юг Сибири, основная часть территории, которую сегодня составляют Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан, север Афганистана и иранский Хорасан, связанный как с Гератом, так и с Мервом, Тибетом, Синьцзян, Ганьсу»²⁸. Практически схожее географическое определение дается в английских научных источниках региону, именуемому «Внутренняя Азия/Inner Asia»²⁹.

Предлагался и ряд других вариантов определения условных границ Центральной Азии. В частности, в 1978 году в Париже

¹⁸ Bartold W. Ma Wara al-Nahr. Encyclopedie de l'Islam. I Edition. — Paris, 1934. — P.477.

¹⁹ См.: Djali M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie Centrale ... — P.22.

²⁰ Ibid.

²¹ Montesquieu. De l'Esprit des Loix. Chapitre III. Livre XVIII. T. I. — Paris: Classiques Garnier, 1961. — P.287.

²² См.: Grand Dictionnaire Universel du XIXe siecle. — Paris: Administration du Grand Dictionnaire Universel, 1876. — P.595.

²³ См.: The Encyclopedia Britanica: A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. — Cambridge at the University Press, 1911. — Vol. XXVII. — P. 419—426.

²⁴ Djali M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie centrale ... — P.26.

²⁵ См.: Carrere d'Encausse H. Le grand défi: Bolchevics et Nations. 1917—1930. — Paris: Flammarion, 1987. — P.180—186; Smith J. The Bolshevics and the Nations Question. 1917—1923. — L.: MacMillan Press, 1999. — P.85; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey, C. Sultan Galiev. — Paris: Fayard, 1986. — P.305.

²⁶ См.: Djali M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie Centrale ... — P.26.

²⁷ Humboldt A., von. Asie Centrale. Recherches sur les chainnes de montagnes et la climatologie comparee. Vols. I—III. — Paris: Gide, 1843.

²⁸ Roux J.-P. l'Asie Centrale. Histoire et civilisations. — Paris: Fayard, 1997. — P.13—14.

²⁹ См.: The Cambridge History of Early Inner Asia. — Cambridge — N.-Y.: Cambridge University Press, 1990. — P. 518.

была создана группа специалистов ЮНЕСКО, которая, основываясь на историко-культурных критериях, должна была определить географическое пространство региона. В ее докладе отмечалось, что для того, чтобы составить документ по истории цивилизаций Центральной Азии, «следует изучить цивилизации Афганистана, северо-востока Ирана, Пакистана, севера Индии, запада Китая, Монголии и советской Центральной Азии»³⁰.

Как считает бывший директор Французского института исследований Центральной Азии (IFEAC) Винсент Фурнье, термин «Центральная Азия» указывает на «географический ансамбль, границы которого значительно меняются согласно применяемым при каждом конкретном подходе географическим, лингвистическим, культурным или политическим критериям»³¹.

В свою очередь, М.Джалили и Т.Кельнер отмечают, что в исследованиях региона существуют две концепции определения географических границ Центральной Азии — минималистская и максималистская. Так, согласно их минималистскому видению в данный регион входят пять появившихся после распада СССР стран Центральной Азии. По второму варианту границы региона можно будет провести от Средиземного моря до Китая³².

В последнее время наблюдается тенденция применять указанный минималистский подход в определении точных границ Центральной Азии. Как подчеркивают М.Джалили и Т.Кельнер, даже в таком минималистском восприятии ее географическое пространство поражает необъятностью региона, общая площадь которого (4 миллиона квадратных километров) в 8 раз больше территории Франции, и даже общую площадь Индии он превышает на 1 миллион квадратных километров. Ныне территория Центральной Азии больше общей площади Европейского Союза, в который входят 25 стран.

В 1993 году главы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана официально заявили, что под названием региона Центральной Азии подразумевают географическое пространство, объединяющее территории названных стран. В связи с этим Ислам Каримов на пресс-конференции 4 марта 1993 года, отвечая на вопрос одного из журналистов, сказал: «Что касается понятия «государства Центральной Азии», которое появилось в январе в Ташкенте, то это объективный, закономерный процесс. Народы, проживающие в этом регионе, объединены общностью истории, культуры, языка, религии. Исторические корни наших народов настолько сращены друг с другом и современные их реалии настолько схожи, что мы

только сообща, в тесном сотрудничестве будем искать пути выхода из нынешнего кризиса»³³.

Таким образом, даже краткий анализ названий Центральной Азии с античности до современности дает основание говорить об историко-культурной общности стран региона. Несмотря на различные версии ученых, пытающихся дать географическую характеристику Центральной Азии, этнокультурный фактор и по сей день продолжает играть ключевую роль в сохранении единства региона, состоящего из 5 суверенных государств.

При объективном подходе к проблеме углубления регионального сотрудничества в Центральной Азии становится очевидным, что именно этнокультурная доминанта служит базой, способной привести к активному, более доверительному диалогу между государствами региона в экономической, транспортно-коммуникационной, политической и других сферах. Однако в силу того, что эти вопросы становятся объектом исследования преимущественно политологов и экспертов в области международных отношений, безопасности и т.д., дискуссии по ним приобретают политический характер. При этом игнорируются те основы, которые в течение многих веков продолжают все-таки служить интегральной силой сохранения за Центральной Азией неразделимого историко-культурного ареала.

По мнению известного французского эксперта О.Руа, территории, границы, столицы и даже языки государств региона, по крайней мере, в их письменном виде являются изобретением или же фикцией советского режима 1920—30-х годов³⁴. Подобного рода оценки и рассуждения западных ученых невольно приводят к мысли, что научные изыскания в рассматриваемой области способствуют более глубокому осознанию важности историко-культурных предпосылок регионального сотрудничества в Центральной Азии. В условиях глобализации, когда неминуем процесс регионализации, объективным факторам, которые как никогда могут сыграть ключевую роль в отношениях между центральноазиатскими странами, следует придавать большее значение.

При этом позитивный подход к истории и культуре Центральной Азии требует акцентирования внимания на укреплении духа доверия между центральноазиатскими обществами в целях сохранения единой региональной целостности. Попытки некоторых экспертов по Центральной Азии придать «научный» характер своим изысканиям нередко являются ангажированными

³⁰ History of Civilizations of Central Asia. Vol. 1. The Dawn of Civilization: earliest Times to 700 B.C. Ed. A.H. — Paris: UNESCO Publishing, 1996. — P.535.

³¹ Fourniau V. Histoire de L'Asie Centrale. — Paris: Presses Universitaires de France, 1994. — P.3.

³² См.: Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie Centrale ... — P.30.

³³ Каримов Ислам. «Я убежден — у Узбекистана великое будущее». Пресс-конференция для журналистов, входящих в Международную ассоциацию иностранных корреспондентов, аккредитованных в СНГ. 4 марта 1993 года. В кн.: Ислам Каримов. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. — Т.: Узбекистон, 1996. — С. 140—141.

³⁴ См.: Roy O. La nouvelle Asie Centrale ou la fabrication des nations. — Paris: Editions du Seuil, 1997. — P.326.

ми в силу «запросов» современной политической конъюнктуры. Таким образом, становится очевидным, что они превращаются в серьезный инструмент информационно-идеологического воздействия на общественное сознание, как в самих странах Центральноазиатского региона, так и за рубежом.

В результате существует различное по характеру и содержанию историко-культурное восприятие Центральной Азии, оказывающее деструктивное влияние на процесс углубления регионального сотрудничества. Например, Ирина Звягельская пишет, что «с этнической точки зрения Центральная Азия не является единым целым»³⁵. Свое утверждение она аргументирует тем, что «несмотря на доминирование различных тюркских народов, регион включает персоязычных таджиков, а также существенное количество русского, украинского, корейского и немецкого населения»³⁶. Однако, на мой взгляд, подобное суждение свидетельствует не об отсутствии этнического единства, а, скорее, о многонациональности населения каждого из центральноазиатских государств.

К тому же при более глубоком анализе генезиса этнокультуры в общественно-государственном развитии стран Центральной Азии проявляется уникальная роль билингвизма или полилингвизма. Как известно, такой феномен обуславливался именно ее географическим расположением между мировыми цивилизациями. Так, в определенные исторические периоды арабский язык являлся преимущественно языком науки, тогда как персидский был языком литературы, а тюркский — языком социально-государственного управления.

Акцентирование внимания на разделении региона по лингвистическому принципу — «персоязычных таджиков» и «тюркоязычных остальных» — носит, скорее, политическую окраску. С этой точки зрения достаточно лишь проанализировать традиции, обряды, социально-экономический уклад узбекского и таджикского обществ. Более того, в местах совместного проживания узбеков и таджиков, как в Узбекистане, так и в Таджикистане, два народа говорят на узбекском и таджикском языках. Президент Ислам Каримов отмечал:

«Сам Всемогуший создал из одной глины таджиков и узбеков. Уже на протяжении тысячелетий наши народы дружат, роднятся, вместе преодолевают трудности, вместе строят свое будущее... Никто не может нас отличить ни по именам, ни по внешнему виду... Не будет ошибкой сказать, что узбеки и таджики — это единый народ, говорящий на двух языках»³⁷.

Об этом свидетельствуют также фундаментальные исследования авторитетного ученого-антрополога Л.В.Ошанина, который отмечал, что «вся история Узбекистана и Таджикистана с убедительностью показывает, что вопросы этногенеза узбеков теснейшим образом связаны с этногенезом таджиков»³⁸. Та же точка зрения красной нитью проходит в труде известного таджикского ученого, академика Б.Гафурова, посвященном истории таджикского народа.

В то же время наблюдаются попытки отдельных специалистов выстроить или, вернее, «состряпать наспех» целые «исторические археологии», которые, акцентируя внимание на «удобных» суждениях одних ученых, подвергают сомнению работы других, не согласующиеся с их так называемыми «эмпирическими исследованиями». Такие явления очевидны и вполне объяснимы, ибо подобные результаты достигаются за короткий отрезок времени путем фрагментарной селекции фактов, тем более не историками, что порой напоминает феномен «социального заказа», столь известный в советской науке.

Мало того, вызывает недоумение тот факт, что, например, этногенезу узбекской нации, который, по мнению социолога А.Ильхамова, берет начало с XV века, посвящено всего около 20 написанных им страниц предисловия к книге «Этнический атлас Узбекистана»³⁹. Вся «археология» А.Ильхамова практически основана на той логике, что корни любой нации или народа начинаются с появления их названия. Однако общеизвестно, что, например, этногенез французской нации формировался на протяжении многих веков, вобрав в себя различные этнические компоненты, главным образом, кельтов, римлян, бриттов, германцев. В то же время нынешняя итальянская нация сложилась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т.д. Практически то же самое можно сказать и об английской, немецкой и других нациях. Всякая примитивизация концепций этногенеза приводит только к серьезным ошибкам, отнюдь не внося лепту в развитие науки.

А.Ильхамову «удалось» изложить всю концепцию этногенеза узбеков ни много, ни мало в 15 строках, целью которой является «компенсация пробелов», допущенных поколениями ученых-историков XX—начала XXI века. Вряд ли можно не усомниться в компетентности любого ученого, использующего понятие «диаспора» в отношении узбеков в Афганистане. Как известно, оно произошло от греческого слова «*diaspora*», которое, означая «расселение», имеет следующую смысловую нагрузку: «диаспора — это пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения; диа-

³⁵ Zviagelskaia I. The Russian Policy Debate on Central Asia. — L.: The Royal Institute of International Affairs, 1995. — P. 2.

³⁶ Ibid.

³⁷ Каримов Ислам. Выступление на торжественной церемонии открытия Дней Республики Таджикистан в Узбекистане 30 июня 1998 года. В кн.: Ислам Каримов. Свое будущее мы строим своими руками. Т.7. — Т.: Узбекистон, 1999. — С.101.

³⁸ Ошанин Л.В., Зезенкова В.И. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. — Т., 1953. — С. 34.

³⁹ См.: Этнический атлас Узбекистана. Предисловие А.Ильхамова. — Стамбул, 2002.

споры образовались в результате насильственного выселения, угрозы геноцида, действия определенных социально-исторических факторов»⁴⁰. Конечно, в современной истории Афганистана были периоды, когда наблюдался исход узбеков в эту страну, особенно в начале XX века. Однако вряд ли кто-либо из ученых может отрицать тот факт, что очень много этнических узбеков проживало на афганской территории задолго до указанных периодов. Напомним, что в прошлом значительная часть территории нынешнего Афганистана на протяжении ряда веков входила в состав Бухарского ханства, а расположенный там город Балх был местом пребывания наследника бухарского хана (хан-туры).

Очевидно, что подобные устремления по выстраиванию своих «археологических», лишенных всякого научного подхода конструкций названного автора — далеко идущие, если принять во внимание его слова о необходимости «подвергнуть фундаментальной ревизии этногенез всех остальных наций и народностей, поскольку канонизированная история каждого народа в регионе несет на себе отпечаток мифологизации»⁴¹.

В связи с этим следует отметить, что дальнейшие исследования А.Ильхамова могли бы приобрести «глобальный» характер, если бы он знал о том, что мифологизации были подвергнуты истории многих народов мира. В частности, известный американский ученый Дэниел Бурстин в одной из частей своей трилогии об истории американской нации посвятил этому явлению целую главу⁴².

Не вдаваясь в более подробный анализ «археологии» А.Ильхамова, достаточно упомянуть ту аксиоматическую закономерность, что все нации и народности имеют свой этногенез, уходящий в глубокую древность, а чтобы проследить и дать объективную картину многовековой истории народа, требуется много лет кропотливых исследований. Что касается этногенеза узбекской нации, то уместно привести слова Л.В.Ошанина о том, что «согдийско-бактрийский пласт населения Центральной Азии позднее вошел в состав как таджиков, так и узбеков»⁴³.

Возвращаясь в более близкие нам эпохи, следует подчеркнуть религиозный фактор в историко-культурном развитии Центральной Азии. В частности, ислам как социальная и культурная доминанта сыграл важную роль в формировании единого регионального пространства. Религиозная общность в условиях полиэтничности являлась основой самоидентификации

для местных обществ, в которых люди разделялись на «своих» (мусульмане) и «чужих» (в основном европейцы, русские)⁴⁴.

Именно этнокультурная доминанта, характеризующаяся особой, в отличие от других обществ, толерантностью, скорее всего, и сыграла свою роль в сохранении мира и стабильности в Центральной Азии, которую должна была якобы ждать, по мнению иностранных политологов и экспертов, участь балканских государств. Российские ученые отмечали, что «никаких территориальных претензий не было предъявлено со стороны стран региона, даже несмотря на то, что формальные границы республик не совпадали с межэтническими границами»⁴⁵.

В связи с этим следует сказать, что сама специфика Центральной Азии, как, впрочем, и любого региона, предполагает знание многих аспектов социально-культурной жизни ее народов, их менталитета, психологии и т.д. Однако, читая исследования тех или иных ученых и экспертов, можно встретить такие, мягко говоря, неточности, что махалля — это крестьянская община⁴⁶, что «согласно переписи 1979 года в Туркменистане насчитывалось 9,5 млн русских»⁴⁷, хотя население этой центральноазиатской страны составляло тогда менее 3 миллионов человек (из них почти 1,5 миллиона — туркмены)⁴⁸ и даже сегодня там проживает около 6 миллионов человек.

В пользу этнокультурной целостности Центральной Азии говорит и тот факт, что в XVIII—XIX веках ее политическая карта была представлена тремя государствами — Бухарским, Хивинским и Кокандским ханствами, просуществовавшими в качестве независимых до завоевания региона царской Россией. «Ослабление и разделение Центральной Азии ускорились с развитием политического соперничества между узбекскими кланами»⁴⁹. До колониального периода Россия и узбекские ханства имели межгосударственные отношения⁵⁰.

Вместе с тем, по мнению английского историка Дж. Флетчера, накануне завоевания Центральной Азии Россией Кокандское ханство было одной из держав, с которой следовало считаться. Так, в 1835 году оно заставило Пекин заключить с ним первое в своей истории «неравное соглашение», которое «вдох-

⁴⁴ См.: Kulchik Y., Fadin A., Sergeev V. Op.cit. — P.4

⁴⁵ Ibid. — P.3.

⁴⁶ Ibid. — P.8.

⁴⁷ Ibid. — P.4.

⁴⁸ См.: Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — С.1376.

⁴⁹ Allworth E. The Modern Uzbek from the Fourteenth Century to the Present: Cultural History. — Stanford: Hoover Institution Press, XIV, 1990. — P.410.

⁵⁰ См.: Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. В кн.: Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч.1. 1715—1856. — Т., 1955. — С.5—12; см. также: Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. — Т., 1964.

⁴⁰ Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1990. — С. 165.

⁴¹ Этнический атлас Узбекистана. — С. 9.

⁴² Подробнее см.: Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1993. — С. 351—392.

⁴³ Ошанин Л.В., Зезенкова В.И. Указ. соч. — С.35.

новило Цинскую империю подписать такие же договора с западными державами после Опиумных войн»⁵¹.

Более того, процесс национально-территориального размежевания Центральной Азии в 20—30-е годы XX века был сопряжен с серьезными сложностями по «приданию» национальной принадлежности туркестанцам. Здесь уместно напомнить, что до начала века Центральноазиатский регион именовали Туркестаном.

На этой же основе и были созданы Туркестанское генерал-губернаторство, а позднее и Туркестанская АССР. При обсуждении вопроса о наименовании региона предлагались такие названия, как «Туркестан», «Хорезм», «Центральноазиатская федерация», «Узбекистан» и т.д.⁵² А в 1920 году Т. Рыскулов (один из руководителей Туркестана того периода. — Р.А.) предложил создать Тюркскую республику вместо Туркестанской АССР⁵³.

Однако очевидно, что образование единой республики на территории нынешней Центральной Азии не отвечало интересам большевиков. «Идея центральноазиатского союза вызывала в России опасение, что взаимодействие в какой-либо сфере безопасности, как самой чувствительной для России, между центральноазиатскими республиками может привести к их сотрудничеству с зарубежными странами»⁵⁴. Это опасение обуславливалось тем, что с XIX века царская Россия боролась с распространением идей пантюркизма и панисламизма, которые рассматривались как потенциальная угроза территориальной целостности империи и российскому доминированию в регионе⁵⁵.

После распада Советского Союза страны Центральной Азии, став суверенными субъектами системы международных отношений, приложили усилия к укреплению независимости в политической, экономической и военной сферах. Исходя из объективных исторических реалий, а также своего политического и социально-экономического потенциала, государства региона выстраивали собственную стратегию внешней и внутренней политики.

Вместе с тем современная действительность диктует необходимость переосмысления значимости углубления регионального сотрудничества как одной из самых актуальных проблем развития стран Центральной Азии.

⁵¹ Fletcher J.F. The Heyday of the Ch'ing Order in Mongolia, Sinkiang and Tibet. Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800—1911. Part I. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — P. 375—385.

⁵² См.: Obiya Chika. When Faizulla Khojaev decided to be an Uzbek. In: Islam and Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteen to late Twentieth centuries). — L.: Kegan Paul International, 2001. — P. 103.

⁵³ Ibid. — P. 105.

⁵⁴ Zviagelskaia I. Op.cit. — P. 1—2.

⁵⁵ См.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. — Лондон, 1990.

В данном параграфе была предпринята лишь попытка анализа историко-культурной общности государств региона. Естественно, проблема требует гораздо более емких и фундаментальных исследований в том смысле, что история и культура Центральной Азии, как уже сказано ранее, насчитывают не одно тысячелетие.

Центральноазиатский регион, который несколько веков назад имел более широкие географические границы, и по сей день остается неделимым пространством. Ему по-прежнему присущи такие специфические черты, как межконфессиональная терпимость, межнациональное согласие, полилингвизм.

Вряд ли можно отрицать уникальность современной Центральной Азии, историко-культурную общность народов региона, которая и по сей день наряду с их непосредственной географической близостью остается одной из фундаментальных основ углубления регионального сотрудничества. Думается, общества центральноазиатских государств сегодня, как никогда раньше, все более осознают значение этого процесса для их будущего и будущего региона в целом.

1.2. Политические и социально-экономические предпосылки регионального сотрудничества

Как уже отмечалось, проблема регионального сотрудничества в Центральной Азии на сегодняшний день остается одной из самых актуальных для входящих в нее стран. Интенсификация взаимодействия между ними способствовала бы повышению эффективности национальных экономик, создавая более благоприятные условия для политического диалога. В связи с этим особую значимость приобретает углубление межгосударственных отношений в культурно-гуманитарной, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной, водной и энергетической сферах, что привело бы к укреплению целостности Центральноазиатского региона. Сейчас вряд ли кто-либо может оспаривать тот факт, что развитие ситуации по такому сценарию отвечало бы интересам каждого расположенного здесь государства.

В последнее время проблема дальнейшего развития регионального сотрудничества широко обсуждается в научно-аналитических кругах, как в Центральной Азии, так и за рубежом. При этом «углубленная занятость» центральноазиатских ученых и экспертов поисками своей национально-политической идентичности привела к снижению их внимания к исследованиям, в которых присутствовал бы особый акцент на общих историко-культурных, политико-экономических аспектах развития стран региона. Между тем эта парадигма стала восприниматься как некий новый плод долгих размышлений зарубежных аналитиков об исторических судьбах центральноазиатских государств.

Как показывают события в Центральной Азии в начале 90-х годов, такого рода вопросы в странах региона рассматривались не только теоретически; предпринимались и серьезные попытки углубления межгосударственного взаимодействия.

Стремление восстановить кооперационные хозяйственные связи между центральноазиатскими странами имело место задолго до образования СНГ. В июне 1990 года по инициативе казахской стороны в Алма-Ате впервые встретились руководители тогда еще союзных республик — Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, — которые подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. В январе 1991 года в Ташкенте на встрече глав этих республик был принят ряд решений по совместной структурной перестройке экономики с учетом имеющихся производственных мощностей для удовлетворения потребностей регионального рынка в товарах.

Обретение центральноазиатскими республиками независимости вызвало необходимость определения новых стратегических подходов уже в межгосударственном сотрудничестве и региональной интеграции при построении рыночной экономики. Общая устремленность стран региона, за исключением Туркменистана, привела к тому, что в 90-е годы довольно динамично в сравнении с международным опытом были созданы правовые и институциональные механизмы региональной интеграции в Центральной Азии. Вот примеры.

30 апреля 1994 года Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан заключили Договор о создании Единого экономического пространства (ДЕЭП), который предусматривал свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и согласованную расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику.

5 апреля 1996 года вышеуказанными государствами было подписано Соглашение об использовании топливно-энергетических и водных ресурсов, строительстве и эксплуатации газопроводов в Центральноазиатском регионе.

17 марта 1998 года Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан заключили долгосрочное Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, к которому через год присоединился Таджикистан, ставший 26 марта 1998 года полноправным участником ДЕЭП.

В том же году, 17 июля, эта «четверка» государств решила образовать Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). В дальнейшем для реализации его задач были сформированы такие институциональные структуры сообщества, как Межгосударственный совет, Советы премьер-министров, министров иностранных дел, обороны, а также их рабочий орган — Исполнительный комитет. Наряду с этим был создан Центразбанк за счет капитала, образованного путем долевых взносов государств, входящих в сообщество.

В июне 1999 года на встрече в Бишкеке лидеры стран—участниц ЦАЭС объявили о своем стремлении к достижению регионального таможенного союза. Год спустя на заседании Межгосударственного совета в Душанбе главы четырех государств утвердили «Стратегию интеграционного развития Центральноазиатского экономического сообщества на период до 2005 года». В этом документе отмечалось, что годы, прошедшие после подписания ДЕЭП, свидетельствуют, что интеграция экономик государств, входящих в сообщество, — объективный процесс, обусловленный жизненно важными интересами и потребностями безопасности каждой страны.

С 2000 года в Центральной Азии, как и во многих других регионах мира, актуальной темой многосторонних отношений государств стали проблемы борьбы с новыми угрозами и вызовами региональной безопасности. Поэтому в апреле того же года в Ташкенте главами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана был подписан Договор о совместных действиях в борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон. На встрече глав государств—участников ЦАЭС, которая состоялась 20 августа 2000 года в Бишкеке, предметом обстоятельного разговора стала складывавшаяся ситуация в регионе после прорыва бандформирований на территории Узбекистана и Кыргызстана.

Поэтому появилась объективная необходимость расширения и диверсификации политического диалога в рамках ЦАЭС. Более того, в этой организации, как и в СНГ в целом, наблюдались по многим вопросам расхождение позиций государств—участников и низкий уровень выполнения принятых решений.

В связи с этим в целях совершенствования форм и механизмов региональной экономической интеграции, углубления взаимопонимания по вопросам формирования единого пространства безопасности, выработки совместных действий по поддержанию мира и стабильности в регионе главы государств—участников ЦАЭС во время встречи в Ташкенте 28 декабря 2001 года высказались за активизацию многопланового сотрудничества, приняли решение преобразовать сообщество в организацию «Центральноазиатское сотрудничество» (ОЦАС).

28 февраля 2002 года в Алматы президенты Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана подписали Договор об учреждении организации «Центральноазиатское сотрудничество». Для повышения эффективности ОЦАС Президент Ислам Каримов выдвинул предложение пересмотреть документы, принятые в рамках Центральноазиатского экономического сообщества, и аннулировать недействующие. К тому времени было подписано 243 документа.

Таким образом, ОЦАС стала региональным форумом с более расширенным кругом рассматриваемых вопросов. Так, 5—6 октября 2002 года в Душанбе состоялась встреча руководителей

стран—участниц ОЦАС. В ходе нее, кроме проблем региональной экономики, был обсужден ряд вопросов по Афганистану, требующих скорейшего решения. Лидеры центральноазиатских государств отметили, что каждое из них, помогая этой стране, действует отдельно и несогласованно, в связи с чем было выдвинуто предложение о координации усилий по оказанию помощи Афганистану. Президенты обсудили также вопросы ликвидации последствий экологического и социально-экономического кризиса в Приаралье и проанализировали деятельность Международного фонда по спасению Арала, участниками которого являются государства—члены ОЦАС. Правительствам было поручено разработать программу действий на 2003—2010 годы.

Ныне очевидно, что общность политических и социально-экономических проблем, практическое сходство взглядов на дальнейшее государственное и общественное развитие, а также на вопросы обеспечения безопасности служили ключевой мотивацией попыток углубления регионального сотрудничества. В связи с этим важным представляется анализ именно тех аспектов взаимоотношений стран Центральной Азии, которые осознанно или по неведению не особо затрагиваются в работах западных ученых и экспертов. Думается, сегодня становится весьма актуальным рационально и прагматично переосмыслить те политические и социально-экономические факторы, которые обуславливают необходимость более тесного взаимодействия. В частности, существует ряд общих для всех государств Центральной Азии факторов, являющихся объективными предпосылками регионального сотрудничества.

Во-первых, политическая ориентация центральноазиатских стран на укрепление светских систем государственного правления. Это свидетельствует о том, что общества государств региона, поддерживая свои правительства в сохранении светского характера государственной власти, все более осознают необходимость углубления демократических преобразований.

Весьма наглядную картину в этом отношении дают эмпирические исследования экспертов Таджикистана об уровне доверия таджикского общества к исламским лидерам. В частности, анкетирование показало, что «большая группа опрошенных (33,4%) вообще не доверяет никаким исламским лидерам, 4,2% доверяют только Богу, т.е. это верующие, которые испытывают разочарование в духовных наставниках»⁵⁶.

Примечательно, что сейчас ситуация в Таджикистане, мучительно преодолевшем гражданскую войну, возвращается «на круги своя». Таджикский аналитик С.Олимова отмечает: «За последние годы заметно упало доверие к духовным лидерам общенационального масштаба. По-видимому, это вызвано изме-

нившейся социальной ситуацией. В постконфликтный период, в течение мирного процесса в ходе ликвидации последствий конфликта, на первый план в жизни общества вышла повседневность. Основным социальным институтом, обеспечивающим выживание таджикского общества, стала семья и большая семейно-родственная группа. Управление и контроль сосредоточились в рамках отдельного кишлака, махалли, авлода. Это повысило роль местных мулл и одновременно снизило влияние национальных духовных лидеров. Ушло в тень политическое религиозное лидерство, так как Эмомали Рахмонов стал общенациональным лидером, удовлетворяющим потребности общества в консолидации и политическом руководстве»⁵⁷.

Горький опыт Таджикистана, в котором преобладающую часть населения, как и в Узбекистане, составляют граждане, исповедующие исламскую религию, показывает тщетность усилий отдельных зарубежных экспертов доказать необходимость «диалога» с религиозными радикальными партиями. Согласно данным таджикских экспертов (см. таблицу 1), полученным по результатам опроса, сегодня общество практически не испытывает «нужды» в существовании религиозных политических партий, осознавая преимущества светской формы правления.

Таблица 1

Считаете ли Вы возможным и необходимым участие религиозных деятелей и членов религиозных партий в управлении государством?	Место опроса			
	Душанбе	Горно-Бадахшанская автономная область	Согдийская область	Хатлонская область
Считаю, что это возможно	30%	11,4%	19,2%	8,8%
Считаю, что это необходимо	18,5%	4,3%	4,9%	5,9%
Считаю, что это невозможно и нет необходимости	42,5%	55,7%	54,7%	60,6%
Не знаю/ нет ответа	9%	28,6%	21,2%	24,7%
Всего	100%	100%	100%	100%

Если принять во внимание специфику национальных культур Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана, где влияние политического ислама незначительно, за исключением отдельных районов, то уровень поддержки политических религиозных партий в обществах этих государств будет существенно ниже.

⁵⁶Олимова С. Духовные лидеры в современном мусульманском обществе Центральной Азии. Опыт Таджикистана. — Душанбе, 2003. — С. 19—20.

⁵⁷Олимова С. Указ.соч. — С. 20.

В течение последних лет во всех странах Центральной Азии, кроме Туркменистана, были созданы многопартийные системы, которые должны еще пройти путь совершенствования. Это является весьма важным политическим достижением, если учитывать недавнее тоталитарное прошлое центральноазиатских стран. Очевидно, что общества и государства в регионе сталкиваются с серьезными препятствиями, обусловленными отсутствием опыта и профессионализма в повышении эффективности и придании конструктивности работе политических партий. При этом наблюдается историческая закономерность: сформировавшиеся на протяжении многих веков политические традиции не могут быть изжиты за несколько лет.

Между тем закономерным представляется процесс внутренней консолидации и укрепления институтов государственной власти в странах Центральной Азии. В этом плане, как пишет директор Школы высших международных исследований Патрик Домбровский, «2003 год, богатый существенными фактами и событиями, явился знаковым для всех пяти государств»⁵⁸ региона. В частности, П. Домбровский рассказывает о референдуме, проведенном в Таджикистане по вопросу о внесении изменений в Конституцию страны. В качестве одного из важных результатов данного события французский эксперт выделяет то, что оно «позволяет, несмотря на принципиальное, но умеренное возражение исламистских партий, упрочить опыт сосуществования в правительстве, руководящего страной с 1997 года после завершения гражданской войны, бывших коммунистов и фундаменталистов»⁵⁹.

Касаясь политических преобразований в Узбекистане, он отмечает, что здесь предпринят ряд мер, которые уже в краткосрочной перспективе могут дать ощутимые результаты в социально-политической жизни общества. В частности, как полагает П. Домбровский, объявленная весной 2003 года конституционная реформа предусматривает значительные изменения, которые являются таковыми в силу их предсказуемых последствий. Согласно его оценке, создание второй палаты парламента, которой предоставляется большая власть, уравнивает его функционирование. При этом «новому парламенту будут предоставлены полномочия назначения отдельных высших государственных функционеров и контроля их деятельности». Как пишет П. Домбровский, эти изменения свидетельствуют о «реальной заботе власти войти в фазу институционального смягчения, подходящего статусу респектабельности на международной сцене, к которому стремится руководство Узбекистана»⁶⁰.

⁵⁸ Dombrowsky P. La reconfiguration de l'Asie Mediane: Expectativ ou Consolidation? In Enjeux diplomatiques et strategiques 2004. — Annuaire du Centre d'Etudes Diplomatiques et Strategiques. — Paris, 2004. — P. 161.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. Op.cit. — P. 162—163.

Естественно, сегодня существуют различные оценки преобразований в политической сфере стран Центральной Азии, преобладающая часть которых (оценок) является отрицательной. Однако следует учитывать сохраняющееся влияние сформированной в советские годы политической культуры центральноазиатских обществ, их психологии, менталитета, которые в целом по своему содержанию по-прежнему остаются авторитарными. По мнению казахстанского эксперта И.Тукумова, государства региона «находятся не просто на стадии модернизации, но и в процессе продолжающегося радикального слома существующих политических и экономических основ»⁶¹.

В течение десятилетий осуществлялся контроль коммунистического режима над общественным сознанием, для чего были созданы целые идеологические и насильственные институты подавления свободного самовыражения и самореализации личности. В результате в странах Центральной Азии отсутствовало само восприятие демократии, осознание его сути и содержания, а также того, что может дать демократическая система государству и обществу.

В связи с этим примечательным является мнение Р.Абазова: «Они (центральноазиатские страны. — Р.А.) пытались модернизировать свои общества и создать стабильную среду для дальнейших экономических и политических реформ. Несмотря на недостатки, представляется, что рассуждения об их «модели развития» осуществляют решающую задачу по сохранению стабильности...»⁶². Как утверждает заместитель директора Института Центральной Азии Университета имени Дж.Хопкинса Роджер Кангас, «легко критиковать режимы в регионе за их менее демократическую практику, особенно с точки зрения утвержденной демократии». И далее он пишет: «Несмотря на то, что государства Центральной Азии обладают древним и славным прошлым, в реальности в современную эпоху им не более семи лет. Советское наследие представлено широко, и необходимость создания порядка до того, как будет осуществлено дальнейшее политическое развитие, является не только приемлемым, но и существенным»⁶³.

Вполне очевидно, что достижения независимых стран Центральной Азии, являющихся частью исламского мира, создают

⁶¹ Tukumov Ye. Evaluation of threat of Religious Political Extremism Development in the Central Asian Region// Central Asia's Affairs. — 2004. — № 1 — P. 4.

⁶² Abazov R. Central Asian Republics' Search for a «Model of Development». Central Asian in Transition. Papers presented at the Pre-Symposium to the 1998 Slavic Research Center Summer Symposium (July 22, 1998).—Hokkaido University, 1998. — P. 56.

⁶³ Kangas R. The Importance of Political and Social Stability for Economic Revival. Central Asia 2010. Prospects for Human Development. UNDP. The Regional Bureau for Europe and the CIS. — 1999. — P. 37.

потенциальные возможности для углубления процесса демократизации. В их числе, в первую очередь, следует подчеркнуть то, что удалось предотвратить превращение межтаджикского и межафганского противостояний в региональный конфликт. С этой точки зрения можно утверждать, что сохранение мира и стабильности, построение гражданского общества служат фундаментальным условием для общественного и государственного развития центральноазиатских стран.

Подобное утверждение может казаться лишь риторикой, особенно для зарубежных экспертов, формулирующих свои теоретические концепции в «лабораторных условиях» и разрабатывающих всевозможные сценарии развития ситуации в Центральной Азии. Достаточно упомянуть события 11 сентября 2001 года, заставившие мировое сообщество по-новому взглянуть на афганскую проблему, которая на протяжении многих лет представляла прямую угрозу безопасности стран региона. По всей вероятности, отсутствие в независимых аналитических кругах каких-либо серьезных опасений по поводу угроз и вызовов из Афганистана до трагических событий в США свидетельствует либо о нежелании этих аналитиков рассматривать «потусторонние проблемы», либо о фиаско их теоретических алгоритмов прогнозирования развития ситуаций в «горячих уголках» мира.

Во-вторых, наряду с внутренними политическими проблемами государства Центральной Азии объединяет общность их видения угроз международного терроризма, религиозного экстремизма и наркотрафика. В связи с этим следует отметить, что стремление стран региона сохранить светскую форму государственного правления объективно обуславливает их общую обеспокоенность проблемами названных угроз.

В-третьих, государства Центральной Азии отличает высокий уровень грамотности преобладающей части населения. Этот фактор создает объективную почву для развития в них научно-интеллектуального потенциала, являющегося не только ключевым ресурсом сохранения национального генофонда, но и одним из важнейших условий предотвращения распространения религиозного экстремизма в регионе. При этом практически игнорируется тот факт, что именно уровень образованности центральноазиатских обществ существенно отличает их от многих развивающихся стран.

В-четвертых, по-прежнему сохраняется сырьевая направленность национальных экономик государств региона, что объясняет их стремление обеспечить условия для диверсификации производства.

В-пятых, несмотря на это, Центральная Азия является практически самодостаточным регионом: каждая страна имеет важные природные ресурсы, относительно развитое сельское хозяйство и промышленность. Более того, транспортно-коммуникационная и энерготранспортная инфраструктура Централь-

ной Азии представляет собой единую систему⁶⁴, жизненную важность которой не может игнорировать ни одно государство региона, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

В целом указанные общественно-политические предпосылки обуславливают взаимозависимость стран Центральной Азии, что является объективной основой их социально-экономического развития. В такой ситуации особую актуальность имеет разрешение проблем экологии, использования водных и энергетических ресурсов, транспортно-коммуникационных маршрутов.

В настоящее время социально-экономическая обстановка в государствах региона становится одним из ключевых условий региональной безопасности и стабильности. В связи с этим следует указать на их географическую удаленность от крупных мировых рынков. Думается, однако, что данный фактор, определяемый многими экспертами как весьма негативный для экономического роста центральноазиатских стран, явно преувеличен.

Если, например, представить, что государства региона обладают всеми удобными маршрутами, обеспечивающими им прямой выход на крупные мировые рынки и к морским портам, то возникает вопрос: что они будут экспортировать по этим магистралям, конечно, за исключением сырья? По всей вероятности, реализацию различных проектов строительства альтернативных транспортно-коммуникационных маршрутов следует рассматривать с точки зрения средне- или даже долгосрочных перспектив, в то время как в ближайшие годы страны Центральной Азии не смогут поставлять на внешние рынки готовую продукцию.

Известно, что советское наследие, обусловившее формирование экономик центральноазиатских государств как придаточных огромной экономической системы СССР, по-прежнему играет негативную роль в развитии имеющегося у них промышленного комплекса. Этот фактор, естественно, препятствует привлечению в достаточных объемах иностранных инвестиций для ускорения экономического роста стран региона, а также повышения их экспортного потенциала.

В условиях глобализации, когда на мировом рынке ужесточается конкуренция, отдельно взятые национальные рынки государств Центральной Азии не могут вызывать какого-либо серьезного интереса зарубежных инвесторов, которые могли бы сделать существенные капиталовложения в их экономику. Поэтому все более реальной становится тенденция закрепления за регионом роли крупного поставщика сырьевых ресурсов, обус-

⁶⁴ См.: Rumer B. Disintegration and Reintegration in Central Asia: Dynamics and Perspectives. In: Central Asia in Transition. Dilemmas of Political and Economic Development. — N-Y., 1996. — P.42.

ловливая его растущую зависимость от «внешних партнеров». При этом симптоматичным становится факт углубления уязвимости экономик центральноазиатских стран от складывающейся политической конъюнктуры на международной арене.

Отсюда вполне резонным становится постановка «большого вопроса» для всех государств Центральной Азии, и так называемых «крупных», и «малых»⁶⁵: можем ли мы рассчитывать на обособленное экономическое развитие? Имеем ли мы право игнорировать те объективные жесткие «правила глобализации», которые диктуют интенсификацию регионального сотрудничества?

В связи с этим следует отдавать себе отчет, что Центральная Азия как сырьевой придаток глобальной экономики вряд ли станет более стабильным и безопасным, если не принять конкретных мер по диверсификации экономик стран региона. Об этом свидетельствуют последние события в Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, где отдельные государства, экономика которых имеет больше сырьевую направленность, превратились в потенциальные источники угроз международной безопасности.

Диалектика развития ситуации в Центральной Азии и вокруг нее в течение последних десяти лет свидетельствует о том, что «игра в одиночку» для стран региона — отнюдь не проявление их независимой внешней политики, а, скорее, объективный аффект «внешнего влияния». Для будущего центральноазиатских государств, перспектив их социально-экономического роста важно осознать квинтэссенцию геополитических реалий в регионе и вокруг него. И независимо от того, проявляется в Центральной Азии «большая» или «малая» игра, жизненно необходимо сохранить целостность региона через развитие регионального сотрудничества.

Однако сегодня, в эпоху глобализации, внешняя политика стран Центральной Азии, как никогда ранее, подвержена возрастающему влиянию тенденций на международной арене.

Так, внешнеполитическая стратегия **Казахстана**, как было официально заявлено, является «многовекторной». По всей вероятности, это обусловлено отсутствием выраженной моноэтничности страны, наличием протяженных границ с Россией и Китаем, а также жесткой экономической и транспортно-коммуникационной привязкой Казахстана к ним. Он, скорее все-

⁶⁵ В настоящее время среди аналитиков доминирует «общепризнанное» мнение с особым акцентом на различия стран Центральной Азии с точки зрения их экономического потенциала. В частности, Б.Румер утверждает, что эти различия значительны. «Обладая собственными минеральными ресурсами, — пишет он, — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в принципе способны самостоятельно существовать. Таджикистан и Кыргызстан, напротив, значительно беднее и имеют меньший потенциал; они не обладают достаточными природными ресурсами, чтобы обеспечить себе независимое экономическое развитие» (Op.cit. — Р. 45.).

го, осознает свою военно-политическую уязвимость, которая препятствует проведению самостоятельной политики на региональном и международном уровнях.

В связи с этим руководство Казахстана делает ставку на такие многосторонние институциональные механизмы, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евроазиатское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ЕЭП, ШОС, ОЦАС. В этом контексте и следует рассматривать инициативу казахстанской дипломатии об учреждении Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в котором участвуют многие страны с различными интересами. Складывается впечатление, что Казахстан, опираясь на разные межгосударственные структуры, стремится компенсировать политические и экономические издержки от соперничества России и Китая в Центральной Азии, а также обеспечить сбалансированность их подходов в отношении него.

Однако в Астане не могут не принимать во внимание новые геополитические реалии в регионе, вызванные активизацией в нем политики США. Поэтому Казахстан пытается максимально использовать свой энергетический и транспортно-коммуникационный потенциал в целях «сбалансирования и завязывания» на себе интересов России, Китая и США.

В то же время ограниченность геополитического, военного и экономического потенциала обуславливает то, что во внешней политике **Кыргызстана** ставка делается на лавирование между интересами США, России и Китая. В связи с этим, как представляется, национальным интересам Кыргызстана отвечает развитие многостороннего сотрудничества с крупными вне-региональными державами и региональными государствами в рамках таких организаций, как ОЦАС, ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ. По всей вероятности, его внешнеполитическая стратегия нацелена на создание вокруг себя некой системы «сдержек и противовесов», когда давление одной из сторон будет нивелироваться противодействием другой.

Кыргызстан, обладая крупнейшими в Центральной Азии гидроэнергетическими ресурсами, пытается обеспечить благоприятные условия для создания эффективной инфраструктуры, которая позволяла бы ему существенно увеличить объем экспорта электроэнергии на внешние рынки. В связи с этим вполне объяснимыми являются политико-дипломатические усилия руководства Кыргызстана, направленные на такое развитие двустороннего сотрудничества со странами Центральной Азии, которое давало бы ему возможность извлекать большую пользу от экспорта своей электроэнергии.

В последнее время внешняя политика **Таджикистана** претерпела ряд изменений. Новые геополитические условия в Центральной Азии позволили несколько диверсифицировать ее, ослабить влияние российского фактора и наладить определенные

контакты с Западом. Геополитическая ситуация, сложившаяся после начала антитеррористической операции в Афганистане, способствует повышению маневренности внешнеполитической деятельности таджикского руководства, стремящегося остановить социально-экономический кризис в стране.

В настоящее время Таджикистан, будучи крайне зависимым от России, пытается ограничить российское влияние в военно-политической и экономической сферах. Видя, что участие в большинстве интеграционных структур СНГ не принесло существенных политических или экономических дивидендов, Душанбе стремится максимально привлечь внимание государств Запада, прежде всего США, финансово-технические ресурсы которых несопоставимы с потенциалом России.

В целях преодоления социально-экономического кризиса Таджикистан также пытается придать более интенсивный характер взаимодействию со странами Центральной Азии, как на двусторонней основе, так и в рамках ОЦАС. Наряду с этим его объективная привязка к транспортно-коммуникационной системе региона, а также наличие значительных водно-энергетических ресурсов представляют серьезные мотивы для налаживания более конструктивных отношений с центральноазиатскими государствами.

На внешнюю политику **Туркменистана**, несмотря на его «позитивный нейтралитет», решающее влияние оказывает стремление обеспечить более благоприятные условия для увеличения объемов добычи и экспорта углеводородов. В связи с этим зависимость от энерготранспортной системы России, являющейся крупным импортером туркменского газа и обеспечивающей его стабильный транзит на европейские рынки, в Ашгабате рассматривается как одна из наиболее серьезных угроз национальным интересам.

Ныне Туркменистан имеет в потенциальном активе только два действующих экспортных маршрута: «северный» — в Россию и Украину (магистральный трубопровод Средняя Азия—Центр) и «южный» — в Иран (трубопровод Корпедже—Курт-Куй). Однако, по оценкам международных экспертов, возможности экспорта туркменского газа по «южному» трубопроводу крайне ограничены. Даже после увеличения его пропускной способности он не сможет конкурировать с северным маршрутом.

Таков краткий анализ основных, на мой взгляд, факторов, оказывающих прямое влияние на характер и направленность внешней политики стран Центральной Азии. Однако он свидетельствует об общности устремлений государств региона. В целом их внешнеполитические усилия нацелены на реализацию собственного экономического потенциала как ключевого условия обеспечения их социально-экономического роста.

Новейшая история центральноазиатских стран говорит о

том, что одним из жизненно важных приоритетов их внешнеполитической стратегии становится углубление регионального сотрудничества. Очевидно, что оно может быть обеспечено при существенном оживлении торгово-экономических отношений между государствами региона, чему будет способствовать взаимодополняемость национальных экономик. Она характеризуется отраслевой специализацией и межхозяйственной кооперацией, а также наличием емкого внутреннего рынка друг для друга.

Показатели общих объемов внешней торговли стран Центральной Азии свидетельствуют, что большую долю составляет торгово-экономический оборот между ними. Например, по итогам 2003 года, товарооборот Казахстана с Кыргызстаном увеличился на 47%, с Таджикистаном — на 69%, с Узбекистаном — на 16%. Вместе с тем на форуме государств—участников ОЦАС, проходившем в мае 2004 года, было отмечено, что их доля во внешней торговле Казахстана остается незначительной — всего 2—3 %. Как известно, такая тенденция обусловлена доминированием в структуре его экспорта поставок казахстанского углеводородного сырья. Между тем, как было заявлено участниками форума, доля стран ОЦАС в общем объеме товарооборота Таджикистана составляет 20%, Узбекистана — 10%.

Более того, сформировавшаяся транспортно-коммуникационная система в Центральной Азии жестко связывает возможности стран региона в осуществлении поставок своих товаров и сырья на внешние рынки. Однако политизация вопроса рационального использования имеющихся маршрутов привела к серьезным последствиям, в результате которых эти страны стали применять различные тарифы на перевозки через их территорию, зачастую не принимая во внимание интересы других сторон. Вряд ли можно быть уверенным в том, что «подобные рычаги», используемые в качестве инструмента влияния, привели к существенному отчуждению центральноазиатских обществ друг от друга.

Во всех рассмотренных случаях региональное сотрудничество является основой жизнестойкости торгово-экономических связей, эффективного развития производительных сил Центральной Азии. Поэтому углубление его объективно позволило бы странам региона вырабатывать более эффективные подходы к рациональному использованию природно-сырьевых ресурсов, производственного и научно-технического потенциала на принципах взаимовыгодного и паритетного сотрудничества. В связи с этим особую важность приобретает проблема формирования общего рынка, что требует объединения усилий государств Центральной Азии в выработку согласованных действий в сфере внешней торговли с учетом современных тенденций глобализации. В этих условиях формирование новых экономических связей между центральноазиатскими странами является исторически обусловленным и жизненно необходимым про-

цессом, который будет способствовать созданию благоприятных условий для их устойчивого социально-экономического и политического развития.

Более того, нынешний характер межгосударственных отношений в Центральной Азии, несмотря на определенные сложности в разрешении ряда важных проблем, предоставляет потенциальную возможность для конструктивного диалога. В то же время без всякого преувеличения следует сказать, что современное состояние регионального сотрудничества является объективным последствием разрушения Советского Союза, а также отражает стремление центральноазиатских государств укрепить свою политическую и экономическую независимость.

До сегодняшнего дня в аналитических кругах сохраняется оценка ситуации в регионе как «взрывоопасной», способной привести к серьезным конфликтам между расположенными здесь странами и даже к вооруженному противостоянию. В качестве «яблока раздора» выдвигаются различные проблемы, начиная от территориальных притязаний, приграничных вопросов, кончая межэтническими и водно-энергетическими спорами. Так, Б.Румер, оценивая межгосударственные отношения в регионе, писал, что «напряженность между странами Центральной Азии постоянно растет — отчасти из-за конфликтов по поводу водных и энергетических ресурсов, отчасти из-за давних территориальных претензий и пограничных споров»⁶⁶. При этом зачастую предсказывали, как подчеркивалось в предыдущем параграфе, даже «детали и точности» возникновения очагов межгосударственных конфликтов, и наиболее потенциальным из таких очагов, по убеждению многих экспертов, является Ферганская долина.

Некоторым «громким проблемам», например водным, посвящаются целые исследовательские работы⁶⁷. Конечно, никто не оспаривает, что «водные проблемы» в регионе существуют, а возникли они, на мой взгляд, не из-за отсутствия достаточного количества пресной воды. Так, оценивая характер «водных проблем» в межгосударственных отношениях, авторы пишут, что «даже при общем стремлении к дружбе и добрососедству между братскими народами не исключены всплески эмоций из-за водного дефицита, способные привести к непредсказуемым последствиям»⁶⁸.

По всей вероятности, «всплески эмоций» проявляются практически во всех подобных исследованиях, которые отнюдь не лишены «политической окраски». Об этом свидетельствуют суждения, согласно которым «можно предположить вполне объ-

яснимое стремление Казахстана и Узбекистана использовать организационные структуры консорциума для доступа к управлению ключевыми сооружениями на трансграничных водотоках»⁶⁹. Тем не менее в данной брошюре авторы приводят мнение экспертов Международной группы по предотвращению кризисов (ICG), согласно которому «в Центральной Азии достаточно водных ресурсов, и при хорошей системе водоснабжения напряженность вокруг распределения могла бы уменьшиться»⁷⁰. Попытка выдвинуть контраргументы в отношении вышеуказанного «тезиса» кажется несколько непонятной, так как во «Введении» сами авторы указывают, что «жители Центральной Азии неплохо обеспечены водой — в среднем по четыре тысячи тонн только поверхностного (речного стока) на каждого»⁷¹.

Естественно, кроме водного вопроса в Центральной Азии существует ряд других проблем, решение которых сталкивается с «дефицитом» рациональных подходов не только у стран региона, но и у экспертов, пытающихся уже найти «эликсир жизни» на случай «непредсказуемых последствий». В связи с этим представляется, что пограничные и территориальные проблемы зачастую сводятся к «сбору фактажа» о тех или иных последствиях их неурегулированности, что вкупе с другими угрозами предвещает, по мнению их авторов, апокалипсис для всего Центральноазиатского региона.

Однако П.Домбровский утверждает, что 12 лет спустя после обретения независимости государства бывшей советской Центральной Азии укрепили свой суверенитет. Многие факты показывают, что они полностью владеют ситуацией, сформировавшейся после того, как стали суверенными. В частности, вопрос делимитации государственных границ продолжает вызывать выдержанный диалог. Эти государства также стремятся сохранить большую осторожность в своей политике в отношении этнических меньшинств, относящихся по национальности к соседнему народу. Так, усилия правительств Узбекистана и Казахстана позволили в 2003 году решить путем переговоров спор вокруг нескольких приграничных маленьких сел между двумя странами. Кроме того, несмотря на напряженность и постоянные взаимные упреки, пограничная ситуация в Ферганской долине ни разу не дала повод для начала открытого конфликта между тремя соседними государствами⁷².

Нынешнее положение в Центральной Азии, несмотря на множество пессимистических прогнозов о ее будущем, позволяет говорить, по крайней мере, о заинтересованности стран региона в сохранении конструктивных межгосударственных отношений, являющихся фундаментальной основой для регио-

⁶⁶ Румер Б. Экономика центральноазиатских государств: реалии, проблемы, перспективы. — 30 августа 2002 года. — <http://www.caaapr.kz/>.

⁶⁷ См.: Водные проблемы Центральной Азии. — Бишкек, 2004.

⁶⁸ Там же. — С. 9.

⁶⁹ Водные проблемы Центральной Азии. — С. 58.

⁷⁰ Там же. — С. 63.

⁷¹ Там же. — С. 9.

⁷² См.: Dombrowsky P. Op.cit. — P. 163.

нального сотрудничества. Безусловно, в этом плане особое значение следует придавать развитию торгово-экономических связей между центральноазиатскими государствами. Именно данная сфера может существенно рационализировать двусторонние отношения, способствуя укреплению политических и экономических предпосылок регионального развития.

Как показывает анализ структуры товарооборота Республики Узбекистан (см. таблицу 2), страны Центральной Азии являются как крупными потребителями товаров и услуг своих соседей, так и их весомыми поставщиками. Интенсификация взаимной торговли будет способствовать экономическому развитию государств региона, в том числе расширению их производственного и экспортного потенциала.

Таблица 2*

Структура узбекистанского экспорта товаров и услуг в 2003 году в разрезе стран, в тысячах долларов США

	Химические продукты и пластмассы	Цветные металлы	Черные металлы	Энергоносители	Машины и оборудование	Продовольственные товары	Услуги
Казахстан	8809,9	438,8	8601,5	46416,1	7898,6	2957,1	19076,5
Кыргызстан	2067,9	225,3	120,3	36183,9	688,9	819,1	6357
Таджикистан	7765,7	368,8	2142,5	61065,1	4193,7	2862,3	38011
Туркменистан	4407,9	52,9	605,8	35284,5	2417,1	618,5	17293,3

Структура узбекистанского импорта товаров и услуг в 2003 году в разрезе стран, в тысячах долларов США

Страна	Химические продукты и пластмассы	Цветные металлы	Черные металлы	Энергоносители	Машины и оборудование	Продовольственные товары	Услуги
Казахстан	4496,5	734,2	23623,2	46255,1	3975,2	52593,5	16683,1
Кыргызстан	365,2	35,2	957,8	8838,9	3460,2	353,1	8157,7
Таджикистан	1744,4	3767,4	597,9	6208,3	320,4	29,1	7999,7
Туркменистан	1912,2	0,1	115,3	6508,3	35,3	28,5	4698,9

* Таблица составлена по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. (См.: Статистический бюллетень. — Т. 2004. — С. 95).

С этой точки зрения создание общего регионального рынка представляется одним из самых оптимальных вариантов экономического развития стран Центральной Азии, если принять во внимание оценку Б.Румера о том, что «экономическая ситуация в Центральной Азии полностью зависит от мировых цен на сырьевые товары и металлы, а также от притока иностранных инвестиций»⁷³. Без сомнения, как полагает американский эксперт, сырьевая направленность национальных экономик центральноазиатских стран может стать причиной того, что «в любой момент этот пузырь может лопнуть в результате неожиданного падения мировых цен»⁷⁴.

Функционирование общего рынка в Центральной Азии, на мой взгляд, способствовало бы преодолению серьезных различий в экономической стратегии стран региона, которые (различия) являются базовыми факторами, препятствующими углублению регионального сотрудничества. По всей вероятности, «разноликость и разновекторность» внешнеэкономических устремлений отдельных центральноазиатских государств обуславливается сохраняющейся «ностальгией по прошлому», когда Центр определял тот или иной путь развития и, мало того, руководил реализацией их экономических задач. Такая тенденция, естественно, усиливает «комплекс малой нации», подрывая политическую волю на принятие самостоятельных решений, отвечающих национальным интересам стран Центральной Азии.

Безусловно, сегодня каждое государство нуждается в увеличении экспорта своего сырья и товаров, для которых «традиционным» рынком сбыта являются их соседи, прежде всего, в Центральной Азии. Функционирование общего регионального рынка могло бы существенно воздействовать на характер политического диалога между странами региона.

Вместе с тем отсутствие собственных теоретических концепций и комплексного видения проблем в контексте перспектив национального и регионального развития «восполняется» аналитическими разработками зарубежных экспертов, оперирующих «арханаучными» терминологиями. В частности, Б.Румер утверждает, что «распад Советского Союза фактически предопределил дезинтеграцию данного региона»⁷⁵. По сути, «дезинтеграция» означает обратный процесс, то есть, по его мнению, Центральная Азия до 1991 года была интегрированным регионом. Фактически «интеграция» государств предусматривает наличие своего рода «центра тяжести», вокруг которого они должны быть интегрированы. Например, вряд ли можно себе представить нынешний Европейский Союз без той роли Фран-

⁷³ Румер Б. Экономика центральноазиатских государств: реалии, проблемы, перспективы.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Rumer B. Op. cit.

ции и Германии, которую они играли и продолжают играть в процессе интеграции европейских стран. Что касается бывших центральноазиатских республик, то следует вспомнить, что они были «интегрированы» вокруг «Центра», находящегося далеко за пределами региона. Следовательно, само понятие «дезинтеграция» является неприемлемым для стран Центральной Азии, а его применение может привести лишь к ошибочным выводам, например к таким, как «объективные предпосылки для их интеграции просто отсутствуют»⁷⁶.

Более того, подобные ошибочные умозаключения представляются опасными, прежде всего, для центральноазиатских экспертов, склонных зачастую прибегать к «освоению» чужих мнений, которыми они оперируют при изложении «собственного» анализа региональных проблем в Центральной Азии, что, в конечном итоге, сводится к самоуничижению. На мой взгляд, не следует характеризовать как распад той политико-экономической системы межгосударственных отношений стран региона, которая была сформирована в бытность Советского Союза по принципу «центр — периферия». Более того, эти последствия являются вполне объективными, а ожидать противоположных тенденций после развала огромной и громоздкой империи, когда ставшие независимыми страны пытаются закрепить свое легитимное существование любыми средствами, было бы просто проявлением интеллектуальной наивности.

Тем не менее интеграция нескольких государств подразумевает наличие единых институциональных механизмов, способных отражать и реализовывать ряд их жизненно важных политических и экономических интересов, одновременно обеспечивая целостность всего региона. Однако на сегодняшний день существуют причины, как объективные, так и субъективные, которые обуславливают правомерность поиска приемлемых для всех центральноазиатских стран путей реализации задач углубления регионального сотрудничества.

В связи с этим, необходимо объективно рассмотреть международный опыт других государств мира, добившихся эффективных результатов в процессе интеграции. Не претендуя на изложение конечной истины по этому вопросу, хочу отметить, что региональное сотрудничество представляется первоочередным условием для региональной интеграции, от которой будет зависеть будущее стран Центральной Азии и региона в целом.

⁷⁶ Румер Б. Экономика центральноазиатских государств: реалии, проблемы, перспективы.

1.3. Международный опыт регионального сотрудничества

Среди экспертов и аналитиков, занимающихся исследованиями проблем Центральной Азии, преобладает убеждение растущей значимости углубления регионального сотрудничества для обеспечения устойчивого развития стран региона. В связи с этим выдвигаются различные доводы, подкрепленные теоретическими концепциями, в которых зачастую превалируют апелляции к опыту других региональных объединений, которые имеют существенные достижения в интеграционных процессах.

Однако вопрос о приемлемости тех или иных моделей интеграции для Центральной Азии, обладающей своей спецификой, как в географическом контексте, так и в политико-экономическом измерении, не подвергается обстоятельному анализу. При этом следует отметить, что в то время, как одни эксперты говорят о необходимости использования опыта, например, Европейского Союза, другие полагают, что сейчас обсуждение проблемы региональной интеграции центральноазиатских стран является преждевременным, и отмечают, что в виду объективных и субъективных факторов государствам региона следует находить общие пути к региональной кооперации, в первую очередь, в тех сферах, которые представляют для них общий интерес.

Таким образом, в современной центральноазиатской проблематике сложились различные концепции, хотя и не разработанные до логического конца, в основе которых лежат два понятия — *интеграция* и *сотрудничество*, каждое из которых в действительности является процессом, а не конечным результатом взаимодействия стран. В свою очередь, интеграция, будучи продуктом развития современной цивилизации, на сегодняшний день выступает одной из форм сотрудничества между государствами. Она подразумевает наличие комплекса надгосударственных, институциональных структур, обеспечивающих как адекватное развитие стран — участниц этого процесса, так и жизнеспособность межгосударственного объединения в интересах его субъектов. Реальность и эффективность интеграции, в свою очередь, как было отмечено в предыдущем параграфе, зависит от ряда предпосылок и факторов, создающих объективные условия или препятствия при ее осуществлении.

В то же время напрасно было бы рассматривать интеграцию как панацею от всех «бед и проблем». При обстоятельном рассмотрении данного вопроса обнаруживается, что интеграция сама по себе есть средство обеспечения жизненно важных интересов государства с конечной целью достижения более благополучного уровня социально-экономического развития общества. Так, Япония, будучи островным государством, не являющаяся участницей какого-либо интеграционного процесса, например, в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии

(АСЕАН). Однако она наряду с Китаем и Южной Кореей в последние годы рассматривает возможности сотрудничества с данной организацией в рамках «АСЕАН+3», так как это, вероятно, отвечает ее национальным интересам. К подобным странам также можно отнести Швейцарию, Норвегию, которые, будучи расположенными в Европе, не являются членами Европейского Союза.

В связи с этим очевидно, что наиболее важной для государств Центральной Азии становится проблема гармонизации собственных национальных интересов с нынешними реалиями, диктующими углубление регионального сотрудничества. Как представляется, каждая из стран региона должна осознавать необходимость многостороннего сотрудничества, в том числе в рамках регионального объединения, с учетом процессов глобализации, когда приоритетом каждого государства является достижение конкурентоспособности его экономики. С этой точки зрения весьма важно признание: «что касается производимых в России и на большей части постсоветского пространства несырьевых товаров и услуг, то их привлекательность на мировых рынках невелика в силу их пока еще невысокой конкурентоспособности»⁷⁷.

В данном контексте, на мой взгляд, было бы целесообразно еще раз проанализировать важные аспекты интеграции европейских стран в рамках Евросоюза, который на сегодня представляется наиболее показательным достижением человечества.

История Европы, насыщенная военными столкновениями, конфронтацией и перманентными угрозами самому существованию некоторых европейских государств, свидетельствует, что оптимальным путем решения проблемы безопасности континента стало развитие интеграционных процессов. Если обратиться к отношениям между собой двух так называемых «государств-моторов европейской интеграции», крупнейших европейских держав — Франции и Германии в недалеком прошлом, то увидим, что эти страны противостояли друг другу и в первой (1914—1918 годы), и во второй (1939—1945 годы) мировых войнах, которые потрясли не только Европу, но и весь мир. Причем противостояние продолжалось и после окончания этих войн. И лишь когда лидеры Франции Шарль де Голль и Германии Конрад Аденауэр осознали, что решить проблему безопасности своих государств можно, лишь отказавшись от конфронтации и встав на путь доверия и экономического сотрудничества, только тогда Европа получила новый шанс мирного развития.

Эксперты отмечают: «Образование Европейского Союза было продиктовано объективным стремлением к интернационали-

зации производства и капитала. Это можно объяснить тем, что само существование малых и обособленных рынков в странах Западной Европы не способствовало стабильному развитию экономики»⁷⁸. А директор французского Института международных и стратегических исследований (IRIS) Паскаль Бонифас подчеркивает, что «европейское строительство на протяжении десятилетий являет собой один из наиболее замечательных примеров политического сотрудничества»⁷⁹. По его мнению, «тот факт, что народы, которые полагали, что они были постоянными противниками, были способны начать вместе такой процесс, доказывает, что история не predetermined заранее и что политика остается ключевым фактором истории»⁸⁰.

По-видимому, правы те исследователи, которые началом европейской интеграции считают «Декларацию Шумана». 9 мая 1950 года, ровно через пять лет после окончания войны в Европе, министр иностранных дел Франции Робер Шуман от имени своего правительства официально обратился к правительству Федеративной Республики Германии (ФРГ) с предложением положить конец «традиционному» франко-германскому противостоянию и начать с «чистого листа» новую главу в отношениях между двумя государствами на принципах мира, дружбы и сотрудничества. В качестве первого шага предлагалось создать франко-германское объединение угля и стали. План состоял в том, чтобы передача угольной и стальной промышленности под общее руководство «сделала войну между Францией и Германией не только невероятной, но также и невозможной»⁸¹. Эта цель была успешно достигнута, превзойдя изначальные планы и надежды.

Однако значение Декларации Шумана выходило далеко за рамки двусторонних отношений. Франция обратилась ко всем западноевропейским странам с призывом присоединиться к предлагаемому объединению с тем, чтобы вместе начать осуществление давней идеи — строительство «Соединенной Европы» на основе мира, демократии, социального и экономического прогресса.

Формально датой рождения ЕС можно считать 18 апреля 1951 года, когда в Париже был подписан Договор об учреждении Европейского сообщества угля и стали (ЕСУС)⁸². Его участниками были тогда шесть государств: ФРГ, Франция, Бельгия, Италия, Люксембург и Нидерланды.

⁷⁸ Комилов С.Дж., Абдуназаров А.А. Опыт Европейского Союза и развитие центральноазиатского сотрудничества// Таджикистан и современный мир. — 2003. — №2 (3). — С.17.

⁷⁹ Бонифас П. Европейская мощь для многополюсного мира. В кн.: Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей №8. — М., 2002. — С.135.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Подробнее см.: http://europa.eu.int/index_en.htm.

⁷⁷ Христенко В. Нужна ли нам интеграция?// Россия в глобальной политике. Т. 2. — 2004. — №1, январь-февраль. — С. 76.

Предлагавшаяся Р.Шуманом концепция (со всеми более поздними уточнениями и дополнениями) легла в основу последующего развития европейской интеграции. Ее основные положения могут быть применимы и в рамках центральноазиатского сотрудничества, а именно: вместо Европы, раздираемой тогда националистическими расприями, социальными конфликтами, тоталитарными идеологиями, должна была быть создана единая демократическая и миролюбивая Европа. Иной альтернативы у европейских народов не было. Инициаторами образования новой Европы должны были стать западноевропейские государства, которые руководствуются принципами демократии и равноправного сотрудничества, способствуют экономическому развитию и росту благосостояния своих граждан.

При этом осознавалось, что единая Европа не может быть создана сразу и на основе какого-то генерального плана. Ее следует строить постепенно, избирая все новые, приоритетные сферы совместной деятельности, которые обеспечивают практическое взаимодействие участвующих стран для дальнейшего углубления сотрудничества.

Очевидным становился тот факт, что строительство единой Европы надо начинать с экономики. Не будучи самоцелью, экономическая интеграция в наибольшей степени должна отвечать практическим потребностям участвующих государств и способствовать росту благосостояния народов. В то же время это будет меньше затрагивать такие сферы государственного суверенитета, как национальная безопасность, оборона, внешняя политика и т.п., особенно на первых порах.

В связи с этим движение к единой Европе должно было быть поэтапным — от первоначальных и ограниченных форм региональной интеграции к более сложным и широкомасштабным. Позже этот общий принцип был конкретизирован в виде следующей схемы: от таможенного союза и общего рынка товаров к единому внутреннему рынку со свободным движением товаров, услуг, капиталов и лиц, затем к экономическому и валютному союзу и, наконец, к политическому союзу.

Естественно, важнейшим условием успешного строительства единой Европы являлось формирование правовой базы интеграции и системы общих институтов, имеющих отчасти межгосударственный, отчасти наднациональный характер, т.е. наделенных правом принятия обязательных решений и правом контроля за их исполнением государствами и всеми другими участниками интеграции.

С точки зрения оптимальной применимости опыта ЕС для Центральной Азии, на мой взгляд, необходимо изучение этапов развития интеграционных процессов, начавшихся от углубления сотрудничества в приоритетных сферах, представляющих общий интерес для государств.

Первый этап начался с подписания упомянутого выше Договора об учреждении ЕСУС. Его можно назвать этапом секторальной интеграции. Договор предусматривал не только создание общего рынка товаров в двух базовых отраслях промышленности, но и сотрудничество в коренной модернизации этих отраслей с целью повышения их рентабельности и конкурентоспособности на мировых рынках. Более или менее успешное осуществление Договора стимулировало разработку широкомасштабных программ экономической интеграции.

Одним из решающих шагов на пути к объединению стран Европы стало создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Ближайшая задача заключалась в организации Таможенного союза и общего рынка товаров примерно к 1970 году. Вместе с тем Договор предусматривал координацию важнейших направлений экономической стратегии государств — членов ЕС, проведение общей аграрной, торговой политики и другие мероприятия по углублению интеграции. Фактически Таможенный союз был создан за полтора года до намеченного срока. Среди других свидетельств прогресса европейского объединения следует упомянуть начавшиеся переговоры о вступлении в ЕС Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии. Последняя так и не вошла в него, потому что национальный референдум незначительным большинством голосов отверг подписанный правительственный договор, а остальные три страны стали членами ЕС с 1 января 1973 года. «Шестерка» превратилась в «Девятку».

На волне этих успехов Европейское сообщество приняло в 1971 году план перехода к экономическому и валютному союзу — так называемый «План Вернера», по имени руководителя проекта, премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера. Конечной датой этого этапа интеграции был намечен 1980 год. Однако 70-е годы оказались не продолжением, а, скорее, контрастом предшествующему периоду. Вследствие ряда внешних и внутренних причин «План Вернера» потерпел фиаско. Сообществу пришлось решать, в первую очередь, задачи «выживания» — сохранения достигнутого уровня интеграции и преодоления усилившихся протекционистских тенденций и сепаратных действий государств — членов ЕС.

Тем не менее этот период не был безрезультатным. Он показал, что Европейский Союз обладает запасом прочности и политической воли, позволившим ему преодолеть критическую ситуацию. Более того, в 70-е годы Сообществу удалось добиться прогресса по ряду направлений интеграции. Создание в 1974 году Европейского Совета на уровне глав государств и правительств стало важным шагом на пути к консолидации ЕС и усилению координации действий его участников. В течение 1978—1979 годов была введена в действие Европейская валютная система, основными элементами которой

стали механизм поддержания стабильных обменных курсов национальных валют государств—членов ЕС и общая валютная единица — эю. В дальнейшем была введена единая валюта — евро, зона которого постепенно расширяется.

Пройдя длительную полосу испытаний, Сообщество в середине 80-х годов вступило в новый этап развития — окончательное формирование единого внутреннего рынка. Правовой базой этого курса стал Единый европейский акт, подписанный государствами — членами ЕС в феврале 1986 года и вступивший в силу с 1 июля 1987 года. Понятие «единый внутренний рынок» заменило прежнее понятие «общий рынок», фигурировавшее в Римском договоре и других документах ЕС в 60-е годы.

Во-первых, речь шла об устранении не только таможенных барьеров внутри Сообщества, но и всех физических, технических, правовых и административных препятствий свободному движению товаров. Во-вторых, была поставлена практическая задача — обеспечить также свободное движение услуг, капиталов и лиц, в первую очередь, тех, кто занимается трудовой и предпринимательской деятельностью. В 1989 году было принято важнейшее решение — о переходе от единого внутреннего рынка к экономическому, валютному и политическому союзу. Сообщество вернулось к той задаче, которую оно пыталось решить за два десятилетия до этого. В декабре 1991 года сессия Европейского Совета, состоявшаяся в голландском городе Маастрихт, одобрила подготовленный текст Договора о Европейском Союзе, а 7 февраля 1992 года там состоялась официальная церемония его подписания всеми государствами — членами ЕС. Но это уже не история, а настоящее и будущее Евросоюза.

О возобновлении динамики интеграции свидетельствовало и начавшееся второе расширение ЕС. С 1981 года его десятым членом стала Греция. Начались переговоры о вступлении в него Испании и Португалии, которые стали членами Сообщества в 1986 году. А в 1995 году добавились Швеция, Австрия и Финляндия.

Таким образом, в Европейский Союз (так он официально именуется с ноября 1993 года) вошли 15 государств: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Франция, Дания, Ирландия, Великобритания, Греция, Испания, Португалия, Швеция, Австрия и Финляндия. Европейский Союз, пережив полвека своего непростого и динамичного развития, после десятилетних подготовительных этапов совершил свое пятое расширение. На этот раз, с 1 мая 2004 года, в ЕС вступили десять новых стран — Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Латвия, Литва, Эстония, Мальта и Кипр. Готовятся вступить в него в 2007 году Румыния и Болгария.

Пятое расширение ЕС проходит совершенно в иных условиях, чем прежние. Во-первых, если ранее процессы углубления интеграции и ее географического расширения чередовались, то теперь Евросоюз вынужден двигаться в обоих направ-

лениях одновременно. Во-вторых, последнее расширение было массированным. В ЕС вошли не одно, два или три, как раньше, государств, а большая и разнородная группа стран, в основном, с переходной экономикой. В-третьих, эта фаза интеграционного развития проходит в условиях большой неопределенности, как с будущей внутренней трансформацией ЕС, так и со странами-кандидатами.

Вместе с тем пятое расширение ЕС тесно связано с движением НАТО в восточном направлении. Поэтому в ЕС существуют опасения, что вновь вступившие в НАТО государства могут ослабить европейские позиции и вызвать определенные расхождения между союзниками. Для новых же стран-кандидатов довольно проблематично будут выглядеть перспективы политической и экономической интеграции, в частности, выполнение важнейших положений Маастрихтского договора⁸³ по созданию Европейского валютного союза.

С этих позиций расширение и углубление интеграционных тенденций должно сопровождаться созданием благоприятных условий для сближения стран, находящихся на разных ступенях развития. Кроме того, в соответствии с подписанной в 1985 году Шенгенской конвенцией между странами, входящими в Европейский Союз, были сняты препятствия на свободное передвижение из одной в другую. При этом унификация валютной системы в ЕС не является обязательной для всех. Примером могут служить не принявшие пока евро, но остающиеся интегрированными субъектами европейской экономики Англия, Дания и Швеция.

Касаясь вопроса применимости опыта ЕС в Центральной Азии, следует подчеркнуть, что нынешняя ситуация в центральноазиатских государствах значительно отличается от условий, в которых европейские страны начинали свое восхождение к интеграции. Это наиболее полно и ясно отражено в словах Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова.

«...На современном этапе исторического развития все государства взаимозависимы и связаны между собой. Пожалуй, сегодня трудно найти на карте мира государство, которое было

⁸³ В соответствии с этим договором для членства в Валютном союзе от страны-кандидата требуется наличие нескольких главных критериев:

- дефицит бюджета должен быть ниже 3 процентов валового внутреннего продукта (ВВП);
- соотношение государственного долга к ВВП должно быть менее 60 процентов;
- темпы инфляции не должны быть более чем на 1,5 процента выше средних темпов инфляции трех стран Евросоюза с самой низкой инфляцией;
- долгосрочные процентные ставки не должны превышать более чем на 2 процента процентные ставки трех стран с наилучшими экономическими показателями;
- страны-кандидаты не должны предварительно девальвировать свою валюту, по крайней мере, в течение двух лет.

бы абсолютно изолированным от других, в первую очередь, окружающих его стран...

Да, принципы, на которых строится Европейский Союз, могут быть привлекательными для стран СНГ. Этого никто не отрицает. Но есть ряд положений, которые разительно отличают Европейский Союз от ситуации, которая имеет место на постсоветском пространстве.

Во-первых, и это, пожалуй, главное — формирование Европейского Союза имеет длительную историю, составляющую не одно десятилетие, а Маастрихтские соглашения — это результат большого пути, пройденного государствами, его руководителями на основе многих и многих компромиссов.

Во-вторых. В Европейский Союз объединились страны, имеющие стабильные, основательные демократические общественные, государственные структуры, сформировавшие прочные рыночные и правовые, законодательные нормы, механизмы и инфраструктуру по их реализации.

В-третьих. Демократические институты и ценности прочно вошли в общественное сознание абсолютного большинства населения этих стран.

В-четвертых. В Европейском Союзе большинство стран располагают примерно равным, достаточно высоким экономическим потенциалом. Нет государств, которые бы имели явно выраженных преимуществ по своему развитию⁸⁴.

Действительно, современный ЕС не есть продукт усилий европейских стран, приложенных за какие-нибудь несколько лет, а является результатом осуществления в течение долгих десятилетий мер, направленных на формирование нового по своему содержанию и задачам единого регионального пространства. В связи с этим сотрудник Российского института стратегических исследований А. Базовский отмечает: «Европейский союз был создан как организация с элементами наднациональности в результате делегирования государствами части своих суверенных полномочий органам ЕС. Эти полномочия, постепенно увеличивавшиеся (от Европейских сообществ к Союзу), стали основой для деятельности и развития организации. Однако ее развитие во многом происходит согласно собственной логике, иногда даже вопреки пожеланиям государств, входящих в объединение»⁸⁵.

Интересен также опыт Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая была образована 8 августа

1967 года в городе Бангкоке. В настоящее время ее членами являются Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа. Статус специального наблюдателя имеет Папуа-Новая Гвинея.

В качестве уставных целей в Бангкокской декларации об учреждении АСЕАН были определены содействие развитию социально-экономического и культурного сотрудничества стран-членов, упрочению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии⁸⁶. Задача превращения АСЕАН в один из мировых политических и экономических центров многополюсного мира стимулировала эту региональную группировку стран активно решать ряд чрезвычайно важных проблем. К ним относятся: формирование зоны свободной торговли и зоны инвестиций, введение единой валюты и создание развернутой экономической инфраструктуры, создание специальной структуры управления.

Охвативший Юго-Восточную Азию в 1997 году валютно-финансовый кризис, имевший серьезные негативные политико-экономические последствия почти для всех государств-членов АСЕАН, явился испытанием их решимости продолжить курс на экономическую интеграцию. Однако в 1999 году, когда большинству стран Ассоциации удалось преодолеть негативные тенденции, в целом был достигнут экономический рост около 6%.

Высшим органом АСЕАН являются встречи глав государств и правительств. Руководящий и координирующий орган — ежегодные Совещания министров иностранных дел. Текущее руководство АСЕАН осуществляется Постоянным комитетом под председательством министра иностранных дел страны — организательницы очередного Совещания. В городе Джакарте функционирует постоянный Секретариат во главе с Генеральным секретарем. В АСЕАН имеется 11 специализированных комитетов. Всего в рамках организации ежегодно проводится свыше 300 мероприятий. Юридической базой отношений стран АСЕАН служит Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор), принятый в 1976 году⁸⁷.

В экономической области страны Ассоциации проводят линию на интеграцию и либерализацию в Юго-Восточной Азии на базе Соглашения о создании зоны свободной торговли, Рамочного соглашения о зоне инвестиций в АСЕАН и Базового соглашения о схеме промышленного сотрудничества.

В соответствии с долгосрочной программой развития, разработанной экспертной группой, состоящей из ведущих политиков и ученых, военачальников и бизнесменов, предусматривается достигнуть более высокого уровня интеграции, чем в Европейском Союзе, — полное объединение государственной банковской сферы, объединение вооруженных сил и полиции,

⁸⁶ Подробнее см.: <http://www.aseansec.org/64.htm>.

⁸⁷ Текст договора доступен на веб-странице: <http://www.aseansec.org/1217.htm>.

⁸⁴ Каримов Ислам. Народ Узбекистана не свернет с избранного пути. Речь на встрече с дипломатическим корпусом и журналистами, аккредитованными в Ташкенте, 12 апреля 1996 года. В кн.: Ислам Каримов. По пути созидания. Т. 4. — Т.: Узбекистон, 1996. — С. 312—313.

⁸⁵ Базовский А.Ю. Проблемы «европейской идентичности» и развитие регионализма в ЕС. В кн.: Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей № 8. — С. 76.

внешнеполитических и научно-технологических ведомств и т.п.

Анализ деятельности АСЕАН за период ее существования дает основание выделить несколько достижений, явившихся результатом интенсивного сотрудничества стран-участниц Ассоциации.

Во-первых, зона свободной торговли. Страны, подписавшие Соглашение о ней, представляют собой наиболее консолидированную экономическую группировку. О создании такой зоны было объявлено на 4-й встрече глав государств и правительств-членов АСЕАН в Сингапуре (1992 год). Первоначально в нее вошли шесть стран — Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней. В 1996 году к ней подключился Вьетнам, в 1998 году — Лаос и Мьянма, в 1999 году — Камбоджа.

Создавая зону свободной торговли, члены Ассоциации ставили цель активизировать внутриасианский обмен товарами и услугами, расширить и диверсифицировать субрегиональный товарооборот и повысить конкурентоспособность экономик своих стран. Соглашение о зоне свободной торговли призвано также способствовать политической консолидации государств региона, подключению к экономическому сотрудничеству менее развитых стран Юго-Восточной Азии.

Главный инструмент реализации идеи создания зоны свободной торговли — Соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе, подписанное странами АСЕАН на саммите в Сингапуре в 1992 году. Основными причинами возникающих у них трудностей является однотипная структура экономик этих государств, практически одинаковая и, следовательно, конкурирующая их экспортная товарная номенклатура⁸⁸.

Для новых членов — Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и принятой в 1999 году Камбоджи — ориентиры остаются гораздо более расплывчатыми: сохраняется неопределенность и в отношении ряда товарных групп, прежде всего, сельскохозяйственной продукции.

Соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе, также предусматривает шаги по согласованию стандартов и сертификатов качества на продукцию, выработку правил честной конкуренции, упрощение внутренних инвестиционных и таможенных законодательств, стимулирование процесса создания совместных региональных предприятий и т.д. Для реализации этих целей образован Консультативный комитет АСЕАН по стандартам и качеству.

В процессе реализации Соглашения о зоне свободной торговли, помимо вопросов чисто процедурного и таможенного характера, все большее внимание уделяется новым на-

правлениям сотрудничества. Так, созданы единая гармонизированная тарифная номенклатура АСЕАН и унифицированная система классификации товаров, производимых в странах Ассоциации. Взят курс на всемерное поощрение использования национальных валют во внутрирегиональной торговле. Делается серьезный акцент на либерализацию торговли услугами.

Государства-участники смогли добиться определенного успеха. Так, средневзвешенный уровень внутрирегиональных тарифов на основную группу товаров был снижен с 12,67% в 1993 году до 6,15% в 1998 году. Доля внутриасиановской торговли в 1998 году составила 20% от общего объема внешней торговли стран Ассоциации, что, однако, намного меньше, чем в Европейском Союзе (60%).

По расчетам специалистов АСЕАН, общая выгода входящих в нее стран от либерализации торговли и роста экспорта товаров до 1998 года составляла в год 3—4 миллиарда долларов за счет дополнительного увеличения их совокупного валового внутреннего продукта. Соответственно возрастало число новых рабочих мест и валютных поступлений.

Во-вторых, схема промышленного сотрудничества. В целях повышения конкурентоспособности товаров, производимых в зоне АСЕАН, а также создания условий для привлечения инвестиций в этот регион были предприняты поиски новых форм промышленного сотрудничества. Базовое соглашение по схеме промышленного сотрудничества было подписано государствами — членами АСЕАН в апреле 1996 года. Эта схема регулирует производство всех продуктов, кроме тех, которые включены в Список общих изъятий Соглашения о схеме, и в настоящее время применяется только к промышленному производству с возможностью распространения в дальнейшем и на другие сектора экономики.

Меняющаяся экономическая ситуация в мире, выполнение странами АСЕАН обязательств перед Всемирной торговой организацией, подготовка предпосылок для реализации идеи создания зоны свободной торговли и зоны инвестиций АСЕАН потребовали изменения ряда параметров, на которых основывались существовавшие схемы промышленного сотрудничества. Новая его схема, сохранив некоторые особенности предыдущих схем, предусматривает более широкое использование тарифных и нетарифных методов регулирования. Цели Базового Соглашения: увеличение производства промышленной продукции, углубление интеграции; рост инвестиций в государства АСЕАН из третьих стран, расширение внутриасиановской торговли, совершенствование технологической базы, повышение конкурентоспособности продукции на мировом рынке, возрастание роли частного сектора.

В соответствии со схемой промышленного сотрудничества

⁸⁸ Подробнее см.: <http://www.aseansec.org/13100.htm>.

условием создания новой компании является участие в ней минимум двух предприятий из разных стран АСЕАН и наличие не менее 30% национального капитала. Для стимулирования этого процесса предусмотрен ряд преференций. Так, в отношении товаров, одобренных для производства в рамках Базового соглашения, с момента образования новой компании начинают применяться льготные тарифные ставки в размере 0—5%. Это создает им преимущественные условия по сравнению с остальными производителями. Кроме того, предусматривается ряд и нетарифных преференций, в том числе и преимущества в получении инвестиций.

Что касается импорта готовой продукции, полуфабрикатов (промежуточных продуктов) и сырья, то вводится льготная тарифная ставка. В то же время доступ конечных продуктов на рынки стран АСЕАН, не имеет пределов, а промежуточных продуктов и сырья — ограничивается.

В-третьих, зона инвестиций. В октябре 1998 года было подписано Рамочное соглашение о создании зоны инвестиций АСЕАН. Оно является одним из основных инструментов привлечения внутренних и внешних инвестиций путем предоставления инвесторам национального режима налоговых льгот, отмены ограничений на долю иностранного капитала и т.д.

АСЕАН, опираясь на понимание необходимости углубления либерализации экономики, невозможности обеспечения собственными силами инвестиций для развития передовых технологий, которые смогли бы помочь региону занять достойное место в мире в XXI веке, приняла решение объединить усилия в этом направлении, постепенно открыть внутренний рынок не только для торговли, но и для инвестиций, причем как странам — членам Ассоциации, так и третьим странам.

Стимулирующую роль в принятии Рамочного соглашения сыграл азиатский финансовый кризис 1997 года, в результате которого произошел существенный отток из Юго-Восточной Азии иностранного капитала. Чтобы удержать в регионе, по крайней мере, стратегических инвесторов, страны АСЕАН разрешили иностранные инвестиции в ранее недоступные для них секторы экономики. В соответствии с Рамочным соглашением участники Ассоциации взяли на себя обязательства поэтапно открыть до 2010 года основные секторы национальной промышленности инвесторам из государств — членов Ассоциации и до 2020 года — внешним инвесторам.

Вместе с тем в целях защиты местного рынка Рамочное соглашение, как и Соглашение о преференциальном тарифе, предусматривает составление Списка временных исключений и Деликатного списка, где перечислены отрасли, куда доступ иностранным инвесторам по-прежнему будет ограниченным.

Участники Ассоциации также обязались постепенно предо-

ставить всем иностранным инвесторам национальный режим (до 2010 года — своим инвесторам, к 2020 году — всем другим). Странам, осуществляющим инвестиции в обрабатывающую промышленность, национальный режим предоставляется немедленно.

Все это показывает, что государства — члены АСЕАН, несмотря на лоббирование некоторых заинтересованных в сохранении своего монопольного положения представителей национального капитала, намерены последовательно продвигаться по пути создания зоны инвестиций. Важно отметить, что после паники 1997 года уже началось возвращение многих инвесторов в Юго-Восточную Азию. На этой основе, а также благодаря мерам по ограничению движения «горячих денег» АСЕАН рассчитывает создать еще один работающий интеграционный механизм, теперь уже опирающийся на совместные инвестиции.

Более того, в последние годы, несмотря на некоторые разногласия и напряженность, сохраняющиеся между отдельными государствами — членами АСЕАН, в рамках Ассоциации актуализируется вопрос об углублении сотрудничества в сфере безопасности. В частности, в ноябре 2001 года десять участников Ассоциации согласовали Декларацию о совместных действиях против терроризма. Наблюдается динамичное стремление реализовать проект «Сообщество безопасности АСЕАН», объявленный в октябре 2003 года на Балийском саммите Ассоциации⁹⁹.

В целом объективно анализируя опыт АСЕАН как интеграционного механизма, представляющего определенную теоретическую и практическую ценность для стран Центральной Азии, можно отметить, что Ассоциация достигла ряда важных целей, которые способствовали существенному улучшению национальных экономик ее участников.

Это обусловливается тем, что в рамках АСЕАН:

— найден взаимоприемлемый механизм формирования зоны свободной торговли и зоны инвестиций. При этом, как было показано выше, взаимными соглашениями вводятся дифференцированные условия для стран с разным уровнем экономического развития, и предусмотрены конкретные механизмы для достижения данной цели. При формировании зоны свободной торговли — это, прежде всего, различные для каждого государства объемы товаров, не облагаемых пошлинами, и сроки, в течение которых страны обязались существенно расширить список таких товаров. При формировании зоны инвестиций — это сроки, в течение которых государства взяли

⁹⁹ Подробнее см.: An ASEAN security community// Strategic Survey. — 2003. № 4; An Evaluation and Forecast of World Affairs. — L.: Oxford University Press, 2004. — P. 262—267.

на себя обязательства поэтапно открыть основные секторы национальной промышленности, предусмотрев для менее развитых стран надежную защиту внутреннего рынка;

— разработана схема промышленного сотрудничества, в которой содержатся условия и стимулы технического и технологического объединения предприятий разных государств с целью развития, прежде всего, обрабатывающих отраслей;

— члены Ассоциации вырабатывают коллективную позицию по защите своих интересов на внешних рынках, усиливающую роль каждой из них во внешнеэкономических отношениях. Для этого члены АСЕАН придерживаются общей платформы в многочисленных организациях экспортеров товаров, прежде всего, сырьевых;

— используется комплексный подход к решению проблем интеграции. Развитие взаимодействия государств не ограничивается сферой торгово-экономических отношений. Оно подкрепляется интеграцией в производственной сфере, а также созданием новых возможностей для увеличения инвестиций в конкурентоспособные производства.

Сравнительный анализ опыта Европейского Союза и АСЕАН в интеграции позволяет особо выделить роль самих входящих в них государств, усилия которых были направлены на то, чтобы вывести многостороннее сотрудничество на высокий уровень взаимодействия практически во всех сферах. При этом очевидно, что применение их опыта в Центральной Азии на сегодняшний день является проблематичным, прежде всего, ввиду геостратегического расположения региона между тремя крупными центрами силы, внешнеполитические устремления которых приводят к сохранению геополитического соперничества.

Такая тенденция, естественно, оказывает серьезное влияние на усилия центральноазиатских стран по формированию общего регионального пространства, оставляя им лишь возможность внешнеполитического маневрирования в целях обеспечения своих национальных интересов. В этих условиях логика геополитической ситуации в Центральной Азии объективно определяет приоритеты внешней политики государств региона, направленные, в первую очередь, на установление и развитие максимально благоприятных двусторонних отношений с «великими державами», даже в ущерб региональному сотрудничеству.

В настоящее время страны Центральной Азии являются членами различных экономических и военно-политических организаций, отдельные из которых называют институциональными механизмами, созданными для продвижения интересов тех или иных крупных центров силы в регионе. Так, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС), тогда как только Казахстан наряду с Россией, Украиной и Белоруссией является

участником проекта Единое экономическое пространство. В то же время эти три государства региона, активно участвуя в деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), прилагают усилия для углубления сотрудничества с НАТО, в частности в рамках «Программы ради мира», в которой также участвует Узбекистан. Вместе с тем страны Центральной Азии, кроме Туркменистана, являются членами Шанхайской организации сотрудничества, уже завершившей процесс своей институционализации. При этом все пять центральноазиатских государств состоят членами такой региональной организации, как ЭКО, в состав которой не входят ни Россия, ни Китай.

В связи с этим сейчас более целесообразно говорить не об интеграции в Центральной Азии, а об углублении сотрудничества между самими странами региона на двустороннем и многостороннем уровне. На мой взгляд, именно оно является одним из первых шагов к интеграционным процессам.

Как уже было сказано, на сегодняшний день существует ряд теоретических разработок и схем, посредством которых предпринимаются попытки выработки универсальных алгоритмов интеграции. Ниже приводится пример такой попытки известного европейского эксперта Майкла Эмерсона.

Факторы, определяющие интеграционные тенденции

Спрос — заинтересованность страны «Х» в интеграции со страной «У» или с основной группой «Z».

Предложение — интерес со стороны «У» или основной группы «Z» в приеме страны «Х».

Пояснительные переменные

I. Историческая интеграция

1. География — водоразделы, горы, бассейны рек.
2. Культура — язык, религия, алфавит.
3. Восприятие — гражданство, доверие, судьба.

II. Экономическая интеграция

4. Рынки — польза и издержки участия.
5. Деньги — польза и издержки вступления в валютную зону.
6. Перераспределение — польза и издержки бюджетных перечислений.

III. Политическая интеграция

7. Ценности — общее или иное.
8. Власть — приобретения или потери.
9. Безопасность — приобретения или потери⁹⁰.

⁹⁰ См.: Эмерсон М. Слоны и медведи. Европейский Союз, Россия и их ближние зарубежье. — Брюссель: Центр политических исследований, 2001. — С. 20.

Анализ факторов, указываемых М.Эмерсоном, свидетельствует о ряде преимуществ стран Центральной Азии, которые (преимущества) говорят в пользу возможности и необходимости углубления регионального сотрудничества. В частности, эксперт делает акцент на тех ключевых аспектах, которые были рассмотрены в предыдущих параграфах в качестве историко-культурной общности государств региона. Там же были выявлены и политико-экономические предпосылки, являющиеся объективными основами регионального сотрудничества.

Тем не менее вряд ли будет разумно проецировать опыт ЕС на Центральную Азию, хотя бы по причине, как было отмечено выше, геополитической ситуации в регионе, которая предопределяет дальнейшие перспективы какого-либо объединения. В контексте сравнительного анализа опыта Евросоюза и среды вокруг Центральной Азии достаточно отметить, например, то, что немаловажную роль в судьбе ЕС сыграли условия «холодной войны», когда противостояние США и Советского Союза на «европейской шахматной доске» потребовало американских усилий по поддержке и содействию европейским странам в их консолидации под лозунгом «войны с коммунизмом». Иными словами, в европейской интеграции был заинтересован один из крупнейших центров силы.

С этой точки зрения никто не станет утверждать, что страны Центральной Азии имеют подобную поддержку, как политическую, так и экономическую. Более того, как было отмечено ранее, правила «информационной войны» вокруг центральноазиатской проблематики, участниками которого, осознанно и неосознанно, становятся многие эксперты, способствуют тому, что в общественном сознании в странах региона проявляются элементы недоверия⁹¹.

Касаясь опыта АСЕАН, следует указать, что подобного рода явления, которые оказывали бы серьезное негативное влияние на деятельность этой организации, практически не наблюдалось. Напротив, соседние и близлежащие державы, такие, как США, Россия, Япония, Китай и другие, скорее, были заинтересованы в сохранении сформировавшегося геополитического баланса сил в данном регионе, который позволял региональным странам эффективно осуществлять политические и экономические преобразования. Мало того, как представляется, устойчивое развитие в государствах АСЕАН явилось инертным продолжением социально-экономического подъема Японии, Южной Кореи и Тайваня, который создал благоприятные условия для становления Ассоциации.

По всей вероятности, нельзя исключать геополитического фактора, как в Европе, так и в Юго-Восточной Азии, которые, в отличие от Центральной Азии, уже прошли исторический этап формирования системы региональной безопасности задолго до завершения эпохи «холодной войны». Вряд ли можно переоценить последствия для стабильности и безопасности центральноазиатских государств афганского конфликта, продолжавшегося более двух десятков лет, ближневосточного кризиса, а также перманентной напряженности в Южной Азии, особенно в Кашмире.

Эти проблемы, которые по своей сути были «головной болью» Советского Союза и рассматривались в то время как «угрозы с юга», «унаследовали» страны Центральной Азии. Поэтому не случайно, что практически все государства региона с первых лет своей независимости выражали особую озабоченность в отношении ситуации в Афганистане, имеющего протяженную границу с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

В связи с этим важным представляется анализ нынешнего характера геополитической ситуации в Центральной Азии и вокруг нее в контексте региональной политики крупных центров силы. На мой взгляд, наиболее значимыми фигурантами в этом смысле являются США, Россия, Китай, Европейский Союз и его ведущие страны, а также Япония, которые в настоящее время проявляют большую активность в Центральноазиатском регионе.

⁹¹ См.: Толипов Ф. Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики// Центральная Азия и Кавказ. — 2001. — №6. — С. 139—142.

— ГЛАВА II —

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС СИЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КЛЮЧЕВЫЕ УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Проблема корреляции интересов крупных центров силы в формировании геополитического баланса сил в Центральной Азии

Возрастающий интерес к Центральной Азии, особенно после событий 11 сентября 2001 года, обусловливается значимостью региона в формировании новой системы международных отношений, качественно нового миропорядка. Сегодня центральноазиатская проблематика является одной из актуальных, рассматриваемой во многих работах зарубежных экспертов и аналитиков.

В современных условиях процессы глобализации все интенсивнее охватывают практически все стороны социально-культурной, информационно-идеологической, политической и экономической жизни различных обществ во всех регионах мира, в том числе в Центральной Азии. Эти тенденции представляют всем центральноазиатским странам потенциальные возможности для всестороннего развития, одновременно неся с собой определенные вызовы и угрозы их безопасности.

Культурно-цивилизационная специфика Центральной Азии вкупе с ее географическим расположением закрепляет за ней особый геополитический статус на пространстве Евразии. В Центральноазиатском регионе сконцентрированы интересы крупных мировых и региональных центров силы, вокруг него находятся четыре державы, обладающие ядерными арсеналами. Очевидно, что геополитическая значимость Центральной Азии по своему содержанию сохраняется, как это было на протяжении всей ее истории, однако современные реалии придают новые формы ее нынешней роли в системе международных отношений.

Этому, в частности, способствовало появление новой парадигмы международной политики — борьба против терроризма, которая изменила геополитическое статус-кво (status quo) в различных регионах мира, прежде всего, в Центральной Азии. Так, после трагических событий 11 сентября 2001 года Центральноазиатский регион оказался в центре внимания мирового сообщества. В геостратегическом измерении к региону был «приоб-

щен» Афганистан, который стал эпицентром новых важнейших изменений в системе международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее. Так, в США и ЕС резко повысился интерес к региону, к чему конструктивно отнеслась Россия.

На фоне всего этого казалось, что международные отношения приобретут более консолидированный характер, что общие угрозы приведут к сплочению усилий всех государств в борьбе с террором. Но чем дальше уходит время от того дня, тем чаще в политике многих государств проявляются, как было сказано выше, старые стереотипы, которые оказывают негативное влияние на ситуацию в Центральной Азии и в мире в целом.

В данном контексте необходимо рассматривать возможность сближения геополитических интересов в регионе, которое способствовало бы укреплению безопасности и стабильности в нем, углублению регионального сотрудничества как важного фактора устойчивого развития центральноазиатских государств. Ключевую роль в этих процессах играют США, Россия, Китай, страны ЕС и Япония. Ни для кого не секрет, что они имеют в Центральной Азии как совпадающие, так и соперничающие позиции. В связи с этим следует подчеркнуть, что ни одна страна или группа стран не могут стать долгосрочным гарантом стабильности в регионе. Если не будут пересмотрены старые геополитические подходы к Центральной Азии, то через несколько лет мы получим не стабильный регион, а регион, разделенный на сферы влияния и «буферные зоны». В таких условиях обеспечение стабильности и безопасности, не говоря уже о достижении ощутимых социально-экономических результатов, представляется, мягко говоря, весьма проблематичным.

В этом отношении растущую значимость приобретают международные и региональные организации. В их числе можно назвать ООН, НАТО, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП. Однако анализ деятельности этих институциональных механизмов в Центральной Азии свидетельствует, что отдельные из них все более становятся инструментами продвижения геополитических устремлений в регионе тех или иных государств. Более того, наблюдается определенное дублирование их целей и задач, что приводит к дисфункции их потенциала, увеличивая, с одной стороны, взаимное недоверие и диффамацию между центрами силы и, с другой стороны, осложняя процессы регионального сотрудничества.

В результате в Центральноазиатском регионе складывается сложная конфигурация интересов внешних сил, при которой страны региона оказываются вынужденными реагировать на те или иные изменения подходов внешних игроков к созданию системы региональной безопасности. Такие тенденции, сопряженные с рядом «институциональных издержек», ведут к появлению все новых проблем, как геополитических, так и страте-

гических, которые, к сожалению, лишь осложняют процессы формирования новой архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии. Естественно, при этом нельзя не отметить тот позитивный вклад, который вносят крупные центры силы, а также международные организации в упрочение региональной стабильности. Однако их активность в Центральной Азии была бы более конструктивной и плодотворной, если бы учитывались интересы стран региона, в том числе в решении проблем, связанных с сохраняющимися угрозами терроризма, экстремизма и наркобизнесом. Но «конгломерат проблем» этим не исчерпывается. Особую обеспокоенность также вызывают вопросы нераспространения оружия массового поражения (ОМП), ухудшение экологической ситуации в Центральной Азии.

В целях более глубокого осознания значимости этих проблем для обеспечения безопасности в регионе представляется важным концептуальное рассмотрение событий, происходящих в Центральной Азии и вокруг нее за последние годы. Поэтому попытаюсь сконцентрировать внимание на анализе «узловых» проблем, связанных с устремлениями крупных центров силы в регионе, а также актуальными вопросами регионального развития.

Соединенные Штаты Америки

Наблюдающийся процесс формирования нового геополитического расклада сил в Центральной Азии является во многом результатом трансформации приоритетов глобальной политики США. Американское присутствие в регионе является беспрецедентным событием, в истории как центральноазиатских государств, так и Соединенных Штатов.

При этом в нынешней внешнеполитической стратегии США приоритет имеет борьба с терроризмом на глобальном уровне. Так, в Национальной стратегии безопасности Соединенных Штатов Америки указывается, что в нынешнее время главными врагами США являются террористы и «защита страны от врагов — эта главная обязанность федерального правительства». Как видно из содержания данного документа, война против террористов в глобальном масштабе — это глобальный проект с неопределенной продолжительностью. Америка будет содействовать странам, которым для борьбы с терроризмом «нужна наша помощь»⁹².

Здесь следует вспомнить слова известного американского политика Г.Киссинджера: «В войне против терроризма речь идет не только о том, чтобы выследить террористов. Речь идет,

прежде всего, о том, чтобы не упустить чрезвычайно выгодную возможность для перестройки мировой системы»⁹³. Безусловно, такая «перестройка» была начата именно с Афганистана, и эти процессы оказали непосредственное влияние на трансформацию системы международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее, где сконцентрированы важные геостратегические интересы ряда крупных центров силы.

Таким образом, на фоне нарастания геополитического соперничества крупных центров силы в Центральной Азии регион пребывает в весьма непростых условиях, которые можно объяснить разными внешнеполитическими приоритетами самих региональных государств, а также противоречащими интересами и несовпадающими подходами США, России и Китая к формированию новой системы безопасности в Центральной Азии⁹⁴.

Вместе с тем, как полагают американские эксперты, в своих подходах к Китаю и России, Вашингтон руководствуется пониманием того, что взаимодействие с Москвой и Пекином в решении актуальных международных проблем, прежде всего, угрозы Северной Кореи и Ирака, а также распространения ОМП, имеет большое значение, чем их устремления в Центральной Азии. В этом отношении, как для США, России и Китая, так и для стран региона, важно недопустить серьезных столкновений интересов на центральноазиатском направлении.

Будучи «на периферии» американских глобальных интересов, Центральная Азия имеет особое значение для США в контексте реализации их приоритетных направлений обеспечения международной безопасности. Данную трансформацию многие эксперты объясняют прямым результатом событий 11 сентября 2001 года, хотя географический детерминизм как объективный и перманентный фактор, определяющий геостратегическое расположение Центральноазиатского региона, вряд ли может быть подвержен временным условностям. С этой точки зрения нельзя исключить возможность того, что присутствие США в Центральной Азии напрямую увязывается с их стремлением обеспечить здесь своего рода плацдарм для выхода на «проблемные регионы» России и Китая, а также диверсификации их возможностей для геополитического маневра на Среднем и Ближнем Востоке и в Южной Азии. В этом контексте наиболее важными условиями реализации указанных задач для Вашингтона являются удержание своего военного присутствия в Центральной Азии и укрепление военно-политических отношений со странами региона.

⁹² Kissinger H. Die Herausforderung Amerikas. — München and Berlin, 2002. — P.14.

⁹⁴ См.: Brzezinski Z. CSIS Report «China's New Journey to The West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests». — Washington. — August 2003.

⁹³ The National Security Strategy of the United States of America. — Washington: US Government Printing Office. — 2002.

Как представляется, американские подходы к Центральной Азии имеют целью не допустить здесь доминирования какой-либо внешней силы, влияние которой препятствовало бы превращению региона в стабильный и развивающийся, с одной стороны, и реализации внешнеполитических приоритетов США — с другой. В условиях продолжающихся сложных процессов урегулирования ситуации в Афганистане и Ираке, отсутствия взаимопонимания в диалоге с Северной Кореей и Ираном Вашингтон заинтересован в реальном содействии укреплению стабильной политико-экономической ситуации в Центральной Азии.

На фоне сохранения серьезных вызовов и угроз региональной безопасности США придают особое значение объективной необходимости формирования системы многосторонних подходов к Центральной Азии с участием НАТО, ОБСЕ, ЕС, а также Японии. Между тем отдельные односторонние меры США в отношении региона мотивируются их стремлением минимизировать возможности России и Китая влиять на ход реформ в центральноазиатских государствах⁹⁵. По всей вероятности, успех политических и экономических преобразований в Центральной Азии напрямую увязывается в Соединенных Штатах с их представлениями о том, что демократия и рыночные отношения являются базовыми факторами безопасности, как в отдельно взятой стране, так и регионе в целом.

Однако следует отметить, что споры вокруг того, что является первичным — безопасность и стабильность или демократия и развитая рыночная экономика, напоминают софизм о курице и яйце. Учитывая нынешнее состояние безопасности в Центральной Азии, испытывавшей на протяжении более двух десятков лет угрозы с афганской территории, вряд ли можно говорить о радикальных достижениях и сиюминутных результатах в странах региона в сфере демократизации. Более того, как пишет Б.Румер, «Соединенные Штаты критикуют правящие режимы за нарушение прав человека, однако не предприняли каких-либо действий, признающих то, что альтернативой была не демократия, а исламская теократия или вариант кровавого насилия», как это было на Балканах⁹⁶.

Продвижение экономических реформ в странах Центральной Азии верно рассматривается в США в качестве эффективного механизма увеличения объемов иностранных инвестиций в национальные экономики государств региона, а также их более эффективного включения в мировую финансово-экономическую систему. Именно устойчивое развитие этих государств

способно снизить их зависимость от России и Китая, пытающихся в последнее время активизировать свои усилия по углублению привязки центральноазиатских стран к своим экономикам. В этом отношении США одновременно озабочены возможностью появления в регионе «российско-китайского кондоминиума», прежде всего в рамках ШОС, представляющего угрозу американским долгосрочным интересам в Центральной Азии.

В связи с этим, в США не могут не учитывать логику центральноазиатской политики России и Китая. По сути, так называемый геополитический треугольник «США—Россия—Китай» в Центральной Азии во многом будет оказывать прямое влияние на будущее региона, особенно на фоне глобальной борьбы против терроризма, которая требует более конструктивного диалога между основными центрами силы. Тем не менее вряд ли можно надеяться на то, что какое-нибудь из этих государств пойдет на уступки, сопряженные с серьезными вызовами их жизненно важным интересам. С этой точки зрения для России, как и для Китая, Центральная Азия представляет собой именно таких интересов, прежде всего в сфере безопасности.

На протяжении последних лет до событий 11 сентября 2001 года все более заметным становилось ослабление региональной роли России в политическом и экономическом плане, вызванное ее внутренними проблемами, которые были связаны с социальным, демографическим кризисом и деградацией промышленной инфраструктуры. В связи с этим, умеренная реакция России на временное размещение американских баз в Центральной Азии была обусловлена реальной оценкой Москвой своих возможностей, а также способностей США по оказанию практического содействия странам региона в вопросах обеспечения безопасности. Более того, в России и Китае осознают, что американское военное присутствие, рассматриваемое в контексте антитеррористической операции в Афганистане, способствует сохранению безопасности в Центральной Азии как важному фактору укрепления стабильности в проблемных регионах России и вокруг нее.

Затяжной характер антитеррористической кампании в Афганистане, обусловивший неопределенность временного присутствия американских Вооруженных Сил в странах Центральной Азии, а также решение Пражского саммита в ноябре 2002 года о расширении НАТО явились основными предпосылками для кардинального изменения подходов России к укреплению позиций США в центральноазиатском регионе. При этом подобное развитие событий как следствие «пассивной политики» Москвы, в том числе в вопросах вступления в НАТО ряда новых стран, расположенных у западных российских границ, послужило основным импульсом к активизации попыток России

⁹⁵ См. Gill B., Oresman M. CSIS Report «China's New Journey to The West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests». — August 2003. — Washington.

⁹⁶ Rumer B. The Powers in Central Asia //Survival. — 2002. — Vol. 44, № 3. — P. 63.

заблаговременно предотвратить институционализацию присутствия Запада в Центральной Азии.

Так, в целях сдерживания стремительных темпов роста влияния Вашингтона и его союзников по НАТО в регионе Россия предприняла ряд целенаправленных усилий по реанимации своего военно-политического доминирования посредством наращивания Коллективных сил быстрого реагирования (КСБР ОДКБ) путем укрепления своего постоянного военного присутствия в Кыргызстане и Таджикистане. При этом дислокация российской базы в Кыргызской Республике способствовала увеличению военно-политической составляющей ОДКБ и, как следствие, определенному усилению контроля над странами-участниками этой военно-политической структуры.

В настоящее время вопрос укрепления своих позиций в Центральной Азии рассматривается в Москве через призму военного присутствия США в регионе на неопределенный период. В частности, как отметил председатель Совета Федерации парламента России С.Миронов, «Центральная Азия была и остается районом жизненных интересов РФ»⁹⁷. При этом он исключает ослабление российских позиций в регионе после появления там американских баз. Кроме того, актуализация центральноазиатского вектора внешней политики России во многом объясняется и тем, что на сегодня «ничто не представляет собой большую значимость для Москвы, как возврат утраченных территорий на постсоветском пространстве»⁹⁸.

В Вашингтоне, по всей вероятности, осознают, что в настоящее время Россия, по причине своей относительной «слабости» не обладает достаточным набором инструментов для быстрого восстановления своего бывшего влияния в Центральной Азии. Между тем необходимо учитывать, что Россия, будучи сильнее всех стран этого региона, вместе взятых, продолжает также иметь и эффективно применять на деле серьезные преимущества в политической и военной сферах.

Особая важность придается в США и тому факту, что запасы углеводородного сырья в прикаспийских государствах, в том числе Центральной Азии, свидетельствуют о возможности образования так называемой «монополии», обладающей 16,5 % (176,5 миллиарда баррелей) мировых запасов нефти и 50 % газа, на который существенно растет спрос⁹⁹.

По оценкам представителей Комитета по энергетике и торговле Конгресса США, Центральноазиатский регион рассматривается в Соединенных Штатах в качестве одного из альтер-

нативных источников энергоресурсов¹⁰⁰. В связи с этим, очевидно, что усиливающаяся настойчивость Вашингтона в ускоренном развитии энергетического потенциала отдельных стран Центральной Азии в рамках инициируемых им проектов, прежде всего «Баку—Тбилиси—Джейхан» (БТД), обусловлена исключительно императивами энергетической безопасности США. Кроме того, при увеличении экспортного потенциала названного трубопровода до 50 миллионов тонн нефти ежегодно к 2010 году за счет подключения к проекту Казахстана нефтедобывающие возможности этих стран могут составить серьезную конкуренцию членам Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК)¹⁰¹.

Таким образом, важной долгосрочной задачей США в Центральной Азии является укрепление собственного контроля над потенциальными месторождениями углеводородного сырья и энерготранспортными маршрутами. Однако в Вашингтоне в отличие от Москвы и Пекина склонны считать, что устойчивое развитие региона обуславливается необходимостью диверсификации экспортных маршрутов его энергетического сырья и нецелесообразностью сохранения монопольного доступа одного государства к ним¹⁰².

Вашингтон также следит за активизировавшимися усилиями Москвы увязать свою стратегию в Центральной Азии с экономической экспансией и реанимацией экспортных трубопроводных проектов из региона через собственную территорию. В частности, Россия в среднесрочной перспективе будет проводить более жесткую и уверенную политику в отношении соседних государств. При этом акцент будет делаться на экономическую экспансию, прежде всего, в сфере энергетики¹⁰³.

Что касается Китая, то согласно экспертным данным, для поддержания нынешних темпов его внутриэкономического развития за счет дальнейшего роста промышленного производства требуется ежегодное увеличение потребления энергоресурсов, которое к 2020 году прогнозируется на уровне 10,5 миллиона баррелей в день. Вместе с тем негативное развитие ситуации на Ближнем Востоке, страны которого обеспечивают половину поставок энергоресурсов в Китай, также обуславливает стремление Пекина выйти на альтернативные источники этого сырья, в том числе из центральноазиатских стран.

Очевидно, дальнейший рост потребления энергоресурсов в Китае будет способствовать тому, что Центральная Азия уже в

⁹⁷ Interim Report. «The Commission on America's National Interests and Russia». — September 2003. — <http://www.nixoncenter.org>.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См.: Becker A. Some Economic Dimensions of Security in Central Asia and South Caucasus. — Rand Corporation Report.

¹⁰⁰ Бартон Д. Заявление на встрече с Послом Республики Казахстан в США К. Саудабаевым // Вашингтон пост. — 10 марта 2004 года.

¹⁰¹ Williamson R. Report on Wilton Park Conference 722. «The Caspian and Central Asia: Stability and Development». — January 2004. — <http://www.wiltonpark.org.uk>.

¹⁰² Оресман М. Выступление в Институте стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан 4 мая 2004 года.

¹⁰³ Теннет Дж. Специальный доклад для Конгресса США. — Февраль 2004 год.

краткосрочной перспективе станет регионом его важных интересов в сфере не только безопасности, но и энергетической диверсификации. По всей вероятности, всего два-три года назад в Китае этому не придавали адекватного внимания. В частности, директор Департамента России и Центральной Азии Шанхайского института международных исследований Чжао Хуашэн отмечал: «Объемы импорта нефти в Китай из Центральной Азии не достигли стратегической значимости. В 2002 году Китай импортировал только около 1 миллиона тонн нефти из Казахстана по железнодорожному пути»¹⁰⁴. Однако, как уже было сказано, сохранение нестабильной ситуации на Ближнем Востоке будет только актуализировать центральноазиатское направление внешней политики Китая и в энергетической сфере.

Китай, заинтересованный в стабильных и прямых поставках энергоресурсов из Казахстана, стремится укрепить свои позиции в Центральной Азии и Каспийском регионе. Между тем не исключено, что активизация здесь Пекина обусловлена также возрастающими объемами капиталовложений западных стран, прежде всего США, в нефтедобывающую отрасль центральноазиатских государств.

Таким образом, присутствие Вооруженных Сил США на территории стран Центральной Азии, определенная нормализация военно-политической ситуации в Афганистане и, как следствие, пересмотр геостратегического значения региона создают качественно новые геополитические предпосылки для диверсификации многостороннего регионального сотрудничества и преодоления изолированности Центральной Азии. В то же время наблюдающаяся здесь активность основных центров силы усиливает разновекторность внешней политики центральноазиатских государств. Сложная конфигурация интересов и обязательств последних в рамках разрозненных региональных структур осложняет выработку общих стратегических подходов к решению проблем региона.

В связи с этим развитие геополитической ситуации в Центральной Азии в краткосрочной перспективе будет определяться реакцией США на институциональные процессы в рамках ОДКБ (российская авиабаза в городе Канте), а также ШОС.

Таким образом, выявляется необходимость не допустить геополитическое соперничество и формирование военно-политических блоков в регионе, а также рассматривать ШОС как механизм многостороннего сотрудничества, направленный на укрепление мира и стабильности, открытое и конструктивное партнерство. В данном контексте весьма востребовано придал

¹⁰⁴ Zhao Huasheng. China's interests and posture in Central Asia. В кн.: Четвертая международная конференция «Ситуация в Центральной Азии и ШОС». — Шанхайский институт международных исследований, 2004. — С.155.

со стороны США, России и Китая особый императив взаимодействию в области безопасности. Кроме того, очевидно, что совместная выработка эффективных мер по оказанию действенной помощи центральноазиатским странам потребует налаживания стратегического диалога и между такими организациями, как ШОС, НАТО, ОДКБ, ООН. На это также указывает и опыт прошлого, свидетельствующий не только о неэффективности, но и контрпродуктивности разрозненных программ, зачастую противоречащих или, по крайней мере, дублирующих друг друга.

Между тем, новые инициативы США, прежде всего, в границах Рамочного соглашения по торговле и инвестициям по Центральной Азии¹⁰⁵ будут способствовать интенсификации регионального сотрудничества с вовлечением в него Туркменистана и Афганистана в целях формирования общего регионального рынка, представляющего большую привлекательность, чем рынки отдельно взятых стран региона.

В целом военное присутствие США в Центральной Азии создает условия, благоприятствующие стратегической стабильности в ней. В частности, особую значимость для стран региона имеет заинтересованность Вашингтона в формировании здесь общих механизмов поддержания региональной безопасности и в недопущении военно-политического и экономического доминирования амбициозных центров силы. В этом отношении следует учитывать то, что, как указывал Зб.Бжезинский, «Америка слишком далеко расположена, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком сильна, чтобы не быть вовлеченной в события на этом театре»¹⁰⁶. Именно это положение отражено в Стратегии национальной безопасности США 2002 года, в которой отмечается: «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи, они обладают огромным политическим и экономическим влиянием. В соответствии с нашими традициями и принципами мы не используем нашу силу для получения односторонних преимуществ. Напротив, мы стремимся создать такой баланс, который отвечал бы интересам народов, т.е. такие условия, когда каждая страна и каждое общество могли бы сами выбирать для себя цели и пути, которые открывают перед ними политическая и экономическая свобода»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Это соглашение, подписанное всеми странами Центральной Азии и США в июне 2004 года в Вашингтоне, направлено на укрепление взаимодействия между шестью сторонами в целях увеличения потоков инвестиций и создания общего регионального рынка.

¹⁰⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М., 2000. — С.178.

¹⁰⁷ The National Security Strategy of the United States of America. — Washington: US Government Printing Office, 2002.

Центральная Азия как часть пространства СНГ во внешне-политической стратегии России занимает особо важное место. В геополитическом измерении регион предоставляет ей возможности для геостратегического маневрирования в близлежащих территориях, в частности, Каспийском бассейне, на Среднем и Ближнем Востоке, Южной и Юго-Восточной Азии. Военно-политическое присутствие России в Центральноазиатском регионе позволяет ей проводить более успешную политику в Афганистане, по-прежнему представляющем угрозу на ее «южных рубежах».

В новых условиях геополитической ситуации в Центральной Азии, складывающейся после событий 11 сентября 2001 года, региональная политика России в отличие от предыдущих лет претерпела трансформацию и ныне более динамична. Укрепление своего присутствия в Центральноазиатском регионе не только становится для Москвы серьезным фактором в военно-стратегическом плане, но и все более превращается в один из ключевых компонентов идеологической составляющей всей внешней политики России. Минимизация российского влияния в регионе значительно подорвала бы международный имидж РФ как великой державы, чему уделяется растущее внимание в военно-политических кругах страны.

Эта проблема существенно актуализируется в условиях изменений, происходящих в последнее время в соседних с Россией странах Прибалтики, вступивших в НАТО и ЕС, которые прилагают целенаправленные усилия по диверсификации своей внешней политики в целях минимизации российского влияния. На фоне этого любые неудачи РФ в Центральной Азии будут восприниматься как дальнейшее сокращение ее геополитического пространства.

Тем не менее России пока удастся позиционировать себя в качестве одной из крупнейших держав мира, способной оказывать влияние на дальнейшее развитие событий на международной арене, в том числе в урегулировании кризисов в «горячих точках» мира, благодаря активным политико-дипломатическим усилиям, а также своему статусу ядерной супердержавы. Российский арсенал ядерных баллистических ракет в десять раз превышает арсеналы Франции и Великобритании, вместе взятых. Это оружие, может быть, и утратило свою актуальность, а потому будет бесполезным в контексте любого вероятного сценария. Однако создается впечатление, что оно по-прежнему действует на зарубежных политиков и помогает России ощущать себя сверхдержавой, сохраняя соответствующие амбиции¹⁰⁸.

¹⁰⁸ См.: Эмерсон М. Слон и медведь. Европейский Союз, Россия и их ближние зарубежье. — Брюссель. — 2001. — С. 2.

В новых реалиях, связанных с расширением так называемой зоны ответственности НАТО, а также Европейского Союза вплоть до западных границ России, ее внешнеполитическая стратегия все более приобретает четкие контуры на всем пространстве СНГ, в том числе в Центральной Азии. По всей вероятности, расширение НАТО на Восток будет одной из самых актуальных проблем во внешней политике России, по крайней мере, на среднесрочную перспективу. Безусловно, активизация сотрудничества НАТО со странами СНГ, как полагают многие эксперты, затрагивает российские интересы.

Касаясь данного вопроса, министр обороны РФ С.Иванов подчеркнул: «Россия внимательно следит за процессом трансформации НАТО и рассчитывает на полное изъятие из военного планирования и политических деклараций стран-членов НАТО как прямых, так и косвенных компонентов антироссийской направленности. Но если НАТО сохранится в качестве военного альянса с действующей сегодня наступательной военной доктриной, то российское военное планирование и принципы строительства российских Вооруженных Сил, включая их ядерную составляющую, будут адекватно пересмотрены»¹⁰⁹.

В то же время известный европейский эксперт М.Эмерсон полагает, что Россия в целом потеряла интерес к СНГ как к организации¹¹⁰. Очевидно, что такая тенденция была тесно связана с социально-экономической и политической ситуацией в самой России, что препятствует ей проводить более активную политику в рамках Содружества, которое, по мнению М.Эмерсона, «изначально было задумано в качестве некоей копии ЕС, способной спасти Советский Союз от распада»¹¹¹.

В последние годы российская политика в отношении стран СНГ, в том числе Центральной Азии, стала преимущественно строиться на двусторонних отношениях, проявилось стремление к созданию более компактных группировок. В октябре 2000 года было учреждено Евразийское экономическое сообщество. В него вошли государства, готовые к экономической реинтеграции и к признанию соответствующих механизмов политического контроля: Россия с Беларусью, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Существует также оборонный союз, известный под неофициальным названием Ташкентского договора, в который, помимо названных государств, входит и Армения¹¹².

¹⁰⁹ Иванов С. Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты // Россия в глобальной политике. Т. 2. — №1, январь-февраль. — 2004. — С. 40.

¹¹⁰ Эмерсон М. Указ.соч. — С. 23.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См.: там же.

Осознавая неэффективность функционирования механизмов, включающих все страны СНГ, Россия активно пытается оптимизировать свои усилия по оживлению таких экономических объединений, как ЕвразЭС и ДЕЭП. При этом РФ пытается максимально расширить границы рынка на пространстве Содружества. По мнению В.Христенко, для России, к примеру, эта задача экономически означает создание выходящего за пределы политической карты РФ однородного пространства для деятельности российских компаний. Такая же схема подразумевается для наших соседей — Казахстана, Белоруссии, Украины¹¹³. Эти государства в Москве рассматриваются, скорее всего, в качестве «ядра» экономической и политической реинтеграции СНГ, или, по характеристике В.Христенко, — как «локомотив долгосрочных интеграционных процессов»¹¹⁴.

Однако, становится все более очевидным, что центральноазиатская политика как часть стратегии РФ на пространстве СНГ напрямую увязывается с проблемами взаимодействия России с другими крупными центрами силы. В частности, эффективность усилий Москвы по реинтеграции хозяйственных систем стран Содружества вокруг российской экономики во многом зависит от характера и направленности отношений между РФ и ЕС. По этому поводу В.Христенко считает, что «если расширение рынка на страны СНГ фактически решает задачу восстановления традиционного российского рынка и традиционных связей бывшего СССР, то взаимодействие с Европой обеспечивает другой процесс, также очень важный для сегодняшней России: качественное развитие»¹¹⁵.

Проблемы реанимации российского влияния на всем пространстве СНГ остаются особым предметом дискуссий ученых и экспертов России. Сам характер подобных обсуждений демонстрирует остроту этих вопросов, а также болезненное отношение к процессам в Содружестве, как в аналитических и академических кругах, так и в среде представителей военно-политической элиты РФ.

Об этом также свидетельствуют наблюдения М.Эмерсона, который утверждает, что некоторые московские специалисты в области геополитики высказываются по данному поводу достаточно недвусмысленно. Александр Дугин, автор работы «Основы геополитики», говорит: «Я уверен, что с Путиным в качестве президента процесс консолидации нашего геополитического пространства ускоряется»¹¹⁶. Директор политических программ Совета по внешней и оборонной политике Андрей

Федоров отмечает: «Сегодня мы достаточно открыто говорим о наших зонах интересов. Так или иначе мы подтверждаем, что постсоветское пространство является такой зоной. В эпоху Ельцина мы старались обернуть эту идею в красивую упаковку. Теперь мы говорим об этом более открыто: это наша территория, наша сфера интересов»¹¹⁷.

Безусловно, в последние годы, особенно после событий 11 сентября 2001 года, Россия вынуждена принимать во внимание растущее влияние внешних сил в Центральной Азии, главным образом, США и Китая, и признавать их геополитическое присутствие в регионе. С этой точки зрения, для Москвы все более актуализируется проблема выстраивания такого диалога с этими государствами, который предоставлял бы ей возможность максимально обеспечивать собственные интересы в Центральноазиатском регионе.

Однако в последние годы, как было выше упомянуто, формируется сложная конфигурация интересов внешних сил в Центральной Азии, проявление которой в военно-политическом измерении может негативно влиять на режим региональной безопасности. После предоставления Кыргызстаном своего крупнейшего аэропорта «Манас» вблизи города Бишкек иностранным военным контингентам для проведения антитеррористической операции в Афганистане, последовало открытие новой российской базы в кыргызском городе Кант. Наряду с этим присутствуют вооруженные формирования США, арендовавшие военные аэродромы в Узбекистане и Таджикистане для оказания содействия международной антитеррористической коалиции в урегулировании афганского кризиса.

Военное присутствие внешних сил в Центральной Азии становится одним из ключевых факторов формирования геополитической стабильности в регионе. Однако следует особо подчеркнуть, что этот фактор, нацеленный на искоренение международного терроризма, а также обеспечение региональной безопасности, не должен способствовать превращению Центральной Азии в арену военно-политического соперничества между крупными центрами силы. Очевидно, что развитие ситуации в таком направлении не отвечает интересам ни Соединенных Штатов, ни России, прежде всего с учетом нынешнего характера афганского и иракского урегулирования.

Вместе с тем с геополитической точки зрения российский фактор всегда будет весомым в Центральной Азии, прежде всего в силу ее географического расположения между Россией и Китаем, которые неизбежно будут стремиться выступать в качестве центров экономического и политического притяжения государств региона¹¹⁸.

¹¹³ Христенко В. Нужна ли нам интеграция?// Россия в глобальной политике. Т.2. — 2004. — №1, январь-февраль. — 2004. — С. 76–77.

¹¹⁴ Там же. — С. 81.

¹¹⁵ Там же. С. — 77–78.

¹¹⁶ Цит. по: Эмерсон М. Указ.соч. — С. 24.

¹¹⁷ Цит. по: Эмерсон М. Указ. соч.— С. 24–25.

¹¹⁸ См.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — С. 103.

В этих условиях Россия, избегая осложнения отношений с другими крупными державами, старается не допустить доминирования США и балансировать присутствие Китая в Центральной Азии. РФ пытается реанимировать утраченные военно-политические и экономические позиции в регионе посредством ускорения интеграционных процессов в рамках различных институциональных механизмов. При этом Москва стремится заметно расширить здесь свой контроль над разработкой и транспортировкой энергоресурсов, а также увеличить долю российского капитала в экономиках центральноазиатских государств.

В последнее время очевидным становится факт, что по мере экономического роста Россия будет все более нуждаться в рынках, одним из которых является Центральная Азия. Такая тенденция также усиливается процессами расширения ЕС, при которых РФ, скорее всего, уже в среднесрочной перспективе существенно утратит свои позиции на рынках стран Восточной Европы, превращаясь при этом лишь в потенциального поставщика углеводородного сырья. На сегодня для стран Западной Европы наиболее приоритетной зоной инвестиционных интересов являются рынки государств так называемой «зоны расширения», которые они активно осваивают, используя правила единого общеевропейского внутреннего рынка, создающего для них наиболее благоприятные условия. Вместе с тем из рынка «зоны расширения» вытесняются относительно менее конкурентоспособные товары и технологии самих стран данной зоны, а также государств СНГ, в частности России.

Таким образом, постепенная утрата позиций на рынках «зоны расширения» подталкивает эти страны к поиску путей собственной «экспансии» на рынках, не входящих в ЕС государств СНГ, в том числе Центральной Азии¹¹⁹. Такая тенденция наблюдается, в частности, в сферах автомобилестроения и сельского хозяйства, в которых развивается сильная конкуренция со стороны западноевропейских гигантов после открытия ими рынков «зоны расширения».

В этом контексте следует отметить, что экономическая составляющая внешнеполитической стратегии России, в том числе в Центральной Азии, будет играть возрастающую роль в складывающейся геополитической ситуации в регионе в том случае, если Москва, не имеющая значительного финансово-инвестиционного потенциала, будет адекватно реагировать на новые процессы в близлежащих регионах. При этом сохранение сырьевой направленности российской экономики, обеспечивающей ее рост в настоящее время, может существенно уси-

лить уязвимость РФ, подрывая ее любые интеграционные инициативы в Центральной Азии.

Неслучайным представляется то, что практически все институциональные механизмы на пространстве СНГ, как и само Содружество, оказались неэффективными в силу того, что их потенциал, прежде всего, финансово-инвестиционный и технологический, практически не соответствует устремлениям стран данного объединения, в том числе самой России. Желание стран СНГ обеспечить свое социально-экономическое развитие, как правило, за счет привлечения западных инвестиций, является одной из основных причин того, что все механизмы на пространстве Содружества оказались практически недееспособными.

Однако Россия, как было ранее отмечено, по-прежнему остается крупнейшим торгово-экономическим партнером стран Центральной Азии. Этот фактор оказывает серьезное влияние на их внешнюю политику, особенно с учетом сложной социально-экономической ситуации в государствах региона, которые ожидали существенных финансово-экономических дивидендов от сотрудничества со странами Запада. Однако после обретения независимости практически все центральноазиатские государства так и не достигли существенных результатов в обеспечении устойчивого социально-экономического развития.

Углубление сотрудничества в сферах торговли и транспортных коммуникаций, а также в нефтегазовой отрасли отвечает интересам как стран Центральной Азии, так и России. При этом особо важным представляется диверсификация взаимодействия центральноазиатских государств с другими странами, проявляющими заинтересованность в развитии двусторонних и многосторонних связей в указанных сферах. Однако эффективная реализация совместных проектов может быть достигнута только в том случае, если она не будет сопровождаться политизацией, которая проявляется на протяжении нескольких последних лет.

В связи с этим российский политолог, действительный член Академии военных наук В.Петровский пишет: «Для России возрастает значение многосторонних механизмов обеспечения безопасности на евразийском пространстве, а также их способности взаимодействовать между собой для достижения общих целей. Концепция международных режимов безопасности может служить интегрирующей теоретико-методологической платформой, призванной объединить усилия различных типов и систем региональной (субрегиональной) безопасности в области превентивной дипломатии, миротворчества и конфликтного урегулирования»¹²⁰.

¹¹⁹ Подробнее см.: Абдуллаева Л., Йигиталиев Ш. Расширение ЕС и торгово-экономическое сотрудничество стран Центральной Азии // Экономическое обозрение. — №6(58). — 2004. — С.28–32.

¹²⁰ Петровский В. Новая парадигма безопасности в Евразии // Обозреватель/Observer. — 2004. — №4. — С. 24.

В настоящее время Китай, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, безусловно, является одной из крупнейших держав мира, обладающей быстро растущим экономическим, военным, космическим и демографическим потенциалом, который в совокупности существенно повышает его роль и статус в решении многих международных и региональных проблем, в том числе в Центральной Азии. КНР заметно активизировала свою внешнеполитическую стратегию в регионе после распада Советского Союза, чему во многом способствовало «потепление» в китайско-советских отношениях в конце 80-х годов при М.Горбачеве.

Углубление двусторонних отношений между странами Центральной Азии и Китаем представляется вполне закономерным явлением ввиду того, что государства региона, в частности, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан имеют довольно протяженную границу с КНР. Данный географический детерминизм объективно обуславливает обоюдную значимость углубления двусторонних взаимовыгодных отношений для стран Центральной Азии и КНР. Вместе с тем этот фактор существенно актуализируется для китайской политики на центральноазиатском направлении в геополитическом измерении в силу географического положения Центральной Азии между Европой и Россией, а также регионами Каспийского бассейна, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии.

Как считает Т.Кельнер, интересы Китая в Центральной Азии в основном сконцентрированы вокруг трех осей — безопасности, торговли и углеводородов¹²¹. Внешнеполитический курс Пекина относительно Центральной Азии определяется, по мнению Т.Кельнера, «в рамках более широкой стратегии — «периферийной политики» (zhoubian zhengce согласно официальной терминологии Пекина), принятой в отношении всех азиатских соседей Китая»¹²². Эта политика направлена на повышение влияния КНР на мировом уровне путем укрепления китайских позиций на региональном уровне. В рамках такой стратегии китайское руководство стремится углублять свои отношения с соседними странами, чтобы не позволить недружественным державам воспользоваться возможными различными разногласиями между КНР и ее соседями. В этом плане «китайские политики и исследователи всегда придавали особое значение вопросам безопасности в Центральной Азии. Основная причина этой озабоченности Пекина обусловлена длительной историей межгосударственных неурядиц, а

¹²¹ См.: Kellner T. La Chine et les républiques d'Asie Centrale: de la défense au partenariat // *Cemoti*. — 1996. — №22. — P. 277—313.
¹²² См. по этому вопросу: Zhao S. China's Periphery Policy and its Asian Neighbors // *Security Dialogue*. — 1999. — Vol.30, №3. — P. 335—346.

также отсутствием безопасности в Центральной Азии и его влиянии на северо-западные провинции Китая»¹²³.

Как представляется, внешняя политика КНР в Центральноазиатском регионе неразрывно увязывается с приоритетными задачами Пекина по обеспечению благоприятных внешних условий для социально-экономического развития Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), который на сегодня остается одним из самых отсталых регионов страны.

В связи с этим КНР придает особое значение всемерному развитию СУАР. Известный узбекский ученый-китаевед А.Ходжаев отмечает: «К концу прошлого столетия количество программ сотрудничества между СУАР и различными регионами Китая превысило 18 700 на общую сумму 540 миллионов юаней (около 66 миллионов долларов США). Стоимость таких программ по использованию материальных ресурсов составляет более 23 миллиардов юаней (около 2,8 миллиарда долларов США).

В развитии в СУАР сельского хозяйства, нефтяной промышленности и производства электроэнергии участвуют 25 провинций и районов, где идет работа над 9 тысячами проектов, направленных на обеспечение экспорта продукции»¹²⁴. Следует подчеркнуть, что Центральная Азия, представляющая для Китая стратегическую важность в качестве поставщика энергоресурсов, различного сырья и большого рынка для китайских товаров, в дальнейшем сохранит свою значимость в процессе социально-экономических преобразований в СУАР.

С этой точки зрения можно отметить, что центральноазиатская политика КНР является одной из составных и важных направлений внешнеполитической стратегии страны. Китай не хочет, чтобы определенные уйгурские движения против китайского присутствия в СУАР находили какую-либо поддержку на территории стран Центральной Азии и Афганистана, а также чтобы идеи пантюркизма распространялись в северо-западном районе КНР.

В связи с этим отдельные китайские эксперты, как утверждает Т.Кельнер, даже выразили свою озабоченность ростом так называемого «казахского шовинизма» и «амбиций Узбекистана»¹²⁵. По всей вероятности, это обуславливалось опасениями Пекина, что развитие и укрепление центральноазиатских государств после обретения ими независимости может вызвать активизацию сепаратизма среди уйгурского населения в СУАР.

В данном контексте геополитическая ситуация в Централь-

¹²³ См.: Мохаммад-Джавад Омидварини. Нетрадиционные факторы, влияющие на безопасность в Центральной Азии: точка зрения Китая // *Аму-Дарья* (Тегеран). — 2003. — №14. — С. 136—146.
¹²⁴ Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. — С.61.
¹²⁵ См.: Liu M., Liu W. Changes of the Strategic Position of Central Asia and the Contest among Outside Forces // *International Strategic Studies*. (Beijing). — 1998. — № 3. — P.28.

ной Азии напрямую увязывается с проблемами обеспечения безопасности в СУАР и по всему периметру северо-западных границ КНР. При этом многие китайские эксперты рассматривают «соперничество» между Россией и США за влияние в Центральной Азии в качестве угрозы безопасности КНР¹²⁶. В частности, китайский аналитик Гу Гуанфу считает, что Вашингтон, стремясь укрепить свои позиции в данном соперничестве, прибегает к использованию этнических сепаратистов, действующих в СУАР и в странах Центральной Азии против интересов Пекина¹²⁷.

Директор Института Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Ли Цзинцзе отмечает: «Есть точка зрения, согласно которой до 2001 г. в Центральной Азии существовало геополитическое равновесие между Россией, США и Китаем: Россия опиралась на военно-политическое присутствие, США — на экономическое влияние, а Китай — на экспорт товаров и импорт сырья. Это равновесие было нарушено после событий 11 сентября. Теперь Соединенным Штатам не только принадлежит преимущество в экономической сфере, но США также заняли прежние российские позиции в военно-политической сфере»¹²⁸. Однако он подчеркивает, что «до того, как США ввели войска в Центральную Азию, в Узбекистане и Туркменистане совершенно не было российского военного присутствия; китайское торговое влияние в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане было довольно слабым; во время антитеррористической войны США не вводили войска в Казахстан и Туркменистан, а по окончании войны российские войска в Таджикистане и Кыргызстане превосходили американские по силе». Поэтому «в целом геополитическая ситуация не претерпела очевидных коренных изменений»¹²⁹. Он также отмечает: «Наибольшие выгоды в ходе антитеррористической войны при американской поддержке получили Индия, Турция и Узбекистан, занявшие в расстановке сил в регионе выгодное положение. Однако изменения такого рода не нарушили макроситуацию, сохранившуюся от прошлого. Опираясь на географические преимущества, Россия и Китай продолжают сохранять свое значительное влияние в регионе»¹³⁰.

Касаясь центральноазиатской стратегии США, Ли Цзинцзе полагает, что суть ее — «это «косвенный» или «мягкий контроль», цель которого заключается в том, чтобы при наименьших затратах добиться наибольшего влияния. США больше поощряют страны региона в дистанцировании от России по собственной инициативе, нежели пытаются извлечь их от российского влияния. Такая политика США, основанная на оценке геополитической ситуации в Центральной Азии, обусловила невозможность кардинальных изменений в распределении сил в данном регионе»¹³¹.

В то же время развитие торгово-экономических отношений является, по официальным китайским заявлениям, также одним из наиболее важных направлений центральноазиатской политики Пекина. Еще в 1994 году, во время своей поездки по странам региона, известный китайский политик Ли Пен заявил, что экономическое сотрудничество является первостепенной целью политики КНР в Центральной Азии¹³². Некоторые китайские исследователи связывают это со стремлением Китая обеспечить социально-экономическое развитие СУАР. В частности, по мнению Юеяо Чжао, Пекин считает, что экономический подъем СУАР будет способствовать снижению напряженности в данном районе страны. В связи с этим, с начала 90-х годов Китай осуществлял в отношении СУАР особую политику, направленную на стимулирование торгово-экономических связей района со странами Центральной Азии¹³³.

Однако, несмотря на это, согласно официальным данным, не наблюдается стремительный рост объемов двусторонней торговли между КНР и странами Центральной Азии, хотя заметна динамика в развитии товарооборота Китая с Казахстаном и Кыргызстаном. Между тем прослеживается определенная тенденция в торговле между Китаем и государствами региона, когда в структуре китайского импорта преобладают сырьевые ресурсы, тогда как экспорт обеспечивается за счет поставок товаров и продукции, главным образом, легкой промышленности КНР.

В то же время социально-экономическая ситуация, при которой заметно снизилась покупательная способность в странах Центральной Азии, привела к росту спроса на дешевые китайские товары низкого качества. В условиях отсутствия законодательных норм, регулирующих торговлю, прежде всего, так называемую «челночную», все более серьезной становится проблема роста бесконтрольного ввоза продукции. Согласно

¹²⁶ См.: Zhou Xiaohua. Covert and overt Russia-US rivalry in Central Asia// Xinhua Domestic Service. — 1998. — January 4.

¹²⁷ Gu Guanfu. US involvement in Central Asia and the Security of China. In Study Reports on International Situation, 1997—1998. — Shanghai: Strategy and Management Press, 1998.

¹²⁸ Ли Цзинцзе. Основные особенности современной геополитической ситуации в Центральной Азии. В кн.: Изменяющаяся Центральная Азия и региональное сотрудничество. Материалы научной региональной конференции. — Душанбе, 2003. — С.9.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. — С.10.

¹³¹ См.: Ли Цзинцзе. Указ. соч. — С.11.

¹³² См.: China Basic Policy Toward Central Asia// Beijing Review. — 1994. — Vol. 37, № 18. — P.18.

¹³³ См.: Zhao Yueyao. Pivot or Periphery? Xinjiang's Regional Development and Chinese-Central Asian Relations at the Century's End. PhD dissertation. Miami: Florida International University, 1997. — P.297.

некоторым экспертным оценкам, по итогам 2003 года «теневая торговля» достигла почти 1 миллиарда долларов¹³⁴.

Такая тенденция с первого взгляда, представляется вполне «безобидной», так как обуславливается объективными законами экономической теории о спросе и предложении, что вполне отвечает интересам стран региона лишь с целью удовлетворения «сиюминутных» нужд граждан. Однако с точки зрения экономической безопасности как одной из важнейших составляющих национальной безопасности государств Центральной Азии, становится все более очевидным, что в средне- и долгосрочной перспективе такие явления приведут к серьезному подрыву легкой промышленности государств региона, в частности, ее текстильной отрасли.

Естественно, развитие производственных объектов связано с обеспечением трудоспособного населения рабочими местами, что является одной из главных задач укрепления социально-экономической стабильности в странах Центральной Азии. В свою очередь, подобный экспорт китайских товаров на рынки государств региона предоставляет хорошую возможность для КНР решать собственные проблемы, в частности, обеспечения рабочими местами своего населения, прежде всего, в СУАР, а также модернизации экономики данного района. В связи с этим для Китая возникает дилемма: отказавшись от такой внешнеэкономической политики в Центральной Азии, Пекин лишается возможности эффективно осуществлять кардинальные социально-экономические реформы в СУАР; с другой стороны, продолжение так называемой экономической экспансии в регионе препятствует улучшению социально-экономической ситуации в соседних центральноазиатских странах, в чем не заинтересована КНР.

Развал Советского Союза привел к дезинтеграции его целостной, взаимосвязанной хозяйственной системы, что способствовало серьезному кризису в экономической сфере на всем пространстве СНГ, в том числе в Центральной Азии. В результате, преобладающее количество производственных мощностей центральноазиатских государств оказалось не способным самостоятельно выживать в жестких условиях рыночных преобразований. Такая тенденция, в свою очередь, обусловила возникновение ряда серьезных социально-экономических проблем, в том числе связанных с возрастающей безработицей, к решению которых страны региона практически не были готовы.

На фоне деградации российской экономики, а также в силу географической удаленности Центральной Азии от крупных мировых рынков, Китай оказался единственным поставщиком

товаров народного потребления. Этот фактор сыграл столь важную роль в формировании экономической составляющей геополитического присутствия КНР в регионе, что нельзя недооценивать.

При этом возрастающее значение для Китая приобретает проблема обеспечения собственной энергетической безопасности за счет налаживания стабильных поставок углеводородного сырья из прикаспийских государств, прежде всего из Казахстана. По различным оценкам, более 60% импортируемых энергоресурсов КНР составляют поставки из стран Ближнего Востока. Однако сохраняющаяся напряженность в данном регионе, в частности, военно-политическая ситуация в Ираке и вокруг него, которая по всей вероятности, будет иметь долгосрочный характер, вызывает обеспокоенность у китайского правительства.

Энергетический фактор имеет особое значение во внешней политике КНР, которая требует ее диверсификации для обеспечения энергетической безопасности страны на длительную перспективу. Американская активизация на Ближнем Востоке, прежде всего, в решении иракского кризиса, дает возможность предполагать, что присутствие США в этом регионе будет долговременным. Вероятно, в Пекине осознают объективные последствия иракского урегулирования, о чем свидетельствуют весьма сдержанные заявления китайского руководства в адрес президента США Дж.Буша в начале антисаддамовской операции.

После событий 11 сентября 2001 года в китайско-американских отношениях прослеживается определенное улучшение в сторону более тесного взаимодействия, несмотря на заявления Дж.Буша в 2000 году о том, что Китай является «стратегическим соперником» США. Как известно, ранее бывший американский президент Б.Клинтон утверждал, что КНР — «стратегический партнер» Соединенных Штатов.

Китай и США осознают, что современные вызовы и угрозы, обуславливаемые политико-экономическими и идеологическими издержками процессов глобализации, диктуют выработку качественно новой парадигмы международных отношений для обеспечения глобальной и региональной безопасности. В условиях формирования нового миропорядка существенно возрастает значение развития конструктивного международного диалога в ряде ключевых регионов мира, в том числе в Центральной Азии, которая должна стать открытой для всего мирового сообщества.

Нынешняя геополитическая ситуация Центральноазиатского региона, без сомнения предоставляет объективные условия для решения ряда важнейших проблем Китая. Урегулирование афганского конфликта позволяет КНР диверсифицировать свою внешнеполитическую стратегию на «западном» направ-

¹³⁴ Оресман М. Выступление в Институте стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан 4 мая 2004 года.

лении, что до распада Советского Союза было практически невозможно. Так, на протяжении последних десяти лет внимание Пекина все более сосредоточивается на обеспечении постоянного выхода на европейские рынки путем формирования стабильных транспортно-коммуникационных магистралей через территорию Центральной Азии.

Решение данной проблемы требовало, помимо прочего, снижения стоимости перевозок ввозимого сырья и оборудования, а также экспорта готовых изделий. Поэтому создание кратчайших железнодорожных и автомобильных маршрутов в Европу, Южную Азию и Ближний Восток, прежде всего, миная территорию РФ, имеет большое значение. В связи с этим возрождение Великого Шелкового пути стало необходимостью для КНР, что еще более усиливает ее интерес к Центральной Азии¹³⁵.

В последнее время за внешнеполитическим курсом Китая, особенно в Центральной Азии, пристально следят многие аналитические центры, которые особо обращают внимание на обеспокоенность Пекина расширением НАТО на Восток. Ли Цзинцзе подчеркивал: «Пусть даже ввод американских войск в Центральную Азию и предоставляет стратегические преимущества США и НАТО в возможной будущей войне, однако необходимо помнить о сложной географии и непростом этническом составе Центральной Азии и Афганистана, их социально-экономическом состоянии и остатках экстремизма, а также об уже давно сформировавшемся антиамериканизме в регионе. Если США стремятся обеспечить свое преимущество, продолжая проводить политику монополярности, не считаясь с позицией других стран и международных организаций, то им придется заплатить высокую цену»¹³⁶.

Объективно в условиях новой геополитической ситуации в Центральноазиатском регионе КНР не может не учитывать нынешний характер отношений стран региона с НАТО. Более того, диалог России — участницы Шанхайской организации сотрудничества — с Альянсом в рамках Совета Россия—НАТО, а также российское военно-политическое присутствие, в том числе в формате ОДКБ, существенно снижает возможности Китая по расширению своего присутствия в Центральной Азии в военно-политическом измерении.

Тем не менее Китай заметно активизировал двусторонние отношения с Казахстаном и Кыргызстаном, в процессе которых было проведено несколько военных учений на территории двух стран региона в рамках борьбы с проявлениями международного терроризма. При этом наблюдалось обоюдное стремление со стороны КНР и этих центральноазиатских государств

к существенному улучшению двусторонних отношений в военно-технической области.

Однако сохраняющаяся зависимость Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана от России в сферах обороны и обеспечения военно-политической безопасности обуславливают их заинтересованность в поддержании и развитии сотрудничества с РФ в рамках ОДКБ. Такой формат взаимодействия региональных государств с Россией, которая в последнее время заметно активизировала процесс институционализации ОДКБ, оказывает определенное влияние на отношения между КНР и центральноазиатскими странами. Как представляется, в Пекине осознают значимость российских интересов в регионе, которые проявляются, в первую очередь, в создании в городе Канте (Кыргызстан) военной базы РФ, а также в присутствии 201-й мотострелковой дивизии в Душанбе (Таджикистан).

Кроме того, Россия по-прежнему является одним из крупнейших торгово-экономических партнеров практически всех стран Центральной Азии, что вместе с ее сохраняющимся информационно-культурным влиянием существенно увеличивает возможности Москвы проводить более эффективный диалог с Пекином в регионе. Осознавая эту реальность, КНР, в свою очередь, проявляет возрастающую заинтересованность в активизации сотрудничества с РФ и центральноазиатскими государствами в рамках ШОС. В связи с этим не случайно Китай в последние годы пытается оптимизировать деятельность ШОС не только в борьбе с так называемыми «тремя злами» — терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, но и в экономической сфере. Очевидно, что эта организация может быть эффективной и жизнеспособной лишь в том случае, если ее активность не будет замыкаться только в одной области, в данном случае на обеспечении безопасности в Центральноазиатском регионе.

Здесь хотелось бы отметить те важные проблемы, решение которых, в том числе в рамках ШОС, представляя взаимный интерес, как для Китая, так и для стран Центральной Азии, способствовало бы углублению сотрудничества между КНР и государствами региона, а также обеспечению региональной безопасности.

Во-первых, мирное восстановление Афганистана. Эффективное социально-экономическое развитие этой страны создало бы благоприятные предпосылки для более тесного взаимодействия ее как с Китаем, так и с центральноазиатскими государствами. Наряду с этим, стабилизация военно-политической ситуации в Афганистане способствовала бы формированию условий для строительства необходимых транспортно-коммуникационных маршрутов в южном направлении.

Во-вторых, серьезную угрозу для безопасности в Центральной Азии представляет наркопроизводство, масштабы которо-

¹³⁵ См.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — С. 112.

¹³⁶ Ли Цзинцзе. Указ. соч. — С.10.

го в Афганистане приобретают глобальный характер. Безусловно, эта проблема не может не затрагивать КНР, расположенную в непосредственной близости от него. Поэтому Китай, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, мог бы содействовать наращиванию усилий мирового сообщества в борьбе с растущей афганской наркоиндустрией.

В-третьих, сохраняющаяся угроза религиозного экстремизма, тесно связанного с международным терроризмом, представляет еще одну общую сферу взаимодействия КНР с центральноазиатскими странами. В настоящее время, особенно с учетом нынешнего характера иракского урегулирования, радикализация политического ислама может трансформироваться в деструктивные проявления религиозного экстремизма практически во всех государствах региона. С этой точки зрения особенно опасна деятельность радикальной организации «Хизб ут-Тахрир», обладающей широкой сетью во всем мире.

В-четвертых, скорейшего разрешения требуют проблемы водопользования в Центральной Азии, по территории которой протекают несколько транснациональных рек, в том числе, Черный Иртыш, Или. Их совместное урегулирование на основе конструктивного подхода в рамках ШОС с учетом интересов стран региона и Китая создаст благоприятные условия для дальнейшего углубления взаимовыгодного сотрудничества.

В целом внешнеполитический курс КНР в Центральной Азии, скорее всего, будет обуславливаться дальнейшими темпами его политико-экономического и военного развития. Естественно, Китай стремится играть все более возрастающую роль в формировании новой системы международных отношений, основанной на принципах многополярности.

Европейский Союз

Роль Европейского Союза имеет особое значение в укреплении геополитической стабильности в Центральноазиатском регионе. ЕС заинтересован в установлении здесь «геополитического плюрализма» для сохранения стабильности и открытости Центральной Азии в целях реализации своих политических и экономических задач.

Более того, Евросоюз пока не обладает соответствующими ресурсами для самостоятельного участия в решении вопросов региональной безопасности, что заметно снижает его влияние в военно-политической сфере. В связи с этим активность ЕС в обеспечении безопасности Центральной Азии и вокруг нее развивается пока в рамках или при поддержке ряда международных организаций, прежде всего, ОБСЕ и НАТО, а также ООН.

В сфере экономики важное место в выработке политики ЕС в отношении центральноазиатских стран занимает обеспечение доступа к энергетическим ресурсам региона и развитие альтернативных транспортных коммуникаций. В основе данного подхода лежит мнение, согласно которому, геополитическая расстановка сил в Центральной Азии будет в основном зависеть от механизмов освоения запасов нефти и природного газа, а также от будущих маршрутов их транспортировки.

Следует отметить, что в последние годы проблема энергетической безопасности в Европе заметно актуализируется в связи со спадом внутреннего производства и увеличением спроса на импорт энергоносителей. Так, по оценкам Департамента Европейской комиссии по энергетике и транспорту, к 2020 году 70% потребности ЕС в энергоресурсах будут обеспечиваться за счет импорта¹³⁷. В связи с этим, согласно «Европейской стратегии по обеспечению энергетической безопасности» вопрос укрепления стабильности поставок углеводородного сырья в Европу из региона Каспийского бассейна и Центральной Азии приобретает важное значение.

Заинтересованность ЕС в энергоресурсах Каспийского бассейна и Центральной Азии также объясняется сохраняющейся и в некоторых случаях усугубляющейся проблемами стабильности в основных странах-поставщиках нефти в Европу, в частности арабских, Венесуэле и Иране. Кроме того, в ЕС есть опасение того, что усиление американского влияния на Ближнем Востоке при складывающемся характере трансатлантических отношений между ЕС и США может серьезно отразиться на поставках нефти из этого региона на европейский рынок.

Таким образом, в условиях ограниченного военно-политического влияния в регионе при наличии важных экономических интересов политика ЕС как единая структура в отношении Центральной Азии строилась по логике недопущения доминирования в регионе какого-либо одного центра силы. Такая политика предусматривала также укрепление в регионе демократической системы управления государствами, экономики которых должны быть основаны на рыночных механизмах. Именно в таких условиях ЕС мог бы рассчитывать на достижение своих как политических, так и экономических интересов, в данном регионе.

В связи с этим с момента обретения независимости центральноазиатскими странами ЕС активно выступает за укрепление их политической независимости путем осуществления рыночных и демократических преобразований, а также через форсирование процесса интеграции между ними¹³⁸.

¹³⁷ См.: Towards the strategy of the security of energy supply. In.: EU Green Paper. Part III, Section I, paragraph B2.

¹³⁸ См.: Свани М. Элементы стратегии ЕС в Центральной Азии. В кн.: Материалы международной конференции «Стабильность в Центральной Азии в постконфликтный период» (14–15 июня 2002 года, Ташкент). — С. 52–57.

В свою очередь, для утверждения рыночных отношений в странах региона ЕС пытается приблизить экономики этих стран к европейским стандартам и способствовать их вступлению в ВТО¹³⁹. По некоторым данным, за последние десять лет Евросоюз предоставил помощь государствам Центральной Азии в размере 944 миллионов евро для реализации вышеуказанных целей. В то же время политические вопросы, касающиеся демократизации, остаются важным элементом в отношениях ЕС с центральноазиатскими странами. Так, по заявлению комиссара Европейской комиссии по внешним связям К.Паттена, посетившего регион в марте 2004 года, долгие плодотворные отношения между ЕС и государствами Центральной Азии невозможны без соблюдения прав человека и верховенства закона.

Несмотря на то, что цели и задачи ЕС во многом совпадают с американскими интересами в Центральноазиатском регионе в области, скажем, разработки здесь и транспортировки отсюда энергоресурсов, существуют разногласия между Евросоюзом и Вашингтоном. ЕС поддерживает не все лоббируемые Соединенными Штатами маршруты переброски энергоресурсов из Каспийского бассейна. Например, определенную поддержку Евросоюза получили так называемые «греческий» (Бургас—Александрополис) и «румынский» (Констанца—Триест) маршруты строительства нефтепроводов, которые считаются альтернативными основному экспортному трубопроводу Баку—Тбилиси—Джейхан¹⁴⁰.

В отличие от американцев европейские государства занимают довольно конструктивную позицию относительно Ирана. Известно, что страны ЕС жестко противостояли попыткам США распространять применение положений американского Закона о санкциях в отношении Ирана на европейские компании¹⁴¹.

Однако определенная адаптация подходов ЕС к политике США в Центральной Азии наблюдается после событий 11 сентября, что прослеживается в трансформации внимания от политико-экономических вопросов к примату проблем безопасности. В частности, резко возросло участие стран ЕС в урегулировании афганского кризиса. В настоящий момент они бе-

рут на себя значительную часть расходов по восстановлению Афганистана, несколько европейских государств возглавляли в этой стране международные силы безопасности.

Вместе с тем теракты в США и антитеррористическая кампания в Афганистане серьезно повлияли на разработку новой стратегии ЕС в отношении стран Центральной Азии. В новом документе, принятом в октябре 2002 года, проблемам безопасности в регионе отведено главное место. В то же время нужно подчеркнуть, что при рассмотрении источников угроз региональной безопасности Евросоюз придает немаловажное значение внутрирегиональным и внутригосударственным элементам¹⁴².

Отношения ЕС с Россией в контексте центральноазиатской проблематики в основном характеризуются попытками ослабить российский контроль над маршрутами транспортировки энергоресурсов из региона. В частности, финансируемые Евросоюзом программы «ТРАСЕКА» и «ИНОГЕЙТ» отчасти служат данной цели. Однако с учетом того, что именно Россия является основным экспортером газа в Европу и сеть газопроводов туда контролируется Москвой, Европейский Союз вынужден сотрудничать с Россией, если желает получить газ из Центральной Азии в будущем¹⁴³.

Более того, как отмечает ряд аналитиков, контроль России над транспортировкой энергоресурсов из Центральной Азии усилится, если новые страны—члены ЕС будут включены в энергетическую стратегию Евросоюза, поскольку РФ является также основным поставщиком нефти и газа в бывшие европейские социалистические страны. Как считают специалисты, даже в случае начала экспорта центральноазиатского газа в Европу по альтернативным российским маршрутам возможные объемы будут слишком ограничены для европейских потребностей¹⁴⁴.

В целях монополизации газового рынка России и контроля над газопроводами Евросоюз также настаивает на выполнении Москвой требований Европейской энергетической хартии (ЕЭХ), что позволило бы ему получить возможность

¹³⁹ На данный момент ЕС подписал со всеми государствами Центральной Азии Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Однако в отношении Таджикистана и Туркменистана СПС еще не вступило в силу.

¹⁴⁰ См.: Юн С.М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии в 1990-е гг. (обзор отечественной и центральноазиатской историографии). — www.international.tsu.ru/researches/sbor1/art20.html.

¹⁴¹ Известно, что некоторые европейские страны активно инвестируют в газовые проекты Ирана, а также проявляют интерес к строительству газопровода Иран — Армения, который может быть продолжен через Грузию до Украины и далее до стран Европейского Союза (Новый «Голубой поток»? // Зеркало недели. — 2004. — 27 марта).

¹⁴² «Новая стратегия ЕС», которая является основным документом, определяющим политику и приоритетные направления оказания содействия государствам Центральной Азии в 2002—2006 годах, принята 30 октября 2002 года и утверждена странами—членами ЕС. В соответствии с ней, продолжение демократических реформ и сокращение бедности, а также укрепление отношений между государствами региона являются основными методами борьбы с источниками нестабильности.

¹⁴³ В апреле 2003 года французским сенатом было принято решение признать Казахстан альтернативным поставщиком природного газа во Францию, если в будущем она столкнется с проблемой снабжения этим сырьем. См.: Жарикбаев А. Возросший интерес европейцев к каспийским углеводородам. — *Gazeta.kz*. 17 апреля 2003 года.

¹⁴⁴ См.: Natural Gas: EU Welcomes Greek, Turkish Connection. — www.stratfor.com. 2004, January 21.

регулировать поставки энергоресурсов в Европу через территорию России без ее монопольного контроля над объемами и ценами. Это, в свою очередь, способствовало бы возобновлению магистрального потока газа из России и стран Центральной Азии в европейском направлении. В таком случае можно было бы ожидать повышения доходов центральноазиатских поставщиков, которые (доходы) в настоящее время являются низкими из-за невысоких цен «Газпрома». Это привело бы также к повышению интереса западных транснациональных компаний к разработкам газовых месторождений в центральноазиатских странах.

Однако Россия, подписавшая ЕЭХ в 1994 году, отказывается ее ратифицировать, и, таким образом, усилия Евросоюза, направленные на полное вовлечение РФ в процесс реализации хартии пока не дают ожидаемых результатов. В результате этого ЕС занимает жесткую позицию в диалоге с Российской Федерацией в рамках переговоров по вступлению последней во Всемирную торговую организацию (ВТО), требуя от России либерализации ее энергетического рынка.

В настоящий момент особая позиция ЕС в отношении Китая по вопросу энергоресурсов Центральной Азии не прослеживается. Возможно, это связано с тем, что Пекин в ближайшем будущем не способен играть значимую роль в данной сфере в силу отсутствия финансовых ресурсов. Как полагают эксперты американского аналитического центра «Стрэтфор», хотя страны Центральной Азии могут продавать нефть Китаю, но для того, чтобы это приносило какие-либо серьезные экономические выгоды, требуются десятилетия для строительства необходимой инфраструктуры¹⁴⁵. Между тем на фоне укрепления европейско-китайских отношений значение строительства транспортного коридора из Центральноазиатского региона в Европу может возрасти.

Несмотря на наличие стратегических интересов ЕС в Центральной Азии, уровень его вовлеченности в регионе остается сравнительно низким, в частности из-за недостаточной координации в европейской политике на мировой арене. Как известно, Евросоюз имеет сложную структуру внешних связей, а некоторые из его стран-членов используют объединение как инструмент для укрепления своей национальной политики в отношении актуальных международных проблем. В таком контексте военно-политическую активность Германии в Афганистане можно рассматривать как стремление Берлина занять одно из лидирующих мест в реализации принципов европейской внешней и оборонной политики¹⁴⁶.

Кроме того, по мнению западных экспертов, подчинение европейской политики на постсоветском пространстве вопросам прав человека и строительству гражданского общества не встречает должную поддержку со стороны местных правительств, что, в свою очередь, препятствует усилению присутствия ЕС в Центральной Азии. Существует также мнение, что Евросоюз никогда не рассматривал Центральноазиатский регион в качестве отдельной приоритетной зоны своих интересов. Это, в частности, объясняется тем, что стратегические рамки взаимоотношений между государствами региона и ЕС базируются на соглашениях и документах Евросоюза, в географическом плане охватывающих все страны СНГ и содержащих почти общие для всех них положения¹⁴⁷.

Между тем во взаимоотношениях крупных государств-членов ЕС со странами Центральной Азии в основном доминирует принцип максимального обеспечения реализации своих национальных интересов. К примеру, Великобритания имеет более схожие позиции с США по вопросам энергоресурсов в регионе. Вместе с тем участие Лондона в решении проблем безопасности в Центральной Азии, в частности, в урегулировании таджикского конфликта, было намного ниже по сравнению с вовлеченностью Германии и Франции. Кроме того, по мнению британской прессы, включение Англии в военную кампанию в Афганистане в основном было связано с попыткой придать американским действиям более «интернациональный характер»¹⁴⁸. Однако в плане экономического вовлечения, в частности, в разработку энергоресурсов Казахстана, британские компании принимают самое активное участие, чему способствует открытая политическая поддержка Лондона.

В целом Европейский Союз может играть позитивную роль в балансировании геополитических интересов крупнейших стран в Центральной Азии, так как для ЕС важнее видеть регион в качестве альтернативного источника энергоресурсов, а не ареной геополитического противостояния между великими державами. В этом контексте относительно конструктивное отношение ЕС к таким ключевым игрокам региональной политики, как Россия, США, Китай и Иран, могло бы способствовать налаживанию их взаимовыгодного сотрудничества в Центральноазиатском регионе. Однако для того, чтобы ЕС мог занимать твердую позицию по данному вопросу, требуется больше сплоченности европейских стран в реализации внешнеполитических целей Евросоюза.

¹⁴⁵ См.: A Map Redrawn: Eurasia in 2020. — www.stratfor.com. 2000, November 17.
¹⁴⁶ См.: Лаумулин М. Центральная Азия после 11 сентября // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — №4(22).

¹⁴⁷ См.: Юн С.М. Указ. соч.

¹⁴⁸ См.: Was the British deployment in Afghanistan a PR stunt? // The Independent. — 2002. — 17 May.

Очевидно, сущность развития ситуации в Центральной Азии, где пересекаются интересы таких стран, как США, Россия и Китай, во многом будут влиять на глобальную безопасность и международный политический климат. В связи с этим, относительно мягкая позиция Европы в глобальной политике может способствовать тому, что она будет играть важную роль третьей нейтральной стороны. Однако, это требует долгосрочного присутствия ЕС в Центральноазиатском регионе¹⁴⁹.

Япония

Центральная Азия, несмотря на ее географическую отдаленность от Японии, привлекает внимание Токио, который значительно расширил свое присутствие в регионе. Такая активизация, как представляется, вызвана наличием важных интересов этой страны. По всей вероятности, японский истеблишмент стремится проводить свою внешнюю политику, в том числе в Центральной Азии, соразмерную ее финансово-экономическому потенциалу. Япония является второй крупнейшей экономической державой, которая по ВВП в расчете на душу населения занимает первое место в мире¹⁵⁰. Соответственно в политическом курсе Японии по отношению к Центральноазиатскому региону преобладает прагматизм — сугубо экономическая целесообразность, и лишь затем конкретные политические цели¹⁵¹.

Анализ внешнеполитической стратегии Японии в Центральной Азии позволяет проследить четко выраженную логику в ее действиях, направленных, прежде всего, на помощь странам региона в укреплении их независимости с целью обеспечить его открытость и доступность. Япония не стремится к доминированию здесь, проявляя заинтересованность в формировании геополитического баланса интересов, прежде всего, США, России и Китая. Именно создание такого геостратегического расклада крупных центров силы в регионе способно, с точки зрения японской стороны, стать фактором сохранения региональной безопасности и стабильности.

Следует отметить, что существуют различные оценки внешнеполитических интересов Японии в Центральной Азии. Например, казахстанские эксперты утверждают, что «в основе интереса Японии к Казахстану и другим государствам Центральной Азии лежит, во-первых, заинтересованность в обеспе-

чении контроля над нефтегазовым потенциалом региона...»¹⁵². Очевидно, Страна восходящего солнца крайне зависима от поставок углеводородного сырья из Центральноазиатского региона, в частности, газа из Туркменистана и нефти из Казахстана. Однако говорит ли это о том, что Токио стремится установить «контроль над нефтегазовым потенциалом региона?».

Как представляется, в Токио осознают, что его реальные возможности, за исключением финансово-экономических ресурсов, далеко не сравнимы с таковыми, например, России, Китая и даже ЕС, расположенных в непосредственной близости к указанному макрорегиону. На мой взгляд, уместным было бы сказать, что Япония стремится обеспечить стабильные поставки энергоресурсов для диверсификации импорта нефти, который преимущественно осуществляется из стран Ближнего Востока.

С этой точки зрения важно подчеркнуть, что одним из ключевых моментов отношений Японии с государствами Центральной Азии стала реализация проектов в рамках Программы официальной помощи развитию (ODA). В соответствии с ней в 1993 году страны региона были включены в список государств, которым предоставляется помощь. Такое стремление Японии логично вписывается в ее центральноазиатскую политику, одной из важных составляющих которой является содействие в формировании современной транспортно-коммуникационной инфраструктуры в регионе.

В частности, за счет японских кредитов реконструирован железнодорожный перегон «Дружба—Алашанькоу» (Казахстан—Китай), построен вагоноремонтный завод в Ташкенте, модернизируется железнодорожная система Туркменистана, вагонные депо в Алматы и Ашхабаде. Одновременно финансируется строительство автомобильных дорог и мостов региона. В 1997 году японское правительство предоставило Казахстану кредит в размере 260 миллионов долларов США для сооружения нового моста через реку Иртыш.

Япония также оказывает финансовую помощь в реконструкции и модернизации аэропортов в ряде крупных городов стран Центральной Азии. Реализация этих проектов, включая энерготранспортные, транспортно- и телекоммуникационные, будет способствовать постепенному превращению ее в важный транзитный пункт на пространстве между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом¹⁵³.

Оценивая политику Японии в Центральной Азии, бывший посол Японии в Узбекистане Укеру Магосаки писал: «Экономическая помощь странам является самым эффективным вкладом Японии на международной арене. Эта помощь обес-

¹⁴⁹ См.: Alimov R.M. Central Asian security and geopolitical interests//Marco Polo. — 2003. — №1. — С.8.

¹⁵⁰ См.: Политика и интересы мировых держав в Казахстане. — Алматы: Дайк-пресс, 2002. — С. 175.

¹⁵¹ См.: Усубалиев Э. Политика Японии в странах Центральной Азии в качестве возможного появления нового центра силы// Центральная Азия и Кавказ. — 2001. — №5(17). — С.159.

¹⁵² Политика и интересы мировых держав в Казахстане. — С. 176.

¹⁵³ См.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — С.143—144.

печивает политическую, социальную и экономическую стабильность каждого региона. И именно Средняя Азия нуждается в такой помощи больше всего. Если Япония сможет дать нужную помощь этому региону, то это будет доказательством нового направления японской дипломатии»¹⁵⁴.

События 11 сентября 2001 года и начало антитеррористической кампании в Афганистане внесли новые коррективы в вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии, что не могло не повлиять на подходы Японии к региону. В плане противодействия международному терроризму она заявляет о готовности оказывать всяческую поддержку странам, ведущим активную борьбу с ним. Финансовая помощь Японии Афганистану уже превысила 358 миллионов долларов. Однако, как отмечают японские эксперты, усилия на этом направлении носили «непостоянный характер» в силу отсутствия у Токио «четкого видения ситуации», а также сохраняющейся нестабильности в Афганистане.

В связи с этим, как представляется, необходимо развивать всестороннее сотрудничество между Японией и странами Центральной Азии для дальнейшего сближения взглядов на современную международную ситуацию, проблемы обеспечения региональной и глобальной безопасности, а также перспективы экономического сотрудничества. В данном контексте важным является общность подходов Японии и центральноазиатских государств к угрозам региональной безопасности, что побуждает Токио активизировать свою деятельность в направлении углубления взаимодействия.

Япония предпринимает меры по установлению и укреплению стратегического партнерства со странами Центральной Азии и вокруг нее, где сохраняются угрозы религиозного экстремизма, терроризма и наркопроизводства. В новых политических реалиях Япония все больше склоняется к необходимости пересмотра своей внешней политики в области безопасности.

Одним из ключевых аспектов «обновленной внешнеполитической стратегии» Японии в Центральной Азии может стать стремление Токио развивать сотрудничество с государствами региона на многосторонней основе. В связи с этим Япония проявляет интерес к укреплению внутрирегионального сотрудничества в Центральной Азии. В рамках выдвигаемых Токио политических инициатив уже были сформулированы некоторые основные направления развития отношений в этой сфере, которые подразумевают: политический диалог для углубления доверия и взаимопонимания, содействие стабилизации региона посредством укрепления режима нераспространения ОМП, стимулирование демократических и экономических реформ.

Важное значение для развития отношений Японии с центральноазиатскими странами имеет инициатива премьер-министра Японии Д. Коидзуми о подключении региона к процессам экономического сотрудничества в Восточной Азии. Эта инициатива имеет целью диверсификацию источников углеводородного сырья для Японии, а центральноазиатским странам позволит реализовать их энергоресурсы через альтернативные маршруты на восточном направлении.

В целом, интересам Японии в Центральной Азии, как было ранее сказано, отвечает такое развитие ситуации, которое способствовало бы укреплению целостности региона для формирования единого экономического пространства. Для Японии важно создание здесь условий, позволяющих увеличивать свое финансово-экономическое присутствие в центральноазиатских государствах.

Внешнестратегическая стратегия Японии в Центральной Азии играет позитивную, конструктивную роль в укреплении безопасности и стабильности в регионе. Заинтересованность Токио в формировании общего регионального рынка предоставляет для центральноазиатских стран особые возможности использовать японские финансово-экономические и иные ресурсы для углубления взаимного сотрудничества.

2.2. Роль международных организаций и институциональных механизмов в обеспечении региональной безопасности и стабильности

В условиях новой геополитической ситуации в Центральной Азии углубление сотрудничества стран региона с международными и региональными структурами имеет особое значение для формирования в нем новой среды безопасности. Участие в таких организациях подразумевает для их членов определенные обязательства, с одной стороны, и предоставляет им потенциальную возможность обеспечивать себе адекватные место и роль в системе международных отношений, — с другой. С этой позиции значение активного взаимодействия центральноазиатских государств с различными институциональными механизмами существенно возрастает с учетом формирующегося нового миропорядка, а также актуализации нетрадиционных угроз безопасности, оказывающих негативное влияние на социально-экономическое и политическое развитие этих государств.

Организация Объединенных Наций

С крушением мировой социалистической системы и окончанием «холодной войны», ознаменовавших начало формирования нового миропорядка, существенно возросла роль Организации Объединенных Наций, задачей которой является установление, консолидация и осуществление пол-

¹⁵⁴ Цит. по: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — С. 149.

номочий международного сообщества. В связи с этим для обеспечения международной безопасности необходимо укрепление ООН как оплота порядка и стабильности, как механизма, посредством которого участники международной системы достигают соглашения о правилах взаимоотношений и правовых нормах надлежащего поведения для сохранения сообщества государств. Поэтому роль ООН в Центральной Азии является исключительно важной, прежде всего, с точки зрения признания стран региона в качестве независимых субъектов международных отношений. Это создает необходимые условия для активизации внешней политики центральноазиатских государств, как на региональном, так и международном уровнях.

На протяжении последних десяти лет ряд структур ООН осуществляет свою деятельность в странах Центральной Азии в различных сферах, имеющих важное значение для социально-экономического и политического развития государств региона. Наряду с этим следует отметить, что ООН сыграла ключевую роль в период урегулирования межтаджикского вооруженного конфликта, который представлял серьезную угрозу региональной безопасности. Нельзя также недооценивать значение тех попыток, которые предпринимала ООН в процессе урегулирования афганского кризиса во второй половине 90-х годов прошлого столетия.

Однако на деятельность ООН в Центральной Азии, как и на международную арену в целом, определенное влияние оказывают события, которые ознаменовали начало эпохи трансформации нового мирового порядка. Такие тенденции привели к снижению авторитета ООН и ее главных органов — Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи.

В частности, в Сомали в 1993 году, в Руанде в 1994 году и Боснии в 1995 году действия ООН (если они вообще предпринимались) широко воспринимались как принятые по принципу «слишком мало и слишком поздно» непродуманные, не подкрепленные необходимыми ресурсами, дезорганизованные или же одновременно страдающими всеми недостатками. Во время вторжения НАТО в Косово в 1999 году в Совете Безопасности произошел раскол; юридическое основание для действий без санкций ООН было найдено, но в основном без его подкрепления необходимой аргументацией; возникли большие сомнения по поводу средств, к которым прибегали союзники при ведении войны¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Эванс Г., Сахиун М. Ответственность за защиту. Программа для руководящего состава по вопросам безопасности и международных отношений. 2003-5. Колледж по изучению вопросов безопасности международных отношений Европейского Центра имени Дж.Маршалла. Раздел 10. — С. 11—12.

Вместе с тем начало военной кампании в Ираке без санкции Совета Безопасности вызвало резкую критику со стороны ряда стран, в частности, России, Франции, Германии, обеспокоенных нарушением принципов международного права. Естественно, подобные тенденции привели к актуализации ряда вопросов, связанных с ролью и местом ООН в современных международных отношениях. В частности, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в отставке А.Адамишин полагает: «Снижение ведущей роли ООН повлекло за собой возникновение довольно серьезного вакуума в международно-правовой организации мира. Его заполняют либо решения, принятые группой «высокоцивилизованных» стран (например, по поводу бомбардировки Югославии), либо односторонние действия одной державы (тому множество примеров). Но может ли группа стран или одно государство управлять миром так, чтобы это устраивало всех? Возможен ли безопасный мир, в том числе для тех, кто им управляет?»¹⁵⁶.

Подобного рода вопросы вполне резонны и для Центральной Азии, где безопасность и стабильность могут быть обеспечены только в условиях установления в регионе так называемого баланса сил. Однако последние события здесь свидетельствуют о все большем проявлении дилеммы безопасности как следствия активизации внешней политики одних государств в ущерб интересам других.

В этих условиях, особенно с учетом возрастающей угрозы международного терроризма, борьба с которым требует консолидации усилий всего мирового сообщества, особую значимость приобретает вопрос о повышении роли ООН в решении ряда взаимозависимых проблем безопасности и устойчивого развития в ключевых регионах мира, в том числе в Центральной Азии.

ООН, призванная наиболее полно выражать интересы международного сообщества как единого целого, в настоящее время находится в состоянии самоопределения и пересмотра своих функций и роли, приведения их в соответствие с реалиями нынешнего мира. Только превращение в гибкий механизм сотрудничества и противодействия современным угрозам и вызовам безопасности позволит ООН сохранить за собой ведущую роль в обеспечении глобальной стабильности.

Реформирование ООН, в первую очередь, касается Совета Безопасности и его расширения с целью превращения организации в более гибкий механизм сотрудничества и противодействия современным угрозам и вызовам. В связи с этим представляется целесообразным расширение Совета Безопасности за счет включения в его состав, прежде всего, Японии и Германии

¹⁵⁶ Адамишин А. На пути к мировому правительству// Россия в глобальной политике. — 2002. — №1, ноябрь-декабрь. — С. 15.

в качестве постоянных членов, что будет способствовать сохранению за ООН ведущей роли в обеспечении региональной и глобальной стабильности, а также в реализации программ оказания помощи через свои специализированные учреждения.

Япония и Германия являются одними из крупнейших государств мира, входящими в состав «Большой восьмерки», обладающими большим экономическим и политическим потенциалом. Более того, будучи мощными государствами в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, они прилагают активные усилия в урегулировании кризисов и постконфликтном восстановлении Афганистана и Ирака. Вряд ли кто-либо может оспаривать всю значимость их роли не только в борьбе с современными угрозами и вызовами международной безопасности, но и в формировании нового мирового порядка.

Вместе с тем особое значение для укрепления безопасности и устойчивого социально-экономического развития Центральной Азии имеет адаптация и имплементация так называемой превентивной дипломатии в складывающихся реалиях в регионе. В целях концептуального рассмотрения данного вопроса следует остановиться на самом этом понятии.

Термин «превентивная дипломатия» впервые был официально использован в 1960 году в ежегодном докладе Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда. Он означал сохранение локального характера регионального конфликта с целью недопущения эскалации вооруженных действий на глобальном уровне¹⁵⁷.

В 1992 году Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали дал новое определение превентивной дипломатии с учетом условий, сложившихся после окончания «холодной войны», — политика, направленная на предотвращение перерастания конфликта в вооруженные действия. Он выработал пять конкретных мер предотвращения: укрепление доверия, миссии по изучению ситуации на местах, организация сети раннего предупреждения, превентивное развертывание и создание демилитаризованных зон. Б.Бутрос-Гали утверждал, что коренные причины конфликта необходимо устранять путем экономического и социального развития — установка, поддержанная также нынешним Генеральным секретарем Кофи Аннаном¹⁵⁸.

В настоящее время угрозы возникновения вооруженных конфликтов в Центральной Азии существенно снижены, особенно с точки зрения возможности «эскалации вооруженных действий на арену сверхдержав». В связи с этим, в условиях

сохранения проблем религиозного экстремизма, возможного просачивания международных террористических организаций, а также возрастающих масштабов наркотрафика в регионе, приоритетной задачей ООН становится расширение содействия центральноазиатским странам в их социально-экономическом развитии. Именно это направление способно стать ключевым фактором обеспечения региональной безопасности как фундаментального условия для их дальнейшего развития по цивилизованному пути, формирования в регионе демократических, открытых обществ.

Организация Североатлантического договора

На фоне расширения НАТО на Восток Центральной Азии отводится роль «приграничного» региона, особенно с учетом афганского урегулирования, а также географической близости к Ближнему Востоку. Расширение НАТО, упрочение ее связей с Россией, а также императивность борьбы с международным терроризмом подтолкнуло Альянс к расширению зоны своей ответственности за пределы европейского континента. Инициативу США о формировании в рамках НАТО Сил быстрого реагирования, которые будут призваны «гасить» так называемые «интенсивные конфликты» в любой точке земного шара, можно расценивать как новый шаг государств Североатлантического блока в указанном направлении.

Продолжающаяся глобальная борьба с терроризмом будет способствовать повышению роли НАТО в обеспечении международной и региональной безопасности, в том числе в Центральной Азии. С 11 августа 2003 года Альянс начал осуществлять свою первую миссию вне Европы и принял на себя командование над Международными силами содействия безопасности в Афганистане (ISAF) в количестве 5,500 международных миротворцев, сформированными по мандату ООН. Бывший Генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон отмечал, что Североатлантический блок будет играть ключевую роль в оказании содействия Центральной Азии в борьбе с угрозами терроризма, если этот блок примет на себя руководство миротворческими силами¹⁵⁹.

Новое содержание стратегии НАТО требует активного взаимодействия организации с государствами Центральной Азии, в том числе через Совет евроатлантического партнерства (СЕАП) и программу «Партнерство ради мира» (ПРМ). Главное место при этом отводится военно-техническому сотрудничеству, в частности, по укреплению государственных границ, их инженерно-техническому оснащению и т.д.

¹⁵⁷ См.: Акерман Э. Теория и практика предотвращения конфликта. Программа для руководящего состава по вопросам безопасности и международных отношений. 2003-5. Колледж по изучению вопросов безопасности международных отношений Европейского Центра имени Дж.Маршалла. Раздел 10. — С. 2.

¹⁵⁸ См. там же. — С. 2-3.

¹⁵⁹ См.: Wishnick E. Strategic consequences of the Iraq war: US security interests in Central Asia reassessed. — Strategic Studies Institute, May 2004. — P. 9.

Вместе с тем разный уровень вовлеченности стран региона в систему взаимосвязей с НАТО, их участие в различных по целям региональных и межгосударственных структурах серьезно сдерживают реализацию центральноазиатской политики Альянса. В связи с этим важное значение для НАТО приобретают двусторонние отношения с государствами Центральной Азии, позволяющие налаживать более эффективное взаимодействие. В перспективе они могут трансформироваться в долгосрочную программу широкого и многостороннего сотрудничества по различным направлениям, в которую будут вовлечены практически все страны региона.

Взаимодействие НАТО с государствами Центральной Азии ознаменовало новую эпоху в функционировании этой организации, особенно ярко проявившемся с включением ее в процесс афганского урегулирования. Эти тенденции привели к ломке старых стереотипов и представлений времен «холодной войны», когда интересы одного лагеря государств прямо противопоставлялись интересам других. Как утверждает американский эксперт Р.Бронсон, после распада бывшего Советского Союза члены НАТО быстро приняли за защиту уязвимых новых независимых государств посредством установления экономических, политических и военных связей¹⁶⁰.

При этом одним из важных институциональных форматов сотрудничества между Альянсом и странами СНГ, в том числе Центральной Азии, является программа «Партнерство ради мира»¹⁶¹, которая преследует две цели: подготовка государств Содружества к вступлению в НАТО и установление с ним более близких отношений в военной сфере¹⁶². Их зависимость от России, которая к тому же была серьезно вовлечена в чеченский конфликт, в области обороны и обеспечения безопасности служила для центральноазиатских стран одним из главных причин развития сотрудничества с Альянсом, особенно в условиях возросших угроз из Афганистана с середины 90-х годов.

С другой стороны, развитие сотрудничества в военной сфере с НАТО для государств Центральной Азии как один из эффективных механизмов диверсификации их отношений в данной сфере, предоставляла особую возможность для строительства собственных Вооруженных Сил. При этом взаимоотношения развивались по нескольким направлениям, в частности, в области науки, планирования в чрезвычайных ситуациях, стандартизации Вооруженных Сил и т.д.

¹⁶⁰ См.: Bronson R. NATO's expanding presence in the Caucasus and Central Asia. NATO after enlargement: new challenges, new missions, new forces. — Strategic Studies Institute, 1998. — P. 229.

¹⁶¹ Впервые ПРМ была представлена в январе 1994 года в Брюсселе для расширения и интенсификации политического и военного сотрудничества между НАТО и странами-партнерами.

¹⁶² Bronson R. Op. cit. — P. 235.

Очевидно, что после 11 сентября 2001 года политика НАТО в отношении Центральной Азии существенно трансформировалась, в результате чего в повестке дня организации на первый план вышли проблемы борьбы с международным терроризмом. Государства—члены НАТО без колебаний привели в действие положение о взаимопомощи, предусмотренной в статье 5 заключенного между ними Вашингтонского договора, заявив, что террористические атаки были нацелены не только против Нью-Йорка и Вашингтона, но и против свободного и демократического Запада в целом¹⁶³.

Террористические акты в США стали серьезным вызовом для НАТО и потребовали переосмысления ее дальнейшей деятельности за пределами «традиционных зон влияния». Более того сейчас, когда фактор «холодной войны» уже больше не является той фундаментальной базой, которая консолидировала государства—члены НАТО в прошлом столетии, Альянсу, думается, необходимо пересмотреть стратегическую цель своего существования и лежащие в его основе ценности.

В настоящее время присутствие НАТО в Центральноазиатском регионе вызывает особую озабоченность, прежде всего, в России и Китае в связи с неопределенностью временных рамок пребывания натовских вооруженных контингентов. Между тем следует признать, что, несмотря на сохраняющиеся угрозы региональной безопасности в Центральной Азии с афганского направления, их степень и масштабы значительно снижены благодаря антитеррористической кампании в Афганистане, в которой активное участие принимают военные группировки стран-участниц НАТО. Этому способствовали, главным образом, консолидация усилий государств—членов НАТО, а также поддержка кампании Россией и Китаем, которые, без сомнения, были и остаются заинтересованными в успешном ее завершении.

Однако, существенные изменения в трансатлантических отношениях в результате серьезных противоречий между США, с одной стороны, и Германией и Францией — с другой, вокруг иракского кризиса пошатнули будущее НАТО. В связи с этим явно обнаруживались различия в оценках дальнейшей миссии Альянса, представленных его руководством практически сразу после начала антитеррористической операции в Афганистане.

Как отмечают западные аналитики, в то время выдвигались предположения, что центральную роль в борьбе против терроризма могла бы играть НАТО, превратившись в главную институциональную платформу трансатлантического сотрудничества. Генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон

¹⁶³ Петер ван Хам, Ричард Л.Куглер. Единство Запада и трансатлантическая безопасность перед лицом испытаний. — Публикация №4 Центра имени Дж.Маршалла, 2002. — С. 5.

заявлял, что «самая крупная и эффективная постоянная коалиция в мире (НАТО) будет играть центральную роль в коллективном реагировании международного сообщества на терроризм — как в настоящий момент, так и в долгосрочной перспективе». Он указал на уникальные возможности НАТО («способность к оперативному взаимодействию, совместные учения, совместные системы связи и материально-технического обеспечения, которые коренятся в самой военной структуре НАТО») и предположил, что «в настоящий момент НАТО является первым — на самом деле, даже единственным парнем на деревне»¹⁶⁴.

Однако нынешние реалии, складывающиеся в Афганистане, свидетельствуют, что военные и миротворческие операции будут приносить наибольший эффект в том случае, если будут сопровождаться целенаправленными усилиями в улучшении социально-экономической ситуации в этой стране. Без сомнения, как в Афганистане, так и в Центральной Азии проблемы обеспечения устойчивого развития национальных экономик трансформировались в ключевой фактор безопасности и стабильности. С этой точки зрения для стран-участниц НАТО важными представляются выработка и реализация комплекса мер по более тесному взаимодействию в процессе урегулирования конфликтных ситуаций в целом, в Афганистане, в частности, а также сотрудничество с центральноазиатскими государствами, одним из важных элементов которого стало бы именно социально-экономическое измерение.

Безусловно, эта проблема не входит в сферу деятельности НАТО как военно-политической организации, выполняющей, главным образом, военные и миротворческие операции. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопросы широкого использования всех возможностей Альянса, в том числе так называемого «soft power», особенно с учетом возрастающего общественного недоверия к международным институциональным структурам практически во всех странах, испытывающих серьезные социально-экономические проблемы. В этом контексте следует привести слова известного европейского политика К.Паттена: «В борьбе против международного терроризма «умные» бомбы имеют важное значение, но умные программы содействия развитию представляются еще более важными... Попытки включить эти страны в международное сообщество и вовлечь их в его деятельность принесут больше пользы, чем изоляция этих стран»¹⁶⁵.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

В новых условиях международных отношений после окончания «холодной войны», ОБСЕ играет активную роль в процессах трансформации Центральной и Восточной Европы. Между тем, масштабы ее деятельности распространились далеко за пределы традиционных границ европейской системы безопасности. Подобное развитие событий сталкивало ОБСЕ с решением комплекса новых угроз¹⁶⁶. Вовлечение ее в проблемы Центральной Азии, которые в силу их отличия от европейских являются специфическими, сопряжено с рядом вызовов для этой организации.

Так, начало деятельности ОБСЕ в Центральной Азии связывается с ее участием в урегулировании межтаджикского конфликта в 1994 году, когда открылась миссия организации в Таджикистане. В частности, ОБСЕ, выступив одним из активных участников мирного соглашения 1997 года в период гражданской войны в этой стране, сыграла важную миротворческую роль и в постконфликтный период в Таджикистане.

Роль ОБСЕ в остальных странах Центральной Азии имела определенное отличие. Изначально свою деятельность организация осуществляла посредством открытого в Ташкенте в 1995 году Центральноазиатского представительства (Central Asian Liaison Office). Позднее, в 1998 году, были созданы Центры ОБСЕ в Кыргызстане, Казахстане и Туркменистане. В 2000 году представительство ОБСЕ в Ташкенте было преобразовано в Центр, сконцентрировавший свою деятельность на внутренних, а не на региональных проблемах.

Тем не менее всего несколько лет тому назад ОБСЕ, будучи вовлеченной в процесс укрепления безопасности и стабильности на Балканах, не проявляла какой-либо практической активности в Центральной Азии. По оценкам экспертов Международной группы по предотвращению кризисов (МГПК, International Crisis Group, ICG), «в риторике представителей ОБСЕ тематика региона весьма быстро приобрела особую важность, особенно после событий 11 сентября 2001 года в США»¹⁶⁷. В связи с этим, особенно ввиду широкого участия других международных структур, прежде всего НАТО и ЕС, в постконфликтном восстановлении в балканских странах, крайне важным представляется более конструктивная переоценка деятельности ОБСЕ в Центральноазиатском регионе.

Однако при этом работа ОБСЕ в Центральной Азии существенно ограничивается из-за препятствий внутри самой организации. «Если серьезно принять во внимание требования

¹⁶⁴ См.: Петер ван Хам и Ричард Л.Кутлер. Указ. соч. — С.6.

¹⁶⁵ Patten lays into Bush's America. — The Guardian (Manchester). — 2002. — February 9.

¹⁶⁶ См.: The OSCE in Central Asia: a new strategy//An ICG Report. — 2002. — September 11. — P.1.

¹⁶⁷ Ibid. — P. 2.

Хельсинкского договора (Helsinki Final Act), то ОБСЕ столкнулась бы с теми вопросами, которые оказывают влияние на весь регион безопасности ОБСЕ, такими, как проблемы нефтепроводов в Центральной Азии и на Кавказе или углубления экономического разрыва между Востоком и Западом. Однако эти проблемы являются слишком большими для ОБСЕ или, если сказать грубо, национальные интересы настолько значительны, что они препятствуют государствам-членам ставить их на повестку дня ОБСЕ»¹⁶⁸.

Эксперты МГПК отмечают: «Несмотря на желание центральноазиатских стран, ОБСЕ не смогла выработать соответствующие подходы к внешним угрозам безопасности региона, связанным, прежде всего, с Афганистаном. При этом в самой организации склонны считать, что Афганистан не представляет собой реальную угрозу региональным государствам»¹⁶⁹.

Однако сохраняющаяся нестабильная ситуация в Афганистане, без сомнения, создает благоприятную почву для расширения деятельности радикальных исламистских и международных террористических организаций в Центральной Азии. Как считает советник Секретариата ОБСЕ Р.Херманн, «хотя ОБСЕ объявила борьбу с терроризмом в качестве своего приоритета, организация все еще находится в середине продолжающегося процесса поиска своей роли в этой борьбе»¹⁷⁰.

В связи с этим, представляется важной совместная со странами Центральной Азии и Афганистаном выработка долгосрочной стратегии деятельности ОБСЕ в регионе, что напрямую увязывается с проявлением политической воли, как региональных государств, так и самой организации. Однако на сегодня это является весьма сложной процедурой, прежде всего, по причине того, что наиболее крупные государства-члены ОБСЕ имеют большее влияние на принятие решений в рамках организации, в то время как центральноазиатские страны зачастую чувствуют себя проигнорированными в подобных неформальных обсуждениях.

В этих условиях неудивительно, что государства Центральной Азии, как указывают эксперты МГПК, находят раздражающими рекомендации в свой адрес со стороны западных стран. Более того, основные затраты на деятельность Центров ОБСЕ в регионе в 2001 году составили порядка 4,5 миллиона долларов США, что менее 1/3 бюджета миссии в Хорватии и

меньше 5% общего бюджета ОБСЕ. Вместе с тем, в условиях недостаточности ресурсов организации для региона в дополнение к ограниченному штату сотрудников Центров, трудно представить повышение эффективности работы ОБСЕ в Центральной Азии»¹⁷¹.

При этом особого внимания требуют вопросы, связанные с отсутствием четко выработанной программы деятельности ОБСЕ в Центральноазиатском регионе и влияние этого обстоятельства на разрешение региональных проблем. По словам одного из новых сотрудников ОБСЕ, работающих здесь, удивление у него вызывает то, что нет ясной стратегии миссии в государствах Центральной Азии. В результате ему пришлось подготовить собственный план работы в стране его пребывания, исходя из личного опыта в предыдущих миссиях ОБСЕ в других регионах. Положение усугубляется и сложным процессом отбора международных сотрудников, а это ведет к тому, что промежуток времени после отъезда одного сотрудника по завершении его командировки до прибытия нового зачастую составляет несколько месяцев. В результате нарушается последовательность в деятельности проектов организации¹⁷².

Хотя ОБСЕ играет одну из важных ролей в укреплении безопасности и стабильности в Центральной Азии, необходимы переоценка и улучшение ее приоритетов, особенно в расширении мандата для координации общей стратегии в противодействии новым транснациональным угрозам¹⁷³. В частности, не учитывается тот фактор, что практически все угрозы и вызовы региональной безопасности напрямую увязываются с объективными последствиями распада целостной хозяйственной системы бывшего Советского Союза, которые привели к возникновению целого ряда социально-экономических проблем во всех странах СНГ, в том числе Центральной Азии. В связи с этим, для повышения эффективности работы ОБСЕ в регионе, диалога организации с центральноазиатскими государствами необходимо выведение на качественно новый уровень экономической составляющей, которая имеет особое значение, как для стран региона, так и для Афганистана. По всей вероятности, подобные меры должны сопровождаться также углублением сотрудничества ОБСЕ не только с государствами Центральной Азии, но и с международными организациями, специализирующимися на финансово-экономических вопросах.

¹⁶⁸ Oberschmidt R., Zellner W. OSCE at the crossroads// Working Paper (Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg) — № 2. — P. 19.

¹⁶⁹ The OSCE in Central Asia: a new strategy //An ICG Report. — 2002. — September 11. — P.8.

¹⁷⁰ Херманн Р. ОБСЕ и новые вызовы безопасности: перспективы и границы сотрудничества в контексте Центральной Азии. В кн.: Материалы международной конференции «Стабильность в Центральной Азии в постконфликтный период» (14–15 июня 2002 года, Ташкент). — С.36.

¹⁷¹ OSCE. The Secretary General, The Unified 2002 Budget Proposal. Book — Summary. Vienna, 2001, October 1.

¹⁷² The OSCE in Central Asia: a new strategy. — P. 6.

¹⁷³ Alimov R.M. Central Asian security and geopolitical interests//Marco Polo. — 2003. — № 1. — P.8.

ШОС является одной из самых новых международных организаций, которые имеют возрастающий потенциал в решении важных проблем региональной и международной безопасности. Образованная еще до трагических событий 11 сентября 2001 года, она рассматривалась как совместный механизм сдерживания угроз, исходивших из Афганистана, захваченного талибами. После начала антитеррористической кампании, как казалось многим экспертам, данной организации не оставалось «поля деятельности», а ресурсы ее были не достаточными для решения поставленных задач.

При этом имелись и прямо противоположные оценки деятельности ШОС в Центральной Азии. Так, главный редактор немецкой газеты «Дипломатический курьер» Константин Эрлих уверен, что совместные действия стран-членов ШОС могут привести к практическим и весьма ощутимым результатам. «И дело даже не в том, что в число членов входят такие мировые державы, как Китай и Россия, — отмечает он, — Главное преимущество этой организации заключается в том, что ее основу составляют единомышленники, которые стремятся вместе решить те или иные международные проблемы, в первую очередь — борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом»¹⁷⁴.

Как полагает китайский эксперт Пан Гуан, «... до 11 сентября ШОС была бесспорным лидером в Центральной Азии в укреплении сотрудничества в сфере безопасности и в борьбе против терроризма...»¹⁷⁵. Однако ранее Пан Гуан, противореча себе, утверждал, что после трагических событий 11 сентября «невозможно и нереально было бы надеяться на то, что ШОС могла бы в то время играть какую-либо роль, кроме как предложить свое участие и помощь»¹⁷⁶. По его мнению, это обуславливалось отсутствием тогда необходимых институциональных структур, а также тем, что «ни одна из стран-участниц организации не подвергалась непосредственному нападению террористических банд со стороны Афганистана»¹⁷⁷.

Как отмечает в одной из аналитических статей американский эксперт, сотрудник Центра стратегических и международных исследований Мэтью Оресман, ШОС на пути к превращению в полноправную международную организацию оставила позади дни работы как дискуссионного клуба. В то же время есть еще множество препятствий, не последним из ко-

торых является внутреннее соперничество и постоянная необходимость оправдывать свое существование в свете присутствия США в Центральном азиатском регионе. ШОС выживет, если реальные ресурсы и политическая воля будут направлены на снижение напряженности и наращивание сотрудничества»¹⁷⁸.

Тем не менее вряд ли стоит умалять значимость ШОС, территория которой занимает довольно обширную часть Евразии, обеспечивая странам-участникам геостратегический выход в Европу на западе и в Азиатско-Тихоокеанский регион на востоке. Необходимо отметить и людские ресурсы организации — приблизительно 1,5 миллиарда человек, что составляет практически четверть населения нашей планеты. Участие в ШОС двух постоянных членов Совета Безопасности ООН, ядерных держав — России и Китая, существенно увеличивает ее потенциал, как политический, так и экономический, в решении ключевых проблем региональной безопасности.

Ташкентский саммит, прошедший 16—17 июня 2004 года в столице Узбекистана, ознаменовал завершение институционального формирования ШОС: принята Хартия (2002 год), учреждены два постоянно действующих органа — Секретариат в Пекине (2003 год) и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте (2004 г.). По итогам встречи глав государств организации в нее в качестве наблюдателя принята Монголия, выразившая заинтересованность в развитии сотрудничества с ШОС.

«Проведение саммита Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте показывает высокий уровень регионального сотрудничества и демонстрирует стремление стран-членов ШОС к координации своих усилий в решении важных вопросов», — заявил руководитель немецкого Союза содействия конкуренции в экономике, вице-президент общества «Германия — Узбекистан» доктор Петер Шпарри¹⁷⁹.

Эксперт по странам Азии и Европы одного из крупных аналитических центров США «Евроазиатская группа», К.Назл отметил: «ШОС для стран ЦА — эффективный форум для взаимного диалога. Открытие Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте отвечает и интересам США, которые поддерживают любые формы противодействия терроризму. Узбекистан всегда был на переднем крае борьбы с терроризмом и призывал к этому другие страны региона. Открытие РАТС в Ташкенте — логическое признание активной деятельности Узбекистана в этой сфере, повышение статуса страны в ШОС»¹⁸⁰.

¹⁷⁴ Саммит в Ташкенте: встреча единомышленников//Народное слово. — 2004. — 22 июня.

¹⁷⁵ Пан Гуан. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании// Центральная Азия и Кавказ. — 2003. — №3(27). — С. 58.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ См.: Oresman M. The SCO: A New Hope or to the Graveyard of Acronyms? — 2003, May 22. — <http://www.csis.org/pacfor/pac0321.html>.

¹⁷⁹ Саммит ШОС: взгляд из Германии//Народное слово. — 2004. — 16 июня.

¹⁸⁰ Время практических действий//Народное слово. — 2004. — 24 июня.

«Шанхайская организация сотрудничества должна развиваться настолько быстро, насколько позволяют объединенные ресурсы государств—членов организации, — считает директор исследований лондонского Центра внешней политики, известный европейский эксперт в области безопасности Грег Остин. ШОС обладает большими возможностями для обеспечения мира и стабильности в регионе. Соседние страны в долгосрочной перспективе могут быть очень важным дополнением организации в качестве ее членов. России и Китаю следует продолжать уделять ШОС значительный объем своих ресурсов»¹⁸¹.

Основными направлениями деятельности ШОС, согласно положениям ее Хартии, являются борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом, а также с возрастающей угрозой наркотрафика в Центральной Азии. Вместе с тем страны—участницы, подписавшие ряд соглашений, придают особое значение развитию сотрудничества в торгово-экономической и транспортно-коммуникационной сферах. Тот темп, который был задан организацией на двух последних саммитах в Москве и Ташкенте, дает основание полагать, что у нее достаточный потенциал для решения поставленных задач, имеющих особую значимость для каждой из стран-участниц, которые стремятся использовать многостороннее сотрудничество в целях углубления экономических и социальных преобразований.

Для выявления перспектив развития ШОС, на мой взгляд, следует остановиться на характере российско-китайских отношений, а также интересах государств-членов, которые (интересы) имеют концептуальное значение для внешней политики последних, прежде всего, в Центральной Азии. Но в контексте геополитического расклада сил в регионе следует отметить, что взаимодействие России и Китая в рамках ШОС как крупнейших региональных держав в значительной степени способствует взаимному балансированию их присутствия в Центральной Азии, минимизируя вероятность возникновения противоречий в российско-китайских отношениях, по крайней мере, на среднесрочную перспективу. Китай официально признает традиционную роль России в Центральноазиатском регионе, однако существенное ослабление ее политико-экономических позиций в расположенных в нем странах предоставляет Китаю удобную возможность последовательно усиливать собственное экономическое и политическое присутствие.

Москва, осознавая складывающиеся реалии в Центральной Азии, критически изменившийся режим безопасности в регионе, вынуждена идти на компромисс, извлекая максимальную выгоду из диалога с Пекином не только по региональным во-

просам, но и по проблемам международного характера. Это обуславливается серьезным разрывом в развитии экономик двух стран. Так, на сегодня «Китай в экономическом и политическом плане является восходящей мировой державой»¹⁸². А вот мнение немецкого эксперта Р.Геца о РФ: «Россия уже давно не является той великой экономической державой, какой она была после первой, а затем после второй мировой войн. Стойкий спад ее производства в течение девяти лет (с 1990 по 1998) явно и, очевидно, надолго отбросил ее назад в экономическом соревновании»¹⁸³.

РФ и КНР как два крупнейших евроазиатских государства имеют жизненно важные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Однако на сегодняшний день Китай в отличие от России практически выступает «главным заправщиком» северо-корейского урегулирования, пытаясь тем самым укрепить собственный авторитет на глобальной арене, прежде всего, в диалоге с США.

В последние годы Китай существенно активизировал свой диалог со странами АТР, прежде всего, в рамках АСЕАН в формате «АСЕАН+3». В этом отношении Россия, будучи занятой своими внутренними социально-экономическими и политическими проблемами, а также возрастающими вызовами на пространстве СНГ, заметно «отстает» от своего партнера по ШОС — Китая. Очевидно, что в Москве упорчение российских позиций на Дальнем Востоке и в АТР рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики. Об этом заявил 12 июля 2004 года президент В.Путин на совещании с послами в МИД РФ. В частности, он отметил: «Сегодня наиболее динамичным центром мирового экономического развития становится Азиатско-Тихоокеанский регион. Надо тесно связать внешнеполитическую линию на углубление отношений с АТР с решением внутренних задач... Необходимо использовать эти связи для развития регионов Сибири и Дальнего Востока»¹⁸⁴.

Очевидно, что реализация этих задач подразумевает задействование как собственных российских ресурсов, так и потенциала институциональных механизмов. В связи с этим не исключается вероятность того, что в дальнейшем ШОС, где «главными игроками» являются Китай и Россия, будет рассматриваться последней как инструмент продвижения ее интересов в АТР¹⁸⁵.

¹⁸² Линк В. Имперский или плюралистический мир? В защиту политики сбалансированного сотрудничества// Internationale Politik. — 2003. — № 3. — С. 56.

¹⁸³ Гец Р. Экономические предпосылки и общие условия российской внешней политики. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. — Киев: Оптима, 2002. — С. 27.

¹⁸⁴ См.: <http://www.izvestia.ru/> — 12 июля 2004 года.

¹⁸⁵ См.: Иванов С. Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты// Россия в глобальной политике. — 2004. — Т.2. — №1, январь-февраль. — С. 40—41.

¹⁸¹ ШОС — адекватный ответ современным вызовам// Народное слово. — 2004. — 17 июня.

Вместе с тем ШОС выступает в качестве ключевого механизма, позволяющего России и Китаю реализовать свои геополитические интересы в Центральной Азии и потенциально усилить свои позиции в глобальном диалоге с Соединенными Штатами. Однако российско-китайское партнерство в рамках ШОС подвергается серьезным испытаниям, так как Китай и Россия имеют в регионе совпадающие и несовпадающие интересы. Более того, так называемый «российско-китайский кондоминиум», направленный против расширяющегося присутствия США в Центральной Азии, представляется, скорее, иллюзорным, нежели реальностью. Без сомнения, для Москвы американо-российские отношения являются более важными, чем ее сотрудничество с Пекином. КНР, в свою очередь, дорожит уровнем своего диалога с Соединенными Штатами и не способна пойти на жертву ради «китайско-российской дружбы»¹⁸⁶.

Дальнейшее углубление деятельности ШОС предоставляет Китаю ряд возможностей для обеспечения безопасности по периметру своих северных и северо-западных границ, что позволяет ему осуществлять планомерную политику социально-экономического развития СУАР. В связи с этим, для Пекина особую значимость представляет проблема сохранения и укрепления безопасности и стабильности в этом северо-западном районе страны. В данном контексте выдвижение китайской стороной инициативы о «совместной борьбе с тремя злами — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» не является случайным. Как полагает Д.Глэдни, соглашения между КНР и граничащими с ней странами Центральноазиатского региона «служат превентивной мерой того, чтобы соседи Китая не содействовали сепаратистам на своей территории или в Синьцзяне». Однако, по мнению названного американского эксперта, «их центральноазиатские единоверцы продолжают оказывать финансовое и материальное содействие». Таким образом, становится ясным, что озабоченность ситуацией в Синьцзяне уже стала значительным фактором внешней политики Китая во многих сферах, и будет оставаться таковой на обозримую перспективу¹⁸⁷.

Пекин также намерен придать своему институциональному присутствию в Центральной Азии легитимный характер, закрепляя свои позиции *vis-a-vis* в регионе на долгосрочную перспективу¹⁸⁸. Благодаря этому Китай, вероятнее всего, станет наиболее важной державой в регионе, с которой необходимо считаться.

¹⁸⁶ См.: Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West. China's Emergence in Central Asia and Implications for US Interests. A report of the CSIS Freeman Chair in China Studies, August 2003, P. 11.

¹⁸⁷ См.: Gladney D.C. Chinese Program of Development and Control, 1978-2001. In «Xinjiang. China's Muslim Borderland». — New York, 2004. — P. 116.

¹⁸⁸ См.: Hess M. Central Asia: Mackinder Revisited? Connections// The Quarterly Journal. — 2004. — Vol. III, №1. — P. 101.

С этой точки зрения участие России в «шанхайском проекте» представляется серьезным фактором для Китая, который учитывает сохраняющуюся значимость российского присутствия в регионе. При этом, китайская сторона осознает важность российского членства в ШОС для центральноазиатских стран, которые находят в этом механизм балансирования растущего китайского влияния.

В условиях ослабления военно-политических и экономических позиций России в Центральной Азии Китай существенно повысил уровень своих взаимоотношений со странами региона, что позволяет продвигать здесь собственные интересы. Так, в течение последних нескольких лет в результате переговоров по принципу *tete-a-tete* Китаю удалось решить погранично-территориальные вопросы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном практически в свою пользу¹⁸⁹. В настоящее время Пекин и Астана ведут переговоры о разделе трансграничных рек Черный Иртыш и Или.

Участие России в ШОС связано с возможностью использования этой организации как одного из инструментов предотвращения «угроз с юга» и восстановления российского военно-политического присутствия в Центральной Азии, ослабленного действиями США в рамках международной антитеррористической коалиции. Россия заинтересована также в постепенном превращении этой организации в политический механизм активизации межрегионального сотрудничества, способного в определенной мере гарантировать укрепление позиций РФ на международной арене.

Вполне вероятно также, что ШОС рассматривается Москвой и как средство сдерживания региональных амбиций Китая, особенно на фоне возрастания его экономического и военно-политического потенциала. О противоречивом характере партнерства Москвы и Пекина в рамках ШОС говорит тот факт, что набирающее обороты российско-китайское сближение не мешает России активно создавать предпосылки к институциональному ограничению экономического и политического влияния КНР в Центральной Азии. В частности, РФ форсирует развитие ЕврАзЭС, в рамках которого страны-участницы намерены сформировать единое экономическое пространство и проводить согласованную политику по вступлению в ВТО, членом которой уже является Китай. С этой же целью Россия стремится превратить ОДКБ, в которой участвуют имеющие общую границу с КНР Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, в военно-политический союз.

В свою очередь, страны Центральной Азии свое участие в ШОС рассматривают, скорее всего, в контексте геополитичес-

¹⁸⁹ См. Shichor Yitzhak. The Great Wall of Steel: Military and Strategy. In «Xinjiang. China's Muslim Borderland». — P. 154.

кого балансирования растущего влияния КНР и России в регионе. Однако представляется, что «диалог» между Китаем и его центральноазиатскими партнерами не оправдал надежд политических элит в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, ожидавших более активного участия РФ в урегулировании территориальных проблем.

В условиях снижения прямых угроз с афганского направления государства Центральной Азии пытаются использовать ШОС для обеспечения притока дополнительных финансово-экономических ресурсов, способных содействовать укреплению их национальной экономики и решению социальных проблем. Однако, на мой взгляд, такие перспективы представляются проблематичными ввиду того, что Китай и Россия не способны выступать в качестве потенциальных инвесторов по ряду объективных причин, по крайней мере, в обозримом будущем.

Во-первых, на сегодняшний день Россия сама испытывает существенный недостаток в иностранных инвестициях для модернизации старых производственных мощностей. В Москве осознают, что зависимость российской экономики от экспорта энергоресурсов открывает ей реальные возможности для формирования собственного капитала. Однако с точки зрения долгосрочных задач по превращению страны в державу с конкурентоспособной экономикой такая ситуация представляется весьма опасной. Как указывает заместитель председателя правительства России В.Христенко, «бесспорно, высокая конкурентоспособность страны должна быть высшей целью любого государства»¹⁹⁰. Изменение такой тенденции в лучшую сторону, по всей вероятности, потребует многих лет, что обуславливается далеко не простыми отношениями России со странами Запада.

Во-вторых, Китай, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, в рамках ШОС не ставит вопроса о предоставлении крупных капиталовложений в экономики стран Центральной Азии. Более того, некоторые китайские аналитики проявляют определенную обеспокоенность возможным увеличением потоков инвестиций США и других стран Запада в экономику центральноазиатских государств¹⁹¹. В то же время, Китай прилагает все усилия, чтобы обеспечить необходимые ресурсы для социально-экономического развития своих беднейших регионов, в первую очередь, СУАР.

В связи с этим, с точки зрения интересов Казахстана, его участие в ШОС способно решить ряд проблем национальной

безопасности. К ним можно отнести, в первую очередь, обеспечение нерушимости казахстанско-китайской границы, снятие давления миграции китайцев, усиление борьбы с трансграничной преступностью и наркоторговлей. Кроме того, с учетом географического расположения Казахстана в рамках ШОС для него крайне выгодным остается максимально активное участие в процессах транспортно-коммуникационного, энергетического и экономического сотрудничества.

Важной составной частью внешней политики Казахстана традиционно выступает стремление балансировать между геостратегическими интересами РФ и КНР, играть особую роль в российско-китайских взаимоотношениях в Центральной Азии. Поэтому, вероятно, Казахстан будет использовать ШОС как механизм ограничения военно-политического влияния России путем развития военных связей с Китаем.

Казахстан все еще обеспокоен возможностью использования Москвой фактора русскоязычного населения. Для Астаны также неприемлема возможность трансформации ШОС в военно-политическую структуру, однако, как свидетельствуют казахстанские аналитики, в настоящее время Казахстан находится под определенным давлением Москвы и Пекина по данному вопросу.

Для Кыргызстана важность ШОС трансформировалась в разряд ключевых национальных приоритетов, где наиболее значимым остается развитие всесторонних отношений с Россией и Китаем. Очевидно, что в вопросе обеспечения безопасности страны в связи с сохранением угроз религиозного экстремизма и наркобизнеса Бишкек отводит особую роль Москве, а также, в немалой степени, Пекину.

Серьезным фактором, подталкивающим Кыргызстан к тесному сотрудничеству с Россией и Китаем является также необходимость поддержания так называемого «тройственного присутствия» — РФ, КНР и США в Центральной Азии и стране. Риторика борьбы с угрозами терроризма, экстремизма и наркотрафика дает возможность Бишкеку оправдывать перед этими центрами силы «логичность» такой внешнеполитической стратегии в сфере обеспечения региональной безопасности.

Очевидно, подобная тактика обеспечивает Кыргызстану необходимые ресурсы для сохранения стабильной ситуации в стране путем максимального поддержания «на плаву» социально-экономической обстановки. Осознавая отсутствие каких-либо значимых экономических интересов мировых держав в Кыргызстане, Бишкек пытается извлекать материальную выгоду от предоставления своей территории для военных контингентов России и США. Более того, превращение Кыргызстана фактически в транзитную территорию для китайских товаров обеспечивает ему возможность для их последующего реэкспорта в другие страны Центральной Азии.

¹⁹⁰ См.: Христенко В. Указ. соч. — С. 75.

¹⁹¹ Подробнее см.: Пан Гуан. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании// Центральная Азия и Кавказ. — 2003. — №3 (27). — С. 55—56.

Для Таджикистана участие в ШОС остается важным механизмом для дальнейшего укрепления своей государственности и обеспечения интересов национальной безопасности, в частности, в противодействии организованной преступности, а также наркоторговле, исходящей из Афганистана. В то же время не исключается, что Душанбе рассматривает ШОС как инструмент балансирования между Москвой и Пекином с целью использования возможностей обеих государств для сохранения стабильности и восстановления своей экономики.

По мере урегулирования обстановки в Афганистане строительство транспортно-коммуникационных систем через территорию Таджикистана может стать одним из важных механизмов преодоления социально-экономического кризиса в стране. В связи с этим Таджикистан, учитывая заинтересованность КНР в получении альтернативного выхода к Афганистану через таджикскую территорию, пытается использовать опыт Кыргызстана по резкспорту китайских товаров.

Узбекистан придерживается твердой позиции, что ШОС не является военно-политическим блоком и открыта для диалога со всеми странами и международными организациями. Узбекистан рассматривает ШОС не как союз или подобную ему структуру, а как механизм многостороннего сотрудничества, направленный на укрепление мира и стабильности, усиление борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и наркобизнесом, которые несут угрозу региональной и глобальной безопасности. В этом контексте Республика Узбекистан поддерживает и разделяет позиции других стран — участниц ШОС о важной роли организации в решении указанных проблем.

Ключевыми задачами ШОС Узбекистан считает поддержание безопасности в регионе, а также создание условий для стабильного развития центральноазиатских стран. Выступая на саммите Шанхайской организации сотрудничества 17 июня 2004 года, Президент Узбекистана Ислам Каримов подчеркнул, что важнейшими направлениями, несущей конструкцией ШОС должны стать безопасность и экономика. Опираясь именно на эти две опоры, сказал он, можно обеспечить эффективность деятельности и международный авторитет ШОС, ее органичную адаптацию к быстроменяющейся ситуации в мире. Узбекистан, как подчеркнул глава нашего государства, однозначно поддерживает провозглашенный в качестве приоритета ШОС бескомпромиссную борьбу с международным терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком¹⁹².

Проблемы безопасности и стабильности в Центральной Азии не могут рассматриваться в отрыве от вопросов развития регионального экономического сотрудничества. В связи с этим

¹⁹² См.: Правда Востока. — 2004. — 18 июня.

национальным интересам Узбекистана и, как представляется, других стран Центральной Азии отвечает формирование Центральноазиатского общего рынка (ЦАОР). Он может стать ключевым фактором усиления экономической составляющей ШОС. Создание общего рынка при активном партнерском участии России, Китая и других стран, как отметил Президент Ислам Каримов, позволит вместо действующих сегодня узких национальных рамок сформировать в регионе крупный и емкий рынок товаров и услуг, труда и капитала, где будут действовать единые подходы, законодательные нормы и правила. Открыть тем самым широкие возможности для привлечения иностранных инвестиций и передовой технологии — что в конечном итоге благотворно повлияет на обеспечение устойчивого роста экономики и повышения уровня жизни людей¹⁹³.

Между тем, помимо преимуществ, участие государств Центральной Азии в ШОС может сузить для них поле маневрирования во внешней политике, подталкивать к сближению с внешнеполитическими ориентирами России и Китая, что неоднозначно будет сказываться на динамике взаимоотношений стран Центральной Азии с государствами Запада, прежде всего, с США. Кроме того, поскольку ШОС не является военно-политическим союзом, то она не может дать гарантии безопасности всем странам — участницам организации.

В связи с этим для сохранения и укрепления потенциала ШОС, перспектив ее дальнейшего развития представляется важным воздерживаться от каких-либо действий, направленных на противопоставление организации в отношении других центров силы, прежде всего, стран Запада. Это во многом будет зависеть от Китая и России, проявляющих особую озабоченность военным присутствием США и их союзников по НАТО в Центральноазиатском регионе.

Нынешняя геополитическая ситуация в Центральной Азии, характеризующаяся «тройственным присутствием», предоставляет объективные возможности для формирования особой архитектуры региональной безопасности, стержнем которой должен остаться баланс основных центров силы в регионе. В этом отношении следует отметить, что недавнее выдвижение Пекином теории «демократизации международных отношений» (*guoji guanxi minzhuhua*)¹⁹⁴ является отнюдь небезосновательным. Ее практическое осуществление со стороны всех стран — участниц ШОС, без сомнения, будет служить формированию того духа взаимного доверия, который необходим для дальнейшего развития этой организации и сохранения безопасности и стабильности в Центральной Азии.

¹⁹³ См.: там же.

¹⁹⁴ Xiang Lanxin. China's Eurasian Experiment. Survival//The HISS Quarterly. — 2004. — Vol. 46, № 2. — P. 116.

В Центральной Азии все еще не создан компактный, эффективный механизм коллективной безопасности. Тем не менее имеются надрегиональные структуры, которые занимаются наряду с другими проблемами и вопросами коллективной безопасности и в которые входят все государства региона. Это, прежде всего, Договор о коллективной безопасности. Он был подписан 15 мая 1992 года в Ташкенте.

Договор состоит из 11 статей, в которых участники обязуются воздерживаться от применения силы в отношении друг друга, согласовывать свои позиции в сфере безопасности. Основным сегментом ДКБ является статья 4, где записано, что агрессия против одной из сторон Договора будет рассматриваться всеми другими его сторонами как агрессия против них. Важной составляющей ДКБ является также статья 1, согласно которой государства-участники обязываются не вступать в военные союзы, направленные против какой-либо страны, подписавшей Договор. В то же время он предусматривает возможность участия в системах коллективной безопасности в Европе и Азии. Статья 10 явствует, что Договор открыт для присоединения к нему других государств.

Первоначально участниками ДКБ стали, помимо России и Армении, страны Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан¹⁹⁵. В сентябре—декабре 1993 года к ДКБ присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь. ДКБ был ратифицирован всеми участниками и вступил в силу 20 апреля 1994 года с условием возможности пролонгации срока его действия через 5 лет.

Предусматривавший, прежде всего, отпор внешним классическим военным угрозам, ДКБ в практическом плане не оправдал надежд перед новыми типами угроз и вызовов безопасности, которые приобрели острый характер в период после «холодной войны». ДКБ не проявил себя как структура, способная проводить миротворческие операции, осуществлять превентивную политику и ликвидировать конфликты внутри СНГ.

Отношения внутри ДКБ развивались в рамках собственной логики стран-участниц, которая определялась рядом геополитических, военно-политических, внутривосточных и иных факторов, складывавшихся как на постсоветском пространстве, так и вокруг него. Локальные конфликты в Таджикистане, в Приднестровье не решались с помощью ДКБ, а два участника Договора — Азербайджан и Армения — даже вступили в военный конфликт друг с другом. Вопросами карабахского урегули-

рования занимаются, скорее всего, в рамках ОБСЕ (Минская группа ОБСЕ), а не в рамках ДКБ. У вошедших в Абхазию российских миротворцев был мандат СНГ, в Приднестровье присутствие российской армии тоже не имело мандата ДКБ. С конца 1994 года в самой России началась Чеченская война. В 1999 году угроза религиозного радикализма затронула Дагестан, началась вторая война в Чечне. С переходом на север сил движения «Талибан» в 1996 году и особенно их военным выходом к границам Центральной Азии в 1998 году положение в регионе стало крайне опасным. Новые виды угроз — международный терроризм, наркобизнес, неконтролируемая миграция, распространение подрывной литературы — стали главными факторами опасности в Центральной Азии, против которых ДКБ оставался бессильным. Баткентские события 1999 года и их повторение в 2000 году, когда вооруженные группировки исламистов сумели вторгнуться через Таджикистан на территории Кыргызстана и Узбекистана показали, что Договор не был в состоянии обеспечить безопасность в регионе.

Так, узбекистанский эксперт Ф.Толипов утверждает, что «в момент обострения угрозы ДКБ не смог выступить адекватной системой обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии, а находящаяся в Таджикистане российская военная база при всей ее первоначальной востребованности для этой страны также не смогла в полной мере выполнить свою миссию, поскольку ни огромные масштабы контрабанды наркотиков через территорию Таджикистана, ни собственно курсирование боевиков ИДУ между Афганистаном и Таджикистаном не были эффективно пресечены»¹⁹⁶.

Не случайны в связи с этим скептические оценки зарубежных экспертов: «Летом 2000 года посол России в Ташкенте заявил, что угроза национальной безопасности Узбекистана является также угрозой России, и если Ташкент попросит о помощи, Россия готова ее оказать»¹⁹⁷. Они также отмечали: «Москва же, со своей стороны, уже несколько месяцев угрожает Талибану бомбардировками. Несмотря на улаживающие слух российские обещания защиты, и узбекская, и кыргызская стороны имеют определенные сомнения в искренности России. Спрашивается, каким образом сотни исламистов в конце 2000 года смогли незамеченными пересечь афгано-таджикскую границу, охраняемую российскими войсками, чтобы, по слухам, подготовить нападение на Кыргызстан и Узбекистан весной или летом этого года?»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Туркменистан не входил в эту региональную структуру, позже, 12 декабря 1995 года он обрел статус постоянного нейтралитета, закрепленный специальной резолюцией Организации Объединенных Наций. Таким образом, эта страна доверила свою безопасность глобальной системе коллективной безопасности — ООН.

¹⁹⁶ Толипов Ф. Многообразие интересов и «большая стратегия» для Центральной Азии». В кн.: Центральная Азия в XXI веке; сотрудничество, партнерство, диалог. Материалы (13—15 мая 2003 года Ташкент). — С.112.

¹⁹⁷ Цит по: Брауэр Б., Эшмент Б. Политика России в Центральной Азии. В кн.: Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. — С. 160.

¹⁹⁸ Там же. — С. 160.

Ситуация усугублялась противоречиями между государствами, подписавшими Договор, по стратегически важным вопросам. Кроме того, российская сторона не всегда относилась к участникам Договора как к равноправным партнерам. В этих условиях ДКБ все более превращался в малоэффективную структуру, и его сохранение оказалось, по существу, бессмысленным. Эти дезинтеграционные тенденции привели к тому, что ДКБ испытывал серьезнейший кризис, который вполне мог привести к его распаду. На сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) государств—участников ДКБ, прошедшей в Москве в апреле 1999 года, эта организация потеряла Узбекистан, Азербайджан и Грузию, лидеры которых не подписали Протокол о продлении Договора.

В таких условиях государства—участники ДКБ, особенно российская сторона, в последние годы предпринимают шаги для сохранения этой структуры коллективной безопасности и придания ей нового импульса. Они (шаги) конкретизировались, в основном, на саммитах глав государств—участников Договора: Минской сессии СКБ (май 2000 года), Бишкекской сессии СКБ (октябрь 2000 года), Ереванской сессии СКБ (май 2001 года) и Московском юбилейном саммите государств—участников ДКБ (май 2002 года).

На Минском саммите был подписан Меморандум о повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, приняты решения Совета о порядке применения сил коллективной безопасности, создании Комитета секретарей Советов безопасности (КССБ). Последнему поручена, в основном, задача отработки и подготовки оперативных решений в сфере безопасности. Также обсуждена модель региональной системы коллективной безопасности, подразумевающая геостратегическую «нарезку» регионов, в соответствии с которой определялись позже европейская, кавказская и центральноазиатская подсистемы безопасности внутри ДКБ.

На Бишкекской сессии рассматривался блок вопросов по дальнейшему развитию модели региональной безопасности, были приняты решение о создании региональных сил системы коллективной безопасности, план по формированию Коллективных сил безопасности, рассчитанный на пять лет, подписано соглашение о статусе этих сил.

В Ереване принято решение о создании Коллективных сил быстрого реагирования Центральноазиатского региона коллективной безопасности со штабом в Бишкеке. Впервые в истории ДКБ конкретно указывался регион, который находился под угрозой дестабилизации — Центральная Азия. В качестве основных перед КСБР ставились задачи отражение внешней военной агрессии и проведение совместных контртеррористических операций.

В состав КСБР общей численностью 1500 военнослужащих были включены казахстанский штурмовой батальон «Казбат», киргизский горно-стрелковый батальон, российская тактическая группа на уровне батальонного соединения и отдельный батальон связи, а также таджикский десантно-штурмовой батальон. Дислоцируются все они на территории собственных стран, за исключением российской тактической группы, расположенной в Таджикистане. Этим силам была предоставлена авиатехника, в том числе транспортная и штурмовая авиация, вертолеты. Государства, подписавшие ДКБ, увеличивают количество военных маневров и командно-штабных учений.

Одним из главных итогов юбилейного саммита государств—участников ДКБ стало решение о преобразовании ДКБ в Организацию Договора о коллективной безопасности. Рабочей группе, состоявшей из заместителей руководителей соответствующих министерств и ведомств государств—участников ДКБ, было поручено до 1 ноября 2002 года подготовить проекты документов, регламентирующих деятельность Организации и ее органов с учетом существующей в рамках Договора правовой базы.

Государства-участники не приняли выдвинутого Москвой плана создания совместной оборонной структуры на основе российского Генерального штаба, который отвечал бы за координацию военных вопросов ОДКБ. Некоторые аналитики сочли это предложение попыткой создать военный блок наподобие Варшавского пакта. Совет коллективной безопасности принял решение создать межгосударственный орган военного управления ДКБ. По решению саммита, в 2002 году была создана Группа координаторов из представителей генеральных (главных) штабов Вооруженных Сил государств—участников ДКБ для организации текущей работы по военной составляющей Договора и подготовки решений по вопросам военного строительства.

После преобразования ОДКБ де-юре становится субъектом международного права в качестве региональной военной организации. Как указывает американский эксперт Е.Вишник, она служит для обеспечения поддержки российской 201-й дивизии в Таджикистане. Несмотря на то, что военное оснащение в Канте рассматривается как компонент КСБР ОДКБ, официально база принадлежит Военно-Воздушным Силам России на Урале¹⁹⁹. Превращение ОДКБ в субъект международного права позволяет ей устанавливать и развивать отношения с ООН, НАТО, ОБСЕ, ШОС и т. д.

Изложенное свидетельствует, что в период, когда наблюдается самое крупное за всю свою историю НАТО ее расширение

¹⁹⁹ См.: Wishnick E.Op. cit.

и становится реальностью долговременное военное присутствие США и сил Альянса в Центральной Азии, Россия стремится укреплять свои позиции, опираясь на ОДКБ и одновременно сближаясь с Западом. Для этого Россия готова пойти на некоторые уступки странам—участницам ОДКБ продаж оружия по льготным ценам, а также частичным финансированием ею национальных программ, связанных с разработками новых видов вооружений и военной техники, воссозданием эффективной системы противовоздушной обороны и т.п.

Что касается сегодняшней роли ОДКБ в обеспечении безопасности в Центральной Азии, то ее важность остается относительной. Во-первых, в ОДКБ входят не все государства региона. Во-вторых, в устранении основной угрозы военной опасности, исходившей из Афганистана, главную роль сыграли силы международной антитеррористической коалиции. И некоторые сегменты этих сил, дислоцирующиеся на территориях центральноазиатских стран, в том числе входящих в ОДКБ, до сих пор считаются гарантом их безопасности. Государства—участники ОДКБ, которые предоставили свои территории и аэродромы в качестве военных баз Вооруженным Силам третьих стран, вступили с ними в очень близкие отношения в военно-технической сфере. Все это не может не отразиться на конкурентоспособности ОДКБ в обеспечении региональной безопасности.

Однако более объективное рассмотрение роли ОДКБ в этом деле приводит как минимум к двум вопросам. Во-первых, до сих пор не ясно представлена зона ответственности этой организации; во-вторых, насколько ее ресурсы, как финансовые, так и военно-технические, достаточны для адекватного реагирования на современные нетрадиционные угрозы с учетом сегодняшних реалий.

С точки зрения российской стороны, зоной ответственности ОДКБ является территория СНГ. Об этом свидетельствуют следующие слова главы оборонного ведомства России С.Иванова. «Развитие отношений с Содружеством Независимых Государств (СНГ) является для России одним из приоритетных направлений внешней политики. Наша страна стремится и впредь укреплять потенциал координации военно-политической деятельности стран СНГ в рамках существующих структур и институтов, прежде всего Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)»²⁰⁰.

Однако события до и после 11 сентября 2001 года явно показывают, что количество государств—членов ОДКБ, как отмечалось выше, сокращалось и в настоящее время в нее входят всего шесть государств — Россия, Армения, Белоруссия,

Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Географически эта организация охватывает малую часть Кавказа, то есть Армению, и территории трех стран Центральной Азии. В связи с этим довольно сложно полагать, что деятельность ОДКБ как межгосударственной структуры коллективной обороны СНГ может быть эффективной, особенно на фоне того, что ряд стран Содружества проявляют открытую заинтересованность в сотрудничестве с НАТО.

Касаясь второго вопроса, следует отметить, что под сомнение ставится и сам ресурсный потенциал ОДКБ. Практически все страны—участницы (в том числе и РФ) испытывают серьезные финансово-экономические проблемы. В условиях нынешней геополитической ситуации в Центральной Азии и на пространстве Содружества в целом стремление России превратить эту организацию в «эффективную межгосударственную организацию, оказывающую стабилизирующее влияние на общую военно-политическую обстановку в СНГ и прилегающих к нему регионах»²⁰¹, представляется вполне очевидным и объяснимым.

Между тем реалии последних лет свидетельствуют о том, что ОДКБ фактически превратилась в институциональный инструмент сдерживания расширяющегося влияния стран Запада в Центральной Азии. В нынешних геополитических условиях ее будущее будет определяться способностью государств—членов организации и дальше умело балансировать между интересами крупных центров силы в регионе.

Евразийское экономическое сообщество/ Единое экономическое пространство

Образование ЕврАзЭС, а затем и ЕЭП (используется также — ОРИ Организация региональной интеграции) продиктовано, скорее всего, существенным снижением эффективности СНГ, как в идеологическом и военно-политическом плане, так и в экономическом отношении. Такие тенденции, обусловленные стремлением новых независимых государств к укреплению национального суверенитета, явно начали проявляться еще до событий 11 сентября 2001 года.

В этом не менее важную роль сыграла внешняя политика РФ в отношении постсоветских стран с самого начала 90-х годов прошлого столетия, которую нередко характеризуют как попытку «избавления от Советского Союза»²⁰². Однако «эта эйфория быстро улетучилась, и Россия стала стремиться к консолидации СНГ под эгидой России»²⁰³. Конечно, заинтересо-

²⁰¹ Там же.

²⁰² См.: **Александрова О.** Трудная реставрация старой зависимости. Политика России в отношении СНГ. В кн.: *Внешняя политика России: от Ельцина к Путину.* — С. 118.

²⁰³ Там же.

²⁰⁰ **Иванов С.** Указ.соч. — С. 40.

ванность в Содружестве обуславливалась стремлением Москвы сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, которое представляет для нее не только геостратегическое значение, но и экономическую важность. До сих пор РФ не добились существенного снижения сырьевой зависимости своей экономики, в то время как продукция перерабатывающей промышленности конкурентоспособна, главным образом, на рынках стран СНГ.

При этом расширение рынка на страны СНГ, как отметил В.Христенко, фактически решает задачу восстановления традиционного российского рынка и традиционных связей бывшего СССР²⁰⁴. По его словам, на государства СНГ приходится четверть объема российской внешней торговли, во многом не потеряны или могут быть кооперационные связи, сохранились близкие контакты между людьми, общие культурные и социальные традиции²⁰⁵.

Представляется, что по мере ограничения возможностей Москвы использовать военно-политические инструменты влияния в связи с расширением сотрудничества стран СНГ с НАТО, экономическое измерение приобретает растущую значимость для внешней политики России на пространстве Содружества. Нынешние геополитические реалии в СНГ, а также жесткие экономические условия в континентальной Европе, сопряженные с расширением ЕС вплоть до российских границ, приводят к еще большей актуализации ЕврАзЭС и ЕЭП для национальных интересов РФ.

Во внешнеполитической стратегии России ЕврАзЭС отводится роль обеспечения ее геоэкономических интересов в странах-участниках организации. Перспективы развития интеграционной структуры зависят от уровня взаимодействия сторон в вопросах общего экономического пространства с соответствующей нормативно-договорной базой. В то же время «разновекторность» геоэкономических интересов стран-участниц является основным фактором, оказывающим значительное влияние на дальнейшее развитие ЕврАзЭС.

Жизнеспособность этой организации на сегодня обеспечивается сохраняющейся экономической зависимостью ее членов от экономики России, которая является потенциальным рынком для их продукции, товаров и сырья. «Определяющая основа объединения в рамках ЕврАзЭС, — отмечает сотрудник Центра внешнеэкономических исследований Российской Академии наук Р.Ултанбаев, — это совпадение основных интересов государств, создавших эту структуру, в необходимости обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие и безопасность, достойное вхождение в ми-

ровое сообщество на основе преимуществ интеграции». При этом, как пишет он, «члены ЕврАзЭС отдают себе отчет в том, что переориентация на Запад, где их продукция (за исключением ряда сырьевых товаров) почти не пользуется спросом, может привести к ухудшению экономики и разрушению высокотехнологических отраслей национальной промышленности»²⁰⁶.

С данной точки зрения представляется вполне объяснимым существование ЕврАзЭС. В этом контексте Р.Ултанбаев вполне обоснованно утверждает: «Движущий мотив создания ЕврАзЭС — стремление каждого его участника реализовать свои экономические возможности, компенсировать трудности собственного развития и несовершенство структуры производства. Ряд объективных предпосылок способствует продвижению «евразийской пятерки» в этом направлении. ЕврАзЭС — самое крупное региональное объединение в СНГ. Страны ЕврАзЭС обладают большим природным и экономическим потенциалом, емким рынком, что создает значительные конкурентные преимущества и позволяет считать их своего рода «ядром» Содружества»²⁰⁷.

Однако, несмотря на «безоблачные» перспективы ЕврАзЭС, спустя несколько лет после его образования возникает ряд вопросов: каковы достижения не столько самой этой организации, сколько ее стран-участниц? Насколько эффективна деятельность данного интеграционного механизма, являющегося «ядром» Содружества, для будущего СНГ, особенно на фоне появления другого, более крупного «ядра» — ЕЭП? Как понять сосуществование ЕврАзЭС и ЕЭП, если конечной целью первого является формирование единого экономического пространства?

Анализ событий после образования СНГ в контексте появления ЕврАзЭС и ЕЭП позволяет проследить определенную логику институционального развития на территории Содружества. В этом обнаруживается последовательное раздробление СНГ на различные межгосударственные объединения, эффективность которых остается пока сомнительной.

Во-первых, задачи и цели, которые поставлены перед этими интеграционными механизмами, зачастую дублируют друг друга. Генеральный секретарь ЕврАзЭС Г.Рапота, оценивая перспективы ЕврАзЭС и ОРИ, отмечал: «Мне трудно судить о будущем создающейся Организации региональной интеграции, поскольку я еще не знаю концепцию этого блока. ... Дублирование, безусловно, есть»²⁰⁸.

²⁰⁴ Христенко В. Указ.соч. — С. 77–78.

²⁰⁵ См.: там же. — С. 80.

²⁰⁶ Ултанбаев Р. Евразийское экономическое сообщество: тернистый путь развития// Центральная Азия и Кавказ. — 2003. — №3 (27) — С. 151,152.

²⁰⁷ Там же. — С. 152.

²⁰⁸ Независимая газета. — 2003. — 25 мая.

Так, целью ЕврАзЭС является эффективное продвижение процесса формирования государствами—участниками Таможенного союза единого экономического пространства, координация их подходов при включении в мировую экономику и международную торговую систему. А в рамках ЕЭП предполагается достижение согласованной экономической политики по ряду аспектов, в том числе гармонизация соответствующего законодательства и создание независимой межгосударственной Комиссии по торговле и тарифам. Возникает вопрос: если ЕврАзЭС создан для формирования единого экономического пространства, тогда зачем ЕЭП?

С этой точки зрения примечательно то, что в ЕЭП вошли именно Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан, которые, как отмечает ирландский эксперт Д.О'Бичейн, А.Солженицыным в работе «Как обустроить Россию» были включены в его определение русской территории. По словам Д.О'Бичейна, «взгляды Солженицына имели большое влияние на российские власти»²⁰⁹.

Дублирование происходит не только по линии институциональных экономических механизмов. В рамках ЕврАзЭС поставлены задачи, входящие в функции структур по обеспечению безопасности. Так, 21 февраля 2003 года в Москве был подписан Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств ЕврАзЭС, который уже ратифицировали Белоруссия и Таджикистан. Как указывается в пояснительной записке к нему, «настоящим договором предусмотрено осуществление сотрудничества по пресечению на внешних границах стран—участниц ЕврАзЭС актов терроризма и незаконного перемещения боеприпасов, оружия, взрывчатых, отравляющих, наркотических и психотропных веществ, радиоактивных материалов и иных предметов контрабанды, а также в борьбе с незаконной миграцией и религиозным экстремизмом»²¹⁰.

Вместе с тем, как отмечает Р.Ултанбаев, возникает ряд весьма серьезных проблем. Например, по его словам, «сложной проблемой по-прежнему остается формирование единого внешнеторгового режима в отношении третьих стран». Здесь, естественно, возникает вопрос, что подразумевается под понятием «третьи страны»? Становится ясно, что к этой категории относится, в частности, Узбекистан, изменение режима свободной торговли с которым для Кыргызстана «чревато ответными мерами». Более того, «предлагаемые меры не устраивают и Таджикистан, поскольку в них включены импортируемые

товары, которые влияют на формирование доходной части республиканского бюджета и на защиту интересов национальных производителей»²¹¹.

От такой ситуации складывается впечатление, что: а) ЕврАзЭС направлено на дальнейшее разрушение СНГ, а также ОЦАС, в которую входят Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; б) небезосновательными являются оценки Р.Ултанбаева насчет проблем в ЕврАзЭС, и у него есть единомышленники. Так, один из российских экспертов утверждает, что «Душанбинский саммит ЕврАзЭС (апрель 2003 года) открыто продемонстрировал и противоречия в интересах более развитых и менее развитых государств—участников, о чем постоянно твердят эксперты, а также то, что большинство стран хотя и имеют тесные связи с Россией, но не друг с другом». По мнению этого автора, цели и задачи в рамках организации начинают противоречить друг другу, получилась очередная не очень понятная конструкция матрешки, когда страны—участницы входят в состав ЕврАзЭС, но уровень сотрудничества между ними задан по-разному²¹². По всей вероятности, «синдром» СНГ, как не состоявшегося объединения, находит свои проявления в ЕврАзЭС в нескольких суженных масштабах.

Во-вторых, образование ОРИ, в которую входят Белоруссия, Россия, Казахстан и Украина, свидетельствует, что функционирование ЕврАзЭС, по крайней мере, недостаточно для государств—участников этих региональных объединений. Как представляется, «ядро» СНГ, каковым казалось ЕврАзЭС, количественно уменьшается за счет вычленения из его рядов двух центральноазиатских стран — Кыргызстана и Таджикистана. Таким образом, «евразийская пятерка» сосуществует со своим «побратимом», который выглядит «более солидно» из-за Украины, чей экономический потенциал не сравним с потенциалом Кыргызстана и Таджикистана, вместе взятых.

Бесспорно, формирование ЕЭП направлено на «удержание» Украины в составе государств «ближнего зарубежья», особенно на фоне роста «неоимперских настроений» в России. Думается, наиболее лаконично цель создания данного объединения была высказана А.Дугиным. «То, что произошло в сентябре 2003 г. в Ялте, на этом фоне можно назвать крупнейшим успехом интеграционной, евразийской, если угодно, дипломатии. Новый формат экономической интеграции четырех ведущих стран СНГ (России, Украины, Казахстана и Белоруссии) в Едином экономическом пространстве успешно разблокировал латентную позицию основных игроков. По сути, это объединение имеет один главный результат — подбор такого интеграционного проекта,

²⁰⁹ О'Бичейн Д. Казахизация и языковая политика в постсоветском Казахстане. Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и Новых Независимых государствах. — Екатеринбург, 2004. — С.78.
²¹⁰ <http://www.eurasia.org/news>.

²¹¹ Там же. — С.160.

²¹² Косикова Л. Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удается объединить страны СНГ//Мир перемен. — 2004. — № 1. — С.113,114.

который по форме и содержанию устроил бы Украину. Именно за Киев велась основная борьба. Без Киева вся стратегия ГУУ-АМА теряла свой смысл, антироссийская фронда рассыпалась на глазах, интеграционный процесс в Евразии впервые за всю постсоветскую историю достиг критической черты реализации, за которой он становится необратимым»²¹³.

Тем не менее оценки в отношении будущего ЕЭП не столь радужны, как полагает А.Дугин, который вкладывает «геополитическую подоплеку» в контекст этой организации. Несомненно, такой подход выявляет тактику времен «холодной войны», которая (тактика) основана на противопоставлении по схеме «свои и чужие», а парадигма подобной политики — «кто не с нами, тот против нас».

Однако в российских кругах также довлеют прагматические подходы к интеграционным процессам на пространстве СНГ, в частности, в отношении ЕЭП. Так, заместитель председателя Комитета Государственной думы России по делам СНГ и связям с соотечественниками, член фракции «Родина» Андрей Савельев подчеркивает: «Я никаких позитивных моментов в создании ЕЭП не вижу. Более того, я был в числе тех, кто голосовал против Единого экономического пространства, хотя фракция «Родина» при многих оговорках все же склонилась к тому, чтобы поддержать его создание и проголосовала за это Соглашение. У меня здесь собственная позиция и я ее обосновываю. Состоит она в том, что подписанные и ратифицированные соглашения между четырьмя государствами исходят из определенной идеологической догмы — эта идеологическая догма восходит к Адаму Смиту и представляет собой убеждение в том, что чем меньше препятствий на границе, тем богаче государство... В результате получится следующее. Поскольку у нас по отношению к трем остальным участникам соглашения ВВП на душу населения в 1,5—2, а то и в 3 раза выше, будет происходить усреднение ВВП на душу населения. Ведь предполагается полная экономическая интеграция. Это значит, что те, кто подписывали это соглашение, и те, кто за него голосовали, в принципе готовы на то, чтобы снизить уровень жизни в Российской Федерации!»²¹⁴.

Перспективы и в целом жизнеспособность ЕЭП будут обуславливаться характером и динамикой сотрудничества Украины с Россией и Европейским Союзом. Несмотря на ратификацию соглашения о создании Единого экономического пространства украинским парламентом, в политических кругах Украины существуют мнения, негативно оценивающие эту организацию с точки зрения национальных интересов страны.

В их числе лидер партии «Яблуко» М.Бродский, который считает, что намерение создать ЕЭП направлено на ликвидацию суверенитета Украины. «На практике, — подчеркивает он, — это будет означать, что экономики других стран (Украины, Беларуси и Казахстана) будут работать по правилам, продиктованным Россией». М.Бродский прогнозирует, что в случае введения свободного перемещения товаров из России неминуем рост безработицы, банкротство украинских предприятий, «поскольку их продукция производится на более дорогих энергоносителях». По его мнению, свободное перемещение российских товаров возможно, если Россия повысит цены на энергоносители либо будет продавать их Украине по внутренним ценам. Однако невозможно договориться с Россией о таких вариантах. «Ни на первое, ни на второе Путин не пойдет, а Кучма не сможет его убедить»²¹⁵.

Член фракции Социал-демократической партии Украины Б.Андресюк считает: «Сегодня в Украине очень сложно воспринимается идея введения единой валюты на пространстве четырех стран. Украинцы достаточно долго добивались самоидентификации, исторического возвращения собственной гривны, и, получив это, не смогут от этого отказаться. Многие в этом документе усматривают также потерю Украиной независимости»²¹⁶.

В условиях расширения Евросоюза, когда он уже граничит со странами СНГ, внешняя политика Украины претерпевает важные преобразования в сторону сближения с ЕС, сотрудничество с которым, как представляется, сулит более выгодные перспективы для развития украинской экономики. С этой точки зрения нельзя исключать, что в ближайшей перспективе, особенно после «оранжевой революции», Киев сделает свой исторический выбор и отнюдь не в пользу ЕЭП, перспективы которого остаются пока, мягко говоря, призрачными.

В-третьих, для России, выступающей в качестве главного интегратора в СНГ, а также в рамках ЕврАзЭС и ОРИ, углубление двустороннего и многостороннего сотрудничества с ЕС представляется более важным, нежели ее участие в этих региональных структурах. В данном контексте небезосновательным является следующее суждение В.Христенко: «Расширение границ доступного нам рынка должно достигаться не одним лишь путем создания единого экономического пространства с участием ряда республик бывшего СССР. Требуется формирование аналогичного по функциям пространства с участием объединенной Европы не только на восточном (Единое экономическое пространство — ЕЭП), но и на западном (Общее европейское экономическое пространство — ОЕЭП) направлениях»²¹⁷.

²¹³ Дугин А. Новая экономическая империя. Единое экономическое пространство — выход из патовой ситуации? // Российская газета (Федеральный выпуск). — 2003. — 4 ноября.

²¹⁴ <http://www.investments.com.ua/media/analytics/EEP/>.

²¹⁵ http://uaportal.com.ua/news/Economics/news_7979.html.

²¹⁶ <http://www.ukraine.ru/analytics/193139.html>.

²¹⁷ Христенко В. Указ.соч. — С. 77.

В-четвертых, в настоящее время сложно оценить какие-либо положительные последствия от деятельности ЕврАзЭС для стран—участниц этого объединения. Так, в России и Казахстане наблюдаются заметные подвижки в экономическом развитии, которые обеспечиваются, главным образом, за счет роста поставок углеводородов и других видов сырья на внешние рынки. Что касается Кыргызстана и Таджикистана, то следует отметить, что они, как члены данной организации, не получили существенной экономической выгоды. Исключением является фактор присутствия значительного числа трудовых мигрантов из этих стран в России, а также в Казахстане.

В-пятых, в самом понятии ЕврАзЭС просматривается определенная идеологическая смысловая нагрузка, подразумевающая своего рода синтез или общность «европейского» и «азиатского». Однако не сложно выявить, какой из этих элементов доминирует в так называемом «евразийстве», представляющем попытку создать нечто противоположное «евроатлантизму» или «трансатлантизму».

Так, странами—участницами этой организации являются все постсоветские республики, которые по своей политической культуре, психологии и традициям основаны в той или иной мере на азиатских культурно—цивилизационных доминантах. Отношения в этих государствах «государство—общество», «государство—личность» и «общество—личность» все-таки далеки от европейских эталонов, как в политической, так и в экономической сферах. Именно в этом, на мой взгляд, заключается концептуальное различие между обществами «европейскими» и «азиатскими».

Объявленные цели и задачи руководителей этих стран по построению демократических, открытых обществ, что есть плоды исторического развития Запада, свидетельствуют об их стремлении идти по пути западных государств в политике и экономике. Это — признание преимуществ Европы, как идейно—ценностных, так и политико—экономических, и оно касается всех членов ЕврАзЭС, в том числе и России, которая охватывает европейскую территорию лишь до Урала.

В то же время, если рассматривать «евразийство» с географической точки зрения, то в ЕврАзЭС должны входить и страны Европы. Однако почти все они являются членами Европейского Союза. Участником последнего стремится стать и Турция — одно из крупнейших мусульманских государств, большая часть территории которого расположена в Азии. Следовательно, по концепции «евразийства», в случае вступления Турции в ЕС, мы вправе будем называть Евросоюз «евразийской организацией».

Следует также подчеркнуть, что само понятие «Евразия» является исключительно географическим, в то время как в «евразийстве» присутствует элемент соединения географии с

культурно—цивилизационным измерением. С этой точки зрения мы вправе называть «евразийским» государством даже Японию, в которой функционируют политические и общественные институты европейского типа. Такого же подхода можно придерживаться и в отношении африканских стран, охарактеризовав их «евроафриканскими».

Возвращаясь к вопросу о перспективах ЕврАзЭС в контексте участия в деятельности этой организации стран Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана надо отметить несколько важных проблем, отдельные из которых уже были рассмотрены выше. За годы независимости, без сомнения, этим государствам удалось существенно диверсифицировать свою внешнюю политику во многих сферах, как в рамках двусторонних отношений, так и в формате многостороннего сотрудничества. В настоящее время они являются членами многих международных и региональных организаций, в том числе на пространстве СНГ, которое (Содружество) не продемонстрировало свою эффективность.

Содружество представляло именно тот формат взаимодействия с Россией, который давал им возможность трансформировать свои отношения с Москвой от схемы «Центр—периферия» к взаимовыгодному сотрудничеству. Это стремление, очевидно, диктовалось их экономической и военно—политической зависимостью от РФ, которая (зависимость) была сформирована в течение более семи десятилетий в советскую эпоху.

В данном контексте «сужение» СНГ до ЕврАзЭС, а затем и ЕЭП предоставляет странам—участникам этих объединений возможность в определенной мере ограничить социально—экономические издержки своей независимости. Иными словами, участие в названных структурах государств Центральной Азии отнюдь не связывается с перспективами дальнейшего развития, а напротив, продиктовано императивом выживания. Вряд ли кто-либо может отрицать, что тот огромный, но не задействованный ресурсный потенциал стран—участниц этих двух организаций способен стать основой их экономического прогресса без содействия развитых стран, в частности, США, государств ЕС, Японии и других.

2.3. Ключевые вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии

Как показывает практика, формирование коалиций государств вне рамок международных институциональных структур позволяет достаточно оперативно решать конкретные задачи, как на региональном, так и глобальном уровнях. В то же время практика свидетельствует, что наиболее полное разрешение проблем глобальной и региональной безопасности, эффективное противодействие современным вызовам и угрозам возмож-

но только в рамках многосторонних механизмов, которые должны основываться на коллективных и скоординированных усилиях.

Вместе с тем полномасштабное включение международных институтов в это дело может иметь место при условии их адаптации к новым реалиям. Сегодня деятельность многих из них остается неудовлетворительной в силу различных приоритетов стран в области безопасности. Достижение единого для всех состояния безопасности и стабильности возможно только на основе общего видения сущности и природы современных вызовов и угроз, а также подходов и методов реагирования на них.

Интегрирующая позиция по данному вопросу должна заключаться в том, что религиозный экстремизм и международный терроризм, в какой бы «обертке» они ни преподносились, являются угрозой для всего цивилизованного мира. Не секрет, что религиозные экстремисты и международные террористические группировки хорошо организованы, их сети действуют во всем мире и врагами для них являются все, кто мыслит иначе.

Как неоднократно подчеркивал Президент Узбекистана Ислам Каримов, необходимо отказаться от избирательности и использования двойных стандартов в отношении тех сил, которые пропагандируют религиозную и этническую нетерпимость, стремятся использовать религию в качестве инструмента политической борьбы, готовы силой оружия и террора диктовать свою волю отдельным странам и всему миру. Данные вызовы и угрозы следует нейтрализовать всеми доступными законными путями, и мировое сообщество должно быть в этом заинтересовано.

Религиозный экстремизм и международный терроризм

К таким выводам приводит анализ религиозно-политической ситуации в Центральной Азии, которая к концу 90-х годов прошлого столетия превратилась фактически в зону концентрации религиозного экстремизма и международного терроризма. Последовавшие события после начала антитеррористической кампании в Афганистане лишь засвидетельствовали жизненно важное значение бескомпромиссной борьбы с этими угрозами.

В настоящее время преобладающая часть обществ Центральной Азии, несмотря на то, что больший процент населения исповедует исламскую религию, не поддерживает политический ислам в той форме, которая существует в теократических мусульманских странах. Вследствие этого высокая степень межконфессиональной толерантности, о чем свидетельствует тот факт, что ни в одном из государств Центральной Азии не произошло каких-либо серьезных конфликтов на религиозной почве, способствовала сохранению мира и стабильности в регионе. Именно эта доминанта превалирует в политической

культуре центральноазиатских стран, укрепляя светские ценности в политической психологии общества и социально-политической активности индивида.

В связи с этим необходимо отметить, что политизация ислама может лишь дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии, подрывая истинные идейно-ценностные ориентиры, которые несет в себе ислам. К сожалению, ряд зарубежных экспертов, а также различные «правозащитные» организации не придают особого значения тому факту, что общества и государства в регионе по своей природе являются светскими. Более того, усилия центральноазиатских стран, прежде всего Узбекистана, по предупреждению радикализации политического ислама как идеологической основы религиозного экстремизма и фундаментализма, они пытаются представить в качестве мер, противоречащих правам человека, демократизации и т.д.

При этом умалчивается довольно известный факт, что «исламская карта» умело разыгрывалась в период «холодной войны» супердержавами. По всей вероятности, нынешняя ситуация в Центральной Азии, когда в погоне за правами отдельных исламистов забывают права народов, является лишь последствием той геополитической игры, которая имела место в регионе начиная с 70-х годов прошлого столетия, прежде всего в Афганистане и вокруг него. В этом контексте вряд ли можно утверждать, что причиной растущих угроз религиозного экстремизма в центральноазиатских странах является экономическое положение. Естественно, бедность как один из внутренних факторов, способствующих росту этих угроз. Однако она далеко не единственная и тем более не самая главная причина, о чем свидетельствуют первые проникновения радикальных идей, а затем и экстремистских группировок в страны бывшего СССР, когда социально-экономическая ситуация сильно отличалась от той, которая существует сегодня.

За подобными заявлениями о нарушении прав человека в государствах Центральной Азии кроется, скорее всего, цель оправдать несостоятельность политики в борьбе отдельных стран Запада с глобальным терроризмом как наиболее крайним проявлением религиозного экстремизма. Угрозы экстремизма и терроризма напрямую увязываются с проблемами обеспечения региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии практически с первых дней после обретения государствами региона независимости. Эти угрозы в Центральной Азии, без сомнения, имеют особую значимость и с геополитической точки зрения хотя бы потому, что ситуация в регионе претерпела определенные изменения после событий 11 сентября 2001 года, непосредственно связанных с проявлениями глобального терроризма.

Однако надо сказать, что ныне вряд ли можно провести четкую грань, которая дала бы возможность выявить какую-

либо существенную разницу между экстремизмом и терроризмом. Об этом свидетельствует, например, «трансформация» ИДУ в террористическую группировку, которая на протяжении нескольких лет классифицировалась как религиозно-экстремистская организация. В связи с этим важным представляется рассмотрение самой сути и направлений деятельности таких организаций в Центральной Азии.

Страны региона впервые столкнулись с реальной опасностью распространения экстремистских идей, облеченных в форму религии, еще в конце 1980-х годов. По мнению иранского эксперта С.Р.Мусави, подобные тенденции наблюдались уже в 70-е годы. Так, он отмечает: «Сайид Абдулла Нури (один из руководителей Объединенной таджикской оппозиции. — Р.А.) в те годы занимался нелегальной деятельностью религиозного ученого. И в рамках учебных классов по изучению Корана собрал вокруг себя ряд мусульманских активистов, каждый из которых должен был организовать свои ячейки для изучения Корана и религиозных учений. В 1973 году Нури был арестован и переселен в город Курган-Тюбе... Он обвинялся в прослушивании иностранных радиоголосов и почтении Исламской Республики Иран и личности Имама Хамейни, а также в стремлении к реформам, официально существующим в советском исламе. В последующих событиях Таджикистана и начале гражданской войны Нури стал руководителем «Исламского движения Таджикистана»²¹⁸.

В 1990—1991 годах, после распада бывшего СССР, в силу сформировавшегося идеологического вакуума эти проблемы приобрели значительно больший масштаб. Эмиссары исламистских экстремистских организаций проникали в государства региона, насаждая чуждые истинному исламу ценности, распространяя литературу религиозно-экстремистского характера, призывающую к свержению существующей светской власти.

Идеи религиозного экстремизма оказались популярными среди определенной части верующих, поскольку были основаны на манипуляциях с помощью эгалитаристских лозунгов, призывов к социальному и экономическому равенству и т.п. Иными словами, социальный и экономический фон, порождаемый созданием рыночной экономики, не устраивает некоторые слои населения (особенно часть молодежи), стремящихся справиться с вызовами современных перемен без дополнительных образовательных или экономических усилий. Немалую роль в закреплении такого менталитета сыграло «советское прошлое» с настойчиво внушавшейся идеологией «всеобщего равенства трудящихся», «равноправного и справедливого распределения общественного продукта».

Естественно, такие «идеологические поползновения» не могли не привести к усилению политического ислама на всем пространстве бывшего Советского Союза, в том числе в странах Центральной Азии²¹⁹. На этом фоне, например, в Узбекистане наметилась тенденция роста активности группы местных мусульманских богословов. Они делились на: (1) официальных богословов в составе Управления мусульман (создано в 1943 году); (2) неофициальных богословов (условно — консерваторы), продолжавших нелегально прививать желаемым религиозные знания в традиционном ханафитском духе; (3) так называемых религиозных «реформаторов» (само название — Муджаддидийа — «Обновители»). Местные верующие называли их особым термином — «Ваххабийа»²²⁰.

Раскол и последующий конфликт, вплоть до вооруженных стычек, двух последних групп стал реальностью во время горбачевской перестройки, когда народы бывшего СССР стали возвращаться к своим подавленным в прошлом культурным и религиозным ценностям. Спор среди названных групп мусульман, начавшийся с догматических дискуссий, стал постепенно переходить в политическую плоскость. «Реформаторы» настаивали на придании исламу политического статуса, отказавшись от «политического кредо» Матуридидийа. В конфликт была вовлечена значительная часть верующих, его центром стали Ферганская долина и Ташкент. Крайняя конфессиональная нетерпимость «реформаторов» имела свои печальные последствия: погром еврейских кварталов в Андижане (май 1991 года), масса бытовых столкновений на религиозной почве с христианами и представителями других конфессий (Ташкент, Коканд, Бухара) и т.д.

Государство впервые столкнулось с совершенно непривычной для себя ситуацией и не имело опыта религиозной политики. Не вмешиваясь поначалу напрямую в конфликт, оно старалось отыскать приемлемые формы диалога, понимая, что ситуация может выйти из-под контроля. Однако, диалог не получался по многим причинам. Ощущавшие рост своего влияния «реформаторы» (на волне всеобщей реисламизации) заняли бескомпромиссную позицию, требуя легитимации создания Исламской политической партии и без референдума ис-

²¹⁹ Таджикские эксперты отмечают: «В 60—70-е гг. произошел раскол ислама, который стал источником появления генерации новых исламских интеллектуалов и духовных лидеров различных направлений. Именно они впоследствии сформировали исламские политические организации, такие, как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), «Адолат» («Справедливость»), Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и другие» (Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. Материалы «круглого стола». — Душанбе. 2003. — С.17).

²²⁰ Как подчеркивает С.Р.Мусави, «стремление руководителей Надждинской Саудии к учениям Мохаммад ибн Абдул Ваххаб Наджди... и формирование правительства Саудовской Аравии из числа приверженцев Абдул Ваххаба способствовало тому, что ваххабизм нашел свое особое место в исламском мире» (подробнее см.: Мусави С.Р. Указ.соч. — С.11.).

²¹⁸ Мусави С.Р. Исламские движения в Центральной Азии// Аму-Дарья (Терран). — 2003. — Апрель—июнь. — С. 26.

ламского государства. Эти идеи не были поддержаны ни Духовным Управлением (тогдашний муфтий — Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф), ни остальными верующими. Последнюю попытку диалога с наиболее радикальной частью «реформаторов» предпринял лично сам Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов (апрель 1991 года) в центре «ваххабитов» в Намангане во время митинга.

Таким образом, независимость не оправдала надежд «реформаторов» на создание собственных политических структур и исламского государства. В этой ситуации радикальное крыло «ваххабитов» создало свои несанкционированные структуры власти и правопорядка (Исламская милиция, «Воины ислама» и другие), которые без суда наказывали мелких карманников на базарах, угрожали женщинам, отказывавшимся надевать хиджаб, избивали мужчин, не посещавших мечети, и т.п. После таких действий государственные органы, опираясь на мнение большинства населения, приняли более жесткие меры к нарушителям Конституции страны, параллельно поддерживая представителей традиционных форм бытования ислама, отличающегося конформизмом и толерантностью.

События 11 сентября 2001 года, несомненно, изменили положение в Центральной Азии, сняв, например, прямую угрозу вооруженного вторжения отрядов ИДУ с территории Афганистана. Тем не менее говорить о полной стабильности религиозной ситуации преждевременно. Выступая в подкомитете Палаты представителей на слушаниях по Центральной Азии 29 октября 2003 года, помощник Государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Э.Джонс отметила: «Несмотря на то, что в ходе операции «Несокрушимая свобода» погиб военный лидер Исламского движения Узбекистана, признанного в США в качестве террористической организации, ИДУ все еще действует в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и, по сообщениям, в Казахстане. ИДУ, хотя больше не способно проводить крупные военные акции, как террористическая организация продолжает представлять угрозу государствам Центральной Азии, а также американским интересам в регионе... Другая религиозно-экстремистская группа Хизб ут-Тахрир, действующая в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане (и в других более 30 странах мира), представляет более сложную проблему. Она является жестко антизападной. Хотя пока не существует доказательств о причастности Хизб ут-Тахрир к насильственным акциям в качестве организации, однако ее пропаганда призывает к операциям самопожертвования против Израиля и нападениям против коалиционных сил в Ираке. В листовках Хизб ут-Тахрир утверждается также, что США и Соединенное Королевство Великобритании воюют против Ислама, имеется призыв ко всем мусульманам защищать веру и вступить в джихад против этих стран. Хизб ут-Та-

хрир пытается сменить режимы в Центральной Азии и установить наднациональный исламский халифат»²²¹.

Определенные круги ряда исламских государств, несмотря на изменение ситуации в Центральной Азии и в мире, в целом, не отказались от своих намерений по политизации ислама в Узбекистане и других странах региона. Идеологи религиозного экстремизма считают Узбекистан основным препятствием распространению в Центральной Азии идеологии ваххабизма и других нетрадиционных реакционных, клерикальных сект и течений.

Изменившаяся религиозно-политическая ситуация в Узбекистане после террористических акций в США 11 сентября 2001 года вынудила «ваххабитов» частично свернуть активную деятельность. Вместе с тем в последнее время наблюдается активизация остатков наиболее радикальных групп «ваххабитов», часть которых подпольно обучалась в группах, организованных членами ИДУ. В них проводились специальные «уроки джихада», на которых учили, как пользоваться огнестрельным оружием, изготавливать и применять подрывные устройства, организовывать теракты и диверсии. В контекстах таких «уроков», изданных правоохранительными органами Узбекистана в ходе специальных операций, видны признаки того, что инструкторы проходили обучение за рубежом. Например, условные буквы формул для расчета количества необходимого заряда взрывчатки преимущественно арабские. Такие же условные обозначения используются в учебных инструкциях «Аль-Каида» и «Талибан».

На сегодняшний день наиболее известной, активно действующей и распространенной исламской реакционной сектой в Центральной Азии является «Хизб ут-Тахрир» (полное название материнской партии «Хизб ут-Тахрир ал-Ислами» — «Партия освобождения ислама»). «Хизб ут-Тахрир» действует в большинстве мусульманских стран, в том числе в Иране, Ираке, Алжире, Судане, Йемене, Пакистане и Афганистане, хотя нигде, кроме Судана, не является легальной. Как отмечает известный эксперт американского аналитического центра «Херитэйдж фаундэйшн» Ариэль Коэн, организация, штаб-квартира которой расположена в Лондоне, осуществляет свою деятельность в 40 странах мира²²². По его оценкам, представители «Хизб ут-Тахрир» в Великобритании и Пакистане говорят от имени организации, но не имеют официального адреса и легального офиса. Руководство же ее в регионах и странах, в ча-

²²¹ Jones A.E. Testimony Before the Subcommittee on the Middle East and Central Asia House International Relations Committee. Washington, October 29, 2003. — <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/25798.htm>.

²²² См.: Cohen A. Hizb ut-Tahrir: An Emerging Threat to U.S. Interests in Central Asia. May 30, 2003. — www.heritage.org.

ственности в бывшем Советском Союзе, функционирует в режиме секретности²²³.

При этом А.Коэн подчеркивает, что «Хизб ут-Тахрир», будучи тоталитарной организацией, по своей дисциплине подобна марксистско-ленинской партии, в которой не принимают «инакомыслящих» членов. Основатель «Хизб ут-Тахрир» Такиуддин ан-Набхани синтезировал исламистскую идеологию с ленинской стратегией и тактикой. В связи с тем, что целью этой организации является глобальная революция, «Хизб ут-Тахрир» похожа на троцкистское крыло международного коммунистического движения²²⁴.

Действительно, подобные оценки высказывались и другими экспертами, которые находили общие черты в «Хизб ут-Тахрир» и большевистской партии. В частности, русский мыслитель Н.Бердяев отождествлял большевиков с террористами из-за их идеологии и методов борьбы. Описывая типичных революционеров-большевиков, он отмечал: «Нечаев (один из наиболее фанатичных революционеров России конца 1860-х годов. — Р.А.) во многом превосходит тип большевистской организации партии, крайне централизованной и деспотической, в которой все идет сверху. Нечаев хотел покрыть всю Россию такими маленькими революционными ячейками с железной дисциплиной»²²⁵.

Как известно, в настоящее время ячейки «Хизб ут-Тахрир» функционируют и в ряде стран Европы, однако пока только Германия ввела запрет на эту организацию. В России ее запретили 14 февраля 2003 года за деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя РФ, связь с незаконными вооруженными формированиями и радикальными исламскими структурами, действующими на территории Северо-Кавказского региона.

В России «Хизб ут-Тахрир» была признана преступной организацией еще в 1999 году. В мае 2001 года руководитель Антитеррористического центра СНГ генерал-майор Б.Мыльников оценил «Хизб ут-Тахрир» как «международную террористическую организацию, представляющую потенциальную угрозу безопасности не только РФ, но и всего СНГ»²²⁶. Тогда же МИД России квалифицировал эту организацию как «наиболее радикальную и законспирированную структуру экстремистского толка, планируемую и финансируемую зарубежными центрами и преследующую планы поэтапной исламизации России и со-

седних стран»²²⁷. Как сообщил 16 декабря 2002 года в беседе с журналистами директор Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ Н.Патрушев, «Хизб ут-Тахрир» «посягает на конституционный строй государств» и «организует незаконные вооруженные формирования, а также участвует в них»²²⁸.

В то же время, многие правозащитники стремятся доказать мирный характер «Хизб ут-Тахрир». Например, эксперты Международной группы по предотвращению кризисов критикуют правительство Узбекистана и других центральноазиатских стран за преследования членов этой организации. Однако даже сами правозащитники предупреждают, что «Хизб ут-Тахрир» очень опасна. В их докладе от 30 июня 2003 года говорится: «Теоретически партия отвергает терроризм, считая, что убийство невинных людей противоречит закону ислама. Однако под прикрытием подобных высказываний в их партийной литературе содержится идеологическое оправдание насилия, и партия признает свое участие в ряде неудавшихся попыток переворота на Ближнем Востоке»²²⁹.

При оценке деятельности «Хизб ут-Тахрир» в Центральной Азии необходимо исходить не из заявлений самой партии о ее мирных намерениях и об использовании ненасильственных методов идеологической и политической борьбы, а из анализа ее пропагандистской литературы, листовок и статей в партийных журналах. Кроме того, надо учитывать естественные законы внутреннего развития и радикализацию деятельности подобных организаций.

Основные идеи, с которыми выступали основатели «Хизб ут-Тахрир» и которые пропагандируются лидерами партии сегодня, состоят в следующем:

— все беды палестинцев и других мусульман происходят от того, что у них еще со времен Пророка появились «смертельные враги» — иудеи, «многобожники» и христиане;

— в современном мире эти «враги» стремятся всеми силами предотвратить политическое и духовное объединение мусульман, которые, только будучи едиными, могут им противостоять, сами распоряжаться своими природными богатствами, способствовать настоящей исламизации всего мира и т. д.

Чем более широкие масштабы приобретает деятельность «Хизб ут-Тахрир», тем больше «врагов ислама и мусульман» она находит. К традиционным врагам — «иудеям и христианам» сегодня прибавились «американский и мировой империализм», «коммунизм» и т. д. Единственным спасением мусульман, по

²²³ См.: Там же.

²²⁴ См.: Там же.

²²⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. — М.: Наука, 1990. — С.52.

²²⁶ Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С.150.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же; см. также: Сюкияйнен Л. Найдется ли шариату место в российской правовой системе? В кн.: Ислам на постсоветском пространстве. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. — С.15–44.

²²⁹ Radical Islam in Central Asia: Responding to Hizb ut-Tahrir. — ICG Asia report. — Osh/Brussels, 30 June 2003.

мнению идеологов «Хизб ут-Тахрир», может стать восстановление религиозно-политической структуры «Халифат».

Однако никакой попытки легализации лидеры партии ни в одной из стран Центральной Азии не предприняли. Напротив, они сразу же объявили местные правительства «приспешниками евреев, коммунистов, американцев, русских». Хотя представители «Хизб ут-Тахрир» свою деятельность характеризуют как пропагандистскую, их цели, распространяемые идеи, а также методы работы носят явно экстремистский, подрывной характер.

В частности, опасность, исходящая от «Хизб ут-Тахрир», прежде всего, заключается в том, что в свои стратегические цели она включает построение единого теократического государства не только в отдельно взятых мусульманских странах или регионах, но и в масштабе всего мира. Лидеры «Хизб ут-Тахрир», не признавая существующих современных государств, разбили весь земной шар на «вилаяты» (области, провинции). В каждом «вилаяте» структура партии организована по принципу ячеек (отдельно мужских и женских) — небольших подпольных групп с жесткой партийной дисциплиной, занимающихся пропагандой идей «Хизб ут-Тахрир». Для достижения своих целей эта организация призывает всех мусульман «постоянно (то есть до судебного дня) жить в состоянии джихада».

На основе своих идеологических установок лидеры «Хизб ут-Тахрир» отвергают все образцы западной демократии, западных форм построения политической и экономической систем, не говоря уже об образовании, законотворчестве, семейных отношениях и т.п. Они считают, что для мусульманских обществ, имеющих иные, чем Запад, традиции и менталитет, образцы «западной демократии» совершенно не подходят. Работу по «формированию мировоззрения» среди верующих активисты «Хизб ут-Тахрир» проводят посредством дискуссий по исключительно политической тематике, пытаясь придать подобным рассуждениям исламскую легитимность с помощью оторванных от конкретного исторического контекста ссылок на Коран.

В листовках «Хизб ут-Тахрир», в особенности до событий 11 сентября 2001 года, не отмечалось прямых призывов к «джихаду», поскольку идеологи партии полагали, что пока верующие к этому не готовы и нужно воспитать их политическое сознание. Однако во многих листовках имелись призывы к членам партии, чтобы они были в любое время готовы к конкретным действиям.

После событий 11 сентября в тактике и методах действий «Хизб ут-Тахрир» произошли опасные изменения. В связи со сложностями в привлечении к своей антиконституционной деятельности новых adeptов и необходимостью обеспечения собственной безопасности, функционеры «Хизб ут-Тахрир» пред-

принимают активные усилия вместе с исламистами-«джихадистами». Свою новую позицию по объединению этих усилий лидеры этой организации аргументируют тем, что Усама бен Ладен, движение «Талибан» и ему подобные группировки борются за создание «всемирного халифата». Сразу же после начала антитеррористической операции в Афганистане несколько размытые определения джихада, звучавшие ранее, обрели смысл насильственной борьбы с «неверными»: «бороться против неверных всеми средствами». В заключительных абзацах листовок отмечались и такие призывы, как «воевать, стоя за спиной законно избранного халифа».

Здесь следует отметить тот факт, что во время неоднократных арестов членов «Хизб ут-Тахрир» в Узбекистане и других странах были выявлены не только наличие экстремистской литературы, но и незаконное хранение оружия. Так, в России один из самых громких арестов произошел 6 июня 2003 года, когда в ходе совместной операции ФСБ и МВД России удалось раскрыть ячейку «Хизб ут-Тахрир» в Москве. Среди задержанных 55 членов партии были гражданин Кыргызстана Алишер Мусаев и гражданин Таджикистана Акрам Джалолов. В автомобиле Мусаева обнаружили около 100 граммов пластила, 3 ручных гранаты, а также 15 листовок «Хизб ут-Тахрир». Среди личных вещей Джалолова оперативники также нашли листовки, брошюры, 400 граммов тротила и другое оружие.

15 января 2003 года в ФРГ с формулировкой «за призывы к политическому насилию и антисемитскую пропаганду в университетах» была запрещена деятельность местного филиала «Хизб ут-Тахрир». Согласно сделанному журналистам заявлению главы МВД Германии О.Шили «Хизб ут-Тахрир» является «опасной организацией», «выступает против взаимопонимания между народами», «подрывает действующий конституционный порядок» и «пыталась установить контакт с ультрарадикальными силами»²³⁰. Запрет на деятельность «Хизб ут-Тахрир» последовал вслед за произведенными полицией обысками принадлежавших организации зданий в 25 населенных пунктах федеральных земель Бавария, Гессен, Гамбург, Северный Рейн-Вестфалия. При этом в проверенных 27 домах городов Мюнстер, Гамбург и Франкфурт-на-Майне были обнаружены опасные для здоровья химикаты, пропагандирующая насилие литература, а также 280 тысяч евро и 53 тысячи марок²³¹. Был подвергнут допросу руководитель сети «Хизб ут-Тахрир» в ФРГ — Шакер Асsem, редактор выходившего в городе Дуйс-

²³⁰ Российские вести (еженедельник). — 2003. — 16–22 апреля. — http://www.rosvesty.ru/numbers/1674/sng/article_33.phtml.

²³¹ См.: Рисулов Ш. О перспективах дальнейшей международной изоляции «Хизб ут-Тахрир». <None> аль-Ислами. — 30 января 2003 года. http://www.uzstrateg.uz/frontend/index.cfm?target=analysis&sub=article&analysis_id=96.

берг альманаха «Эксплицит». По информации немецкого журнала «Шпигель», этот альманах неоднократно восхвалял самоубийц-террористов, представлял их «мучениками веры» и призывал «решить проблему Израиля» при помощи создания собственной армии «Хизб ут-Тахрир» и образования халифата²³².

Таким образом, призывы «Хизб ут-Тахрир» к «выступлению против неверных», построению халифата, ведению «джихада» стали все более обретать смысл вооруженной борьбы. Террористические методы достижения конечной цели начинают все больше доминировать в убеждениях и сознании идеологов «Хизб ут-Тахрир». Для адекватной оценки этой организации важно осознать, особенно тем, кто считает ее мирной и безвредной, что функционеры «Хизб ут-Тахрир» вынуждены приводить свою деятельность в соответствие с законами европейских стран. Более того, благоприятная экономическая ситуация в странах Европы позволяет многим членам партии свободно и выгодно заниматься бизнесом, что, в свою очередь, дает возможность регулярно пополнять «партийную кассу»²³³.

Наряду с этим следует сказать о достаточно широко распространенном заблуждении, что «Хизб ут-Тахрир» в Центральной Азии — «чисто узбекистанское» явление. Однако во многом ее активность в Узбекистане и в регионе в целом определяет отношение к этой экстремистской организации в соседних Кыргызстане и Казахстане. Пытаясь сохранить имидж «демократических стран», они не предпринимают против нее решительных действий, несмотря на опасения силовых структур этих государств²³⁴. Например, по данным Исламского культурного центра города Ош, в Кыргызстане в рядах «Хизб ут-Тахрир» насчитывается до 5,8 тысячи членов. Согласно другим сведениям, отмечается усиление деятельности партии и на севере страны, а также налаживание связей с общественными институтами Кыргызстана.

В условиях Центральной Азии вопросы борьбы с религиозным экстремизмом и проведения демократических реформ зачастую пересекаются. Поэтому нельзя согласиться с отдельными исследователями и политиками, выступающими за предоставление радикальным организациям свободы осуществления религиозной пропаганды в надежде, что многообразие мнений снизит популярность экстремистских идеологий.

На мой взгляд, необходимо на различных уровнях продолжать диалог между странами по этим вопросам для углубления

²³² См.: там же.

²³³ Подробнее см.: Молдалиев О. Современный терроризм: аспекты финансирования// Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — №2 (32). — С. 27—39.

²³⁴ В частности, по заявлению председателя Комитета национальной безопасности Казахстана Н.Дутбаева от 11 июля 2003 года, в стране реально существуют ячейки ряда международных террористических организаций. При этом вызывает также беспокойство агитационная деятельность сепаратистской организации «Хизб ут-Тахрир». — www.centasia.com.

взаимопонимания и формирования общих подходов к их решению. Перспективы демократических преобразований в Центральной Азии будут во многом зависеть от того, насколько страны Запада и международные организации будут готовы прислушиваться к обеспокоенности правительств стран региона.

В последнее время озабоченность религиозных экстремистов позволяет судить о той степени угрозы, которую представляет «забота» некоторых правозащитных организаций и западных экспертов о правах верующих в Центральной Азии. Как утверждает эксперт Государственной комиссии по делам религии при правительстве Кыргызской Республики К.Мурзахалилов, «благодаря свободе слова и совести в нашей республике, она становится своеобразным инкубатором для разных религиозных групп: на севере — для протестантских миссий, а на юге, в Ферганской долине, — для ближневосточных»²³⁵.

По словам К.Мурзахалилова, в условиях, при которых в стране функционируют тысячи религиозных организаций, особую остроту приобрел вопрос прозелитизма. Наряду с проблемами нелегальной партии «Хизб ут-Тахрир» он — один из главных дестабилизирующих факторов общественно-политической ситуации в странах Центральной Азии, в том числе в Кыргызстане²³⁶.

Как представляется, в зарубежных средствах массовой информации (СМИ), прежде всего, стран Запада присутствует определенный дилетантизм, или стремление «создавать желаемые картины», в частности, в отношении религиозной политики правительств стран Центральной Азии. Подобные оценки формируются далеко не экспертами ни по региону, ни по религии. В результате вердикт относительно тех или иных действий государства выносится априори — «нарушение политических и религиозных прав».

При этом не учитывается то, что благодаря усилиям центральноазиатских государств в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, которые по своему происхождению привнесены извне явления, в регионе сохраняется межконфессиональное и межнациональное согласие. А это — немаловажный фактор и для стран Запада, прилагающих усилия по искоренению этих зол в Афганистане и Пакистане, и отнюдь не демократическими методами.

Надо заметить, что на Западе, даже в экспертных кругах, еще нет полного и объективного понимания экстремизма и терроризма в Центральной Азии. Большая часть их оценок ситуации в регионе базируется на знании, накопленном при изучении

²³⁵ Мурзахалилов К. Проблемы прозелитизма в Кыргызстане// Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — №1 (31). — С.100.

²³⁶ См.: там же.

«опыта» стран Ближнего Востока. Однако отдельные западные эксперты продолжают все более детально изучать эти явления. Так, А.М.Бэйлуни утверждает, что в последние годы насильственные движения под именем ислама заняли центральную линию во внешней политике Соединенных Штатов. Тем не менее, как подчеркивает эксперт, до формирования конкретных стратегий борьбы с этим явлением, необходимо понять природу и динамику самой исламистской мобилизации²³⁷.

Незаконный оборот наркотиков

Как известно, проблемы религиозного экстремизма и международного терроризма в Центральной Азии, как и в мире в целом, тесно взаимосвязаны с незаконным оборотом наркотиков. Сегодня международный терроризм во многом финансируется наркобизнесом, происходит сращивание этих двух наиболее опасных явлений. Так, американский эксперт Е.Уишник, ссылаясь на заявления заместителя председателя Службы Национальной Безопасности Кыргызстана в июле 2003 года, утверждает, что «ИДУ получило 400 тысяч долларов США от международных террористических организаций для совершения акций в Центральной Азии»²³⁸. А кыргызский эксперт О.Молдалиев подчеркивает, что если ранее исламисты скрывали свою причастность к наркобизнесу, то затем начали говорить, что наркотики — тоже джихад: во-первых, поставки идут неверным; во-вторых, на полученные деньги закупается оружие для войны с неверными²³⁹.

Использование О.Молдалиевым термина «исламист» основано на том, что это понятие в определенной мере стирает то различие, которое присутствует в восприятии таких слов, как «экстремист» и «террорист». Российский эксперт В.Максименко отмечает, что мусульмане предпочитают не употреблять терминов «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм»; они используют термин «ал-исламийюн» («исламисты»), имея в виду тех, кто выступает за реисламизацию общественно-политической жизни и государственно-политического устройства в мусульманских странах, нуждающихся, с точки зрения исламистов, в реформировании по критериям «чистого», первоначального ислама²⁴⁰.

Примечательными являются оценки французского ученого О.Руа, что для исламистов реисламизация может быть осуще-

ствлена путем захвата государственной власти. При этом он подчеркивает, что исламисты в отличие от фундаменталистов в строгом смысле этого слова выступают не за возврат к прошлому, а за подчинение себе путем политической борьбы современного общества и его технических средств²⁴¹.

Безусловно, подобная «борьба» в Центральной Азии тесно увязывается с ситуацией, царившей в Афганистане на протяжении многих лет, которая позволяла беспрепятственно осуществлять подрывную деятельность не только в самой стране, но и далеко за ее пределами. Кроме того, хаос в Афганистане предоставлял благоприятные условия для наращивания объемов производства и «экспорта» наркотических веществ в целях обогащения и финансирования международного терроризма и экстремизма. Так, по оценкам специалистов, ежегодный доход от торговли наркотиками в мире составляет свыше 75 миллиардов долларов США²⁴², основная часть которых приходится на долю Афганистана.

В 2004 году ситуация в регионе продолжала оставаться под непосредственным влиянием объемов производства опиума в Афганистане²⁴³. Как показывает статистика, в последнее время центральноазиатский маршрут транспортировки героина из Афганистана в Европу становится приоритетным²⁴⁴. За последние 10 лет только таможенной службой Узбекистана задержано более 30 тонн наркотиков и 77 тонн уксусного ангидрида (один из основных прекурсоров для промышленной выработки героина)²⁴⁵.

В Таджикистане, который в силу особенностей внутривнутриполитической ситуации испытывает буквально экспансию со стороны наркобизнеса, в 2001 году было изъято выше 2,4 тонны героина, не считая других наркотиков²⁴⁶. Вдоль границы с Таджикистаном на афганской территории еще до событий 11 сентября 2001 года действовало более 400 героиновых лабораторий, а на складах было сосредоточено около 10 тонн готового к отправке героина²⁴⁷. Заместитель начальника штаба Агентства по контролю за наркотиками (АКН) Таджикистана полковник Шавкат Алимов 4 июня 2004 года заявил: «В северо-восточных провинциях Афганистана, граничащих с Таджикистаном, функционирует более 20 лабораторий и мини-заводов, производительность каждой из которых — 20 килограммов героина в сут-

²³⁷ См.: Baylouny A.M. Emotions, Poverty or Politics? Misconceptions about Islamist Movements// Connections. — March 2004. — Vol. III, №1. — P.41.

²³⁸ Wishnick E. Op.cit. — P.8.

²³⁹ См.: Молдалиев О. Современный терроризм: аспекты финансирования// Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — 2(32). — С.35.

²⁴⁰ См.: Максименко В. Фундаментализм и экстремизм в исламе. В кн.: Ислам и исламизм. — М., 1999. — С.9—10.

²⁴¹ См.: Roy O. L'echec de l'Islam politique. — Paris, 1992. — P.17—18.

²⁴² См.: Alimov R. La Lotto Contro Il Narcobusiness in Uzbekistan. — Roma.: Rivista Della Guardia di Finanza. — 1998. — №. 5, October. — P.2.

²⁴³ Информационный бюллетень о наркоситуации. Центральноазиатский регион. — ОБСЕ., 2004. — С.2.

²⁴⁴ Веб-сайт «Газета СНГ». — 2002. — 9 января.

²⁴⁵ См.: Материалы «полевых» исследований сотрудников ИСМИ за 2004 год.

²⁴⁶ См.: «ИТАР-ТАСС», 17 декабря 2001 года.

²⁴⁷ См.: «ИТАР-ТАСС», 11 февраля 2002 года.

ки. В 2003 году Афганистан произвел три четверти мирового объема незаконного опия, это — второй по величине урожай наркотиков в истории этой страны (1999 г. — 4565 тонн, 2003 г. — 3600 тонн). По данным АКН, 85% конфискованных в Центральноазиатском регионе наркотиков опийной группы приходится на долю Таджикистана. Так, если в 1991 году правоохранительными органами страны было изъято 11 килограммов наркотиков, то в 2003 году — 9,6 тонны. Ш.Алимов отметил, что за последние три года правоохранительными органами страны совместно с российскими пограничниками было изъято 13,87 тонны героина, что, в пересчете на дозы могло бы сделать наркозависимыми более 17 миллионов человек»²⁴⁸.

Как считают многие эксперты, именно «удобное» расположение Центральной Азии на пути транспортировки наркотиков на Запад продолжает оставаться одной из главных причин активизации террористических сил в регионе. Имеются неопровержимые доказательства того, что деятельность международных террористов во многом направлена на формирование стабильных каналов наркотрафика из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан.

События 1999 и 2000 годов в Кыргызстане и Узбекистане показали, что основной целью вторжения религиозных экстремистов была как раз попытка взять под контроль участки наркотрассы, проходящей через кыргызскую и таджикскую территории. По различным данным, известный своими экстремистскими устремлениями Джума Намангани предпринимал энергичные шаги по установлению контроля над узловыми точками Сары-Таш, где сходятся стратегические дороги из Китая, Таджикистана и Кыргызстана. Вырученные от продажи наркотиков деньги расходовались на закупку вооружения, обмундирования и вербовку новых наемников.

Масштабы транспортировки наркотиков и определенный рост объемов их производства в самой Центральной Азии, причастность к наркобизнесу исламских радикальных групп означают, что удар по наркобизнесу в регионе есть прямой удар по терроризму, и наоборот.

В странах Центральной Азии хорошо понимают это и предпринимают соответствующие усилия. Так, в плане противодействия угрозе наркобизнеса государства региона постоянно обмениваются информацией на уровне специальных служб, проводят совместные мероприятия по контролируемым поставкам. В Узбекистане, Казахстане и Таджикистане созданы агентства по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, налажено сотрудничество с ИНТЕРПОЛом, постоянно совершенствуются механизмы таможенного контроля на границах.

²⁴⁸ См.: РИА «Новости», 4 июня 2004 года. — http://www.centran.ru/cgi-bin/index.pl?text_id=15434&all=yes.

В условиях отсутствия сильного правительства и продолжающихся междоусобиц в Афганистане набирает обороты наркоиндустрия, которая всегда финансировала продолжение войны. За последние два года произошло увеличение маковых плантаций в 9—10 раз. Опиум культивируется как минимум в 24 из 32 провинций страны. До 90% всего опиума производят 5 провинций — Гильменд (38%), Нангархар (30%), Бадахшан (9%), Урузган (7%) и Кандагар (5%)²⁴⁹. Однако есть данные, что опиумный мак уже выращивается и в тех районах Афганистана, где его никогда раньше не сеяли.

Главной причиной роста производства наркотиков афганские специалисты называют недостаточную работу или даже бездействие властных структур. По мнению представителей правоохранительных органов Афганистана, правительство пока не в состоянии противостоять наркомафии. Отмечаются случаи нападения контрабандистов на полицейских, что, однако, зачастую списывается на диверсии сторонников «Талибан» и «Аль-Каиды».

Можно предположить, что Афганистан в обозримом будущем сохранит за собой место крупнейшего поставщика опиатов, и если не принять адекватные меры, то это приведет к взрывному росту наркотрафика через Центральную Азию. Наркотрафик и связанная с ним преступная деятельность остаются дестабилизирующими факторами и для других стран и регионов на пути транзита — Кавказа, России, Восточной и Западной Европы.

Более того, в условиях наращивания наркобизнеса во всем мире представляется важным сосредоточить внимание не только на странах-производителях наркотиков, но и на государствах-потребителях. Как указывалось выше, афганский «товар» находит сбыт не только в Центральной Азии, наркорынок которой не столь велик в сравнении, например, с Россией, Европой, США, и т.д.

Проблема нераспространения оружия массового поражения

В XXI веке глобальный характер также приобретает проблема нераспространения оружия массового поражения. В новом тысячелетии эта угроза все теснее переплетается с расширением географии деятельности международных террористических организаций не только на суше, но и в водных пространствах²⁵⁰. Такая тенденция оказывает серьезное воздействие на эффективность борьбы с терроризмом и контроля за нераспространением ОМП.

²⁴⁹ См.: Материалы «полевых» исследований сотрудников ИСМИ за 2004 год.

²⁵⁰ Подробнее см.: Sinai J. Future Trends in Worldwide Terrorism// Connections. — March 2004. — Vol. III, №1. — P.49—66.

При этом следует отметить, что террористы активно используют также международную портовую инфраструктуру с целью транспортировки технологий и веществ для изготовления различных средств массового поражения. О масштабности и степени возросшей гибкости международных террористов по перевозке ОМП говорит тот факт, что ныне мировую морскую транспортную систему составляют более 46 тысяч кораблей и около 4 тысяч портов²⁵¹.

Эта угроза в высшей степени относится и к макрорегиону Центральной и Южной Азии, где изменение геополитического контекста происходит на фоне стратегической неопределенности, политических и психологических трений. Существует вероятность дестабилизации Центральноазиатского региона целой беспрецедентной гонки вооружений и милитаризации некоторых государств.

Таким образом, имеется реальная опасность распространения ядерных вооружений, ракетных технологий, а также «перенасыщенности» обычными и стратегическими видами вооружения. Налицо срочная необходимость взять эти процессы под жесткий международный контроль. В этих условиях для обеспечения безопасности в Центральной Азии, страны которой граничат с четырьмя ядерными державами — Россией, Китаем, Пакистаном, Индией, проблема нераспространения приобрела особое значение.

Как полагает член российской Академии военных наук В.Петровский, «перспективы развития режимов нераспространения связаны с дальнейшим развитием ядерного нераспространения, включая инициативы заинтересованных региональных держав по совершенствованию и укреплению существующих элементов режима». К таковым В.Петровский относит Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), механизм многосторонних инспекций МАГАТЭ, заключение Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и других соглашений по ядерному разоружению, а также создание субрегиональных и региональных зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового поражения²⁵².

Политика экспортного контроля выходит за внутригосударственные рамки. Это сравнительно новое свойство ответственности правительства, а также проявление многосторонности сотрудничества. Как феномен современной дипломатии такое сотрудничество формирует новый тип международных отношений в сфере обеспечения безопасности, нераспространения,

экспортного контроля. Для Узбекистана, как и для других государств, особый смысл имеет Статья 3 Договора о нераспространении ядерного оружия, в которой закреплено суверенное обязательство любого его участника осуществлять контроль над нераспространением. С учетом этого в нашей стране в ходе реализации Указа Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по стимулированию экспорта товаров» от 10 октября 1997 года, а также при разработке принятого Олий Мажлисом 26 августа 2004 года Закона Республики Узбекистан «Об экспортном контроле» было использовано все ценное из режима экспортного контроля других государств. Предметом внимания руководства нашей страны также является процесс подготовки всеобъемлющего контроля за товарами вне национальных контрольных списков. Узбекистан выполняет резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 1991 года по транспарентности вооружений.

На мой взгляд, экспортный контроль превращается в один из сильнейших инструментов нераспространения оружия массового поражения. Такое понимание его содержания будет способствовать:

- полному признанию всеми членами ООН Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о всеобщем запрещении ядерного оружия;

- активизации действий по нераспространению и экспортному контролю государств, входящих в зоны, свободные от ядерного оружия, и государств, стремящихся создать такую зону в Центральной Азии;

- появлению новых стимулов для неуклонной реализации решений ООН относительно режима эмбарго на поставки оружия в «горячие точки» планеты;

- принятию мер для максимального исключения доступа террористов и их спонсоров к оружию массового поражения, технологиям его производства и трансферта.

По этой проблематике позиция Узбекистана высказана с трибун ООН, ОБСЕ и других организаций. Сюда также относятся и инициатива Президента Ислама Каримова о создании в структуре ООН международного центра по борьбе с терроризмом.

Режимом нераспространения определены ключевые технологии и компоненты оружия, которые должны эффективно контролироваться любой ответственной страной. Сегодня, особенно после 11 сентября 2001 года, правительства таких стран понимают, что даже если товары проходят транзитом через их территорию, к ним необходимо применять правила и требования международных режимов нераспространения. Нужен бдительный контроль за экспортом и транзитом всех таких товаров, в том числе тщательная проверка их конечных пользователей.

²⁵¹ Maritime Security Measures to Amplify Cost for Shipping// Transport Security World. — 2003. — July 29.

²⁵² См.: Петровский В. Новая парадигма безопасности в Евразии. Одностороннее и многостороннее реагирование на конфликт: за и против// Обозреватель-Observer. — 2004. — №4. — С. 23.

Однако борьба с терроризмом и усиление экспортного контроля требуют консолидации усилий всех государств не только на региональном, но и на международном уровне. Как известно, впервые предложение о создании в Центральной Азии — зоны, свободной от ядерного оружия, высказал Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, выступая на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 году. Эта инициатива стала одним из основных пунктов его выступления и на Лиссабонском саммите ОБСЕ 1996 году, где обсуждалась Модель общей и всеобъемлющей системы международной безопасности для Европы XXI века.

Следующим этапом создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, стала Алматинская встреча глав государств региона 28 февраля 1997 года. Они выразили единодушную поддержку инициативы Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова. Ее также поддержали ООН, ОБСЕ и МАГАТЭ.

14—16 сентября 1997 года в Ташкенте прошла международная конференция на тему «Центральная Азия — зона, свободная от ядерного оружия», в которой приняли участие представители 56 государств и 16 международных организаций. Главным результатом конференции явилась поддержка всеми ее участниками инициативы руководителя Узбекистана.

Выступая на конференции, официальный представитель России — нынешний секретарь Совета безопасности РФ И.Иванов отметил: «Позитивная реакция международного сообщества на инициативу Президента Республики Узбекистан — еще одно свидетельство растущего влияния Узбекистана в мире». Он также подчеркнул: «Россия рассматривает выдвинутую Президентом Узбекистана инициативу создания здесь безъядерной зоны как еще одно свидетельство его стремления способствовать укреплению режима нераспространения ядерного оружия, внести вклад в дело ядерного разоружения, содействовать повышению уровня доверия и стабильности не только в Центральной Азии, но и во всем мире».

Представитель США Дж.Лимпрехт заявил, что его страна в принципе поддерживает создание безъядерных зон и приветствует желание государств Центральной Азии предпринять шаги, ведущие к региональному сотрудничеству и безопасности. В то же время американский дипломат изложил известные семь критериев, которые США выдвигают в качестве условий создания таких зон. В частности, не должны нарушаться существующие соглашения по безопасности и права участников в соответствии с международным правом давать или не давать согласие другим государствам на транзит морских и воздушных судов с ядерным оружием через территорию безъядерных зон.

По итогам конференции министры иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбе-

кистана согласовали и подписали совместное Заявление, в котором говорится о «необходимости объявления Центральной Азии зоной, свободной от ядерного оружия, как важнейшего элемента укрепления региональной безопасности».

В нем содержится призыв к постоянным членам Совета Безопасности ООН, всем государствам:

- поддержать инициативу по созданию зоны и оказать в этом деле содействие;

- помочь в реабилитации территорий, в том числе загрязненных радиоактивными отходами.

В Заявлении также имеется обращение к специализированным органам ООН с просьбой образовать группу экспертов ООН с участием экспертов от стран Центральной Азии для рассмотрения форм и элементов подготовки и осуществления договора о создании безъядерной зоны в этом регионе.

Национальное, региональное и международное сотрудничество в усилении экспортного контроля должно включать кооперацию между пограничными службами по обеим сторонам границ, обмен информацией о транзите товаров и технологий, а также сведениями об определенных конечных пользователях последних.

Однако для эффективной борьбы с распространением ОМП и технологий его производства и транспортировки необходимо политическое обязательство по обеспечению регулирования движения или перевозки предметов двойного назначения в Центральной Азии. Очевидно, что без такого обязательства принятые законы будут неэффективны. При этом принципиальную важность приобретает наличие сильной политической воли для преследования нарушителей, наказание которых должно быть достаточно суровым и неотвратимым.

Экологические угрозы

Вне всяких сомнений, прямую угрозу безопасности в Центральной Азии представляет также ухудшающаяся экологическая обстановка в регионе. Она характеризуется деградацией окружающей среды, исчезновением экологических ниш, в которых сформировалась и исторически развивалась культура народов Центральной Азии.

Такие тенденции, естественно, приводят к деградации населения центральноазиатских стран, подрывая национальную и региональную безопасность. Например, истощение ограниченных водных ресурсов региона в результате их нерационального использования может усилить в нем процессы геополитической и социально-экономической дестабилизации.

По мнению большинства экспертов, наиболее опасными на сегодняшний день проявлениями экологического кризиса в Центральной Азии являются:

- техногенное опустынивание и деградация почв;
- истощение и загрязнение водных ресурсов;
- загрязнение атмосферы;
- радиационное загрязнение, накопление опасных и токсичных отходов;
- необратимое сокращение биологического разнообразия и разрушение генетического фонда живой природы.

В последнее время экологическая обстановка в Центральноазиатском регионе не только становится предметом беспокойства местных экспертов-экологов, но и привлекает внимание международных организаций, зачастую выступающих основными спонсорами экологических проектов, программ и мероприятий. Так, 2—3 октября 2000 года алматинский Центр ОБСЕ организовал семинар для неправительственных организаций (НПО) на тему «Региональные экологические проблемы в Центральной Азии и роль гражданского общества в их решении». В работе семинара приняли участие около 50-ти представителей НПО всех стран Центральной Азии, дипломатического корпуса, сотрудники ряда донорских организаций. По итогам семинара была принята резолюция, в которой его участники отразили свое видение экологической ситуации в Центральной Азии и выделили ряд наиболее актуальных проблем, требующих безотлагательного решения: 1) распределение и потребление воды в регионе, 2) катастрофическая ситуация в бассейне Аральского моря, 3) негативные последствия глобального изменения климата, опустынивания и обеднения биологического разнообразия, 4) разрушение экосистем бассейнов озера Балхаш, Иссык-Куль и проблема Сарезского озера, 5) состояние хранилищ особо опасных отходов, 6) возрастающие риски экологической катастрофы на Каспийском море.

Деградация природных экосистем под воздействием антропогенных факторов происходит практически по всей Центральной Азии. На ее территории есть районы, где природные экосистемы находятся в состоянии, близком к кризисному, и нормальное проживание населения в них становится практически невозможным.

Необходимо учитывать, что Центральная Азия представляет собой единый природный комплекс, включающий в себя ряд экологических зон, расположенных на территориях различных государств (экосистемы горного Тянь-Шаня, Каспия, Аральского бассейна и т.д.). Последствия ухудшения окружающей среды будут иметь влияние независимо от государственных границ, и их дальнейшее усугубление, несомненно, скажется, и уже сказывается, на всем регионе. Вместе с тем очаги экологического неблагополучия, возникающие в отдельных странах, в большой степени воспринимаются соседями, в основном, как исключительно внутринациональные проблемы этих стран.

Ситуация в бассейне Аральского моря. Фундаментальная причина Аральского кризиса заключается в глубоком несоответствии сложившейся системы ведения народного хозяйства в Центральной Азии с возможностями и состоянием экосистем. Это произошло в результате игнорирования в бытность СССР законов природы и экономики, в беспредельной эксплуатации водных и других ресурсов. Рекомендации ученых и специалистов в отношении охраны экосистем Арала и Приаралья, а также воды Амударьи и Сырдарьи на практике не выполнялись.

Аграрный характер развития региона был нацелен на поглощение показателя роста населения соответствующим увеличением площади орошаемых земель и сельскохозяйственного производства со всеми связанными с этим последствиями. Развитие орошения в бассейне Аральского моря сопровождалось крупными инвестициями, в основном, в общесоюзных интересах. Придание исключительного значения расширению площади орошаемых земель в сочетании с химизацией сельского хозяйства усилило антропогенную нагрузку на природу Центральной Азии и привело к ряду негативных проявлений:

- превышению за короткий период допустимого забора воды из рек;
- ускоренному стоку естественно засоленных профилей;
- освоению с ускоренным проектированием в ряде случаев неудобных для орошения земель;
- низкому качеству эксплуатации оросительных систем;
- наращиванию орошаемых площадей высокими темпами, которых не знала мировая практика;
- применению значительного количества удобрений и химических средств защиты растений одновременно с вовлечением крупных масс солей, что в значительной мере отразилось на загрязнении окружающей среды до уровня, превосходящего нормы в десятки раз.

Уже в 1965—1970 годах содержание солей и токсичных элементов в воде дельт Амударьи и Сырдарьи превышало предельно допустимый коэффициент, а в 80-х годах это превышение распространилось и на среднее течение рек.

Таким образом, как не раз отмечалось, основными причинами возникновения Аральского кризиса являются:

1) развитие и размещение производительных сил, ориентированных на водоемкие производства с их сырьевым характером, что привело к чрезмерному потреблению воды для получения сельскохозяйственного сырья при дефиците готовой продукции;

2) недостаточно обоснованная структура производства сельскохозяйственных культур, прежде всего, непомерное расширение площадей под водоемкие культуры, в первую очередь, под хлопчатник и рис, что потребовало применения

большого количества минеральных удобрений и обусловило широкое использование гербицидов;

3) освоение в ряде случаев низко продуктивных, труднелиорируемых земель, что способствовало вторичному засолению почв и формированию высокоминерализованного дренажного стока;

4) недостаточная обоснованность оросительных норм, определяемых часто в расчете на максимальную, а не на оптимальную урожайность;

5) отсутствие научных прогнозов альтернативного пути развития экономики региона и анализа возможных экологических и социально-экономических последствий крупномасштабных хозяйственных решений.

Известно, что уровень Арала понизился более чем на 17 метров, а его соленость увеличилась втрое. Водоем разделился на две акватории — Большое и Малое моря, питающиеся соответственно остатками стока Амударьи и Сырдарьи. В итоге экосистема оказалась разрушенной, исчезло более 20 видов флоры и фауны. В составе фауны сохранилось лишь несколько видов гидробионтов. Обсохшее дно моря стало очагом зарождения солевых и пылевых бурь. Континентальность климата прилегающих к морю районов усилилась, изменилась глубина залегания подземных вод, стали развиваться процессы опустынивания земель.

Практически полностью утрачено рыбохозяйственное значение Аральского моря, деградируют дельтовые водные экосистемы. На прилегающей к нему территории участились соле-пылевые бури, активизируются процессы засоления почв, снижается продуктивность пастбищ, падает урожайность возделываемых сельскохозяйственных культур. Плохое качество питьевой воды наносит вред здоровью проживающего в Приаралье населения.

Высохшие части дна Аральского моря и дельты Амударьи и Сырдарьи, образовавшиеся здесь ирригационно-сбросовые озера являются естественными накопителями загрязняющих веществ, а золотые процессы рассеивают загрязняющие примеси, унося их на прилегающие территории.

В результате происшедших изменений в Каракалпакстане и Хорезмской области Узбекистана, Кызыл-Ординской области Казахстана и Дашхувусском вилояте Туркменистана сложилась крайне неблагоприятная экологическая и санитарно-эпидемиологическая обстановка. Резкое ухудшение условий жизни и труда местного населения привело к росту заболеваемости (70—80% жителей страдают от различных болезней) и высокой смертности, особенно младенческой, индекс которой в отдельных районах превысил 80 на 1000 новорожденных. Неблагоприятная обстановка и невозможность трудоустройства вызвали в последние годы отток населения из названных областей. Все это дает основание считать Приаралье зоной бедствия. Аральский кри-

зис затрагивает ныне интересы всех стран Центральной Азии²⁵³, он стал предметом озабоченности мировой общественности.

Всемерный учет этих факторов мог бы способствовать, прежде всего, принятию странами региона, как минимум, не противоречащих друг другу мер, а также регулярному обмену информацией и опытом по преодолению кризисных ситуаций в данной сфере. Более того, консолидация и тесное взаимодействие в области экологии позволили бы государствам Центральной Азии вырабатывать единые подходы в диалоге с международными организациями и зарубежными странами, выражающими готовность оказывать им финансовую и иную помощь в преодолении экологического кризиса.

Проблема рационального использования водных ресурсов. В настоящее время она является одной из наиболее важных и актуальных для центральноазиатских государств.

Как известно, гидроресурсы Центральной Азии, главным образом, формируются за счет бессточного бассейна Аральского моря, питающегося водами Амударьи и Сырдарьи.

Потребление и природное распределение водных ресурсов в регионе неравномерны. Так, при формировании стока бассейна Сырдарьи и Амударьи на долю стран Центральной Азии в среднем в год приходится (%)²⁵⁴:

Страна	Сырдарья	Амударья
Узбекистан	11	6%
Казахстан	12	—
Кыргызстан	74	2
Таджикистан	3	81
Туркменистан	—	—

При этом долевое участие в водопользовании ресурсов бассейна Аральского моря выглядит следующим образом (%):

²⁵³ Более подробно см.: Мирзаев С., Рубинова Ф. и др. Концептуальная основа стратегии развития водно-экологических отношений в бассейне Аральского моря. В кн.: Водные ресурсы, проблемы Арала и окружающая среда. — Т.: Университет, 2000. — С. 151—156. К разряду экологических проблем региона относятся также наличие на территории стран Центральной Азии хвостохранилищ, проблема Сарезского озера, загрязнение атмосферы, обнаруженные радиоактивные заражения в артезианской воде. Но в связи с тем, что об этих проблемах достаточно полно говорится в упоминавшейся выше книге «Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность», я на них останавливаться не стану.

²⁵⁴ См.: Материалы «полевых» исследований сотрудников ИСМИ за 2004 год.

Страна	Аральский бассейн	Сырдарья	Амударья
Узбекистан	55	57	52
Казахстан	21	6	—
Кыргызстан	10	11	—
Таджикистан	4	26	34
Туркменистан	10	—	14

В среднем около 92% водных ресурсов используется в регионе на нужды орошения, и этот фактор серьезно актуализирует проблему водопользования для всех стран Центральной Азии, в экономике которых сельское хозяйство занимает весьма важное место.

Более того, все государства региона объединены сетью гидротехнических сооружений, включающей плотины, каналы и водохранилища. Сток рек Нарын, Карадарья, Чирчик и Сырдарья регулируется Нарын-Сырдарьинским каскадом. Пятью важнейшими водохранилищами каскада являются Токтогульское, Чарвакское, Андижанское, а также два русловых водохранилища сезонного регулирования — Кайраккумское и Чардаринское.

Трансграничная ирригационная система, кроме указанных водохранилищ, включает многочисленные взаимосвязанные каналы и коллекторы, водозаборные сооружения, большое количество притоков, (приблизительно 100 мелких водохранилищ на этих притоках), миллионы гектаров орошаемых площадей и является структурой, которая лежит в основе водоснабжения в масштабе всего бассейна Аральского моря. От эффективности функционирования трансграничной ирригационной системы в большой степени зависит экономика каждой страны.

Особенностью гидрографической сети Центральной Азии является крайне неравномерное распределение водных объектов по поверхности региона. Здесь выделяются две крупные области, имеющие принципиальные различия: равнинная, занимающая почти 70% территории, где практически нет рек, и горная, где формируются все реки региона Центральной Азии. Население же региона, в основном, проживает в предгорной части и оазисах рек бассейна Амударьи и Сырдарьи.

Огромные запасы водных ресурсов имеют Кыргызстан и Таджикистан. По потенциальным гидроэнергетическим запасам Кыргызстан занимает 4-е место в СНГ (после России, Таджикистана и Казахстана).

В Кыргызстане расположена одна из самых крупных систем современных горных ледников, которые занимают 4,2% территории страны. 3/4 общей площади ледников относятся к бассейну Сырдарьи. Запасы пресной воды в Кыргызстане составляют приблизительно около 650 миллиардов кубометров.

Здесь имеется более 2100 озер и искусственных водохранилищ. Озера занимают 3,4% территории страны. Около 90% из них являются высокогорными запрудами и закрытыми озерами.

В Таджикистане все реки относятся к двум крупным речным системам — Сырдарьи и Амударьи, а к последней — также и бассейн не доходящей до нее реки Зарафшан. Высокогорный, резко пересеченный рельеф обуславливает развитие на территории Таджикистана густой гидрографической сети. Здесь насчитывается около 950 рек длиной более 10 километров. По абсолютной водоносности самыми крупными реками Таджикистана являются Вахш, Зарафшан, Кафарниган и Пяндж (воды Пянджа в пределах протекания в пограничной зоне Таджикистан—Афганистан относятся к территории обоих государств).

В Таджикистане сосредоточено также около 72% всех озер завального происхождения (Сарезское, Зоркуль, Каракуль, Яшилкуль и т.д.). Всего их насчитывается почти 200 общей площадью зеркала более 710 квадратных километров.

На территории Таджикистана имеется также примерно 8,5 тысячи ледников общей площадью около 8500 квадратных километров. Ледники площадью до 1 квадратного километра составляют около 80%, а более 1 — почти 20% от общего их количества, но основная площадь оледенения — это ледники размером более 1 квадратного километра — до 85%.

Эффективное совместное использование водных ресурсов всегда связано с правильной расстановкой приоритетов и компенсацией возможных потерь. Так, действовавший до 1991 года механизм возмещения в основе своей содержал тот факт, что в Центральной Азии большая часть населения занимается сельским хозяйством, поэтому преимущество в использовании водных ресурсов отдавалось орошаемому земледелию, а верховьям в осенне-зимний период возмещали их потребности в электроэнергии путем поставок тепло- и энергоресурсов.

С распадом СССР проблемы компенсационных поставок и использования водного и энергетического потенциалов резко обострились. Межотраслевые противоречия в требованиях к режиму водохранилищ каскада после 1991 года автоматически трансформировались в межгосударственные.

Самое распространенное противоречие, имеющее значительный конфликтный потенциал в региональной гидрополитике, заключается в несовпадении интересов водопользователей. Так, Кыргызстан и Таджикистан в силу ограниченных запасов нефти и газа на их территории заинтересованы в эксплуатации своего гидроэнергетического потенциала. В то же время в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане сосредоточена подавляющая часть пригодных для сельского хозяйства земель, что объективно определяет заинтересованность этих стран в ирригационном режиме водных ресурсов региона.

Указанное противоречие, прежде всего, относится к режиму работы Токтогульского водохранилища (Кыргызстан), которое является крупнейшим в Центральной Азии и вокруг которого столкнулись интересы трех государств — Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана.

В советский период для полного возмещения недовыработанной электроэнергии в осенне-зимний период и покрытия ежегодного ущерба от затопления и подтопления Кыргызстан получал газ из Узбекистана, уголь — из Казахстана, уголь и нефтепродукты — из России. С 1992 года произошло резкое сокращение поставок топливно-энергетических ресурсов в Кыргызстан из других государств, вследствие чего уменьшилась выработка электроэнергии на его тепловых электростанциях. В то же время отсутствие собственных запасов природного газа и угля привело к резкому увеличению потребления электроэнергии в коммунально-бытовом секторе Кыргызстана.

Для покрытия возросших потребностей страны был осуществлен перевод Токтогульского гидроузла на энергетический режим работы, что повлияло на ситуацию с водообеспечением потребителей бассейна Сырдарьи. Изменения в режиме работы Токтогульского водохранилища вызвали:

- ухудшение хозяйственной обстановки в регионе (острая нехватка воды для орошения, сокращение посевных площадей, снижение урожайности важнейших стратегических сельскохозяйственных культур);

- ухудшение социально-бытовых условий жизни населения;

- потерю воды для Аральского моря, так как из-за недостаточной пропускной способности нижнего течения Сырдарьи вследствие освоения поймы и террас возросшие зимой объемы воды, поступающей в Чардаринское водохранилище, сбрасываются в Арнасайское понижение;

- подтопление населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане;

- обострение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки в бассейне Аральского моря, особенно в маловодные годы (уже сейчас на некоторых участках Сырдарьи сток летом становится минимальным или практически прекращается);

- возрастание вероятности потери Токтогульским водохранилищем способности регулировать сток Нарына в многолетнем разрезе вследствие неизбежного опорожнения при работе в энергетическом режиме²⁵.

Каждая из этих проблем затрагивает национальные интересы всех центральноазиатских государств и их решение требует создания соответствующей нормативно-правовой основы для взаимовыгодного и бесконфликтного сотрудничества.

²⁵ См.: Материалы «полевых» исследований сотрудников ИСМИ за 2004 год.

С 1995 года для преодоления возникших противоречий стали заключаться межгосударственные соглашения по использованию водно-энергетических ресурсов региона. В них были зафиксированы объемы вегетационных пропусков воды из Токтогульского водохранилища для обеспечения потребностей орошаемого земледелия в регионе и определены объемы и виды компенсационных поставок энергоресурсов из Узбекистана и Казахстана в Кыргызстан в осенне-зимний период.

В настоящее время распределение водных ресурсов трансграничной реки Сырдарьи осуществляется в соответствии с графиком подачи воды, который каждый год устанавливается на заседаниях Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК, Ташкент) и зависит от выполнения ежегодных соглашений об использовании водно-энергетических ресурсов Нарын—Сырдарьинского каскада водохранилищ, заключаемых в соответствии с рамочным Соглашением между правительством Республики Казахстан, правительством Кыргызской Республики и правительством Республики Узбекистан от 17 марта 1998 года²⁶.

В июне 2000 года было подписано очередное трехстороннее Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов Нарын—Сырдарьинского каскада водохранилищ. Помимо этого, в декабре 2000 года между Узбекистаном и Кыргызстаном было заключено Соглашение об использовании водных ресурсов рек Нарын и Карадарья. Аналогичное двустороннее соглашение в январе 2001 года было подписано между Кыргызстаном и Казахстаном.

В то же время опыт последних лет показывает, что в среднем уровень выполнения взятых странами обязательств составляет 70—75%. Это приводит к затягиванию решения проблемных вопросов и осложнению межгосударственных отношений, как в политической, так и в экономической областях. Например, согласно данным Комитета по водным ресурсам Республики Казахстан, в связи с крайним маловодьем в 2000 году в бассейне Сырдарьи и ужесточением режима пропусков воды из Токтогульского водохранилища со стороны Кыргызстана (в качестве реакции на невыполнение компенсационных поставок и принимаемые соседними государствами меры экономического давления) полив сельскохозяйственных культур, как по каналу «Достык» в Южно-Казахстанской области, так и в Кызылординской области проходил крайне напряженно.

Кроме Казахстана и Узбекистана, проблема дефицита водных ресурсов достаточно остро стоит перед Туркменистаном. Это страна с экстенсивными методами ведения сельского хо-

²⁶ См.: Мирзаев С. Основные институты управления водными ресурсами бассейна Аральского моря. В кн.: Водные ресурсы, проблемы Арала и окружающая среда. — С.308—328.

зяйства, основанного на поливном земледелии (орошается 98% посевных площадей). Причем Туркменистан стремится расширить площади посевов для обеспечения своей продовольственной безопасности, что ведет к увеличению потребления воды из Амударьи, которая на 90% (22 кубокилометра) обеспечивает ирригационную систему страны. При этом ежегодно около 15 кубокилометров воды из Амударьи поступает в Каракумский канал. Однако в результате нерационального использования водных ресурсов по длине канала, который проходит по рыхлому песку, происходят громадные потери воды. Свидетельством тому может служить озеро площадью зеркала в 800 квадратных километров, образовавшееся вдоль Каракумского канала²⁵⁷.

Следует также отметить, что Туркменистан осуществляет водозабор из Амударьи в районе поселка Керки, расположенного выше всех других крупных водозаборных сооружений, в том числе и принадлежащих Республике Узбекистан. Расширение ирригационных систем и строительство новых водозаборных сооружений неизбежно наводит на мысль о попытке изменения существующего режима водозабора и соответственно ведет к нехватке воды в нижнем течении Амударьи.

Одним из основных факторов, определяющих возникновение дефицита водных ресурсов в Центральной Азии, является низкая эффективность их использования и неразвитость дренажных систем. В государствах региона отмечен очень высокий показатель водопотребления на душу населения.

Следует учесть, что в перспективе для обеспечения быстрорастущего населения Центральной Азии, особенно в Таджикистане и Узбекистане, потребуются увеличение объемов поливной и питьевой воды. Однако при очевидной необходимости объединения усилий всех стран региона для поиска решений водных проблем общий эффективный механизм выработать пока не удалось.

В целом основные разногласия в области совместного использования водных ресурсов в Центральной Азии возникают по поводу:

- количества воды, потребляемой для производства электроэнергии и направляемой на орошение;
- графиков водоподачи;
- механизма компенсации за накопление и хранение воды;
- принципов распределения воды среди потребителей;
- качества воды.

Эти проблемы обусловлены, в основном:

- несовершенством общей правовой базы совместного использования водных ресурсов;

— приоритетом национальных интересов в странах региона, что, по существу, означает раздел единой водной системы, не способной функционировать в локальном территориальном режиме;

— постоянно возрастающими потребностями в водных ресурсах.

Поиск оптимального пути решения проблем совместного водопользования в Центральной Азии необходимо вести, прежде всего, в организационно-экономической плоскости. Однако надо учитывать, что они имеют тенденцию к приобретению политической окраски и могут стать предметом для раздувания радикально-националистических настроений. Конфликтные ситуации, в основе которых лежит использование водных ресурсов, при их наложении на межэтнические, территориальные и другие проблемы, могут привести к трудноразрешимым последствиям.

Анализ сложившейся на сегодняшний день ситуации в Центральноазиатском регионе в контексте совместного водопользования, позволяет сделать следующие выводы:

1. По своему содержанию эта проблема носит, в основном, внутрорегиональный характер.

2. Отдельные государства Центральной Азии весьма подвержены влиянию дефицита водных ресурсов и связанных с этим негативных явлений. Опустынивание здесь сопровождается изменением качественного и количественного состава населения и способно самым отрицательным образом отразиться на странах региона, привести к серьезным последствиям экологического и социально-политического характера.

3. За период с 1994 года по настоящее время процесс сближения государств Центральной Азии в решении проблем совместного использования водно-энергетических ресурсов бассейнов Сырдарьи и Амударьи идет неудовлетворительными темпами и характеризуется низкой экономической и организационной эффективностью предпринимаемых шагов. Соглашения, которые заключены по конкретным водохозяйственным объектам, в силу разного рода причин выполняются лишь частично каждой из сторон или вообще не реализуются.

4. Дефицит воды или энергии в отдельных государствах Центральной Азии воспринимается как прямая угроза их национальным интересам и безопасности. Предлагаемые какой-либо стороной решения ключевых вопросов не всегда приемлемы для остальных сторон. Кроме того, инициативы в области водопользования водных ресурсов одной из сторон нередко квалифицируются как попытка оказания давления или закрепления своего преимущественного положения к конкретным водным ресурсам.

5. Проблемы совместного водопользования могут стать катализатором усиления межэтнических и межгосударственных

²⁵⁷ См.: там же.

противоречий в регионе. Негативный прецедент разрешения спорных вопросов использования трансграничных водных ресурсов может нести серьезные последствия для всех стран Центральной Азии.

6. Возможность контролировать водопользование в регионе превращается в мощнейший механизм экономического и политического давления со стороны некоторых центральноазиатских государств.

Таким образом, совместное использование водных ресурсов в Центральной Азии имеет не только определяющее экономическое, экологическое, но и огромное политическое и международное значение. Исходя из сложной ситуации вокруг этой проблемы, странам региона необходимо приложить максимальные усилия в целях формирования такой региональной гидрополитики, которая всемерно учитывала бы специфику самой сути проблемы. Причем в нынешних условиях политизация этих вопросов представляется весьма контрпродуктивным делом.

— ГЛАВА III —

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СРЕДЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1. Афганский фактор после 11 сентября 2001 года в формировании новой среды безопасности в Центральной Азии

Военная кампания международных коалиционных сил в Афганистане глубоко отразилась на ситуации безопасности в Центральной Азии. После свержения режима «Талибан» обстановка в этой стране относительно стабилизировалась, снизились угрозы для государств региона, исходившие с ее территории. В связи с этим наметились новые горизонты постконфликтного становления Афганистана.

В результате трансформации афганского фактора в формирующейся системе региональной безопасности Центральной Азии открываются новые возможности для тесного экономического сотрудничества между Афганистаном и странами региона. Очевидно, это будет способствовать более эффективной стабилизации военно-политической ситуации в Афганистане, так как решение экономических вопросов имеет жизненно важное значение для постконфликтного восстановления афганского государства и общества.

В то же время в результате антитеррористической операции в Афганистане изменился геополитический расклад сил в регионе, что может иметь далеко идущие последствия для формирования новой системы безопасности в Центральной Азии. В связи с этим, на мой взгляд, представляется важным рассмотрение проблем и перспектив афганского урегулирования, новых угроз и вызовов стабилизации обстановки в Афганистане с точки зрения укрепления безопасности и развития сотрудничества в Центральноазиатском регионе.

* * *

В последние десятилетия прошлого века Афганистан превратился в самый уязвимый объект геополитического противостояния крупных центров силы. Афганская территория трансформировалась в «удобный форпост» для продвижения геостратегических интересов ряда мировых и региональных держав на всем пространстве Евразийского континента. К концу XX

столетия Афганистан стал очевидной, доведенной до отчаяния жертвой заключительного аккорда «холодной войны». Из «буферной» зоны, как отмечал российский эксперт-востоковед В.Белокреницкий, каковую он представлял собой в конце XI—начале XX века, Афганистан превратился в разгромленную и раздробленную архаичную периферию современного мира²⁵⁸.

Внутриполитическая борьба между различными афганскими группировками после вывода войск бывшего Советского Союза с территории Афганистана привела к эскалации военного конфликта, оказывавшего негативное воздействие на стабильность и безопасность в Центральной Азии. Причем не следует упускать из вида то, что вовлеченность различных внешних сил в этих процессах играла отнюдь не конструктивную роль.

В результате войны в Афганистане, по различным оценкам, за последние два десятилетия погибло более 2 миллионов человек, а число беженцев превысило 5 миллионов, которые нашли убежище в Пакистане, Иране и других сопредельных странах. В ходе войны была полностью разрушена инфраструктура страны, вследствие чего Афганистан превратился в одно из самых бедных государств мира.

Новый этап эскалации гражданской войны в Афганистане, связанный с приходом к власти движения «Талибан», характеризовался его попыткой «реставрировать» теократическое государство эпохи Средневековья. Ситуация в стране и регионе в целом существенно осложнилась в связи с «консолидацией» талибов с международными террористическими организациями. В результате этого на афганской территории стали появляться лагеря для подготовки боевиков из ряда стран, а также экстремистов из центральноазиатских государств, в частности, из так называемого «Исламского движения Узбекистан».

К сожалению, вплоть до трагических событий в Соединенных Штатах Америки 11 сентября 2001 года указанной тенденции в Афганистане международное сообщество не придавало никакого значения. Тем не менее Узбекистан с различных международных трибун неустанно подчеркивал крайнюю необходимость незамедлительного решения афганской проблемы.

В частности, Президент Узбекистана Ислам Каримов поднимал этот вопрос уже в 1993 году на 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он также выступил инициатором создания группы «6+2» под эгидой ООН. Пытаясь привлечь внимание мирового сообщества к возрастающей угрозе международного терроризма в Афганистане, Узбекистан в 1999 году на саммите ОБСЕ в Стамбуле обратился к миру с призывом объединить усилия в борьбе против этого зла и предложил создать

²⁵⁸ См.: Белокреницкий В. Элементы «большой игры» в войне Запада против терроризма//Центральная Азия и Кавказ. — 2001. — № 6(18). — С.153.

международный антитеррористический центр. На «Саммите Тысячелетия» в 2000 году в Нью-Йорке Ислам Каримов говорил, что Афганистан уже представляет угрозу не только центральноазиатским государствам, но и всему миру. Президент Узбекистана подчеркнул, что всем странам необходимо «использовать все возможные средства для мирного решения афганской проблемы»²⁵⁹.

Призывы лидера Узбекистана к объединению усилий всего мирового сообщества с целью урегулирования афганского конфликта, создавшего «благоприятные условия» для культивирования терроризма и экстремистских идеологий в Афганистане, представляются вполне обоснованными. Так, почти с момента обретения независимости государствами Центральной Азии Афганистан стал для них основным источником таких нетрадиционных угроз, как религиозный экстремизм, терроризм, наркотрафик и нелегальная торговля оружием. Территория этой страны стала прибежищем для международных террористических организаций, а также для членов ИДУ, которые несколько раз совершили террористические акции в горных районах Узбекистана и Кыргызстана в 1999 и 2000 годах.

Отсутствие мира в Афганистане послужило причиной процветания наркоиндустрии в стране, что способствовало превращению Центральной Азии в перевалочный пункт для транспортировки наркотиков в Россию и далее в Европу. По некоторым данным, до военных действий коалиционных сил в Афганистане на границе этой страны с Таджикистаном находилось более 400 лабораторий по производству героина, и около 10 тонн героина хранились на складах, готовые к отправке в любой момент²⁶⁰. Между тем средства, вырученные от продажи наркотиков, стали основным источником финансирования деятельности разных радикальных групп религиозного толка.

Комплекс этих угроз негативно повлиял на политическую и социально-экономическую обстановку в странах Центральной Азии. Во-первых, возрастание угроз требовало постоянного увеличения оборонных расходов, которые могли бы быть использованы для реализации важнейших проблем в социальной и экономической сферах. Во-вторых, широкомасштабная пропагандистская деятельность радикальных религиозных организаций, направленная на дестабилизацию внутриполитической ситуации в регионе, вынуждала правительства центральноазиатских государств принимать контрмеры, что задерживало процесс проведения политических и экономических реформ. Напряженная обстановка в регионе также оказывала негативное влияние на динамику развития отношений между государ-

²⁵⁹ Народное слово. — 2000. — 12 сентября.

²⁶⁰ ИТАР-ТАСС, 11 февраля 2002 года.

ствами Центральной Азии, которые не всегда имели совпадающие взгляды по вопросам сохранения в ней безопасности²⁶¹.

В условиях отсутствия адекватных военных, политических и экономических ресурсов страны региона, наряду с незаинтересованностью Запада в решении афганской проблемы, могли рассчитывать только на помощь России в случае агрессии с юга²⁶². В свою очередь, политика Российской Федерации на афганском направлении также ограничилась попытками создания «буферной» зоны между центральноазиатскими странами и Афганистаном путем поддержки псевдогосударственных формирований на его севере. Однако это не решало проблему в корне, а лишь в определенной мере минимизировало угрозы, исходящие с афганской территории. К тому же ситуация здесь в любой момент могла выйти из-под контроля в случае победы движения «Талибан» над Северным альянсом.

Поэтому антитеррористическую операцию коалиционных сил под командованием США в Афганистане необходимо рассматривать как положительное событие в обеспечении безопасности в Центральной Азии. В результате данной кампании движение «Талибан» было смещено с политической сцены страны, а международным террористическим силам был нанесен существенный урон. Их военно-политический, финансово-экономический и организационный потенциал был подорван. По этой причине значительно снизился уровень прямых угроз для региона.

Как известно, с самого начала афганского конфликта его развитие во многом определялось интересами и вовлеченностью внешних участников. Именно последние формировали расклад военных и политических сил в Афганистане, как и соответствующую международную среду вокруг конфликта. Фактически Афганистан оставался предельно открытым для внешнего вмешательства в течение всего времени с начала войны в этой стране.

Нужно отметить, что сотрудничество внешних держав в обеспечении стабильности и процветания в Афганистане является жизненно важной необходимостью для безопасности в Центральной и Южной Азии. В таком контексте присутствие американских военных формирований и международного миротворческого контингента в Афганистане предотвращает возникновение новых масштабных вооруженных столкновений между различными внутриполитическими силами в стране. При этом вовлеченность США в решение проблем безопасности, как в Афганистане, так и в Центральной Азии, нельзя

считать усилением американского фактора в регионе в ущерб другим сопредельным державам.

Однако большинство экспертов склонны считать, что действия коалиционных сил в Афганистане существенно изменили геополитический расклад сил в Центральной Азии. Так, по утверждению казахстанского аналитика М.Лаумулина, в ходе проведения США антитеррористической операции в Афганистане, «негласный трехсторонний баланс сил стран-лидеров — России, США, Китая, сложившийся в регионе к середине 2001 года, был нарушен»²⁶³.

Следует сказать, что в этой кампании государства Центральной Азии приняли активное участие, предоставляя свои территории, воздушные коридоры и другие необходимые условия для успешного ее проведения. Сотрудничество центральноазиатских стран с международными коалиционными силами в процессе афганского урегулирования также стало одной из причин трансформации статуса региона в основной центр борьбы против распространения международного терроризма и религиозного экстремизма.

В этом контексте, в первую очередь, надо подчеркнуть, что усиление присутствия Запада, прежде всего, США в регионе оказало значительное влияние на внешнеполитические подходы России и Китая в отношении Центральной Азии. Если в первое время отмечалось совпадение их интересов в борьбе с терроризмом, включая поддержку коалиционных сил в проведении антитеррористической операции в Афганистане, то впоследствии вновь проявились стереотипы геополитического соперничества. Безусловно, такая тенденция может негативно повлиять на ситуацию безопасности, как в Центральной Азии, так и в мире в целом.

В настоящее время в качестве ответного хода на включение Центральной Азии в глобальную стратегию Вашингтона, Москва пытается реанимировать утраченные военно-политические и экономические позиции в регионе, избегая при этом прямого осложнения отношений с другими мировыми державами²⁶⁴. При этом особое место в интересах России в Центральной Азии занимает активизация деятельности экономических структур путем расширения контроля над разработкой и транспортировкой энергоресурсов региона, а также увеличения доли российского капитала в экономике центральноазиатских государств²⁶⁵.

Озабоченность по поводу сближения Центральной Азии с Западом проявляют также в Пекине, в связи с чем прослежи-

²⁶¹ См.: Allison R. Regionalism and security in Central Asia// International Affairs. — May 2004. — Vol. 80, № 3. — P.485.

²⁶² См.: Alimov R. Central Asian security and geopolitical interests// Marco Polo Magazine. — 2003. — № 1. — P.3.

²⁶³ Лаумулин М. Стратегия и интересы Запада в Центральной Азии: «старая» и «новая» геополитика.// Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — 4(22). — С. 34.

²⁶⁴ См.: Allison R. Op.cit.

²⁶⁵ Ibid. — P.491—493.

вается его стремление к интенсификации всестороннего диалога со странами региона в целях его политической и экономической «привязки» к Китаю. На центральноазиатском направлении Китай стремится предотвратить долгосрочное присутствие на своих западных рубежах мировых центров силы и получить стабильный доступ к природным ресурсам Центральной Азии и Каспия, обеспечить пути их транспортировки в КНР. При этом особый акцент делается на усиление роли ШОС, в рамках которой Китай планирует расширить региональное сотрудничество в области безопасности и создать предпосылки для постепенного ослабления западного военного фактора в регионе²⁶⁶.

Несмотря на поддержку Ираном попытки создания во главе США глобальной коалиции против терроризма, Тегеран проявляет недоверие не только действиям союзников в Афганистане, но и временному его правительству²⁶⁷. В эту категорию входят также государства Центральной Азии, которые рассматриваются как постепенно втягивающиеся в орбиту американского влияния.

Следовательно, в ближайшей перспективе внешняя политика Ирана, возможно, будет строиться на основе стремления сдерживать усиление американского политического и экономического влияния в Афганистане и Центральной Азии. При этом не исключается, что Тегеран будет прибегать к поддержке некоторых дружественных ему афганских племен и групп, оказывая тем самым воздействие на развитие внутривнутриполитической ситуации в Афганистане.

Наиболее сильному влиянию в результате антитеррористической операции в Афганистане из внешних сил подвергся также Пакистан, правительство которого вынуждено пересмотреть свою нынешнюю афганскую политику по причине интенсивного давления международного сообщества. В связи с этим следует отметить, что стратегические цели Пакистана в Афганистане в настоящее время претерпевают важные изменения под напором Соединенных Штатов, стремящихся активизировать усилия Исламабада в антитеррористической кампании. Так, в последнее время Пакистан подвергается серьезной критике со стороны администрации Дж.Буша за сдержанность в борьбе с терроризмом. По сообщениям зарубежных СМИ, пакистанское руководство все чаще призывает племена, живущие на пакистано-афганской границе, самостоятельно избавиться от иностранных террористов и боевиков. Более того,

Исламабад даже предлагал «коридор безопасности» исламистам, если они добровольно покинут территорию Пакистана²⁶⁸.

Несомненно, усиление активности Пакистана в борьбе с терроризмом в Афганистане имеет особое значение для безопасности и стабильности в Южной и Центральной Азии, особенно в связи с «особой»²⁶⁹ ситуацией в западных пакистанских провинциях. В этом контексте, принимая во внимание тот факт, что талибы и террористы осуществляют вылазки на афганскую территорию в приграничных с ней пакистанских провинциях, нужно более детально рассмотреть последние тенденции в американо-пакистанских отношениях, которые могут способствовать повышению эффективности антитеррористической кампании в Афганистане. Это имеет также особое значение для пакистанского руководства, пытающегося ослабить позиции радикальных исламистов в самом Пакистане, которые оказывают поддержку деструктивным силам в стране и за ее пределами.

Более того, на ситуацию в Афганистане по-прежнему «обратное» влияние оказывает внутривнутриполитическая обстановка в соседнем Пакистане, где до сих пор наблюдается суннитско-шиитское противостояние. Причем по оценкам зарубежных экспертов, она остается крайне непредсказуемой в силу отсутствия каких-либо объективных условий для политической консолидации в самом пакистанском обществе. «Сегодня в Пакистане не существует ни политических принципов, ни идеологий. Религиозные партии не имеют религиозных мотивов. То же самое происходит с политическими партиями. Они просто в погоне за места в парламенте»²⁷⁰. При этом, «как и в любой другой стране Южной Азии, в политике Пакистана доминируют сильные личности. Политические партии идентифицируются их лидерами, нежели их программами»²⁷¹.

В этих условиях активизация сотрудничества между США и Пакистаном в контексте антитеррористических операций в Афганистане требует оптимизации усилий Исламабада в борьбе против терроризма, а также укрепления контроля с его стороны по всему периметру афгано-пакистанской границы. Эти вопросы стали наиболее актуальным предметом обсуждения на американо-пакистанских встречах на высшем уровне.

Высокопоставленные представители администрации Дж.Буша во время визитов в Исламабад в течение последних не-

²⁶⁸ «Исламабад предложил коридор безопасности террористам». РИА «Новости», 6 апреля 2004 года. — www.Rian.ru.

²⁶⁹ См.: Махмудов Р. О проблеме производства и распространения стрелкового оружия в западных провинциях Пакистана. В кн.: Материалы международной конференции «Стабильность в Центральной Азии в постконфликтный период» (14–15 июня 2002 года, Ташкент). — С. 95–101.

²⁷⁰ Wasil Nawaz Khattak. The Nation. — 2002. — September 14. — P. 7. <http://nation.com.pk/daily/140902/editor/opi.htm>.

²⁷¹ IPRI (Islamabad Policy Research Institute) // Factfile. — November 2002. — P.1.

²⁶⁶ См.: Collins K., Wohlforth W. Central Asia: Defying the «Great Game» Expectations. In: India and Central Asia. Advancing the common interest. — New Delhi. — 2004. — P.57.

²⁶⁷ См.: Entekhabi-Fard C. Iranian Leader Plans Visit To Afghanistan. May 24, 2002. — <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav052402.shtml>.

скольких месяцев требовали от властей Пакистана уничтожить или захватить Усаму бен Ладена до конца июля 2004 года. С таким утверждением выступил американский журнал «Нью рипаблик», который ссылается на сведения, полученные им от двух неназванных источников в пакистанской разведке и одного источника в МВД Пакистана. При этом журнал напоминает, что с визитами весной и летом 2004 года в Исламабаде побывали директор Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США Дж.Тенет, государственный секретарь США К.Пауэлл, координатор государственного департамента по контртерроризму К.Блэк и ряд других высокопоставленных дипломатов и представителей американских спецслужб²⁷².

В ходе визита в Исламабад в марте 2004 года К.Пауэлл заверил, что в случае принятия пакистанской стороной практических мер в борьбе с терроризмом, Вашингтон готов предоставить Пакистану статус «ключевого союзника вне НАТО» в рамках антитеррористической кампании. В июне 2004 года Президент США Дж.Буш поднял отношения Вашингтона и Исламабада на новую высоту, официально объявив Пакистан основным союзником Соединенных Штатов из числа стран, не входящих в блок НАТО. По иронии судьбы присвоение Пакистану нового статуса совпало по времени с обнародованием доклада комиссии по расследованию терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, в котором Исламабад обвиняется в оказании помощи талибам и укрывании Усамы бен Ладена²⁷³.

С другой стороны, Вашингтон оказывает финансово-экономическое содействие правительству П.Мушаррафа, пытающемуся оптимизировать свои усилия в борьбе с религиозными экстремистскими и террористическими организациями. До последнего времени поддержка пакистанскими военными антитеррористической кампании в Афганистане способствовала поступлению в Исламабад международной помощи. Администрация Дж.Буша щедро вознаградила Пакистан, списав примерно 1 миллиард долларов внешнего долга страны и реструктурировав выплаты по просроченным кредитам на сумму 12 миллиардов долларов. Кроме того, Соединенные Штаты обещали выделить Пакистану в следующие пять лет 3 миллиарда долларов, хотя оказание помощи ставится в зависимость от его сотрудничества в борьбе с «Аль-Каидой» и противодействия вооруженным операциям против «Талибана»²⁷⁴.

²⁷² См.: «Администрация Дж.Буша требует от правительства Пакистана уничтожить или захватить Усаму Бен Ладена до конца июля». — РИА «Новости», 9 июля 2004 года. — www.Rian.ru.

²⁷³ См.: Уотсон Роб. «Президент США назвал Пакистан союзником», 17 июня 2004 года. <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/>.

²⁷⁴ См.: Рашид А. «Надежность Пакистана как партнера в борьбе с терроризмом начинает вызывать сомнения». — 30 апреля 2004 года. — www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav043004aru.shtml.

На этом фоне, как известно, были проведены совместные антитеррористические операции военными контингентами США на афганско-пакистанской границе с участием войск Афганистана и Пакистана. Наряду с этим Исламабад провел несколько крупномасштабных военных операций на территории приграничной с Афганистаном провинции Южный Вазирстан, где сильные позиции различных исламистских, в том числе радикальных, организаций. В связи с этим профессор Военного колледжа Армии США Стивен Бланк отметил: «Недавние попытки вооруженных сил Пакистана установить свою власть в этом регионе привели к явно неоднозначным результатам. Проведенные в марте военные операции с целью уничтожения «Аль-Каиды» и других радикальных исламистских элементов, по общему мнению, закончились неудачей. Сообщается также, что из Афганистана на территорию Пакистана были высланы подразделения США, которые попытались сделать то, чего пока не могут сделать пакистанские солдаты и племенные вожди»²⁷⁵.

Летом 2004 года в отношениях между США и Пакистаном появились трения. Например, американские дипломаты обвинили П.Мушаррафа в отступлении от взятых им на себя обязательств по борьбе с находящимися в Пакистане группировками радикальных исламистов. Совместная американо-пакистанская военная кампания, объявленная в феврале 2004 года американскими генералами с большой помпой, результатом которой должно было стать уничтожение исламских боевиков, терпит одну неудачу за другой, считают военные комментаторы²⁷⁶.

В апреле посол США в Афганистане Залмай Халилзад выступил с резкой критикой Пакистана, обвинив его в нежелании пресечь нападения на Афганистан «Аль-Каиды» и базирующихся в Пакистане боевиков «Талибана»²⁷⁷.

Как представляется, решительность Исламабада в сотрудничестве с Вашингтоном в сфере борьбы против международного терроризма сопряжена с рядом факторов, связанных с интересами Пакистана на афганском направлении, а также с внутрисполитической ситуацией в нем. Так, по мнению некоторых экспертов, пакистанское руководство не заинтересовано в окончательной ликвидации движения «Талибан» и его сторонников.

В частности, как отмечает российский эксперт В.Коргун, Пакистан, который фактически стоял за движением «Талибан», считал, что необходимо вычленив из этого движения

²⁷⁵ Бланк С. «Пакистан начинает представлять угрозу для региональной стабильности». 21 июня 2004 года. — <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav062104aru.shtml>.

²⁷⁶ См.: там же.

²⁷⁷ См.: там же.

так называемых «умеренных» талибов и дать им возможность участвовать в афганском политическом процессе. С точки зрения пакистанской стороны, это единственная возможность для отдельных политических кругов в Исламабаде сохранить свое влияние на ситуацию в Афганистане, характер которой напрямую увязывается с внутривосточной обстановкой в Пакистане²⁷⁸. А узбекский ученый-востоковед А.Хайдаров подчеркивает: «Упорство Талибан (в Афганистане — Р.А.) не может объясняться только внутренними факторами. Мы также должны рассматривать поддержку, которую они получают от внешних сил, являющихся их идеологическими союзниками — различные радикальные исламские партии Пакистана. Они предоставляют огромную моральную, политическую и, возможно, другую помощь остаткам Талибан и Аль-Каиды на территории Афганистана»²⁷⁹.

Такая тенденция существенно осложняется наблюдающейся особой активностью ряда религиозно-экстремистских организаций, стремящихся направить пакистанскую политику в сторону реанимации своего влияния на Афганистан. О внушительном потенциале последствий их деятельности может служить хотя бы тот факт, что «только после 8 августа 1998 года из Северо-западной пограничной провинции Пакистана в Афганистан было направлено 15 тысяч получивших военную подготовку пакистанцев, которые пополнили ряды отрядов Исламского движения Талибан и помогли им закрепить достигнутые успехи»²⁸⁰.

По всей вероятности, в отдельных пакистанских кругах не заинтересованы в выдаче иностранным государствам захваченных в плен террористов в связи с тем, что пуштунские племена оказывают давление на Исламабад, выражая резкое недовольство сотрудничеством правительства страны с США. РИА «Новости» сообщило: «30 марта 2004 года антитеррористическая операция в Вазиристане временно приостановлена, а не завершена. Об этом заявил премьер-министр Пакистана Мир Зафарулла Хан Джамали. Борьба с террористами и всей сетью «Аль-Каиды» будет продолжена, пока вся территория Пакистана не будет полностью очищена от подобных элементов. Никому не будет позволено использовать нашу землю для террористической деятельности», — сказал Джамали. Он пояснил, что антитеррористическая операция в Южном Вазиристане приостановлена для того, чтобы позволить выполнить реше-

ния местной джирги (совета старейшин пуштунских племен), которая обещала выдать властям или изгнать со своей территории оставшихся иностранных террористов. Джамали подтвердил обещание правительства не выдавать подобных лиц иностранным государствам²⁸¹.

6 апреля 2004 года, пакистанское руководство «дало еще 15 дней племенам в Северном и Южном Вазиристане с тем, чтобы те самостоятельно избавились от иностранных террористов и боевиков». По данным зарубежных СМИ, губернатор Северо-западной пограничной провинции Пакистана Саед Ифтихар Хуссейн заявил, что «если иностранные террористы покинут территорию Пакистана, то мы готовы предоставить им коридор безопасности». В то же время он сказал, что «прибывшие из Афганистана лица и их семьи, включая узбеков и таджиков, могут оставаться жить в этих районах, если местные пуштунские племена поручатся за них»²⁸².

При этом следует сказать о неоднозначном эффекте, который могут оказывать ирано-пакистанские отношения на афганском направлении. «Иран, Афганистан и Пакистан, — отмечает узбекский эксперт Ш.Акмалов, — расположенные в крупном макрорегионе, включающем Средний Восток и Южную Азию, представляют собой своеобразный политический треугольник, политико-экономические изменения в одном из компонентов которого находят непосредственное отражение во внутренней и внешней политике двух других»²⁸³. Очевидно, что такая тенденция, имевшая место в конце 70-х и начале 90-х годов XX столетия в макрорегионе, в определенной мере дает представление о характере и направленности афганской политики Ирана и Пакистана, которые и по сей день оказывают непосредственное влияние на внутривосточную ситуацию в Афганистане.

В частности, Ш.Акмалов отмечает: «Анализ афганского вектора политики Пакистана и Ирана в период 1978—1992 гг. показывает, что совпадение позиций этих стран по вопросу политического будущего Афганистана не было случайным, хотя и не скоординированным. Главным объединительным началом для обеих стран стало неприятие коммунистической идеологии, проводником которой стал Афганистан после военного переворота 1978 года. Борьба с «безбожным режимом» сближала эти две страны. Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 года усилило опасения как Пакистана, так и Ирана в расширении геополитических амбиций СССР, что

²⁷⁸ См.: Коргун В.Г. «Афганцы готовятся к всеобщим выборам». «НГ-Курьер», 21 июня 2004 года. — <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.php4?st=1087850340>.

²⁷⁹ Khaydarov A. Role of Ethno-Religious Factor in Stabilisation of Internal Political Situation in Afghanistan and its Impact on Central Asia. In: India and Central Asia. Advancing the common interest. — P. 291.

²⁸⁰ Ганковский Ю. Нестабильность становится перманентной//Азия и Африка сегодня. — 1999. — №4(501). — С. 20.

²⁸¹ «Пакистанская армия ждет решения старейшин о выдаче террористов». РИА «Новости», 30 марта 2004 года. — www.Rian.ru.

²⁸² «Исламабад предложил коридор безопасности террористам». РИА «Новости», 6 апреля 2004 года. — www.Rian.ru.

²⁸³ Акмалов Ш. Афганский вектор внешней политики Пакистана и Ирана в 1978—1992 гг.// Востоковедение (Ташкент). — 2001. — №1. — С. 7.

подталкивало обе страны к поиску различных мер противодействия на различных уровнях»²⁸⁴.

Между тем нынешний характер американо-иранских отношений, которые в настоящее время подвергаются новым испытаниям, должно быть, вызывает серьезную озабоченность в Тегеране. По всей вероятности, иранское руководство обеспокоено геополитическими устремлениями Вашингтона по созданию так называемого «геостратегического кольца» вокруг Ирана через укрепление своего военно-политического присутствия в Афганистане, Ираке и усиление влияния на Кавказе.

Очевидно, что подобные опасения иранского руководства небезосновательны, так как появление и укрепление в соседних странах так называемых «демократических режимов» может представлять серьезную угрозу Тегерану, в том числе в идеологическом плане. В этом контексте, стабилизация военно-политической ситуации в Афганистане и Ираке будет лишь ускорять развитие событий по такому сценарию, создавая потенциальные предпосылки для социально-экономического восстановления в этих странах.

Несмотря на усилия международной антитеррористической коалиции, в Афганистане по-прежнему действуют разрозненные группы международных террористов и религиозных экстремистов. Нейтрализация военной и административной машины «Талибан» не привела к решению задач, поставленных участниками антитеррористической кампании. Центральное правительство способно обеспечить мир только в Кабуле и близлежащих провинциях, и то за счет американских войск и Международных сил по обеспечению безопасности (ISAF). Формирование нормально функционирующих национальной армии, полиции и пограничных контингентов требует еще много времени²⁸⁵.

Думается, непрекращающиеся вооруженные столкновения в Афганистане свидетельствуют о произошедшей перегруппировке террористических сил, наличии у них достаточного количества оружия и денег для вербовки новых сторонников. Более того, боевики используют разветвленную сеть информаторов для осуществления атак против международной антитеррористической коалиции. По мнению индийского эксперта С.Ламба, в настоящий момент в Афганистане наблюдается восстановление сил движения «Талибан», которое активизирует свою деятельность в провинциях Нангархар, Пактия, Пактика, Кандагар, Забул и т.д.²⁸⁶.

Между тем анализ хода событий в Афганистане показывает, что террористическая сеть «Аль-Каиды» еще не уничтожена, и она, вероятно, объединится с другими, более мелкими радикальными группировками в Центральной и Южной Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке, которые готовы продолжать войну с цивилизованным миром.

Подобного мнения также придерживается Р.Гунаратна, считающий, что в результате военных операций коалиционных сил в Афганистане члены и руководство «Аль-Каиды» вместе с другими террористическими организациями, которые не в состоянии укрываться в третьих странах, продолжают действовать на афгано-пакистанской границе, а также в Иране, где они планируют совершить новые теракты²⁸⁷. Подтверждением этих слов для стран Центральной Азии являются террористические акты, совершенные в Узбекистане в марте-апреле 2004 года. Как показывают факты, на границе Афганистана с Пакистаном все еще находятся остатки террористов ИДУ, которые продолжают вести подрывную деятельность. Таким образом, военная и террористическая угрозы, в том числе для стран Центральной Азии, исходившие с афганской территории, еще не ликвидированы.

С учетом того, что современный религиозный экстремизм и терроризм приобрели черты глобального явления, в среднесрочном периоде одним из главных приоритетов для международной антитеррористической коалиции в Афганистане, на мой взгляд, должно стать перекрытие источников и каналов финансирования террористических организаций. Без этого невозможно говорить о формировании предпосылок для нормального политического и экономического развития Афганистана и достижения долгосрочной стабильности в этой стране, а, следовательно, и об обеспечении устойчивой безопасности в Центральной Азии.

Тревожное явление — отсутствие сильного правительства и продолжающиеся междоусобицы в Афганистане. В стране, с одной стороны, набирают силу процессы восстановления государственности, с другой — происходит возвращение к активной политической жизни многих афганских этнических и племенных лидеров и укрепление их позиций в районах традиционного влияния.

В связи с этим наиболее противоречивым процессом для Афганистана может стать формирование политических партий, которые будут стремиться всеми способами прийти к власти. Вероятнее всего, большинство из них будет основываться на

²⁸⁴ Там же. — С.13.

²⁸⁵ См.: Amin Saikal. Afghanistan, Iraq and the «war» on terror//The World Today. — 2004. — Vol. 60, № 8/9, August/September.

²⁸⁶ Satinder Kumar Lambah. The current situation in Afghanistan: An Indian perspective. In: India and Central Asia. Advancing the common interest. — P.301.

²⁸⁷ См.: Gunaratna R. The terrorist threat after Afghanistan: Developments in the evolution of Al Qaeda and its associated groups. In: India and Central Asia. Advancing the common interest. — P.233—284.

интересах конкретных этнических, племенных или религиозных групп, стимулируя развитие националистических тенденций в Афганистане. При этом такие партии, преследующие определенные узкие интересы, могут пойти по пути открытого конфликта с центральной властью²⁸⁸.

В таких непредсказуемых условиях в Афганистане набирает обороты наркоиндустрия, которая всегда финансировала продолжение войны. Одной из причин процветания в Афганистане наркобизнеса является отсутствие у афганского населения альтернативных источников существования. Несмотря на официальный запрет выращивания опиумного мака, введенный временным правительством Афганистана, в стране появляется все больше плантаций этого растения, так как его возделывание для афганских дехкан в финансовом отношении выгоднее, чем производство пшеницы.

Как было уже отмечено, «удобное» расположение Центральной Азии на пути транспортировки наркотиков в западные страны продолжает оставаться одной из главных причин активизации террористических сил в регионе. Существуют доказательства того, что деятельность международных террористов во многом преследует целью формирование стабильных каналов наркотрафика из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан в Россию и далее в Европу.

Таким образом, масштабы транспортировки наркотиков, а также причастность к наркобизнесу исламских радикальных групп свидетельствуют о том, что удар по наркобизнесу в Центральной Азии означает прямой удар по терроризму, и наоборот. Именно поэтому международные силы в Афганистане должны все больше уделять внимание проблеме борьбы с наркобизнесом.

В настоящее время внутривластная ситуация в Афганистане в корне отличается от тех реалий, которые существовали в этой стране всего несколько лет тому назад. Так, весьма серьезными достижениями афганского общества можно назвать «освобождение народа от тиранического режима, затухание вековых политических распрей между разными этническими группировками, открытие школ и университетов, эмансипацию афганских женщин и приток капитала в Афганистан»²⁸⁹.

Более того, многие зарубежные эксперты склонны недооценивать роль президента Афганистана Х.Карзая в преодолении противостояния между различными этническими группами

ровками в этой стране. С точки зрения глубоких корней данной проблемы, историко-культурной и политической природы афганского кризиса, успехи Афганистана, достигнутые за короткий период, представляются все-таки значительными. При этом следует особо подчеркнуть, что «так или иначе Х.Карзай сохраняет свою популярность и продолжает пользоваться доверием среди афганского населения»²⁹⁰.

Этно-религиозный фактор как неотъемлемый компонент политической культуры Афганистана оказывал и по-прежнему оказывает прямое воздействие на процесс урегулирования и постконфликтного восстановления страны. В связи с этим следует отметить, что уже в 1990-е годы отдельные известные политологи и эксперты давали объективную оценку этно-религиозному фактору и его роли в политической жизни Афганистана. В частности, Зб.Бжезинский отмечал: «Разбитый на отдельные фрагменты в результате советской оккупации и длительной партизанской войны против нее, Афганистан лишь на бумаге существует как национальное государство, а его 22-миллионное население резко разобщено по этническому принципу... В то же время джихад против русских оккупантов превратил религию в доминирующий фактор политической жизни, привносящий догматическую страсть в уже и без того резкие политические разногласия»²⁹¹.

Указывая на особое влияние этно-религиозного фактора на формирование политических процессов в Афганистане, узбекский ученый-востоковед А.Хайдаров отмечает, что в стране существует большое количество различных орденов и сект, особенно среди шиитов²⁹². «Более того, — подчеркивает А.Хайдаров, — афганское руководство не обладает строгой, организованной структурой. Так, организационно разделенные мусульманские общины не имеют единого центра управления, в результате чего они не могут действовать в качестве единой политической силы. Эта ситуация создала трудности для высших властей в установлении тесных контактов и сотрудничества с такими общинами»²⁹³.

Вместе с тем следует отметить, что в Афганистане в настоящее время проживает 7,5 миллиона пуштунов, 4,8 миллиона таджиков, 1,5 миллиона хазарейцев, 1,3 миллиона узбеков, 545 тысяч туркмен, 110 тысяч белуджей²⁹⁴. Безусловно, многонациональность населения Афганистана представляет собой серьезный вызов ввиду того, что немалая часть указанных этнических групп проживает в соседних государствах.

²⁸⁸ Entekhabi-Fard C. «Afghan Politicians Murder Touches Off Political Discord». 10 июля 2002 года. — www.eurasianet.org/departments/insight/articles/2002index0.shtml.

²⁸⁹ Карзай М., Вардак Х., Кемп Дж. «Как нам выиграть войну в Афганистане». 8 апреля 2003 года. — www.washingtonpost.com.

²⁹⁰ Рашид А. «Карзай продолжает кампанию борьбы с афганскими полевыми командирами». 6 января 2003 года. — Eurasianet.org.

²⁹¹ Зб.Бжезинский. Великая шахматная доска. — С. 160.

²⁹² См.: Khaydarov A. Op.cit. — P. 288—289.

²⁹³ Ibid. — С. 289.

²⁹⁴ Ibid. — P. 288.

Более того, приведенные показатели этнического состава афганского населения весьма относительны, проверить которые практически невозможно. Например, указав на сведения ООН о количестве афганских узбеков, атташе по делам культуры посольства Афганистана в Ташкенте Ф.Аймак заявил, что «данная цифра далеко не адекватна реальности»²⁹⁵. Так, по его мнению, «только в одном вилайате Фарьяб проживает более двух миллионов этнических узбеков». Кроме того, в северном Афганистане «насчитывается 8 вилайатов, где доминирующую часть населения составляют узбеки»²⁹⁶. В то же время, председатель Европейского сообщества по исследованию Центральной Азии (ESCAS, Вена) Г.Р.Палечек подчеркнула, что численность афганских узбеков возрастает, и сейчас достигает, «по некоторым данным, около 10% всего населения страны»²⁹⁷.

Несмотря на сложный этап афганского урегулирования, в настоящее время достигнуты важные результаты, которые предоставляют возможность Афганистану и странам Центральной Азии по-новому оценить нынешние проблемы региональной безопасности и определить дальнейшие перспективы своего социально-экономического и политического развития. Как отмечает директор Гарвардского форума центральноазиатских исследований Дж.Шоберлайн, «относительная стабильность в нынешнем Афганистане имеет позитивное влияние на ситуацию в регионе, и она значительно увеличивает привлекательность Центральной Азии для бизнеса»²⁹⁸. Президент Группы евразийских исследований (Eurasian Group, Нью-Йорк) Ян Бремер считает, что в регионе уже созданы условия для дальнейшего укрепления безопасности и притока иностранных инвестиций в развитие промышленной инфраструктуры²⁹⁹.

Действительно, перспектива нормализации обстановки в Афганистане и формирования долгосрочных условий для обеспечения безопасности Центральной Азии, а также растущее внимание международного сообщества к ней создают уникальную возможность для всестороннего развития региона. Это, в свою очередь, позволит странам Центральной Азии более продуктивно осуществлять политическое и экономическое сотрудничество с Афганистаном, что является неотъемлемой частью обеспечения безопасности не только каждой из них, но и региона в целом.

²⁹⁵ Выступление Ф.Аймака на семинаре «Урбанизация в исторических городах Центральной Азии на примере городов Самарканд и Бухара», состоявшемся 11 марта 2004 года во Французском институте исследования Центральной Азии (IFEAC) в Ташкенте.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Выступление Г.Р.Палечек на вышеуказанном семинаре.

²⁹⁸ Shoberlein Dj. Central Asia: Presidents To Meet Ahead of Informal CIS Summit. RFE/RL, February 28, 2002.

²⁹⁹ Ibid.

На данном этапе региональное сотрудничество стран Центральной Азии в восстановительных программах в Афганистане представляет собой наиболее оптимальный механизм содействия последовательной стабилизации военно-политической ситуации в этой стране. В то же время поставки в Афганистан центральноазиатских товаров, материалов и услуг для послевоенной реконструкции уже реально стимулируют экономики стран региона.

Кроме того, вовлечение Афганистана в реализацию масштабных коммуникационных проектов в Центральной Азии, которые способствовали бы освоению огромных запасов топливно-энергетических ресурсов региона и их экспорту на мировые рынки, было бы в одинаковой мере выгодным для центральноазиатских государств и международных инвесторов. Создание альтернативных транспортных коридоров могло бы сформировать единую взаимоувязанную систему коммуникаций, которая обеспечила бы странам региона надежный выход на перспективные рынки. Для этого необходимо выработать адекватный механизм финансирования проектов и разработать совместные планы развития регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии с вовлечением Афганистана.

В плане участия центральноазиатских стран в реконструкции Афганистана Узбекистан может сыграть особую роль в силу близкого расположения к Афганистану. Это позволило бы значительно сократить стоимость строительных проектов на афганской территории, уменьшая транспортные и страховые расходы, а развитая транспортная инфраструктура в Узбекистане могла бы эффективно координировать оборот товаров, направляемых в Афганистан, и осуществлять поставки в ранние сроки.

Необходимо также подчеркнуть, что в настоящий момент официальный Кабул рассматривает Узбекистан как одного из своих основных доверенных партнеров, о чем свидетельствуют успешные визиты ряда официальных делегаций из Афганистана в Ташкент³⁰⁰. Согласно подписанному двусторонним договорам Узбекистану отдается привилегия по реализации некоторых жизненно важных для афганской экономики проектов, включая реконструкцию Джелалабадского ирригационного комплекса, ирригационной системы «Сарде» и «Кукча», строительство нефтегазового сектора в Афганистане, открытие полевых госпиталей и совместной фабрики по производству медикаментов в Мазари-Шарифе.

Узбекистан, как и другие государства Центральной Азии, оказывает помощь Афганистану, поскольку рассматривает ее

³⁰⁰ См.: Alimov R. Central Asian security and geopolitical interests// Marco Polo. — 2003. — №1. — P.5.

как стратегические инвестиции в безопасность. Он направил в соседнюю страну 300 тонн грузов — строительные материалы, одежду, продукты питания и медикаменты³⁰¹. В марте 2002 года в ходе визита Х.Карзая в Узбекистан, афганской стороне было передано 18 пассажирских и грузовых автомобилей на сумму 350 тысяч долларов.

В кратчайшие сроки специалистами Узбекистана восстановлены десять мостов в направлении города Мазари-Шариф—Саланг—Кабул. Строители государственно-акционерного концерна «Узавтойул» в феврале 2003 года сдали в эксплуатацию два моста на северо-востоке Афганистана. Запланировано построить еще 8 таких мостов, а также реализовать совместные проекты строительства автодороги Термез—Мазари-Шариф, Шибеган — Меймене — Герат³⁰². В 2001—2002 годах через территорию Узбекистана (мост Хайратон) в Афганистан доставлено свыше 500 тысяч тонн гуманитарных грузов³⁰³. Ежедневно через Узбекистан афганскому народу отправляется помощь, предоставляемая правительствами многих стран, различными международными агентствами и неправительственными организациями.

При этом, узбекская сторона все более активно участвует в процессе возрождения Афганистана. Так, между компанией «Узводзарубежстрой» и американской Lenna International (LI) в августе 2004 года подписан протокол о намерениях, касающийся совместного восстановления ирригационной инфраструктуры Афганистана. В ближайшее время LI разработает схему финансирования этого крупномасштабного проекта, общая сумма субсидий в который составит около 85 миллионов долларов. Министерство водных ресурсов, ирригации и энергетики Афганистана готовит список основных водохозяйственных объектов страны, разрушенных почти на 90% в ходе двадцатилетней гражданской войны.

Узбекские ирригаторы работали в Афганистане с начала 60-х годов, начав со строительства Джелалабадского ирригационного комплекса — плотины высотой 22 метра, гидроэлектростанции и водохранилища на 50 миллионов кубометров. С 1965 по 1970 год специалистами «Узводзарубежстроя» были также освоены орошаемые земли с обустройством плантаций маслин и цитрусовых на площади около 32 тысячи гектаров. А с 1964 по 1970 год был сооружен гидроузел в провинции Газни с водохранилищем емкостью 165 миллионов кубометров и системой ирригационно-дренажных каналов, позволившей обводнить большие площади пастбищ — Афганистан в то время занимал второе место в мире по производству каракуля. Тех-

ническая документация на большинство ирригационных объектов Афганистана до сих пор хранится в архивах «Узводзарубежстроя», что послужило одним из решающих аргументов при выборе со стороны LI узбекской компании в качестве субподрядчика³⁰⁴.

С 28 по 30 августа 2003 года состоялся официальный визит в Узбекистан правительственной делегации Афганистана во главе с министром иностранных дел Абдулой Абдулой, в ходе которого были проведены переговоры с премьер-министром Узбекистана Ш.Мирзияевым, министром иностранных дел С.Сафаевым и председателем «Узавтойул» Р.Юнусовым. Как сообщил пресс-секретарь МИД И.Закиров, главной целью визита было обсуждение состояния и перспектив развития двусторонних отношений, в том числе политического и экономического сотрудничества Афганистана со странами Центральноазиатского региона, и вопросы борьбы с терроризмом, а также наркобизнес. Для Узбекистана имеют огромное значение прочный и долгосрочный мир в Афганистане, как важный фактор региональной и международной безопасности, а также реализация инициативы о трансафганском транспортном коридоре, строительство которого позволит улучшить инфраструктуру всего региона³⁰⁵.

Наряду с этим другие страны Центральной Азии проводят все более активную политику на афганском направлении, принимая участие в социально-экономическом восстановлении Афганистана. Так, 12 мая 2004 года в Бишкеке завершила работу трехдневная международная конференция «Региональное сотрудничество Афганистана: Центральная Азия, Иран и Пакистан», организованная совместными усилиями правительства Кыргызстана и ПРООН. На ней были, в основном, обсуждены вопросы развития инфраструктуры торговли и транзита, а также партнерства между Афганистаном и странами региона. В принятой по итогам конференции Бишкекской декларации сделан акцент на поддержке усилий частного сектора в расширении экономического сотрудничества центральноазиатских стран с Афганистаном³⁰⁶.

Как было заявлено на итоговом брифинге, результатами конференции стало принятие предложений по проведению совместных региональных исследований человеческого развития, созданию региональных институтов, обучению кадров в Афганистане, стимулированию роста трансграничной комму-

³⁰⁴ См.: «США и Узбекистан будут восстанавливать ирригационную систему Афганистана». 25 августа 2004 года. — <http://www.ferghana.ru>.

³⁰⁵ См.: «28—30 августа Узбекистан посетит министр иностранных дел Афганистана Абдула Абдула». 27 августа 2004 года. — <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.php4?st=1093552620>.

³⁰⁶ См.: Региональное сотрудничество Афганистана — принята Бишкекская декларация. 13 мая 2004 года. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1084423620>.

³⁰¹ См.: УзА, 27 ноября 2002 года. — www.uza.uz.

³⁰² См.: УзА, 5 февраля 2003 года. — www.uza.uz.

³⁰³ См.: УзА, 27 ноября 2002 года. — www.uza.uz.

никационной инфраструктуры. К приоритетным мерам министры стран-участниц конференции отнесли также упрощение процедур транзита через Афганистан, достижение договоренности о распределении электроэнергии в регионе, развитие воздушного сообщения через Кабул³⁰⁷. Было также решено создать Постоянный региональный комитет, состоящий из представителей частного сектора стран Центральной Азии, для осуществления мониторинга выполнения рекомендаций Бишкекской конференции. На встрече с журналистами в Бишкеке, посвященной итогам конференции, министр финансов Переходного Исламского правительства Афганистана Ашраф Гани заявил: «Бишкекская конференция по Афганистану не менее важна для нас, чем Берлинская конференция. Конференция в Бишкеке приведет нас к устойчивому развитию и позволит установить партнерство с частным сектором, который будет сотрудничать с правительством на многосторонней основе»³⁰⁸.

Помощь в реабилитации Афганистана предлагает и Казахстан. Он считает возможным осуществление транзитных перевозок грузов по своей территории при соблюдении нормативных документов в области транспорта. Предложен маршрут доставки грузов по автомобильной дороге Чимкент—Ташкент—Самарканд—Бухара—Термез—Афганистан. В качестве наиболее подходящих аэродромов для грузовых и пассажирских перевозок в направлении Афганистана были предложены аэропорты городов Алматы, Чимкента и Астаны³⁰⁹.

Сейчас активизировалась деятельность казахстанских субъектов предпринимательства на афганском рынке. В частности, свое представительство в Кабуле открыло ОАО «Казхиммонтаж холдинг», которое специализируется на строительных и монтажных работах, возведении несущих и ограждающих конструкций зданий и сооружений.

По мнению министра торговли Афганистана Саеда Мустафы Казими, афганская сторона предоставляет Казахстану возможность реализации нефтепродуктов через инвестирование строительства нефтяных резервуаров и открытие автозаправочных станций по всей территории Афганистана³¹⁰. Он также заявил: «Афганистан нуждается в продуктах питания, металлопродукции, пиломатериалах и строительном лесу. В свою очередь, наша страна может организовать поставки в Казахстан ковровых изделий, фруктов и сухофруктов. Отмечу, что наши отношения достигли такой степени развития, что мы должны

одновременно поднимать в бизнесе значение частного сектора. Казахстан для Афганистана — очень хорошая транзитная дорога в Китай. Сегодня достигнута договоренность о том, чтобы маршрут от КНР через Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Афганистан и Пакистан до Индии действовал, и действовал эффективно»³¹¹.

В целом социально-экономическое восстановление Афганистана должно оставаться ключевым направлением регионального и международного сотрудничества в рамках укрепления безопасности в этой стране. Снижение внимания к проблемам Афганистана в силу тех или иных причин может привести к тому, что его территория вновь станет источником таких взаимосвязанных и подпитывающих друг друга явлений, как вооруженное противостояние, терроризм, исламский экстремизм и наркобизнес.

Сегодня, как никогда ранее, международное сообщество осознает, что стабильный Афганистан — уже не иллюзия, а необходимость для региональной и глобальной безопасности. По мере снижения напряженности в этой стране все более реалистичными становятся перспективы всестороннего развития государств Центральной и Южной Азии. Несмотря на продолжение вооруженных столкновений в отдельных районах Афганистана, все более укрепляется надежда центральноазиатских стран на его мирное и безопасное развитие.

В то же время стабильность и безопасность в Центральной Азии и вокруг нее можно обеспечить путем не только восстановления Афганистана, но и ускорения социально-экономических и политических реформ в государствах Центральноазиатского региона. В связи с этим важно осознать, что эти проблемы взаимосвязаны и одна не может быть решена без другой.

Изменение старой парадигмы международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее, характеризовавшейся как геополитическое соперничество, в плоскость сотрудничества имеет ключевое значение для региональной безопасности. Иными словами, трансформация афганского фактора в новой среде безопасности в центральной части огромной Евразии создает потенциальные предпосылки для упрочения глобальной безопасности. Отсюда особую значимость приобретает укрепление сотрудничества, как на региональном, так и на международном уровнях.

³⁰⁷ См.: там же.

³⁰⁸ См.: «Министр финансов Афганистана: «Бишкекская конференция приведет нас к устойчивому развитию». ИА Кабар (Бишкек). 12 мая 2004 года. — www.khabar.kz.

³⁰⁹ См.: «Казахстан предлагает свою помощь в реабилитации Афганистана». — <http://www.rambler.ru>. 15 мая 2004 года.

³¹⁰ См.: там же.

³¹¹ Там же.

3.2. Внешние факторы воздействия на процессы развития регионального сотрудничества в Центральной Азии

Образование в наше время независимых государств в Центральной Азии — новая веха не только в истории самих народов региона. Распад советской империи — одной из крупнейших в истории человечества — привел к трансформации современной международной системы. Потерпела советская идеология, которая так и не оправдала большевистских лозунгов о «государстве пролетариев», где рабоче-крестьянский класс должен был стать в авангарде коммунистической партии для построения так называемого «социалистического общества». Достижение этой цели требовало поиска и формирования образа внешнего врага, которым, естественно был избран «разлагающийся» мир капитализма, пытавшийся, в свою очередь, создать в лице бывшего СССР «империю зла».

Эти тенденции привели к крушению иллюзий и стереотипов, ценностных ориентиров и установок не только в республиках бывшего Советского Союза. Однако они не изменили самой квинтэссенции нового мирового порядка, о чем свидетельствуют события, развернувшиеся в Центральной Азии в последние десятилетия. В настоящее время преобладающим большинством экспертов регион зачастую ассоциируется со своего рода «полем брани», где сталкиваются геополитические и другие интересы мировых и региональных держав. Очевидно, такие процессы сопряжены с новым (и в то же время старым) восприятием Центральной Азии, в основе которого лежит принцип «кто не с нами, тот против нас». По своей сути он повторяет идеологические догмы времен «холодной войны».

В этих условиях страны региона, связывающие свои устремления с новыми возможностями, которые предоставило обретение национального суверенитета, столкнулись с двумя тесно взаимосвязанными проблемами: собственное государственное строительство и безболезненное вхождение в мировое сообщество. Естественно, на внутренние процессы в этих странах непосредственное и неоднозначное воздействие оказывают внешние факторы.

В данном контексте хотелось бы проанализировать наиболее серьезные вопросы, имеющие особое значение с позиции осмысления процессов, негативно влияющих на перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии. Отдельные из этих вопросов были рассмотрены в предыдущих главах в контексте угроз и вызовов региональной безопасности, а также в рамках анализа внешней политики крупных центров силы в Центральноазиатском регионе. Однако, на мой взгляд,

следует акцентировать больше внимания на указанных проблемах под таким углом зрения, который позволил бы дать более объективную оценку восприятия событий, происходящих в Центральной Азии и вокруг нее.

В связи с этим важным представляется сравнительно-концептуальное рассмотрение продолжающегося геополитического соперничества крупных центров силы в регионе. Очевидно, оно сопряжено с такой закономерностью, когда продвижение интересов одних внерегиональных держав влечет за собой прямо противоположную реакцию со стороны других.

В истории Центральной Азии подобные процессы уже имели место. Об этом свидетельствует борьба за господство в регионе между российской и британской империями в XIX столетии, а также события, которые способствовали возникновению крылатых фраз «большая игра», а затем и «новая большая игра»³¹².

Подобные словосочетания, а их немало, как правило, есть одно из технических инструментариев формирования современного политического и культурно-цивилизационного восприятия Центральной Азии и потому являются продуктом информационно-идеологической войны между соперничающими в регионе внешними силами. Хотя и не следует отрицать того, что они в то же время представляют собой ассоциативное восприятие всех геополитических и связанных с ними событий внутри центральноазиатских государств и регионе в целом.

С этой точки зрения такие своего рода аллегорические выражения в определенной мере отражают реальность в Центральной Азии, особенно в условиях, когда здесь возрастают различные интересы внерегиональных игроков. Как правило, эти тенденции ведут к появлению несовпадающих подходов к существующей среде безопасности, обуславливая усиление устремлений различных держав, пытающихся расширить свое влияние в регионе.

Реализация интересов внешних сил в Центральной Азии осуществляется путем использования ряда механизмов и средств влияния на внутрирегиональные процессы. При этом все более очевидными становятся стремления крупных центров силы выступать в качестве «гаранта» безопасности и стабильности в регионе.

Сегодня геополитический ландшафт Центральной Азии напоминает своего рода пеструю мозаичную карту различных региональных организаций, задачи и цели которых зачастую дублируются, а то и носят противоречивый характер. В связи с

³¹² В конце XIX века последний вице-король Индии лорд Керзон ассоциировал Туркестан, Афганистан и Персию с «фигурами на шахматной доске, на которой шла игра по установлению доминанции в мире». Эту «партию» он назвал «Большой игрой». Впоследствии данный термин был широко популяризирован известным писателем Р.Киплингом.

этим трудно понять логику участия в них стран региона, если не принимать во внимание их стремление создать своего рода систему сдержек и противовесов для балансирования присутствия внешних сил в Центральной Азии.

Так, все пять центральноазиатских государств являются участниками СНГ, хотя Туркменистан придерживается своего «позитивного нейтралитета». В регионе функционируют такие организации, как ОДКБ и ЕврАзЭС, членами которых состоят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Казахстан также участвует в деятельности ЕЭП, в которое не вошли его центральноазиатские партнеры по ЕврАзЭС и ОДКБ. В формирующейся архитектуре безопасности в Центральной Азии свой потенциал поступательно набирает и ШОС, которая способствует формированию новой конфигурации сил за счет вовлечения Китая во внутрирегиональные проблемы. При этом центральноазиатские страны диверсифицируют свою внешнюю политику в сфере безопасности и военно-политического сотрудничества с НАТО, расширение присутствия которого в регионе Пекин и Москва рассматривают с опаской.

Анализ внешней политики крупных центров силы, а также институциональных образований в Центральной Азии, осуществленный в предыдущей главе, значительно облегчает задачу показать значимость функционирования различных организаций в регионе для перспектив регионального сотрудничества. Эти процессы представляются весьма проблематичными, особенно в том отношении, что после событий 11 сентября 2001 года явно прослеживаются тенденции возрастания военного фактора в Центральной Азии ввиду необходимости борьбы с угрозами международного терроризма и религиозного экстремизма.

Так, в странах региона, с одной стороны, после появления военных контингентов стран-участниц НАТО Россия предприняла серьезные меры по укреплению здесь своего военного присутствия. В частности, ее военно-воздушная база, расквартированная в кыргызском городе Кант, Москвой преподносится в качестве необходимой составляющей ОДКБ. Однако подобный феномен напоминает времена «холодной войны», когда действие одной сверхдержавы встречало противодействие другой.

В этих условиях усиление военного измерения в нынешнем раскладе внешних сил в Центральной Азии может привести к милитаризации региона, где сталкиваются стратегические интересы противостоящих сторон. Об опасности подобных тенденций свидетельствуют события на Кавказе. Например, в настоящее время военные базы России соседствуют с американскими в двух странах СНГ — в Грузии и Кыргызстане. В Грузии вопрос о присутствии российских баз фактически решен грузинской стороной: они будут выведены, а Тбилиси, по всей вероятности, сделает все возможное для того, чтобы вступить в НА-

ТО. В Кыргызстане наблюдается противоположная картина: Россия восстанавливает свое военное присутствие, старается привязать Бишкек к ОДКБ и привлечь к более тесному военно-политическому сотрудничеству. Однако в Кыргызстане, как и в Грузии, расположены базы не только России, но также США и их союзников по НАТО, что создает потенциальные предпосылки для усиления милитаризации в Центральной Азии.

Естественно, как уже отмечалось выше, геополитическое соперничество сопряжено с рядом серьезных издержек, одной из которых является разноректорность внешней политики центральноазиатских стран. В результате появились характеристики государств региона, главным образом, по таким признакам, как «проамериканское» или «пророссийское»³³. В связи с этим следует отметить, что подобное внешнее восприятие как продукт идеологических стереотипов времен «холодной войны» было сфокусировано на Казахстане и Узбекистане. Противопоставление этих стран о чем уже говорилось, дает возможность внешним силам оказывать воздействие не только на их политику, но и на процессы регионального сотрудничества.

Такая тенденция отчетливо прослеживается в формате ЕврАзЭС и ЕЭП, в рамках которых предпринимаются определенные меры, препятствующие углублению регионального сотрудничества. Так, отдельные условия достигнутых соглашений по тарифной и другой политике в отношении «третьих стран», под категорию которой подпадали, прежде всего, не входящие в эти организации государства в Центральной Азии, не соответствуют договорам, подписанным ранее на двусторонней основе, а также в формате многостороннего сотрудничества. В этом контексте следует отметить, что в рамках ОЦАС центральноазиатские страны заключили немало соглашений, реализация которых сталкивается с рядом препятствий, в том числе внешних. Более того, российский истеблишмент не раз напоминал о своем «благосклонном отношении» к партнерам по ЕврАзЭС и ЕЭП — Украине, Белоруссии, Казахстану³⁴, забывая при этом о существовании договоренностей в рамках СНГ.

Между тем без внимания остается активное и целенаправленное стремление Казахстана к ослаблению своей зависимости от влияния России, как в военно-политической, так и в энерготранспортной сфере. В частности, Астана успешно прилагает усилия по более тесному взаимодействию с НАТО не только в рамках программы «Партнерство ради мира». При со-

³³ См.: Толипов Ф. Теоретико-методологические проблемы политических исследований. В кн.: Узбекистонда политология (2001 йил 18 октябрда Тошкент шаҳрида ўтказилган: Республика илмий-амалий конференцияси материаллари). — Т.: Шарк, 2002.

³⁴ См.: Христенко В. Нужна ли нам интеграция? //Россия в глобальной политике. Т. 2. — 2004. — №1, январь-февраль. — С. 80—85.

действии Североатлантического альянса Казахстан сформировал «Казбат», который участвует в составе миротворческих сил в Ираке.

Несмотря на предоставляемые в рамках ОДКБ льготы по приобретению российских вооружений, Казахстан, как и другие страны Центральной Азии, активно закупает американскую военную технику. В частности, поставки осуществляются по проекту плана «Международное военное обучение и подготовка». По сообщению пресс-службы Министерства обороны Казахстана, в основу данного проекта военного сотрудничества с США положен план пятилетнего партнерства. Это первый подобный документ, подписанный Вашингтоном с государством Центральной Азии (сентябрь 2003 года), охватывающий такие сферы сотрудничества, как борьба с международным терроризмом, развитие миротворческих сил, укрепление боеспособности сил противовоздушной обороны, укрепление военной инфраструктуры Каспия, включая также развитие военно-морских сил, создание Военного института языковой подготовки. Кроме того, Астана и Вашингтон договорились об организации центра антитеррористической подготовки. Согласованы планы дальнейшего развития и технического оснащения современной техникой миротворческого батальона «Казбат»³¹⁵.

Вместе с тем Казахстан придает особое значение углублению взаимодействия с НАТО. Сотрудничество с Североатлантическим альянсом в рамках программы «Партнерство ради мира», как отметил глава оборонного ведомства М.Алтынбаев, направлено на решение конкретных задач обеспечения национальной безопасности, определенных в Стратегии «Казахстан—2030»³¹⁶.

В декабре 2003 года М.Алтынбаев, выступая в штаб-квартире НАТО в Брюсселе на заседании глав оборонных ведомств государств—членов Совета Евро-Атлантического партнерства, заявил, что Казахстан собирается создать у себя специальные подразделения, которые действовали бы в рамках программы «Партнерство ради мира». Предлагая Североатлантическому альянсу рассмотреть практические аспекты этой инициативы, М.Алтынбаев указал, что Астана уже внесла большой вклад в дело борьбы с терроризмом, обезвредив 400 тысяч мин и снарядов в Ираке³¹⁷.

На фоне этого Узбекистан считается государством, которое якобы проводит «проамериканскую политику», особенно после начала антитеррористической операции в Афганистане. Такие умозаключения стали принимать более тенденциозный

характер после подписания Декларации о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки во время визита Президента Ислама Каримова в Вашингтон в марте 2002 года.

Очевидно, что попытки Узбекистана и Казахстана как независимых государств диверсифицировать свою внешнюю политику в различных сферах есть результат их естественного стремления обеспечить собственные национальные интересы. Более того, не учитывается, что взаимодействие этих центральноазиатских стран с США, особенно после 11 сентября 2001 года, носило конструктивный характер. Сотрудничество в сфере безопасности сыграло весьма продуктивную роль в снижении угроз с территории Афганистана, в чем были заинтересованы и Россия, и Китай.

Особого внимания также требует тот факт, что в Центральной Азии все более отчетливо проявляются совпадающие и несовпадающие интересы, формирующие современную среду безопасности в регионе. Долгосрочные стратегические задачи США здесь обуславливают их интересы, одинаковые с интересами России и Китая — борьба с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, наркобизнесом, транснациональной организованной преступностью, а также всесторонняя поддержка создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, обеспечения нераспространения ОМП через территорию Центральноазиатского региона. В Вашингтоне осознают обеспокоенность Москвы и Пекина возможным ростом терроризма и экстремизма в этом регионе, что представляет серьезную угрозу их национальной безопасности.

Отношения между крупными державами, вовлеченными в процессы, происходящие в Центральной Азии, будут во многом зависеть от их отношений между собой и вне региона. В США считают, что устойчивая система региональной безопасности может быть сформирована при балансе интересов основных центров силы. В то же время Россия и Китай понимают, что сотрудничество с Соединенными Штатами важнее, чем их двусторонние отношения.

В этих условиях свои основные политико-дипломатические усилия США концентрируют на достижении определенного консенсуса с Россией по вопросам противодействия транснациональным вызовам и угрозам безопасности в Центральной Азии. Как в России, так и на Западе растет осознание необходимости сотрудничества в преодолении вызовов и угроз, возникающих в регионе.

Другим фактором, который рассматривается в Москве, в качестве основы для взаимодействия с Вашингтоном в сфере безопасности в Центральной Азии, является совместная выработка подходов к решению проблем, связанных со стабилиза-

³¹⁵ См.: «Армия Казахстана закупит оружие у США. Обнародован 5-летний план сотрудничества». — *Kazakhstan today*, 20 февраля 2004 года.

³¹⁶ См.: Интерфакс, 27 декабря 2003 года.

³¹⁷ См.: *www.khabar.kz*. 3 декабря 2003 года.

цией ситуации в Афганистане, а также снижением угроз, способных повлиять на состояние безопасности в регионе. Для этого Россия нередко использует риторику о необходимости развития сотрудничества между ОДКБ и ШОС, с одной стороны, и НАТО — с другой, в совместном обеспечении безопасности и стабильности в Афганистане и в целом в Центральной Азии.

В то же время Россия, как подчеркивалось ранее, обеспокоена растущими перспективами политико-экономического и военно-политического закрепления США в регионе на долгосрочной основе. Поэтому, используя, в том числе и потенциал российско-китайских отношений, она предпринимает попытки достичь определенного стратегического баланса интересов в Центральной Азии с США. В условиях военного присутствия Соединенных Штатов в Узбекистане и Кыргызстане, а также расширяющегося военного сотрудничества стран региона с США и НАТО, Москва, допуская проникновение американских интересов в зону своего «традиционного» влияния, стремится максимально извлечь политические и экономические дивиденды в отношениях с Вашингтоном. При этом США вынуждены учитывать растущую роль России на Евразийском континенте, новое качество ее отношений с традиционными союзниками Вашингтона в Западной Европе. В свою очередь, укрепление диалога с США, особенно по вопросам безопасности и экономического развития самой России, отвечает ее национальным интересам.

Россия в контексте ее политики в Центральной Азии стремится поддерживать «дух партнерства» в отношениях с Китаем, что необходимо Москве для балансирования в диалоге со странами Запада, а также для реализации совместных с Пекином мер по ослаблению логического обоснования военного присутствия США в регионе. Однако данный альянс носит ситуативный характер, поскольку в Москве, по всей вероятности, осознают, что существенный финансово-экономический разрыв между Россией и КНР, а также дальнейший рост китайского военно-технического потенциала могут способствовать усилению геополитических амбиций Пекина в Центральной Азии. Развитие ситуации в регионе по такому сценарию, как представляется, не отвечает национальным интересам России.

Характер внешней политики ЕС в отношении Центральной Азии отличается более низкой активностью в сравнении с другими центрами силы, продвигающих здесь свои интересы. В данном контексте на сегодняшний день не отмечается резких противоречий в двусторонних отношениях между ЕС и другими крупными державами по поводу их внешнеполитических устремлений в Центральной Азии. В то же время Европейский Союз заинтересован в сбалансированном и прозрачном участии России во внутрирегиональных процессах.

Другим важным вопросом для крупных центров силы является сохранение светских политических режимов в странах региона. В нынешних условиях возникновение здесь теократических государств существенно осложнило бы ситуацию региональной безопасности, что не отвечает интересам США, РФ, КНР, ЕС и Японии.

В то же время в США, ЕС и Японии понимают, что РФ и КНР по-своему рассматривают вопросы демократизации в странах Центральной Азии, а их попытки институционализировать свое политико-экономическое присутствие в регионе рассматривают как потенциальное препятствие развитию регионального сотрудничества. Россия и Китай традиционно склонны строить отношения с центральноазиатскими государствами в двустороннем формате, что, как считают западные эксперты, ведет к углублению расхождений во внешней политике последних и размывает «целостность региона». РФ и КНР, в свою очередь, реально обеспокоены возможностью прихода к власти в странах Центральной Азии так называемых прозападных лидеров. Москва и Пекин подчеркнуто демонстрируют нейтральное отношение к вопросам демократизации и прав человека, готовность поддерживать государства региона в диалоге с Западом по данной проблематике.

На фоне «идеологического противостояния» особое значение имеют не только будущее Центральной Азии, но и перспективы новых транспортно-коммуникационных маршрутов, в системе которых регион выполнял бы роль связующего звена между Севером и Югом, Западом и Востоком. Однако стремление США, ЕС, Японии и Китая снизить зависимость центральноазиатских стран от России в этой сфере приводит к усилению опасений Москвы подобными тенденциями. В результате РФ своей приоритетной задачей выдвигает необходимость формирования международного транспортного коридора «Север—Юг», пересекающегося с «ТРАСЕКА» по линии «Запад—Восток».

В этом контексте хотелось бы остановиться на вопросах строительства транспортно-коммуникационных маршрутов, так как последние имеют непосредственное отношение к проблемам транспортировки углеводородных ресурсов стран Центральной Азии на внешние рынки. А это, как известно, в настоящее время стало одним из самых серьезных факторов политики всех внешних игроков в Центральноазиатском регионе, особенно для соседних центров силы, где возрастает потребление энергетического сырья, в частности, для Европейского Союза.

В связи с этим примечательны мнения отдельных российских экспертов, которые склонны полагать, что инициатива стран Запада, в первую очередь, США, прямо увязывается с планами Вашингтона укрепить свои военные базы. В частнос-

ти, заместитель директора российского Института экономической стратегии В.Юртаев подчеркивал, что на карте отчетливо проявляется геостратегическая линия от Кавказского региона до границ Китая в Центральной Азии, обозначенная американскими базами. Эти индикаторы, по его словам, предоставляют возможность проецировать дальнейшее развитие событий на всем Евразийском пространстве, в том числе строительство транспортно-коммуникационных маршрутов. В связи с этим В.Юртаев указал, что данный вопрос значительно актуализируется расширением ЕС, который оказывается у российских границ на Кавказе и в Центральной Азии¹¹⁸.

На этом фоне для европейских стран повышается значение реализации комплексной программы по созданию транспортного коридора ТРАСЕКА. Весной 2004 года Европейская Комиссия приняла решение выделить 1,7 миллиарда евро для активизации деятельности касающейся проектов данного коридора. Согласно мнению большинства европейских экспертов, полное осуществление этой программы будет способствовать развитию между Европой и Азией транспортно-коммуникационных инфраструктур, не зависящих от монопольного контроля России.

На этом фоне актуализируется проблема строительства энерготранспортных маршрутов, где также проявляются несопадающие интересы крупных центров силы. Данная сфера является одной из важных составляющих внешней политики геополитических игроков в Центральной Азии. В связи с этим хотелось бы остановиться на тенденциях, способствующих усилению процессов, которые характеризуют нынешнюю ситуацию в регионе и вокруг него.

В первую очередь следует отметить возрастающую в последнее время активность Европейского Союза, который прилагает усилия с целью иметь стабильные источники импорта углеводородного сырья. Актуальность для ЕС обеспечения поставок энергоресурсов из стран Каспийского бассейна и Центральной Азии обуславливается, прежде всего, прогнозируемым ростом энергопотребления европейской экономики, а также необходимостью диверсифицировать источники импорта энергоресурсов в целях укрепления энергетической независимости ЕС и его стран-членов.

Так, согласно экспертным оценкам, объемы импортируемых газа и нефти в Евросоюз к 2020 году достигнут соответственно 64% и 90% от общего потребления. Более того, если мировые цены на нефть сохранятся на высоком уровне, к чему, в частности, стремится Организация стран-экспортеров нефти

(ОПЕК), в которую не входят центральноазиатские страны, то темпы экономического роста в ЕС могут остаться крайне низкими.

Заинтересованность ЕС в энергоресурсах стран макрорегиона Каспийского бассейна и Центральной Азии возрастает также в связи с продолжающимся процессом расширения Евросоюза. Так, в соответствии с требованиями энергетической политики ЕС, уровень энергозависимости государств-членов от поставок углеводородного сырья из одной страны или одного региона не должен превышать одной третьей части их импорта. В связи с этим новые страны-члены и страны-кандидаты в члены ЕС, особенно Центральной и Юго-Восточной Европы, вынуждены снизить степень своей энергетической зависимости от России, которая остается для них основным поставщиком углеводородного сырья. Следовательно, в целях диверсификации импорта энергосырья этим странам необходимо наращивать динамику закупки углеводородного сырья из макрорегиона, считающегося одним из альтернативных российскому источнику нефти и газа.

В таких условиях в Европе рассматриваются различные варианты импорта нефти из Казахстана и природного газа из Туркменистана и Узбекистана. При этом особую роль в определении европейской политики в отношении Центральной Азии играет опасение Евросоюза по поводу усиления влияния России на его энергетическую безопасность. Так РФ, которая уже контролирует значительную часть поставок энергоресурсов в европейские страны, активно пытается укрепить собственные позиции на энергетическом рынке ЕС, в частности, путем заключения с государствами Центральной Азии крупных долгосрочных соглашений по транзиту и закупкам их из региона.

В связи с этим в последнее время Евросоюз заметно активизировал свою политику по защите собственных энергетических интересов. В этом плане он придает особое значение реализации процесса Европейской энергетической хартии (ЕЭХ), предусматривающей свободный транзит нефти и природного газа по рыночным условиям. В частности, выполнение Москвой требований ЕЭХ по либерализации и демополизации российского газового рынка позволило бы ЕС получить возможность регулировать поставки энергоресурсов в Европу через территорию России без ее государственного контроля над объемами и ценами углеводородного сырья.

По мнению отдельных зарубежных экспертов, реализация ЕЭХ способствовала бы увеличению доходов центральноазиатских поставщиков, которые на сегодняшний день искусственно снижены низкими закупочными ценами «Газпрома». По их мнению, это также позволило бы привлечь большие объемы инвестиций путем повышения интереса западных транснацио-

¹¹⁸ См.: доклад В.Юртаева на 11-ой международной конференции «Безопасность на Южном Кавказе», организованной Институтом политических и международных исследований при МИД Ирана 8–9 декабря 2003 года в Тегеране.

нальных компаний к разработке газовых месторождений в странах региона, где можно было бы на более благоприятных технических условиях добывать более качественные, чем российские, нефть и газ.

В целях снижения уровня контроля России над маршрутами и объемами поставок углеводородного сырья из макрорегиона Каспийского бассейна и Центральной Азии на европейские рынки, Евросоюз также оказывает поддержку реализации различных альтернативных транспортно-коммуникационных, прежде всего, трубопроводных проектов. В частности, ЕС прилагает целенаправленные усилия по осуществлению проекта транспортировки каспийской нефти в Европу по «Евразийскому нефтетранспортному коридору» (ЕАНК). Данный проект предусматривает продление украинского трубопровода Одесса—Броды до польского города Плоцка, который соединен нефтепроводом в городе Гданьск. По данному маршруту в перспективе планируется поставлять в Европу ежегодно около 40 миллионов тонн нефти, добытой на Каспии.

В конце мая 2003 года ЕС выделил 2 миллиона евро на развитие ЕАНК. В мае 2004 года Европейский банк реконструкции и развития выразил готовность к выделению кредита для реализации этого коридора. 26 ноября 2003 года в Брюсселе между Польшей и Украиной было подписано межправительственное соглашение, предусматривающее включение в краткосрочной перспективе украинского нефтепровода Одесса—Броды в нефтетранспортную систему Польши. Подписано также трехстороннее коммюнике между правительствами Украины, Польши и Европейской Комиссией, в котором говорится о дальнейшем содействии в развитии проекта ЕАНК.

В свою очередь, казахстанская нефтегазовая компания «Казмунайгаз» объявила о своем желании участвовать в консорциуме инвесторов по продлению трубопровода Одесса—Броды до Гданьска. Как заявил в ноябре 2003 года министр иностранных дел Казахстана К.Токаев после встречи с главой МИД Украины К.Грищенко в Астане, транспортировка нефти по ЕАНК имеет для его страны «стратегическое значение».

Между тем ряд европейских государств, в частности Германия и Великобритания, развивают энергетическое партнерство с Россией, рассматривая ее в качестве «ключевого игрока» на рынках энергоносителей восточной Европы, а также учитывая ее запасы углеводородного сырья и транспортно-транзитный потенциал. Они считают, что проблема монополии государственных компаний в энергетической системе РФ со временем будет решаться по мере того, как российское законодательство будет приведено в соответствие с требованиями ВТО. По мнению европейских экспертов, этому будет также способствовать реализация многочисленных проектов по созданию альтернативных транспортно-коммуникационных маршрутов.

На этом фоне Соединенные Штаты прилагают целенаправленные усилия по ускорению реализации проекта Баку—Тбилиси—Джейхан, который, как отмечают многие зарубежные аналитики, направлен на ослабление российского влияния на энерготранспортную инфраструктуру макрорегиона Кавказа и Центральной Азии. Вовлечение Казахстана в эти процессы означало бы начало трансформации всего геополитического ландшафта Центральноазиатского региона, где по-прежнему контроль над потоками углеводородного сырья осуществляется Россией.

При этом, как представляется, реализация проектов Одесса—Броды и Баку—Джейхан отвечает долгосрочным интересам США и Европейского Союза. По словам американского посла в Украине К.Паскуаля, Одесса—Броды не является конкурентом трубопровода Баку—Джейхан в транзите нефти из Каспия на Запад, поскольку первый ориентирован на транспортировку казахстанской нефти, а второй — азербайджанской³¹⁹. Однако в дальнейшем не исключается вероятность того, что экономическая целесообразность будет обуславливать необходимость более тесного взаимодействия всех стран макрорегиона, являющихся крупными поставщиками нефти на внешние рынки.

В этих условиях становится очевидным, что энерготранспортная инфраструктура формируется на западном направлении, вызывая озабоченность в крупных азиатских странах—импортерах углеводородного сырья, прежде всего, Китае и Японии. Как отмечалось ранее, динамика возрастания энергопотребления диктует Пекину и Токио предпринимать более активные шаги по обеспечению собственной энергетической безопасности.

Однако реализация этих задач для Японии и Китая существенно осложняется географической отдаленностью от крупных источников углеводородного сырья, а также отсутствием энерготранспортных трубопроводов в их направлении. Причем для Токио прокладка нефте- и газопроводов через китайскую территорию является практически единственным выходом, за исключением российской, для обеспечения стабильных поставок энергоресурсов на собственный рынок, хотя и сопряжена с политическим риском.

В то же время Пекин, используя фактор роста энергопотребления в стране, позиционирует себя в качестве крупнейшего импортера углеводородов из Центральной Азии с целью поддерживать интерес государств региона в углублении двустороннего сотрудничества. Однако в силу отсутствия достаточных финансовых ресурсов, в настоящее время осуществление

³¹⁹ См.: Выступление К.Паскуаля на международной конференции «Мир в XXI веке: безопасность, сотрудничество и диалог», состоявшейся в Киеве 4—6 июля 2001 года.

Китаем энергетических проектов представляется реальным лишь в среднесрочной перспективе.

В условиях возрастания геополитического соперничества в Центральной Азии особые формы и значение приобретает также проблема концентрации ценностно-концептуальных идеологических ориентиров в странах региона. Проявление данного феномена является вполне очевидным, так эти тенденции связаны с формировавшимся после распада бывшего Советского Союза идеологическим вакуумом на всем пространстве СНГ. Симбиоз различных систем культурно-цивилизационных ценностей в Центральной Азии, а также близость региона к остальному мусульманскому миру лишь существенно усугубляет проблему идеологического выбора центральноазиатских обществ.

С началом борьбы с глобальным терроризмом Центральная Азия все более вовлекается в так называемое «столкновение цивилизаций», которое характеризуется как конфронтация между христианством и исламом. Эти процессы не только способствуют идеологическому противостоянию между мировыми и региональными державами, но и служат идейной основой террористических и экстремистских группировок, пытающихся расширить свои ряды в странах региона.

В этих условиях в центральноазиатских обществах наблюдается вульгаризация западных и национально-религиозных ценностных ориентиров, которые все более приобретают политическую окраску. При этом поляризация систем этико-политических ценностей на конфессиональной почве, принимающая радикальные формы в силу нынешней социально-экономической ситуации в странах Центральной Азии, существенно осложняет задачу государств региона по обеспечению межконфессионального согласия и мира.

Безусловно, этому также способствуют внешние факторы, в частности, глубокое различие между идеологическими ориентирами мировых и региональных держав, активно вовлеченных в глобальную борьбу с терроризмом. Так, «существующие идеологические различия между Соединенными Штатами и Ираном также могут рассматриваться в качестве серьезного вызова долгосрочной стабильности в Центральной Азии и Афганистане»³²⁰.

Более того, современные информационно-идеологические технологии позволяют различным внешним силам, пытающимся создать мощную «пятую колонну» исламистов в регионе, манипулировать общественным мнением внутри стран Центральной Азии. Очевидно, подобные поползновения, которые начались, как уже отмечалось, еще в конце 70-х годов прошлого столетия, не утратили своей динамики. Напротив,

³²⁰ Alimov R. Central Asian security and geopolitical interests// Marco Polo. — 2003. — №1. — P.8.

антитеррористическая кампании во главе с США в Афганистане и Ираке, которые интерпретируются исламистскими радикалами как «новый крестовый поход» Запада, лишь усиливают политизацию ислама в центральноазиатских обществах.

Это как представляется, не только оказывает непосредственное влияние на стабильность в Центральной Азии, но и приводит к осложнению процесса укрепления межнационального согласия в странах региона. В данном контексте следует отметить феномен ИДУ, которое нередко рассматривается как «продукт» неэффективной религиозной политики Узбекистана. Такой стереотип не раз приводил к формированию негативно-го имиджа Узбекистана и узбеков потому, что в рядах этой террористической группировки состояли также боевики узбекской национальности. Вопрос приобретает особое значение в том смысле, что во всех странах Центральной Азии имеются крупные узбекские общины.

Не случайно российский эксперт А.Малашенко отмечал, что эффект ислама «чувствуется на взаимном восприятии людей»³²¹ в регионе. Он пишет: в Центральной Азии «все еще существует «понятийная» классификация людей с точки зрения их приверженности исламу. Таджики идут первые, затем следуют узбеки, кыргызы, казахи и туркмены. Многие местные интеллектуалы рассматривают казахов и кыргызов как несовместимых с исламом»³²².

В этом отношении особое значение для безопасности не только Узбекистана, но и других стран Центральной Азии приобретает исламский фактор, который в силу своей амбивалентности находит различные и зачастую противоречивые плоскости восприятия, как внутри региона, так и за его пределами. Одним из ярких примеров тому являются активные дискуссии, разворачивающиеся вокруг международной экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир», которая пытается поэтапно материализовать свою идеологию. Как уже отмечалось в предыдущей главе, искусное использование либеральной политико-правовой системы Запада дает этой организации потенциальные возможности беспрепятственно готовить «социальную базу» во многих государствах, включая страны Центральной Азии, для реализации далеко идущих планов по построению халифата.

В этом контексте, на мой взгляд, следует рассмотреть отдельные аспекты позиции США как государства, возглавившего международную антитеррористическую кампанию, в отношении «Хизб ут-Тахрир». Это дает возможность сделать вывод, что американские подходы к данной организации остаются по

³²¹ Malashenko A. Islam in Central Asia. In: Central Asian Security. The New International Context. — London.: Royal Institute of International Affairs, 2001. — P.51.

³²² Ibid.

сей день неопределенными. В результате в США проявляется двойственное отношение к «Хизб ут-Тахрир».

Так представители Государственного департамента США полагают: «Хизб ут-Тахрир» «призывает к свержению правительств в Центральной Азии. Несмотря на ее подстрекательскую риторику, она заявляет о ненасилии»³²³. По их мнению, в Соединенных Штатах обеспокоены деятельностью «Хизб ут-Тахрир». Однако из-за отсутствия каких-либо доказательств в применении насильственных действий с ее стороны США не признали эту организацию в качестве террористической.

При этом представители Государственного департамента подчеркивают свою озабоченность тем, что «Хизб ут-Тахрир», являясь конспиративной, транснациональной организацией, пользующейся поддержкой мусульман в Азии и Европе, призывает к свержению правительств во всем исламском мире и установлению безграничного, теократического исламского халифата. Более того, они подчеркивают, что после начала операции «Несокрушимая свобода», начатая в Афганистане после 11 сентября 2001 года, и глобальной войны против терроризма риторика «Хизб ут-Тахрир» стала более воинственной. В листовках этой организации восхваляются самоубийства в акциях против Израиля и расквартированных в Центральной Азии сил коалиции, мусульмане призываются к защите их веры и джихаду против США и Великобритании, объявивших войну исламу.

Несмотря на отсутствие подтвержденных доказательств, утверждают представители Государственного департамента США, ясно, что «Хизб ут-Тахрир» подстрекает к насилию. Она «также служит для вовлечения в радикальный ислам неудовлетворенных и безработных молодых людей, которые в последующем могут быть рекрутированы более насильственными группами»³²⁴.

Более того, позиции Вашингтона существенно разнятся при оценке предпринимаемых мер борьбы с международным терроризмом со стороны Лондона, где расположена штаб-квартира «Хизб ут-Тахрир», и Берлина. В частности, представители нынешней администрации Дж.Буша подчеркивают: «Великобритания была и остается одним из сильнейших союзников в глобальной борьбе против терроризма. Она продолжает предпринимать важные политические, финансовые и законодательные шаги в продвижении международных антитеррористических усилий»³²⁵. Однако не упоминается факт о том, что в Лондоне активно осуществляют пропагандистскую дея-

тельность идеологи «Хизб ут-Тахрир», призывая к джихаду, а это фактически означает призыв к насилию.

Как отмечает руководитель докторских программ по вопросам исламского мира в Парижском институте политических наук Жиль Кепель, основатель «Хизб ут-Тахрир ал-Ислами» шейх Таки ал-Дин ал-Набахани проповедовал стратегию взятия власти сначала путем инфильтрации элит, а потом насильственным действием³²⁶. Такая его позиция возникла как реакция на неудачу стратегии социального внедрения, которую предлагала организация «Братья мусульмане»³²⁷.

На этом фоне Вашингтон также рассматривает Германию в качестве «активного сторонника антитеррористической кампании на международных форумах, включая ЕС, ООН, НАТО, ОБСЕ и «Большую восьмерку». При этом отмечается, что ФРГ осуществила антитеррористические реформы, которые должны повысить ее возможности в борьбе с терроризмом. По мнению американской стороны, новые и более жесткие положения в германском законодательстве об ассоциациях были полезны, так как их следствием явилось запрещение нескольких зарубежных экстремистских организаций в Германии, в том числе «Хизб ут-Тахрир», имущество которой было арестовано³²⁸.

Двойственное отношение Вашингтона проявляется не только к самой «Хизб ут-Тахрир». Во-первых, положительно оценивая шаги Берлина, предпринимаемые против этой экстремистской организации, США как бы не замечают, что Лондон создал благоприятные условия для идеологов «Хизб ут-Тахрир». Во-вторых, непонятно, почему Вашингтон, с удовлетворением отмечая жесткие действия немецких властей против «Хизб ут-Тахрир», критично оценивает меры, осуществляемые правительствами стран Центральной Азии в отношении членов этой организации.

В то же время Вашингтон предпринимает решительные меры в борьбе с различными «благотворительными» организациями, которые оказывают финансовую и иную поддержку международным террористическим группировкам. Например, 27 июля 2004 года представители Министерства юстиции США объявили, что функционирующий в Техасе крупный мусульманский благотворительный фонд «Святая земля» был обвинен в финансировании палестинской террористической организации «Хамас»³²⁹. При этом министр данного ведомства Дж.Эшкфорт заявил, что «нет разницы между теми, кто совершает теракты, и теми, кто сознательно финансирует»³³⁰. Одна-

³²³ Frequently Asked Questions About U.S. Policy In Central Asia. In.: Fact Sheet. Bureau of European and Eurasian Affairs. — Washington. — November 27, 2002.

³²⁴ Ibid.

³²⁵ Ibid.

³²⁶ Kepel G. Jihad, Expansion et declin de l'islamisme. — Paris, 2000. — P.420.

³²⁷ Ibid. — P.383.

³²⁸ Frequently Asked Questions About U.S. Policy In Central Asia. In.: Fact Sheet. Bureau of European and Eurasian Affairs. — Washington. — November 27, 2002.

³²⁹ См.: Веб-сайт: <http://usinfo.state.gov/ruski/>.

³³⁰ Ibid.

ко в случае с деятельностью «Хизб ут-Тахрир» возникает резонный вопрос: есть ли разница между теми, кто совершает теракты, и теми, кто сознательно призывает к подобному насилию?

В связи с этим следует отметить, что проявление «мягкотелости» в отношении этой радикальной организации неминуемо приведет к тому, что в Вашингтоне и Лондоне рано или поздно получат «убедительные доказательства» террористической сущности «Хизб ут-Тахрир».

Между тем в этой группировке, как отмечают многие эксперты, наблюдается раскол между штаб-квартирой «Хизб ут-Тахрир» и ее местными отделениями, по крайней мере, в странах Центральной Азии. В то время как лидеры «Хизб ут-Тахрир» говорят о своей ненасильственной деятельности, активисты «на местах» уже открыто заявляют о необходимости перейти к вооруженной борьбе со светскими правительствами в регионе. В этом, на мой взгляд, и заключается «эффективная» тактика «Хизб ут-Тахрир», которая, идеологически подготавливая террористов-шахидистов³³¹, опровергает свою причастность к тем или иным террористическим актам, что имели место, в частности, весной и летом 2004 года в Узбекистане. Отсюда становится очевидным, что искусное использование идеологами «Хизб ут-Тахрир» лозунгов о «ненасилии» позволяет этой организации беспрепятственно осуществлять деструктивную деятельность.

В данном контексте следует отметить, что позиция крупных стран мира оказывает непосредственное влияние на подходы государств Центральной Азии к «Хизб ут-Тахрир» и другим террористическим и экстремистским организациям. Риторика о том, что проблема терроризма и экстремизма больше касается той или иной центральноазиатской страны, лишь усугубляет религиозно-политическую ситуацию во всех государствах региона.

В частности, в то время, как Узбекистан, будучи жертвой терроризма, проводит более жесткую и целенаправленную политику в отношении террористических и экстремистских группировок, Кыргызстан не предпринимает серьезных мер по пресечению рекрутирования новых членов в «Хизб ут-Тахрир» среди местного населения. Как показывают «полевые» исследования, проведенные в 2004 году в крупных городах Кыргызстана — Оше и Джалал-Абаде, активисты «Хизб ут-Тахрир» свободно дают интервью независимым журналистам, открыто заявляя о своей готовности к вооруженной борьбе с местными властями при первой возможности. Их главной целью, по словам одного из активистов организации, является пропаганда

³³¹ Надо отметить, что шахидизм, свойственный Ближневосточному региону, является новым проявлением терроризма в Центральной Азии, в частности в Узбекистане.

идеологии партии и расширение своих рядов, в том числе в силовых структурах страны, которые «пригодятся при свержении светского правительства» Кыргызской Республики.

С этой точки зрения для стран Центральной Азии представляется необходимым как борьба с террористическими организациями, так и пресечение деятельности любой экстремистской группировки, призывающей к насилию, джихаду или вооруженному противостоянию, каковой является «Хизб ут-Тахрир». Значимость подобных мер требует не только консолидации усилий государств региона в этом направлении, но и формирования общих подходов к таким группировкам. Как представляется, именно борьба с экстремизмом и терроризмом является одним из важных элементов консолидации центральноазиатских стран, и проявление в этом деле двойных стандартов между государствами региона будет лишь препятствовать процессу углубления регионального сотрудничества.

На фоне «размывания» целостности Центральной Азии по так называемому исламскому фактору регион также подвергается другим информационно-идеологическим поползновениям, которые оказывают опосредованное, если не непосредственное, влияние на перспективы регионального сотрудничества. С этой точки зрения, на мой взгляд, следует отметить активность российских СМИ, которые охватывают все пространство СНГ, предоставляя им возможность оказывать воздействие на формирование общественного мнения в центральноазиатских государствах.

Так, в последнее время в российских СМИ, а также экспертных кругах усиливаются тенденции вызова ностальгических чувств в обществах стран Содружества по «былому величию Союза». Подобная информационная тактика позволяет достигать одновременно две цели.

Во-первых, в общественном сознании в постсоветских странах, в том числе Центральной Азии, усиливается психологический дискомфорт, особенно в условиях спада уровня жизни на всем пространстве СНГ. Отсюда логичным представляется появление реплик «как было хорошо в советское время» и т.д. Очевидно, это направлено на то, чтобы «закрепить» за Россией статус «легитимного», исторического интегратора.

Во-вторых, методичное использование такого информационно-идеологического воздействия провоцирует усиления миссионерского духа в российском обществе, который приведет к росту национализма. Проявления подобного феномена наблюдаются даже в таких понятиях, возникших после распада бывшего Советского Союза, как «ближнее зарубежье», «лица кавказской/азиатской национальности», «подбрюшье России». В связи с этим неслучаен всплеск националистских настроений в самой России.

В ноябре 1992 года Б.Ельцин издал указ «О защите прав и

интересов российских граждан, находящихся за пределами Российской Федерации» в целях провозглашения единства России с коренным русским населением в ближнем зарубежье и возложения на себя ответственности за его защиту»³³². Ныне подобные тенденции имеют свое продолжение, и они наиболее наглядно вырисовывались в отдельных политических кругах России. В частности, ирландский эксперт Д. О'Бичейн рассматривает некоторые проявления националистических настроений в деятельности В.Жириновского. «Один из самых известных в Российской Федерации защитников прав «диаспоры», несомненно, Владимир Жириновский... Будучи политическим хамелеоном, утратившим к себе доверие, потерявшим свое обаяние в период стремительно развивавшихся событий в начале 1990-х гг., Жириновский тем не менее обладал значительной политической властью в посткоммунистической России и был серьезным соперником на президентский пост. Оказанная ему поддержка русским населением достигла максимальной отметки в 23% в 1993 г., тогда почти 400 тыс. русских уехали из Казахстана. Жириновский выдавал себя за защитника прав русских, где бы они ни находились, особенно 25-миллионной диаспоры, оказавшейся по другую сторону границы после распада Советского Союза... Когда выборы в парламент показали на горизонте в 1993 г., Жириновский заявил, что «Казахстан является искусственным образованием и может успешно развиваться, только лишь находясь под господством России»³³³.

Упоминание имени В.Жириновского казалось бы несколько неуместным ввиду «неординарности» его личности. Однако тот факт, что его убеждения, как показывают выборы в 1993 году, а также нынешние меры Москвы по защите русских в ближнем зарубежье, разделяет немалая часть российского общества, не может не вызывать беспокойства. С этой точки зрения ирландскому исследователю, как представляется, удалось показать причины таких проявлений в России. По его словам, «русские были лишены своей имперской гордости и достоинства, ограблены капиталистами и обмануты обещаниями политиков — все это привело к имперской ностальгии и национальному экстремизму»³³⁴.

Объявление Москвой политики защиты «российских граждан» за пределами России характерно в том отношении, что сама уже постановка этого вопроса «ребром» свидетельствует, как минимум, о двух стремлениях РФ. С одной стороны,

Москва требует особого положения для граждан стран Содружества русской национальности, за которыми «стоит горой вся Россия». С другой стороны, российская политическая элита пытается сохранить свое присутствие во всех постсоветских странах за счет гарантии своим соотечественникам. Как правило, человеческий фактор есть самый эффективный инструмент, обеспечивающий объективное присутствие той или иной державы за ее пределами.

Однако эти действия сопряжены и с негативными последствиями для самой России. Очевидно, «усердие» в этом направлении приведет к усилению подозрений к российской политике в странах СНГ, как на общественном, так и государственном уровнях. В этом и проявляется определенное преимущество идеологии западных стран, которые заявляют о своем стремлении оказывать поддержку постсоветским государствам в укреплении их независимости. По сути, это уже дает ощутимые результаты, по крайней мере, в странах Восточной Европы, а также странах Прибалтики, которые на сегодня являются членами и ЕС, и НАТО.

Непосредственно такие различия в идеологических обрамлениях внешней политики России и стран Запада, в частности, США, становятся предметом информационной борьбы. В связи с этим не случайно появление в широких аналитических кругах, как в Центральной Азии, так и за рубежом, подозрений и обвинений в «неоимпериализме» Москвы.

В этом отношении вызывает интерес тот факт, что важной причиной оттока русских из государств бывшего СССР является не притеснения по национальному признаку, а социально-экономические условия³³⁵. При этом «бороться за статус языка, за равные права начинают там, где есть или намечаются перспективы благополучной жизни»³³⁶.

Поэтому перед российским правительством возникает проблема, разрешение которой имело бы особое значение для укрепления позиций Москвы в Центральной Азии. Так, Россия заинтересована в сдерживании потока иммиграции граждан центральноазиатских стран русской национальности. Однако, если принять во внимание вышеприведенное мнение, что основной причиной переселения русских является социально-экономический фактор в государствах региона, то для содействия государствам Центральной Азии в данной сфере на сегодняшний день у России нет достаточных ресурсов.

Страны Запада, в свою очередь, активно используют свои информационно-идеологические ресурсы, в результате чего формируется определенный имидж государств Центральной

³³² См.: О'Бичейн Д. Казахизация и языковая политика в постсоветском пространстве. В кн.: Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах. Институт философии и права Уральского отделения РАН. — Екатеринбург, 2004. — С. 78.

³³³ Там же. — С. 79.

³³⁴ Там же.

³³⁵ См.: Токарев А. Бедные родственники или дорогие соотечественники// Евразия. — Март (№24) 2004. — С.36—37.

³³⁶ Там же. — С.37.

Азии и региона в целом. В этом отношении превосходство западных ученых и экспертов в политической науке³³⁷, которая имеет глубокие исторические корни еще с античности, позволяет им более эффективно использовать разработанную терминологию, особенно при характеристике политических систем, государства и общества в Центральноазиатском регионе.

В связи с этим следует отметить ряд терминов, к которым апеллирует большинство западных экспертов. В частности, широко употребляемыми в отношении постсоветских и развивающихся стран являются авторитаризм, тоталитаризм, режим и т.д. Однако подобные понятия, как правило, «всплывают» только в случае необходимости или «забываются», если это диктуется императивами экономической и политической целесообразности.

Так, еще в 70–80-е годы прошлого столетия отдельные страны Запада поддерживали тесные связи с Саддамом Хусейном, который в 90-х годах «внезапно» оказался диктатором, «поработившим собственный народ». В то же время Соединенные Штаты поддерживали режим «Талибан», весьма далекий от тех демократических идеалов, которые лежат у стран Запада. Более того, очень странным выглядит появление нового понятия «умеренный» талиб. И это на том фоне, когда, как отмечают американские эксперты, «Талибан» наряду с «Аль-Каидой» в США классифицируют в качестве террористической организации³³⁸. Отсюда возникает резонный вопрос: может ли быть террорист «умеренным»?

Проблема демократии, как известно, является одним из актуальных вопросов в отношениях между странами Центральной Азии и Запада. Именно данный аспект играет ключевую роль в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества, так как он имеет особое значение не только для политического истеблишмента той иной западной страны, но и для западного общества. По сути, демократическая система есть не результат, а скорее, процесс институционального становления государства, где созданы условия для реализации прав и свобод граждан.

При этом важно не абсолютизировать западную демократию только по той причине, что она является наилучшим достижением в истории человечества и эталоном современной политической системы. Здесь также необходимо учитывать,

³³⁷ Собственно, «политология», или «политическая наука», как самостоятельная дисциплина стала предметом изучения в конце 80-х—начале 90-х годов прошлого столетия. В большинстве постсоветских стран политологические исследования развивались после распада бывшего СССР. (см.: Хайдаров А. К. вопросу о состоянии и перспективах развития политологии в Узбекистане; Толипов Ф. Теоретико-методологические проблемы политических исследований. В кн.: Узбекистонда политология.

³³⁸ См.: Collins K., Wohlforth W. Op.cit. — P.42.

что античная демократия представляется исключительно важным явлением в качестве «исторического прецедента», который отсутствовал в истории неевропейских народов, в том числе Центральной Азии.

По существу, даже в настоящее время, не вдаваясь в детальные рассуждения об особенностях демократических режимов Запада, сложно усомниться в проницательности Аристотеля, размышлявшего о преимуществах различных государственных устройств — демократии, олигархии, тирании, монархии. По его мнению, «правильнее суждение тех, кто смешивает несколько видов, потому что государственный строй, который состоит в соединении многих видов, действительно является лучшим»³³⁹.

В самом деле, согласно концепции Аристотеля о государственных устройствах, в отдельных странах Запада, в частности в США, присутствует соединение многих видов. Как известно, такой феномен, как лобби, по своей сути есть не что иное, как олигархия. Однако при этом исключительно важную роль играют демократические механизмы, ограничивающие в отличие от авторитарных их действия и вседозволенность. Например, не секрет, что кандидатура Дж.Буша во время президентских выборов в 2000 году была пролоббирована представителями крупного нефтебизнеса и военно-промышленного комплекса США.

Естественно, демократия есть также определенный исторический этап культурно-цивилизационного развития того или иного народа. В связи с этим примечательно следующее мнение американского ученого Э.Фромма: «Говоря о «средневековом обществе» и о «духе средневековья» в отличие от «капиталистического общества», мы имеем в виду идеальные типы. На самом деле, разумеется, не было такого момента, когда вдруг закончилось средневековье, чтобы со следующего момента началось Новое время»³⁴⁰.

По сути, это утверждение несколько не устарело, и с концептуальной точки зрения оно относится ко всем постсоветским странам, в том числе Центральной Азии, от которых на Западе ожидали «ошеломляющих» результатов в сфере демократии за пару или несколько более лет. Как известно, до недавнего времени широко использовались такие фразы, как «островок демократии в Центральной Азии», «центральноазиатский Джефферсон», которые сейчас едва ли уже кто-либо вспомнит.

Очевидно, «большие скачки» не всегда приводят к тем результатам, которые ожидают демократические государства За-

³³⁹ Аристотель. Политика. В кн.: «Мыслители Греции. От мифа к логике». — М.: Эксмо-пресс, 1999. — С. 481.

³⁴⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Прогресс. 1990. — С. 43.

пада и тем более сами общества в Центральной Азии. Напротив, в общественном сознании укореняется своего рода комплекс неполноценности, усиливающийся сложным социально-экономическим положением. Форсирование демократических процессов со стороны западных стран, особенно в сфере вероисповедания, приводит к опосредованной защите «прав» религиозных экстремистов и террористов. При этом практически не обсуждается вопрос о том, что штаб-квартиры международных экстремистских организаций, тесно взаимодействующих с террористическими группировками, расположены в самих государствах Запада.

В этом отношении следует подчеркнуть, что все страны Центральной Азии объявили о своем стремлении строить демократические государства и гражданские общества. Однако это требует более длительного времени, нежели себе представляют многие демократические страны. Достаточно лишь вспомнить, что еще в 60—70-е годы в самих США остро стояла проблема дискриминации чернокожих американцев, в то время как по-прежнему существуют индейские резервации в некоторых американских штатах.

В связи с этим, на мой взгляд, касательно проблем демократии стран Центральной Азии необходимо осознать важность поэтапного, поступательного реформирования, которое требует обращения особого внимания, в первую очередь, на два фактора.

Во-первых, нынешний менталитет, мировоззрение и культура обществ Центральной Азии не позволяют осуществлять радикальные демократические преобразования. Любые политические нововведения без широкого общественного осознания самой сути демократии могут привести к деструктивным последствиям. Необходимо признать, что долгие годы советского правления глубоко укоренили в общественном сознании авторитарную психологию, которая определяет пассивность личности в социально-политической жизни.

Во-вторых, командно-административная система управления в бывшем Советском Союзе препятствовала развитию института частной собственности, которая является основой экономической свободы. Неслучайно Дж.Буш сделал особый акцент на опыте КНР, где «китайские руководители начинают сознавать, что единственный источник национального богатства — это экономическая свобода»³⁴¹.

Более того, исторически институт частной собственности в Центральной Азии разительно отличался по своей роли и месту в экономической жизни общества от таковой в странах Европы. Поэтому преобразования в экономической сфере и фор-

мирование рыночных отношений в последних протекают более эффективно и безболезненно, нежели в государствах Центральноазиатского региона.

Э.Фромм, анализируя феномен авторитаризма в европейском обществе, искал экономические предпосылки его трансформации в средневековой Европе. Так, он пишет, что структура общества и личности в Европе стала меняться еще в эпоху Возрождения. Это явление наблюдалось раньше в Италии, нежели в других европейских странах, благодаря ее расположению в Средиземном море — торговом перекрестке между Европой и Азией³⁴².

В этом контексте страны Центральной Азии прошли по сравнению с европейскими государствами лишь небольшой исторический путь. Нынешний экономический уклад центральноазиатского общества претерпевает ломку, закладывающую основу для формирования экономической свободы, которая была практически запрещена коммунистической идеологией. Постепенно меняется само восприятие частной инициативы, ее преимущество, как для личности и общества, так и для государства. Естественно, эти процессы будут обуславливаться переоценкой ценностей, которая происходит не только внутри одной страны, но и на глобальном уровне.

На этом фоне суровые реалии современного экономического миропорядка порождают в государствах Центральной Азии все новые и новые разочарования в «искренности» развитых стран в оказании содействия в социально-экономическом развитии. В этом контексте вряд ли можно усомниться в справедливости выводов турецкого ученого И.Кучуради, касающихся политики развитых стран в отношении государств «третьего мира» в 80-е годы прошлого столетия. По ее мнению, «богатые страны, предоставляющие «помощь», ни на миг не забывали о максимальной защите своих экономических и политических интересов, а помощь сводилась к предоставлению ссуд с большими процентными ставками»³⁴³. При этом она указывает, что «некоторые экономические проекты... не достигли своей цели и даже углубили существующее социальное и экономическое неравенство, поскольку не принимали во внимание реальных социальных и интеллектуальных условий нуждающихся стран»³⁴⁴.

Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт отмечал: «... США, Европейский союз и Япония проводят сегодня эгоистичную политику. Принуждая развивающиеся страны открывать свои рынки, они проповедают идею свободной торговли, но при

³⁴² См.: Фромм Э. Указ.соч. — С. 44—49.

³⁴³ Кучуради И. Экономическое неравенство, права человека, демократия и свободный рынок// Вопросы философии. — 1996. — №6. — С. 116.

³⁴⁴ Там же.

³⁴¹ The National Security Strategy of the United States of America. — Washington.: US Government Office. — 2002.

этом принимают беспрецедентные меры по защите своих интересов, собственных фермеров, сталелитейщиков и пр. от внешних конкурентов. Многие страны, поддавшись уговорам, открывали свои экономики для краткосрочного кредитования извне, провели либерализацию своих текущих счетов. В итоге эти государства превратились в арену для деятельности всевозможных иностранных спекулянтов и обременили себя внешней задолженностью»³⁴⁵.

Безусловно, предоставление такой «финансово-экономической помощи» странам Центральной Азии со стороны международного сообщества имело бы весьма негативные последствия не только для социально-экономического благополучия государств региона, но и для региональной и глобальной безопасности в целом. Следует учитывать и то, что для транзитных стран характерно возникновение внутригосударственных противоречий, вызванных резкой дифференциацией уровней жизни населения. В странах Центральной Азии, которые являются многонациональными и многоконфессиональными, такие процессы протекают наиболее болезненно.

Анализ антитеррористической кампании, проводимой международной коалицией во главе с США после 11 сентября 2001 года, показывает, что борьба с терроризмом и другими новыми видами угроз и вызовов не должна ограничиваться только военными операциями.

В этом контексте для сохранения и дальнейшего упрочения безопасности и стабильности в Центральной Азии одним из ключевых факторов выступает проблема содействия международного сообщества укреплению регионального сотрудничества как главного условия повышения эффективности социально-экономических и политических преобразований в странах региона. При этом, как представляется, возникает необходимость в переоценке возможностей региональных и внерегиональных государств, а также потенциала различных институциональных механизмов в Центральноазиатском регионе, способных привести новый конструктивный дух — дух доверия и сотрудничества между странами Центральной Азии. С этой точки зрения наиболее эффективной региональной структурой, на мой взгляд, является организация «Центральноазиатское сотрудничество».

3.3. К формированию институциональных основ общего рынка в Центральной Азии и перспективы развития ОЦАС

На рубеже XX и XXI веков доминирующей тенденцией мирового развития стала глобализация, влиянию которой подвергаются все регионы мира. Во многом эти процессы оказывают ключевое воздействие на формирование нового мирового порядка, последствия которого имеют далеко не однозначный характер, особенно для стран с переходной экономикой и развивающейся демократией.

С одной стороны, глобализация как объективный процесс развития имеет позитивное значение для этих стран, поскольку облегчает международное взаимодействие в различных сферах. Она стимулирует привлечение иностранных инвестиций, способствует ускорению обмена достижениями науки, техники, технологии и тем самым научно-техническому прогрессу стран.

С другой стороны, как показывает опыт государств Центральной Азии, глобализация сопряжена с рядом угроз и вызовов безопасности, которые усугубляют положение стран региона в формирующейся системе нового мирового порядка практически во всех измерениях. В связи с этим можно отметить хотя бы тот факт, что до сих пор ни одному из центральноазиатских государств не удалось достигнуть того уровня социально-экономического развития, который имел место в конце 80-х годов прошлого столетия.

События последних десятилетий в Центральной Азии свидетельствуют, что вхождение стран региона в мировое сообщество немыслимо без регионального сотрудничества как важнейшего механизма, обеспечивающего нейтрализацию рисков и угроз, связанных с глобализацией. Поэтому им крайне необходимо выработать и реализовать общую программу развития, в основе которой должна лежать концепция регионализации.

При этом, как представляется, организация «Центральноазиатское сотрудничество» является эффективным для всех государств Центральной Азии форматом взаимодействия, нацеленного на развитие их сотрудничества. В предыдущих главах отмечалось, что центральноазиатские страны вовлечены в ряд организаций, в которых участвуют внерегиональные державы, имеющие в регионе как совпадающие, так и несовпадающие и несовместимые интересы. Очевидно, что превалирование последнего элемента в региональных процессах, создающего предпосылки для геополитического соперничества, будет оказывать негативное влияние на безопасное развитие государств Центральной Азии и перспективы углубления их сотрудничества.

³⁴⁵ См.: Шмидт Г. Бремя глобальной ответственности. Европейский взгляд на перспективы всеобщего развития // Россия в глобальной политике. — 2002. — №1, ноябрь-декабрь. — С. 22.

В последние годы в научно-аналитических разработках многих экспертов и ученых именно проблемы регионального соперничества находятся в центре их внимания³⁴⁶. Причем каждый из них в зависимости от страны принадлежности, как говорится, «тянет одеяло в свою сторону». В частности, пытаются раскрыть преимущественные стороны одного регионально-го объединения, аналитики оказываются оппонентами других, занимающих прямо противоположную позицию.

Полемика вокруг проблем и перспектив регионального сотрудничества в Центральной Азии разворачивается в условиях отсутствия сформированной системы региональной безопасности и трансформирующегося мирового порядка. Однако в ней проявляется общая идея, а именно: региональное сотрудничество — это процесс, необходимый для обеспечения безопасности и всестороннего развития центральноазиатских государств. В настоящее время невозможно представить ни одну страну мира в условиях автаркии, когда социально-экономическая сфера жизни людей, а также благосостояние нации полностью зависят от внутренней государственной политики. «Правительственная политика неизбежно потерпит неудачу, если окажется единственным источником конкурентного преимущества нации»³⁴⁷.

В связи с этим в данном параграфе будут рассмотрены отдельные теоретические и практические аспекты регионального сотрудничества, проблемы и перспективы ОЦАС как институционального механизма, способного стать эффективным форматом межгосударственного взаимодействия не только на региональном, но и международном уровне. При этом особого внимания требуют актуальные на сегодня вопросы, связанные с формированием Центральноазиатского общего рынка (ЦАОР). Указывая на необходимые шаги по возможному созданию нового экономического интеграционного образования, вице-премьер Узбекистана Р.Азимов отметил, что «институциональной основой для создания ЦАОР может стать организация «Центральноазиатское сотрудничество»³⁴⁸.

Что из себя представляет ОЦАС как международная структура?

Ныне наблюдается повышенный интерес к ОЦАС и других государств. В качестве наиболее яркого примера можно сослать-

ся на заинтересованность Японии в налаживании отношений с данной организацией³⁴⁹. Например, в ходе визита министра иностранных дел Кыргызской Республики А.Айтматова в Токио в январе 2004 года была достигнута договоренность о том, что Кыргызстан будет помогать Японии в установлении сотрудничества с ОЦАС³⁵⁰. Наряду с этим эксперты Европейского Союза отмечают возможность рассмотрения вопроса о содействии центральноазиатским региональным экономическим инициативам сотрудничества, таким, как ОЦАС или ЕвразЭС.

При этом особое значение имеют заявления представителей Азиатского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка, Исламского банка развития и ПРООН о возможности содействовать в повышении эффективности ОЦАС. В частности, они заявили о готовности оказать консультативную помощь при разработке программных документов, представить результаты собственных исследований в области водно-энергетических ресурсов Центральной Азии, развития торговли, транспорта³⁵¹.

Свою поддержку развитию интеграционных процессов в рамках ОЦАС высказали также представители американских политических и деловых кругов. Относительно перспектив экономического измерения деятельности ОЦАС, ведущий эксперт Фонда Карнеги А.Ливен отметил: «За годы независимости центральноазиатских государств их экономика развивалась неодинаковыми путями и темпами и в настоящее время находится на разных стадиях в плане приватизации, степени присутствия иностранного капитала, развития банковского сектора, фондового рынка и по многим другим вопросам. С другой стороны, страны-члены ОЦАС к настоящему моменту уже наметили свои внешнеэкономические приоритеты»³⁵².

Примечательным является то, что в США среди факторов, способных активизировать деятельность ОЦАС, называется вовлечение Афганистана в региональное сотрудничество в Центральной Азии. По мнению директора Института Центральной Азии и Кавказа при университете Дж.Хопкинса Ф.Старра, «эффективность и жизнеспособность ОЦАС будет определяться, прежде всего, политической волей президентов стран-участниц и их внутренней стабильностью, тем, насколько искренне и как далеко государства Центральной Азии

³⁴⁶ См., например: Allison R. Regionalism, regional structures and security management; Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order// International Affairs. — May 2004. — Vol. 80. — № 3; Акипер Ш. Региональное сотрудничество в Центральной Азии// Analytic. — 2001. — №3; Исаджанов А. О мерах по укреплению доверия и углублению сотрудничества в Центральной Азии; Ашимбаев М. Основные задачи безопасности и направления регионального сотрудничества в Центральной Азии; Мирский Г. Между Востоком, Западом и Россией// Азия и Африка сегодня. — 2002.

³⁴⁷ Портер М. Международная конкуренция: конкурентное преимущество наций. — М.: Экономика, 1990. — С.128.

³⁴⁸ См.: <http://uzland.narod.ru/2004/june/01/02.htm>.

³⁴⁹ См.: «Япония попросила Кыргызстан о содействии в налаживании отношений с ОЦАС». ИА «Кыргызинфо». — http://www.investment.kg/cgi-bin/page.pl?id=1&story_name=doc4166.shtml.

³⁵⁰ См.: «Кыргызстан окажет содействие Японии в установлении сотрудничества с Организацией «Центральноазиатское сотрудничество». — 23/01 13:35KABARhttp://www.pr.kg/new/040123ar.php.

³⁵¹ См.: Музаффаров З. Региональная интеграция требует реальных экономических действий. ИА Жахон. — <http://jahon.mfa.uz/ARHIV/2003/9/26092003.htm>.

³⁵² Там же.

готовы пойти по пути интеграции, а также тем, насколько удастся выработать те формулы, которые максимально учитывают национальные интересы стран—участниц и представляют им преимущества и льготы от подобного объединения»³⁵³.

В целом, как представляется, повышение внимания международного сообщества к ОЦАС не является случайным. Это свидетельствует о том, что государства Центральной Азии, которые будут и в дальнейшем иметь важное стратегическое значение в системе международной безопасности, все более вовлекаются в необратимые процессы глобализации. Очевидно, что в нынешней геополитической ситуации в регионе, когда центральноазиатские страны пытаются найти приемлемые пути вхождения в мировое сообщество, ведется поиск наиболее эффективных форм регионального и международного сотрудничества в Центральной Азии.

Дальнейшее укрепление ОЦАС представляется весьма важной задачей, особенно в условиях, когда обеспечение региональной безопасности напрямую увязывается не только с проблемами борьбы с новыми угрозами, такими, как международный терроризм, религиозный экстремизм и наркотрафик. Упрочение социальной и экономической стабильности в государствах Центральной Азии, создание благоприятных условий для устойчивого развития должны быть в числе приоритетных направлений их внешней политики.

Современное мышление при анализе вопросов безопасности и стабильности в регионе требует оперирования экономическими категориями. С этой точки зрения возрастает необходимость перехода от политизированного критерия «мы *versus* они», характерного для времен «холодной войны», к более конструктивному — сотрудничество и тесное взаимодействие, в первую очередь, в торгово-экономической сфере. Именно акцентирование внимания и реализация общих, взаимовыгодных экономических проектов будут способствовать сближению подходов и позиций стран Центральной Азии при решении злободневных проблем безопасности и устойчивого развития. Более того, в настоящее время явно присутствует тенденция возрастающего влияния глобализации, когда государства региона все более превращаются в энергоресурсный придаток развитых стран мира и транснациональных компаний.

По мере вовлеченности государств Центральной Азии в процессы глобализации, диктующие повышение степени «открытости» экономик и дальнейшую либерализацию хозяйственной деятельности, усиливается зависимость стран региона от динамики развития мирового хозяйства, уровня углубления международных экономических связей, состояния мировых товарно-сырьевых рынков.

³⁵³ Там же.

Нынешняя геополитическая и геоэкономическая ситуация в Центральной Азии обусловила актуальность формирования механизма взаимовыгодного сотрудничества государств региона в политической, торгово-экономической, производственно-инвестиционной, научно-технической и культурной сферах, в области обеспечения региональной безопасности и стабильности. Думается, таким механизмом должен стать Центральноазиатский общий рынок. Здесь хотелось бы подробнее остановиться на этом вопросе.

Во-первых, в настоящее время в Центральной Азии существуют практически все объективные условия для формирования общего рынка, к которым, в первую очередь, можно отнести общность исторического прошлого, языка и культурного наследия, обычаев и менталитета народов региона, о чем было сказано в первой главе данной книги.

Во-вторых, благоприятным условием также выступает экономический фактор, включающий в себя богатейшие природные ресурсы центральноазиатских стран, объемы производства и общую экономическую самодостаточность. Огромен и человеческий потенциал Центральной Азии, характеризующийся большой численностью населения и относительно высоким уровнем образования, профессиональных навыков.

Сложившаяся отраслевая специализация и экономическая взаимодополняемость в сфере промышленности государств региона обуславливает отсутствие конфликта между национальными экономиками и создает основу для развития хозяйственных связей. Как отмечалось выше, необходимость объединения экономических потенциалов центральноазиатских стран особенно актуализируется в связи с вызовами глобализации.

В-третьих, изучение международного опыта, например, ЕС и АСЕАН, свидетельствует, что создание общего регионального рынка является наиболее перспективной формой межгосударственной интеграции. Этот опыт необходимо всесторонне изучить для использования в решении проблем, препятствующих региональным процессам.

Создание общего рынка в Центральной Азии сопряжено с рядом преимуществ, способных значительно увеличить возможности стран региона в обеспечении роста совокупного экономического потенциала, расширении емкости рынков сбыта продукции и рационализации использования природных ресурсов. Такие тенденции будут одновременно обуславливать формирование нового привлекательного для мировых стратегических инвесторов динамично развивающегося рынка, увеличивая потоки иностранных инвестиций в экономики центральноазиатских стран.

В-четвертых, необходимыми условиями создания общего рынка должны стать прагматизм, реализация инфраструктурных проектов общерегионального значения, недопустимость дис-

криминации между странами региона, обеспечение свободы движения товаров и услуг на пространстве Центральной Азии.

В-пятых, как показывает мировой опыт, последовательность создания общего рынка в регионе может быть обеспечена путем формирования сначала зоны свободной торговли, затем таможенного союза и потом самого рынка. Это требует от всех государств Центральной Азии усилий для разработки нормативно-правовой базы создания и функционирования общего рынка, а также принятия действенных мер по координации валютно-финансовой политики, обеспечению свободного движения капиталов и инвестиций в регионе.

В-шестых, как уже отмечалось, устойчивое развитие Центральной Азии невозможно без выработки на основе международно-правовых норм долгосрочных механизмов совместного рационального использования водно-энергетических ресурсов, являющихся одним из основных богатств региона.

Опыт государств региона по созданию единого экономического пространства показывает, что реализовывать изложенные выше задачи необходимо поэтапно, с учетом готовности участвующих стран принять на себя определенные обязательства, исходя, прежде всего, из внутренних возможностей.

В этом контексте важными становятся такие взаимосвязанные факторы регионального сотрудничества в Центральной Азии, перспективы которого будут во многом предопределять стабильное и безопасное развитие стран региона. В настоящее время, на мой взгляд, особый акцент надо делать на углублении взаимодействия в торгово-экономической сфере, а также в области обеспечения региональной безопасности. При этом необходима оптимизация усилий в развитии отношений в культурно-гуманитарной сфере.

Одним из примеров сотрудничества в рамках ОЦАС является бизнес-форум, который состоялся 28—29 ноября 2002 года в Ташкенте по договоренности глав государств—членов ОЦАС, достигнутой в Душанбе 5 сентября того же года. В июле 2003 года в городе Ош (Кыргызстан) был проведен второй бизнес-форум.

В Ташкентском бизнес-форуме участвовали делегации правительств стран—членов ОЦАС, представители экономических и финансовых организаций, предприниматели стран Центральной Азии. Они обсудили проблемы, касающиеся, главным образом, развития торгово-экономических отношений между государствами региона, устранения причин, препятствующих сотрудничеству в этой сфере. В ходе обсуждений были рассмотрены конкретные вопросы, связанные с:

— финансово-кредитным обеспечением регионального сотрудничества;

- развитием малого и среднего бизнеса и созданием совместных предприятий;
- углублением внешней торговли в рамках ОЦАС;
- формированием системы информационного обеспечения предпринимателей;
- развитием транспортных коммуникаций³⁵⁴.

Лейтмотивом выступлений глав делегаций государств—участниц ОЦАС стала констатация необходимости расширения и укрепления региональных связей. В частности, заместитель премьер-министра Республики Узбекистан Э.Ганиев отметил: «Реализовать свой промышленный, экспортный потенциал страны нашего региона могут лучше всего, наладив эффективное сотрудничество внутри региона. Это объективно говорит о том, что Узбекистан заинтересован в расширении такого сотрудничества». По его мнению, «эффективным в плане регионального торгового сотрудничества может стать создание совместных торговых домов и в перспективе — региональных бирж по торговле сельскохозяйственными и промышленными товарами»³⁵⁵.

Глава таджикской делегации, заместитель премьер-министра Таджикистана К.Коимдодов, указав на сохраняющиеся трудности в установлении торговых связей со странами-соседями по региону, подчеркнул, что «еще пять лет назад мы организовали торговлю с Афганистаном, а с нашими соседями по Центральной Азии мы не можем сделать этого до сих пор». По мнению главы кыргызской делегации Д.Оторбаева, трудности в налаживании нормальной торговли кроются в недостаточности контактов по этому поводу на правительственном уровне. Небезосновательными в данном случае являются его слова о том, что «мои коллеги, заместители премьеров, гораздо чаще участвуют в конференциях за границей, чем в рамках региона»³⁵⁶.

Ташкентский бизнес-форум был также примечателен тем, что в нем приняли участие представители Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка и Азиатского банка развития³⁵⁷. Они тоже выразили свою заинтересованность в расширении сотрудничества между странами Центральной Азии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только за последние несколько лет Европейский банк инвестировал около 160 миллионов евро в развитие торговли в регионе. По словам его президента Ж.Лемьера, «банк готов вложить еще больше и продолжать сотрудничество в этом направлении»³⁵⁸. Он подчеркнул, что Центральная Азия должна быть привлекательна для инвес-

³⁵⁴ См.: <http://www.uzreport.com> 28 ноября 2002 года.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ См.: <http://tajikistan.tajnet.com> 03 декабря 2002 года.

³⁵⁸ <http://www.uzreport.com> 28 ноября 2002 года.

торов, так как в регионе присутствуют три необходимых фактора — «квалифицированная рабочая сила, богатые запасы природных ресурсов и многочисленность населения, что делает Центральную Азию хорошим рынком»³⁵⁹. Между тем Ж.Лемьер указал, что в торговой сфере существует слишком много барьеров, и «это особенно хорошо видно по двум странам — Кыргызстану и Таджикистану»³⁶⁰.

Развитие торговли между государствами региона предполагает сосредоточение усилий, в первую очередь, в сфере производственной кооперации и установления прямых хозяйственных связей. В основе здесь лежат современные тенденции в международном разделении труда, специализации и кооперировании производства, обусловленные:

— углублением международного и регионального обмена товарами и услугами путем выхода за национальные границы сначала частного, внутриотраслевого, а затем и единичного, поузлового и технологического разделения труда;

— ростом числа участников внешнеэкономической деятельности в странах Центральной Азии, так как по законодательствам последних ими могут быть как крупные, так и малые и средние предприятия.

В результате в регионе могут быть созданы отрасли и подотрасли с подетальной и технологической специализацией, кооперация которых с другими секторами общественного производства является неотъемлемой чертой и условием их деятельности, что объективно расширяет формы внешнеэкономических связей. На этой основе формируется база для развития регионального производственного кооперирования. Параллельно с этим процессом изменяется сам характер последнего, связанный с тем, что в него в качестве важнейшего элемента включаются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Необходимым условием развития производственно-инвестиционного сотрудничества является стимулирование создания в странах Центральной Азии с участием капитала государств — членов ОЦАС конкурентоспособных на региональном и мировом рынках крупных совместных предприятий, которые были бы в состоянии активно взаимодействовать с зарубежными фирмами и компаниями. Достижение этой цели, помимо укрепления экспортно-производственного потенциала центральноазиатских стран, во-первых, позволит этим предприятиям эффективно подключаться к мирохозяйственным инновационно-воспроизводственным процессам, во-вторых, обеспечит на более полное использование их сравнительных конкурентных преимуществ, заключающихся в концентрации производствен-

ных, финансовых ресурсов и научно-исследовательского потенциала в целях сокращения сроков фундаментальных и прикладных исследований, опытно-конструкторских разработок, технологической подготовки производства и серийного освоения новых видов конкурентоспособной продукции.

Однако для реализации этого необходимо сформировать соответствующий механизм в рамках ОЦАС, основными элементами которого следует считать создание равных организационно-экономических условий деятельности хозяйствующих субъектов на территории государств Центральной Азии, проведение согласованной политики в области специализации производства в отраслях промышленности, развитие научно-технической и производственной кооперации на уровне хозяйствующих субъектов.

Между тем существует стереотип, что якобы внешнеэкономическая политика Узбекистана в регионе препятствует расширению в нем взаимной торговли³⁶¹. Однако мировая практика показывает, что каждая страна формирует в этой сфере политику, в первую очередь, в целях своего включения в международные экономические отношения. Внешнеторговый режим, как совокупность инструментов торговой политики, должен наряду с необходимой интеграцией:

- стимулировать приток иностранных инвестиций;
- обеспечивать максимальное использование местных сырьевых ресурсов и их глубокую переработку;
- сохранять существующие и содействовать увеличению количества рабочих мест;
- создавать конкурентную среду на рынке;
- решать фискальные задачи пополнения доходной части бюджета.

В этом контексте следует вспомнить выступление посла Японии в Узбекистане Акио Кавато на встрече глав миссий международных институтов развития, дипломатического корпуса крупнейших стран, иностранных экспертов по торговым вопросам и представителей правительства Республики Узбекистан, состоявшейся 1 июня 2003 года по его личной инициативе. Подводя итоги встречи, посол Кавато сделал следующие выводы, которые могут быть сведены к трем основным тезисам:

1. Границы Узбекистана открыты.
2. Приграничная торговля и торговля, осуществляемая физическими лицами («челноками») в соответствии с международной практикой и традициями, не является объектом регулирования ГАТТ-ВТО.
3. Приграничная торговля осуществляется в режиме сво-

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ См., например: Шоберлайн Дж. Проблемы регионального сотрудничества в Центральной Азии// *Analytic*. — 2001. — №3. — С. 29.

бодной торговли и регулируется Соглашением «О создании зоны свободной торговли», подписанным всеми странами СНГ в 1994 году, а также двусторонними соглашениями о свободной торговле Узбекистана со всеми странами Центральной Азии³⁶².

Об этом свидетельствуют и цифры. Так, по итогам 2003 года внешнеторговый оборот Узбекистана с государствами — членами ОПАС составил более 607 миллионов долларов США — на 6,8% больше по сравнению с 2002 годом. Такой рост достигнут за счет увеличения экспорта товаров на 6,9%, и импорта — на 6,7%. По итогам первого квартала 2004 года внешнеторговый оборот Узбекистана со странами Центральной Азии возрос уже на 34% и составил 153,9 миллионов долларов США. При этом увеличение товарооборота связано с наращиванием торговых операций, как по экспорту, так и по импорту (рост соответственно на 32,4% и 36,2%, экспорт составил 91,5 миллионов долларов США, импорт — 62,4 миллиона, положительное сальдо товарооборота — 29,1 миллиона долларов)³⁶³.

По итогам 2003 года физические лица осуществили внешнеторговые операции на 205 миллионов долларов США (в сравнении с 2002 годом это больше на 16,9%), в том числе экспорт достиг 62,5 миллиона (снижение на 30,8%), импорт — 142,5 миллиона долларов США (рост в 1,7 раза). Удельный вес экспорта по линии физических лиц в 2003 году составил 2,7% его объема в целом по стране, импорта — 5,4%. Роль субъектов малого бизнеса возрастает и во внешней торговле государств — членов ОПАС. На долю частных предпринимателей Узбекистана в 2003 году приходилось 10% (52 миллиона долларов США) общего товарооборота с этими государствами. Во внешней торговле субъектов малого бизнеса доминирует импорт — 93,8%, и по динамике (103% к объему 2003 года) он опережает экспорт (44%)³⁶⁴.

Вместе с тем, как отмечает казахстанский эксперт М.Ашимбаев, существует мнение, что при наличии пограничных проблем интеграция центральноазиатских стран невозможна³⁶⁵. Не могу согласиться с такого рода утверждениями. Наоборот, тесное региональное сотрудничество должно быть основой решения таких проблем, как делимитация границы, эксплуатация трансграничных рек. И действительно, эти проблемы в силу их специфического характера могут стать фактором консолидации усилий государств Центральной Азии, создавая потенциальные условия для укрепления регионального сотрудничества. Ныне все более очевидным становится то, что

решение проблем в регионе, как и реализация возможностей центральноазиатских стран требует упрочения их взаимодействия³⁶⁶.

Регионализация в Центральной Азии в настоящее время все более актуализируется, как ранее отмечалось, по мере вовлечения государств региона в процессы глобализации. В силу различных причин страны Центральной Азии находятся не в лучших условиях в рамках глобальной конкуренции. Это связано с рядом объективных факторов, в частности, с уровнем экономического потенциала центральноазиатских государств, емкостью внутреннего рынка, уровнем технологического развития, геополитическим фактором и т.д.³⁶⁷ Один из наиболее оптимальных инструментов адаптации к глобализации — это развитие регионального сотрудничества и интеграции. В данном контексте я согласен с другими утверждениями М.Ашимбаева о том, что альтернативы сотрудничеству у нашего региона нет, что изоляция друг от друга, непонимание потребностей друг друга, сомнительная конкуренция — это бесперспективный путь, который ведет к дальнейшему его отставанию³⁶⁸.

В связи с этим инициатива Узбекистана о формировании общего регионального рынка в Центральной Азии может стать эффективным механизмом для активизации межгосударственного сотрудничества в торгово-экономической сфере. Сейчас страны региона находятся на стадии подъема, и им нужны средства и новейшие технологии, которые могли бы ускорить развитие местного производства, гарантированный доступ на прибыльные внешние рынки, а также помощь и стимулирование создания регионального рынка.

Формирование общего рынка в Центральной Азии путем поэтапного продвижения процессов экономической интеграции предполагает не только режим свободной торговли между странами региона, но и свободное перемещение трудовых ресурсов и капитала³⁶⁹. Это имеет чрезвычайно важное значение, так как общий рынок, без сомнения, лишь усилит приток дополнительных объемов иностранных инвестиций в регион, расширит масштабы торговли товарами и услугами. Как отметил Президент Узбекистана Ислам Каримов, сегодня в Центральной Азии «открываются широкие перспективы для реализации масштабных инвестиционных и интеграционных проектов в различных сферах экономики, создается мощнейший,

³⁶² См.: <http://www.mfer.uz/modules.php?name=News&file=print&sid=136>.

³⁶³ См.: <http://www.mfer.uz/modules.php?name=News&file=print&sid=136>.

³⁶⁴ См.: там же.

³⁶⁵ См.: Ашимбаев М. Основные проблемы безопасности и направления регионального сотрудничества в Центральной Азии//Analytic. — 2001. — №3. — С. 4.

³⁶⁶ Macfarlane S. Neil. The United States and Regionalism in Central Asia// International Affairs. — May 2004. — Vol. 80, № 3. — P. 460.

³⁶⁷ См.: Ашимбаев М. Современный Казахстан в глобальном мире// Analytic. — 2004. — №3 — С. 4.

³⁶⁸ См.: там же. — С. 5.

³⁶⁹ См.: Fazilov F. Economic Cooperation in Central Asia within CAC. In.: Cooperation and Conflict Management in Central Asia. Frankfurt, 2003. — С. 114.

емкий рынок для приложения капитала и товаров..., имеются и создаются необходимые условия для успешного бизнеса»³⁷⁰.

Такая тенденция будет определять готовность центрально-азиатских стран взаимодействовать не только в области торгово-экономических отношений, но и в сфере безопасности и демократизации. Это имеет фундаментальное значение для обеспечения стабильности и устойчивого национально-государственного и регионального развития в Центральной Азии. При этом, как представляется, ОЦАС будет оставаться единственным институциональным механизмом, способным стать именно тем форматом диалога и сотрудничества между центральноазиатскими государствами, который будет отвечать национальным интересам каждого из них.

Сегодня в Центральной Азии высок уровень позитивных ожиданий в связи с возросшим вниманием к проблемам региона, в частности, к процессам постконфликтного восстановления Афганистана. После начала в этой стране антитеррористической кампании, как уже подчеркивалось, трансформация афганского фактора в формирующейся системе региональной безопасности в Центральной Азии предоставляет потенциальные возможности для государств региона и Афганистана укреплять взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической сфере. Президент Ислам Каримов подчеркивал: «Афганистан, в течение многих лет представлявший собой реальную угрозу миру и стабильности, сегодня может стать фактором развития региона благодаря тому, что находится в центре внимания мирового сообщества. Уже имеются реальные предпосылки для вовлечения совместного потенциала наших стран в восстановление афганской экономики»³⁷¹.

В настоящее время, как никогда ранее, становятся более реальными перспективы укрепления мира и стабильности в Афганистане, при которых возрастающую роль играет социально-экономическое возрождение афганского народа. Развитие позитивных процессов в Афганистане создает благоприятные возможности для реализации масштабных коммуникационных проектов в Центральной Азии, в одинаковой мере выгодных для государств региона и международных инвесторов. Новые многовариантные транспортные коридоры должны сформировать единую взаимоувязанную систему коммуникаций³⁷², которая обеспечила бы центральноазиатским странам надежный выход на перспективные рынки.

В связи с этим актуальной представляется разработка совместных проектов развития экономического сотрудничества в Центральной Азии с вовлечением Афганистана³⁷³. В комплексе с программами содействия модернизации и развитию экономического потенциала, а также с решением общественно-политических, социальных и экологических проблем это создаст условия для долгосрочной стабильности в регионе. В данном процессе, безусловно, особое значение будет иметь активизация усилий и мер государств Центральной Азии по оказанию содействия афганскому народу в реконструкции экономики его страны.

Это обстоятельство будет способствовать углублению взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической сфере между центральноазиатскими странами и Афганистаном, о чем свидетельствует рост объемов двустороннего товарооборота. В частности, если в 2001 году между Узбекистаном и Афганистаном он достиг 11,4 миллиона долларов США, то в 2003 году — почти 90 миллионов. Товарооборот между Казахстаном и Афганистаном в 2003 году составил около 49,5 миллиона долларов США³⁷⁴.

Особую роль будет играть трансформация афганского фактора в формирующейся системе региональной безопасности в Центральной Азии. Общность внешних угроз и вызовов национальной безопасности стран региона способна обеспечить сближение их позиций к современным проблемам региональной безопасности и стабильности. В то же время борьба с религиозным экстремизмом и международным терроризмом может стать одной из важных областей регионального сотрудничества.

В этом направлении страны Центральной Азии смогли добиться ряда практических результатов, несмотря на то, что усиление координации их усилий остается далеко не достаточным. Так, в частности, формирование «Центразбата» с участием военных контингентов Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана является одним из первых попыток по созданию общих региональных сил по борьбе с новыми угрозами, в частности терроризмом. Придание особого внимания такому формату межгосударственного взаимодействия в рамках «Центразбат» могло бы стать важной составляющей в деятельности ОЦАС в долгосрочной перспективе.

Это особенно актуально, когда в Центральной Азии по-прежнему нет какой-либо прочной модели региональной безопасности, несмотря на присутствие в регионе многосторонних структур, таких, как СНГ, ШОС, программа НАТО «Партнер-

³⁷⁰ Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на торжественном открытии ежегодного заседания Совета управляющих ЕБРР // Народное слово. — 2003. — 5 мая.

³⁷¹ УзА, 7 июня 2004 года — <http://www.uzbekistan.uz/rus/pressa15.html>.

³⁷² См.: Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на торжественном открытии ежегодного заседания Совета управляющих ЕБРР // Народное слово. — 2003. — 5 мая.

³⁷³ См.: там же.

³⁷⁴ См.: «Казахстан предлагает свою помощь в реабилитации Афганистана». 15 мая 2004 года. — <http://www.rambler.ru>.

ство ради мира». Более того, по словам британского эксперта О.Антоненко, многое зависело бы от самих центральноазиатских государств³⁷⁵.

Очевидно, горизонты взаимодействия в таких форматах в сфере обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии будут становиться реальными по мере сближения позиций стран региона к проблемам борьбы с современными угрозами. На саммите глав государств—участников ОЦАС в Астане 27 декабря 2002 года было вновь констатировано, что укрепление организации соответствует стратегическим интересам ее членов. Отмечалась необходимость поиска новых форм, методов и подходов для развития и укрепления взаимодействия в различных сферах³⁷⁶. В апреле 2000 года в Ташкенте лидерами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана было подписано Соглашение «О совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и другими угрозами безопасности и стабильности сторон».

Однако сегодня говорить о далеко идущих планах по углублению сотрудничества в сфере безопасности, в частности, в борьбе против терроризма и экстремизма пока не приходится. Многие эксперты справедливо отмечают, что ОЦАС пока остается механизмом, в котором решения имеют по большому счету декларативный характер³⁷⁷. В данном контексте проявляется тенденция поиска «виноватых», главным образом, среди самих центральноазиатских стран, которые относят, как правило, к субъективным причинам³⁷⁸. Своеобразным клише в аналитических разработках также стало использование фактора имеющихся пограничных, территориальных, водно-энергетических и других проблем, которые препятствуют процессам углубления регионального сотрудничества, а также перспективам развития ОЦАС. Однако, как отмечалось в предыдущих главах, зачастую не уделяется достаточного внимания внешним факторам, оказывающим неоднозначное влияние на взаимодействие между государствами региона.

С этой точки зрения следует привести оценки американского эксперта Дж.Шоберлайна, который указывал, что в сотрудничестве между странами Центральной Азии и крупными

внешними факторами преобладают двусторонние отношения вместо региональных и структурных. Объяснением этому могут служить интересы, например, США, которым удобно отсутствие сильных структур, эффективно работающих в регионе. В результате такого подхода центральноазиатские государства больше опираются на связи с крупными державами, нежели на отношения внутри региона³⁷⁹.

Кое-кто в Соединенных Штатах, и не только в них, считает Центральную Азию осевой точкой глобальной политики, мостом между Востоком и Западом, Севером и Югом, а также, выражаясь терминами Макиндера, «хартлендом хартленда»³⁸⁰. Хотя официальные лица в США подчеркивали необходимость регионального сотрудничества по таким проблемам, как транспорт, выработка и передача электроэнергии, а также управление водными ресурсами, американское содействие, оказываемое на двусторонней основе, обеспечило незначительные побудительные мотивы у стран к региональному сотрудничеству. Нет ясной официальной позиции по региональным институтам, имеющим российскую поддержку. Отсутствуют также какие-либо доказательства американского внимания к инициативам сотрудничества в самом регионе³⁸¹. Естественно, в этих условиях об институциональном укреплении ОЦАС как важном инструменте углубления регионального сотрудничества и формирования общего рынка в Центральной Азии говорить не приходится.

С другой стороны, объективным следствием такого внешнего воздействия становится закрепление за центральноазиатскими странами статуса «объекта» геополитических игр в регионе. В ситуации, когда здесь сложилась сложная конфигурация интересов и обязательств различных центров силы, государства Центральной Азии вынуждены фактически реагировать на те или иные тенденции, происходящие в регионе и вокруг него.

В этих условиях происходит ослабление стран Центральной Азии, что является серьезным препятствием для трансформации их внешней политики в стратегию, направленную на конструктивное сотрудничество. В этом контексте, на мой взгляд, прав британский эксперт С.Н.Макфарлейн, отмечая, что слабые структуры государств осложняют выполнение обязательств, которые они берут на себя в процессе регионального сотрудничества. Государственные институты сами по себе поэтому испытывают недостаток доверия и оказываются не в состоянии сосредоточиться в проведении национальной политики³⁸².

³⁷⁵ См.: Antonenko O. Towards a new cooperative security model for Central Asia. В кн.: Материалы международной конференции «Центральная Азия в XXI веке: сотрудничество, партнерство и диалог». (13–15 мая 2003 года. Ташкент). — Т.: Шарк, 2004. — С. 61–67.

³⁷⁶ См.: Совместное коммюнике президентов стран—членов ЦАС по итогам встречи глав государств—членов организации «Центральноазиатское сотрудничество»//Народное слово. — 2002. — 28 декабря.

³⁷⁷ См., например: Allison R. Regionalism, regional structures and security management; Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order. — May 2004. — Vol.80, № 3.

³⁷⁸ См.: там же.

³⁷⁹ См. Шоберлайн Дж. Проблемы регионального сотрудничества в Центральной Азии// Analytic. — 2001. — №3. — С. 28.

³⁸⁰ См.: Macfarlane S. Neil. Op. cit. — P. 449.

³⁸¹ Ibid. — P. 455.

³⁸² Macfarlane S. Neil. Op. cit. — P. 460.

Такая тенденция коснулась не только центральноазиатских стран и ОЦАС, но и государств СНГ, на пространстве которого фактически все созданные организации до сих пор не добились значимых практических результатов. По всей видимости, одной из наиболее серьезных проблем в этом отношении является рецидив конфронтационного мышления. Это проявляется в аналитических раскладах многих ученых, склонных прибегать к блоково-конфронтационным схемам, в которых во главу угла ставят вопросы типа «кто выиграл и кто проиграл в результате интеграции?» К этому же разряду относятся и такие комментарии, которые сводят интеграционные процессы, в первую очередь, к попыткам обосновать их направленность против неких внешних третьих сил. Подобные рассуждения искажают сущность процессов, понимание которой заложено в ответе на вопрос «не против кого, а во имя чего интегрируются народы и государства?»

Логика многополюсного восприятия мира, по своей сути, также сформирована конфронтационным (или блоково-конфронтационным) мышлением, в основе которого лежит принцип формирования системы сдержек и противовесов. В рамках такой логики интеграционные процессы воспринимаются достаточно схематично и механически сводятся к упрощенному обоснованию притязаний новых полюсов центров силы, вокруг которых образуются межгосударственные объединения. Рецидив конфронтационного мышления задает множество «фазовых» состояний, теоретически описывающих внешнюю среду и динамику восприятия мира (многополюсного или однополюсного). На базе результатов аналитических исследований осуществляются прогнозирование и оценка влияния последствий конфронтации на интеграционные процессы с учетом складывающихся мировых тенденций.

Что касается Центральной Азии, то можно отметить, что в условиях формирования нового мирового порядка в регионе нельзя установить одностороннее влияние какого-либо одного центра силы. Это, видимо, осознается как в Вашингтоне, так и в Москве и Пекине, устремления которых в экспертно-аналитических кругах пока не находят должного логического объяснения. Между тем отдельными российскими экспертами указывается, что сохраняющиеся экономические позиции в центральноазиатских странах позволяют России оказывать сдерживающее влияние на расширение присутствия США в регионе.

Однако, если до событий 11 сентября 2001 года роль гаранта сохранения военно-политической стабильности в Центральной Азии отводилась России, то после них такая ситуация претерпела серьезные изменения. В связи с этим нельзя исключать, что активизация стран Запада в экономической сфере может также трансформировать нынешний геополитический статус-кво.

Иными словами, по мере нарастания тенденций в регионе по такому сценарию актуализируется концепция Зб.Бжезинского о «геополитическом плюрализме», имевшего в виду неизбежный процесс диверсификации внешнеполитических ориентаций новых независимых государств после распада Советского Союза. «Геополитический плюрализм» — это не то, что навязал Вашингтон и чему не смогла препятствовать Москва. «Геополитический плюрализм» следует понимать не в смысле стратегической ориентации центральноазиатских стран на различные соперничающие центры силы, а лишь в смысле отрицания эксклюзивного и монопольного права на доминирование в этой части мира какой-либо одной державы и, что важно, в смысле инклюзивной и консенсусной корреляции интересов многих акторов в данном регионе³⁸³.

В этом контексте формирование нового миропорядка в определенной мере находит свое отражение и в нынешней ситуации в Центральной Азии, когда разноуровневое присутствие крупных центров силы обуславливается различной степенью влияния в военной, политической и экономической сферах. Для выявления воздействия глобальных тенденций на Центральноазиатский регион, думается, целесообразно привести следующие оценки профессора политологии Кёльнского университета Вернера Линка: «Если дифференцированно подойти к различным сферам политики, то можно, скорее, говорить о сочетании одно- и многополярного распределения сил. Можно говорить об однополярном распределении сил в нынешней мировой системе, если иметь в виду исключительно высокие качественные показатели военного потенциала США. В невоенных сферах, однако, распределение сил иное, а именно: многополярное. В геоэкономической сфере, несомненно, наблюдается многополярность, точнее говоря, триполярность. Так, мировой экономический потенциал сконцентрирован в трех регионах: Америка, Европа и Юго-Восточная Азия. Между США, ЕС и Японией (которой, правда, приходится преодолевать серьезные трудности и спад в экономике) как ключевыми державами существует относительно равновесие; в мировой торговле ЕС даже опережает США, а в области валютной политики возникли два полюса»³⁸⁴.

В Центральной Азии мы являемся очевидцами очень сложного переплетения интересов центров силы и не менее сложного механизма взаимодействия между ними. Вообще найдется достаточно примеров, подтверждающих тот факт, что на

³⁸³ Толипов Ф. Многообразие интересов и «большая стратегия для Центральной Азии». В кн.: Центральная Азия: сотрудничество, партнерство и диалог. Материалы международной конференции (13–15 мая 2003 года. Ташкент). — Т.: Шарк, 2003. — С.110.

³⁸⁴ Линк В. Имперский или плюралистический мир? В защиту политики сбалансированного сотрудничества// Internationale Politik. — 2003. — №3. — С.56.

определенном уровне интересы различных центров силы совпадают, в то время как на других уровнях могут быть расхождения и даже противоречия, несущие в себе угрозы безопасности региону.

И действительно, нельзя не согласиться с утверждениями российского эксперта Г.Мирского, который отмечал следующее. «Принято говорить, что после террористического акта 11 сентября весь мир изменился. С этим можно поспорить. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых регионах действительно многое сегодня выглядит иначе, чем прежде. В частности, изменения коснулись Центральной Азии, о которой сейчас говорят больше, чем за все десять с лишним лет независимого существования государств этого региона. Центральная Азия уже стала уникальной частью современного мира. Это и не Восток в традиционном смысле слова, под которым подразумевался «зарубежный Восток» как ядро «третьего мира» и, тем более не Запад, но уже и не часть того геополитического пространства, которое ассоциировалось с доминированием России — сначала в рамках Российской империи, а затем Советского Союза»³⁸⁵.

Вместе с тем, говоря о перспективах долгосрочной стабильности, следует особо отметить, что динамика событий вокруг Центральной Азии будет все больше влиять на ситуацию в самом регионе. Перспективы долгосрочной стабильности здесь будут во многом определяться характером взаимоотношений мировых и региональных держав, а также способностью международных структур по безопасности эффективно осуществлять координирующие функции в борьбе с новыми угрозами и вызовами.

В этих условиях необходимо выйти на новый этап развития двусторонних и многосторонних отношений, главной задачей которого должно стать создание в Центральной Азии такой среды, которая позволяла бы странам региона не только эффективно взаимодействовать между собой, но и оказывать скоординированное влияние на стратегии внешних сил. Без этого невозможно говорить о нормальном политическом и экономическом развитии Центральной Азии, достижении долгосрочной стабильности в регионе и каждом государстве в отдельности.

Однако для повышения эффективности ОЦАС, как представляется, важны поддержка и содействие со стороны международного сообщества, интерес которого к этой организации в последнее время заметно возрастает. Так, в июне 2004 года в Астане на саммите глав государств-участников ОЦАС личный представитель Президента России, секретарь

Совета безопасности И.Иванов огласил официальную просьбу российского Президента о вступлении России в ОЦАС полноправным членом. Как отмечает кыргызский аналитик А.Султангазиев, Россия наряду с Грузией, Турцией, Украиной и Индией получила статус наблюдателя ОЦАС еще в 1994 году³⁸⁶. А в октябре 2004 года, во время Душанбинского саммита глав-государств ОЦАС Россия стала членом этой организации. О роли России в Центральной Азии мы уже говорили в предыдущих параграфах.

Процессы, происходящие в Центральной Азии, эксперты связывают и с таким феноменом, как субглобализация. Она, по мнению видного американского социолога Петера Бергера, характеризуется движениями, имеющими, скорее, региональный, чем глобальный размах, но тем не менее способствующими сближению обществ, с которыми они сталкиваются вместе с зарождающейся глобальной культурой. «Европеизация», вероятно, наиболее существенный тому пример, особенно в постсоветских странах, в том числе в Центральной Азии³⁸⁷.

В таких сложных условиях необратимыми представляются процессы углубления не только регионального сотрудничества, но и надрегионального взаимодействия в Центральной Азии. Неоднозначность подобных явлений вызвана нарастающей динамикой субглобализации, которая предполагает интенсификацию влияния внешних сил на этот процесс во всех ее измерениях.

С данной точки зрения инициатива Узбекистана о создании общего центральноазиатского рынка, без сомнения, является особенно важной, так как укрепление сотрудничества в торгово-экономической сфере приведет к формированию условий для региональной интеграции. В связи с этим следует отметить возрастающее значение ОЦАС, способной стать именно той региональной структурой, которая обеспечивала бы гармоничное развитие стран Центральной Азии в условиях современных глобальных тенденций.

³⁸⁶ Султангазиев А. «Россия стала членом ОЦАС». Журнал «Кыргызстан сегодня», №6. — <http://www.kabar.kg/04/Jun/16/7.htm>.

³⁸⁷ Бергер П. Культурная динамика глобализации. В кн.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. — М., 2004. — С.22.

³⁸⁵ Мирский Г. Между Востоком, Западом и Россией// Азия и Африка сегодня. — 2002. — №6. — С. 42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из характерных черт современного мира является растущая взаимосвязанность и взаимозависимость систем безопасности различных уровней — национальной, региональной и глобальной. В эпоху глобализации данная тенденция стала приобретать более отчетливые формы, углубляя дифференциацию между развитыми и развивающимися странами.

Такое восприятие сформировавшегося миропорядка к концу XX столетия требует адекватных оценок и осмысления так называемых нетрадиционных угроз в целях принятия соответствующих нынешним реалиям мер по эффективной борьбе с вызовами современного мира.

Так, на сегодняшний день развитые страны с населением, составляющим 20% жителей всей планеты, производят 86% мирового ВВП, тогда как на долю развивающихся государств, где проживает 80% населения земного шара, приходится всего 14% мирового ВВП. На этом фоне количество наименее развитых стран, согласно данным ООН, возросло с 19 в 1974 году до 49 в 2002 году³⁸⁸.

Новые угрозы международной безопасности имеют более глубокие, чем кто-либо может себе представить, причины и факторы, формировавшиеся на протяжении многих лет, десятилетий. Следовательно, поиски решения нынешних проблем, как и предотвращение новых угроз, должны основываться на выявлении причинно-следственной связи между всеми явлениями, вызывающими особую обеспокоенность у мирового сообщества.

В условиях маргинализации «третьего мира», увеличения разрыва между Севером и Югом представляется не случайным тот факт, что эти процессы способствовали превращению международного терроризма, религиозного экстремизма, транснациональной преступности, а также ряда других угроз и вызовов в факторы глобальной мировой политики. В силу развивающихся процессов глобализации эти угрозы и вызовы обретают все более взаимосвязанный характер, и решать одну проблему в отрыве от других становится невозможным. События 11 сентября 2001 года, а также последовавшие затем террористические атаки в различных странах и регионах мира наглядно показали, что безопасность невозможно «разделить» —

сегодня она может быть обеспечена только совместными усилиями.

Так называемые нетрадиционные, трансграничные угрозы международной и региональной безопасности, в том числе международный терроризм, в полной мере проявили себя в Центральной Азии. Это во многом стало следствием геополитической трансформации всего постсоветского пространства. Последняя, в свою очередь, сопровождается переустройством систем безопасности. Поэтому Центральной Азии сегодня нужна новая архитектура безопасности, которая будет основываться не только на необходимости согласованного противодействия общим угрозам и вызовам, но и на общности интересов, как самих стран региона, так и внешних игроков.

Новая архитектура безопасности Центральной Азии, как представляется, должна строиться на трех основных опорах.

Первой опорой безопасности должны стать сами центральноазиатские государства, отношения между которыми следует поднять на такой уровень сотрудничества и добрососедства, который гарантировал бы внутрорегиональную военно-политическую и социально-экономическую стабильность и устойчивое развитие. Дух взаимопонимания и доверия, взаимовыгодные согласованные политические и экономические шаги должны стать основными элементами межгосударственных отношений. Это должна быть система коллективных действий государств региона по предотвращению угроз и реализации национальных интересов на основе объективной взаимодополняемости, взаимозависимости³⁸⁹ и общности интересов.

Многое будет зависеть от Узбекистана и Казахстана, которые по праву являются осевыми государствами региона и должны взять на себя одинаковую ответственность за судьбу Центральной Азии.

Как известно, Франция и Германия в 50-е годы, несмотря на существовавшее в послевоенный период недоверие между крупными и мелкими европейскими государствами, на основании Декларации Шумана, создали объединение «угля и стали» и, сплотив вокруг себя другие страны, привели Европу к ее сегодняшнему состоянию.

Именно Узбекистан и Казахстан, иницируя образование подобной структуры, например, объединения «нефти и воды», или воплотив в реальный механизм регионального сотрудничества созданные в мае 2004 года водно-энергетический, транспортно-коммуникационный и продовольственный консорциумы, должны сделать совместный шаг вперед.

Второй опорой безопасности для Центральной Азии должны стать мировые центры силы — США, Россия, Китай, ЕС и Япония.

³⁸⁸ Yang Fuchang, Zhang Qingmin. The position of the developing countries in the changing structure of international relations and reflections on China's policy// International Studies. January 2004. — Vol. 1. — P. 34.

³⁸⁹ См.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. — С. 188.

США уже в течение продолжительного времени сотрудничают со странами региона по различным программам в сфере безопасности, что и создало основу для взаимодействия в рамках антитеррористической операции. Однако присутствие США в Центральной Азии, в том числе в Узбекистане, не ограничивается военно-политическим сотрудничеством, а распространяется на экономику, социальную, политическую, культурную и гуманитарную сферы.

США оказывают содействие Узбекистану в проведении демократических и экономических реформ, как это было отмечено в совместной Декларации о стратегическом партнерстве. Агентство США по международному развитию уже в течение нескольких лет активно реализует в нашей стране программу «Укрепление демократической культуры среди граждан и отдельных институтов», а в феврале 2003 года стартовала Программа поддержки гражданских интересов, направленная на создание условий для дальнейших политических, экономических и социальных перемен³⁹⁰.

Убежден, что аналогичные шаги США предпринимают и в других странах региона. Соединенные Штаты открыто демонстрируют, что в их интересах полномасштабное сотрудничество с государствами Центральной Азии, направленное на обеспечение долгосрочной стабильности, продвижение реформ, устранение условий, способствующих экспансии радикальных идеологий. В настоящее время практически все центральноазиатские страны так или иначе рассматривают участие США в обеспечении безопасности региона как необходимое, что подтверждается сотрудничеством в рамках антитеррористической коалиции. Подобные шаги говорят о начале принципиальных политических перемен в отношениях между этими странами и США, показывают стремление государств региона сблизиться с Западом.

В последнее время Россия активизировала свою внешнюю политику на всем пространстве СНГ, в том числе, в Центральной Азии. Россия, безусловно, является естественным партнером стран Центральноазиатского региона, где она традиционно играла важную геополитическую и геоэкономическую роль. Как было уже отмечено, на Душанбинском саммите глав государств Центральной Азии в октябре 2004 года Россия стала полноправным членом ОЦАС, что, по словам Президента Узбекистана Ислама Каримова «явилось знаковым, поворотным моментом в работе Организации»³⁹¹. Хотелось бы верить, что это событие исключит из ее подходов к региону имевшие до сих пор место некоторые элементы старой геополитики, и Россия сможет стать здесь «локомотивом» интеграционных процессов, как этого от нее ожидают.

Позитивным сигналом в обеспечении безопасности в Центральноазиатском регионе стала подписанная США и Россией в мае 2002 года совместная Декларация о новых стратегических отношениях, в которой отмечается, что две страны намерены содействовать превращению Афганистана «в стабильное жизнеспособное государство, живущее в мире с самим собой и своими соседями». Вашингтон и Москва также признали «общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств» Центральной Азии и Южного Кавказа. Как говорится в Декларации, «Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества «великих держав», которая может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах».

Как известно, после событий 11 сентября 2001 года Россия поддержала усилия США по формированию международной антитеррористической коалиции. В РФ, несмотря на попытки некоторых сил снова поиграть в «большие игры», вполне четко осознавали преимущества сотрудничества с США, которые на сегодняшний день являются единственной «сверхдержавой», способной активно формировать политический климат, как в отдельных регионах, так и на глобальном уровне. Таким образом, Россия постаралась максимально использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего международного имиджа через партнерство с США в области безопасности.

Вместе с тем, очевидно, такое сотрудничество с США, в особенности с учетом высокой динамичности развития международной ситуации, несет в себе и ряд вызовов для России. Тенденции в современных взаимоотношениях США с ЕС, Ираном, Китаем и рядом других стран ставят Россию перед необходимостью внесения существенных коррективов в свою внешнеполитическую стратегию с тем, чтобы четко определить позицию в отношении актуальных мировых проблем.

По поводу роли Китая в Центральной Азии вспоминаются суждения Т.Кельнера, который отметил, что интересы этой страны в регионе в «основном сконцентрированы вокруг трех осей — безопасности, торговли и углеводородов»³⁹². Внешнеполитический курс Пекина в отношении Центральной Азии определяется, по его мнению, «в рамках более широкой стратегии — «периферийной политики» (zhoubian zhengce согласно официальной терминологии Пекина), принятой в отношении всех азиатских соседей Китая»³⁹³. Данная политика направлена на повышение влияния КНР на мировом уровне путем укрепления китайских позиций на региональном уровне. В рамках такой стратегии китайское руководство стремится углублять свои от-

³⁹⁰ См.: УзА, 13 февраля 2003 года. — www.uza.uz.

³⁹¹ См.: www.izvestia.ru. — 19 октября 2004 года.

³⁹² См.: Kellner T. La Chine et les republiques d'Asie centrale: de la defence au partenariat. // *Cemoti*. — Juillet-decembre 1996. — № 22. — P. 277—313.

³⁹³ См. по этому вопросу: Zhao S. China's Periphery Policy and its Asian Neighbors. // *Security Dialogue*. — September 1999. — Vol.30, №3. — P. 335—346.

ношения с соседними странами, чтобы не позволить «недружественным державам» воспользоваться возможными разногласиями между КНР и ее соседями. В таком контексте китайские политики и исследователи всегда придавали и будут придавать особое значение вопросам безопасности в Центральной Азии.

На сегодняшний день в **Евросоюзе** растет осознание необходимости выработки более диверсифицированного подхода к Центральной Азии и Афганистану, проведения многоаспектной и многоуровневой политики. Вместе с тем определенные опасения в отношении содействия государствам ЕС развитию в регионе вызывает уровень их вовлеченности, прежде всего в плане оказания финансово-экономической и технической помощи.

По мнению ряда европейских аналитиков, странам Европы необходимо наращивать свое присутствие в стратегически близко к ним расположенной Центральной Азии, поскольку активное сотрудничество с государствами региона может сыграть определяющую роль в укреплении Евро-Атлантической безопасности³⁹⁴. Менее чувствительные стратегические позиции Европы на мировой арене предоставляют ей потенциальную возможность играть весьма важную роль третьей нейтральной стороны, однако это потребует от ЕС долгосрочного присутствия в Центральноазиатском регионе.

Одним из ключевых аспектов «обновленной внешнеполитической стратегии» **Японии** в Центральной Азии, как отмечают некоторые японские эксперты, может стать стремление Токио развивать взаимодействие с государствами региона на многосторонней основе. В связи с этим Япония проявляет интерес к укреплению внутрирегионального сотрудничества в Центральной Азии.

В рамках выдвигаемых Токио политических инициатив уже были сформулированы некоторые основные направления отношений в этой сфере, которые подразумевают развитие политического диалога для углубления доверия и взаимопонимания, содействие стабилизации региона посредством укрепления режима нераспространения ОМП, стимулирование демократических и экономических реформ.

Важное значение для развития отношений Японии с центральноазиатскими странами имеет инициатива премьер-министра Японии Д. Коидзуми о подключении региона к процессам экономического сотрудничества в Восточной Азии. Данная инициатива направлена на диверсификацию источников углеводородного сырья для Японии, а центральноазиатским государствам позволит реализовать их энергоресурсы через альтернативные маршруты на Восток.

³⁹⁴ См. подробнее: **Явузалл Осман**. Готовность к новым угрозам: перспективы углубления сотрудничества между НАТО и партнерами. В кн.: Материалы международной конференции «Стабильность в Центральной Азии в постконфликтный период» (14–15 июня 2002 года, Ташкент). — Т.: 2002. — С. 46–51.

Вместе с тем весьма важно, что Япония не стремится к доминированию в Центральной Азии. Как мне известно, Токио намерен сохранять здесь «курс на поддержание устойчивого баланса интересов» с интересами РФ, КНР и, прежде всего, Соединенных Штатов. Как представляется, это может внести существенный вклад в укрепление региональной безопасности и будет способствовать формированию условий для долгосрочного устойчивого развития Центральноазиатского региона.

Третьей опорой безопасности являются международные структуры — НАТО, ШОС, ООН, ОБСЕ и ОДКБ, а также другие государства, имеющие свои интересы в Центральной Азии, прежде всего, Индия, Иран, Турция и Пакистан.

В связи с тем, что об интересах последних подробно написано в коллективной монографии³⁹⁵, остановлюсь только на роли международных структур безопасности.

Хотя участие **НАТО** в операции в Афганистане на первых этапах было ограничено, именно сотрудничество стран региона с Альянсом в рамках программы «Партнерство ради мира» и СЕАП обусловило эффективность взаимодействия в ходе антитеррористической кампании. Продолжающаяся глобальная борьба с терроризмом будет способствовать повышению роли НАТО в обеспечении международной и региональной безопасности, в том числе в Центральной Азии. Подтверждение тому — переход к НАТО управления штабом миротворческих сил в Афганистане. Миссия НАТО в этой стране будет способствовать ее мирному обустройству и позволит укрепить стабильность во всем регионе.

Страны Центральной Азии возлагают большие надежды на **Шанхайскую организацию сотрудничества**, которая рассматривается как механизм многостороннего взаимодействия, способный внести реальный вклад в укрепление стабильности в регионе. Важнейшим аспектом работы ШОС может стать осуществление совместных мер по борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, незаконной миграцией и другими вызовами. При этом ШОС должна оставаться прозрачной и открытой организацией, создавать благоприятные условия для развития интеграционных процессов в Центральной Азии и реально способствовать укреплению безопасности в регионе. ШОС в настоящее время находится в стадии становления в качестве полноценной международной организации, более того, она еще не свободна от воздействия геополитических факторов³⁹⁶.

Для стран Центральной Азии важным механизмом обеспечения стабильности также является сотрудничество с ведущими

³⁹⁵ Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность.

³⁹⁶ См.: **Толипов Ф.** К вопросу о самостоятельной роли ОЦАС в рамках ШОС// Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — № 3. — С. 169.

ми международными организациями в области безопасности — ООН, ОБСЕ. Их вовлечение в региональные процессы диктуется потребностью в скоординированном противодействии терроризму и религиозному экстремизму, в том числе и через решение социально-экономических и общественно-политических проблем стран региона.

С образованием при Совете Безопасности Организации Объединенных Наций Комитета по борьбе с терроризмом практически реализован политический смысл инициативы Узбекистана о создании «Международного центра по борьбе с терроризмом в структурах ООН». Большое значение имеет также Протокол между правительством Республики Узбекистан и ООН о содействии поставкам гуманитарной помощи в Афганистан от 14 декабря 2001 года, который одновременно значительно ускорил реализацию долгосрочных программ ООН в Узбекистане в сферах повышения уровня жизни населения, экологии, развития информационных и коммуникационных технологий, координации внешней помощи.

Вместе с тем можно согласиться с мнением экспертов, что необходимо пересмотреть организацию деятельности ООН, привести ее в соответствие с реалиями нынешнего мира. Только превращение в гибкий механизм сотрудничества и противодействия современным угрозам и вызовам безопасности позволит ООН сохранить за собой ведущую роль в обеспечении глобальной стабильности.

ОБСЕ играет одну из ключевых ролей в деле укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии, однако ей необходимо быть готовой к переоценке и корректировке своих приоритетов, включая расширение мандата для повышения координирующей роли в общей стратегии борьбы с новыми транснациональными угрозами³⁹⁷. Страны Центральной Азии вправе рассчитывать на помощь со стороны ОБСЕ не только в плане мониторинга потенциальных очагов конфликтов, но и в поддержании усилий по устойчивому развитию во всех измерениях, включая культурно-гуманитарный, научно-технический и образовательный аспекты.

Свое место в формирующейся новой архитектуре безопасности в Центральноазиатском регионе пытается занять **Организация Договора о коллективной безопасности**. Не случайно завершение полной институционализации ОДКБ совпало с прямым военным вовлечением НАТО в процессы урегулирования в Афганистане. Присутствие военных баз, с одной стороны, Коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ и международной коалиции из стран НАТО, — с другой, в Центральной Азии создало по сути исторический прецедент. Как представляется, будущее ОДКБ, призванной обеспечивать безопасность на «южных рубежах» СНГ, будет во многом зависеть от эффективности

международного взаимодействия в данной сфере, лишенного конфронтационной идеологической окраски.

На основе проведенного в рамках подготовки данной монографии анализа складывающейся ситуации в Центральной Азии, представляется важным выделить следующие факторы, которые необходимо учитывать при разработке стратегии новой архитектуры безопасности в регионе.

Военно-политическая обстановка в Центральной Азии в среднесрочной перспективе, скорее всего, останется напряженной, поскольку угрозы терроризма и экстремизма с афганского направления, хотя и значительно снижены, но не ликвидированы полностью. Эта тенденция, как представляется, будет по-прежнему обусловлена рядом проблем, решение которых требует неопределенно долгого времени.

Во-первых, террористическая сеть «Аль-Каиды» еще не уничтожена, о чем свидетельствуют теракты последних лет в Индонезии, Испании, России и других странах. Вполне вероятно, что «Аль-Каида» может объединиться с более мелкими радикальными группами³⁹⁸ в Центральной и Южной Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке, которые готовы продолжать войну с цивилизованным миром.

Во-вторых, спустя почти три года после начала антитеррористической операции в Афганистане у его населения остается огромное количество оружия. В начале апреля 2003 года правительство этой страны и ООН подписали соглашение, по которому в течение 3 лет будут разоружены 100 тысяч афганцев из неправительственных формирований. На реализацию данной программы Япония, Канада, Великобритания и США выделяют 100 миллионов долларов, но, по оценкам экспертов, в стране находится вооружений на сумму, в несколько десятков раз большую³⁹⁹. В самом Афганистане и в зоне проживания пуштунов в Пакистане существует множество кустарных оружейных производств, продолжающих работать. В связи с этим нельзя ослаблять международный контроль за развитием военно-политической ситуации в Афганистане.

В-третьих, в условиях отсутствия сильного правительства и продолжающихся междоусобиц в Афганистане набирает обороты наркоиндустрия, которая всегда финансировала продолжение войны. Афганское правительство все еще не в состоянии эффективно бороться с наркобизнесом. По мнению многих аналитиков, Афганистан в обозримом будущем сохранит

³⁹⁸ См.: «Успех США в иракской войне может сдержать возможный рост глобального терроризма». Материалы слушаний в Конгрессе США 18 марта 2003 г. по вопросу «Дипломатия и война с терроризмом». Офис международных информационных программ Государственного департамента США, 21 марта 2003 года — usinfo.state.gov/ruski/.

³⁹⁹ См.: «Костыль для Карзая. За год новая кабульская власть несколько окрепла, но пока без помощи Запада ни прокормить, ни защитить себя не может», Е. Пахомов, 29 апреля 2003 года. Еженедельный журнал №067. — www.ej.ru.

³⁹⁷ См.: www.osce.org/romania2001/documents.

за собой место крупнейшего поставщика опиатов, что в случае непринятия адекватных мер приведет к взрывному росту наркотрафика через Центральную Азию.

В-четвертых, несмотря на прошедшие президентские выборы в Афганистане и победу на них президента Х.Карзая, темпы восстановления этой страны все еще не гарантируют устойчивой стабильности в ней. В долгосрочной же перспективе укрепление мира в Афганистане и его поступательное развитие возможно только за счет обеспечения условий роста экономики, что требует не только гуманитарного содействия, но и реальных инвестиций в промышленность и сельское хозяйство. Очевидно, что таких финансовых средств у афганского правительства просто нет, а большинство международных инвесторов все еще ожидают установления здесь прочного мира.

Развитие позитивных процессов в Афганистане создает благоприятные возможности для реализации масштабных коммуникационных проектов в Центральной Азии, в одинаковой мере выгодных для государств региона и международных инвесторов. Новые многовариантные транспортные коридоры должны сформировать единую взаимоувязанную систему коммуникаций⁴⁰⁰, которая обеспечила бы центральноазиатским странам надежный выход на перспективные рынки. В связи с этим актуальной представляется разработка совместных проектов развития регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии с вовлечением Афганистана⁴⁰¹.

В целом такие тенденции в Афганистане предопределяют сохранение объективных условий для закрепления в Центральной Азии неустойчивого, хрупкого режима региональной безопасности, подверженного международному терроризму и религиозному экстремизму. Без сомнения, эти угрозы материализуются через радикализацию религиозно-политических идей, их трансформацию в деструктивные идеологии насилия.

В связи с этим решительность международного сообщества в борьбе с терроризмом может привести к тактическому отказу экстремистов от насильственных методов. Однако до поры «мирная» деятельность любого экстремистского движения рано или поздно перерастает в насилие. Их программные документы почти всегда в той или иной форме предусматривают переход к вооруженной борьбе для достижения поставленных целей. Новейшая история содержит немало тому подтверждений.

В условиях Центральной Азии вопросы борьбы с религиозным экстремизмом и проведения демократических реформ зачастую пересекаются. Поэтому нельзя согласиться с мнением отдельных исследователей и политиков, выступающих за пре-

доставление радикальным организациям свободы осуществления религиозной пропаганды в надежде, что многообразие мнений снизит популярность экстремистских идеологий. С моей точки зрения постоянные мобилизованность и бдительность в борьбе с различными формами политического и религиозного экстремизма должны всегда оставаться наиболее важными задачами мирового сообщества.

Необходимо на различных уровнях продолжить диалог между странами Центральной Азии и западными государствами по данным вопросам для углубления взаимопонимания, формирования общих взглядов, а также выработки единых подходов к решению проблем в этой сфере. Однако на сегодняшний день, к сожалению, пока со стороны отдельных стран Запада наблюдается своего рода монолог о демократии, не учитывающий всех объективных реалий в регионе.

Нет сомнения, что долгосрочный успех в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом заключается в ликвидации глубинных причин этих негативных явлений, зачастую подпитываемых существующими в обществе социально-экономическими проблемами. В то же время заметное снижение угроз региональной безопасности позволяет странам Центральной Азии больше сконцентрироваться на начатых после обретения независимости экономических и политических реформах. Не случайно рассуждения относительно того, что задачи укрепления национальной безопасности не позволяют приступить к активной демократизации, в настоящее время все более уступают место рассуждениям по поводу безопасности через демократизацию. Другими словами, демократия все более признается условием стабильного развития и безопасности.

Страны Центральной Азии находятся на стадии подъема, и им нужны средства и новейшие технологии, которые могли бы ускорить развитие местных производств, гарантированный доступ на прибыльные внешние рынки. Вместе с тем они нуждаются в международной поддержке в деле укрепления и развития институтов гражданского общества. Получать поддержку, это не значит полностью переложить трудности на чужие плечи. Не означает это и навязывания чьей-то политической воли взамен на содействие, ибо только стороны, уважающие суверенитет друг друга, могут установить подлинное взаимовыгодное сотрудничество.

Сегодня в Центральной Азии высок уровень позитивных ожиданий в связи с возросшим вниманием к ее проблемам. Эта тенденция будет определять готовность стран региона сотрудничать в таких сферах, как безопасность, экономические реформы и демократизация.

Перечисленные выше факторы имеют решающее значение для обеспечения стабильности и устойчивого развития Центральной Азии в долгосрочном периоде. Вместе с тем, как говорилось выше, определенное негативное влияние на безопас-

⁴⁰⁰ См.: выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на торжественном открытии ежегодного заседания Совета управляющих ЕБРР в Ташкенте, 4 мая 2003 года. — www.press-service.uz.

⁴⁰¹ См.: там же.

ность региона оказывает неурегулированность ряда аспектов межгосударственных отношений, например, вопросов делимитации границ, режима эксплуатации трансграничных рек и природных ресурсов и ряда других. Но эти проблемы в силу их специфического характера играют не столько разъединительную, сколько объединительную роль, потому что требуют совместных усилий для их решения.

Страны Центральной Азии имеют общие стратегические интересы в создании общего регионального рынка, обеспечении гражданского мира и межнационального согласия, сохранении территориальной целостности, а также в нейтрализации причин появления конфликтов. Узбекистан всегда выступал за поощрение интеграционных процессов в регионе и гибкое разрешение возникающих проблем. Как было отмечено Президентом Узбекистана Исламом Каримовым, «самая насущная, сверхважная задача сегодня — согласовать и выработать не только наши совместные позиции, но и программу мер, адекватных складывающейся в регионе ситуации в контексте усиливающихся в мире угроз и вызовов»⁴⁰².

Очевидно, что геополитический расклад сил в Центральной Азии уже не будет таким, каким он был до 11 сентября 2001 года. В странах региона осознают, что крупнейшие государства мира — США, Россия, КНР, страны ЕС, Япония имеют как во многом совпадающие позиции по вопросам Центральной Азии, так и ряд противоречий. Как отмечал видный американский ученый Ф.Старр, ни одна отдельная страна или малая группа стран не могут стать эффективным гарантом мира в Афганистане и долгосрочной стабильности в Центральной Азии⁴⁰³. Если не будут пересмотрены старые геополитические подходы к ней, то обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии станет проблемой для нас всех и решать региональные вопросы будет просто невозможно. Только когда будет сформирована новая архитектура безопасности в Центральной Азии, основанная на политике сотрудничества, может быть достигнута стабильность и гарантировано устойчивое развитие региона.

В таких условиях для стран Центральной Азии представляется жизненно важным дальнейшее углубление сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях. Сегодня отчетливо просматривается перспектива, при которой национальная безопасность каждого центральноазиатского государства будет определяться его готовностью конструктивно взаимодействовать со своими соседями и мировым сообществом на основе общности интересов.

⁴⁰² Из выступления Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на саммите глав-государств ОЦАС в Астане. Народное слово. — 2004. — 5 июня.
⁴⁰³ См.: Starr F. Twenty Theses on Afghanistan. Prepared for Brookings Institution Asia Society Conference, 18 May 2001.

R. M. ALIMOV

CENTRAL ASIA: common interests

TASHKENT
HEAD PRINTING AND
POLYGRAPHIC HOUSE OF «SHARQ»
JOINT-STOCK COMPANY
2005

TABLE OF CONTENTS

Edited by

A.Kh.Khodjaev, Professor of History
N.A.Kasymova, Professor of Political Sciences

I express special gratitude to the representation of the Friedrich Ebert Foundation in the countries of Central Asia and personally to Mr. Reinhard Krumm, and also to the Bureau of Representation of this Foundation in Uzbekistan led by Mrs. Nailja Rezapova for the assistance rendered with the edition of the given book.

Prepared for publishing by

M.Itskovsky
E.Irgasheva
P.Krumm

This monograph is recommended for scholars, collaborators of scientific and research institutions, diplomatic servicemen, university lecturers and students and others, interested in issues of geopolitics, international relations, regional cooperation and security in Central Asia.

© The Publisher «Sharq», 2005.

Introduction.....	239
 Chapter I. Objective conditions and prerequisites for regional cooperation in Central Asia	
1.1. The historical and cultural commonality of the states of Central Asia as a basis for regional cooperation development...	246
1.2. Political and socio-economic prerequisites for regional cooperation	259
1.3. The international experience of regional cooperation	276
 Chapter II. The geopolitical balance of powers in Central Asia and key threats to regional security.....	
2.1. The problem of the correlating interests of the major powers in the formation of a balance of geopolitical forces in Central Asia	293
<i>The United States</i>	<i>295</i>
<i>The Russian Federation</i>	<i>302</i>
<i>The People's Republic of China</i>	<i>308</i>
<i>The European Union</i>	<i>316</i>
<i>Japan</i>	<i>321</i>
2.2. The role of international organizations and institutional mechanisms in the maintenance of regional security and stability	325
<i>The United Nations</i>	<i>328</i>
<i>The North-Atlantic Treaty Organization</i>	<i>332</i>
<i>The Organization for Security and Cooperation in Europe</i>	<i>334</i>
<i>The Shanghai Cooperation Organization</i>	<i>344</i>
<i>The Collective Security Treaty Organization</i>	<i>350</i>
<i>The Eurasian Economic Community the United Economic Space</i>	<i>358</i>
2.3. Key challenges and threats to regional security in Central Asia	359
<i>Religious Extremism and International terrorism.....</i>	<i>370</i>
<i>Illegal drug trafficking.....</i>	<i>373</i>
<i>The problem of the non-proliferation of weapons of mass destruction....</i>	<i>377</i>
<i>Ecological threats.....</i>	<i>379</i>
<i>Situation in the Aral Sea Basin.....</i>	<i>381</i>
<i>Problems of the rational use of water resources in the region.....</i>	<i>389</i>
 Chapter III. Prospects for regional cooperation in the conditions of the formation of a new security environment in Central Asia	
3.1. The Afghan factor after September 11, 2001 in the formation of a new security environment in Central Asia	389

3.2. External factors of influence on the development of regional cooperation in Central Asia	409
3.3. Towards the formation of an institutional basis for a common market in Central Asia and prospects for the OCAC development.....	432
The conclusion	452

*Dedicated for the bright memory
of my master, father Mirzamurad Alimov*

INTRODUCTION

This book is the result of three years of study and analysis of the processes, taking place in Central Asia, the international community's attention to which remarkably increased after the tragic events of September 11 in the US.

Working during the period from 2001 to 2004 at the Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan, my colleagues and I have prepared a number of works devoted to problems of security and international relations. Undoubtedly, the monograph «Central Asia: Geo-economics, Geopolitics, Security»¹ (2002) was the best of these. This book presented an organic analysis of the formation of the new independent Central Asian states as full participants in the world economy and politics. The work examined the basic geo-economic and geopolitical factors influencing the provision of regional security.

In the last three years, major changes have occurred; new initiatives and proposals concerning the deepening cooperation and integration of the Central Asian states have been proposed in the region and in the world as a whole. All this has necessitated further analysis, summary and the elaboration of a new work where the basic accent would be made on the examination of the general intensification of prospects for regional cooperation under the conditions of the formation of a new security structure in Central Asia on the basis of «the commonality of coincident interests» of both the states of the region, and external players.

The purpose of the present introduction is not only to summarize the substance of this book, but also to try to draw a picture of those systematic changes which the region has faced over the last 2—3 years and to answer the question: What does Central Asia represent under these new conditions?

Today the role of Central Asia in world politics is growing, due to its important geostrategic position between Heartland and Romeland — areas of permanent geopolitical antagonism among world powers — and also due to its rich nature, energy and mineral resources.

The countries of Central Asia also occupy a major geopolitical and economic position, as the bridge linking Asia and Europe².

¹ Central Asia: Geo-economics, Geopolitics, Security / Edited by R.M.Alimov, S.R.Arifhanov. Tashkent. 2002.

² Central Asia: Geo-economics, Geopolitics, Security. — P. 9.

Today the states of the region and the interested countries of the world are undertaking efforts to restore these routes, in particular, by means of modern automobile and railway transport development. Moreover, it is necessary to point out the geographical connection of the region with Afghanistan, whose instability is one of the most serious challenges of global and regional stability.

The processes occurring in Central Asia, as a matter of fact, reflect the fundamental geopolitical transformation which has been taking place across the vast Eurasian space since the disintegration of the former Soviet Union. This transformation is occurring simultaneously with the formation of a new world order — during the epoch since the end of the «cold war» the entire system of international relations has been practically reconstructed on the basis of new concepts and paradigms. This process was only accelerated after September 11, 2001. After these events many expressed hope, that the system of international relations would become more consolidated. But the further we get from that day, the more often we see reflected in the policy of many states those established stereotypes, which render a negative influence on the situation both in Central Asia, and in the world as a whole.

The strategic task of the Central Asian states is to establish new relations with different states, taking into account, clearly, the priorities of solving the task of providing for their national and regional security. At the same time, the countries of Central Asia face the challenge not to be entrapped by «a dilemma of security»¹. One thing is obvious — it is necessary to improve and develop mechanisms of regional security and to improve mutual understanding among all interested sides.

Speaking about prospects for Central Asian development, it is necessary to note that it would be expedient for the region's countries to develop a high-grade strategic concept which in its systematic shape would designate both intermediate and long-term goals and tasks in the sphere of providing regional security, peace and stability, and also the means for their achievement. Thus, the interests of the struggle against modern challenges and threats to security, as they occur, should become a guideline for the expansion of the contacts and interactions of the Central Asian countries with other states and international organizations.

¹The dilemma of security — a widespread phenomenon, whereby the help which one state provides another for defense is interpreted by others as a threat, that is as a means of attack, instead of defense. A glossary of terms. College for studying international relations and security issues G. Marshall. European Center of Research on European Security. March 2002, in Russian. — P. 6.

The new system of security as envisioned should provide the countries of the region with an opportunity to participate in various coalitions on the basis of national interests, without the need to make unequivocal geopolitical choices and thus to deepen disagreements in the region. It should guarantee sufficient attention to Central Asia not only on the side of Russia or China, but also from the side of the USA, EU, Japan, European and other international institutes, even if their basic attention is turned to other regions.

An analysis of the events which developed in Central Asia after September 11 shows that the region can avoid the geopolitical rivalry between Russia and the USA, and other western countries, and that cooperation which will benefit all interested parties can be established here. The countries of the region realize, that the largest states of the world — Russia, the USA, the People's Republic of China, the countries of EU, Japan — have positions on questions concerning Central Asia that are both continuous in many respects and possess a number of contradictions.

Let's take, for example, the problem of regional security in Central Asia. If we approach it from the point of view of the new «Great Game» traditional vision which has developed in this region, i.e. on the basis of the dichotomous view — e.g. «either America, or Russia» — then the conclusion arises unequivocally: Uzbekistan together with the Central Asian countries is placed in the position of having to choose between two alternative reference points. Such an attitude today is hardly justified, even from the point of view of the strictness of the much-criticized «balance of forces» law. In fact, it is neither possible nor expedient today to remove either Russia or America from the geopolitical space of this region, since even this would not stop the struggle between them for the region.

It follows, therefore, that the countries of Central Asia are interested in strategic partners who consider the policy concerning the region as long-term and are capable of rendering real, practical support in solving the problems of regional security and steady development.

It is difficult to speak about realization of these objectives without taking into consideration the interests of Russia, just as it is impossible to speak about that without taking into account the interests of the Central Asian states⁴. Russia's accession into full membership in the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC) opens up extensive possibilities for a general deepening of

⁴Shmelev B. «Central Asia in the XXI Century: Cooperation, Partnership and Dialogue», materials of the international conference, Tashkent, 2004. — P. 76.

its cooperation with the countries of the region, and also for its transforming into a «locomotive» of integration processes in Central Asia.

At the same time, Russia should find a balance between its interests in the West and in Central Asia, on the whole post-Soviet realm, and the USA and the countries of Europe should assist it actively. Nowadays, the prospects for the development of Russia's relations with the West are not yet quite clear, leaving an imprint of uncertainty on the policy of the CIS countries.

The inclusion of Central Asia in the global strategy of **the USA** has become the key factor characterizing the new geopolitical situation in the region. Washington has already been interacting for a long time with the countries of the region in various programs in the sphere of security and military cooperation. The USA also assists to the countries of the region for the implementation of democratic and economic reforms, which are considered by Washington to be a key element in maintaining stability in the region.

The deepening of bilateral relations among the Central Asian countries and **China** seems to be quite a regular phenomenon, because, in particular, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan have a rather extended border with the People's Republic of China. This given geographical determinism objectively results in the deepening of the mutual importance of bilateral, mutually advantageous relations for the states of the region and the People's Republic of China. At the same time, this factor becomes essentially relevant for Chinese policy towards Central Asia in a geopolitical sense, by virtue of the geographical position of Central Asia between Europe and Russia, and also regions of the Caspian basin, the Near and Middle East, and Southern Asia.

The active involvement of China in Central Asian processes, especially after the formation of the Shanghai Cooperation Organization, leads to many discussions in various expert circles. And this is no coincidence. The stable growth of the economic, political and military potential of the People's Republic of China, as observed during the last two decades, objectively promotes its transformation into a more powerful active geopolitical actor not only in the region, but also in the world as a whole.

The interests in Central Asia of **the European Union**, above all, Germany, Great Britain and France, result from the growing acknowledgement of the region's strategic importance for all systems of European security. Proceeding from the principle of a united Eurasian continent, the EU is interested in strengthening the political and economic independence of the Central Asian states

located «in the neighborhood» with Europe and, at the same time, having a direct outlet to the so-called «poles of risk», in particular, Afghanistan.

The analysis of **Japan's** foreign policy strategy in Central Asia allows us to follow the well-defined logic of its actions, which are directed, first of all, towards rendering assistance to the region's countries in strengthening their independence, with the goal of providing openness and availability. Japan does not aspire to dominate in the Central Asian region, showing interest in the formation of a geopolitical balance of interests, particularly of the USA, Russia and China. From the point of view of the Japanese side, it is precisely the creation of such a geostrategic apportionment of the great powers in the region, which is capable of acting as a factor of its stability.

The security threat to the Central Asian countries from terrorist and religious/extremist groups, though it has been reduced, has not disappeared completely.

It is obvious, that the front of the global struggle against international terrorism will extend. The achievement of a state of security and stability common for all is possible only on the basis of a consensus concerning the essence and nature of modern challenges and threats, and also concerning approaches and methods of reaction to these challenges and threats.

In this connection, in the mid-term period (i.e. the next 3-5 years), cooperation in the security sphere, i.e. cooperation on the basis of both a «commonality of threats» and «commonality of interests» remains the major priority for the countries of Central Asia. The major task, at the same time, will be raising the level of interaction between national law enforcement bodies and special services in Central Asia, and also among the countries of the region and other states and international organizations involved in the struggle against international terrorism. It will not only allow a «unified portrait» of international terrorism to be drawn, but also in many respects will promote the strengthening of a spirit of trust in bilateral and multilateral interstate relations.

The economic interests of the West and the East in the Central Asian countries today, unfortunately, are inspired only by their raw resources. The direction of foreign investments into the oil, gas and mining industries — not the processing sphere — gradually reduces Central Asia to the position of a region which exports raw materials and is dependent upon the instability of world prices.

However, the transformation of the Central Asian countries into raw materials-producing appendages will hardly promote the region's stability and security. In this context, the issue of the diver-

sification of the economy of the Central Asian states plays a rather significant role.

Today it is important to recognize that the economy has become one of the key factors of security, and to ignore this axiom would be to display the illogicality in the Central Asian policy of the world's leading countries, which are capable of becoming potential investors in a stable and prosperous future for the Central Asian region. Potential foreign investors see the regional market as a unit — Central Asia is attractive to them only as a common market. Uzbekistan is certain that the formation of a common regional market in Central Asia, and the creation of prerequisites for mutually advantageous, balanced and fair trade and economic partnership, will allow a great number of existing problems to be solved, above all in the social and economic sphere.

As the President of Uzbekistan Islam Karimov noticed, speaking at the joint meeting of the Legislative Chamber and the Senat of Oliy Majlis on January 22, 2005 in Tashkent, that only such a market, not dismembered to secluded national borders, is able to attract significant flow of foreign investment, maintain sustainable development and prosperity of the region's countries.

Under the new conditions of the countries of the region, the further deepening of cooperation in political, economic, scientific/technical, cultural, humanitarian and other areas on a new conceptual basis is vital. Today it is clear that the national security of each of the Central Asian states will be determined by its readiness to engage in structural cooperation with its neighbors on the basis of trust and mutual understanding.

In this context it is deemed important to search for such models of regional dialogue based upon the idea of Central Asian consolidation. Thus, it is necessary to concentrate efforts on the resolution of the water and transport problems, which are the «Achilles' heel» of all Central Asian countries. From our point of view, to state that these two problems are the main focus of all regional cooperation structures is equitable to the interests of each state in the region.

In preparing this book I have carried out a lot of meetings and conversations with scientists and experts, with my foreign colleagues, with diplomats working in Tashkent. And each time I have tried to find out their positions on questions concerning regional cooperation. I received different answers; most of them were pessimistic. My meeting with the well-known American political scientist Z. Brzezinski took place in November 2003 at the Institute for Strategic and Regional Studies (ISRS). During one of our private

conversations, he noted that «the future of Central Asia is in the hands of the region's states. If they could find points of contact on the basis of conterminous interests, they could expect quite a good future».

As for me, in this question I have always been an optimist and I believe that Central Asia will have a fine future.

Within the framework of this research, I have studied and analyzed works of many outstanding foreign scientists and political scholars of Uzbekistan. As a participant of many international conferences, which have been held both in Tashkent and in other countries, I tried to collect the best ideas concerning our region and to carry out a little «field research». Though my colleagues from Uzbekistan and other countries have written many remarkable works concerning the problems of Central Asia, the given work is the first attempt to summarize existing visions on the prospects for the development of our «Central Asian house».

At the same time, I cannot assert that this book tells the complete story about the history, the present and the future of Central Asia. I will be rather grateful to anyone who expresses his or her comments and proposals concerning the problems considered in this book.

I want to thank my colleagues who have rendered assistance in the preparation of the given book — Doctor of Philosophy in Philosophy B. Tursunov, Sh. Yigitaliev, M. Itskovsky, D. Kadyrova and L. Tadjibaeva, without whose help the preparation of this work would have been impossible.

— CHAPTER I —

OBJECTIVE CONDITIONS AND PREREQUISITES FOR REGIONAL COOPERATION IN CENTRAL ASIA

1.1. The historical and cultural commonality of the states of Central Asia as a basis for regional cooperation development

Central Asia is one of the most unique regions in the world, with an ancient history and wide spiritual and cultural heritage. Since ancient times, dozens of states have appeared and disintegrated, and numerous aggressive wars have been waged on the territory of the modern Central Asian region⁵. By virtue of its geographical location at the crossroads of world civilization, Central Asia has had special geostrategic significance for many centuries in political, trade and economic relations with such empires as Rome, Iran, China, and later tsarist and communist Russia.

Central Asian's location among Buddhist, Islamic, Confucian and Christian cultures has led to its becoming the crossroads of different civilizations. This unique factor is reflected in the region's architecture and paintings. In particular, as French scientists consider, «the ensemble of murals in the Ambassador Hall of the king Varhuman's palace — the king ruled in 660 AD in Afrosiyab, modern Samarkand — is the evidence of it. According to the Chinese chronicles, Varhuman ordered a reception hall of his own palace to be decorated with pictures representing the neighboring principalities with which he maintained political, cultural and commercial relations... Beyond any doubt, we can affirm that nowhere in the world, except the region, is it possible to find such diverse culture concentrated in one hall. This ensemble of pictures brightly illustrates the significant situation of Central Asia — the world's crossroad»⁶.

At the same time, the given factor, in its turn, contributed to the formation of favorable conditions for the development of science and culture, especially in the Middle Ages, which were known in world scientific history as «Eastern or Islamic Renaissance». This phenomenon — in point of fact, unique — revealed itself exactly in the peri-

od of the formation and flourishing of a number of states in this region. As the President of Uzbekistan I. Karimov has written, «the states of ancient Turan, Mavrounnahr and Turkestan, having flourished on this territory, left bright signs in the development of the world's culture... The Great Timur, who made Samarkand the capital of his state, was glorified by the protection of scientists, philosophers, architects, poets and musicians. Spiritual, cognitive and aesthetic values played an important role in the way of life, the traditional culture of our people. We honor and are proud of our history and our great ancestors — thinkers of the East such as Al Bukhari, At Termizi, Akhmad Yassavi, Bahouddin Nakshband, Al Khorezmi, Beruni, Ibn Sino, Navoi, Ulugbek and others who left their invaluable mark on the development of the world's civilization»⁷.

The whole brilliant assemblage of scientists, thinkers and poets of Central Asia made great contributions to the development of Islamic philosophy, theology and literature, jurisprudence and astronomy, geography, medicine and mathematical sciences as well. Thanks to its scientific and cultural characteristics, Central Asia, in spite of all its historical reversal of fortune, has preserved till the present day its historical and cultural integrity and uniqueness, and the sovereign states are the example of this.

Moreover, it is necessary to note that Central Asia, being at the «crossroads of worlds» has itself exerted serious influence upon the development of cultures in neighboring regions and states⁸. As Uzbek historian and sinologist A. Khodjaev considers, according to Chinese sources long before the beginning of our era, Sogdians lived on the northern and southern coasts of the Caspian Sea and had their own state by the name Yaniai (Aursi, Vennasha). Later, moving to the South they created another state under the name Suter or Suyi (Sogd). The Sogdians conducted a settled way of life and played an important role in international trade. That's why in the cities located alongside the Great Silk Road, including in Ancient China, there appeared definite influence rendered by Sogdian settlements on the development of Chinese culture⁹.

Thus, some foreign scientists/historians have claimed that some ethnocultural elements of Central Asian people influenced the formation of Chinese ethnos and culture even in deep antiquity. In particular, the famous sinologist L. S. Vasilyev writes that «nowadays it is universally recognized that the ancient Chinese culture, at its base, is autochthonous. But this is not yet enough to solve the question of the ethnogeny of those ancient Chinese tribes which

⁵ See: Yalcin R. *The Rebirth of Uzbekistan. Politics, Economy and Society in the post-Soviet Era*// Ithaca Press. London, 2002. — P.1.

⁶ Djallil M., Kellner T. *«Geopolitique de la nouvelle Asie centrale. De la fin l'URSS a l'apres 11 septembre»*. Presses Universitaires de France. Paris, 2003. — P.13.

⁷ Karimov I.A. *Our Goal is a Free and Flourishing Motherland.*, Vol.2, «Uzbekiston», 1996. — P. 46.

⁸ See also: Khodjaev A. *The Chinese Factor in Central Asia*. Tashkent 2004. — P.7–9.
⁹ Khodjaev A. *Some notes about Sogdians existing on the territory of China// History of Uzbekistan*. 1. 2004. — P.52–61.

later became the base for the formation of Chinese nationality»¹⁰. In this connection, Vasiliyev notes that according to the research of the German sinologist W. Eberhard¹¹, in the third-second centuries BC in the northwest part of the Hwang Ho basin, a Prototurkic group prevailed. This group along with Phototonus and Tibeto-Tangut groups played «a major important role in the formation of two of the most considerable Neolithic cultures» in ancient China¹².

In this context, A.Khodjaev thinks that the perception in historical science that the Turks as an ethnic group appeared in the 6th century AD is wrong. The scientist insists that in Chinese sources the first appearance of the toponym «Turk» (in Chinese transcription «dili», «di») dates to 4 thousand years ago. Hence, Turkic tribes were formed long before this ethnic group got its name in the ancient Chinese sources¹³. Most likely the peoples of Central Asia have a history no less deep than that of other ancient civilizations known to modern world history.

Such studies and scientific hypotheses give rise to the supposition that the history of the modern Central Asian peoples, in earlier centuries, remains insufficiently studied for objective reasons. But it is clear that the culture of the Central Asian region as the center of one of the most ancient world civilizations is not merely the result of the external influence of cultural systems; rather, the culture itself exerted substantial influence on the development of other large civilizations. Perhaps the growing interest in the region's history and culture being observed nowadays in scientific circles will lead to new studies and research.

In this connection it seems not coincidental, that after the collapse of the former Soviet Union and acquisition of independence by the Central Asian republics at the beginning of the 1990s, this region again has become open to a wide range of scientists showing special scientific research interest in the region's history and culture. This, in turn, has led to the study and research of a great number of the region's topical problems, concerning the cultural, social-state development of modern Central Asian states.

Over the past ten years, international scientific and analytical circles have been paying deep attention to the region's geopolitical, geostrategic and geoeconomic role, its place and significance in the system of international security. However, any attempts to analyze

these problems are accompanied by different arguments and definitions characterizing the geographical borders of Central Asia. In this respect, from our point of view, it is necessary to define the «Central Asia» concept, which today includes the former republics of the Soviet Union such as Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan.

The notion «Central Asia» in different historical periods, as well as to this day, is considered variously, first of all, from geographical, ethnocultural and political points of view. Some sources affirm that Central Asia enclosed Turkestan (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan), Xinjiang Uygur Zizhiqu (in western scientific literature — Eastern Turkestan), Tibet and Mongolia¹⁴.

According to the opinion of Russian scientists, «historically, this vast zone which spreads from the Urals up to the Pamirs and from the shores of the Caspian Sea up to the Altai mountains, was a single entity, even though its name differed (Turan, Mavrounakh, Desht-i-Kipchak, Turkestan). During the pre-Soviet period, the Central Asian cultural space comprised not only the aforementioned territory but also Northern Iran, Afghanistan and some regions of western China»¹⁵. Thus they suppose that Central Asia, including the territory of modern Kazakhstan, is a unified region, which historically, ethnically, economically, socially and politically has specific features¹⁶.

At the same time, Mohammad-Reza Djalili and Thierry Kellner, foreign experts on Central Asia, affirm that the expression «Central Asia/Asie Centrale» is «an abstraction which proceeded from the western rationalism and spatial separation which was inherent to the geographers in the 19th and beginning of the 20th centuries»¹⁷. Thus it is noted that during all the history of the region, the geographical space of Central Asia had different names. In the antique period, the Greek term *Transoxiana*, which meant the territory «beyond the Oxus river», was widely used. Territories located to the north of the Amu-Darya, conquered by the Arabs and turned into Muslim lands, were called by Arabian geographers in the 8th-9th centuries «*Mavaraun-al-nahr*» — «the other side of the river»¹⁸. In some Persian chronicles we can see an expression

¹⁰ Vasiliyev L.S. Agrarian Relations and Community in Ancient China. Eastern Literature Publishing House, M., 1961. — P.52.

¹¹ Eberhard W. Early Chinese Cultures and their Development in Annual Reports of the Smithsonian Institution, 1937.

¹² Vasiliyev L.S. Agrarian Relations and Community in Ancient China. Eastern Literature Publishing House, M., 1961. — P.52.

¹³ See: Khodjaev A. Some ethnonyms of Turkic peoples existed on the territory of Ancient China. Collected articles «Uzbekistan in the Middle Ages». Tashkent. 2003. — P. 176—184.

¹⁴ See.: Uzbek Soviet Encyclopedia. V. 6. — T., 1975. — 626 6.; Encyclopedia in 2 volumes. V. 2. — M., 1964. — P. 626.

¹⁵ Kulchik Y., Fadin A., Sergeev V. Central Asia after the Empire. London. 1996. Foreword by Fred Halliday. — P. 1.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Djalili M., Kellner T. «Moyen-Orient, Caucase et Asie centrale»: des concepts geopolitiques a construire et reconstruire?, Centrale Asian Survey, vol.19, №1, 2000. — P. 117—140.

¹⁸ Bartold W. Ma Wara al-Nahr, in Encyclopedie de l'Islam, I Edition, Paris. 1934. — P. 477.

«Varorud», which in literal translation has the same meaning. At the same time the region was called «Turan» and «Turkestan» also. The name «Turan» is found for the first time in «Shakhname» written by Fardousi¹⁹, according to which «Shah Firidun gave Turkestan, lands to the east of his kingdom, to his second son Tur. Since that time this region began to be called Turan»²⁰.

The name «Tartaria» was also used in many European chronicles of the 17th–18th centuries. In particular, Montesquieu in his work «The Spirit of the Law» used the concept «grand Tartaria», which was situated «to the south of Siberia», including «Busharia, Turkestan, Sharism and Chinese Tartaria»²¹.

In «The Major Encyclopedic Dictionary of the 19th Century», issued in 1876 in Paris it is noted that the territory of «Turkestan», «Tartaria» or «Central Asia» borders on the north with Siberia, on the east with China, on the south-east with Kashghar's Kingdom, on the south with India, Afghanistan and Persia, and on the west — with the Caspian Sea, Russia and Europe²². In the Cambridge encyclopedia «The Encyclopedia Britannica», issued in 1911, the region situated between Siberia and Tibet, India and Afghanistan, the Caspian Sea, Mongolia and the Gobi steppe is called «Turkestan»²³.

As French scientists M. Djalili and T. Kellner noted, in the 19th century in Russia the term «Turkestan» meant a more limited geographical space. The tsarist administration «divided the territory in Asia, gained by military means, into 2 separate regions»²⁴. In the north, the Kazakh steppes began to be called «Steppe lands» or «Kyrghys lands». In the south, according to the tsarist decree of July 11, 1987, the «Turkestan governorship-general» was established, with its center in Tashkent. In 1886 this territory was turned over to «Turkestan land».

Later, the Soviet regime cancelled the name «Turkestan», which had united Central Asia, and, at the same time, provided the region's geographical unity. On the territory of Turkestan, Uzbekistan and Turkmenistan were formed in 1924. Later, in 1929, Tajikistan emerged from Uzbekistan. Kazakhstan and Kyrgyzstan were given the status of so-called Union Republics in 1936. Thus, by the end of the 20th century, the name «Turkestan» had been canceled officially, and the expression «Kazakhstan and Central

Asia», began to be used, despite the historical, cultural and ethnic commonality of the people of Central Asia. The similar name, in all probability, was not accidental and had a feature of separation. Such an approach had very important significance for the Bolsheviks, who tended to consider the «Kazakh steppes» as a geostrategic buffer zone, which played a particular role in their foreign strategy towards the south and east. Thus, according to some western scientists' opinion, the main principles of such a policy were the strong political and strategic motives of the Kremlin, based, in particular, on the principle «divide and conquer»²⁵.

In western scientific works the term «Central Asia/Asie Centrale» began to be used in the 19th century. Such toponyms as «High Asia», «High Tartaria» and «Inner Asia» were its synonyms in that period²⁶. For the first time in history, in 1843 Alexander von Humboldt described the given region as «an independent geographical ensemble from the scientific point of view»²⁷.

But for today different versions of the geographic space in the center of the Euroasian continent are accepted. In particular, French expert J.P. Roux notes that under the term Central Asia he means the geographical space including «Mongolia, southern Siberia; the main part of it nowadays is composed of Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan and Kyrgyzstan, northern Afghanistan and Iranian Khorasan connected with both Herat and Merv, Tibet, Xinjiang and Gansu»²⁸. A practically similar geographical definition given to the region in English scientific sources is «Internal Asia/Inner Asia»²⁹.

A number of alternative versions for the definition of the conventional borders of Central Asia have been offered. In particular, in 1978 a group of UNESCO experts was formed in Paris. This group was to define the region's geographical space, based on historical and cultural criteria. In the report of this group it was noted that for drawing up a document regarding the history of Central Asian civilization it is necessary to study the civilizations of Afghanistan, northeastern Iran, Pakistan and northern India, western China, Mongolia and Soviet Central Asia»³⁰.

¹⁹ Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie centrale. De la fin l'URSS à l'après 11 septembre. Presses Universitaires de France. Paris. 2003. — P. 22.

²⁰ Ibid.

²¹ Montesquieu. De l'Esprit des Lois, chapitre III, Livre XVIII, Tom I, Paris, Classiques Garnier, 1961. — P. 287.

²² See: Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle, par M. Pierre Larousse, Tome Quinzième, Paris, Administration du Grand Dictionnaire Universel, 1876. — P. 595.

²³ See: The Encyclopedia Britannica, A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information, Eleventh Edition, vol. XXVII, Cambridge University Press, 1911. — P. 419–426.

²⁴ Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie centrale... — P. 26.

²⁵ See: Carrere d'Encausse H. Le grand défi: Bolchevics et Nations, 1917–1930, Paris, Flammarion, 1987. — P. 180–186. See also: Smith J. The Bolsheviks and the Nations Question, 1917–1923, London, MacMillan, Press, 1999. — P. 85. See also: Bennigsen A. Lemerrier—Quelquejey, C., Sultan Galiev, Paris, Fayard, 1986. — P. 305.

²⁶ Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie centrale... — P. 26.

²⁷ Humboldt A. von Asie centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparee. Vols. I–III, Paris, Gide, 1843.

²⁸ Roux J.-P. L'Asie centrale. Histoire et civilisations, Paris, Fayard, 1997. — P. 13–14.

²⁹ See: The Cambridge History of Early Inner Asia. Edited by Denni Sinor, Cambridge/New York, Cambridge University Press, 1990. — P. 518.

³⁰ History of Civilizations of Central Asia. Vol. 1. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C., ed. A.H. Dani, V.M. Masson, Paris, UNESCO Publishing, 1996. — P. 535.

V. Fourniau, the French specialist and author of «Histoire de l'Asie Centrale» («The History of Central Asia»), and the former director of French Institute of Central Asia studies (IFEAC), considers that the term «Central Asia» points to «the geographical ensemble the borders of which are changed according to the geographical, linguistic, cultural and political criteria applied in each concrete approach»³¹.

In turn, M. Djalili and T. Kellner point out that there are two conceptions of the definition of Central Asia's geographical borders, minimalist and maximal, in the studies of the region. According to the minimalist approach, this given region includes the five republics of Central Asia, which appeared after the collapse of the USSR. The maximal approach means that it is possible to draw the boundaries of the region from the Mediterranean Sea up to China³².

It is necessary to note that in recent years there has been a tendency to use the minimalist approach to the definition of Central Asia's exact geographical borders. As Djalili and Kellner note, even in such a minimalist approach, the geographical space of Central Asia strikes one with its immensity. Its total area (4 million square km) is eight times more than the territory of France, and exceeds the total area of India, which is 3 million sq. km., by one million sq. km. Today the territory of the Central Asian region is greater than the total area of the recently enlarged European Union, which consists of 25 European countries.

In 1993 the leaders of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan officially announced that the geographical space integrating the territories of these republics would be known under the name of the region Central Asia. In this connection, I. Karimov noted that «the concept 'states of Central Asia', which appeared in January in Tashkent, is an objective, natural process. Peoples living in the region are united by the generality of history, culture, language and religion. The historical roots of our people are so connected with each other and their modern realities are so similar that only together in close cooperation we can search for ways out of the present crisis»³³.

Even such a concise analysis of Central Asia's names from antiquity up to modernity impartially gives an opportunity to assert the historical and cultural community of the region's states. Despite the different versions of scientists, attempting to give geographical descriptions of the Central Asian region, the ethnocultural factor continues to play a key role in preserving the region's unity, which consists of 5 sovereign states.

For a more objective approach to the problem of extending regional cooperation in Central Asia, it becomes clear that the ethnocultural factor alone is a foundation capable of leading to an active and more confident dialogue among the states of the region in economic, transport-communicational, political and other spheres. However, by virtue of the fact that these issues are primarily the object of study by political scientists and experts in the sphere of international relations, security, etc., discussions regarding these aspects acquire political features. Thus, those foundations that for many centuries remained an integral force maintaining an indivisible historical and cultural area in the Central Asian region are ignored.

As the famous French expert O. Roy affirms, territories, borders, capitals and even languages, at least in written form, are the invention or the fiction of the Soviet regime in the years 1920-1930³⁴. Such western scientists' assessments and arguments deliberately lead to the conclusion that scientific studies of the area contribute to a more serious realization of the significance of the historical and cultural premises of regional cooperation in Central Asia. In terms of globalization, when the process of regionalization is inevitable, it is necessary to devote significant attention to the objective factors which, as never before, can play a key role in the relations among Central Asian states.

Thus, a positive approach to the history and culture of Central Asia requires focusing attention on strengthening the mood of confidence among Central Asian societies, in order to preserve regional integrity. The attempts of experts on Central Asia to ascribe a «scientific» character to their studies are quite often concerned with the virtue of «inquiry» into the modern political situation. These turn into serious instruments of informational and ideological influence on social consciousness both in the Central Asian states and abroad.

As a result, today there is a different historical and cultural perception of Central Asia — both in its features and content — which exerts a destructive influence on the process of extending regional cooperation. So, for example, Irina Zviagelskaya writes that «ethnically, too, Central Asia is not a single entity»³⁵. She argues her point with the fact that «although dominated by the various Turkic peoples, it includes the Persian-speaking Tajiks as well as significant Russian, Ukrainian, Korean and German populations»³⁶. However, in our opinion, such a statement testifies not to an absence of ethnic unity but rather shows the national/ethnic heterogeneity of the population of the Central Asian states.

³¹ Fourniau V. Histoire de l'Asie centrale, Paris, Presses Universitaires de France, 1994. — P. 3.

³² Djalili M., Kellner T. Geopolitique de la nouvelle Asie centrale. — P. 30.

³³ Karimov I.A. Uzbekistan: national independence, economy, policy, ideology. Vol. VI. «Uzbekiston», 1996. — P. 140–141.

³⁴ Roy O. La nouvelle Asie centrale ou la fabrication des nations, Paris, Editions du Seuil, 1997. — P. 326.

³⁵ Zviagelskaya I. The Russian Policy Debate on Central Asia. The Royal Institute of International Affairs. London. 1995. — P. 2.

³⁶ Ibid.

Besides, in a deeper analysis of the genesis of ethnoculture in the social-state development of the Central Asian states, the unique role of bilingualism and multi-lingualism is shown. As is known, this phenomenon was caused precisely by the geographical location of Central Asia between world civilizations. Thus, in certain historical periods, Arabic was mainly the language of science, whereas Persian was the language of literature, and Turkic — the language of social and state management.

Focusing attention on the division of the region according to the linguistic principle, namely «Persian-language Tajiks» and «Turkic-language others» has a rather political slant. It is enough merely to analyze the traditions, ceremonies and socio-economic structure of Uzbek and Tajik societies in order to recognize that the only unique difference between the two cultures is, in fact, language. Moreover, in places of joint residence of Uzbeks and Tajiks, both in Uzbekistan and Tajikistan, the two peoples speak both the Uzbek and Tajik languages.

As the President of the Republic of Uzbekistan I. Karimov noted in his speech at the ceremony dedicated to the Days of the Tajik Republic in Uzbekistan on June 30, 1998, «our life in the neighborhood over a thousand years has so brought together our peoples, our traditions, languages and culture that we really have all reason to say that Uzbeks and Tajiks are one nation speaking two languages»³⁷.

The authoritative scientist and anthropologist L. Oshanin testifies to this statement through his basic research. He notes that «the whole history of Uzbekistan and Tajikistan demonstrates with cogency, that the questions of Uzbeks' ethnogeny are very closely connected with the ethnogeny of the Tajiks. Such a point of view stands out in the work of B. Gafurov (well-known Tajik scientist, academician — authors) dedicated to the history of Tajik people»³⁸.

At the same time, we can see the attempts of some experts to draw up or, rather, «to cook up hastily» the whole «historical archaeology». Emphasizing the «convenient» opinions of some scientists, they call into question the studies of others, which are seen not to be so-called «empirical research.» On the one hand, such a phenomenon is obvious and quite explicable, because such results are reached over a short period of time by the fragmentary selection of facts, not even by historians, which, at times, is reminiscent of the phenomenon of «social command», well-known in past Soviet science.

Moreover, it seems rather doubtful that, for example, only about 20 pages in the book «Ethnic Atlas of Uzbekistan»³⁹ are devoted to the ethnogeny of the Uzbek nation, which, according to the opinion of sociologist A. Ilkhamov, originated in the 15th century. Ilkhamov's entire «archaeology» is practically based on the logic that the roots of any nation or people can be derived from the appearance of their names. However, it is well-known, that the ethnogeny of the French nation was formed over many centuries, absorbing various ethnic components, mainly, Celts, Romans, Britons and Germanic peoples. At the same time, the present Italian nation has developed from Romans, Germanic peoples, Etruscans, Greeks, Arabs, etc. Practically the same can be said about Englishmen, Germans and so on. Such primitivism of ethnogenic concepts, the problematic studies of which are the fate of venerable scientists, results only in serious mistakes, which do not make any contribution to the development of science by any means.

Ilkhamov «succeeded» in stating the complete conception of the Uzbeks' ethnogeny in as much as 15 lines, the purpose of which is «compensation for the gaps» made by generations of scientists-historians in the 20th and beginning of the 21st centuries. It is hardly possible to doubt the competence of any scientist using the concept «diaspora» concerning Uzbeks in Afghanistan. As it is known, this term originated from the Greek word «Diaspora», meaning «dispersion», and has the following semantic meaning: «Diaspora — the stay of a considerable proportion of people (an ethnic generality) outside of the country of its origin; diasporas were formed as a result of violent eviction, threat of genocide, action of certain social and historical factors»⁴⁰. Certainly, in the modern history of Afghanistan the periods — when the moving of Uzbeks to this country, especially at the beginning of the 20th century, was supervised — are known. But it is unthinkable that some scientists can deny the fact that the majority of the ethnic Uzbeks inhabited the territory of Afghanistan long before those events. We would like to note that in the past a considerable part of modern Afghan territory was a part of the Bukhara Khanate and the town of Balkh was the place of permanent residence of the heir of the Bukhara Khan (Khan-tura).

It is obvious that far-reaching aspirations to draw up the author's «archaeological» constructions ousted any scientific approach, if we take into consideration his words about the necessity «to subject to a fundamental inspection the ethnogeny of all other nations and nationalities because the canonized history of each nation in the region bears the mark of mythology»⁴¹.

In this connection, it is necessary to note that further studies of

³⁷ Karimov I. «Our future we build by our own hands». Vol. 7. Tashkent, 1999. — P. 101.

³⁸ Oshanin L.V., Zelenkova V.I. The Problems of Ethnogeny of Central Asian peoples in the Light of Anthropologic Facts. Tashkent. 1953. — P. 34.

³⁹ See: Ethnic atlas of Uzbekistan. Preface by A. Ilkhamov. Istanbul, 2002.

⁴⁰ See: Dictionary of Foreign Words. Moscow, «Russian Language». 1990. — P. 165.

⁴¹ Ilkhamov A. Preface. Ethnic Atlas of Uzbekistan. 2002. — P. 9.

Ilkhamov could acquire a «global» feature if he knew about the fact that the histories of many peoples of the world are considered to be mythologization. In particular, Daniel Boorstin, a well-known American historian, in one of the parts of his trilogy about the American nation's history has devoted a whole chapter to this phenomenon⁴².

Not going into a detailed analysis of Ilkhamov's «archaeology», because it is not our aim, it is enough simply to mention the only axiomatic regularity: that all nations and nationalities, «new» or «ancient», have their ethnogeny, extending to deep antiquity; and in order to follow and to give an objective image of the multi-century history of a nation, many years of laborious study are needed. In discussing the «new principles» of this sociologist regarding the ethnogeny of the Uzbek nation, it is enough to quote the words of L. Oshanin, one of the famous scientists of the 20th century, who devoted all his life to anthropology. He said that the «Sogdian-Bactrian part of the Central Asian population later became a part of the Tajiks and Uzbeks»⁴³.

Returning to the more «near epoch», discussing the religious factor in the historical and cultural development of Central Asia is important for us. In particular, Islam as a factor of social and cultural dominance has played an important role in the formation of a unified region. The religious commonality in polytheistic conditions was the basis of self-identification for local communities in which peoples were divided into «their own people» (Muslims) and «strangers» (Europeans and Russians)⁴⁴.

As a matter of fact, exactly the ethno-cultural dominance characterized by this unique tolerance, unlike any other community, has most likely played its role in safeguarding peace and stability in Central Asia, which might have expected the fate of the Balkan countries, according to the opinion of most political scientists and experts.

However, Russian scientists noted that «no territorial claims have been made by any states in the region, even though the formal borders of the republics do not coincide with interethnic frontiers»⁴⁵.

In this connection it is necessary to note that the uniqueness of Central Asia, and of any society, presumes the knowledge of many aspects of socio-cultural life of the peoples in the region, their mentality, psychology, etc. However, while reading the studies of these or those scientists it is sometimes possible to come across such inaccuracies — to put it mildly — as «a mahallia is a peasant community»⁴⁶. The same authors claim that «according to the 1979

census there were 9.5 million Russians in Turkmenistan»⁴⁷, while the population of this Central Asian state made up less than 3 million people (1.5 million of them were Turkmens)⁴⁸ and even today only about 6 million people.

The fact in favor of the ethno-cultural integrity of Central Asia is that in the 18th-19th centuries the Central Asian political map was represented by the three regional states — the Bukhara, Khiva and Kokand Khanates — which existed independently before the seizure of the region by tsarist Russia. The weakening and dividing of Central Asia were accelerated with the development of political rivalry among Uzbek clans⁴⁹. Before the colonial period, Russia and Uzbek Khanates had interstate relations⁵⁰.

At the same time, according to the opinion of British historian G. Fletcher, on the eve of the seizure of Central Asia by tsarist Russia, the Kokand Khanate was one of the powers, which had to be taken into consideration. So in 1835 this Khanate forced Peking to sign its first in history «unequal agreement», which inspired the Qin Empire to sign analogous agreements with Western powers after the Opium wars⁵¹.

Moreover, the process of national-territorial delimitation in the 1920s and 1930s was connected with serious problems regarding the «attachment» of national identity to Turkestanis. In addition, it is appropriate to note that before the beginning of the 20th century there were not any obvious national distinctions in the Central Asian region, and the region was called Turkestan.

On this basis, the Turkestan general-governorship was established and later on the Turkestan ASSR. During discussions regarding the name of the region such names as «Turkestan», «Khorezm», «Central Asian Federation», «Uzbekistan», etc. were offered⁵². In 1920 T. Ryskulov (one of the well-known political figures in Central Asia) proposed establishing a Turk Republic instead of creating the Turkestan ASSR⁵³.

However, it is clear that the creation of unified republic on the territory of modern Central Asia didn't meet the requirements of

⁴² Ibid. — P. 4.

⁴³ See: Soviet Encyclopedic Dictionary, M., 1980. — P. 1376.

⁴⁴ Allworth E. The Modern Uzbek, from the Fourteenth Century to the Present: Cultural History. Stanford, Hoover Institution Press, XIV.1990. — P. 410.

⁴⁵ Maslova O. The Review of Russian trips and expeditions to Central Asia. // Materials concerning Central Asia study, p.1, 1715—1836. Tashkent, 1955. — P. 5—12. See also: Yuldashev M. To the history of trade and ambassadorial relations of Central Asia with Russia in the XVI XVII centuries. Tashkent, 1964.

⁴⁶ See: Fletcher J.F. The Heyday of the Ch'ing Order in Mongolia, Sinkiang and Tibet // Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800—1911. Part I /Ed. by John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — P. 375—385.

⁴⁷ Obiya Chika. When Faizulla Khojaev decided to be an Uzbek // Islam and Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteen to late Twentieth centuries). London: Kegan Paul International, 2001. — P. 103.

⁴⁸ Ibid. — P. 105

⁴² See: Boorstin D. The Americans: the National Experience. Moscow. Publishing Group «Progress».1993. — P. 351—392 (translated from Russian).

⁴³ Oshanin L.V., Zezenkova V.I. Op. cit. — P. 35.

⁴⁴ Kulchik Y., Fadin A., Sergeev V. Central Asia after the Empire. — P. 4.

⁴⁵ Ibid. — P. 3.

⁴⁶ Ibid. — P. 8.

the Bolsheviks. «The idea of a Central Asian union raised anxiety in Russia that any security dimension of collaboration among the Central Asian republics might push the region towards cooperation with foreign countries in the sphere most sensitive to Russia»³⁴. Naturally, these fears were caused by the fact that since the 19th century tsarist Russia had struggled with the spread of ideas of so-called Pan Turkism and Pan Islamism, which were considered to be a potential threat to the empire's territorial integrity and Russia's predominance in the region³⁵.

Thus, since the disintegration of the former Soviet Union, the Central Asian states — having become subjects of the system of international relations — have exerted all-out efforts to strengthen their independence in political, economic and military spheres. Proceeding from objective historical realities and also from their political and socio-economic potential, the states of the region have elaborated their own domestic and foreign policy strategies.

However, today's realities dictate the necessity of a qualitatively new reappraisal of the deepening significance of regional cooperation as the most actual problem in the development of Central Asia.

In this paragraph we have realized the only attempt to analyze the historical and cultural commonality of the Central Asian states. Naturally, per se, this problem requires much more capacious and fundamental study as regards the fact that Central Asian history and culture, as mentioned above, spans several thousand years.

The Central Asian region, which only several centuries ago had even wider geographical borders, remains to this day an indivisible space. As well as in the past, such specific features as confessional tolerance, interethnic harmony and polylinguism are still inherent to the region.

It is hardly possible to deny the uniqueness of modern Central Asia, the historical and cultural communality of the regional population, which to this day remains one of the fundamental bases, together with their direct geographical proximity, for the deepening of regional cooperation. As is seen today, the societies of the Central Asian states, as never before, must ever more deeply realize the significance of this process for their future, for the future of Central Asia.

1.2. Political and socio-economic prerequisites for regional cooperation

The problem of regional cooperation in Central Asia today remains one of the most relevant issues for the countries of the region. The intensification of interaction between the Central Asian states would promote more effective development of their national economies, creating more favorable conditions for political dialogue. In this connection, the questions of deepening interstate relations in the spheres of culture and the humanities, trade and economics, transport and communications, and water and energy are of special importance, and would result in the strengthening of the integrity of the Central Asian region. Nowadays, one can hardly dispute the fact that developing the situation in the region according to this scenario would serve the interests of each Central Asian state.

Recently the problem of further development of regional cooperation has been widely discussed in scientific-analytical circles, both in Central Asia and abroad. The «profound employment» of Central Asian scientists and experts in search of their national political identity has resulted in a decrease in their attention to research in which there would be a special stress on common historical, cultural, political and economic aspects of the region's countries. Meanwhile, this paradigm has begun to be perceived as a certain new product of «long reflections of foreign analysts about the historical destinies of the Central Asian states». As the events in Central Asia showed at the beginning of the 1990s, questions of this kind in the states of the region were considered not only theoretically, but also practically, as serious attempts to deepen interstate interaction were undertaken.

Attempts to restore cooperative economic relations among the Central Asian countries were undertaken long before the formation of the CIS. In June 1990 in Alma-Ata, on the initiative of Kazakhstan for the first time, the leaders of the then-still-Soviet republics of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan met and signed the Agreement on Economic, Scientific-technical and Cultural Cooperation. In January 1991 in Tashkent at the meeting of the states' leaders, a series of decisions on the joint structural reorganization of the economies was accepted, taking into consideration existing capacities for the satisfaction of the regional market with goods.

The achievement of independence by the Central Asian republics already required the definition of new strategic approaches for interstate cooperation and regional integration in the process of developing a market-oriented economy. The common aspiration of all states of the region, with the exception of Turkmenistan, resulted in the 1990s in the creation, rather dynamically, in comparison

³⁴ Zviagelskaya I. Op.cit. — P. 1–2.

³⁵ See: Arsharuni A., Gabidullin H. Studies on Pan Islamism and Pan Turkism. In Russia. London. 1990.

with international experience, of legal and institutional mechanisms for regional integration in Central Asia.

On April 30, 1994 Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed an Agreement on the Creation of a Unified Economic Area (ACUEA), which proposed providing for the free movement of goods, services, capital, manpower and coordinated settlement, and for coordinated budgetary, tax, price, customs and currency policies.

On April 5, 1996 an agreement on the use of fuel-energy and water resources, construction and exploitation of gas reserves of the Central Asian region was signed by the above-mentioned states. In Bishkek on March 17, 1998, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed a long-term agreement on the use of the water-power resources of the Syr-Darya river basin, which was joined one year later by Tajikistan, which has enjoyed since March 26, 1998 the full rights of an ACUEA participant. The same year, on July 17, the given «four» states decided to form the Central Asian Economic Community (CAEC).

Furthermore, for the realization of the specified agreement, institutional structures such as the Interstate Council, the Councils of Prime Ministers, Ministers for Foreign Affairs, Defense, and also their working body — the Executive Committee — were created. Alongside these, the «CentrAsBank» was founded, with capital created by a share of the fees of the CAEC member states.

In June 1999 at a meeting in Bishkek, the leaders of the CAEC member states declared their aspiration to achieve a regional customs union. A year later at the session of the CAEC Interstate Council in Dushanbe, the leaders of the four states ratified the «Strategy of integration development of the Central Asian Economic Community for the period up to 2005». In the given document it was stated, that the years since the signing of the AUEA in 1994 had demonstrated that the integration of the economies of the CAEC member states is an objective process stipulated by the vital interests and requirements of the security of each country.

Since 2000, in Central Asia, as well as in many other regions of the world, the truly pressing topic of multilateral relations of the countries has become the problem of the struggle against new threats and challenges to regional security. As a result of this, in April of that year in Tashkent the leaders of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan signed an agreement for joint actions in the struggle against terrorism, political and religious extremism, transnational organized crime and other threats to stability and security of the members. At the meeting of the leaders of the CAEC members, which took place on August 20, 2000 in Bishkek, the subject of detailed conversation was the developing situation in the region after a break in the formation of gangs on the territories of Uzbekistan and Kyrgyzstan.

The objective necessity of expanding and diversifying the political dialogue in the frameworks of the CAEC has arisen. Moreover, in the given organization, as in the CIS as a whole, the divergence of the positions of the states on many questions and also a low level of implementation of accepted decisions has been observed.

Therefore, with a view to perfecting the forms and mechanisms of regional economic integration, deepening mutual understanding on questions of ensuring the security of a united area, and developing joint actions on the maintenance of peace and stability in the region, the leaders of the state-members of the CAEC in Tashkent on December 28, 2001, expressed their desire to intensify their multi-pronged cooperation and decided to transform the CAEC into the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC).

On February 28, 2002 in Almaty the presidents of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan signed an agreement on the establishment of the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC). With a view to increasing the efficiency of the OCAC, President of Uzbekistan Islam Karimov submitted a proposal to reconsider the documents accepted within the framework of the community and to cancel those, which were not working. By that time some 243 documents had been signed.

Thus, the OCAC has become a regional forum with a more expanded range of considered cases. On October 5—6, 2002 in Dushanbe there was a summit of the leaders of the state-members of the OCAC. During this meeting, in addition to the problems of the regional economy, there were discussed some questions regarding Afghanistan, demanding a prompt decision. The leaders of the Central Asian states pointed out that each state of the region, rendering assistance to Afghanistan, operates separately and without coordination, and in connection with this, a proposal was put forward to coordinate the actions in rendering assistance to this country. The presidents also discussed questions concerning the elimination of the consequences of the Aral region's ecological and socio-economic crisis and analyzed the activity of the International Fund for Saving the Aral Sea, the parties of which are the OCAC member-states. The governments were set to develop a program of practical actions for the period 2003—2010.

Today, it has become obvious that key motivations for their attempts to deepen regional cooperation are: their common political and socio-economic problems, the practical similarity of their vision for further state and social development and also problems of providing security. In this context, the analysis of those aspects of the mutual relations of Central Asian countries which — consciously or simply through ignorance — are not much mentioned in the works of western scientists and experts is deemed to be important. In my opinion, it has become rather actual to rethink rational and pragmatic

those political and socio-economic factors which stipulate the necessity of closer interaction. In particular, there are a number of factors common for all countries of Central Asia, which are objective prerequisites of regional cooperation.

First, there is the Central Asian countries' political orientation concerning the strengthening of the secular systems of state government. This testifies to the fact that the societies of the region's states, supporting the Central Asian governments in the preservation of the secular character of state government, are becoming more and more cognizant of the necessity of deepening democratic reforms.

The most evident example in this respect is illustrated by the empirical research of Tajik experts concerning the level of trust of Tajik society towards Islamic leaders, which is now, according to their conclusions, «rather low». In particular, they assert, that «a large portion of those questioned (33.4%) do not trust any Islamic leaders at all. 4.2% trust only God, i.e. they are the believers who feel disappointment in spiritual instructors»⁶⁶.

It is remarkable that today the situation in Tajikistan, which has cruelly overcome civil war, has managed to «fall back into place». As Tajik analyst S.Olimova notes, «for the last years, the trust towards spiritual leaders on a national scale has noticeably fallen. Apparently, this is caused by the changed social situation. In the post-conflict period, during the peace process in the course of ameliorating the consequences of the conflict, daily life has returned to the foreground in the life of society. The basic social institution enabling the survival of Tajik society has become the family and the large extended family. Management and administration have concentrated within the framework of the separate kishlak (village), mahalla (small district), and avlod (family clan). This has raised the role of local mullahs (local Muslim scholars), and simultaneously, has lowered the influence of national spiritual leaders. Political religious leadership has faded to a shadow of its former self as Emomali Rakhmonov has become a national leader who is satisfying the needs of society in consolidation with a political government»⁶⁷.

Tajikistan's bitter experience in which the prevailing part of the population, as in Uzbekistan, are citizens who practice the Islamic religion, shows the futility of some foreign experts' efforts to demonstrate the necessity of establishing a «dialogue» with radical religious parties. According to the data of Tajik experts (see Table 1), received from the results of surveys, society today practically does not recognize the «need» for the existence of religious political parties, realizing the advantages of a secular form of government.

⁶⁶ Olimova S. Spiritual leaders in a modern Muslim society of Central Asia. The experience of Tadjikistan. Dushanbe. 2003. — P. 19–20.

⁶⁷ Ibid. — P. 20.

Table 1

Do you consider possible and necessary the participation of religious figures and members of religious parties in governing the state?				
	Survey region			
	Dushanbe	MBAR	Sogdi province	Hatlon province
1. I think it is possible	30%	11.4%	19.2%	8.8%
2. I think it is necessary	18.5%	4.3%	4.9%	5.9%
3. I think that it is impossible and there is no necessity	42.5%	55.7%	54.7%	60.6%
4. I do not know / there is no answer	9%	28.6%	21.2%	24.7%
5. In total	100%	100%	100%	100%

If one takes into consideration the specificity of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Turkmenistan national cultures, where the influence of political Islam is insignificant, except for separate areas, the support level of political religious parties in the societies of these states would be much lower.

For the last few years in all the states of Central Asia except Turkmenistan, multi-party systems have been created, which, nonetheless, still have some way to go. This is a rather important political achievement, if you take into account the recent totalitarian past of the Central Asian republics. It is obvious that the societies and the states in the region face serious obstacles caused by the absence of experience and professionalism in increasing the efficiency and constructively assisting the activities of the political parties. Thus, the historical pattern is observed, which stipulates that political traditions, which have been generated for many centuries cannot be rooted out in a few years.

Meanwhile, the process of internal consolidation and strengthening of the state power institutions of the Central Asian countries is considered to be natural. In this sense, as Patrick Dombrowsky, director of research of the Supreme International Research School writes, «2003, rich in essential facts and events, was a signature year for all five states»⁶⁸ of the region. In particular, Dombrowsky notes the referendum, which was carried out in Tajikistan concerning the introduction of changes to the constitution of the country. As one of the important results of that event, the French expert distin-

⁶⁸ See: Dombrowsky P. La reconfiguration de l'Asie Mediane: Expeptativ ou Consolidation? In Enjeux diplomatiques et strategiques 2004. sous la direction de Pascal CHAIGNEAU. Annuaire du Centre d'Etudes Diplomatiques et Strategiques. — Paris, 2004. — P. 161.

guishes the fact that it «allows, despite the principled but moderate objection of Islamic parties, the consolidation in the government of the experience of coexistence of the former communists and fundamentalists who have governed the country since 1997 after the end of the civil war»⁵⁹.

Concerning political transformations in Uzbekistan, it is possible to note that in the republic a number of measures have been undertaken, which in the short-term perspective could give perceptible results in the sociopolitical life of the society. In particular, as Dombrowsky believes, the constitutional reform declared in the spring of 2003 foresees significant changes which are significant by virtue of their envisioned consequences. According to his estimation, the creation of a second chamber of the Parliament, to which significant authority will be given, will counterbalance its functioning.

The power of separate assignment and control of the activity of supreme state functionaries will be conferred to the new parliament. As Dombrowsky writes, these changes testify to the «real care of the regime to enter to the phase of institutional moderation suitable for the status of respectability on the international scene to which the leadership of the republic aspires»⁶⁰.

Naturally, today there are various assessments of the transformations in the political sphere of the Central Asian states, the majority of which are negative. However it is necessary to take into consideration the preserving influence of the political culture formed in the Soviet years in the Central Asian societies, their psychology and mentality which, on the whole, still remain authoritative in their content. In the opinion of Kazakhstan expert Ye. Tukumov, «the Central Asian states are not simply at the stage of modernization, but also in the process of continuing radical demolition of existing political and economic foundations»⁶¹.

Over long decades, the control of a communistic regime over public consciousness was carried out; for these aims whole ideological and violent institutions for the suppression of people's free self-expression and self-realization were created. As a result, in the societies of the region there was no perception of democracy, nor any comprehension of its essence and contents, much less any idea of what the democratic system can give to the state and to society.

In this connection, R. Abazov believes that the fact that «[the Central Asian countries] tried to modernize their societies and to create a stable environment for further economic and political reforms is remarkable. Despite the insufficiencies, it seems that, in consideration of their 'model of development', they carried out

decisive tasks in the preservation of stability...»⁶² As Roger Kangas, deputy director of the Institute of Central Asia at John Hopkins University asserts, «it is easy to pontificate and criticize the regimes in the region for their less-than-democratic practices, especially from the perspective of an established democracy». In this connection he writes, that «while it can be argued that the states of Central Asia have long and glorious pasts, the reality is that, in the modern era, they are less than seven years old. The Soviet legacy looms large and the need to create order before further political developments takes place is not only acceptable, but essential»⁶³.

The achievements of the Central Asian independent countries as a part of the Islamic world, which create potential opportunities for the deepening of the democratization process, seem to be quite obvious. Among them, first of all, it is necessary to emphasize that in the region it was possible to prevent the transformation of the inter-Tajik and inter-Afghan opposition into a regional conflict. From this point of view it is possible to assert, that the preservation of peace and stability serves as a fundamental condition for public and state development of the Central Asian states.

This sort of statement may seem only rhetoric, especially for foreign experts formulating their theoretical concepts under «laboratory conditions» and developing every possible scenario of the development of the situation in Central Asia. It is enough only to mention the events of September 11, 2001, which forced the world community to look in a new way at the Afghan problem, which had long represented a direct threat to the security of the countries of the region, for many years. Most likely, the absence of expression in independent analytical circles of any serious fears concerning those threats and challenges from Afghanistan before the tragic events in the USA testifies either to their unwillingness to consider «remote problems», or to the fiasco of their theoretical forecasting algorithms of the development of situations in «hotbeds» of the world.

Secondly, alongside with internal political problems, the countries of Central Asia are united by a common vision of international terrorism threats, religious extremism and narcotraffic. In this connection it is necessary to note, that the aspiration of the regional states to keep a secular form of the state government objectively stipulates their common concern regarding the problems of the above-mentioned threats.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. — P. 162–163.

⁶¹ Tukumov Ye. Evaluation of the Threat of Religious Political Extremism Development in the Central Asian Region. Central Asia's Affairs. № 1.2004. — P. 4.

⁶² Abazov R. Central Asian Republics' Search for a «Model of Development». Central Asian in Transition. Papers presented at the Pre-Symposium to the 1998 Slavic Research Center Summer Symposium (July 22, 1998). Hokkaido University. 1998. — P. 56.

⁶³ Kangas R. The Importance of Political and Social Stability for Economic Revival. Central Asia 2010. Prospects for Human Development. UNDP. The Regional Bureau for Europe and the CIS. 1999. — P. 37.

Thirdly, the high level of literacy of the majority of the population is a characteristic feature of the Central Asian countries. This factor prepares an objective basis for the development of the regional states' scientific and intellectual potential, which is not only a key resource of the genetic code but also one of the most important conditions in averting the spread of religious fundamentalism in the region. The fact that the level of erudition of the Central Asian population essentially differs from that of the developing countries of the world is practically ignored. Moreover, even despite the decline in the effectiveness of the education and health services, the level of these systems effectively distinguishes the Central Asian states from other Asian and Muslim countries.

Fourthly, the tendency of the Central Asian economies to rely on raw materials still remains, inspiring them to provide conditions for the diversification of industry.

Fifthly, despite this, Central Asia is practically a self-sufficient region: each state has important natural resources, relatively developed agriculture and industry. Moreover, the region's transport-communication and energy-transport infrastructure represents a unified system⁶⁴, the vital importance of which no Central Asian state can afford to ignore, at least in the mid-term perspective.

On the whole, the above-mentioned political and socio-political prerequisites result in the interdependence and mutual provision of the Central Asian states, which are the main basis for ensuring socio-economic development. So, summing them up, it is possible to assert that interdependence, on the whole, is characterized by common problems in political and socio-economic spheres. In these conditions, the solutions to ecological problems and problems regarding the usage of water and power supply sources and transport-communication routes are of special importance.

Today it is obvious that the socio-economic situation in the states of the region has become one of the key factors in regional security and stability. In this connection, it is necessary to point out the geographical remoteness of the Central Asian states from large world markets. However, this factor, determined by many experts as extremely negative for Central Asia's economic growth, is obviously overestimated.

If, for example, one imagines that the region's states possessed all convenient routes supplying them direct access to large external markets and seaports, than the very reasonable question occurs: What would the Central Asian states export by these means, except for raw materials? In all probability, the implementation of

projects for the construction of alternative transport and communication routes should be examined from the point of view of mid or even long-term perspectives; at the same time, in the next few years the Central Asian states will not be capable of delivering any other goods or finished products to external markets.

As is known, the Soviet heritage, which caused the economies of the Central Asian states to develop as supplements to the former Soviet Union's large economic system, continues to play a negative role in the development of the existing industrial complex of the Central Asian states. Naturally, this factor creates obstacles to the attraction of foreign investments in sufficient volumes for the Central Asian states to increase their economic growth and export potential.

In conditions of globalization, as external competition in the world market becomes more intense, the national markets of the Central Asian countries, taken separately, cannot arouse any serious interest in large foreign investors, who could put up essential capital investments in the economies of the region's states. In this connection, the tendency of Central Asia to consolidate its role as a large supplier of natural resources has become more established, leading to an increasing dependence on «external partners». Moreover, the fact of the economy's increasing vulnerability to the developing political situation on the international scene has become symptomatic.

In connection with this, the «vexing question» for all Central Asian states, both «great» and «small»⁶⁵ becomes reasonable: Can we rely on isolated economic development? Have we the right to ignore such objective strict «rules of globalization» which dictate the intensification of regional cooperation?

In relation to this today, it is necessary to realize that Central Asia, as a supplier of raw materials to the global economy in the epoch of globalization, will hardly become more stable and secure if concrete measures towards the diversification of the regional states' economies cannot be taken. This is evidenced by the latest events which we observe in the regions of South Asia and the Near and the Middle East, where some states with economies oriented towards raw materials have become potential sources of international security threats.

⁶⁴ Rumer B. Disintegration and Reintegration in Central Asia: Dynamics and Perspectives. In: Central Asia in Transition. Dilemmas of Political and Economic Development. Edited by Rumer B. New York. 1996. — P.42.

⁶⁵ At present times such a «universally recognized» opinion with a special accent on distinctions between Central Asian states from the point of view of their economic potential dominates. Thus, in particular, B. Rumer asserts that «distinctions in economic potential of different Central Asian states are significant. Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan, having their own raw materials resources, have an opportunity to live independently. Tajikistan and Kyrgyzstan, on the contrary, are considerably poor and have smaller potential; they did not have sufficient raw materials for providing independent economic development» (See.: Central Asia in Transition. Dilemmas of Political and Economic Development. — P. 45.)

The dialectic of the situation's development in Central Asia and around the region during the last decades reflects the fact that «the game on one's own» for the region's states is by no means a manifestation of their independent foreign policy, but rather an objective temporary insanity of «outside influence». For the future of the Central Asian states and their prospective socio-economic development, it is very important to realize the quintessence of the geopolitical realities in the region and around it. Moreover, irrespective of whether a «great» or «small» game is revealed in Central Asia, it is of vital importance to preserve regional integrity by means of the development of regional cooperation.

But today, in the epoch of globalization, the foreign policy of the Central Asian states, as never before, is subjected to the increasing influence of the latest tendencies on the international arena.

Thus, Kazakhstan's foreign policy strategy, as it was officially announced, is «multivector». In all probability, it depends on the absence of the state's marked monoethnicity, the presence of extensive borders with the Russian Federation and the People's Republic of China, and also Kazakhstan's strict economic, transport and communication linkages with these states. With this, Astana, most probably, realizes its military-political vulnerability, which blocks the implementation of its own independent policy on the regional and international levels.

In connection with this, the leadership of the Republic of Kazakhstan counts on such many-sided institutional mechanisms as the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Eurasian Economic Community (EurAsEC), United Economic Space (UES), Shanghai Cooperation Organization (SCO), and Organization for Central Asian Cooperation (OCAC). In this context, as it seems, Kazakh's diplomacy initiative on the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICBMA), in which many states with different and even dissimilar interests participate, has to be examined. One forms the impression that Kazakhstan, relying on different interstate structures, is trying to compensate for political and economic outlays, which are the result of the competition between Russia and China in Central Asia. Kazakhstan is also trying to secure a balance in their approaches to the country.

However, in Astana they cannot take into consideration the new geopolitical realities in Central Asia evoked by the activation of U.S. policy in the region. In this connection, Kazakhstan tries to use its power supply sources and transport-communication potential in order «to balance and to lock» the interests of Russia, China and the USA.

At the same time, the limited nature of its geopolitical, military and economic potential stipulates that the foreign policy of Kyrgyzstan relies on such international institutions as the CSTO, the

EurAsEC, the UES, the SCO, etc, and also conducts a policy of manoeuvring between American, Russian and Chinese interests. In this connection, probably, the development of many-sided cooperation with large outregional powers and regional states in the frames of such organizations as the CSTO, the EurAsEC, the UES, and the SCO meets the interests of the Kyrgyz Republic. In all probability, its foreign policy strategy aims at the formation of a system of «deterrent and counterbalance» around itself when the pressure from one of the sides is leveled by counteraction of the other.

Kyrgyzstan, having the biggest hydropower supply sources in Central Asia, tries to provide favourable conditions for the formation of an effective infrastructure which can give it an opportunity to step up the volume of electric power export to external markets. In this connection, the political-diplomatic efforts of the Kyrgyz leadership, aimed at such bilateral cooperation with Central Asian states to give the opportunity to derive profits from the export of electric power, are quite logical.

Recently, the foreign policy of Tajikistan has undergone changes. The new geopolitical situation in Central Asia makes it possible to diversify its foreign policy, to diminish the influence of the Russian factor and to come into certain contacts with the West. New geopolitical conditions, formed after the beginning of anti-terrorist operations in Afghanistan, promote the extension of the maneuverability of the foreign policy activity of the Tajik leadership, attempting to ameliorate the deepening socio-economic crisis in the country.

Tajikistan is currently extremely dependent on Russia, trying to reduce Russian influence in military-political and economic spheres. Realizing that its participation in the majority of CIS integration structures hasn't brought any essential economic dividends, Dushanbe aspires to attract the attention of Western countries, above all, the USA, whose financial and technical resources are not comparable with the potential of the Russian Federation.

With the goal of passing through its socio-economic crisis, Tajikistan also tries to intensify its interactions with other Central Asian states, as on a bilateral base so in the framework of the Organization for Central Asian Cooperation. At the same time, Tajikistan's objective linkage to the regional transport and communication system and the presence of essential hydro-energy resources play a serious role in the development of more constructive relations with the Central Asian republics.

An aspiration to provide conditions for increasing the volume of its hydrocarbon extraction and export exercises enormous influence on the external policy of Turkmenistan, despite its principle of «positive neutrality». In this connection, its dependence on the energy-transport system of Russia, which is the biggest importer of

Turkmen gas and which provides the stable transit of such hydrocarbon raw material to the European market, is considered in Ashgabad as one of the most serious threats to its interests.

Today Turkmenistan has in its potential assets only 2 active export routes, in particular, «northern» — to Russia and the Ukraine (the gas main pipeline «Central Asia-Centre») and «southern» — to Iran (pipeline «Korpedje-Kurt-Kuy»). However, in accordance with international experts' estimates, the capabilities of Turkmen gas export by means of the «southern» pipeline are extremely limited. Even after the increase of its capacity it cannot compete with the northern route.

Even a short analysis of the major, from our point of view, factors exerting a direct influence on the feature and direction of the Central Asian states' foreign policies, shows the regional states' common aspirations. On the whole, the foreign policies of the Central Asian states are aimed at realizing their own economic potential as the key condition to providing socio-economic growth.

Today, as never before, the modern history of the Central Asian states shows that the problem of deepening their regional cooperation becomes one of the vitally important priorities of their foreign policy strategy. Thus, it becomes clear that the solution to this problem can be guaranteed by means of the essential intensification of trade-economic relations, which result from the mutual complementarity of the national economies.

The specialization of the branches of industry and inter-economic cooperation and the presence of an internal market for each other are also features of the Central Asian states' mutual complementarity. The total volume index of the states' foreign trade shows that trade and economic turnover among the republics is a large part of it. In particular, in the results of 2003, goods turnover between Kazakhstan and Kyrgyzstan increased by 47%, with Tajikistan — by 69%, and with Uzbekistan — by 16%. At the same time, at the forum of the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC) which was held in May 2004, it was noted that the quota of Central Asian states in Kazakhstan's foreign trade remains insignificant, only about 2–3%. As is known, this tendency is the result of the predominance of Kazakh hydrocarbon raw materials supplies in the structure of the state's exports. Meanwhile, as was announced by the Forum's participants, the quota of OCAC in the total goods turnover of Tajikistan is 20%, in Uzbekistan — 10%.

Moreover, the organized transport and communications systems in Central Asia strictly limit the possibilities of regional states providing supplies of their goods and raw materials to foreign markets. But the observed politicization of the question concerning the efficient use of existing routes has led to serious consequences, as a result of which the Central Asian states, for example, have begun to

use different tariffs on transportation through their territories, often regardless of the interests of the other parties. However, we can hardly be sure that «such key factors» used as a means of influence, have resulted in the essential alienation of the Central Asian states.

In all examined cases, regional cooperation in Central Asia is the foundation for the vital activity of trade and economic relations and effective development of the region's productive forces. In this connection, it becomes clear that the deepening of regional cooperation objectively would give the opportunity to draw up a more effective approach to the rational use of national resources and industrial, scientific and technological potential on the principles of beneficial and parity cooperation. Thus, the issue of the creation of a common market acquires a special significance, which requires a combination of efforts of the Central Asian states in drawing up coordinated actions in the sphere of foreign trade, taking into account new tendencies of globalization. In these conditions, the formation of new economic relations among the Central Asian states is a process which is historically stipulated and of vital necessity, a process which will help to provide favorable conditions for the stable social, economic and political development of the region's states.

Moreover, the present character of interstate relations in Central Asia, despite certain complexities in solving of a number of important problems, provides a potential opportunity for constructive dialogue. At the same time, without any exaggeration, it is necessary to emphasize that the modern condition of regional cooperation is an objective consequence of the collapse of the former Soviet Union, and also of the aspiration of the region's states to strengthen their political and economic independence.

Even today in analytical circles, the situation in the region is still referred to as «explosive», capable of resulting in serious conflicts between the Central Asian states, even as far as armed opposition. As a «bone of contention», various problems are represented, beginning with territorial claims and border questions, finishing with interethnic and water-energy-power disputes. Thus, B. Rumer, evaluating interstate relations in the region, wrote that «tension among the countries of Central Asia constantly grows — partly because of conflicts concerning water and power resources, partly because of old territorial claims and border disputes»⁶⁶. Thus, there have been frequent predictions, as was emphasized in the previous paragraph, of even «the details and accuracy» of the centers of occurrence of interstate conflicts, with the greatest potential for such, in the belief of many experts, in the Fergana valley.

⁶⁶ Rumer B. The economy of the Central Asian states: realities, problems, perspectives. 30.08.2002. <http://www.caapr.kz/>.

In particular, to one such «well-known problem», for example water issues, entire research works have been devoted⁶⁷. Certainly, nobody claims that «water problems» are absent in the region, but they appeared, in our opinion, not from the lack of a sufficient quantity of fresh water. So, estimating the character of «water problems» in interstate relations, the authors write that «even at the common aspiration to friendship and good neighborliness among fraternal people, bursts of emotions because of the water deficiency, capable of resulting in unpredictable consequences» are not excluded⁶⁸.

Most likely, «bursts of emotions» are shown practically in all similar studies, which are not deprived of «political coloring» at all. The assumptions obviously testify to this, stating that «it could be assumed to be quite an understandable aspiration of Kazakhstan and Uzbekistan to use the organizational structures of a consortium for accessing the management of key constructions on transboundary water-currents»⁶⁹. Nevertheless, in the given brochure the same authors cite the opinion of the International Crisis Group experts according to which «there are enough volumes of water resources in Central Asia, and with a good system of water supply, the tension around distribution could be reduced»⁷⁰. The attempt to put forward counterarguments concerning the above-stated «thesis» seems a little bit unclear, as in the «Introduction» the authors specify themselves that «the inhabitants of Central Asia are provided with water not badly — on the average, four thousand tons only superficially (a river drain) for everyone»⁷¹.

Naturally, in addition to the water question in Central Asia there are a number of other problems, the solution of which is faced with a «deficiency» of rational approaches not only of the countries of the region, but also of the experts trying already to find «an elixir of life» in case of «unpredictable consequences». In this connection it seems that border and territorial problems are frequently reduced to a «gathering of doubtful facts» about those or other consequences of their being unregulated and together with other threats foretells apocalypse for the whole Central Asian region.

However P. Dombrowsky, evaluating the situation in Central Asia, asserts that 12 years after independence, the states of former Soviet Central Asia have strengthened their sovereignty. Many facts show that they completely control the situation generated by their acquisition of sovereignty. In particular, the question of delimitation of borders continues to result in sustained dialogue. These states

also aspire to take great care in their policies concerning the ethnic minorities related by nationality to neighboring peoples. Thus, efforts of the governments of Uzbekistan and Kazakhstan allowed the resolution, by means of negotiation in 2003, of a dispute caused by the confusing situation around several small border villages between the two countries. Additionally, despite tension and constant mutual reproaches, the boundary situation in the Fergana valley has never given ground for beginning open conflict among the three neighboring republics⁷².

The present situation in Central Asia, despite a lot of pessimistic forecasts about its future and prospects, at least demonstrates the interest of the region's countries in preserving constructive interstate relations as a fundamental basis for regional cooperation. Unequivocally, in this respect, special importance is to be given to the development of trade and economic relations among the Central Asian states. The given sphere can rationalize essentially bilateral connections, promoting the strengthening of the political and economic prerequisites for regional development.

Moreover, as the analysis of the structure of bilateral commodity circulation of the Republic of Uzbekistan shows (see Table 2), the countries of Central Asia are large consumers of the goods, production and services of their neighbors, and at the same time their considerable suppliers. The intensification of mutual trade inevitably would promote the economic development of the region's states, including the expansion of their industrial and export potential.

Table 2
The commodity structure of Uzbek export of goods and services in connection to the other countries

In thousand US dollars

	Chemical products and plastic	Nonferrous metals	Ferrous metals	Energy carriers	Machines and equipment	Food products	Services
Kazakhstan	8809.9	438.8	8601.5	46416.1	7898.6	2957.1	19076.5
Kyrgyzstan	2067.9	225.3	120.3	36183.9	688.9	819.1	6357
Tajikistan	7765.7	368.8	2142.5	61065.1	4193.7	2862.3	38011
Turkmenistan	4407.9	52.9	605.8	35284.5	2417.1	618.5	17293.3

⁶⁷ Water Problems of Central Asia. Bishkek. 2004.

⁶⁸ Ibid. — P. 9.

⁶⁹ Ibid. — P. 58.

⁷⁰ Ibid. — P. 63.

⁷¹ Ibid. — P. 9.

⁷² See: Dombrowsky P. Op. cit. — P. 163.

**The commodity structure of import of goods and services
in connection to other countries**

In thousand US dollars

	Chemical products and plastic	Nonfer- rous metals	Ferrous metals	Energy carriers	Mach- ines and the equip- ment	Food prod- ucts	Service es
Kazakhstan	4496.5	734.2	23623.2	46255.1	3975.2	52593.5	16683.1
Kyrgyzstan	365.2	35.2	957.8	8838.9	3460.2	353.1	8157.7
Tajikistan	1744.4	3767.4	597.9	6208.3	320.4	29.1	7999.7
Turkmenistan	1912.2	0.1	115.3	6508.3	35.3	28.5	4698.9

Source: State Committee of the Republic of Uzbekistan on statistics. Export-import for January-December, 2003. The statistical bulletin. Tashkent, 2004. P.95.

From this point of view, the creation of a common regional market seems one of the most optimal variants of economic development of the countries of Central Asia, if one takes into account B. Rumer's estimation that «the economic situation in Central Asia completely depends on world prices for raw goods and metals, and also on the inflow of foreign investments»⁷³. Undoubtedly, as the American expert believes, the raw materials orientation of the national economies of the Central Asian countries means that «at any moment this bubble can burst as a result of an unexpected fall in world prices»⁷⁴.

The functioning of a common market in Central Asia, in our opinion, would enable the serious distinctions in the economic strategies of the region's countries, which are a basic factor hindering the intensification of regional cooperation, to be overcome. Most likely, the «diversity of variants and diversity of directions» of the external economic aspirations of some Central Asian states is caused by the preservation of «nostalgia for the past» which determined this or that way of development and, moreover, supervised the realization of their economic tasks. Such a tendency, naturally, strengthens «the complex of the small nation», undermining the political will in the societies of the region to accept independent decisions adequate for the national interests of the states of Central Asia.

Undoubtedly, today each country needs to increase its export of the raw materials and goods for which the «traditional» commodity market is its neighbors, first of all, in Central Asia. As a matter of fact, the functioning of a common regional market could

dramatically influence the character of the political dialogue among the states of Central Asia.

At the same time, the absence of their own theoretical concepts and of a complex vision of problems in the context of prospects for national and regional development «is filled» with analytical elaborations of foreign experts operating with «super scientific» terminology. Thus, specifically, B. Rumer asserts, that «the disintegration of the Soviet Union has actually predetermined the disintegration of the given region»⁷⁵. In fact, «disintegration» means a backward process; that is, in his opinion, Central Asia till 1991 was an integrated region. Actually, «integration» of the states envisages the presence of some kind of «center of gravity» around which they should be integrated. For example, one could hardly imagine the modern European Union without that role on the part of France and Germany, which they played and continue to play in the process of integration of the European countries. Concerning the republics of Central Asia, it is necessary to recollect, that they «were integrated» around a «Center» which was far outside the region. Hence, the concept «disintegration» is not acceptable for the countries of Central Asia, and the application of this term could result only in such erroneous conclusions as, for example, that «objective prerequisites for their integration are simply absent»⁷⁶.

Moreover, these erroneous conclusions are presented as dangerous, above all, for Central Asian experts inclined frequently to resort to «mastering» another's opinions, with which they operate while stating their «own» analysis concerning regional problems in Central Asia, resulting, finally in self-humiliation. In our opinion, those negative processes which are defined by «disintegration» should be characterized as the disintegration of that political-economic system of interstate relations of the region's countries which was generated within the former Soviet Union by the principle «center — periphery». Moreover, these consequences are quite objective, and to expect opposite tendencies after the collapse of a huge and bulky empire when the liberated countries try to establish their legitimate existence by any means, would be simply a display of intellectual naivety.

Nevertheless, the integration of the several states means the presence of uniform institutional mechanisms, capable of reflecting and realizing a number of their vital political and economic interests, simultaneously providing the integrity of the whole region. However, for today there are reasons, both objective and subjective, which make legitimate the search for paths applicable to all Central Asian countries and the fulfillment of tasks towards the deepening of regional cooperation.

⁷³ Rumer B. Economy of the Central Asian states: realities, problems, perspectives.
⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Rumer B. Op. cit.

⁷⁶ Ibid.

In this connection, in our opinion, it is necessary to consider objectively the international experience of other states of the world which have achieved effective results during integration. Without claiming any statement of final truth on this question, it is possible to note that regional cooperation is presented as a prime condition for the realization of regional integration, upon which the future of the countries of Central Asia and the entire region as a whole will depend.

1.3. The International experience of regional cooperation

At the present time, among the experts and analysts engaged in the study of the problems of Central Asia, the conviction predominates of the growing significance of deepening regional cooperation in order to maintain steady development of the region's countries. In this connection, various reasons are put forward, supported with theoretical concepts which very often appeal to the experience of other regional unions, which have reached significant achievements in integration processes.

But still the question of the acceptability of these and other models of integration for Central Asia, which has its own specifics in both a geographical context and in political-economical measurement, is not exposed to substantial analyses. Thus, it should be noted that some experts assert the necessity of using the experience of, for example, the European Union; others believe that for today the discussion of the problem of regional integration of the Central Asian countries is premature. In this connection, the latter point out that because of objective and subjective factors it is necessary for the states of the region, first of all, to find common ways towards regional cooperation in those spheres which represent a common interest for the Central Asian republics.

Thus, in the discussion of the problems of modern Central Asia, various concepts have been created, though not developed to a logic conclusion. These are founded on two concepts — integration and cooperation. In reality, each of them is a process but not a final result of states' interaction. In its turn, integration, as a product of the development of modern civilization today, is one of the forms of cooperation among states which implies the presence of complex, in some cases supra-state institutional structures, providing both adequate development for member states of this process and vitality for interstate unification in the interests of their subjects. The reality and efficiency of integration, in its turn, as was mentioned above, depends on a series of prerequisites and factors creating objective conditions or obstacles at the implementation of the given process.

At the same time, it would be vain to consider integration as a certain panacea from all «troubles and problems». Detailed consideration of the given question reveals that integration itself is not a goal,

but a means of maintaining the vital interests of the state with the ultimate goal of achieving a safer level of social and economic development for a society. Thus, Japan, being an island state, is not a participant of any integration process, for example within the framework of the regional association ASEAN. However, Japan, alongside with China and South Korea, has recently been considering the opportunities of cooperation with the given organization in the frameworks «ASEAN+3» as it, most likely, corresponds to its national interests. Similar countries also include Switzerland and Norway, which though located in Europe, are not members of the EU.

In connection with this, it becomes obvious, that the most important question for the states of Central Asia becomes a problem of harmonizing their own national interests with present realities, which dictate the deepening of regional cooperation. As it occurs, at the present time, each of the republics of the region should realize the necessity of multilateral cooperation, including within the framework of a regional association, in view of the globalization processes when the priority of each country is the achievement of competitiveness for its economy. From this point of view, it is rather important to recognize the fact that «...for the majority of the post-Soviet area of non-raw goods and services, their appeal in the world markets is insignificant because their competitiveness is still low»⁷⁷.

In the given context, in our opinion, it would be expedient to address once again the experience of the European Community and to analyze important aspects of the integration of the European countries within the framework of the European Union, which for today has represented itself as the most indicative achievement in the history of mankind.

The history of Europe, saturated as it is with military collisions, confrontation and permanent threats to the existence of some European states, testifies to the fact that the most optimal way to solve the problem of continental security has become the development of integration processes. Take, for example, the two so-called «engines of European integration», the largest European powers — France and Germany: in recent times these countries confronted each other in both the First (1914–1918) and Second (1939–1945) World Wars, which shook not only Europe, but also the entire world. Even after the termination of these wars, confrontation continued. Only when the leaders of France and Germany, Charles de Gaulle and Conrad Adenauer, realized that it was possible to resolve the issue of national security only by rejecting confrontation and following the road of trust and economic cooperation, only then did Europe receive a new opportunity for peaceful development.

⁷⁷ Christenko V. Do we need integration? Russia in global politics. — V.2 M. №1. January-February 2004. — P.76

As the experts note, «the formation of the European Union has been dictated by the objective aspiration to internationalize manufacturing and capital. It could be explained thus that the existence of the small and detached markets in the countries of Western Europe did not promote stable development of the economy»⁷⁸. Thus, the director of Institute for International and Strategic Research (IRIS/France) Pascal Bonifas emphasizes that «European construction over the decades shows one of the most remarkable examples of political cooperation»⁷⁹. In his opinion, «the fact that peoples that believed that they were constant opponents were capable of beginning such a process together, proves, that history is not predetermined beforehand and that politics remains a key factor in history»⁸⁰.

Apparently, those researchers who consider «Schumann's Declaration» as the beginning of European integration are correct. On May, 9, 1950, exactly five years after the end of war in Europe, France's Minister for Foreign Affairs Robert Schumann, on behalf of his government, officially addressed the government of the Federal Republic of Germany with a constructive proposal to put an end to «traditional» French-German opposition and to begin with «a clean slate» a new chapter in relations between the two states on the principles of peace, friendship and cooperation. As a first step, the creation of a French-German association of coal and steel was proposed. The plan was that the transfer of the coal and steel industry to common management «would make war between France and Germany not only improbable, but also impossible»⁸¹. This goal was successfully executed, surpassing initial plans and hopes.

However, the significance of the Declaration of Schumann went beyond the framework of bilateral relations. France addressed all West-European countries with an appeal to join the prospective association to begin together the realization of the old idea of a «Joint Europe» constructed on the basis of peace, democracy, and social and economic progress.

Formally, it is possible to consider April 18, 1951 to be the date of birth of the EU, when in Paris the agreement on establishing the European Community for Coal and Steel (ECCS) was signed»⁸². Its participants were then six states: Germany, France, Belgium, Italy, Luxembourg and the Netherlands.

⁷⁸ Komilov S.J., Abdunazarov A.A. An experience of the European union and development of Central Asian cooperation. Tajikistan and the modern world. 2003. — P. 17.

⁷⁹ Bonifas P. European might for a multiple world/ Problems of foreign and defence policy of Russia. Collection of articles #8. M., 2002. — 147. — P. 135.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² For more detail see: http://europa.eu/int/index_en.htm.

The concept (with all later specifications and additions) offered by Schumann lay at the foundation of the subsequent development of European integration. Its basic provisions could also be applied to the frameworks of Central Asian cooperation, namely: instead of a Europe torn apart by nationalist conflicts, social conflicts and totalitarian ideologies, a united democratic and peace-loving Europe had to be created. There was no other alternative for European nations. The West-European states, guided by principles of democracy and equality in cooperation, promoting economic development and the growth of well-being of their citizens, had to become the initiators of the creation of a new Europe.

Thus, it was realized that a united Europe could not be created at once and on the basis of any general plan. It had to be created gradually, selecting each new, priority sphere of joint activity to create practical interaction among the participating countries for the further deepening of cooperation.

The fact was becoming obvious that construction of a united Europe should begin with the economy. Not being the aim in itself, economic integration had to fulfill the practical requirements of the participating states to the greatest degree and promote the growth of the people's welfare. At the same time it would have less effect on such spheres of state sovereignty as national security, defense, foreign policy, etc., especially at the beginning.

In this connection, the movement to a united Europe had to be stage-by-stage — from the initial and limited forms of regional integration to more complex, large-scale ones. Later, this general principle was spelled out on the whole as the following plan: from a customs union and common commodity market to a united home market with free movement of goods, services, capital and persons, then to economic and currency union and, finally, to political union.

Naturally, the major condition of successfully building a united Europe was the formation of an integrated legal base and system of common institutions having a partly interstate, partly supranational character, i.e. with the right to accept obligatory decisions and the right to control their execution by the states and all other participants of the integration process.

With the purpose of establishing the optimum applicability of the EU experience for Central Asia, in our opinion, it is necessary to study the processes of development of the stages of integration which began with the intensification of cooperation in priority spheres, representing the common interests of the states.

The first stage began with the signing of the above-mentioned agreement on establishment of the ECCS. This can be called a stage of sectoral integration. The agreement provided not only for the creation of a common commodity market in two key economic

branches of industry, but also for cooperation in the radical modernization of these branches with the purpose of increasing their profitability and competitiveness in the world markets. More or less successful realization of the agreement stimulated the development of large-scale programs of economic integration.

One of the most decisive steps in the realization of the European integration strategy was the creation of the European Economic Community. The immediate task consisted in the organization of a customs union and common commodity market by approximately 1970. At the same time, the agreement provided coordination of the major directions of economic strategy of the members of the EU, carrying out common agrarian and commercial policy and other actions directed towards deepening integration. In fact, the customs union was created one and a half years prior to the planned term. Among other evidence of progress in European integration, one should mention the negotiations which began on the introduction into the EU of Great Britain, Denmark, Ireland and Norway. The latter hasn't been included in the EU because a national referendum with an insignificant majority of votes rejected the signed governmental agreement, and the other three countries became members of the Community on January 1, 1973. «The Six» became «The Nine».

On the wave of these successes the European community in 1971 accepted the plan of transition to an economic and currency union, the so-called «Werner's Plan», named after the project head, prime minister of Luxembourg Pierre Werner. The final date for this stage of integration was planned in 1980. However the 1970s appeared to be not a continuation, but, more likely, a contrast to the previous period. Owing to a number of external and internal factors, «Werner's Plan» did not succeed. The community had to solve, first of all, the problems of «survival» — preserving the achieved level of integration and overcoming the increased protectionist tendencies and separate actions of the EU members.

Nevertheless, this period was not ineffectual. It showed that the European Union had a safety factor and the political will to allow it to overcome a critical situation. Moreover, in the 1970s, the Community managed to achieve progress on a number of integration directions. The creation in 1974 of the European Council at the level of the leaders of the states and governments became an important step on the way towards EU consolidation and strengthening the coordination of its participants' actions. In 1978—1979 the European currency system, basic elements of which had become the mechanism for maintaining stable exchange rates of national currencies of the member states of the EU, and a common currency unit — «l'ecu» — were commissioned. Later the common currency — the Euro, whose zone is gradually extending — was introduced.

Having come through a long series of trials, the Community in the middle of the 1980s entered into a new stage of development — the final formation of a united inner market. The legal base of this course was the United European Act signed by the members of the EU in February, 1986 and valid since July 1, 1987. The concept of «a united inner market» replaced the former concept «the common market», which appeared in the Roman agreement and other documents of the EU in the 1960s.

First, the issue was the elimination not only of custom barriers inside the Community, but also of all physical, technical, legal and administrative obstacles to the free transit of goods. Second, the practical goal was set: to provide free transit not only of goods, but also services, capital and persons, above all those engaged in labor and enterprise activity. In 1989 the major decision — on the transition from a united home market to an economic, currency and political union — was accepted. The community had returned to the problem which it had tried to solve two decades before. In December 1991 the session of the European Council, which took place in the Dutch city of Maastricht, approved the prepared text of the Agreement on the European Union, and on February 7, 1992 an official ceremony of its signing by all members of the EU took place there. But this was no longer history, but the present and the future of European unity.

The renewal of integration dynamics was evidenced by the beginning of the second EU expansion. In 1981 its tenth member became Greece. Negotiations began on the accession of Spain and Portugal, which became members of the Community in 1986. And in 1995 Sweden, Austria and Finland were added.

Thus, the European Union (so it has been officially called since November 1993) included 15 states: Belgium, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Germany, France, Denmark, Ireland, Great Britain, Greece, Spain, Portugal, Sweden, Austria and Finland. Now the European Union, having overcome a half-century of complicated and dynamic development, after decades of preparatory stages, has made its fifth expansion. This time, on May 1, 2004 ten new countries — Poland, Hungary, the Czech Republic, Slovakia, Slovenia, Latvia, Lithuania, Estonia, Malta and Cyprus — have entered the EU. Two more countries are scheduled to enter the European Community in 2007: Romania and Bulgaria.

The fifth expansion of the EU took place in completely different conditions than the previous ones. Firstly, if earlier the processes of deepening its integration and expanding its geography had alternated, now the European Union had to move in both directions simultaneously. Secondly, the latest expansion was a mass expansion. In the EU not one, two or three states joined, as earlier,

but a large and diverse group of countries, basically, with transition economies. Thirdly, this phase of integration development proceeded in conditions of great uncertainty regarding the future internal transformation of both the EU and of the candidate countries.

At the same time, the fifth expansion of the EU is closely connected to the movement of NATO in an eastward direction. Therefore, there exist fears in the EU, that the countries which have recently entered NATO could weaken the European position and result in certain divergences between allies. For the new candidate countries, the prospects for political and economic integration are rather problematic, in particular, the fulfillment of the major positions of the Maastricht Agreement⁸³ concerning the creation of the European currency union.

From these positions, the expansion and deepening of integrative tendencies should be accompanied by the creation of favorable conditions and the formation of preconditions for uniting countries which are at different stages of development. In addition, according to the Schengen convention signed in 1985, obstacles to free movement from one EU member country to another will disappear. Thus, the unification of the currency system in the EU is not obligatory for all. As an example, witness England, Denmark and Sweden, which have not yet accepted the Euro, but remain integrated subjects of the European economy.

Concerning the question of the applicability of EU experience to Central Asia, it should be emphasized that the present situation in the Central Asian states considerably differs from the conditions in which the European countries began their progress towards integration. In this connection, it seems the given question is most fully and clearly reflected in the words of the President of the Republic of Uzbekistan.

In particular, as Islam Karimov noted, «at the present stage of historical development all states are interdependent and are connected among themselves. Perhaps, today it is difficult to find on the world map a state which would be absolutely isolated from others, particularly, from the countries surrounding it.

Yes, the principles on which the European Union is based could be attractive to the CIS countries. But there are a number of

⁸³ In accordance with this Agreement, for a country to be a member of the Currency Union, several main criteria are necessary:

- the budget deficit should be lower than 3% of gross domestic product (GDP),
- the ratio of state debt to GDP should be less than 60%,
- the inflation rate shouldn't be more than 1.5% higher than the average inflation rates of the three member states with the lowest inflation,
- the long-term rates of interest shouldn't be more than 2% of the interest rates of the three countries with the best economic indicators,
- the member countries should not preliminarily devalue its currency, at least for a period of two years.

positions which strikingly distinguish the European Union from the situation in the post-Soviet arena.

First, and perhaps, most importantly — the formation of the European Union has a long history, not just one decade, and the Maastricht Agreement is the result of a long process, gone through by the states and their leaders on the basis of very many compromises.

Secondly, the European Union the countries of which were united had stable, thorough democratic public and state structures, had formed a strong market and had legal, legislative norms and mechanisms, and an infrastructure for their realization.

Thirdly, democratic institutions and values are entered firmly in the public consciousness of the overwhelming majority of the populations of these countries.

Fourthly, in the European Union the majority of the countries have approximately equal, sufficiently high economic potential. There are no states which would have clear advantages according to their development⁸⁴.

In truth, the modern EU is not the product of a few years of effort on the part of the European countries; rather, it is the result of their aspirations throughout long decades of purposeful measures and steps towards the construction of a unified regional space based on new content and aims. As Russian Institute of Strategic Research employee A. Bazovsky notes, «the European Union has been created as an organization with elements of supranationality, as a result of the states' delegation of part of their sovereign powers to EU bodies. The gradual increase in these powers (from the European communities to the Union), has become a basis for the activity and development of the organization. However, its development in many respects occurs according to its own logic, sometimes even contrary to the wishes of the states which are in the association»⁸⁵.

The experience of Association of Southeast Asian States (ASEAN) which was formed on August 8, 1967 in Bangkok is also interesting. The current members of ASEAN are Indonesia, Malaysia, Singapore, Thailand, Philippines, Brunei, Vietnam, Laos, Myanmar and Cambodia, with Papua New Guinea having the status of special observer.

The aims of the charter, as declared in the Bangkok declaration on the establishment of ASEAN, are to assist in the development of socio-economic and cultural cooperation of the member countries and to consolidate peace and stability in Southeast Asia (SEA)⁸⁶.

⁸⁴ Karimov I.A. On the way of creation. V.4 Uzbekiston, 1996. — P. 312—313

⁸⁵ Bazovski A. Problems of «European identity» and development regionalism in the EU. Problems of the external and defensive policy of Russia. Coll. of articles №8. M. 2002. — P.76.

⁸⁶ For more detail see: <http://www.aseansec.org/64.htm>.

The goal of transforming ASEAN into one of the global political and economic centers of a multi-polar world has stimulated this regional grouping of countries to solve actively a number of extremely important problems. These include: the formation of a free trade zone and the investment zone, the introduction of a unified currency and the creation of a developed economic infrastructure, and the formation of a special structure of management.

The currency/financial crisis that affected the SEA region in 1997 had serious negative political and economical consequences for almost all the ASEAN members and was a test of the determination of «The Ten» to continue their course of economic integration. However, by 1999, when the majority of the Association countries managed to overcome their negative tendencies, a general economic growth of about 6% was achieved.

The supreme body of ASEAN is the meetings of the leaders of the states and governments. Annual meetings of Ministers of Foreign Affairs (MMFA) serve as the supervising and coordinating body of the Association. The current management of the ASEAN is carried out by a permanent committee under the presidency of the Minister of Foreign Affairs of the host country of the next MMFA. In Jakarta, the permanent Secretariat functions are led by a General Secretary. In the ASEAN there are 11 specialized committees. In total, within the framework of the organization, over 300 actions are taken annually. The Treaty for Friendship and Cooperation in South-East Asia (the Bali treaty), accepted in 1976, serves as the legal base for the relations of the ASEAN countries⁸⁷.

In the economic sphere, the countries of the Association carry out the policy of integration and liberalization in the SEA region on the basis of the Agreement on the creation of the ASEAN free trade zone (AFTA), the Framework agreement on a zone of investments in the ASEAN (AIA) and the Base agreement on the scheme of industrial cooperation (AICO).

According to a variant of the long-term development program which was developed by an expert group, consisting of leading politicians and scientists, military leaders and businessmen, the achievement of an integration level higher, than in the European Union, is foreseen: full unification of the state bank sphere, unification of the armed forces and police, foreign policy and scientific/technological departments, etc.

An analysis of ASEAN activity for the period of its existence gives us the basis to distinguish and to contemplate the several achievements which have grown out of the intensive cooperation of the Association member countries.

First, the ASEAN (AFTA) free trade zone, which represents the most consolidated economic group of Asia countries. Its creation was declared at the fourth meeting of the ASEAN state and government leaders in Singapore (1992). Originally, it included six countries of SEA (Indonesia, Malaysia, Singapore, Thailand, Philippines and Brunei). In 1996 Vietnam, in 1998 — Laos and Myanmar, and in 1999 — Cambodia were included in the AFTA.

Creating a zone of free trade, the members of the Association set the goal of producing active inter-ASEAN trade in goods and services, expanding and diversifying sub-regional commodity circulation and, in conditions of mutual trade growth, increasing the competitiveness of their countries' economies. AFTA is destined to promote also the political consolidation of the countries of the region, and an opening for economic cooperation for less advanced SEA countries.

The main tool for the realization of the idea of creation of the FTZ is the Common Effective Preferential Tariff Scheme (CEPT) signed by the ASEAN countries at their summit in Singapore in 1992. The main reason for difficulties arising for AFTA members is the similar structure of the economies of the SEA countries and their practically identical — and, hence, competing — export commodity structure⁸⁸.

For the new members accepted in 1999 — Vietnam, Laos, Myanmar and Cambodia — the reference points are much less distinct: uncertainty remains concerning a lot of commodity groups, above all agricultural production.

CEPT also provides measures to agree on standards and certificates of quality of production, to develop rules of fair competition, to simplify internal investment and customs legislation, to stimulate the process of joint regional enterprise creation, etc. For the realization of these purposes the ASEAN Advisory Committee for standards and quality was created.

In the process of AFTA realization, in addition to questions of a purely procedural or customs character, increasing attention is being given to new cooperation directions. Thus, there was created the unified harmonized tariff nomenclature for ASEAN and the unified system for the classification of goods made in the countries of the Association. The course has been taken for the general encouragement of the usage of national currencies in intraregional trade. A serious emphasis has been placed on the liberalization of services trading.

The member states may achieve a certain success. Thus, the average level of intraregional tariffs for the basic group of goods

⁸⁷ The text of the contract is accessible on web — page: <http://www.aseansec.org/1217.htm>.

⁸⁸ For more detail see: <http://www.aseansec.org/13100.htm>.

has been reduced from 12.67% in 1993 to 6.15% in 1998. The share of intra-ASEAN trade in 1998 was 20% of the total amount of foreign trade of the Association countries; that, however, is much less than in the European Union or NAFTA (60% and 40% respectively).

According to the calculations of ASEAN experts, the general benefit for the participating countries from the liberalization of trade and growth in export of goods by 1998 was not quite 3—4 billion dollars per year, due to the additional increase in their cumulative total internal product. Accordingly, the number of new workplaces and currency receipts has been growing.

Second, the scheme of industrial cooperation. With a view to increasing the competitiveness of the goods made in the ASEAN zone, and also creating the conditions for the attraction of investments into this region, a search for new forms of industrial cooperation has been undertaken. The basic Agreement regarding the scheme of industrial cooperation in ASEAN (ASEAN Industrial Cooperation Scheme, AICO) was signed by the ASEAN member states in April, 1996.

The AICO scheme adjusts manufacture of all products, except for those which were included in the list of the common exceptions of the CEPT, and now is applied only to industrial production with the further possibility of distribution and to other sectors of the economy.

The changing economic situation in the world, the fulfillment by the ASEAN countries of their obligations to the WTO, the creation of preconditions for the realization of the idea of the ASEAN free trade zone and the creation of an investment zone have required a change in some of the parameters on which the existing industrial programs of cooperation were based.

The new scheme of industrial cooperation of the ASEAN, having kept some features of the previous schemes, provides for broader use of tariff and non-tariff methods of regulation.

The goals of AICO are: growth of industrial output manufacture; deepening of integration; growth of investments into the ASEAN states from third countries; enlargement of inter-ASEAN trade; perfection of the technological base; growth of production competitiveness in the world market; growth of the role of the private sector.

According to AICO, the condition for the creation of a new company is the participation in it of a minimum of two enterprises from different countries of ASEAN and the presence of a minimum of 30% of national capital.

To stimulate the creation of new companies a number of preferential benefits are foreseen. Thus, according to the new scheme of industrial cooperation concerning goods approved for manufacture

in the framework of AICO, from the moment of creation, preferential tariff rates are applied at a rate of 0—5%. This creates advantageous conditions compared to other manufacturers. In addition, a number of non-tariff privileges are applied, including advantages in the receipt of investments.

Concerning the import of finished goods, semi-finished items (intermediate products) and raw materials, the application of the preferential tariff rate is provided, and at the same time the finished products have unlimited access to the markets of the ASEAN countries, while access to these markets of intermediate products and raw materials is limited.

Third, zone of investments. In October, 1998 the framework agreement on the creation of an ASEAN zone of investments was signed. The ASEAN zone of investments (AIA) is one of the basic tools for attracting internal and external investments by granting tax privileges, cancelling restrictions on the share of foreign capital, etc. for investors of a national regime.

ASEAN, having understood the necessity of deepening economic liberalization and the impossibility of maintaining with one's own forces the investments necessary for developing the high technologies which could help the region take a worthy place in the world in the 21st century, has made the decision to unite efforts in this direction, gradually, to open a home market not only for trade, but also for investments, for both member countries of the Association and third countries.

The Asian financial crisis of 1997 played a stimulating role in the acceptance of the Framework Agreement, resulting in a substantial outflow of foreign capital from SEA. To keep at least the strategic investors in the region, the ASEAN countries decided to permit foreign investments into sectors of the economy earlier inaccessible to them.

According to the Framework Agreement of the AIA, the participants of the Association have undertaken the obligation to open the basic sectors of national industry to investors from member states of the Association, stage by stage, by the year 2010, and to external investors by the year 2020.

At the same time with a view to protecting the local market, the Framework Agreement as well as the Agreement on CEPT, provide for drawing up of a list of temporary exceptions and a Delicate List, enumerating branches where access for foreign investors will still remain limited.

The participants also have undertaken to provide gradually to all foreign investors the national regime (by 2010 — to ASEAN investors, by 2020 — to all investors from third countries). To countries investing capital into the manufacturing industry, the national regime is given immediately.

All this has shown that ASEAN countries, despite the lobbying of some of the national capital representatives interested in preserving their monopoly position, are moving ahead consistently towards the successful creation of an investment zone. It is important to note, that since the panic of 1997 many investors have begun returning to SEA already. On this basis, and also thanks to measures on the restriction of movement of «hot money», ASEAN expects to create one more working integration mechanism, now based on joint investments.

Moreover, in the past few years, despite some disagreements and tension remaining between separate ASEAN member states, within the framework of the Association the question of deepening cooperation in spheres of security is becoming vital. In particular, in November, 2001 ten Association member states agreed on a declaration on joint actions against terrorism. Dynamical aspirations have been observed regarding the realization of the «ASEAN Safety Community» project, declared in October, 2003 at the Bali summit of the Association⁹⁹.

On the whole, objectively evaluating the experience of ASEAN as an integration mechanism representing a certain theoretical and practical value for the countries of Central Asia, it could be noted, that the Association has achieved a number of important aims which have promoted substantial improvement of the national economies of its member states.

This is conditioned by the following aspects of the framework of the ASEAN:

— Mutually acceptable mechanisms for the formation of a free trade zone and an investment zone have been found. As has been shown above, during the formation of a free trade zone and an investment zone, differentiated conditions for countries with various levels of economic development are included by mutual agreements of ASEAN. Special agreements stipulate concrete mechanisms for this purpose. In the formation of the free trade zone these are, above all, the variations for each state in the volume of goods, which are not assessed by duties, and in the time limits within which the countries must substantially expand the list of goods, which are not subject to import duties. During the formation of the investment zone, these are the time limits within which the states are obliged to open stage by stage the basic sectors of national industry, having provided for less advanced countries the reliable protection of the internal market.

⁹⁹ For more detail see: An ASEAN security community, « Strategic Survey 2003, #4 An evaluation and forecast of world affairs», The International Institute for Strategic Studies. Oxford University Press. London, 2004. — P. 262–267.

— A scheme of industrial cooperation has been developed, containing conditions and stimuli for the technical and technological unification of enterprises of various states, aimed primarily at the development of the processing industries.

— The member states have developed a joint position on protecting their interests on the foreign markets, which strengthens the role of each of them in foreign trade relations. With this goal, members of ASEAN adhere to a common platform in numerous organizations of exporters of goods, particularly raw materials.

— A complex approach to the solution of integration problems is used. The development of states' interaction is not limited to the sphere of trade and economic relations. It is supported with integration in the industrial sphere, and also new opportunities for increasing investments into competitive manufacturing.

A comparative analysis of the European Union and the ASEAN experience of integration allows us to distinguish especially the role of the states in these regional associations, whose efforts were directed towards bringing about multilateral cooperation on a qualitatively high level of interaction in practically all spheres. Thus, it seems obvious, that the application of their experience in Central Asia for today is problematic, above all, in view of the geostrategic location of the region between three great powers whose foreign policy aspirations result in the preservation of geopolitic rivalry.

Such a tendency, naturally, exerts serious influence on the Central Asian states' efforts to form a united regional space, leaving them only an opportunity for foreign policy maneuvering with a view to maintaining their national interests. In these conditions it becomes obvious, that the entire logic of the geopolitical situation in Central Asia objectively determines the priorities of the regional states' foreign policy, directed, above all, towards the establishment and development of maximum favorable mutual relations with the «great powers», even to the detriment of regional cooperation.

At the present time the countries of Central Asia are members of various economic and military-political organizations, some of which name institutional mechanisms created for the promotion of the interests of one or another of the great powers in the region. Thus, in particular, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan are members of the Eurasian Economic Community (EurAsEC), while only RK is a participant in the project of the Unified Economic Space alongside with Russia, Ukraine and Belarus.

At the same time, these three states of the region, actively participating in the activity of the CSTO, make efforts to deepen cooperation with NATO, particularly, in the framework of the «Partnership for Peace» program, in which Uzbekistan also partici-

pates. At the same time, the Central Asian states, except for Turkmenistan, are members of the Shanghai Cooperation Organization, which is now completing the process of its institutionalization. At the same time, all five Central Asian states are members of such regional organizations as the ECO, into which structure neither Russia nor China enters.

In this connection at the present time it is considered more expedient to speak not about integration in Central Asia, but about the deepening of cooperation among the countries of the region on a bilateral and multilateral level. In our opinion, active regional cooperation is one of the first steps in the integration process.

As was shown above, for today there are a number of theoretical elaborations and schemes by means of which attempts are being made to work out a universal algorithm for the realization of the integration process. Thus, the well-known European expert Michael Emerson's notion, concerning the factors which determine integration tendencies, is given below.

The factors determining integration tendencies

Demand — interest of the country «X» in integration with the country «Y» or with basic group «Z».

The offer — interest from the side of «Y» or basic group «Z» to accept the country «X».

Explanatory variables

I. Historical integration

1. Geography — watersheds, mountains, river basins
2. Culture — language, religion, the alphabet
3. Perception — citizenship, trust, destiny

II. Economic integration

4. The markets — benefits and costs of participation
5. Money — benefits and costs of the introduction into a currency zone
6. Redistribution — benefits and costs of budgetary transfers

III. Political integration

7. Values — common or other
8. Authority — acquisitions or losses
9. Security — acquisitions or losses⁹⁰

⁹⁰ Emerson M. Elephant and Bear. The European Union, Russia and their near abroad. Brussels, 2001. — P. 20.

An analysis of the factors indicated by Emerson shows a number of advantages for the countries of Central Asia, which speak well for the opportunities and necessities of deepening regional cooperation. In particular, the expert emphasizes those key aspects, which have been considered in the previous paragraphs, such as the historical and cultural community of the states of the region. At the same time, we have revealed the main points of the political-economic preconditions which are objective foundations for regional cooperation.

Nevertheless, it is hardly reasonable to project the experience of the EU onto Central Asia, if only for the reason noted above, the geopolitical situation in the region, which predetermines further prospects for any association. In the context of a comparative analysis of the European Union experience and the environment around Central Asia it is enough to note, for example, that an important role in the destiny of the EU was played by the conditions of the cold war, when the confrontation between the USA and the former Soviet Union on «the European chess board» required American efforts to support and assist the European countries in their consolidation under the slogan «the war against communism». That is, one of the largest great powers was interested in European integration.

From this point of view, one can hardly assert that the countries of Central Asia have similar support, both political and economic, as did the European countries at that time. Moreover, as has been noted earlier, the rules of the «information war» around the Central Asian problem, whose participants, consciously or unconsciously, are many experts, promote more and more the fact that in the public consciousness in the countries of region, the principle of an opposition is more and more likely to take root⁹¹.

Concerning the ASEAN experience it is necessary to specify, that no similar sort of opposition, capable of exerting a serious negative influence on the activity of the given organization, has been observed. On the contrary, the neighboring and nearby states, such as the USA, Russia, Japan, China, etc., have been more interested in the preservation of the geopolitical balance of forces formed in the given region, which have allowed the regional countries to carry out political and economic transformations effectively. Moreover, steady development in the ASEAN states was the inert continuation of the social and economic rise of Japan, South Korea and Taiwan, which created favorable conditions for the establishment of the Association.

⁹¹ Tolipov F. Some theoretical aspects of Central Asian geopolitics. Central Asia and the Caucasus № 6 (18)6 2001. Sweden. — P. 139–142.

Most likely, it is impossible to exclude the geopolitical factor, in both Europe and Southeast Asia, which, as opposed to Central Asia, had already passed a historical stage of regional security system formation long before the end of the epoch of «cold war». One can hardly overestimate the consequences for the stability and security of the Central Asian states of the Afghan conflict, which continued more than twenty years, the Middle East crisis, and also the permanent tension in Southern Asia, especially in Kashmir.

These problems, which were inherently a «headache» for the former Soviet Union, and were considered at that time to be «threats from the south», have now been «inherited» by the countries of Central Asia. In this connection, it is no coincidence that practically all states of the region, from the first years of their independence, expressed special concern regarding the situation in Afghanistan, which has an extended border with Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan.

In this connection, an analysis of the present character of the geopolitical situation in Central Asia and its environs in the context of the regional policy of the great powers is important. In our opinion, the most significant players in this sense are the USA, Russia, China, the European Union and its leading countries, and also Japan which has now shown major activity in the Central Asian region.

== CHAPTER II ==

THE GEOPOLITICAL BALANCE OF POWERS IN CENTRAL ASIA AND KEY THREATS TO REGIONAL SECURITY

2.1. The problem of the correlating interests of the major powers in the formation of a balance of geopolitical forces in Central Asia

The growing interest in Central Asia, especially after the events of September 11, 2001, results from the region's importance in the formation of a new system of international relations, a qualitatively new world order. For today, the Central Asian problem is one of the urgent questions examined in the research works of many foreign experts and analysts.

In modern conditions, the processes of globalization more and more intensively encompass practically all sides of the social and cultural, informational and ideological, political and economic life of various societies in all regions of the world, including Central Asia. This trend offers potential opportunities for all Central Asian countries to ensure multi-faceted development; at the same time, it brings with it certain challenges and threats to their security.

The cultural specifics of Central Asia, together with its geographical location, give the region a special geopolitical status in the space of Eurasia. Today the interests of the larger world and regional powers are concentrated in the Central Asian region, with four states having their own nuclear arsenals located around this region. It is clear that the geopolitical importance of Central Asia has remained significant, as it has been throughout its entire history, though modern realities now give new forms to its modern role in the system of international relations.

In particular, the appearance of a new paradigm in world policy — the struggle against terrorism, which has changed the geopolitical status quo in various regions of the world, particularly, in Central Asia — has contributed to this. Thus, after the tragic events on September 11, 2001 the Central Asian region came to be at the center of attention of the entire international community. In geostrategic terms, Afghanistan «has been attached» to the region and has become an epicenter of new major changes in the system of international relations in Central Asia and around it. Interest in the region has thus grown sharply, in the USA and EU, which Russia has regarded as constructive.

Against this background, it seemed that international relations would take on a more consolidated character: that the common threats would result in a unification of the efforts of all states in the struggle against terror. But the more time passes from that day, the more often state policies evidence the same old stereotypes, as mentioned above, exerting a negative influence on the situation in Central Asia and in the world in general.

In the given context, from our point of view, it is necessary to examine the opportunity for a rapprochement of geopolitical interests in Central Asia, which would contribute to the strengthening of security and stability in the region, deepening regional cooperation as an important factor in maintaining the stable development of the Central Asian states. From this point of view, in our opinion, such major powers as the USA, Russia, China, EU and Japan play a key role in these processes.

The region's countries are realizing that the largest states of the world — the USA, Russia, the People's Republic of China, the EU countries and Japan — have both coinciding and competing positions in Central Asia. In this connection it is necessary to emphasize, that any country or group of countries cannot become a long-term guarantor of the region's stability. If the old geopolitical approaches to Central Asia are not reconsidered, the future result will be not a stable region, but a region divided into spheres of influence and «buffer zones». In such a situation the maintenance of stability and security, not to mention the achievement of appreciable social and economic results, would be, to put it mildly, rather problematic.

In this respect, international and regional organizations are growing in importance. Notable among them are: the United Nations, NATO, the OSCE, Eurasian Economic Cooperation, the Shanghai Cooperation Organization, and the Organization for Central Asian Cooperation. However, an analysis of the activities of these institutional mechanisms in Central Asia testifies that some of them are tending more and more to become tools for the promotion of the geopolitical aspirations in the region of one state or another. Moreover, there is a certain duplication of their goals and tasks, which is more likely to result in dysfunction of their potential, increasing, on the one hand, a mutual distrust and defamation among the major powers and, on the other, complicating processes of regional cooperation.

As a result of this, in the Central Asian region there is a complex configuration of interests of external forces, in which situation the region's countries are forced to react to any changes in the approaches of external players to the formation of a regional security system. Such tendencies, tied to a number of «institutional expenses», result in the appearance of more and more new problems, both geopolitical, and strategic which, unfortunately, only complicate the processes of forming a new system of regional secu-

rity in Central Asia. Naturally, at the same time one cannot ignore the positive factor which the major powers and also the international organizations contribute to the strengthening of regional stability.

Further we shall examine in detail those aspects presenting a special significance for the countries of Central Asia in the matter of strengthening regional security and stability. However their activity in Central Asia would be more constructive and fruitful if the interests of the region's countries were taken into consideration, including finding solutions to the problems connected with the persistent threats of terrorism, extremism and drug trafficking. Moreover, «the conglomerate of problems» is not limited only to the threats mentioned above. Such issues as WMD non-proliferation and the problem of the deteriorating ecological situation in the region also cannot but cause concern.

In our opinion, in order to deepen the realization of the importance of these issues in guaranteeing regional security in Central Asia, a conceptual examination of the events occurring in the region and around it over the last few years is obviously important. In this connection we shall try to concentrate attention on an analysis of the «central» and interconnected problems which are connected with the aspirations of the major players in the region, and also with the pressing questions of regional development.

The United States

The observed process of the formation of a new geopolitical distribution of forces in Central Asia is in many respects a result of the transformation of the global policy priorities of the USA. The American presence in the region is unprecedented, in the history of both the Central Asian states, and the United States.

In the present foreign policy strategy of the US, the priority is the struggle against terrorism on a global level. Thus, as is noted in the National Security Strategy of the United States, at the present time the main enemies of the US are terrorists, and «the defense of the country against enemies — this is the main obligation of the federal government». According to this document, the war against terrorists on a global scale is a global project with an uncertain duration. America will support the countries for which «our help is necessary»⁹².

At the same time, in our opinion, it is necessary to remember the words of Henry Kissinger, who in 2002 declared, that «in the war against terrorism the issue is not only tracking down terrorists. The issue is, above all, not to miss an extremely profitable opportunity for the reorganization of the world system»⁹³. Certainly, such

⁹² The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002.

⁹³ Kissinger H. Die Herausforderung Amerikas. Munchen und Berlin. 2002. — P.14.

«reorganization» began with Afghanistan, and these processes have rendered a direct influence on the transformation of the system of international relations in Central Asia and its environs, where the important geostrategic interests of some of the major powers are concentrated.

Thus, against the background of the increasing geopolitical rivalry of the major powers in Central Asia, the region remains mired in the rather difficult conditions created by the different foreign policy priorities of the regional states, and also of the contradicting interests and conflicting approaches of the USA, the Russian Federation and the People's Republic of China to the formation of new security system in Central Asia⁹⁴.

At the same time, as American experts believe, in its approaches to the People's Republic of China and the Russian Federation, Washington follows the principle that interaction with Moscow and Beijing in the solution of current international problems, above all the threats from Northern Korea and Iraq and also WMD proliferation, is of greater significance than their aspirations in the Central Asian region. In the given context, it is crucial for the USA, Russia and China, as well as for the countries of the region, to avoid serious collisions of interests on the Central Asia issue.

Being «on the periphery» of American global interests, Central Asia has acquired a particular importance for the USA in the context of the realization of their priorities for guaranteeing international security. Many experts consider that the given transformation is a direct result of the events of September 11, 2001, though geographical determinism, as the objective and permanent factor determining the geostrategic position of the Central Asian region, can hardly be subject to temporal convention. From this point of view it is impossible to exclude the possibility that the US presence in Central Asia directly coordinates with their aspirations to provide some kind of base in the region for access to the «problem regions» of Russia and China, and also with a diversification of their opportunities for geopolitical maneuvering in the Middle and the Near East and in Southern Asia. In the given context, the most important resources for Washington in achieving these goals are maintaining the US military presence in Central Asia and strengthening military-political relations with the region's countries.

In this context, the American approach is directed towards preventing the domination of any external forces, whose influence might interfere, on the one hand, with the transformation of Central Asia into a stable developing region and on the other hand, with the realization of USA foreign policy priorities. In the condi-

⁹⁴ See: Brzezinski Z. The CSIS Report «China's New Journey to The West. China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests». August 2003. Washington.

tions of the ongoing complex processes of settling the situations in Afghanistan and Iraq, and absence of mutual understanding in dialogue with Northern Korea and Iran, the strengthening of stability in Central Asia meets US interests. Thus, in the present internal political conditions in Afghanistan, Washington is interested in providing real assistance towards strengthening the stable political-economic situation in the given region, which is necessary for the successful realization of American policy towards Afghanistan.

Against a background of continuing serious challenges and threats to regional security, the USA attaches great importance to the objective necessity of forming multilateral approaches to the Central Asia system with the participation of NATO, the OSCE, the EU, and also Japan. Meanwhile, some of Washington's unilateral measures concerning the region are based on the US aspiration to minimize the opportunities of Russia and China to influence the course of reforms in the Central Asian states⁹⁵. Most likely, the success of the political and economic transformations in Central Asia directly coordinates with US conceptions that democracy and market relations are the fundamental factors of security in each country taken separately and in the region on the whole.

However, it is necessary to note that debates concerning what must come first — security and stability or democracy and a developed market economy — recall the sophism of the chicken and the egg. Taking into account the present security situation in Central Asia, which has experienced threats from Afghan territory for more than 20 years, it is hardly possible to speak about radical achievements and instantaneous results in the countries of the region in sphere of democratization. Moreover, as B. Rumer writes, «the United States criticizes the ruling regimes of the countries for human rights violations, yet have not undertaken any action recognizing that the alternative was not democracy, but Islamic theocracy or a variant of the bloody violence» as in the Balkans⁹⁶.

The progress of economic reforms in the Central Asian countries is truly considered in the USA as an effective mechanism for increasing the volume of foreign investment into the national economics of the regional states, and also for their more effective integration into the world financial and economic system. As it is presented, the maintenance of steady development in the Central Asian republics is capable of reducing their dependence on Russia and China, which have been trying recently to intensify their efforts to strengthen the economic ties binding the regional countries to

⁹⁵ See Gill. B., Oresman M. The CSIS Report «China's New Journey to The West. China's Emergence in Central Asia and Implications for US Interests». August 2003. Washington.

⁹⁶ Rumer B. The Powers in Central Asia. Survival. The IISS Quarterly. Volume 44. Number 3. August 2002. — P. 63.

their economies. In this respect the USA is simultaneously concerned with the possibility of the appearance of a «Russian — Chinese condominium» in the region, above all in the framework of the Shanghai Cooperation Organization, representing a threat to the long-term interests of America in Central Asia.

In this connection the USA should take into account the entire logic of the Central Asian policies of Russia and China. As a matter of fact, the so-called geopolitical triangle «USA — RF — PRC» in Central Asia will in many respects directly influence the future of the region, especially against the background of the global struggle against terrorism, which demands a more efficient dialogue among the basic major powers. Nevertheless, it is hardly possible to hope that any of these states will make concessions concerning serious challenges to their national interests. From this point of view, for Russia as well as for China, Central Asia is considered to be a zone of their vital interests, above all in the sphere of security.

During the last few years before the events of September 11, 2001, a weakening of Russia's regional role on the political and economic plane, caused by its internal problems and connected with its social demographic crisis and the degradation of its industrial infrastructure, had become more and more noticeable. In this connection, Russia's moderate reaction to the temporary stationing of American bases in Central Asia was caused by Moscow's realistic evaluation of its own possibilities, and also of the USA's abilities to render practical assistance to the region's countries in the sphere of security. Moreover, Moscow and Beijing realize that the American military presence, considered in the context of the antiterrorist operation in Afghanistan, guarantees the preservation of security in Central Asia, which is an important factor in strengthening stability in problematic regions and around Russia.

The protracted character of the antiterrorist campaign in Afghanistan, which caused the uncertainty of the temporary presence of American military forces in the region's countries, and also the Prague summit decision on the expansion of NATO in November, 2002 were the basic prerequisites for a cardinal change in the approach of the Russian Federation to the strengthening of the American position in the Central Asian region. At the same time, the similar development of events as a result of Moscow's «passive policy», including questions concerning the introduction of some new countries from Russia's western border into NATO, served as the basic impulse for the activation of Russia's attempts beforehand to prevent the institutionalization of the Western presence in Central Asia.

Thus, with the aim of restraining the dynamic growth of the influence of Washington and its NATO allies in the region, Russia has undertaken some purposeful efforts to reanimate its military-political domination, by means of building up the Collective Rapid

Reaction Force, through strengthening its permanent military presence in Kyrgyzstan and Tajikistan. At the same time, the stationing of the Russian base in Kyrgyzstan enabled the military-political Collective Security Treaty Organization (CSTO) component to increase and, resulting in strengthened control over the participant countries of that military-political structure.

Currently Moscow has been viewing the issue of strengthening its position in Central Asia through the prism of the US military presence in the region for an indefinite period. In particular, as chairman of the Council of the Federation S. Mironov has noted, «Central Asia was and remains an area of the Russian Federation's vital interests»⁹⁷. At the same time Mironov excludes any weakening of the Russian position in the region since the appearance of the American bases in the Central Asian states. Moreover, the actualization of the Central Asian vector in Russia foreign policy in many respects is also explained by the fact that for today «nothing represents more significance for Moscow as the return of the lost territories on the post-Soviet space»⁹⁸.

Washington, in all probability, realizes that at the present time Russia, by virtue of its relative «weakness», has insufficient tools for a rapid restoration of its former influence in Central Asia. Meanwhile, it is necessary to take into account the fact that the Russian Federation, being the strongest among the countries of the region taken together, continues also to possess and effectively apply in practice serious advantages outside of political and military spheres.

The USA also attaches special importance to the fact that the sum total of the hydrocarbon reserves of the Caspian states of Central Asia, along with other countries of the Caspian basin, presents an opportunity to form a so-called «monopoly», having about 16.5% (176.5 billion barrels) of oil world reserves and 50% of world gas reserves, for which demand is substantially growing⁹⁹.

According to representatives of the US Congress Trade and Energy Commission, the Central Asian region is considered in the US as one of the alternative sources of energy resources¹⁰⁰. In this connection, it is obvious that the increasing insistence of Washington on the accelerated development of the energy potential of the separate Central Asian countries within the framework of projects it initiates, above all the «Baku-Tbilisi-Ceihan» (BTC), is caused exclusively by the imperatives of US energy security. Moreover, if the BTC export capacities can increase up to 50 mil-

⁹⁷ Interim Report. «The Commission on America's National Interests and Russia». September 2003. <http://www.nixoncenter.org>.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ See. Becker A. Rand Corporation Report. Some Economic Dimensions of Security in Central Asia and the South Caucasus.

¹⁰⁰ Barton J. Statement made at a meeting with the Ambassador of Kazakhstan Republic K. Saubayev. March 10, 2004. Washington.

lion tons of oil by the year 2010, by including Kazakhstan in the project, the oil-extracting opportunities of these countries will provide serious competition to the OPEC countries¹⁰¹.

Thus the strengthening of its own control over potential deposits of hydrocarbon raw materials and energy-transport routes is the important long-term task of the USA in Central Asia. However, in Washington, in contrast to Moscow and Beijing, they are inclined to consider that stable development in the region is conditional upon the necessity of diversifying the region's export routes of energy resources and the inexpediency of preserving one state's monopolistic access to them¹⁰².

Washington also realizes that Moscow is energizing its efforts to coordinate its own strategy in the region with economic expansion and the reanimation of export pipeline projects from the region through its territory. In particular, Russia, in the medium-term outlook, will bring into effect a stricter and more confident policy concerning the adjoining states. Thus the emphasis will be made on economic expansion, above all, in sphere of power engineering¹⁰³.

According to available expert data, supporting the current rates of China's internal economic development from further growth of its industry will require the maintenance of a substantial annual increase in the consumption of energy resources, which is predicted to achieve the level of 5 million barrels a day by 2020. At the same time, negative developments in the situation in the Near East countries, which supply half of all energy resources to China, also inspire Beijing to find alternative sources of this raw material, including the Central Asian countries.

Clearly, further growth of energy resources consumption in China will lead in the short-term perspective to Central Asia's becoming a region of vital interests for the People's Republic, not only in the sphere of security but also in the area of energy diversification. Most likely, in China they did not pay adequate attention to this as recently as two-three years ago. Thus, in particular, the Director of the Russian and Central Asian Department of the Shanghai Institute of International Studies Zhao Huasheng noted that «the volume of oil imports to China from Central Asia have not reached strategic significance. In 2002 China imported only 1 million tons of oil from Kazakhstan by railway»¹⁰⁴. However, it seems that the continua-

tion of the unstable situation in the Near East region would only actualize the Central Asian direction of China's foreign policy in the energy sphere as well.

China, interested in maintaining stable and direct deliveries of energy resources from Kazakhstan, aims to strengthen its positions in Central Asia and the Caspian region. Meanwhile, one cannot exclude the possibility that Beijing's actions in this direction are caused by the increasing volume of capital investments by western countries, above all the USA, in the oil-extracting industries of the region's states.

Thus, the presence of American military forces on the territory of the Central Asian states, the certain normalization of the military-political situation in Afghanistan and as a result, the revision of the region's geostrategic significance have created qualitatively new geopolitical prerequisites for the diversification of multilateral regional cooperation and the overcoming of Central Asia's isolation. At the same time, the observed activity of the fundamental major powers in the region strengthens the multi-directional aspect of the foreign policy of the regional countries. The complex configuration of the Central Asian states' interests and obligations within the framework of isolated regional structures complicates the development of common strategic approaches to the resolution of regional problems.

In this connection, it seems that the development of the geopolitical situation in Central Asia in the short-term perspective will be determined by the American reaction to the development of institutional processes in the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) (the Russian air base in Kant), and also the SCO.

Thus, the necessity exists of preventing the formation of geopolitical rivalries and military-political blocks in the region, as well as considering the SCO as a mechanism of multilateral cooperation directed towards strengthening peace and stability, and open and constructive partnership. In the given context, one must also add a special imperative for cooperation in the security sphere among the USA, the Russian Federation and the People's Republic of China. It is obvious, moreover, that a combined effort to work out effective steps towards rendering effective assistance to the countries of the region will require the adjustment of strategic dialogue among such organizations as the SCO, NATO, CSTO and the United Nations. This is evidenced by past experience, which has demonstrated not only the inefficiency but also the counter-productivity of uncoordinated programs, which frequently contradict or, at the least, duplicate one another.

Meanwhile, the new initiatives of the USA, above all, within the framework of the agreement on trade and investments across

¹⁰¹ William R. Report on Wilton Park Conference 722. «The Caspian and Central Asia: Stability and Development». January 2004. <http://www.wiltonpark.org.uz>.

¹⁰² Oresman M. Statement at the Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. May 4, 2004, Tashkent.

¹⁰³ Tennett J. Special Report for the USA Congress. February, 2004.

¹⁰⁴ Zhao Huasheng. China's interests and posture in Central Asia. The 4th international Conference «The situation in Central Asia and the SCO». The Shanghai Institute of International Studies. 2004. — P.155.

Central Asia¹⁰⁵, should promote the intensification of regional cooperation, involving Turkmenistan and Afghanistan in this process with the purpose of forming a common regional market which would be more attractive than the markets of the countries of the region taken separately.

On the whole, the US military presence in Central Asia creates conditions favorable for strategic stability in the region. In particular, Washington's interest in the formation of common mechanisms for maintaining regional security and understanding of the unacceptability of military-political and economic domination by the ambitious major powers in the region has great importance. In this respect it is necessary to take into consideration that as Z. Brzezinski noted, «America is situated too far away to dominate this part of Eurasia, but it is too strong not to be involved in the events in this theatre»¹⁰⁶. This position is reflected in the Strategy of US National Security 2002 in which it is noted: «Today there is not any state equal to the United States in military power; we have huge political and economic influence. According to our traditions and principles we do not use our force to obtain one-sided advantages. On the contrary, we seek to create a balance which would respond to the interests of peoples, i.e. conditions in which each country and each society could choose the purposes and paths which political and economic freedom open before them»¹⁰⁷.

The Russian Federation

Central Asia, as part of the territory of the CIS, takes a very important place in Russia's foreign policy strategy. In geopolitical terms, this region gives the Russian Federation an opportunity for geostrategic maneuvering in neighboring territories, in particular, in the Caspian basin, the Middle and the Near East, and Southern and Southeast Asia. Russia's military-political presence in the Central Asian region allows it to carry out more successful policy in Afghanistan, which still represents a threat on its «southern boundaries».

In the new conditions of the geopolitical situation in Central Asia formed after the events of September 11, 2004, the regional policy of Russia as opposed to previous years has undergone transformations which today have taken on a more dynamic character. One can say that the strengthening of its presence in the Central

¹⁰⁵ This agreement was signed by all Central Asian countries and the USA in June, 2004, in Washington, directed at strengthening interactions among six parties with the goal of increasing investments and creating a common regional market.

¹⁰⁶ Z. Brzezinski. The great chess board. America Supremacy and its geostrategic imperatives. Moscow, 2000. — P. 178.

¹⁰⁷ The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002.

Asian region for today has not only become a serious factor for Moscow in the strategic plane, but more and more has become one of the key components in the entire ideologically constituted foreign policy of the Russian Federation. Minimization of the Russian influence in the region would considerably undermine the international image of Russia as a «great power» to which growing attention is paid in the country's military-political circles.

This problem becomes substantially significant in lieu of the changes which have recently occurred in the neighboring Baltic countries, which have entered NATO and the EU, and also in the Caucasus, which has made purposeful efforts to diversify its foreign policy, attempting to minimize Russian influence. Against this background, any failures of Russia in Central Asia will be perceived as a further reduction of its geopolitical territory.

Nevertheless, Russia, in the meantime, succeeds in showing itself as one of the largest world powers, capable of influencing the further development of events on the international scene, including the settlement of crises in the world's «hot spots» through active political-diplomatic efforts, and also its status as a nuclear superpower. The Russian arsenal of nuclear ballistic missiles exceeds by ten times the arsenals of France and Great Britain taken together. This nuclear weaponry may possibly have lost its relevance, and that is why it would be useless in the context of any probable scenario, but there remains the impression that it still affects foreign politicians. Moreover, it helps Russia, as usual, to consider itself a superstate and to cherish corresponding ambitions¹⁰⁸.

In the new realities connected with the expansion of the so-called zone of NATO responsibility, and also the EU, up to Russia's western borders, its foreign policy strategy has acquired more and more precise contours throughout the territory of the CIS, including Central Asia. In all probability, NATO's expansion to the East will be one of the most pressing problems in Russian foreign policy, at least in the medium term. Certainly, the activation of NATO cooperation with the CIS countries including Central Asia, as many experts believe, infringes Russian interests.

Concerning the given question, the Russian Federation Minister of Defense S. Ivanov claims that «Russia is attentively following the process of NATO transformation and expects a full withdrawal of both direct and indirect components of anti-Russian orientation from the military planning and political declarations of the NATO member countries. But if NATO is kept as a military alliance with the offensive military doctrine operating today, then Russian military planning and principles of

¹⁰⁸ Emerson M. The Elephant and the Bear EU, Russia and Near Abroad. Moscow, 2001. — P. 2.

building up the Russian Armed forces, including their nuclear component, will be reconsidered adequately»¹⁰⁹.

At the same time, the well-known European expert M. Emerson believes that in any case, Russia on the whole has lost interest in the CIS as well as in the organization¹¹⁰. It is obvious, that such a tendency has been closely interconnected with the social, economic and political situation in Russia itself, which prevents it from carrying out a more active policy within the framework of the Commonwealth which, in Emerson's opinion, «was initially conceived as a kind of EU copy, capable of saving the Soviet Union from disintegration»¹¹¹.

As it is turns out, during the past few years, Russian policy concerning the CIS countries, including Central Asia, has begun to be built mainly upon bilateral relations, and the aspiration has arisen to create more compact groupings. In October 2000 the Eurasian Economic Community was founded. It included the states ready for economic reintegration and the recognition of the corresponding mechanisms of political control: Russia with Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. There is also a defensive alliance known under the unofficial name «the Tashkent Agreement» which includes Armenia in addition to the above-mentioned states¹¹².

Moreover, realizing the inefficiency of the functioning of the mechanisms which include all CIS countries, Russia actively tries to optimize its efforts at reviving such economic associations as the Eurasian Economic Community and Eurasian Economic Space. Thus, the Russian Federation tries to extend as far as possible the boundaries of the market on Commonwealth territory. In V. Khristenko's opinion, this task means for Russia, for example, the creation of a homogeneous space overlaying the political map of the Russian Federation for the activity of Russian companies. The same scheme is planned for our neighbors — Kazakhstan, Belarus, and the Ukraine¹¹³. In Moscow those states are considered, most likely, as the «core» of the economic and political reintegration of the CIS or as Khristenko says — «the locomotive of long-term integration processes»¹¹⁴.

However, for today it is becoming clearer that Central Asian policy as part of the strategy of the Russian Federation on CIS territory is directly connected with the problems of Russia's interac-

tion with other major powers. In particular, the efficiency of Moscow's efforts to reintegrate the economic systems of the Commonwealth countries around the Russian economy in many respects depends on the character and orientation of relations between the Russian Federation and the EU. In this connection Khristenko considers that «if the expansion of the market to the CIS countries actually solves the problem of restoring the traditional Russian market and traditional relations of the former USSR, ... then interaction with Europe provides another process, which is also very important for today's Russia: qualitative development»¹¹⁵.

The problems of the reanimation of Russian influence on the whole CIS territory remain a special subject of discussion and debate for a lot of Russia scientists and experts. The character of similar research obviously shows the acuteness of these questions, and also the morbid attitude to processes in the Commonwealth, both in analytical and academic circles, and among the Russian Federation's military-political elite representatives.

M. Emerson's research confirms his observation that some Moscow experts working in the sphere of geopolitics advance their opinion concerning this problem unambiguously enough. Alexander Dugin — the author of «the Basis of Geopolitics» — says: «I am sure, that with Putin as the president, the process of consolidating our geopolitical territory is accelerated»¹¹⁶. Andrey Fedorov, Director of the Council of Political Programs on External and Defense Policy, notes that «today we speak about our spheres of interests openly enough. In any event, we confirm that the post-Soviet space is such an area. During Yeltsin's epoch we tried to wrap up this idea in a beautiful package. Now we speak about it more openly: it is our territory, our sphere of interests»¹¹⁷.

Without question, in recent years, especially since the events of September 11, 2001, Russia has been forced to take into consideration the growing influence of external forces in Central Asia, chiefly the USA and the People's Republic of China, and to recognize their geopolitical presence in the region. From this point of view, the problem becomes more pressing for Moscow to form a dialogue with these states which would give it an opportunity to secure its own national interests in the Central Asian region.

However, in the last few years, as mentioned above, a complex configuration of interests of external forces in Central Asia has formed, which in military-political terms can negatively influence the regime of regional security. After Kyrgyzstan offered «Manas», the largest airport near Bishkek, for military contingents of the

¹⁰⁹ Ivanov S. Russia's Armed forces and its geopolitical priorities//Russia in global policy. Volume 2, №1, January–February 2004. — P. 40.

¹¹⁰ Emerson M. The Elephant and the Bear EU, Russia and Near Abroad. — P. 23.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Khristenko V. Do we need integration?// Russia in global policy. V.2, №1, January–February, 2004. — P.76–77.

¹¹³ Ibid. — P. 81.

¹¹⁵ Ibid. — P. 77–78.

¹¹⁶ Emerson M. The Elephant and the Bear. The European Union, Russia and their nearest abroad. — P. 24.

¹¹⁷ Ibid. — P. 24–25.

member countries of the antiterrorist operation in Afghanistan, there followed the opening of the new Russian base in the Kyrgyz city of Kant. Along with this there are the American armed forces, which have rented military airports in Uzbekistan and Tajikistan with the aim of rendering assistance to the international antiterrorist coalition in the settlement of the Afghan crisis.

Military presence of external forces in Central Asia becomes one of the key factors for the formation of geopolitical stability formation. However it is necessary to emphasize particularly, that this factor, aimed at the eradication of international terrorism, and also at maintaining regional security, should not promote the transformation of the region into an arena for a military-political rivalry between the major powers. It is obvious that the development of the situation in this direction does not correspond to the interests of the United States or Russia, above all in view of the present character of the Afghan and Iraq situations.

At the same time, from a geopolitical point of view, the Russian factor will always be powerful in Central Asia, above all by virtue of the geographical location of the region between Russia and China, which will inevitably aspire to represent themselves as the centers of economic and political gravity for the states of the region¹⁸.

In these conditions Russia, avoiding complicating direct relations with the other major powers, aspires to prevent US domination and to balance the Chinese presence in Central Asia. The Russian Federation is trying to reanimate its lost military-political and economic positions in the region by means of accelerating integration processes within the framework of various institutional mechanisms. At the same time, Moscow is trying to expand significantly its control over the development and transportation of the region's energy resources, and also to increase the share of Russian capital in the economies of the Central Asian states.

Recently it has become clearer that in line with its economic growth, Russia will require for its own goods more and more markets, one of which is Central Asia. This tendency is also strengthened by the process of EU expansion, through which the Russian Federation, most likely, will already in the medium term perspective substantially lose its position in the markets of the Eastern European countries, becoming only a potential supplier of hydrocarbon raw materials. For today for the countries of Western Europe, the highest priority zone of investment interest is the market of so-called «zone of expansion» countries which they actively dominate, using the regulations of the unified all-European home market, creating the most favorable conditions for them. At the

same time, from the «zone of expansion» market, the less competitive goods and technologies of these zone countries, as well as the CIS countries, in particular Russia, are forced out.

In this way, the gradual loss of position in the «zone of expansion» market urges the given countries to search for ways of their own «expansion» in the markets of the CIS countries which are not represented in the EU, including the republics of Central Asia¹⁹. This tendency is observed in almost all spheres, in particular, in the spheres of the automobile industry and agriculture, in which strong competition with the West-European giants has developed since the opening of the markets of the «zone of expansion».

In this context it is necessary to note that the economic component of Russia's foreign policy strategy, including in Central Asia, could play a growing role in the development of the region's geopolitical situation if Moscow, which does not have significant financial-investment potential, adequately reacts to the new processes in the nearby regions. At the same time, the preservation of the Russian economy's orientation towards raw materials, which is currently providing its growth, can substantially strengthen the vulnerability of the Russian Federation, undermining any integration initiatives in Central Asia.

It is no coincidence that practically all institutional mechanisms on CIS territory, as well as in the Commonwealth itself, have turned out to be ineffective, by virtue of the fact that their potential, particularly financial/investment and technological, does not in practice correspond to the aspirations of the countries of the given association, including Russia. The aspiration of the countries of the CIS, including Central Asia, to ensure social and economic development, as a rule, by attracting Western investments, was one of the most vital reasons that all mechanisms on its territory became practically incapacitated.

However, Russia as was mentioned above, still remains the largest trade and economic partner of the Central Asian countries. This factor exerts serious influence on the foreign policy of the Central Asian countries, especially taking into account the difficult social and economic situation in the states of the region, which expected substantial financial and economic dividends from cooperation with the countries of the West. However, for today, more than ten years after acquiring independence, practically none of the Central Asian republics have achieved significant results in maintaining steady social and economic development.

In this connection, the deepening of cooperation in the spheres of trade and economics, and also in the field of transport commu-

¹⁸ See: Central Asia: geoeconomy, geopolitics, security. — P. 103.

¹⁹ For more details see: Abdullaeva L., Yigitiev Sh. «EU Expansion and trade-economic cooperation of Central Asian states» // «Economic Review». №6(58) 2004. — P.28—32.

nications and the oil-and-gas industry, corresponds to the interests of both the countries of Central Asia and of Russia. At the same time, the diversity of the Central Asian republics' interactions with other states showing an interest in the development of bilateral and multilateral relations in those spheres plays a most important role. However, effective realization of joint projects can be achieved only if they are not tied to politicization in the form which has manifested itself practically throughout the last few years.

In this connection for Russia, as the Russian scholar V. Petrovsky, full member of the Academy of Military Sciences, believes, «the significance of multilateral security mechanisms on Eurasian territory, and also their ability to interact among themselves to achieve common goals, increases. The concept of international security regimes can serve as the integrating theoretical-methodological platform, called to unite the efforts of various types and systems of regional (subregional) security in the sphere of preventive diplomacy, peace-making and dispute settlement»¹²⁰.

The People's Republic of China

At the present time China, being a permanent member of the United Nations Security Council, is without doubt one of the greatest powers in the world, possessing a rapidly developing economic, military, space and demographic potential which in aggregate substantially raise its role and status in the resolution of many international and regional problems, including in Central Asia. The People's Republic of China has appreciably intensified its foreign policy strategy in the region after the disintegration of the former Soviet Union, which was in many respects promoted by the «thaw» in China-Soviet relations at the end of the 1980s under Gorbachev.

The deepening of mutual relations among the Central Asian countries and China is quite a natural phenomenon in view of the fact that the states of the region, in particular, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, have a rather extended border with the People's Republic of China. This geographical determinism objectively results in the reciprocal significance of deepening bilateral mutually advantageous relations for the states of the region and China. At the same time, this factor becomes substantially relevant for Chinese policy on Central Asia in geopolitical terms, by virtue of the geographical position of Central Asia between Europe and Russia, and also the regions of the Caspian basin, the Near and the Middle East, and Southern Asia.

As T. Kelner considers, China's interests in Central Asia «on the whole are concentrated around three axes: security, trade and

hydrocarbons»¹²¹. The foreign policy of Beijing concerning Central Asia is determined, in Kelner's opinion, «in the framework of a wider strategy — «a peripheral policy» (zhoubian zhengce) (in the official terminology of Beijing) implemented with regards to all of China's Asian neighbors»¹²². This policy is directed towards increasing the influence of the People's Republic of China on a global level by strengthening the Chinese position on a regional level. Within the framework of such strategy the Chinese leadership seeks to deepen relations with neighboring countries, preventing unfriendly powers from taking advantage of possible various disagreements between China and its neighbors. In this context «Chinese politicians and researchers have always attached special significance to the problems of security in Central Asia. The main reason for this concern of Beijing is caused by a long history of interstate disputes, and also the lack of security in Central Asia and its influence on the northwest provinces of China»¹²³. As it seems, the foreign policy of the Chinese People's Republic in the Central Asian region is indissolubly connected with the priority task of Beijing to maintain favorable external conditions for the social and economic development of the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR), which for today remains one of the most backward regions of the country.

In this connection, the People's Republic of China attaches special value to the comprehensive development of the XUAR. As the well-known Uzbek sinologist A. Khodjaev notes, «by the end of the last century the number of cooperation programs between XUAR and various regions of China exceeded 18700 for a total sum of 540 million yuans (about 66 million US dollars). The cost of such programs according to the material resources used was more than 23 billion yuans (about 2.8 billion US dollars). In the development in the XUAR of agriculture, the petroleum industry and electricity generation, 25 provinces and areas participate, with more than 9 thousand projects directed towards providing production exports»¹²⁴. In this respect it is necessary to emphasize that Central Asia, strategically important for China as a supplier of energy resources and various raw materials and as a large market for Chinese goods, will also maintain in the future its importance in the social and economic transformations of the XUAR.

From this point of view it is possible to note that the policy of China concerning Central Asia is one of the constituent and important directions of the foreign policy strategy of the country. China

¹²¹ See: Kelner, T. «La Chine et les républiques d'Asie centrale: de la défense au partenariat», CEMOTI, №22, juillet-décembre 1996. — P. 277—313.

¹²² See: Zhao, S., «China's Periphery Policy and its Asian Neighbours», Security Dialogue, vol.30, №3, September 1999. — P. 335—346.

¹²³ See: Omidvarinia M. «Untraditional Factors influencing security in Central Asia. The Chinese point of view.» Amu-Darya, №14, 2003. — P. 136—146.

¹²⁴ Khodjaev A. «The Chinese Factor in Central Asia. — P. 61.

¹²⁰ Petrovsky V. New Paradigm of security in Eurasia//Observer. 4/2004. — P. 24.

also would not like certain Uyghur movements against the Chinese presence in the XUAR to find any support in the territory of the Central Asian countries and Afghanistan, nor for Pan-Turkic ideas to be distributed in the northwest region of the country.

In this connection some Chinese experts, as French analyst Kelner asserts, have even expressed their concern in connection with the expansion of so-called «Kazakh chauvinism» and «the ambition of Uzbekistan»¹²⁵. In all probability, this is caused by the fact that Beijing fears that the achievement of independence by the Central Asian states, and their development and strengthening as sovereign republics, could activate the cause of separatism among the Uyghur population in the XUAR.

In this context, the geopolitical situation in Central Asia is directly connected with problems of security in the XUAR and along the perimeter of the northwest borders of the People's Republic of China. Thus, many Chinese experts determine the «rivalry» for influence in Central Asia between Russia and the USA as a threat to the security of China¹²⁶. In particular, Gu Guanfu considers that Washington, aspiring to strengthen its position in the geopolitical rivalry in Central Asia, has resort to using ethnic separatists operating against Beijing's interests in the XUAR and the region's states¹²⁷.

As the director of the Institute of East Europe and Central Asia of the Chinese Social Studies Academy Lee Tsinjie notes, «there is a point of view according to which till 2001 in Central Asia there was a geopolitical balance among Russia, the USA and China: Russia relied on its military-political presence, the USA — on its economic influence, and China — on the export of goods and import of raw materials. This balance was upset after the events on September 11. Now the United States not only possesses the advantage in the economic sphere, but the USA has also occupied the former Russian position in military-political sphere»¹²⁸.

However he emphasizes, that «before the USA brought troops

into Central Asia, there was no Russian military presence in Uzbekistan and Turkmenistan at all; the Chinese trading influence in Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan was rather weak; during the war on terror the USA did not bring troops into Kazakhstan and Turkmenistan, and at the end of the war the Russian armies in Tajikistan and Kyrgyzstan exceeded the Americans in strength». Therefore, according to his opinion, «on the whole, the geopolitical situation has not undergone obvious fundamental changes»¹²⁹. He also notes that «the maximum advantages from American support during the antiterrorist war were obtained by India, Turkey and Uzbekistan, which occupied favorable positions in the deployment of forces in the region. However such changes did not disrupt the macrosituation left from the past. Based on geographical advantages, Russia and China continue to maintain significant influence in the region»¹³⁰.

Concerning the Central Asian strategy of the US, Tsinjie believes that the essence of American policy in the region is «indirect» or «soft control» the purpose of which is to obtain the greatest influence at the lowest cost. The USA encourages the countries of the Central Asian region in their estrangement from Russia on their own initiative, rather than by attempting to remove them from Russian influence. This US policy, based on the evaluation of the geopolitical situation in Central Asia, has resulted in the impossibility of cardinal changes in the distribution of forces in this region¹³¹.

At the same time, the development of trade and economic relations is, according to official Chinese statements, also one of the most important directions of Beijing's Central Asian policy. In 1994, during a trip through the region's countries, Li Peng declared that economic cooperation was the priority goal of Chinese policy in Central Asia¹³². Some Chinese researchers connect this to the aspiration of China to ensure social and economic development in the XUAR. In particular, in the opinion of Yueyao Zhao, Beijing considered that the economic development of the XUAR would promote a reduction in tension in that region. In this connection, from the beginning of the 1990s, China carried out a special policy regarding the XUAR, directed towards the stimulation of trade and economic relations of the region with the Central Asian countries¹³³.

However, in spite of this, in the official data, dynamic growth of bilateral trade volumes between the People's Republic of China

¹²⁵ See: Liu M., Liu W. «Changes of the Strategic Position of Central Asia and the Contest among Outside Forces», International Strategic Studies (Beijing), № 3, 1998. — P. 28.

¹²⁶ See: Zhou Xiaohua. «Covert and overt Russia-US rivalry in Central Asia», Xinhua Domestic Service in FBIS—CHI—99—004, January 4, 1998. See also: Gu Guanfu, «US involvement in Central Asia and the Security of China», in Study Reports on International Situation, 1997—1998, China Society for Strategy and Management Researches, Sun Yefang Economic Science Foundation, Shanghai, Strategy and Management Press, 1998.

¹²⁷ Gu Guanfu. US involvement in Central Asia and the Security of China. In Study Reports on International Situation, 1997—1998, China Society for Strategy and Management Researches, Sun Yefang Economic Science Foundation — Shanghai, Strategy and Management Press, 1998.

¹²⁸ Lee Tsinjie. «Basic peculiarities of the modern geopolitical situation in Central Asia», in «Changing Central Asia and regional cooperation», Documents of the regional conference. Dushanbe, 2003. — P. 9.

¹²⁹ Ibid. — P. 9.

¹³⁰ Ibid. — P. 10.

¹³¹ Ibid. — P. 11.

¹³² See: «China Basic Policy Toward Central Asia», Beijing Review, vol. 37, № 18, May 2—8, 1994. — P. 18.

¹³³ See: Zhao Yueyao. «Pivot or Periphery? Xinjiang's Regional Development and Chinese—Central Asian Relations at the Century's End», PhD dissertation, Florida International University, Miami, 1997. — P. 297.

and the countries of Central Asia has not been observed, though there is a noticeable dynamic in the development of Chinese commodity circulation with Kazakhstan and Kyrgyzstan. Meanwhile there is a certain tendency in the trade between China and the regional states, with raw materials prevailing in the Chinese import structure, while exports mostly consist of goods and production of China's light industry.

At the same time, the social and economic situation, in which the purchasing capacity of the citizens of the Central Asian countries has appreciably decreased, has resulted in a growth in demand for cheap Chinese goods of poor quality. In conditions of the absence of rational legislative norms regulating trade, above all the so-called «shuttle» traders, the problem of the growth of uncontrolled imports becomes more and more serious. According to the estimations of some experts, in 2003 the «shadow trade» reached almost 1 billion dollars¹³⁴.

This tendency, at first glance, seems quite obvious and «inoffensive» because it is caused by the objective laws of the economic theory of supply and demand, which correspond to the interests of the region's countries with only the purpose of satisfying the «momentary» needs of the citizens. However, from the point of view of economic security, which is one of the major components of the national security of the Central Asian states, it becomes more and more obvious that in the medium- and long-term perspective such phenomena will seriously undermine the regional countries' light industry, in particular, their textile manufacturing.

Naturally, the development of industry is inextricably linked with questions of providing jobs for the able-bodied population. This is one of the major problems in strengthening the social and economic stability in the Central Asian countries. In turn, similarly, the export of Chinese goods to the region's market provides an effective opportunity for the People's Republic of China to solve its own problems connected to providing jobs for the population, above all, in the XUAR, and also modernizing the economy of this area. In this connection for China there is a dilemma: in rejecting such an external economic policy in Central Asia, Beijing would lose the opportunity to effectively carry out cardinal social and economic reforms in the XUAR; on the other hand, continuing with the so-called economic expansion in the region interferes with the improvement of the social and economic situation in the neighboring Central Asian countries in which China is not interested.

The disintegration of the former Soviet Union resulted in the disintegration of its complete, interconnected economic system, which promoted serious economic crisis on the entire territory of

the CIS, including in Central Asia. As a result, the majority of the industrial output of the Central Asian states appeared unable to survive independently under the severe constraints of market transformations. This tendency, in turn, caused the appearance of some serious social and economic problems connected also with the growing rate of unemployment which the region's republics were practically unprepared to solve.

Against the background of the decline of the Russian economy and also by virtue of the geographical remoteness of Central Asia from the large world markets, China appeared to be the only potential supplier of consumer goods. This factor has played an extremely important role in the formation of the economic component of China's geopolitical presence in the region, which cannot be underestimated.

The problem of maintaining its own energy security by establishing stable deliveries of hydrocarbon raw materials from the Caspian states, particularly from Kazakhstan, is becoming more significant for China. Today, according to various estimates, more than 60% of China's imported energy resources are delivered from Near East countries. However, continuing tension in this region, in particular the military-political situation in Iraq and its environs which, most likely, will have a long-term character, causes special concern in the Chinese government.

The energy factor has special importance in the foreign policy of the People's Republic of China, which demands its diversity in order to maintain the country's energy security in the long term. For today, American activity in the Near East, above all in solving the Iraq crisis, implies that the US presence in the region will be long-term. Most likely, Beijing recognizes the objective consequences of the Iraqi situation, as the rather constrained statements of the Chinese leadership about the Bush administration at the beginning of its anti-Saddam operation testifies.

In the aftermath of September 11, 2001 there has been a certain improvement in Sino-American relations towards the direction of closer interaction, despite Bush's statement in 2000 that China is America's «strategic rival.» As is known, former American president Bill Clinton asserted earlier that the People's Republic of China is «the strategic partner» of the United States.

The People's Republic of China and the USA realize that modern challenges and threats, caused by the political-economic and ideological costs of globalization processes, dictate the development of a fundamentally new paradigm of international relations for maintaining global and regional security, including in Central Asia. In the conditions the formation of a new world order, the importance of developing constructive international dialogue grows substantially in a number of key regions of the world, including Central Asia, which should become open to the entire civilized world community.

¹³⁴ Oresman M. Statement at the Institute of Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. May 4, 2004, Tashkent.

The present geopolitical situation in Central Asia undoubtedly provides objective conditions for the solution of some major problems for China. The settlement of the Afghani conflict now allows the People's Republic of China to diversify its foreign policy strategy in a «western» direction, which was practically impossible before the collapse of the former Soviet Union. Thus, over the last ten years, the attention of Beijing has been more and more focused on maintaining stable access to the European markets by forming stable transport-communication arteries through the territory of Central Asia.

The solution to this problem has required, among other things, a decrease in transport charges for imported raw materials and equipment, and also for the export of finished goods. From this point of view, the creation of the shortest railway and automobile routes to Europe, Southern Asia and the Near East, above all bypassing the territory of the Russian Federation, is of great importance. In this connection the revival of the Great Silk Road has become necessary for China, strengthening even further its interests in Central Asia¹³⁵.

At the same time, recently many analytical centers, focused particularly on Beijing's concern regarding NATO's eastward expansion, have been paying much attention to the foreign policy of China, especially in Central Asia. As Lee Qinqie emphasizes, «although bringing American troops to Central Asia gives strategic advantages to the USA and NATO in any future possible war, it is necessary to remember the complicated geography and non-homogeneous ethnic structure of Central Asia and Afghanistan, their social and economic conditions and extremist remnants, and also the anti-Americanism formed in the region already many years ago. If the USA aspires to secure an advantage, continuing to pursue a policy of monopolarity without taking into consideration the position of other countries and international organizations, then they will have to pay a high price»¹³⁶.

Objectively, in the conditions of the new geopolitical situation in the Central Asian region, China should take into account the present character of the regional countries' relations with NATO. Moreover, the dialogue of Russia — a participant of the Shanghai Cooperation Organization — with the Alliance within the framework of the Russia-NATO Council, and also the Russian military-political presence, including in the Collective Security Treaty Organization (CSTO) format, substantially reduces China's opportunities to expand its presence in Central Asia in military-political terms.

Nevertheless, China has significantly intensified bilateral relations with Kazakhstan and Kyrgyzstan, and military exercises have been carried out on the territories of the two countries within the

framework of the struggle against international terrorism. At the same time, the People's Republic of China and these Central Asian states have demonstrated the mutual aspiration to substantially develop bilateral relations in the military-technical sphere.

However, the continuing dependence of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan on Russia, in the sphere of defense and maintenance of military-political security, determines their interest in supporting and developing cooperation with the Russian Federation within the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). This scheme of the regional states' interaction with Russia, which recently significantly intensified its institutionalization process, exerts a certain influence on relations between China and the Central Asian countries. It is clear that Beijing realizes the importance of Russian interests in the region, as demonstrated, above all, by the presence in the city of Kant (Kyrgyzstan) of a Russian Federation military base, and also of the 201st division in Dushanbe (Tajikistan).

Moreover, Russia remains one of the largest trade and economic partners of practically all the countries of Central Asia, a fact which — together with its continuing informational-cultural influence — substantially increases the opportunities for Moscow to carry out a more effective dialogue with Beijing in the region. Recognizing this reality, the People's Republic of China, in turn, shows a growing interest in intensifying cooperation with the Russian Federation and the Central Asian states within the framework of the SCO. In this connection, it is no coincidence that China has been trying to optimize SCO activity over the past few years, not only in the struggle against the so-called «three evils» — terrorism, separatism and extremism — but also in the economic sphere. It is obvious that the efficiency and viability of the organization can be ensured only if its activity does not become isolated in only one area, in this case in the maintenance of regional security in Central Asia.

In this connection one would like to note those important problems, the solutions to which, including in the framework of the SCO, being of mutual interest to both China and the countries of Central Asia, would promote a deepening of cooperation between the People's Republic of China and the states of the region, and also the maintenance of regional security.

First, for today the problems of a peaceful restoration in Afghanistan have a particular significance for the maintenance of regional security in Central Asia. Effective social and economic development in Afghanistan would promote the maintenance of more favorable prerequisites for involving countries in closer interaction both with China, and the Central Asian states. At the same time, the stabilization of the military-political situation in Afghanistan would promote the formation of conditions for the creation of necessary transport-communication routes in a southern direction.

¹³⁵ See: Central Asia: geoeconomy, geopolitics, security. Tashkent. 2002. — P.112.

¹³⁶ Lee Tsinjie. — P.9.

Secondly, for today the production of drugs in Afghanistan, the scale of which has reached global proportions, represents a serious threat to regional security in Central Asia. Certainly, this problem should concern China, located in immediate proximity to Afghanistan. In this connection the People's Republic of China, being a permanent member of the United Nations Security Council, could promote the taking of more active measures in the struggle with the growing Afghan narco-industry on the part of the entire world community.

Thirdly, the continuing threats of religious extremism, closely connected with international terrorism, represent one more common sphere of interaction of the People's Republic of China with the countries of Central Asia. Nowadays, especially taking into consideration the present character of the situation in Iraq, the radicalization of political Islam can transform into destructive displays of religious extremism in practically all states of the region. From this point of view a special danger to regional security is presented by the activity of the radical organization «Hizb-ut-Tahrir», which has a wide structural-organizational network all over the world.

Fourthly, the problems of regional water use in Central Asia, on whose territory several transnational rivers run, in particular, the Black Irtysh and Ili, demands a rapid solution. Their joint settlement on the basis of a constructive approach in the framework of the SCO, taking into consideration the interests of the region's countries and China, will create favorable conditions for the further deepening of mutually advantageous cooperation.

On the whole, the foreign policy of China in Central Asia will be determined, most likely, by the further rates of its political-economic and military development. Naturally, the People's Republic of China aspires to play an ever-increasing role in the formation of a new system of international relations based on the principle of multipolarity.

The European Union

The role of the European Union has special significance in strengthening geopolitical stability in the Central Asian region. The EU is interested in the establishment of «geopolitical pluralism» in the region to maintain the stability and openness of Central Asia with the aim of realizing its political and economic tasks.

Moreover, the European Union does not yet possess the corresponding resources for independent participation in the solution of regional security questions, a fact, which appreciably reduces its influence in the military-political sphere. In this connection, EU activity in the sphere of regional security maintenance in Central Asia and around it is still developing within the framework or support of certain international organizations, particularly the OSCE and NATO, and also the United Nations.

In the economic sphere, the provision of access to regional energy resources and the development of alternative transport communications occupy an important role in the elaboration of EU policy concerning the Central Asian countries. This approach is based on the opinion that the geopolitical arrangement of forces in Central Asia will basically depend on mechanisms for the development of oil and natural gas stocks, and also on future routes of their transportation.

It is necessary to note that in the last few years, the problem of energy security in Europe has become appreciably more pressing in connection with the internal industry recession and increase in demand for imported energy. Thus, according to the Department of the European Commission on Energy and Transport, by the year 2020, 70% of the EU's energy requirements will be provided through imports¹⁷. In this connection, according to the «European strategy on maintenance of power security», the problem of strengthening the stability of hydrocarbon raw material deliveries to Europe from the region of the Caspian basin and Central Asia achieves vital significance.

The interests of the EU in the energy resources of the Caspian basin and Central Asia is also explained by the continuing and, in some cases, increasing problems of stability in the basic suppliers of oil to Europe, in particular the Arab countries, Venezuela and Iran. Moreover, the EU is concerned that the increase in American influence in the Near East as the character of transatlantic relations between EU and the USA develops could be seriously reflected in deliveries of oil from this region to the European market.

Thus, in conditions of limited military-political influence in the region in the presence of important economic interests, the policy of the EU, as a unified structure, towards Central Asia was drawn up on the basis of preventing the domination in the region of any major power. This policy stipulated the strengthening in the region of the democratic system of government of the states, whose economies should be based on market mechanisms. In such conditions the EU could expect to achieve both its political and economic interests in the region.

In this connection, from the moment the Central Asian countries gained independence, the EU actively has supported strengthening their political independence through the realization of market and democratic reforms and also by speeding up the integration processes among them¹⁸. In turn, to support market relations in the region, the EU countries try to raise the economies of the countries

¹⁷ See: «Towards the strategy of the security of energy supply». EU Green Paper. (Part III, Section I, paragraph B2).

¹⁸ Svann M. «EU strategy elements in Central Asia». Documents of international conference Stability in Central Asia in the postconflict period. June 14–15, 2002, Tashkent. — P. 52–57.

to European standards and to promote their entry into the WTO¹³⁹. According to certain data, over the last ten years the European Union has rendered help to the Central Asian countries in the total amount of 944 million Euro for the realization of the above-mentioned purposes. At the same time, political questions concerning democratization remain an important element of relations between the EU and the Central Asian states. Thus, according to Chris Patten, the commissioner of the European commission on foreign relations, who visited the region in March, 2004, «long fruitful relations between the EU and the states of Central Asia are impossible without the observance of human rights and the rule of law».

In spite of the fact that the purposes and problems of the EU in many respects coincide with American interests in Central Asia, there are a number of disagreements between Brussels and Washington, in particular, in the sphere of development and transportation of the region's energy resources. For example, the European Union does not support all the routes for the transportation of energy resources from the Caspian basin promoted by the United States. Thus, the EU has particularly supported the so-called «Greek» (Burgas — Alexandropolis) and «Romanian» (Constanța — Trieste) routes of oil pipeline construction, which are considered as alternatives to the basic export pipeline «Baku-Tbilisi-Ceyhan»¹⁴⁰.

At the same time, in contrast to the Americans, the European countries take quite a constructive position concerning Iran. It is known that the EU countries strictly resisted US attempts to extend the application of the American law on sanctions against Iran to European companies¹⁴¹.

However a certain adaptation of EU approaches to US policy in the region was observed after the events of September 11 in the USA, which is shown in the transformation of attention from political-economical questions to the primacy of security problems. In particular, the participation of the EU countries in the settlement of the Afghan crisis has abruptly increased. Nowadays the European states take upon themselves a significant part of the expenses of reconstruction in Afghanistan. Also, some EU states have headed the international security forces in Afghanistan.

At the same time, the acts of terrorism in the USA and the antiterrorist campaign in Afghanistan have seriously affected the development of a new EU strategy with regard to the countries of

¹³⁹ At this time, the EU has signed an Agreement on partnership and cooperation (APC) with all Central Asian states. But with regard to Tajikistan and Turkmenistan, the APC has not come into force.

¹⁴⁰ Yun S.M. «EU Policy in Central Asia in 1990.» www.international.tsu.ru/researches/sbor1/art20.html.

¹⁴¹ It is known that some European countries actively invest in Iranian Gas projects and also are interested in building an «Iran—Armenia» gas pipeline, which can be extended through Georgia to the Ukraine and then to the EU countries. «New «Blue Flow?» The newspaper «The Week Mirror» 27.03.2004.

Central Asia. In a new document accepted in October 2002, the problems of security in the region are given a leading position. Also, it is necessary to emphasize that the EU, when considering the sources of regional security, pays great attention to interregional and interstate elements¹⁴².

EU and Russia relations in the context of the Central Asian problem are basically characterized by attempts to weaken Russian control over the transportation routes of energy resources from the region. In particular, the programs «TRASECA» and «INOGATE», financed by the EU, partly serve that purpose. However taking into consideration that Russia is the basic exporter of gas to Europe and the network of gas pipelines to Europe is controlled by Moscow, the European Union is compelled to cooperate with Russia if it wishes to obtain gas from Central Asia in the future¹⁴³.

Moreover, as some analysts note, the control of Russia over the transportation of energy resources from Central Asia will increase further if the new member countries of the EU are included in the energy strategy of the European Union, as the Russian Federation is also the basic supplier of oil and gas to the former socialist countries of Europe. According to the evaluations of some experts, even if Central Asian gas exports to Europe begin to arrive through alternative rather than Russian routes, the possible volumes will be too limited for European needs¹⁴⁴.

In order to demonopolize the Russian gas market and control over gas pipelines, the EU also insists on the fulfillment of the European power charter (EPC) requirements by Moscow, which would allow the European Union the opportunity to regulate deliveries of energy resources to Europe through the territory of Russia without its exclusive control over volumes and prices. This, in turn, would promote the renewal of the main flow of gas from Russia and the countries of Central Asia in a European direction. In that case, it would be possible also to expect a rise in the incomes of Central Asian suppliers, which are currently artificially reduced by the low purchasing prices of «Gazprom». This also would result in an increase of interest on the part of western transnational companies in developing the gas deposits in the Central Asian countries.

¹⁴² «The EU new strategy», which is the basic document determining the policy and priority directions in rendering assistance to the Central Asian states in 2002–2006 was accepted on October 30 2002 and approved by countries—members of EU. In accordance with it democratic reforms development and poverty reduction, and also strengthening relations among regional states are the basic methods in struggle with instability sources.

¹⁴³ On April 2003 the French Senate took the decision to recognize Kazakhstan as an alternative supplier of natural gas to France, if in the future the country faces a problem of supply of this raw material. Aybat Jarikbaev. «Growing interest of Europeans in Caspian Hydrocarbons». *Gazeta.kz* 17.04.2003.

¹⁴⁴ Natural Gas: EU Welcomes Greek, Turkish Connection». www.stratfor.com. January 21, 2004.

However, Russia, which signed the EPC in 1994, refuses to ratify it and, thus the efforts of the EU directed towards the Russian Federation's full involvement in the process of EPC realization have not yet achieved prospective results. As a result of this, the EU takes a rigid stand in dialogue with the Russian Federation within the framework of negotiations concerning its entry into the WTO, demanding from Russia the liberalization of its energy market.

At the present moment, the special position of the EU concerning China, with regard to the question of Central Asian energy resources, is not being monitored. Probably, this is connected with the fact that Beijing, in the near future, is not capable of playing a significant role in the given sphere by virtue of the lack of necessary financial resources for this purpose. As experts of the American analytical center «Stratfor» consider, the Central Asian countries may sell oil to China, but for providing any serious economic benefits for the construction of the necessary infrastructure, decades are required¹⁴⁵. Meanwhile, against the background of strengthening European-Chinese relations, the significance of construction of a transport corridor from Central Asia to Europe may grow.

Despite the presence of strategic interests for the EU in Central Asia, the level of its involvement in the region remains rather low, in particular because of a lack of coordination in European foreign policy. As is known, for today the European Union has a complex structure of external relations while some its member countries use the association as a tool for strengthening national policies concerning current international problems. In this context, the military-political activity of Germany in Afghanistan can be considered as the aspiration of Berlin to occupy one of the leading positions in the realization of the principles of Europe's external and defense policies¹⁴⁶.

Moreover, in the opinion of western experts, the submission of European policy in the post-Soviet region to questions of human rights and the formation of a civil society does not meet proper support from local governments — which, in turn, prevents the EU from strengthening its presence in Central Asia. There are also considerations that the EU never considered the Central Asian region as a separate priority zone of its interests. This, in particular, is explained by the fact that the strategic frameworks of mutual relations among the region's countries and the European Union are based on agreements and documents of the EU in the geographical plan covering all CIS countries and containing clauses almost common for all of them¹⁴⁷.

Meanwhile, the principle of the maximal maintenance of the realization of national interests basically dominates in the mutual relations of the leading states of the EU with the countries of Central Asia. For example, Great Britain has more similar positions with the USA concerning energy resources in the region. At the same time, London's participation in the solution of regional security problems, in particular the settlement of the Tajik conflict, was much lower in comparison with the involvement of Germany and France. Moreover, in the opinion of the British press, Great Britain's participation in the military campaign in Afghanistan has basically been connected with the attempt to give the American actions a more «international character»¹⁴⁸. However, through economic involvement in the region, in particular in the development of the energy resources of Kazakhstan, British companies actively participate, assisting the open political support of London.

On the whole, the European Union can play a positive role in balancing the geopolitical interests of the leading countries in Central Asia, because for the EU it is more important to consider the region as an alternative source of energy resources, instead of an arena of geopolitical opposition between great powers. In this context, the rather constructive attitude of the EU to such key players in regional policy as Russia, the USA, China and Iran could promote adjustment of their mutually advantageous cooperation in the region. However in order for the EU to hold a firm position concerning this question, more unity is required of the European countries in the realization of EU foreign policy objectives.

Obviously, the essence of development of the situation in Central Asia, where the interests of such countries as the USA, Russia and China intersect in many respects, will influence the future situation of global security and the international political climate. In this connection, the rather soft position of Europe on global policy can enable it play the important role of the neutral third party. Nevertheless, this demands the long-term presence of the EU in the Central Asian region¹⁴⁹.

Japan

Central Asia, despite its geographical remoteness from Japan, has attracted the attention of Tokyo, which has considerably expanded its presence in the region. Such intensification, it seems, is caused by the presence of important Japanese interests. In all probability, the Japanese establishment seeks to carry out foreign

¹⁴⁵ A Map Redrawn: Eurasia in 2020». www.stratfor.com, November 17, 2000.

¹⁴⁶ See: Laumulin M. «Central Asia after September 11»// Central Asia and the Caucasus. №4 (22). 2002.

¹⁴⁷ Yun S.M. (Tomsk State University) «The EU policy in Central Asia in the 1990s».

¹⁴⁸ «Was the British deployment in Afghanistan a PR stunt?». The Independent. May 17, 2002.

¹⁴⁹ Alimov R.M. Central Asian security and geopolitical interests//Marco Polo. 1/2003. — P.8.

policy, including in Central Asia, proportional to its financial and economic potential. Japan is the second largest economic power of the modern world, taking first place on the basis of GNP per head¹⁵⁰. Accordingly, in Japan's political course concerning the region, pragmatism — especially economic feasibility — prevails, and only then concrete political objectives¹⁵¹.

The analysis of Japan's foreign policy strategy in Central Asia allows us to trace the well-defined logic in its actions directed, above all, towards rendering assistance to the region's countries to strengthen their independence with the goal of providing openness and availability. Japan does not aspire to dominate the Central Asian region, showing an interest in the formation of a geopolitical balance of interests, primarily of the USA, Russia and China. As one can imagine, the creation of such a geostrategic apportionment of the major powers in the region, from the point of view of the Japanese side, is capable of serving as a factor in maintaining regional security and stability.

Meanwhile it is necessary to note, that there are various opinions concerning the foreign policy interests of Japan in Central Asia. For example, Kazakhstan experts assert that «the basis of Japan's interest in Kazakhstan and the other states of Central Asia is above all an interest in maintaining control over the oil-and-gas potential of the region....»¹⁵². Obviously, the land of the rising sun is extremely dependent on deliveries of hydrocarbon raw materials from the Central Asian region, in particular, gas from Turkmenistan and oil from Kazakhstan. However does this mean that Tokyo aspires to establish «control over the oil-and-gas potential of the region»?

It seems that Tokyo realizes that its real opportunities, except for its financial and economic resources, are far from being comparable with, for example, Russia, China and even the EU, located in immediate proximity to the macroregion mentioned above. In our opinion, it would be appropriate to state that Japan aspires to ensure stable deliveries of energy resources in order to diversify its oil imports, which at the present time are mainly from the countries of the Near East.

From this point of view, it is important to emphasize that one of the key directions of Japanese relations with the Central Asian states has become the realization of projects within the framework of the Program of Official Development Aid (ODA). According to this initiative, in 1993 the countries of Central Asia were included

in the list of countries to which assistance is rendered. The aspirations of Japan are logically included in its Central Asian policy, one of the important components of which is assistance in forming a modern transport-communication infrastructure in the region.

In particular, thanks to Japanese credit, the railway stage «Friendship — Alashankou» (Kazakhstan-China) has been reconstructed, the railway-carriage repair factory in Tashkent has been constructed, and the railway system of Turkmenistan and wagon depots in the cities of Almaty and Ashgabad have been modernized. Construction of the region's highways and bridges has been financed at the same time. In 1997 the Japanese government granted a loan to Kazakhstan for 260 million US dollars for construction of a new bridge across the river Irtysh.

Japan also provides financial assistance in the reconstruction and modernization of airports in a number of large cities in the Central Asian region. Realization of these projects, including energy transport, and transport-and-telecommunications, will promote, it is presumed, the gradual transformation of the region into an important transit station on the territory between Europe and the Asian — Pacific region¹⁵³.

Evaluating Japanese policy in Central Asia, the former Ambassador of Japan in Uzbekistan Ukeru Maghosaki wrote: «economic assistance to countries is the most effective contribution of Japan on the international scene. This assistance provides political, social and economic stability in each region. And precisely Central Asia requires such help most of all. If Japan can render the necessary assistance to this region it is the proof of a new direction for Japanese diplomacy»¹⁵⁴.

The events of September 11, 2001 and the beginning of the antiterrorist campaign in Afghanistan have brought new modifications to questions of security in Central Asia that could not but affect the approaches of Japan to the region. According to the plan for counteracting international terrorism, Japan declares its readiness to render assistance of every kind to the countries actively combating it. The financial help of Japan to Afghanistan today has exceeded 358 million dollars; however, as Japanese experts note, efforts in this direction had an «inconstant character» by virtue of the absence of a «precise vision of the situation» in Tokyo, and also the continuing instability in the region, above all in Afghanistan.

In this connection, it seems, it is necessary to develop widespread cooperation between Japan and the countries of Central Asia for the further approximation of views on the modern international

¹⁵⁰ See: Policy and interests of world powers in Kazakhstan. Edited by Sultanov B. Almaty, «Daik—press». 2002. — P. 175.

¹⁵¹ Usabaliev E. The Policy of Japan in Central Asia as the possible appearance of new center of force// Central Asia and the Caucasus. №5(17), 2001. — P. 159.

¹⁵² Policy and interests of the world powers in Kazakhstan. — P. 176.

¹⁵³ See: Central Asia: geo—economics, geopolitics, security. — P.143—144.

¹⁵⁴ Ibid. — P.149.

situation, the problem of regional and global security maintenance, and also the prospect for economic interaction. In this context the commonality of approaches of Japan and the Central Asian states to regional security threats, inducing Tokyo to intensify its work on deepening interaction, is important.

Japan is taking measures to establish and strengthen its strategic partnership with the states of Central Asia and its environs, where threats of religious extremism, terrorism and drug production continue. In the new political reality, Japan, it seems, is inclined more and more to the necessity of revising its foreign policy in the field of security.

One of the key aspects of Japan's «renewed foreign policy strategy» in Central Asia can become Tokyo's aspiration to develop cooperation with the states of the region on a multilateral basis. In this connection Japan shows an interest in strengthening intraregional cooperation in Central Asia. Within the framework of the political initiatives, Tokyo has advanced some basic ways of developing relations in this sphere, which imply: development of political dialogue for a deepening of trust and mutual understanding; assistance in stabilizing the region by means of strengthening the regime of WMD non-proliferation; stimulation of democratic and economic reforms.

For the development of Japanese relations with the Central Asian countries the initiative of the prime minister of Japan D.Koizumi concerning the connection of the region to the processes of economic cooperation in East Asia has great value. The given initiative is directed towards the diversification of hydrocarbon raw material sources for Japan, allowing the Central Asian countries to realize their energy resources through alternative routes in an eastward direction.

On the whole, the interests of Japan in Central Asia, as mentioned earlier, are met with such development of the situation as would promote the strengthening of regional integrity for the formation of a united economic space. For Japan, the world's second «economic superpower», it is important to create conditions in the region which would allow its financial and economic presence in the Central Asian states to be increased.

For today the foreign policy strategy of Japan in Central Asia plays a positive, constructive role in strengthening the region's security and stability. Tokyo's interest in forming a common regional market in the Central Asia provides special opportunities for the countries of the region to use Japanese financial and economic and other resources to deepen regional cooperation.

2.2. The role of international organizations and institutional mechanisms in the maintenance of regional security and stability

In the conditions of the new geopolitical situation in Central Asia, the regional countries' deepening cooperation with international and regional structures plays a role of special importance for the formation of a new security environment in the region. Participation in such organizations means certain obligations for their members, on the one hand, and gives them the potential opportunity to provide an adequate place for themselves and their role in the system of international relations, on the other. From this point of view, active interaction with various institutional mechanisms for the Central Asian states has substantially grown in view of the new world order, and also the actualization of nonconventional security threats exerting a negative influence on their social, economic and political development.

The United Nations

With the collapse of the global socialist system and the end of the «cold war», and the start of a new world order, the role of the United Nations Organization, whose purpose is the establishment, consolidation and realization of the authority of the international community, has substantially increased. In this connection it is necessary for the preservation of international security for the United Nations to be strengthened as a stronghold of order and stability, as a mechanism by means of which participants of the international system reach agreement on rules of mutual relations and legal regulations of appropriate behavior for the preservation of the community of states. From this point of view, the role of the United Nations in Central Asia is extremely important, above all, from the point of view of the recognition of the regional states as independent subjects of international relations. This creates the necessary conditions and preconditions for the activation of the foreign policy of the Central Asian states, both on regional and international levels.

During the last ten years a number of United Nations structures implemented their activity in the countries of Central Asia in various spheres, representing important significance for the social, economic and political development of the region's states. Along with this, it is necessary to note that the United Nations played a key role during the settlement of the inter-Tajik conflict, which represented a serious threat to regional security. It is impossible to underestimate also the significance of the attempts made by the United Nations during the settlement of the Afghan crisis in the second half of the 1990s.

However, the events which have marked the beginning of the epoch of a transformation to a new world order exert a certain influence on the activity of the United Nations in Central Asia, as well as on the international scene as a whole. Such tendencies have resulted in a reduction in the authority of the United Nations and, in turn, its fundamental organs — the Security Council and General Assembly.

In particular, in Somalia in 1993, Rwanda in 1994 and Bosnia in 1995, the actions of the United Nations (if they were in fact undertaken) were widely considered to be taken on the principle of «too little too late,» unreasoned, not supported by the necessary resources, disorganized, or suffering all these drawbacks simultaneously. During the NATO incursion into Kosovo in 1999 a split occurred in the Security Council; a legislative ground for actions without United Nations approval was found, but basically without necessary backing; also there were big doubts concerning the means to which allies could resort to wage war¹⁵⁵.

At the same time, the beginning of the military campaign in Iraq without the sanction of the Security Council has caused sharp criticism from some countries, in particular, Russia, France, and Germany, concerned with the infringement of the principles of international law. Naturally, similar tendencies have resulted in the actualization of some questions concerning the role and place of the United Nations in modern international relations. In particular, as A. Adamishin, the retired Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation, believes, «the reduction of the leading role of the United Nations has caused the occurrence of a rather serious vacuum in the international legal organization of the world. This is filled by the decisions taken by the group of «highly civilized» countries (for example, concerning the bombardment of Yugoslavia), or unilateral actions of one power (there are a lot of examples). But can the group of countries or the single state run the world in such a way as will be suitable for all? Is a safe world possible, including for those who run it?»¹⁵⁶

Similar questions are quite reasonable also for Central Asia, where security and stability can be provided only in conditions of the establishment in the region of a so-called balance of forces. However, recent events in the Central Asian region testify to the increasing display of a dilemma in security as a consequence of one state activating its foreign policy to the detriment of others' interests.

¹⁵⁵ Evans G., Sakhnun M. Responsibility for defense. Program for senior personnel concerning security and international relations problems. 2003—5. College studying the problems of international relations security. European Marshall Center on the European security research. Chapter 10. Russian language. — P. 11—12.

¹⁵⁶ Adamishin A. On the way to the world government// Russia in global policy. №1, November—December. 2002. — P. 15.

In these conditions, especially in view of the growing threat of international terrorism, the struggle with which demands consolidation of the efforts of the entire world community, the issue of the United Nations increasing its role in the solution of a number of interdependent problems of security and steady development in key regions of the world, including Central Asia, achieves special importance.

The United Nations, called upon to express the interests of the international community as a single whole as perfectly as possible, is now in a condition of self-determination and revision of its own functions and role, in accordance with the realities of the modern world. Only a transformation into a flexible mechanism of cooperation and counteraction to modern threats and security challenges will allow the United Nations to retain its leading role in the maintenance of global stability.

Reforming the United Nations, above all, concerns the Security Council and its enlargement. This is deemed to be expedient due above all to the inclusion of Japan and Germany as permanent members, which will ensure the preservation of the UN's leading role in the maintenance of regional and global stability, and also in the realization of programs for rendering assistance through specialized establishments.

For today Japan and Germany, without doubt, are some of the largest states of the world, participating in «the Big Eight», having large economic and political potential. Moreover, being the leading states in Europe and the Asian — Pacific region, these states can make active efforts in the settlement of the crises and post-conflict restoration of Afghanistan and Iraq. It is unlikely that someone can contest the importance of their role not only in the struggle against modern threats and international security challenges, but also in the formation of the new world order.

At the same time, the adaptation and implementation of so-called preventive diplomacy in the new developing realities in the region has a special significance for strengthening the security and steady social and economic development of Central Asia. With a view to conceptual consideration of the given question it is necessary to pause, in our opinion, on the concept itself. Thus, the term «preventive diplomacy» was officially used for the first time in 1960 in the annual report of Dag Hammarskjöld, the United Nations Secretary General. It specifically meant the preservation of the local character of a regional conflict with the goal of preventing an escalation of armed actions in the global scale¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Akerman E. Theory and practice of conflict prevention. The program for the administrative board on security issues and the international relations. 2003—5. College on studying security issues of the international relations. Section 10. — P.2.

In 1992 the United Nations Secretary General Boutros Boutros-Ghali gave a new definition of preventive diplomacy in the context of the conditions developed after the end of the cold war. He determined preventive diplomacy to be policy directed towards the prevention of conflict developing into armed action. Boutros-Ghali (1992) developed a list of five concrete preventive measures: strengthening of trust, missions to study the situation on the ground, creation of an early warning network, preventive deployment and the creation of demilitarized zones. He insisted that it was necessary to eliminate radical reasons for conflict by means of economic and social development — a goal also supported by present Secretary General Kofi Annan¹⁵⁸.

It seems that for today the threat of armed confrontation arising in Central Asia is substantially reduced, especially from the point of view of the possibility of an «escalation of armed actions in the arena of the superpowers». In this connection, in conditions of the continued problem of religious extremism, possible infiltration by international terrorist organizations, and also the growing scale of drug trafficking in the region, the expansion of assistance to the Central Asian countries in their social and economic development becomes the United Nations' foremost task. Precisely this direction is capable of becoming the key factor in the maintenance of regional security, as a fundamental condition for the further development of the Central Asian countries in a civilized way, through the formation of democratic, open societies in the region.

The North-Atlantic Treaty Organization

Against the background of NATO enlargement to the East, from our point of view, Central Asia is featured in the role of a «frontier» region, especially taking into consideration the Afghan situation, and also the geographical proximity of the region to the Near East. The expansion of NATO, the strengthening of its connections with Russia, and also the imperative of its struggle against international terrorism have pushed the Alliance to enlarge its zone of responsibility beyond the bounds of the European continent. The USA initiative concerning the formation of rapid response forces within the NATO framework, meant for «suppressing» so-called «intensive conflicts» in any point of the globe is possible to regard as a new step of the NATO states in that direction.

The continuing global struggle against terrorism will promote the increase in NATO's role in maintaining international and regional security, including in Central Asia. Since August, 11, 2003 NATO has begun carrying out its first missions out of Europe and has taken com-

mand of the International Security Assistance Forces in Afghanistan (ISAF) — 5,500 international peacemakers, raised in accordance with the United Nations mandate. Lord Robertson, the former the NATO Secretary General, noted that NATO will play a key role in rendering assistance to Central Asia in the struggle against terrorist threats, if [NATO] takes command of peace-keeping forces¹⁵⁹.

The new substance of NATO strategy demands the organization's active interaction with the Central Asian states, including through SEAP and the program «Partnership for Peace» (PFP). Military-technical cooperation with the states of the region takes paramount place, in particular, for strengthening frontiers, engineering equipment, etc.

At the same time, a different level of involvement of the Central Asia states in the system of interrelations with NATO, their participation in various regional and interstate structures with various purposes, seriously constrains the realization of the Alliance's Central Asian policy. In this connection mutual relations with the regional states, allowing the arrangement of more effective interactions, become particularly significant for the NATO.

In perspective, such cooperation can be transformed to a long-term program of full-scale and multilateral interaction in various directions in which all countries of the region will be practically involved.

NATO involvement in Central Asia has marked a new epoch in its functioning, as shown especially clearly with its inclusion in the Afghan settlement process. These tendencies have resulted in the destruction of old stereotypes and ideas of «cold war» times, when the interests of one camp of states were directly opposed to the interests of others. As American expert R. Bronson asserts, after the disintegration of the former Soviet Union, members of NATO were quick to begin protecting the vulnerable new independent states (CIS) by means of establishing economic, political and military contacts¹⁶⁰.

Thus one of the important institutional formats of cooperation among the Alliance and the CIS countries including Central Asia is the program «Partnership for peace» (PFP)¹⁶¹, which serves two aims: preparation of the Commonwealth states for entry into NATO and the establishment of more close relations in the military sphere¹⁶². As it appears, their dependence on Russia — which more-

¹⁵⁹ Wishnick E. Strategic consequences of the Iraq war: US security interests in Central Asia reassessed. Strategic Studies Institute. May, 2004. — P.9.

¹⁶⁰ Bronson R. NATO's expanding presence in the Caucasus and Central Asia. NATO after enlargement: new challenges, new missions, new forces. Strategic Studies Institute. 1998. — P. 229.

¹⁶¹ For the first time PFP was submitted in January, 1994 in Brussels for expansion and an intensification of political and military cooperation between NATO and the partner countries.

¹⁶² Bronson R. Op. cit. — P. 235.

¹⁵⁸ Ibid. — P.2—3.

over has been seriously involved in the Chechen conflict — in the sphere of defense and security has served for the Central Asian states as one of the main reasons for developing cooperation with the Alliance, especially in conditions of the growing threat from Afghanistan since the middle of the 1990s.

On the other hand, the development of cooperation in the military sphere with NATO, as one of the effective mechanisms of diversifying their relations in the given sphere, provides the Central Asian countries a special opportunity to improve their own armed forces. Thus, mutual relations have developed in several directions, in particular, the scientific area, the sphere of planning for extreme situations, the standardization of armed forces, etc.

It is obvious that after September, 11, 2001 NATO policy toward Central Asia was substantially transformed, as a result of which problems of struggle against international terrorism have been brought to the forefront of the organization's agenda. Member states of NATO implemented without hesitation the clauses concerning mutual aid stipulated in article 5 of the Washington Agreement, having declared that the terrorist attacks were aimed not only against New York and Washington, but also against the free and democratic West as a whole¹⁶³.

The acts of terrorism in the USA became a serious challenge for NATO, requiring reconsideration of its subsequent activity outside «traditional zones of influence». Moreover, for today, without the factor of the «cold war» as a foundation which consolidated the member states of NATO during the last century, it is necessary for the Alliance to reconsider the strategic purpose of its existence and its fundamental values.

At the present time, the presence of NATO in Central Asia causes special concern, above all, for Russia and China in connection with the uncertainty of the time framework of the deployment of its armed contingents. Meanwhile it is necessary to recognize that, despite the continuing threat to regional security in Central Asia from the Afghan direction, its extent and scale has been considerably reduced due to the antiterrorist campaign in Afghanistan, in which military groups of NATO members played an active role. This was also assisted chiefly by the consolidation of the efforts of NATO states, and also by the support for the antiterrorist campaign by Russia and China which, undoubtedly, were and remain interested in the successful completion of the campaign in the Islamic State of Afghanistan.

At the same time, essential changes in transatlantic relations, formed as a result of serious contradictions among the USA, Germany and France concerning the Iraq crisis, have shaken the

future of NATO. In this connection, there were obvious distinctions in the evaluations of the subsequent Alliance mission presented by its governing body almost immediately after the beginnings of the antiterrorist operation in Afghanistan.

As Western analysts note, at that time the assumption was put forward that NATO could play a central role in the struggle against terrorism, having become the main institutional platform for transatlantic cooperation. NATO Secretary General G. Robertson declared, that «the largest and most effective permanent coalition in the world (NATO) will play a central role in the collective reaction of the international community to terrorism — both at the present moment, and in the long-term perspective». He pointed out NATO's unique capabilities («the ability for operative interaction, joint exercises, compatible systems of communication and material and technical supplies, which are grounded in the military structure of NATO itself») and proposed that «at the present moment NATO is the first — actually, even the only guy in the village»¹⁶⁴.

However, the present realities developing in Afghanistan show that military and peace-making operations will have the greatest effect if they are accompanied by purposeful efforts to improve the social and economic situation in the country. Undoubtedly, both in Afghanistan and in Central Asia, the problem of maintaining steady development of the national economies has been transformed into the key factor for security and stability. From this point of view, for NATO member states, it is important to draw up and realize a package of measures on closer interaction in the process of adjustment to crisis situations in general, and in Afghanistan in particular, and also with the Central Asian states, for which one of the important elements would be precisely social and economic measures.

Certainly, this problem does not fall under NATO's activities as a military-political organization, conducting mainly military and peace-making operations. In this connection, it is considered expedient to examine questions concerning the wider exploitation of Alliance potentialities, including so-called «soft power», especially taking into consideration the growing public distrust of international institutional structures in practically all countries enduring serious social and economic problems, including in Central Asia. In this context it is necessary to note Chris Patten's words that «...in the struggle against international terrorism 'smart bombs' have important significance, but smart programs for rendering assistance appear to be more important.... Attempts to include these countries in the international community and to involve them in its activity will bring more advantages than the isolation of these countries»¹⁶⁵.

¹⁶³ Van Kham P., Kugler R. Unity of the West and transatlantic security — in the face of cross. The publication №4. G. Marshall Centers. 2002. — P.5.

¹⁶⁴ Ibid. — P.6.

¹⁶⁵ «Patten lays into Bush's America». The Guardian (Manchester), February 9, 2002.

In the new conditions of international relations which have arisen since the end of the cold war, the Organization on Security and Cooperation in Europe (OSCE) plays an active role in the transformation of Central and Eastern Europe. Meanwhile, the scale of OSCE activity has extended far beyond the traditional borders of the European security system. The similar development of events has confronted the OSCE with a complex of new threats to be resolved¹⁶⁶. Involvement in the problems of Central Asia which, by virtue of their difference from European problems, are specific to the region, raises a number of challenges for the OSCE.

Thus, it is necessary to note, that the beginning of OSCE activity in Central Asia is bound up with its involvement in the interTajik conflict settlement in 1994, when the organization's mission opened in Tajikistan. In particular, the OSCE, having been one of the active participants of the peace agreement during the civil war in Tajikistan in 1997, played an important peace-making role in the post-conflict period in the republic.

The OSCE role in other countries of Central Asia has had a certain distinction. Initially, the organization conducted its activity by means of a Central Asian representative office (Central Asian Liaison Office), which opened in Tashkent in 1995. Later, in 1998 OSCE Centers were also opened in Kyrgyzstan, Kazakhstan and Turkmenistan. In 2000 the OSCE Representative office in Tashkent was transformed into a Center, which has concentrated its activity on internal, not regional problems.

Nevertheless, only a few years ago the OSCE, being actively involved in the process of strengthening security and stability in the Balkans, did not show any practical activity in Central Asia. According to the opinion of experts of the international group on crises prevention, (International Crisis Group, ICG), «in the rhetoric of the OSCE representatives, subjects of the region achieved special importance rather quickly, especially after the events on September, 11, 2001 in the USA»¹⁶⁷. In this connection, especially in view of the wide participation of other international structures, above all NATO and the EU, in post-conflict restoration in the Balkan countries, more constructive reassessment of OSCE activity in the Central Asian region appears extremely important.

However, OSCE activity in Central Asia is substantially restricted because of serious obstacles present inside the organization. «If one takes seriously the requirements of the Helsinki Agreement (Helsinki Final Act), the OSCE would confront those issues which affect the OSCE security region, such as problems of

oil pipelines in Central Asia and the Caucasus or the deepening of the economic gap between the East and the West. However these problems are too large for the OSCE or, roughly speaking, national interests are so significant, that they hinder the member states from putting them on the agenda of the OSCE»¹⁶⁸.

As ICG experts note, «despite the wish of the Central Asian countries, the OSCE could not develop appropriate approaches to the external security threats of the region, connected above all with Afghanistan. Thus in the organization they are inclined to consider that Afghanistan does not represent a real threat to the regional states»¹⁶⁹.

However, the continuing unstable situation in Afghanistan, undoubtedly, on the whole creates favorable circumstances for the enlargement of the activity of radical Islamic and international terrorist organizations in Central Asia. However, as R. Hermann, the adviser of OSCE Secretary, considers, «though the OSCE has declared the struggle against terrorism as a priority, the organization is still in the middle of a continuing search process aimed at determining its own role in this struggle»¹⁷⁰.

In this connection, drawing up a long-term strategy of OSCE activity in the region compatible with the Central Asian countries and Afghanistan is considered important. It directly coordinates with the display of political will of both the regional states, and the organization. However for today it is a rather complex procedure, above all, for the reason that the largest OSCE member states have greater influence on decision-making within the framework of the organization, while the countries of Central Asia frequently feel ignored in similar informal discussions.

In these conditions it is not surprising, that the countries of Central Asia, as ICG experts note, consider recommendations about themselves from the western countries to be irritating. Moreover, the basic expenses for the OSCE Centers activity in the region in 2001 were about 4.5 million USA dollars, which is less than 1/3 of the mission budget of the organization in Croatia and less than 5% of the general OSCE budget. At the same time, in conditions of insufficiency of the organization's resources for the region, in addition to the limited number of staff at the centers, it is difficult to imagine an increase in the efficiency of OSCE activity in Central Asia¹⁷¹.

¹⁶⁸ Oberschmidt R., Zellner W. OSCE at the crossroads. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Working Paper No 2. — P. 19.

¹⁶⁹ The OSCE in Central Asia: a new strategy. An ICG Report. — P.8.

¹⁷⁰ Hermann R. The OSCE and new security challenges: perspectives and frames of cooperation. Materials of the international conference «Stability in Central Asia in the post—conflict period», June, 14—15, 2002, Tashkent. — T. 2002. — P.36.

¹⁷¹ OSCE. The Secretary General, «The Unified 2002 Budget Proposal, Book — Summary», Vienna/ October 1, 2001.

¹⁶⁶ The OSCE in Central Asia: a new strategy. An ICG Report, 11 September 2002. — P.1.

¹⁶⁷ Ibid. — P.1.

At the same time, questions concerning the absence of precisely planned OSCE programs in Central Asia and the adjudication of regional problems demand special attention. According to one new OSCE employee, the absence of a precise mission strategy in the region astounded him. As a result, he had to prepare his own plan of work in the new country of his stay, based on personal experience from previous OSCE missions in other regions. In addition, similar cases are aggravated also by the complex process of selecting international employees, resulting in the fact that the interval between the departure of one employee at end of his tour and the arrival of the new one is frequently some months. As a result, this brings about a lack of consistency in the activity of the organization's projects¹⁷².

Though the OSCE plays one of the important roles in strengthening security and stability in Central Asia it is necessary to reevaluate and improve its priorities, especially in the expansion of its mandate for the coordination of general strategy for counteracting new transnational threats¹⁷³. In particular, the fact is not taken into consideration, that practically all regional security threats and challenges are directly connected with the objective consequences of the disintegration of the comprehensive economic system of the former Soviet Union, which resulted in a number of social and economic problems in all CIS countries, including Central Asia. In this connection, to increase OSCE effectiveness in the region and dialogues with the Central Asian states, it is necessary to raise the economic component, which presents a special importance both for the countries of the region and for Afghanistan, up to a qualitatively new level. Most likely, similar measures should be accompanied also by the deepening of OSCE cooperation not only with the countries of Central Asia, but also with other international organizations specializing in financial and economic questions.

The Shanghai Cooperation Organization

The Shanghai Cooperation Organization is one of the newest international associations with an increasing potential to resolve important regional and international security issues. The SCO, formed even before the tragic events of September, 11, 2001, was considered as a joint mechanism, whose activity was directed towards the containment of threats proceeding from Afghanistan, which had been seized by the Taliban regime. After the beginning of the antiterrorist campaign, it seemed to many experts that the organization had lost its «field of activity» and its resources were not sufficient for the resolution of the tasks before it.

¹⁷² The OSCE in Central Asia: a new strategy. — P. 6.

¹⁷³ Alimov R.M. Central Asian security and geopolitical interests//Marco Polo. 1/2003. — P.8.

At the same time, there were also completely opposite evaluations of SCO activity in Central Asia. Thus, Konstantin Ehrlich, the editor-in-chief of the German newspaper «Diplomatic Courier», is confident that joint actions of SCO member countries can achieve practical and rather appreciable results. «And that's not even because such world powers as China and Russia are members. The main advantage of this organization is that its base is made up of like-thinking associates, who aspire together to solve various international problems, above all the struggle against terrorism and religious extremism»¹⁷⁴.

As the Chinese expert Pan Guan believes, «... till September 11 the SCO was the indisputable leader in Central Asia in strengthening cooperation in the sphere of security and in the struggle against terrorism....»¹⁷⁵. However, earlier, Pan Guan, contradicting himself, asserted that after the tragic events on September 11 «it would be impossible and unrealistic to hope that the SCO could play any role at that time apart from offering its participation and assistance»¹⁷⁶. In his opinion, this was caused at that time by the lack of the necessary institutional structures, and also that «none of the organization's member countries were exposed to the direct attack of terrorist gangs from the direction of Afghanistan»¹⁷⁷.

As the American expert M. Oresman, an employee of the Center for Strategic and International Research, notes in one of his analytical articles, the SCO is on its way to becoming a full international organization, leaving behind its days of work as a debating club. Still there are a number of obstacles, not least of which is the internal rivalry and constant necessity to justify its existence in view of the US presence in the region. The SCO will survive, if real resources and political will are directed to reducing tension and increasing cooperation¹⁷⁸.

Nevertheless, it is hardly worth diminishing the importance of the SCO, whose territory occupies a significant part of Eurasia, providing the organization's member countries with a geostrategic outlet to Europe in the West and the Asian-Pacific region in the East. At the same time it is necessary to note the human potential of the organization, with an overall population of approximately 1.5 billion, nearly one quarter of the population of the planet. Participation in the SCO of two United Nations Security Council permanent members — Russia and China, two nuclear powers —

¹⁷⁴ Summit in Tashkent: the meeting of like-minded persons //Narodnoe slovo. — 2004. — June 22, 2004.

¹⁷⁵ Pan Guan. The Shanghai organization of cooperation in the context of the international antiterrorist campaign // Central Asia and Caucasus. №3 (27), 2003. — P. 58.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ See: Oresman M. The SCO: A New Hope or to the Graveyard of Acronyms? 21 May 22, 2003. <http://www.csis.org/pacfor/pac0321.htm>.

substantially increases its potential, both political, and economic, in the resolution of key problems of regional security.

The Tashkent summit which took place on June 16–17, 2004 in the capital of Uzbekistan, marked the finalization of the SCO's institutional formation: the Charter was accepted (2002), and the two permanent bodies of the organization — the Secretariat in Beijing (2003) and the Regional Antiterrorist Structure (RATS) in Tashkent (2004) — were founded. At the organization's meeting of state leaders, Mongolia, which had expressed interest in developing cooperation with the SCO, was granted observer status.

Holding the SCO summit in Tashkent shows a high level of regional cooperation and demonstrates the aspiration of the SCO member countries to coordinate their efforts for the resolution of important questions — says Doctor Peter Shpari, the head of the German Union of Assistance for Competition in the Economy, vice-president of the «German — Uzbekistan» society¹⁷⁹.

K. Nazl, an expert on Asia and Europe of one of America's large analytical centers «The Eurasian Group», notes that the SCO, for the Central Asian countries, is an effective forum for mutual dialogue. The founding of RATS in Tashkent also coincides with US interests, which support any forms of action against terrorism. Uzbekistan was always on the front line of the struggle against terrorism and called for other countries of the region to join them. Starting RATS in Tashkent is the logical recognition of the active role of Uzbekistan in this sphere, increasing the country's status in the SCO, notes the expert¹⁸⁰.

The SCO should develop as quickly as the incorporated resources of the organization's member states allow, considers Greg Austin, director of research at the London Foreign Policy Center, a well-known European expert in the field of security. The SCO has major opportunities for the maintenance of peace and stability in the region. The neighboring countries, in the long term, could be very important additions to the organization's membership. Russia and China should continue to allocate the SCO a significant volume of their resources¹⁸¹.

The basic directions of SCO activity, according to its Charter positions, are the struggle against international terrorism, religious extremism and separatism, and also against the growing threat of drug trafficking in Central Asia. At the same time, the member countries of the organization, which have signed a number of agreements, give special significance to the development of cooperation in the spheres of trade-economics and transport-communications. The tempo set by the SCO at the last two summits in Moscow and Tashkent allows the

conclusion that the organization has sufficient potential for the resolution of the tasks which have special significance for each of the member countries, which aspire to use multilateral cooperation in an effort to deepen economic and social transformations.

From the point of view of further SOC development prospects, in my opinion, it is necessary to dwell on the character of Russian-Chinese relations, and also on those member states which represent a conceptual significance for their foreign policy, above all in Central Asia. However in the context of the geopolitical distribution of forces in the region, it is necessary to note that Russia and China interaction in the framework of the SCO as the largest regional powers, significantly promotes the mutual balance of their presence in Central Asia, minimizing the probability of contradictions occurring in their bilateral relations, at least in the medium term perspective. China officially recognizes Russia's traditional role in the Central Asian region, however the substantial weakening of its political-economical position in the countries of the region gives China a convenient opportunity to strengthen consistently its own economic and political presence.

As it seems, Moscow, recognizing the developing realities in Central Asia and the critically altered security regime in the region, is practically compelled to compromise, extracting the maximum benefit from the dialogue with Beijing, not only concerning regional questions, but also problems of an international character. This results from a serious gap in the development of the two countries' economies. Thus, for today «China in economic and political terms is an ascending world power»¹⁸². Russia, according to the opinion of German expert R. Getz, «has for a long time not been the great economic power that it was after the First, and then after the Second World War. The steady recession of its industry over nine years (from 1990 to 1998) clearly, and obviously, has thrown it a long way backwards in economic competition»¹⁸³.

The Russian Federation and the People's Republic of China, as the two largest Euro-Asian states, have vital interests in the Asian-Pacific region. However for today China, unlike Russia, practically acts as «the main initiator» in regulating the situation in North Korea, thus trying to strengthen its own authority in the world arena, above all, in dialogue with the USA.

At the same time, in the last few years China has substantially activated dialogue with the countries of the Asian-Pacific Region, above all in the ASEAN framework in the «ASEAN+3» format. In

¹⁷⁹ Link V. The Imperial or the pluralistic world? In protection of a policy of balanced cooperation // Internationale Politik. 03/2003. — P.56.

¹⁸⁰ Getz R. Economic prerequisites and the common conditions of Russian foreign policy. Foreign policy of Russia: from Yeltsin to Putin. Compilers: S.Krojsberger, S.Grabovski, J.Unzer. Kiev, «Optima». 2002. — P.27.

¹⁷⁹ The SCO Summit: a view from Germany // Narodnoe slovo, June 16, 2004.

¹⁸⁰ Time of practical actions // Narodnoe slovo, June 24, 2004.

¹⁸¹ SCO — the adequate answer to modern calls // Narodnoe slovo, June, 17 2004.

this respect, Russia, being involved in its own internal socio-economic and political problems, and also in growing challenges on CIS territory, considerably «lags behind» the People's Republic of China, its SCO partner. It is obvious that for Moscow, the strengthening of Russian positions in the Far East and the APR is considered as one of the priority directions of its foreign policy. On July 12, 2004 President Putin declared so at a meeting with ambassadors in the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs. In particular, he pointed out, that «today the Asian-Pacific Region is becoming the most dynamic center of world economic development. It is necessary to closely connect the line of foreign policy on deepening relations with the APR with the resolution of internal tasks ... It is necessary to use these connections for the development of Siberia and the Far East regions»¹⁸⁴.

It is obvious that the realization of these tasks means the involvement of both Russia's own resources and potential institutional mechanisms. In this connection the probability is not excluded that in the future, the SCO — where «the main players» are the Russian Federation and the People's Republic of China — will be considered in Russia as a tool for promoting its interests in the APR¹⁸⁵.

At the same time the SCO represents itself as the key mechanism allowing Russia and China to realize their geopolitical interests in Central Asia and potentially to strengthen their positions in global dialogue with the United States. However the Russian-Chinese partnership in the SCO framework faces serious trials, as China and Russia have coincident and non-coincident interests in Central Asia. Moreover, the so-called «Russian-Chinese condominium» directed against the expansion of the US presence in the region seems an unsubstantial idea, rather than a reality. Undoubtedly, for Moscow, American-Russian relations are more important than its cooperation with Beijing. China, in turn, values its level of dialogue with the United States and is unwilling to sacrifice it for the sake of «Chinese-Russian friendship»¹⁸⁶.

Nevertheless, the further deepening of SCO activity gives China a series of opportunities to provide security along the perimeters of its northern and northwest borders; allowing it to carry out a systematic policy of social and economic development in Xinjiang. In this connection for Beijing the problem of preserving and strengthening security and stability in this northwest region has become of special importance. In the given context, the submission of the ini-

tiative concerning the «joint struggle against three evils — terrorism, separatism and extremism» by the Chinese side is no mere coincidence. As D. Gladney believes, agreements between the People's Republic of China and its neighboring Central Asian countries «serve as a preventive measure, so that neighbors of China would not promote separatists in their territory or in Xinjiang». However, in the opinion of the American expert, «their Central Asian coreligionists continue to render financial and material assistance». Thus it becomes clear, that concern about the situation in Xinjiang has already become a significant factor in Chinese foreign policy in many spheres, and it will remain so for the foreseeable future¹⁸⁷.

Beijing is also intending to give its institutional presence in Central Asia a legitimate character, fixing its positions vis-a-vis the long-term perspective in the region¹⁸⁸. Due to this, China will most likely become the most important power in the region, which must be taken into account.

From this point of view, Russia's participation in «the Shanghai project» is obviously an important factor for China, which takes into consideration the continuing importance of the Russian presence in the region. Thus, the Chinese side realizes the importance of Russia's membership in the SCO for the Central Asian republics, which find in it a mechanism for balancing the growing influence of China.

In the conditions of the weakening of Russia's military-political and economic positions in Central Asia, China has substantially increased the level of its mutual relations with the countries of the region, allowing it to promote its own interests in the Central Asian region. Thus, within the last several years, as a result of negotiations on the *tete-a-tete* principle, the People's Republic of China was able to solve border-territorial matters with Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan practically to its own benefit¹⁸⁹. At the present time, Beijing and Astana are negotiating on the division of the trans-border rivers Black Irtysh and Ili.

The participation of Russia in the SCO is connected with the opportunity to use the given organization as one of the tools for preventing «threats from the south» and restoring the Russian military-political presence in Central Asia, weakened by US activities within the framework of the international antiterrorist coalition. The Russian Federation is also interested in the gradual transformation of this organization into a political mechanism for intensifying

¹⁸⁴ <http://www.izvestia.ru/12.07.2004>.

¹⁸⁵ See: Ivanov S. Armed forces of Russia and its geopolitical priorities // Russia in global policy. V. 2. №1, January — February 2004. — P.40—41.

¹⁸⁶ See: Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West. China's Emergence in Central Asia and Implications for US Interests. A report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. August 2003. — P.11.

¹⁸⁷ Gladney D.C. Chinese Program of Development and Control, 1978—2001. In «Xinjiang. China's Muslim Borderland». S. Frederick Starr, editor. New York. 2004. — P.116.

¹⁸⁸ Hess M. Central Asia: Mackinder Revisited? Connections. The Quarterly Journal. Vol. III, No. 1, March 2004. — P. 101.

¹⁸⁹ See: Yitzhak S. The Great Wall of Steel: Military and Strategy. In «Xinjiang. China's Muslim Borderland». S. Frederick Starr, editor. New York. 2004. — P.154.

inter-regional cooperation, capable within certain limits of guaranteeing stronger Russian Federation positions in the international arena.

It is also quite possible that the SCO is considered by Moscow as a means of containing China's regional ambitions, especially against the background of its increasing economic and military-political potential. The contradictory character of the partnership between Moscow and Beijing in the SCO framework is evidenced by the fact, that the growing Russian-Chinese rapprochement does not prevent Russia from actively creating the prerequisites for the institutional restriction of the economic and political influence of the People's Republic of China in Central Asia. In particular, the Russian Federation is forcing the development of the EurAsEC, within the framework of which the member countries are intending to form a common economic space and to carry out a coordinated policy for entering into the WTO, of which China is already a member. With the same aim, Russia aspires to transform the CSTO — in which Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, which all have common borders with the People's Republic of China, participate — into a military-political union.

In turn, the countries of Central Asia consider participation in the SCO, most likely, in the context of geopolitically balancing the growing influence of the People's Republic of China and Russia in the region. However, it appears that the «dialogue» between China and its Central Asian partners has not justified the hopes of the political elites in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, who had expected more active participation of the Russian Federation in the settlement of territorial problems.

In conditions of a decrease in the direct threat from the Afghan direction, the Central Asian states try to use the SCO for the maintenance of the inflow of additional financial and economic dividends, capable of promoting the strengthening of their national economies and solutions to their social problems. However in our opinion, such prospects are seem to be problematic, in view of the fact that China and Russia, as the largest members of the organization in the economic sphere, are not capable of presenting themselves as potential investors for a number of objective reasons, at least for the foreseeable future.

First, for today Russia itself is experiencing a substantial lack of foreign investments for the modernization of its old manufacturing capacities. Moscow is aware that the dependence of the Russian economy on the export of energy resources provides real opportunities to form its own capital. However from the point of view of the long-term task of transforming the country into a power with a competitive economy, this situation seems rather dangerous. As the vice-president of the Russian Federation government V. Khristenko points out, «it is indisputable: high competitiveness of the country

should be the highest goal of any government»¹⁹⁰. The change of this tendency for the better will most likely demand many years, which is far from ensured by the simple relations of the Russian Federation with the countries of the West.

Second, in the SCO framework, China, as mentioned above, grants large capital investments to the economies of the Central Asian countries without question. Moreover, some Chinese analysts show a certain concern about the possible increase in the flow of foreign investments from the USA and other Western countries into the economy of the Central Asian states¹⁹¹. At the same time, the People's Republic of China makes all efforts to maintain the necessary resources for the social and economic development of its poorest regions, above all, Xinjiang.

In this connection, from the point of view of the interests of Kazakhstan, its participation in the SCO is capable of resolving a number of problems of its national security. As it seems, it is possible to relate these issues to a number of factors, above all: maintaining the inviolability of the Kazakh-Chinese border, removing the pressure on Chinese migration, and strengthening the struggle against trans-border criminality and drug-dealing. Moreover, taking into consideration the geographical position of Kazakhstan in the framework of the SCO, maximum active participation in the processes of transport-communication, power and economic cooperation remains extremely favorable for the country.

At the same time, an important component of Kazakhstan foreign policy is traditionally the aspiration to balance the geostrategic interests of the Russian Federation and the People's Republic of China, and to play a special role in Russian — Chinese mutual relations in the region. In this connection, probably, Kazakhstan will use the SCO, on the one hand, as a mechanism for restricting Russia military-political influence by developing military relations with China.

Kazakhstan is still concerned with the possibility of Moscow's utilizing the factor of the Russian-speaking population. The possibility of the SCO being transformed into a military-political structure is also unacceptable for Astana, although — as revealed by conversations with Kazakhstan analysts during discussion of the Charter project — Kazakhstan is currently under certain pressure by Moscow and Beijing on the given question.

For Kyrgyzstan the importance of the SCO has transformed into a category of key national priorities, where the most significant questions are the development of all-round relations with Russia

¹⁹⁰ See: Khristenko V. Op. cit. — P. 75.

¹⁹¹ For more detail: Pan Guan. The Shanghai cooperation organization in the context of the international antiterrorist campaign // Central Asia and Caucasus. №3 (27), 2003. — P. 55–56.

and China. It is obvious, that in the question of the country's security provision in connection with the continuing threats of religious extremism and drug trafficking, Bishkek allocates a special role to Moscow, and also, to no small degree, to Beijing.

The important factor pushing Kyrgyzstan to close cooperation with Russia and China is also the necessity to support the so-called «tripartite presence» — the Russian Federation, Chinese People's Republic and the USA — in the region and the country. The rhetoric of the struggle against the threats of terrorism, extremism and drug trafficking enables Bishkek to justify the «logicality» of such foreign policy strategy in the sphere of regional security maintenance before these major powers.

Obviously, such tactics provide the Kyrgyz Republic the necessary resources for preserving a stable situation in the country by means of maximum support of «staying afloat» in the social and economic circumstances. Recognizing the absence of any significant economic interest in Kyrgyzstan on the part of the world's leading states, Bishkek tries to gain material benefits by granting territory for military contingents from Russia and the USA. Moreover, the effective transformation of Kyrgyzstan into a transit territory for Chinese goods provides the opportunity for their subsequent re-export to other countries of Central Asia.

For Tajikistan, participation in the SCO remains an important mechanism for the further strengthening of its statehood and maintenance of its national security interests, in particular in opposition to the organized crime and drug trafficking coming from Afghanistan. At the same time it cannot be excluded, that Dushanbe considers the SCO as a tool for achieving a balance between Moscow and Beijing with the purpose of using the potentialities of both states for preserving its stability and restoring its economy.

To the extent that the situation in Afghanistan is settled, the construction of transport-communication systems through the territory of Tajikistan could become one of the important mechanisms for overcoming the social and economic crisis in the country. In this connection, the Tajik Republic, taking into consideration China's interest in getting an alternative outlet to Afghanistan through Tajik territory, tries to use the Kyrgyzstan experience in re-exporting Chinese goods.

Uzbekistan adheres to the firm position that the SCO is not a military-political block and is open for dialogue with all countries and other international organizations. Uzbekistan considers the SCO not as a union or structure similar to it, but as a mechanism for multilateral cooperation directed towards strengthening peace and stability and intensifying the struggle against international terrorism, religious extremism and drug trafficking, which are threats to regional and global security. In this context the Republic of Uzbekistan supports and shares the positions of the other SCO

member countries concerning the important role of the Organization in the resolution of the problems of international terrorism and religious extremism.

Uzbekistan supposes that the key aims of the SCO are the maintenance of security in the region, and also the creation of conditions for the stable development of Central Asian countries. «The most important directions of the structure of the SCO should become security and the economy. Basing on these two supports, it is possible to provide efficiency of the activity and international authority of the SCO, and its organic adaptation to the rapidly changing situation in the world. Uzbekistan unequivocally supports the uncompromising struggle against international terrorism, extremism, separatism and drug trafficking proclaimed as the SCO priority»¹⁹².

Problems of security and stability in Central Asia cannot be considered separately from questions of regional economic cooperation development, as progress towards long-term peace and stability can be provided only through economic well-being. In this connection, the formation of the Central Asian common market (CACM) responds to the national interests of Uzbekistan and to other countries of Central Asia.

The CACM can become the key factor in strengthening the economic component of the SCO. «The creation of a common market with the active partner participation of Russia, China and other countries will allow the formation in the region of a large and capacious market of commodities and services, labor and capital where united approaches, legislative norms and rules will operate instead of the narrow national frameworks existing today. Opening extended opportunities for attracting foreign investments and high technology will finally have a favorable impact on the maintenance of the economy's steady growth and the increase of people's living standards»¹⁹³.

Meanwhile, along with these advantages, the participation of the Central Asian states in the SCO could narrow for them the field of maneuvering in the foreign policy sphere, nudging them closer to the reference points of Russian and Chinese foreign policy that will ambiguously affect the dynamics of their interrelations with the countries of the West, above all, the USA. Moreover the SCO is not a military-political union which is capable of giving guarantees of security to all its member countries.

In this connection, in order to preserve and strengthen SCO potential and the prospects for its further development, it is obvi-

¹⁹² Speech of President of Republic Uzbekistan I.A. Karimov at the summit of the Shanghai cooperation organization. June 17, 2004.

¹⁹³ Statement of the President of the Republic of Uzbekistan I.A. Karimov at the summit of the Shanghai cooperation organization. June 17, 2004.

ously important to abstain from any actions directed towards the opposition of the organization to other major powers, above all, against the Western countries. It seems that in many respects this will depend on China and Russia showing special concern with the military presence of the USA and its NATO allies in Central Asia.

The present geopolitical situation in Central Asia, characterized by the so-called «tripartite presence», provides objective opportunities for the formation of a special regional security architecture, the basic core of which should remain the balance of the region's basic powers. In this respect it is necessary to note that the theory recently proposed by Beijing concerning the «democratization of international relations» (guoji guanxi minzhuhua)¹⁹⁴ is by no means unreasonable. Its practical realization on the part of all SCO member countries will serve, undoubtedly, to form that spirit of mutual trust which is necessary for the further development of the given organization and the preservation of security and stability in Central Asia.

The Collective Security Treaty Organization

In Central Asia a compact, effective mechanism of collective security has not yet been created. Nevertheless, there are some supra-regional structures engaged, alongside with other problems, with questions of collective security and which include all states of the region. This is, above all, the Collective Security Treaty (CST), which was founded on the basis of an agreement signed on May 15, 1992 in Tashkent.

The Treaty consists of 11 articles in which the participants undertake to abstain from using force with respect to each other and to coordinate their positions in the sphere of security. The basic segment of the Collective Security Treaty is article 4, according to which all participants will consider the aggression against one of the Treaty's signatories as aggression against all participants of the Treaty. An important component of the CST is also article 1, according to which the member states undertake not to enter into military alliances directed against other member states. At the same time the Treaty provides an opportunity to participate in the collective security systems in Europe and Asia. Article 10 leaves open the option for other states to join the Treaty.

The original participants in the CST, besides Russia and Armenia, were the states of Central Asia — Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan¹⁹⁵. Turkmenistan did not

enter into this regional structure; later, on December 12, 1995 it received the status of permanent neutrality by special resolution of the United Nations. In this way, the country entrusted its security to the United Nations, which is the global system of collective security. From September to December, 1993 Azerbaijan, Georgia and Belarus joined the CST. The CST was ratified by all participants and came into force on April 20, 1994 with the possibility of prolonging its validity in 5 years.

Having chiefly anticipated the need to repulse classic external military threats, the CST in practice has not justified its hopes before the new types of threats and security challenges, which in general have taken on a critical character in the period since the cold war. The CST has not proved itself as a structure capable of carrying out peace-making operations and preventive policies and of liquidating conflicts inside the CIS.

Relations inside the CST have developed within the framework of the member countries' own logic, which has been defined by a series of geopolitical, military-political, internal political and other factors, which have developed both in the post Soviet space and around it. Local conflicts in Tajikistan and in the Dniestr region were not solved with the help of the CST, and two participants of the Treaty — Azerbaijan and Armenia — even entered into military conflict against each other. The issue of the Karabakh settlement is being dealt with, most likely, within the framework of the OSCE (the Minsk group of the OSCE), but not in the framework of the CST. The Russian peacemakers who entered into Abkhazia had the mandate of the CIS; in Dniestr region, too, the Russian army had no mandate from the CST. At the end of 1994 in Russia itself the Chechen war began. In 1999 the threat of religious radicalism touched Dagestan, and the second war in the Chechen Republic began. With movement to the north of «Taliban» forces in 1996 and especially their military movement forward to the borders of Central Asia in 1998, the situation in the region has become extremely dangerous. New types of threats — transnational terrorism, drug trafficking, uncontrolled migration, the distribution of subversive literature — have become primary factors of danger in the region, against which the CST remained powerless. The events of Batkent in 1999 and their reiteration in 2000, when armed groupings of Islamists were able to invade through Tajikistan into the territories of Kyrgyzstan and Uzbekistan demonstrated that the Treaty is not capable of providing security in the region.

Thus, in particular, Uzbek expert F. Tolipov asserted that «at the moment of aggravated threats against the CIS, the CST could not act as an adequate system of regional security maintenance in Central Asia, and the Russian military base situated in Tajikistan, having initially been in demand for this country, also could not execute its mission to the full extent, as neither the huge scale of

¹⁹⁴ Xiang Lanxin. China's Eurasian Experiment. Survival. The IISS Quarterly. Vol. 46. Number 2, Summer 2004. — P.116.

¹⁹⁵ Turkmenistan was not a member of this regional structure. On December 12, 1995 Turkmenistan gained a status of permanent neutrality, confirmed by the special resolution of the UN. Thus, this country entrusted its own security to the global system of collective security — the UN.

drug smuggling through the territory of Tajikistan, nor the traversing of IMU (Islamic Movement of Uzbekistan) insurgents between Afghanistan and Tajikistan have actually been effectively stopped»¹⁹⁶.

The skeptical evaluations of foreign experts, in this connection, are no coincidence, such as: «in the summer of 2000 the ambassador of Russia in Tashkent declared that a threat to the national security of Uzbekistan is also a threat to Russia and if Tashkent asks for help, Russia is ready to render it»¹⁹⁷. They also noted that «Moscow, for its part, for several months has been threatening the Taliban with bombardment. Despite the charming sound of Russian promises of protection, both the Uzbek and the Kyrgyz sides have certain doubts about Russian sincerity. One asks: how could hundreds of Islamists at the end of 2000 cross the Afghan-Tajik border guarded by the Russian troops unnoticed, in order to, according to rumors, prepare an attack on Kyrgyzstan and Uzbekistan in the spring or summer of that year?»¹⁹⁸.

The situation was aggravated by interstate contradictions between participants of the Agreement on strategically important questions. Moreover the Russian side has not always considered the participants of the Agreement as partners equal in rights. In these conditions the CST gradually became less and less effective and its continuation appeared, in essence, to be senseless. These disintegration tendencies resulted in the CST facing its most serious crisis, which could have resulted in its disintegration. At the session of the Council of Collective security (CCS) of the CST member states, which took place in Moscow in April, 1999, the CST lost Uzbekistan, Azerbaijan and Georgia, whose leaders did not sign the Protocol on prolongation of the Agreement.

In these conditions, the CST member states, especially the Russian side, have taken steps over the last few years to preserve this collective security structure and give it new life. These were made concrete, for the most part, at the summits of the leaders of the member: at the CCS Minsk session (May, 2000), the CCS Bishkek session (October, 2000), the CCS Yerevan session (May, 2001) and Moscow jubilee summit of the CST member states (May, 2002).

At the Minsk summit, a Memorandum on increasing CST efficiency and its adaptation to the modern geopolitical situation was signed, the Council decision concerning the procedure for using collective security forces was adopted, and the Security Councils'

Secretaries Committee was created, charged, mainly, with the task of perfecting and preparing operative decisions in the sphere of security. A model of the collective security regional system was also studied, indicating divisions into geostrategic regions according to which the European, Caucasian and Central Asian security subsystems inside the CST were later determined.

At the Bishkek session a block of questions concerning further development of the regional security model was studied; a decision was taken on the creation of the collective security system's regional forces; a plan was accepted on the design in five years of the formation of Collective security forces; and an agreement on the status of these forces was signed.

In Yerevan the decision was accepted to create Collective Rapid Deployment Forces (CRDF) of the Central Asian region, with a headquarters in Bishkek. For the first time in the history of the CST, the region which was under the threat of destabilization — Central Asia — was particularly specified. The repulse of external military aggression and the carrying out of joint counter terrorist operations were the primary goals of the CRDF.

The CRDF structure includes 1500 military men in number: the Kazakhstan assault battalion «Kazbat», the Kyrgyz mountain rifle battalion, the Russian tactical group at the level of battalion formations and a separate signal battalion, and also the Tajik landing assault battalion. All of them are stationed on the territory of their own countries, except for the Russian battalion deployed in Tajikistan. Aircraft technology, including transport and assault aircraft and helicopters, are attached to these forces. The CST states have increased the quantity of military maneuvers and command exercises.

One of the main results of the CST jubilee summit in May 2002 in Moscow, was the adoption of the decision on transforming the CST into the Collective Security Treaty Organization. A decision was taken, according to which a working group at the level of assistants to the heads of the corresponding ministries and departments should prepare by November 1, 2002 projects of documents regulating the Organization's activity and its bodies in view of the legal base existing within the framework of the Agreement.

Member states did not accept the plan submitted by Moscow regarding the organization of a joint defensive structure on the basis of Russian General Headquarters (GH) which would be responsible for the coordination of the CSTO military questions. Some analysts considered this proposal to be an attempt to create a military block like the Warsaw pact. The Council of Collective Security made the decision to create an interstate body of the CSTO military management. In the summit decision it is noted, that in 2002 a group of coordinators of the general (main) headquarters representatives of the CSTO members' armed forces should be created for the current

¹⁹⁶ Tolipov F. «Variety of interests and» the big strategy «for Central Asia». In the book: materials of the international conference: «Central Asia in XXI century: cooperation, partnership, dialogue». On May 13–15, 2003. Tashkent. — P.112.

¹⁹⁷ Brauer B., Eshment B. Policy of Russia in Central Asia. In the book: Foreign policy of Russia: from Yeltsin up to Putin. Composed by S.Krojtshberger, S.Grabovski, J.Unzer. — P.160.

¹⁹⁸ Ibid. — P.160.

work of the organization with respect to the military component of the Agreement and the preparation of decisions concerning military construction.

With its transformation into an international organization, the the CSTO *de jure* becomes the subject of international law as a regional military organization. As the American expert E. Wishnick points out, the given base serves for the maintenance of military support for the Russian 201st division in Tajikistan. In spite of the fact that military equipment in Kant is considered as a component of the CSTO CRDF, the base officially belongs to the Air Forces of the Russian Federation on the Ural¹⁹⁹. Transforming of the CSTO into the subject of the international law allows it to establish and develop relationship with the United Nations, NATO, the OSCE, the SCO, etc. All this testifies that during the period when the largest NATO expansion in history has been observed and the long-term military presence of the USA and the Alliance forces in Central Asia has become a reality, Russia aspires to strengthen its position, based on the CSTO, and simultaneously become good friends with the West. For this purpose Russia is ready to grant some concessions to the CSTO countries by selling weapons at favorable prices, and also partial financing its national programs concerning new kinds of arms and military technical equipment development, reconstruction of an effective air defense system, etc.

As for the modern role of the CSTO in the security protection of Central Asia, its importance remains relative. First, not all states of the region are the CSTO members. Second, in the elimination of the principal threat of military danger which came from Afghanistan, the forces of the international antiterrorist coalition played a leading role. And these forces, some segments of which are deployed on the territories of the region's countries, including those in the CSTO, have until now been considered a guarantee of security in the host countries. The CSTO member states which have placed their territories and air stations as military bases at the disposal of third country armed forces, have come into very close relations in the military-technical sphere with them. All this cannot but be reflected in the competitiveness of the CSTO in the maintenance of regional security.

However, more objective study of the CSTO role in the maintenance of regional security results as a minimum in two questions. First, until now the responsibility zone of this organization has not been clearly defined; second, how sufficient are its resources, financial and military/technical, for adequate reaction to modern non-conventional threats in view of today's realities?

¹⁹⁹ See: Wishnick E. *Op.Cit.*

From the Russian point of view, the zone of the CSTO responsibility is the territory of the CIS. The following words of S. Ivanov, the head of the Russia Ministry of Defence, are the evidence for this: «The development of relations with the Commonwealth of Independent States (CIS) is one of the priority directions of Russia's foreign policy. Our country aspires henceforth to strengthen the potential of military-political activity coordination of the CIS countries within the framework of existing structures and institutes and above all the Collective Security Treaty Organization»²⁰⁰.

However the events before and after September 11, 2001 obviously show that the number of CSTO member states, as mentioned above, has been declining and now includes only six states — Russia, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Geographically this organization covers a small part of the Caucasus (that is, Armenia) and the territories of three countries of Central Asia. In this connection it is rather difficult to suppose that CSTO activity as an interstate structure of CIS collective defense could be effective, especially against the background of the fact that a number of the Commonwealth countries show open interest, at the very least, in partner cooperation with NATO.

Moreover, concerning the second question, it should be noted that the CSTO resource potential is also under doubt. At the present time practically all its member countries (including the Russian Federation) are experiencing serious financial and economic difficulties. In the conditions of the present geopolitical situation in Central Asia and on territory of the Commonwealth as a whole, the aspirations of Russia to transform this organization into an «effective interstate organization rendering a stabilizing influence on the general military-political situation in the CIS and adjoining regions»²⁰¹ seems to be quite obvious and explainable.

Meanwhile the realities of the last few years testify that the CSTO has actually turned into an institutional tool for restraining the expanding influence of the Western countries in Central Asia. In the present geopolitical situation as it is appears on the whole, its future will be determined by the ability of the organization's member states to further carry out the skillful game of balancing the interests of the major powers in the region.

²⁰⁰ Ivanov S. *Armed Forces of Russia and its geopolitical priorities // Russia in a global policy. V. 2. №1, January–February 2004. — P.40.*

²⁰¹ *Ibid.*

The formation of the Eurasian Economic Community (EurAsEC), and after that of the United Economic Space (UES, also referred to as the Organization of Regional Integration, or ORI) was dictated, most likely, by the substantial decrease in efficiency of the CIS, both in the ideological and military-political plane, and in the economic aspect. Such tendencies, stipulated by the aspiration of the newly independent states to strengthen their national sovereignty, obviously began to appear even before the events of September 11, 2001.

In this the role of the foreign policy of the Russian Federation was no less important, in its relation to the post Soviet countries from the very beginning of the 1990s which is characterized quite often as an attempt «to get rid of the Soviet Union»²⁰². But «this euphoria disappeared quickly, and Russia began to aspire to consolidate the CIS under the aegis of Russia»²⁰³. Certainly, interest in the Commonwealth was prompted by the aspiration of Moscow to preserve its influence on post-Soviet territory, which represents for it not only geostrategic significance, but economic importance also. Until now the Russian Federation has not achieved a significant reduction in the dependence of its economy on raw materials, while the production of its processing industry is competitive, for the most part, in the markets of the CIS countries.

At the same time, the expansion of the market to the CIS countries as noted V. Khristenko, actually solves the task of resurrecting the traditional Russian market and traditional connections with the former USSR...²⁰⁴ In his words, the CIS states account for about one fourth of all of Russia's foreign trade; in many respects, the connections have not been lost or cooperative connections could be restored, and close contacts between people, and common cultural and social traditions were preserved²⁰⁵.

In this connection it appears that, while the opportunities of Moscow to use military-political tools of influence in connection with the expansion of the CIS countries' cooperation with NATO have been restricted, its economic measures have a growing significance for the foreign policy of Russia on the territory of the Commonwealth. The present geopolitical realities on CIS territory, and also the rigid economic conditions in continental Europe, connected with the expansion of the EU to Russia's borders, result in

even greater relevance of EurAsEC and the UES for Russian national interests.

In Russian foreign policy strategy, the EurAsEC is allotted the role of maintaining its geoeconomic interests in the member countries of the organization. The prospects for developing the integration structure depend on the level of interaction among the different parties concerning questions of organizing the common economic space with corresponding basis of standards and agreements. At the same time, the «versatility» of the geoeconomic interests of the member countries is a major factor exerting significant influence on the further development of the EurAsEC.

The EurAsEC's viability for today is ensured by the continuing economic dependence of its members on the economy of Russia, which is seen as a potential market for their production, goods and raw materials. A determining basis for unification in the EurAsEC framework, as R. Ultanbaev, an employee of the Center for Foreign Economic Research of the Russian Academy of Science, notes, is the «concurrence of the states' basic interests, which have created this structure, with the necessity to provide steady social and economic development and security, and worthy entry into the world community on the basis of the advantages of integration.» Thus as he states, «the EurAsEC members realize that reorientation to the West, where their production (except for a number of raw materials) is almost not in demand, could result in the deterioration of their economies and the destruction of highly technological branches of national industry»²⁰⁶.

From this point of view, the existence of this organization seems quite explicable. In this context Ultanbaev quite reasonably, at first glance, asserts that «the driving motive of creating the EurAsEC is the aspiration of each participant to realize its economic opportunities, to compensate for difficulties in its own development and imperfections in its manufacturing structure. A number of objective prerequisites promote the movement of «the Eurasian five» in this direction. The EurAsEC is the largest regional association in the CIS. The EurAsEC countries have great natural and economic potential, and a capacious market that creates significant competitive advantages and allows them to be considered a kind of «core» of the Commonwealth»²⁰⁷.

However, despite its «cloudless» prospects, some years after the formation of the EurAsEC there are a lot of questions: what are the achievements not so much of this organization, as of its member countries? How efficient is the activity of the given integration mechanism, being a CIS «core», for the future of the CIS, especial-

²⁰² See: Alexandrova O. Difficult restoration of old dependence. A policy of Russia concerning the CIS. Foreign policy of Russia: from Yeltsin to Putin. Kiev, «Optima», 2002. — P. 118.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Khristenko V. Op. cit. — P. 77–78.

²⁰⁵ Ibid. — P. 80.

²⁰⁶ Ultanbaev R. Eurasian economic community: a thorny road of development // Central Asia and Caucasus. #3 (27), 2003. — P.151–152.

²⁰⁷ Ibid. — P. 152.

ly against the background of the existence of another larger «core» — the UES? Moreover, how can the EurAsEC and UES coexist, if the ultimate goal of the first is the formation of a united economic space?!

The analysis of the events after the formation of the CIS in the context of the appearance of the EurAsEC and UES allows us to trace the certain logic of institutional development on Commonwealth territory. A consecutive splitting of the CIS into various interstate associations, the efficiency of which still remains doubtful, is revealed.

First of all, the aims and purposes, which are set before these integration mechanisms, frequently duplicate each other. EurAsEC General Secretary G. Rapota has confirmed this. In particular, estimating the prospects of the EurAsEC and the ORI, Rapota noted: «It is difficult for me to judge the future of the Organization of Regional Integration which is being created, as I do not yet know the concept of this block. ... There is duplication, certainly»²⁰⁸.

Thus, in particular, the goal of the EurAsEC is the effective promotion of the process of creating a Customs Union of the member states of the united economic space, and the coordination of their approaches while integrating into the world economy and the international trading system. Meanwhile, in the UES framework, the achievement of a coordinated economic policy on some questions, including harmonization of the corresponding legislation and creation of a united regulatory independent interstate commission on trade and tariffs, is planned.

From this point of view, it is remarkable that precisely Russia, Ukraine, Belarus and Kazakhstan which, as Irish expert D. O'Bechain notes, were included into the definition of Russian territory by A. Solzhenitsyn in his work «How to Arrange Russia» have entered into UES. As he said, «the views of Solzhenitsyn had great influence on the Russian authorities»²⁰⁹.

Moreover, duplication occurs not only in the line of institutional economic mechanisms. In the EurAsEC framework there are tasks which are included in the functions of the structures providing security. So, on February 21, 2003 in Moscow an agreement on cooperation for the protection of the EurAsEC states' external borders was signed. The agreement has been ratified already by Belarus and Tajikistan. As is pointed out in an explanatory note to the given draft, «the present agreement stipulates the realization of cooperation in halting at the EurAsEC member states' external borders any

acts of terrorism and the illegal transportation of ammunitions, weapons, explosives, poison, narcotics and psychotropic substances, radioactive materials and other smuggled items, and also in the struggle against illegal migration and religious extremism»²¹⁰.

At the same time, as Ultanbaev notes, a number of problems — and what is more, rather serious problems — arises. So, for example, according to him «the complicated problem remains of forming a united foreign trade regime with regard to third countries». Naturally, the following question emerges: what should be understood under the notion «third countries»? Later, it becomes clear that this category refers to Uzbekistan in particular, whose changes in its free trade regime with Kyrgyzstan «is fraught with reciprocal measures» for the latter country. Moreover, «the proposed measures also do not suit Tajikistan, because they include imported goods which influence the formation of the profitable part of the republican budget and the interests of protecting national manufacturers»²¹¹.

This situation gives the impression that, first, the EurAsEC is directed to the further destruction of the CIS, and also the OCAC, the participants of which have been Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. Second, Ultanbaev's evaluations of the problems in the EurAsEC are not unreasonable; these evaluations find their adherents.

Thus, a Russian expert asserts, that «the Dushanbe EurAsEC summit (April 2003) openly demonstrated the contradictions in the interests of the more advanced and less advanced member states, which experts are constantly repeating, and also that the majority of the countries would like to have closer relations with Russia, but not with each other.» According to her opinion, on the whole, the aims and tasks within the framework of the organization have begun to contradict each other, which has resulted in a routine but not very clear design of a «set of nesting dolls» (matryeshka), when the member countries are all part of the EurAsEC, but the level of cooperation among them is set differently²¹². Most likely, the «syndrome» of the CIS as an ineffective association, finds its display in the EurAsEC, on a somewhat smaller scale.

Second, the formation of the ORI, which includes Belarus, Russia, Kazakhstan and Ukraine, testifies that the functioning of the EurAsEC, at least, is not enough for the states which are in these regional associations. As it appears, the «core» of the CIS which seemed to be the EurAsEC, has quantitatively decreased due to the subtraction of two Central Asian countries — Kyrgyzstan and

²⁰⁸ The Independent newspaper. 25.05.2003.

²⁰⁹ O'Bechain D. Kazakhization and language policy in post Soviet Kazakhstan. Political science and state power in the Russian Federation and New Independent states. Institute of the philosophy and the law of the Ural branch of the Russian Academy of Science. Ekaterinburg, 2004. — P. 78.

²¹⁰ <http://www.evrases.org/news>.

²¹¹ Ibid.

²¹² Kosikova L The integration that hasn't been a success or why Russia does not manage to unite the CIS countries // the World of changes. The international scientific—public magazine. 1/2004. — P.113—114.

Tajikistan. Thus, for today «the Eurasian five» coexists with its «blood brother» who looks «more solid» because of the Ukraine, whose economic potential cannot be compared with the potential of Kyrgyzstan and Tajikistan taken together.

Undoubtedly, the formation of the UES is directed at «preserving» the Ukraine in the structure of the states of «the former Soviet republics», especially against the background of the «neo-imperial moods» growing in Russia. It appears that the purpose of the creation of the given association has been stated most laconically by A. Dugin: «Against the background of the events that took place in September 2003 in Yalta, this could be called the greatest success of integrative Eurasian, if you would like, diplomacy. The new format of economic integration of the four leading CIS countries (Russia, Ukraine, Kazakhstan and Belarus) in the United Economic Space has successfully unblocked the «pat position» of the main players. In essence, this association has one main result: the selection of an integration project which in its form and contents would suit the Ukraine. It was precisely for Kiev that the basic struggle was waged. Without Kiev the entire strategy of GUUAM lost its significance, the anti-Russian front scattered before our eyes, and the integration process in Eurasia for the first time in the entire post-Soviet history has reached a critical level of realization, beyond which it becomes irreversible»²¹³.

Nevertheless, evaluations concerning the future of the UES are not as cheerful as Dugin, who puts «geopolitical underlying reasons» in the context of this organization. Undoubtedly, such an approach reveals the tactics of the cold war era, which was based on opposition under the scheme «our own and another's» and the paradigm of this policy — «who is not with us, is against us.»

However, in Russian circles pragmatic approaches prevail regarding integration processes on CIS territory, in particular in relation to the UES. In particular, the vice-president of the Russian Federation State Duma Committee on CIS affairs and connections with compatriots, a member of the faction «Rodina» (Native land) Andrey Savelyev emphasizes: «I do not see anything positive in the creation of the UES. Moreover, I was among those who voted against the United Economic Space, though the faction «Rodina» with many reservations nevertheless inclined to support its creation and voted for this Agreement. I have my own position and I base my arguments on it. It is that the signed ratified agreements between the four states proceed from certain ideological dogma — this ideological dogma goes back to Adam Smith and represents the belief that the fewer obstacles along the border, the richer the

state.... As a result the following will occur. As we have in relation to the other three participants of the agreement a Gross National Product per capita that is 1.5 to 2, and even 3 times higher, there will be an averaging of gross national product per capita. In fact full economic integration is supposed. This means, that those who signed this agreement and those who voted for it, basically are ready to lower the living standard in the Russian Federation!»²¹⁴

Moreover, the further prospects and, on the whole, viability of the UES will be determined by the character and dynamics of Ukraine's cooperation with Russia, on the one hand, and the European Union, on the other. Despite the ratification of the agreement on the creation of the United Economic Space by the Ukrainian parliament, in the political circles of the Ukraine there are opinions negatively evaluating this organization from the point of view of the country's national interests.

Among them is the leader of the «Yabluko» (Apple) party Michael Brodsky, who considers that the intentions to create the UES are directed towards liquidating the sovereignty of the Ukraine. «In practice it will mean that the economies of other countries (Ukraine, Belarus and Kazakhstan) would work by the rules dictated by Russia». Brodsky predicts that in the case of introduction of free movement of goods from Russia the growth of unemployment and the bankruptcy of Ukrainian enterprises will inevitably result, «as their production depends on more expensive sources of energy». In his opinion, the free movement of Russian goods would be possible if Russia would raise the price for energy carriers or would sell them to Ukraine for internal prices. However, it is impossible to agree with Russia on such options. Putin would go along neither with the first, nor the second, and Kuchma would not be able to convince him»²¹⁵.

In the opinion of a member of the SDPU faction B. Andresjuk, «today in the Ukraine the idea of introducing a common currency in the territory of the four countries is perceived very complicatedly. The Ukrainians have tried for quite some time to achieve self-identification, the historical return of our own grivna and, having received it, will be unable to reject it. Many perceive in this document the loss of independence by the Ukraine as well»²¹⁶.

In conditions of the expansion of the European Union, when it already borders on the CIS countries, the foreign policy of the Ukraine is undergoing important transformations towards a rapprochement with the EU, cooperation with which, it seems, promises more favorable prospects for the development of the Ukrainian

²¹³ Dugin A. «New economic empire United economic space — an exit from past situations?»// The Russian newspaper (Federal release). 04.11.2003.

²¹⁴ <http://www.investments.com.ua/media/analytics/EEP/>.

²¹⁵ http://uaportal.com.ua/news/Economics/news_7979.html.

²¹⁶ <http://www.ukraine.ru/analytics/193139.html>.

economy. From this point of view it is impossible to exclude, that in the nearest perspective, especially after «orange revolution», Kiev will make a historical choice — and not by any means for the benefit of the UES, whose prospects remain for the time being, to put it mildly, illusive.

Thirdly, and rather importantly for Russia, acting as the main integrator in the CIS and also in frameworks of the EurAsEC and the ORI, the deepening of bilateral and multilateral cooperation with the EU is appears more important, rather its participation in these regional structures. In the given context, V. Khristenko's following words are not unreasonable: «The expansion of the borders of the market accessible to us should be achieved not only by one path, that of creating a united economic space with the participation of some republics of the former USSR. The formation of a similar space with similar functions with the participation of a united Europe, not only to the east (United Economic Space — UES), but also to the west (the Common European Economic Space — CEES) directions» is required²¹⁷.

Fourthly, now it is difficult to estimate any positive consequences of EurAsEC activity for the member countries of this association. Thus, in Russia and Kazakhstan there are evident motions towards economic development which are provided, mainly, by the growth of deliveries of hydrocarbons and other raw materials to foreign markets. Concerning other EurAsEC member states, in particular Kyrgyzstan and Tajikistan, it should be noted, that they, as members of this organization, have not received any substantial economic gain. The exception is the presence of a significant number of migrant laborers from these countries presence in Russia, and also in Kazakhstan.

Fifthly, in the concept of the EurAsEC itself one can detect a certain ideological semantic weight, implying some kind of synthesis or community of «European» and «Asian». However, it is not difficult to see which of these elements dominates the so-called «Eurasian-ness», representing some kind of attempt to create a counterbalance to «Euroatlantism» or «transatlantism».

Thus, the member countries of this organization are all post-Soviet republics, which by their political culture, psychology and traditions are based, to this or that extent, on dominant Asian cultural civilization. In particular, in these states the relationships «state — society», «state — person» and «society — person» are nonetheless far from European standards, in both political and economic spheres. Precisely in this, in our opinion, there is a conceptual distinction between the «European» and the «Asian» societies.

The aims and purposes declared by the leaders of these countries for the building of democratic open societies, as the product of the historical development of western society, testify to their aspiration to follow the path of the Western countries in the political and economic sphere. Moreover, this is a recognition of the advantages of Europe, both its ideological and political-economic values. Even if this would not be desirable for us, it concerns all EurAsEC members, including Russia, which geographically covers European territory, if only up to the Urals.

At the same time, if one considers «Eurasian-ness» from the geographical point of view, European countries should also join the EurAsEC. However practically all of them are included in the European Union — which also Turkey, one of the largest Muslim states of the world, the biggest part of whose territory is located in Asia, aspires to join. Hence, under the concept of «Eurasian-ness», in the case of Turkey's joining the EU, we will have the right to call the European Union a «Eurasian organization».

In this respect it should also be noted, that the concept Eurasia itself is extremely geographical while in «Eurasian-ness» there is an element of generalization about geography with a measure of cultural civilization. From this point of view, we have the right to call even Japan a «Eurasian» state, as its political and public institutes are of the so-called European type. The same approach could be applied to African countries, characterized as «Euro-African».

Coming back to the question of EurAsEC prospects in the context of the participation of Central Asian countries — Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan — in the activity of this organization, several important problems should be noted, some of which have already been considered above. During the years of independence, undoubtedly, these states have managed substantially to diversify their foreign policy in many spheres, both within the framework of mutual relations, and in the format of multilateral cooperation. For today they are members of many international and regional organizations, including in the CIS space which, as the latest trends show, has not shown its efficiency.

As it seems, the Commonwealth represented precisely that format of interaction with Russia which enabled them to transform their relations with Moscow from the scheme «Center — periphery» to one of mutually advantageous cooperation. This aspiration, obviously, was dictated by their economic and military-political dependence on the Russian Federation, which had formed over more than seventy years during the Soviet epoch.

In the given context, the «narrowing» of the CIS to the EurAsEC, and then to the UES, gives the member countries of these associations the opportunity, to a certain degree, to limit the

²¹⁷ Khristenko V. Whether we need integration? // Russia in a global policy. V. 2, №1, Jan. — Feb., 2004. P.77.

social and economic costs of independence. That is, the countries of Central Asia do not connect their participation in these structures as a prospect for further development, but rather the opposite — it is dictated by the imperative of survival. Hardly anyone can deny the fact that the huge, but unexploited resource potential of the member countries of these two organizations is capable of becoming a basis for their economic progress without the assistance of the world's advanced countries, in particular, the USA, the countries of the EU, Japan, etc.

2.3. Key challenges and threats to regional security in Central Asia

As practice shows, the formation of states' coalitions outside the framework of international institutional structures allows the rather efficient resolution of specific targets, on both regional and global levels. However, practice also shows that the fullest resolution of global and regional security problems, and the effective counteraction to modern challenges and threats is possible only within the framework of multilateral mechanisms. Confronting modern challenges and threats should be based on collective actions and coordinated efforts, on both a regional and international level.

At the same time, the full-scale involvement of international institutions in the field of security is possible only under the condition of their adaptation to the new realities. Today the activity of many existing international institutions remains in many respects unsatisfactory, by virtue of the various priorities of countries in the field of security. Achievement of a common condition of security and stability for all is possible only on the basis of a common vision of the essence and nature of modern challenges and threats, and also concerning approaches and methods of reaction to these challenges and threats.

The integrating position on the given question should be that religious extremism and international terrorism, under whatever «cover» they are presented, are a threat for the entire civilized world. It is not a secret that religious extremists and international terrorist groupings are well organized, their networks operate on the territories of the entire world and their enemies are everyone who thinks differently.

It is necessary also to refuse selectivity and the use of double standards concerning those forces which propagandize religious and ethnic intolerance, aspire to use religion as a tool of political struggle, and which are ready by force and terror to dictate their will to individual countries and the entire world. These challenges and threats should be neutralized by all accessible legal means, and the entire world community should be interested in this.

Religious extremism and international terrorism

Such conclusions result from the analysis of the religious-political situation in Central Asia, which by the end of the 1990s had become, to all extents and purposes, a concentrated zone of religious extremism and international terrorism. The events following the beginning of the antiterrorist campaign in Afghanistan have only testified to the vital importance of uncompromising struggle against these threats.

At the present time, the prevailing part of Central Asian society does not support political Islam in the form which exists in the theocratic Muslim countries of the world, in spite of the fact that the majority of the population practices the Islamic religion. As a consequence, a high degree of inter-confessional tolerance, which testifies to the fact that there are no serious conflicts on religious grounds in any of the Central Asia states, ensures the preservation of peace and stability in the region. This dominant trend prevails in the political culture of the Central Asian republics, strengthening secular values in the political psychology of society and the sociopolitical activity of the individual.

In this connection it should be noted that the politicization of Islam could result only in destabilization of the situation in Central Asia, undermining the true ideologically valuable points of reference which Islam carries within itself. Unfortunately, a number of foreign experts, and also various «human rights defending» organizations do not ascribe particular significance to the fact that the societies and the states in the region by their nature are secular. Moreover, they try to present the efforts of the Central Asian states, above all Uzbekistan, to prevent the political radicalization of Islam as an ideological basis of religious extremism and fundamentalism, as measures contradicting human rights, democratization, etc.

At the same time, nothing is said about the rather well-known and, from a historical point of view, recent fact, that «the Islamic card» was skillfully played during the period of «the cold war» by the superpowers, including in Central Asia. Most likely, the present situation in the region — when in the pursuit of separate rights for Islamists, the rights of the people are forgotten — is only the consequences of that geopolitical game which has been taking place in the region since the 1970s, above all in Afghanistan and around it. In this context one could hardly assert that the reason for the growing threat of religious extremism in the Central Asian states is the economic situation. Naturally, poverty, as one of the internal factors promoting the growth of these threats, is not the only factor — and, what is more, not the most important one. This is a well-known fact, testified to by the first penetrations of rad-

ical ideas, and then of extremist groupings in the countries of the former USSR, when the social and economic situation extremely differed from that which exists today.

In this connection, behind these similar declarations about human rights infringement in the countries of Central Asia lies the purpose of justifying an inconsistency in the policy of the struggle of some West countries against global terrorism, as the most extreme display of religious extremism. Threats of extremism and terrorism have been directly linked with problems of maintaining regional security and stability in the countries of Central Asia practically from the first days they gained independence. These threats in Central Asia undoubtedly have special importance also from a geopolitical point of view, if only because the situation in the region has undergone certain changes after the events of September 11, 2001 which have direct a connection with manifestations of global terrorism.

However it should be noted, that for today it is hardly possible to draw a precise line which would enable us to reveal any essential difference between extremism and terrorism. For example, the «transformation» of the so-called Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) into a terrorist group which for several years has been classified as a religious-extremist organization, is evidence of this. In this connection, in our opinion, it is important to consider the essence and orientation of the activity of similar organizations in Central Asia which still represent a serious threat not only to regional but also to global security.

In this context it is necessary to emphasize, that the countries of Central Asia for the first time have faced the real danger of the distribution of extremist ideas coated in the form of religion at the end of the 1980s. In the opinion of the Iranian expert S. R. Musavi, similar tendencies were observed already in the 1970s. Thus, he notes that «in those years Said Abdollah Nuri (one of the leaders of the United Tajik Opposition. — R.A.) was engaged in the illegal activity of a religious scholar. And within the framework of educational classes on studying the Koran he collected around himself a number of Muslim activists, each of which should organize cells for studying the Koran and religious doctrines. In 1973 Nuri was arrested and resettled in the city Kurgan Tyube ... He was accused of listening to foreign radio programs and of reverence for the Islamic Republic of Iran and the personality of Imam Khamenei, and also of aspiring to reform the official Soviet version of Islam. In the events that followed in Tajikistan and the beginning of the civil war, Nuri became the head of the «Islamic movement of Tajikistan»²¹⁸.

²¹⁸ Musavi S.R. Islamic movements in Central Asia // Amu—Daryia (Teheran). Spring — summer. 2003. — P. 26.

In 1990—1991, after the disintegration of the former USSR by virtue of the ideological vacuum which had formed, the given problems achieved a much greater scale. Emissaries of Islamic extremist organizations penetrated into the republics of the region, spreading values alien to true Islam, and distributing literature of a religious extremist character calling for the overthrow of the existing secular authority.

The ideas of religious extremism appeared to be popular among a certain number of believers, as they were based on manipulations with the help of egalitarian slogans, appeals to social and economic equality, etc. In other words, the social and economic background which is formed by the creation of a market economy does not suit some sections of the population (especially a part of the youth) which aspire to cope with the challenges of modern changes without additional educational or economic efforts. A considerable role in strengthening such a mentality was played by «the Soviet past», with its persistently inspired ideology of «universal equality of the workers», «equal rights and fair distribution of the public product».

Naturally, such «ideological inclinations» could not but result in the strengthening of political Islam throughout the former Soviet Union, including the countries of Central Asia²¹⁹. Against this background, for example in Uzbekistan, the tendency of growth in the activity of local Muslim theologian groups was underscored. They were divided into: (1) official theologians in the structure of the Muslim Administration (created in 1943); (2) informal theologians (conditionally — conservatives), continuing the illegally instruction of religious knowledge for persons interested in the traditional Khanafite spirit; and (3) so-called religious reformers (self-styled — Mudjaddidiya — «Renovators»). Local believers gave a special term to them — «Vahabiya» [Wahhabists]²²⁰. The split and the following conflict, up to the armed clashes of the two last groups became a reality during time of Gorbachev's «perestroika», when the peoples of the former USSR began to come back to their past cultural and religious values, which had been suppressed. Disputes among the above-mentioned groups of Muslims, began with dogmatic discussions, then gradually began to develop into the political sphere. So-called «reformers» insisted on giving a political status to Islam, rejecting the

²¹⁹ Tajik experts note that «in 60—70-s there was a split of Islam, which became the source of rise of generation of new Islamic intellectuals and spiritual leaders of different teachings. Actually they formed Islamic political organizations, such as the Party of Islamic Revival of Tajikistan (PIRT), «Adolat» («Justice»), Islamic Movement of Uzbekistan» (IMU) and others (Muslim leaders: social role and authority. Materials of round table. Dushanbe. 2003. — P. 17).

²²⁰ As S.R. Musavi emphasizes, «the aspiration of the leaders of Nadjidin Saudi to doctrines of Mohammad ibn Abdul Bakhab Nadjj ... and formation of the government of Saudi Arabia from the adherents of Abdul Wahhab ensured that Wahhabism has found its special place in the Islamic world». For more details see: Musavi S.R. Islamic movements in Central Asia // Amu—Darya. Spring — summer. 2003. — P. 11.

above-mentioned «political credo» of Maturidiya. A significant portion of believers was involved in the conflict, the center of which became the Fergana valley and Tashkent. The extreme confessional intolerance of «the reformers» had sad consequences: a pogrom of the Jewish residential areas in Andijan (May, 1991), a great number of everyday conflicts on a religious basis with Christians and representatives of other faiths (in Tashkent, Kokand, Bukhara), etc.

The state for the first time faced a completely unusual situation and had no experience of a religious policy. Firstly, not interfering directly in the conflict, it tried to find comprehensible forms of dialogue, understanding, to prevent the situation spiraling out of control. However, the dialogue failed for many reasons. Feeling the growth of their influence, «the reformers» (on the wave of general re-Islamization) took an uncompromising position, demanding the legitimization of creating an Islamic political party and the creation of the Islamic state without a referendum. These ideas were supported neither by the Spiritual Directorate (the then mufti — Muhammad Sodik Muhammad Yusuf), nor by the other part of believers. The last attempt of dialogue with the most radical section of «reformers» was undertaken by the President of the Republic of Uzbekistan personally during a meeting (April, 1991) in the «Wahhabist» center in Namangan.

Thus, independence has not justified the hopes of «the reformers» for the creation of their own political structures and an Islamic state. In this situation the radical wing of the «Wahhabists» created their own non-authorized structures of authority and justice (Islamic militia, «Soldiers of Islam», etc.) which without trial punished small pickpockets at the markets, threatened women who refused to wear hijab, beat those men who did not attend mosques, etc. After such actions the state bodies, acting on the public opinion of the population majority, undertook stricter measures with regards to the infringers of the country's Constitutional positions and in parallel supporting the representatives of local traditional forms of practicing Islam, distinguished by conformism and tolerance.

Undoubtedly the events of September 11, 2001 changed the situation in Central Asia, having removed, for example, the direct threat of armed intrusion by the so-called IMU groups from Afghan territory. Nevertheless, it is premature to speak about true stability of the religious situation. Speaking in a subcommittee of the House of Representatives at hearings regarding Central Asia on October 29, 2003, the US Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs E. Jones noted, that «in spite of the fact that during the operation 'Enduring Freedom' the military leader of the Islamic movement of Uzbekistan, considered in the USA as a terrorist organization, was killed, IMU still operates in Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and according to information, in

Kazakhstan. The IMU, though it is not capable of carrying out any more large military actions, continues to represent a threat as a terrorist organization to the states of Central Asia, and also to American interests in the region ... Another religious extremist group, Hizb-ut-Tahrir, operating in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan (and in more than 30 other countries of the world), represents a more complex problem. It is rigidly anti-Western. Though there are no confirmations of any evidence of Hizb ut-Tahrir participation in violent actions as an organization, nevertheless, its propaganda calls for operations of martyrdom against Israel and for attacks against coalition forces in Iraq. In Hizb ut-Tahrir leaflets it is also asserted that the USA and Great Britain are at war against Islam, and calls all Muslims to protect their faith and to enter jihad against these countries. Hizb ut-Tahrir is trying to overthrow regimes in Central Asia and to establish a supranational Islamic Caliphate»²²¹.

Certain circles of some Islamic states, despite the changing situation in Central Asia and in the world, on the whole have not rejected their intentions to politicize Islam in Uzbekistan and other countries of the region. The ideologists of religious extremism consider Uzbekistan to be a basic obstacle to the distribution of the Wahhabist ideology and other non-conventional reactionary, clerical sects and movements in the Central Asian region.

The changed religious-political situation in Uzbekistan after the terrorist acts in the USA on September 11, 2001 has compelled «Wahhabists» to partially curtail their vigorous activity. At the same time, there has been a recent activization of the remnants of the most radical «Wahhabist» groups, a part of which was secretly trained in the structure of the groups organized by the members of the so-called IMU. In these groups special «lessons of jihad» were carried out, which essentially consisted in how to use fire-arms, to make and apply explosive devices, to organize acts of terrorism and diversions. In the summaries of such «lessons» confiscated by the law enforcement bodies of Uzbekistan during special operations, obvious signs that the instructors were trained abroad are visible. Thus, for example, the conventional letters in the formulas necessary for calculating the amount of an explosive are mainly Arabic. The same symbols are used in the educational instructions of «Al-Qaeda» and the «Taliban».

For today «Hizb ut-Tahrir» (the full name of the origin party is Hizb ut-Tahrir al-Islami) — «the Party of Islam Liberation» is the most known, actively operating and widespread Islamic reactionary

²²¹ Jones E. Testimony Before the House Subcommittee on Middle East and Central Asia International Relations Committee, Washington DC, October 29, 2003. <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/25798.htm>.

sect in Central Asia. «Hizb ut-Tahrir» exists in the majority of Muslim countries, in particular Iran, Iraq, Algeria, Sudan, Yemen, Pakistan and Afghanistan, though it is not officially legal anywhere (except for Sudan). As the famous expert of the American analytical center «Heritage Foundation» Ariel Cohen notes, the organization, whose headquarters is located in London, carries out its activities in 40 countries of the world²²². In his estimation, «Hizb ut-Tahrir» representatives in Great Britain and Pakistan speak on behalf of the organization, but have no official address and legal office. The leadership in the regions and in the countries, in particular in the former Soviet Union, functions as a secret regime²²³.

At the same time, Cohen emphasizes that «Hizb ut-Tahrir», being a totalitarian organization, is similar in its discipline to the Marxist-Lenin party, in which «heterodoxy» of members is not accepted. The founder of «Hizb ut-Tahrir» Takiuddin an-Nabani synthesized Islamic ideology with Lenin's strategy and tactics. In connection with this, its purpose is the achievement of global revolution; «Hizb ut-Tahrir» is similar to Trotskyist wing of the international communist movement²²⁴.

On the whole, the similarity of the strategy and tactical methods of struggle of the Bolsheviks and terrorists, in particular «Hizb ut-Tahrir», are obvious. Moreover, at the beginning of the past century, the Russian thinker N. Berdjaev identified the Bolsheviks with terrorists because of their ideology and methods of struggle. Describing typical revolutionaries/Bolsheviks, N. Berdjaev noted: «Nechaev (one of the most fanatic revolutionists in 1860-s in Russia, the founder of the terrorist society «Bench axe or people's massacre». — R.A.) in many respects anticipates the type of Bolshevik party organization, extremely centralized and despotic, in which everything comes from above. Nechaev wanted to cover all of Russia with such small revolutionary cells with iron discipline»²²⁵.

As is known, cells of «Hizb ut-Tahrir» are currently functioning in a number of European countries, however for today only Germany has recognized the activity of this organization as forbidden. In Russia this organization was forbidden on February 14, 2003 for activity directed towards the violent change of the constitutional system of the Russian Federation and connections with illegal armed groups and radical Islamic structures operating on the territory of the North Caucasian region.

In Russia «Hizb ut-Tahrir» was recognized as a criminal organization in 1999. In May 2001 the head of the CIS anti-terrorist center, general-major B. Mylnikov evaluated «Hizb ut-Tahrir» as «an international terrorist organization representing a potential threat to the security not only of the Russian Federation, but also of all CIS countries»²²⁶. Then the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation qualified this organization as «the most radical and conspiratorial structure of an extremist sense, being pre-arranged and financed by foreign centers and pursuing plans for the stage-by-stage Islamization of Russia and of neighboring countries»²²⁷. As N. Patrushev, director of the FSB of the Russian Federation commented on December 16, 2002 in conversation with journalists, «Hizb ut-Tahrir» «encroaches on the constitutional system of states» and «organizes illegal armed groups, and also participates in them»²²⁸.

At the same time, many human rights defenders actively support «Hizb ut-Tahrir» and aspire to prove its peaceful character. For example, experts of the International Crisis Group criticize the government of Uzbekistan and the other Central Asian republics for persecutions of «Hizb ut-Tahrir» members. However even the rights' defenders warn, that this organization is very dangerous. In their report on June 30, 2003 they say: «Theoretically, the party rejects terrorism, considering that the murder of innocent people contradicts the law of Islam. However, under cover of similar statements in their party literature there is ideological justification of violence and the party admits its participation in a number of failed attempts at coup d'état in the Near East»²²⁹.

Evaluating «Hizb ut-Tahrir» activity in Central Asia, it is necessary to proceed not from declarations by the party of its peaceful intentions and claims of nonviolent methods of ideological and political struggle, but from analysis of its propaganda literature, leaflets and articles in the party magazines. Moreover it is necessary to take into consideration the natural laws of internal development and radicalization of the activity of similar organizations.

The basic ideas presented by the «Hizb ut-Tahrir» founders and propagandized by the leaders of the party today, are the following:

— All the troubles of the Palestinians and other Muslim countries occur because, since the time of the Prophet, «deadly enemies» to Muslims have appeared: Jews, «followers of polytheism» and Christians.

²²² See: Cohen. «Hizb ut-Tahrir: An Emerging Threat to U.S. Interests in Central Asia». May 30, 2003. www.heritage.org.

²²³ Ibid.

²²⁴ Ibid.

²²⁵ Berdjaev N. A source and sense of Russian communism. Reprint reproduction. Moscow, «Science». 1990. — P. 52.

²²⁶ Modern terrorism: a sight from Central Asia.—Almaty: Dike—Press, 2002. — P. 150

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Ibid. See also: Syukiyonen L. Is there place for Shariat in the Russian legal system? In the book: «Islam in post-soviet space». M. Art—business—Center. 2001. — P.15—44

²²⁹ See: Radical Islam in Central Asia: Responding to Hizb ut-Tahrir. ICG Asia report. Osh/Brussels. 30 June 2003.

— In the modern world these «enemies» aspire to prevent in every way the political and spiritual unification of Muslims, who only being united can withstand the «enemies», avail themselves of natural resources and promote real Islamization of all the world, etc.

The wider the scale of activity of «Hizb ut-Tahrir», the more «enemies of Islam and Muslims» they find. To the traditional enemies — «Jews and Christians» — have now been added «American and global imperialism», communism, «followers of polytheism», etc. The only salvation of the Muslims, in the opinion of «Hizb ut-Tahrir» ideologists, would be the restoration of the «Caliphate» religious-political structure.

However, the leaders of the party have not undertaken any attempt at legalization in any of the Central Asian countries. On the contrary, they at once have declared the local governments «henchmen of Jews, communists, Americans, Russians». Though the representatives of «Hizb ut-Tahrir» characterize their activity as propaganda, their purposes, the propagated ideas, and also methods of work, obviously have an extremist, explosive character.

In particular, the danger proceeding from «Hizb ut-Tahrir», above all, is the fact that it includes in its strategic purposes the creation of a unified theocratic state not only in Muslim countries or regions taken separately, but also on a world-wide scale. The «Hizb ut-Tahrir» leaders, not recognizing existing modern states, have divided all the world into «vilayats» (areas, provinces). In each «vilayat» the structure of the party is organized by a principle of cells (separately male and female): small underground groups with rigid party discipline, they are engaged in the propagation of «Hizb ut-Tahrir» ideas. To achieve its goals, «Hizb ut-Tahrir» calls all Muslims «constantly (i.e. until Judgment Day) to live in a condition of jihad».

On the basis of their ideological statements the «Hizb ut-Tahrir» leaders reject all western democratic models and western forms of organizing political and economic systems, not to mention education, legislation, family relations, etc. It is considered that for Muslim societies with other, non-Western, traditions and mentality, models of the Western democracy are not suitable at all. «Hizb ut-Tahrir» activists carry out work on the «formation of a worldview» among believers by means of discussions on extremely political subjects, trying to give to their reasoning an Islamic legitimacy by using references to the Koran removed from concrete historical context.

In the «Hizb ut-Tahrir» leaflets, in particular before the well-known events of September 11, 2001, there were no direct appeals to militaristic «jihad», as the ideologists of the party supposed that believers were not yet ready for this and it was necessary to foster their political consciousness. However in many leaflets there were appeals to members of the party that they be ready for concrete actions at any time.

After the events on September 11, 2001 dangerous changes occurred in the tactics and methods of «Hizb ut-Tahrir» activities. In connection with the complexities of attracting new adherents to their anti-constitutional activity and the necessity of maintaining their own security, «Hizb ut-Tahrir» functionaries undertook active efforts with Islamist jihadists. The leaders of the Movement justify their new position on joining efforts with «jihad adherents» by the fact that Osama bin Laden, the «Taliban» movement and similar groups are fighting for the creation of a «global Caliphate». Immediately after the beginning of the antiterrorist operations in Afghanistan, the rather dim definitions of jihad, sounded earlier, found meaning in the violent struggle with «infidels»: «... to struggle against the infidels by all means». In the final paragraphs of the leaflets such appeals were also noted as «to fight, standing behind the lawfully elected caliph».

Here it is necessary to note the fact that repeated arrests of «Hizb ut-Tahrir» members in Uzbekistan and other countries have revealed the presence not only of extremist literature, but also the illegal storage of weapons. Thus, in Russia one of the most dramatic arrests took place on June 6, 2003 when a joint operation of the FSB and the Ministry of Internal Affairs of Russia managed to reveal a cell of the «Hizb ut-Tahrir» in Moscow. 55 members of the party were detained. The citizen of Kyrgyzstan Alisher Musaev and the citizen of Tajikistan Acram Jalolov were among them. In Musaev's automobile were found about 100 grams of plastic explosives, 3 hand grenades, and also 15 «Hizb ut-Tahrir» leaflets. Among Jalolov's personal things the operatives also found leaflets, brochures, 400 g. of TNT and other weapons.

On January 15, 2003 in Germany the activity of the local branch of the religious-extremist «Hizb ut-Tahrir» network was banned, «for appeals to political violence and anti-Semitic propagation at universities». According to a statement to journalists by O.Schilly, the head of the Ministry of Internal Affairs of Germany, «Hizb ut-Tahrir» is a «dangerous organization», «opposes mutual understanding among peoples», «undermines the existing constitutional order» and «tried to come into contact with ultra radical forces»²³⁰. The interdiction on «Hizb ut-Tahrir» activity followed after police searches of buildings belonging to the organization in 25 towns in Bavaria, Giessen, Hamburg, and Northern Rhine-Westphalen. As a result of this, in 27 of the inspected houses in the cities Munster, Hamburg and Frankfurt-on-Main, police discovered hazardous chemicals, literature propagandizing violence, and also

²³⁰ RN, the weekly journal «Russian news», № 1674, on April, 16–22, 2003, http://www.rosvesty.ru/numbers/1674/sng/article_33.phtml.

money in the sum of 280 thousand Euro and 53 thousand marks²³¹. Shaker Asem, the head of the «Hizb ut-Tahrir» network in Germany and editor of the almanac «Explicit» published in Duisberg, was interrogated. According to the German magazine «Der Spiegel», this almanac repeatedly praised suicide attacks, represented them as «martyrs of the faith» and called for «the solution to the problem of Israel» by means of creating a «Hizb ut-Tahrir» army and forming a Caliphate²³².

Thus, «Hizb ut-Tahrir» appeals to «come out against the infidels», to create a Caliphate, and to conduct «jihad» began more and more to see the sense of armed struggle. Terrorist methods of achieving the ultimate goal began more and more to dominate the beliefs and consciousness of «Hizb ut-Tahrir» ideologists. For an adequate evaluation of this organization it is important to realize, especially for those who consider the activity of this party to be peaceful and harmless, that the figures of «Hizb ut-Tahrir» are required to bring their activity into correspondence with the laws of the European countries. Moreover, the favorable economic situation in the countries of Europe allows many members of the party to be engaged freely and favorably in business that, in turn, enables to fill up the «party coffers» on a regular basis²³³.

Along with this, it is necessary to emphasize the existence of the widely spread belief that «Hizb ut-Tahrir» in Central Asia is a «purely Uzbek» phenomenon. However in many respects «Hizb ut-Tahrir» activity in Uzbekistan and in the region as a whole is defined by the attitude to this extremist organization in neighboring Kyrgyzstan and Kazakhstan. Kyrgyzstan and Kazakhstan, trying to keep the image of «democratic countries», do not undertake resolute actions regarding «Hizb ut-Tahrir», despite the fears of these countries' law enforcement structures²³⁴. For example, according to the Islamic cultural center of Osh, Kyrgyzstan, the overall strength of «Hizb ut-Tahrir» is up to 5.8 thousand members. According to other data, the strengthening of the party's activity is noticeable also in the north of the country, as is the establishment of connections with public institutions in Kyrgyzstan.

In the conditions of Central Asia the questions of struggling against religious extremism and implementing democratic reforms frequently become entangled. Therefore it is impossible to agree

with the opinion of some researchers and politicians who support granting to the radical organizations the freedom to carry out religious propaganda, in the hope that a variety of opinions would lower the popularity of extremist ideologies.

In our opinion, it is necessary to continue at various levels the dialogue among countries on the given questions in order to deepen mutual understanding and to form common approaches to their solution. The prospect of democratic transformations in Central Asia in many respects will depend on how far the countries of the West and international organizations are prepared to listen to the concerns of the regional countries' governments.

Recently the concern of Central Asian societies regarding the increasing activity of religious extremists allows one to judge the level of threat presented by the «concern» of some rights-defending organizations and western experts on religious rights in Central Asia. As K. Murzahalilov, expert of the State Commission on Religious Affairs in the government of the Republic of Kyrgyzstan asserts, «due to freedom of speech and conscience in our republic, it is becoming a unique incubator for various religious groups: in the north — for Protestant missions, and in the south, in the Fergana valley — for middle Eastern»²³⁵.

According to Murzahalilov, in conditions in which thousands of religious organizations are functioning in the country, the question of proselytism has taken on particular sharpness. The given question, alongside with problems of the illegal party «Hizb ut-Tahrir», is one of the main destabilizing factors of the political situation in the countries of Central Asia, including in Kyrgyzstan²³⁶.

As it seems, in the foreign mass-media, above all, in the countries of the West, there is a certain dilettantism, or aspiration «to create desirable pictures.» Similar evaluations, in particular, concerning the religious policy of Central Asian governments are formed by those who are by no means experts, neither on the region, nor on religion. As a result, the verdict concerning those or other actions of the state is delivered a priori — «the infringement of political and religious rights».

Thus the fact is not taken into consideration that, thanks to the efforts of the Central Asian states in their struggle against religious extremism and terrorism, which are originally phenomena introduced from the outside, inter-confessional and interethnic accord are maintained in the region. And this factor is of no small importance also for the countries of the West, which are making efforts to eradicate these evils in Afghanistan and Pakistan, by no means with democratic methods.

²³¹ Riskulov Sh. «About prospects of further international isolation of «Hizb ut-Tahrir al-Islamia». 30.01.03. http://www.uzstrateg.uz/frontend/index.cfm?target=analysis*sub=article*analysis_id=96.

²³² Ibid.

²³³ More in detail see: Moldaliyev O. Modern terrorism: aspects of financing // Central Asia and Caucasus. 2(32).2004. — P.27—39.

²³⁴ In particular, according to the statement of Chairman KNS of RK of N.Dutbaev from July 11, 2003, in Kazakhstan there are really cells of some international terrorist organizations. Thus the propaganda activity of the separatist organization «Hizb ut-Tahrir» also causes anxiety». www.centasia.com. 12.07.2003.

²³⁵ Murzahalilov K. Problems of proselytism in Kyrgyzstan // Central Asia and Caucasus. No 1 (31), 2004. — P.100.

²³⁶ Ibid.

This, it seems, is connected with the fact that in the West, even in expert circles, there is still no full and objective understanding of extremism and terrorism in Central Asia. Thus the majority of their evaluations concerning the situation in the Central Asian region are based on knowledge which has been gained by studying the «experience» of the Near East countries. However, despite the cumulative knowledge, some western experts continue to study more and more in detail such phenomena as extremism and terrorism. Thus, A. M. Baylouny confirms that in the last few years violent movements in the name of Islam have occupied the central line in the foreign policy of the United States. Nevertheless, as the expert emphasizes, before the formation of a concrete strategy in the struggle against this phenomenon, it is necessary to understand the nature and dynamics of the Islamic mobilization itself²³⁷.

Illegal drug trafficking

In our opinion, problems of religious extremism and international terrorism in Central Asia, as well as in the world as a whole, are closely interconnected to illegal drug trafficking. Today international terrorism in many respects is financed by drug trafficking; there is a merging of these two most dangerous phenomena. Thus, in particular, American expert E. Wishnick, referring to statements of Kyrgyzstan NSS deputy chairman in July 2003, asserts that the so-called «IMU» has received 400 thousand US dollars from international terrorist organizations for the fulfillment of actions in Central Asia²³⁸. At the same time, it is important to emphasize that if earlier Islamists hid their involvement in the drug business, they have since started to claim that drugs are jihad too against the infidels: first, deliveries are for the infidels; second, the money received is used to buy weapons for the war against infidels²³⁹.

As it seems, the reference by the Kyrgyz expert to the term «Islamist» is based on the fact that this concept to a certain degree erases that line of distinction which is present in the definitions, or more precisely in the perception of such words as «extremist» and «terrorist». Russian expert V. Maksimenko notes that Muslims prefer not to use terms «extremism», «fundamentalism», «radicalism»; they use the term «al-islamiyun» («Islamists»), having in view those who support the re-islamization of socio-political life and the state-political system in Muslim countries, demanding, from the point of

view of the Islamists, reform by the criteria of a «pure», original Islam²⁴⁰.

From this point of view, the evaluation of French scientist O. Roy that for Islamists re-Islamization could be carried out by the seizure of the state power is remarkable. At the same time he emphasizes that Islamists, as against the fundamentalists in the strict sense of this word, act not for returning to the past, but for submission to them by means of political fight of a modern society and its technical means²⁴¹.

Unequivocally this kind of «struggle» in Central Asia is closely coordinated with the situation which reigned in Afghanistan for many years which allowed, on the one hand, unfettered subversive activities not only in the country itself, but also far beyond its borders. On the other hand, the chaos in Afghanistan provided favorable conditions for increasing volumes of narcotics manufacture and «export» with the aim of enriching and financing international terrorism and extremism. Thus, according to experts, the annual income of drug traffic in the world makes up more than 75 billion US dollars²⁴², the main part of which originates from Afghanistan.

In 2004 the situation in the Central Asian region continued to remain under the direct influence of volume of production of opium in Afghanistan²⁴³. As the statistics show, recently the Central Asian route of heroin transportation from Afghanistan to Europe has become a priority²⁴⁴. According to the statistical data, over the last 10 years more than 30 tons of drugs and 77 tons of acetic anhydride (one of the basic precursors for industrial manufacture of heroin) have been detained by the customs service of Uzbekistan alone²⁴⁵.

In Tajikistan, which by virtue of its internal political situation has experienced a real expansion on the part of the drug business, more than 2.4 tons of heroin, not including other drugs, was confiscated in 2001²⁴⁶. Along the border with Tajikistan on Afghan territory, even before the events of September 11, 2001, more than 400 heroin laboratories were operating, and warehouses about 10 tons of heroin were concentrated, ready for shipment²⁴⁷. As colonel Shavkat Alimov, the deputy chief of staff of the Drugs Control Agency (DCA) of Tajikistan, declared on June 4, 2004 «more than 20 labo-

²³⁷ Baylouny A.M. Emotions, Poverty, or Politics? Misconceptions about Islamist Movements // Connections. March 2004. — P.41.

²³⁸ Wishnick E. Op. cit. — P.8.

²³⁹ See: Moldaliev O. Modern terrorism: financing aspects// Central Asia and the Caucasus. 2(32). 2004. — P.35.

²⁴⁰ Maksimenko B. Fundamentalism and extremism in Islam. Preface//«Islam and Islamism» Russian Institute of strategic research. Moscow. — P.9.

²⁴¹ Roy O. L'echec de l'Islam politique. P., 1992. — P.17—18.

²⁴² See: Alimov R. La Lotto Contro Il Narcobusiness in Uzbekistan.— Roma.: Rivista Della Guardia di Finanza.— 1998. №. 5.—October. — P.2.

²⁴³ Information Bulletin on the drug situation. Central Asian region. OSCE. 2004. — P.2.

²⁴⁴ Website « the Newspaper of the CIS» / January 9, 2002.

²⁴⁵ See: Materials of field research of the experts of the ISRS in 2004.

²⁴⁶ News agency «ITAR—TASS» / December 17, 2001.

²⁴⁷ News agency «ITAR—TASS» / February 11, 2001.

ratories and mini-factories, the productivity of each of which is 20 kgs of heroin a day, are operating in the north-east provinces of Afghanistan adjoining Tajikistan. In 2003 Afghanistan produced three quarters of the world volume of illegal opium; it is the second-largest crop of drugs in the history of the country (1999 — 4565 tons, 2003—3600 tons). According to DCA data, Tajikistan accounts for 85% of the drugs of the opium group confiscated in the Central Asian region. Thus, if in 1991 law enforcement bodies of the republic confiscated only 11 kgs of drugs, in 2003 this figure was 9.6 tons. Alimov noted that for the last three years, law enforcement bodies of the country, together with Russian border guards, confiscated 13.87 tons of heroin that, in recalculation as doses, could have addicted more than 17 million people²⁴⁸.

As many experts consider, the «convenient» location of Central Asia on the route of drugs transportation to the West still remains one of the main reasons for the intensification of the activities of terrorist forces in the region. There is incontestable proof that the activity of international terrorists in many respects follows the aim of forming stable channels for drug trafficking from Afghanistan through Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan.

The events of 1999 and 2000 in Kyrgyzstan and Uzbekistan showed that the main purpose of the incursions by religious extremists was just an attempt to take under control the sites for the drug traffic which passes through the Kyrgyz and Tajik territories. According to various data, Juma Namangani, known for his extremist aspirations, undertook vigorous steps to establish control over the key point of Sari-Tash where strategic roads from China, Tajikistan and Kyrgyzstan converge. The money obtained from drug sales was spent for the purchase of arms, uniforms and the recruitment of new mercenaries.

The scale of drug trafficking and the certain growth of their manufacturing volume in Central Asia itself, as well as the involvement of Islamic radical groups in the drugs business, testify that a strike against the drugs business in the region means a direct strike against terrorism and vice versa.

In the countries of Central Asia, this is well understood and corresponding efforts are being undertaken. Thus, in the field of counteracting the threat from drug trafficking, the countries of the region constantly carry out information interchange at the level of the special services, and joint actions on controllable deliveries. In Uzbekistan, Kazakhstan and Tajikistan special agencies have been created in the struggle against drug addiction and drug trafficking, organized in cooperation with INTERPOL, and mechanisms for customs control at the borders are constantly being improved.

²⁴⁸ See: RIA «Novosti», June 4, 2004. http://www.centran.ru/cgi-bin/index.pl?text_id=15434&all=yes.

In conditions of the absence of a strong government and continuing civil strife in Afghanistan, the drugs industry, which has always financed the continuation of the war, prospers. According to United Nations forecasts, the manufacture of drugs in the country this year in comparison with the past will increase from 3.5 thousand up to 5 thousand tons. For the last two years there has been an increase of opium poppy plantations by a factor of 9—10 times. Opium is cultivated in a minimum of 24 of the 32 provinces of the country. Up to 90% of all opium is produced in 5 provinces — Hilmand (38%), Nangarhar (30%), Badakhshan (9%), Uruzgan (7%) and Kandahar (5%)²⁴⁹. However there is information, that the opium poppy is already being raised even in those regions of the country where it had never been sowed before. In particular, in some areas of Logar province there have appeared dozens of laboratories for processing opium to morphine.

The main reason for the growth of drugs manufacture, according to Afghan experts, is the insufficient or even nonexistent activity of power structures. In the opinion of representatives of Afghanistan's law enforcement bodies, the government remains unable to resist the drug mafia. There are cases when smugglers attack policemen, but they are frequently recorded as diversions of «Taliban» and «Al-Qaeda» supporters.

It is possible to suppose that Afghanistan in the foreseeable future will maintain its position as the largest opium supplier, which, if adequate measures are not taken, will result in the explosive growth of drug trafficking throughout Central Asia. Drug trafficking, and the criminal activity connected with it, remains a destabilizing factor also for other countries and regions on the transit route: the Caucasus, Russia, Eastern and Western Europe.

Moreover, in conditions of the escalation of the drug business throughout the world, it seems obviously important to concentrate attention not only on the countries which manufacture drugs, but also on the states which consume them. As was mentioned above, Afghan «goods» are not used only in Central Asia, which has a drug market far smaller in comparison than those of, for example, Russia, Europe, the USA, etc.

The problem of the non-proliferation of weapons of mass destruction

In the 21st century the problem of non-proliferation of weapons of mass destruction has also taken on a global character. In the new century this threat is more and more deeply intertwined with the expansion of the geography of the activity of international

²⁴⁹ See: Materials of field research of the experts of the ISRS in 2004.

terrorist organizations not only on land, but also at sea²⁵⁰. This tendency exerts serious influence on the efficiency of the struggle against terrorism and control over the non-proliferation of WMD.

Thus it is necessary to note that terrorists actively use also the international port infrastructure for the transportation of technologies and substances for manufacturing various means of mass destruction. The scale and degree of the increased flexibility of international terrorists in the transportation of WMD is demonstrated by the fact, that for today more than 46 thousand ships and about 4 thousand seaports are part of the world's marine transport system²⁵¹.

This threat greatly affects the macroregion of Central and Southern Asia where change in a geopolitical context occurs against a background of strategic uncertainty, political and psychological tensions. There is a probability of regional destabilization as the price of the unprecedented race of arms and militarization of some states.

Thus, there is a real danger of the proliferation of nuclear weapons and satellite technologies and the control over them, and also of «oversaturation» with conventional and strategic kinds of weapons in the region. The urgent need to take these processes under rigid international control is evident. In these conditions the provision of security in Central Asia, whose countries border on four nuclear powers — Russia, China, Pakistan and India — the problem of non-proliferation takes on special significance.

As the member of the Russian Academy of military sciences V. Petrovsky believes, «the prospects of developing regimes of non-proliferation are connected with the further development of nuclear non-proliferation, including the initiatives of interested regional powers on perfecting and strengthening elements of the existing regime.» Among these Petrovsky counts the Treaty on Nonproliferation of Nuclear Weapons (TNPW), the mechanism of IAEA multilateral inspections, the conclusion of the Treaty on Universal Prohibition of Nuclear Weapons Tests and other agreements on nuclear disarmament, and also the creation of subregional and regional zones free from nuclear and other kinds of weapons of mass destruction²⁵².

The politics of controlling exports is exceeding the framework of internal governance. This is a comparatively new feature of governmental responsibility and also a display of multilateral cooperation. As a phenomenon of modern diplomacy, multilateral coopera-

tion forms a new type of international relations in providing security, non-proliferation and export control. For us in Uzbekistan as for other states, Article 3 of TNPW, concerning the sovereign obligation of any participant to control non-proliferation, has particular significance.

Taking this into consideration, for the realization of the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan «On additional measures on stimulation of goods export» on October, 10, 1997, as well as for the development and acceptance by Oliy Majlis on August, 26, 2004 of the Law of the Republic of Uzbekistan «On export control,» Uzbekistan utilized all the valuable aspects of the export control regimes of other countries and their associations. The subject of our attention is also the process of preparing universal control over goods outside national control lists. We are carrying out the UN General Assembly resolutions from 1991 concerning transparency of weapons.

In our opinion, export control has become one of the strongest tools for the non-proliferation of weapon of mass destruction. Such understanding of its subject matter will promote, above all, in our opinion:

- the full acceptance of the Treaty on Nuclear Weapons Nonproliferation and the treaty on its general prohibition by all members of the United Nations;

- the intensification of actions on the problems of non-proliferation and the export control of states which are included in nuclear-free zones, and states aspiring to create such zones in Central Asia;

- the appearance of new stimuli for the steadfast realization of United Nations decisions concerning a regime of embargo on weapons deliveries to the planet's hot spots;

- the acceptance of measures for the maximal exclusion of terrorists and their sponsors from access to weapon of mass destruction, and technologies of its manufacture and transfer.

On these problems the position of Uzbekistan is stated from the platform of the United Nations, OSCE and other organizations, including the initiative of Islam Karimov, the President of Uzbekistan, concerning the creation of an international center for the struggle against terrorism in the structures of the United Nations.

The international regime of non-proliferation determines key technologies and weapon components which should be effectively supervised by any responsible country. Today, especially after September 11, responsible governments realize that even if goods pass through their territory in transit, it is necessary to apply to them the rules and requirements of the international non-proliferation regime. The vigilant control over the export and transit of all such goods, including a careful check of their end users, is required.

²⁵⁰ For more detail see: Sinai J. Future Trends in Worldwide Terrorism // Connections. March 2004. — P. 49–66.

²⁵¹ «Maritime Security Measures to Amplify Costs for Shipping» // Transport Security World, 29 July 2003.

²⁵² Petrovskiy V. New paradigm of security in Eurasia. Unilateral and multilateral reaction to the conflict: pro and contra // the Observer — Observer. 4/2004. — P. 23.

However the struggle against terrorism and the strengthening of export control demand the consolidation of the efforts of all states, not only on a regional, but also an international level. As is known, the President of the Republic of Uzbekistan I. A. Karimov was the initiator of the creation of zone free from nuclear weapon creation in Central Asia. He submitted the first proposal concerning the creation of a denuclearized zone in Central Asia, speaking at the 48th session of the United Nations General Assembly in 1993. This initiative began one of the basic points of his statement also at the OSCE Lisbon summit in 1996, the purpose of which was the discussion of the model of the common and universal system of international security for Europe in the 21st century.

The next stage in the creation of Central Asian zones free of nuclear weapons was the Almaty meeting of the leaders of the Central Asian states on February, 28, 1997. The initiative of the President of the Republic of Uzbekistan I. A. Karimov was unanimously seconded by the leaders of the Central Asian states. Also such authoritative international organizations as the United Nations, the OSCE and the IAEA supported it.

On September 14–16, 1997 in Tashkent the international conference «Central Asia — a zone, free from nuclear weapons» took place, in which representatives of 56 states and 16 international organizations participated. The main result of the conference was support by all conference participants of the given initiative.

Addressing the conference, the official Russian representative, the present secretary of the Russian Federation Security Council I. Ivanov, noted: «The positive reaction of the international community to the initiative of the President of the Republic of Uzbekistan is one more example of Uzbekistan's growing influence in the world». He also emphasized: «Russia considers the initiative of the creation here of a denuclearized zone, submitted by the President of Uzbekistan, as one more example of its aspiration to promote strengthening of the regime of non-proliferation of nuclear weapons, to make its contribution to matters of nuclear disarmament, and to promote the increase of the level of trust and stability not only in Central Asia, but also all over the world».

The US representative G. Limprecht declared that his country supports in principle the creation of denuclearized zones and welcomes the desire of the Central Asian states to take steps leading to regional cooperation and security. At the same time the American diplomat stated the seven well-known criteria, which the USA put forward as conditions for the creation of such zones. In particular, existing security agreements and the right of participants according to international law to allow or not to allow other states transit by sea or air with nuclear weapons through the territory of zones should not be violated.

As a result of the conference, the Ministers of Foreign Affairs of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan have coordinated and have signed a joint statement in which it states «the necessity to declare Central Asia as a zone, free from nuclear weapons, which is a major element in the strengthening of regional security».

It also contains an appeal to the permanent members of the United Nations Security Council, and to all states:

— to support the initiative on the creation of the zone and to assist in its creation;

— to render assistance in the rehabilitation of territories, including those polluted with radioactive waste products.

In the statement there is also an appeal to the specialized bodies of the United Nations with the request to create a commission of United Nations experts with the participation of expert regional groups to study the forms and elements of preparing and realizing the treaty on the creation of zone in Central Asia.

National, regional and international cooperation should include cooperation between boundary services on both sides of borders, information interchange concerning the transit of goods and technologies, and also information concerning the particular final users of such products.

However, for effective struggle against WMD proliferation and the technologies of their manufacture and transportation, it is necessary to assume the political obligation to secure real regulation of the movement or transportation in Central Asia of objects with dual purposes. It is obvious that without political obligations the passed laws will be ineffective. The presence of strong political will for the prosecution of violators is of fundamental importance. Punishment should be severe enough to prevent infringements.

Ecological threats

Undoubtedly, a direct threat to security in Central Asia is also presented by the worsening ecological situation. The present ecological situation in the region is characterized by the degradation of the environment, the disappearance of ecological niches in which the culture of the Central Asia peoples was formed and historically developed.

Such tendencies, naturally, result in the degradation of the living conditions of the population of the Central Asian countries, undermining national and regional security. So, for example, the exhaustion of the region's limited water resources as a result of their inefficient use can strengthen processes of geopolitical, social and economic destabilization in Central Asia.

In the opinion of the majority of experts, for today the most dangerous manifestations of ecological crisis in Central Asia are:

- artificially induced desertification and degradation of the soil;
- exhaustion and pollution of water resources;
- pollution of the atmosphere;
- radiation pollution, accumulation of dangerous and toxic waste products;
- irreversible reduction of biological diversity and destruction of the genetic fund of wildlife.

Recently the ecological situation in the Central Asian region has not only become a subject of concern for experts/ecologists from the countries of the region, but has also attracted the attention of international organizations frequently acting as the basic sponsors of ecological projects, programs and actions. Thus, on October 2—3, 2000 the Almaty Center of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) organized a seminar for non-governmental organizations (NGO) on the theme «Regional environmental problems in Central Asia and the role of civil society in their solution.» About 50 NGO representatives from all Central Asian countries, employees of some donor organizations and representatives of the diplomatic corps took part in the seminar's activities. During the seminar, reports from NGOs in the region's countries concerning the most important regional environmental problems were submitted and discussed.

According to the results of the seminar, its participants accepted a resolution in which they expressed their vision of the ecological situation in Central Asia and also designated a number of the most pressing problems requiring urgent resolution: 1. the situation of the distribution and consumption of water in the region; 2. the catastrophic situation in the Aral Sea basin; 3. the negative consequences of global climate change, desertification and the impoverishment of biological diversity; 4. the destruction of the ecosystems of basins of lakes Balkhash and Issyk Kul and the problem of lake Sarezskoe; 5. the condition of particularly dangerous waste products storehouses; 6. the growing risks of ecological catastrophe on the Caspian Sea.

The degradation of natural ecosystems under the influence of man-made factors occurs in practically all regions of Central Asia. On the territory of Central Asia there are regions where natural ecosystems are in a condition close to crisis, and normal inhabitation of the population in these areas becomes practically impossible.

It is necessary to take into consideration that Central Asia is an indivisible natural complex including a number of ecological zones, located on the territories of different states (the ecosystems of the Tien Shan mountains, the Caspian Sea, the Aral Sea basin, etc.). The consequences of deterioration of environmental conditions will have an influence irrespective of borders and their further aggravation, undoubtedly, will affect and already affects the entire region. At the

same time, the hotbeds of ecological trouble arising on the territory of some states are to a great extent perceived basically by their neighbors as exclusively internal issues.

Situation in the Aral Sea Basin

The fundamental reason for the Aral crisis consists of the deep discrepancy between the developed system for conducting the national economy in the region and the possibilities and condition of the ecosystem. It occurred as a result of ignoring, during the time of the USSR, natural and economic laws, in the unlimited exploitation of water and other resources. Recommendations of scientists and experts regarding the protection of the Aral Sea and Aral region ecosystems, and also the protection of the Amu Darya and Syr-Darya rivers were not carried out in practice.

The agrarian character of the region's development was aimed at the absorption of population growth by correspondingly expanding irrigated lands and agricultural production, with all of the attendant consequences. The development of irrigation in the Aral Sea basin was accompanied by large investments basically in Soviet-wide interests. Emphasizing the exclusive significance of developing irrigated areas, in combination with strengthening the chemicalization of agriculture, intensified the man-made burden on nature in the region and resulted in a number of negative manifestations:

- the exceeding, within a short period, of the allowable quantity of water from the river;
- the accelerated drain of naturally salted profiles;
- the development, in a number of cases, of lands inconvenient for irrigation with accelerated planning;
- the poor quality of irrigating systems exploitation;
- the high rates of expanding irrigated areas which were not known in world practice;
- the use of significant masses of fertilizers and chemical plant protectants simultaneously involving large masses of salts, which was reflected to a significant extent in environmental contamination at levels exceeding allowable norms by up to ten times.

Already in the mid 1960s-1970s, the water in the Amu Darya and Syr-Darya deltas exceeded the maximum concentration limits per volume of salts and toxic elements, and in the 1980s the excess had already spread to the middle current of the rivers.

Thus, as was mentioned more than once, the principal causes of the Aral crisis are:

1. The development and placing of manufacturing entities oriented towards water-intensive production with their raw materials character, which has led to the over-use of water for the production of agricultural raw materials in the situation of a deficit of finished products.

2. An insufficiently grounded structure of sustainable agricultural crops, above all, the unreasonable expansion of the areas under water-intensive plantings, especially, cotton and rice, which require a large amount of mineral fertilizers and result in the wide use of herbicides.

3. The development in some cases of poorly productive, difficult-to-reclaim lands, which has promoted the secondary salinization of the soil and the formation of highly-mineralized drainage effluent.

4. The insufficient basis of irrigation norms, frequently counting upon maximal, instead of on optimum productivity.

5. The lack of scientific forecasts of alternative paths towards economic development in the region or analyses of the possible ecological, social and economic consequences of large-scale economic decisions.

It is known that the level of the Aral Sea has fallen more than 17m, and its salinity has tripled. The reservoir has divided into two water areas — Large and Small Seas — fed, respectively, by the remains of the Amu Darya and Syr-Darya river drainage. As a result the ecosystem has been destroyed, more than 20 kinds of flora and fauna have disappeared. Among the fauna only some kinds of aquatic plants remain. The dried sea bottom has become source of salt and dust storms. The continental nature of the climate in the areas adjoining to the Sea has strengthened, the depth of underground waters has changed, the process of desertification has begun to develop.

The significance of the fish industry of the water reservoir has been completely lost, the delta water ecological systems have become degraded. On the territory adjoining the sea, saline-dust storms have become frequent, the process of soil salinization is becoming more intense, the efficiency of pastures is decreasing, and the productivity of cultivated agricultural crops is falling. The poor quality of the potable water damages the population's health in the areas adjoining the Aral Sea.

The desiccated area of the Aral sea bed and of the deltas of the Amu Darya and the Syr-Darya, and the irrigational-waste lakes formed here, are natural stores of polluting substances, and erosion processes disseminate the polluting impurities, carrying them away to adjoining territories.

As a result of the changes taking place on the territory of Karakalpakstan and the Khorezm region of Uzbekistan, the Kyzyl-Orda region of Kazakhstan and the Dashhovuz region of Turkmenistan, an extremely unfortunate ecological and sanitary-epidemiological situation has occurred there. A sharp deterioration in the conditions for life, food and labor of the local population here have led to a rise in the rate of disease and death among the people, up to the highest levels registered in the CIS.

The infant mortality rate in particular areas has exceeded 80 out of 1000 newborns. 70—80% of the inhabitants suffer from various diseases. Adverse conditions and the impossibility of employment have resulted in an outflow of the population from these areas in recent years. All this allows one to consider the Aral Sea region to be a disaster zone. Nowadays the Aral crisis involves the interests of all the countries of Central Asia²³, becoming a subject of concern for the world community.

To conclude the given section, it would be desirable to note that the all-round consideration of these factors could promote, above all, the acceptance, at the very least, of ecological policies within the Central Asia countries which would not contradict each other — as well as the regular exchange of information and experience for overcoming crisis situations in the given sphere. Moreover, consolidation and close interaction in the field of ecology would allow the states of the region to develop uniform approaches in dialogue with international organizations and foreign countries which express interest and readiness to render financial and other assistance to the Central Asian republics for the consequential overcoming of the ecological crisis in Central Asia.

Problems of the rational use of water resources in the region

At the present time, the problem of the rational use of water resources is one of the most important and relevant problems of the Central Asian states. As is known, the water resources of the region are mainly formed by the internal-drainage basin of the Aral Sea, which is fed by the waters of the rivers Amu Darya and Syr-Darya.

The consumption and natural distribution of water resources in the region is uneven. Thus, at the formation of the drainage basin of the rivers Syr-Darya and Amu Darya the share of each Central Asian state is on average per year²⁴:

²³ For more details see: Mirzayev S., Rubiniva F. and others. Conceptual basis of the water—ecological strategy development in the basin of the Aral sea. In collection of scientific articles «Water resources, Aral problems and the environment». Tashkent. «University». 2000. — P. 151—156. To the category of regional ecological problems we also include the presence on the territory of Central Asia of tailing dumps, the problem of lake Sarez, pollution of the atmosphere, and radioactive contamination found in the artesian well water. But, as these problems are discussed in detail in our book «Central Asia: Geoeconomy, Geopolitics, Security» devoted to the region, I will not dwell upon them.

²⁴ From the materials of «field studies» of the experts of the ISRS under the President of the Republic of Uzbekistan.

Country	Syr-Darya	Amu Darya
Uzbekistan	11%	6%
Kazakhstan	12%	—
Kyrgyzstan	74%	2%
Tajikistan	3%	81%
Turkmenistan	—	—

At the same time, the share of use of the water resources of the Aral Sea Basin is as follows²⁵⁵:

Country	The Aral basin	Syr-Darya	Amu Darya
Uzbekistan	55%	57%	52%
Kazakhstan	21%	6%	—
Kyrgyzstan	10%	11%	—
Tajikistan	4%	26%	34%
Turkmenistan	10%	—	14%

On average, about 92% of the water resources are used for irrigation needs in the region, and this factor seriously actualizes the problem of water use for all Central Asia countries, in whose economy agriculture occupies an extremely important value.

Moreover, all Central Asian states are united by a network of hydraulic engineering constructions including dams, channels and reservoirs. The drainage of the rivers Naryn, Karadarya, Chirchik and Syr-Darya is regulated by the Naryn — Syr-Darya cascade. Five major water basins of the cascade are Toktogul, Charvak, Andijan, and also two river-bed reservoirs of seasonal regulation — Kayrakum and Chardarya.

The transboundary irrigational system, except for the specified reservoirs, also includes numerous interconnected channels and collectors, water-intake constructions, numerous inflows, (approximately 100 small water basins on these inflows) and millions of hectares of irrigated areas. This system underlies the massive system of water-transport and water supply on the scale of the entire Aral Sea basin. The economy of each republic depends to a large degree on the efficiency of operation of the transboundary irrigational system.

The peculiarity of the Central Asian hydrographic network is the extremely non-uniform distribution of water objects on its surface. On the territory of the region there are two large areas with

fundamental distinctions: flat — occupying 70% of the territory where there are practically no rivers, and mountainous — where all the rivers of the region are formed. The population of the region basically lives in the foothills and the oases of the rivers of Amu Darya and Syr-Darya basin.

Kyrgyzstan and Tajikistan have huge stocks of water resources. Concerning its potential hydropower reserves, Kyrgyzstan occupies the 4th place in the CIS (after Russia, Tajikistan, and Kazakhstan).

Kyrgyzstan possesses one of the largest systems of modern mountain glaciers, whose general area occupies 4.2% of the republic's territory. 3/4 of the general area of the glaciers belongs to Syr-Darya river basin. Stocks of fresh water in the republic consist of approximately 650 billion m³. In the Republic of Kyrgyzstan there are more than 2100 lakes and artificial reservoirs. Lakes occupy 3.4 % of the republic's territory, of which about 90% are high-mountainous dammed reservoirs and closed lakes.

In Tajikistan all rivers are related to two large river systems — the Syr-Darya and the Amu Darya. The Amu Darya system also encompasses the Zerafshan river basin, which does not quite reach it. The high-mountainous, sharply rugged relief of the terrain enables the development in Tajik territory of a dense hydrographic network. Here there are a total of about 950 rivers with a length of more than 10 kms. With respect to absolute water content, the largest rivers of Tajikistan are the rivers Vakhsh, Zerafshan, Kafarnitan and Pyange the waters of which within the Tajikistan-Afghanistan border zone relate to the territory of both states.

About 72% of all lakes of accumulated origin (Sarez, Zorkul, Kara-kul, Yashil-kul, etc.) are also concentrated on the territory of Tajikistan. In all, across Tajikistan, there are about 200 lakes with a combined surface area of more than 710 km².

On the territory of Tajikistan there are also in total almost 8.5 thousand glaciers with a combined area of about 8500 km². Glaciers with an area up to 1 km² make up about 80%, and with an area more than 1 km² — about 20% of their general quantity, but the basic frozen area — up to 85% — consists of glaciers more than 1 km² in size.

The effective sharing of water resources is always connected with the correct arrangement of priorities and compensation for possible losses. Thus, the mechanism of compensation operating up to 1991 was based on the fact that in Central Asia the majority of the population is engaged in agriculture, therefore the advantage in use of water resources was given to irrigated agriculture, and the requirements in electric power of the upper reaches were compensated by deliveries of fuel and energy resources during the autumn — winter period.

With the disintegration of the USSR, the problems of compensation deliveries and usage of water and power potentials were

²⁵⁵ From the materials of «field studies» of the experts of the ISRS.

sharpened. Inter-industry conflicts in requirements for the regime of the water cascades of the reservoirs were automatically transformed after 1991 into interstate conflicts.

The most widespread conflict, with significant disputed potential in regional hydropolicy, is in the discrepancy of interests of the water-users. Thus, Kyrgyzstan and Tajikistan, by virtue of the limited stocks of oil and gas in their territory, are interested in exploiting their hydroelectric potential. At the same time, the overwhelming majority of lands suitable for agriculture are concentrated on Uzbekistan, Kazakhstan and Turkmenistan territory, a fact which objectively determines their interest in the irrigational operating mode of the water resources of the region.

This demonstrated conflict of interest among water-users, above all, affects the operating mode of the Toktogul storage reservoir (Kyrgyzstan), which is the largest in Central Asia and around which the interests of three Central Asian states — Kyrgyzstan, Uzbekistan and Kazakhstan — have collided.

During the Soviet period, for full compensation of the under-produced electric power during the autumn-winter period and coverage for annual damages from flooding, Kyrgyzstan received energy resources: gas from Uzbekistan, coal from Kazakhstan, coal and mineral oil from Russia. Since 1992 there has been a sharp reduction of deliveries of fuel and energy resources to Kyrgyzstan from other states, due to which the manufacture of electric power in the thermal power stations of the republic has decreased. At the same time, the absence of its own stocks of natural gas and coal has led to a sharp increase in electrical power consumption in the household sector of Kyrgyzstan.

To cover the increased needs of the country, the Toktogul waterworks facility was transferred into a power-generating mode of operation, which influenced the situation of water delivery to consumers in the Syr-Darya basin. The changes in the operating mode of the Toktogul water reservoir have led to the following consequences:

- the deterioration of the economic condition in the region (sharp shortage of water for irrigation, reduction of area under crop, decrease in productivity of the major strategic crops);

- the deterioration of social conditions for the life of the population;

- the loss of water for the Aral Sea because, due to the insufficient flow of the Syr-Darya bottom watercourse, as a result of development of the flood-lands and the terraces, the increased volumes of water in winter which enter the Chardarya reservoir are dumped into the Arnasay declivity;

- the flooding of settlements and agricultural lands in Uzbekistan, Tajikistan and Kazakhstan;

- the aggravation of ecological and sanitary-and-epidemiologi-

cal conditions in the Aral Sea basin, especially in low-water years (already now on some sites of the Syr-Darya the drain becomes minimal in summer or practically ceases);

- the increasing probability of the loss of the ability of the Toktogul reservoir to adjust the drainage of the Naryn over the long term, owing to the inevitable emptying while operating in the power mode.

Each of these problems infringes upon the national interests of all Central Asian states and their resolution demands the creation of a corresponding standard-legal basis for mutually advantageous and conflict-free cooperation.

Since 1995 interstate agreements on the use of the region's water-energy resources have begun to be concluded in order to overcome the conflicts which have arisen. In them the volumes of release from Toktogul water reservoir for supplying the requirements of irrigated agriculture in the region have been fixed and the volumes and kinds of compensatory deliveries of energy resources from Uzbekistan and Kazakhstan to the Republic of Kyrgyzstan during the autumn-winter period have been determined.

At the present time the distribution of the transboundary Syr-Darya river water resources is carried out according to the schedule of water delivery which is annually established at sessions of the Interstate Coordinating Water-Economic Commission (ICWEC, Tashkent) and depends on the fulfillment of annual agreements on the use of the water-energy resources of the Naryn — Syr-Darya cascade of water reservoirs, agreed according to the framework Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan, the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Uzbekistan on March 17, 1998²⁵⁶.

In June, 2000 the next tripartite agreement on the use of the Naryn — Syr-Darya reservoirs cascade's water-energy resources was signed. In addition to this, in December 2000 between Uzbekistan and Kyrgyzstan the next bilateral agreement on the use of water resources of the rivers Naryn and Kara-Darya was concluded. A similar agreement was made between Kyrgyzstan and Kazakhstan in January 2001.

At the same time, recent experience shows that on average the level of fulfillment of the obligations undertaken by the republics is 70–75%. Mutual underfulfillment of obligations under the Agreements results in delays in resolving problematic issues and complications of interstate relations, both in the political, and in the economic sphere.

²⁵⁶ See: Mirzaev S. Main institutions of water resources management of the Aral sea basin. In the collection of scientific articles «Water resources, the Aral problems and the environment». — P. 308–328.

Thus, according to the data of the Committee on Water Resources of the Republic of Kazakhstan, in connection with the extreme shortage of water in the Syr-Darya river basin in 2000 and the tightening of the water release mode from Toktogul reservoir on the part of Kyrgyzstan (as a reaction to the default in compensation deliveries and to measures of economic pressure undertaken by the neighboring states), watering of agricultural crops was extremely stressful, both on the «Dostik» canal in Southern — Kazakhstan and in the Kizilorda region.

Besides Kazakhstan and Uzbekistan, the problem of water resources deficiency is rather sharply felt in Turkmenistan. Turkmenistan is a country with extensive methods of agriculture based on irrigation (98% of areas under crops are irrigated). At the same time, Turkmenistan aspires to expand the areas under crop to maintain the food security of the republic. This tendency raises water consumption from the river Amu Darya, which provides 90% (22 km³) of the irrigation system of the republic. Thus annually about 15 km³ of the Amu Darya's water resources go to the Kara Kum canal. However as a result of irrational and inefficient use of water resources along the stretch of the canal which passes through loose sand, there are enormous losses of water. Evidence of this is the 800 m² lake formed along the Kara Kum canal²⁵⁷.

It is necessary to note also, that Turkmenistan carries out an offtake from the Amu Darya in the area of the Kerki settlement located above all the other large water-offtaking constructions, including those of the Republic of Uzbekistan. The build-up of irrigational systems and construction of new water-removal constructions inevitably leads to the attempt to change the existing regime of water-removal and, accordingly, a shortage of water in the lower reaches of the Amu Darya.

One of the major factors determining the origin of the water resources deficiency in Central Asia is the low efficiency in using those resources and the backwardness of the corresponding drainage systems. In the Central Asian states there is a very high level of water consumption per capita.

It is necessary to take into account, that in the long term for the maintenance of the fast-growing population of Central Asia, especially in Tajikistan and Uzbekistan, an increase in irrigation and potable water volumes, and also in fertile ground, is required. However, despite the obvious necessity of joining the efforts of all the regional states to seek joint resolutions of water problems, it has not yet been possible to develop a common effective mechanism, as a result of which, a large number of problem questions remain unresolved.

²⁵⁷ Ibid.

On the whole, basic disagreements in the field of sharing water resources in the region arise concerning:

- the quantities of water used in the production of electric power and directed towards irrigation;
- the schedules of water-supply;
- the mechanism of compensation for the accumulation and storage of water;
- the principles of distribution of water among consumers;
- the quality of water.

These problems are caused, basically, by the following reasons:

- the imperfection of the common legal base for sharing water resources;
- the priority of national interests in the countries of the region, which in essence means a division of the unified water system, not capable of functioning in a local territorial regime;
- the constantly growing demand for water resources.

The search for an optimal way of resolving the issues of sharing water resources in Central Asia must be conducted, above all, in an organizational — economic sphere. However it is necessary to take into consideration, that the problems of joint water use in the region tend to acquire a political coloring and could become a subject for inflating radical — nationalist moods. Disputed situations resulting from the usage of water resources, as they impose on interethnic, territorial and other problems, could lead to nagging consequences.

The analysis of the situation as it has developed today in the Central Asian region, in the context of joint water use, allows the following conclusions to be drawn:

1. According to its content the problem of Central Asia water resources sharing has, basically, an intraregional character.

2. But the separate countries of the region are completely susceptible to the influence of the deficiency in water resources and the negative consequences connected with it. Desertification here is accompanied by a change in the qualitative and quantitative structure of the population and can reflect in the most negative way on the countries of Central Asia, bringing about serious consequences of an ecological and sociopolitical character.

3. For the period from 1994 to the present day, the process of rapprochement of the Central Asia states in the resolution of problems of sharing the water-energy resources of the river basins of the Syr-Darya and Amu-Darya has been proceeding at an unsatisfactory rate and is characterized by the low economic and organizational effectiveness of the decisions taken. The agreements, which were made regarding concrete water-economic objects are, for various reasons, carried out only in part by each of the sides or not carried out at all.

4. Water or energy deficiency in Central Asia's separate states is

perceived as a direct threat to their national interests and security. Resolutions of key questions offered by one side are not always comprehensible to other sides. Moreover the initiatives in the field of water resources usage by one of the sides are often perceived as an attempt to bring pressure or to strengthen its favorable position towards concrete water resources.

5. Issues of water resources sharing could become the catalyst for intensifying interethnic and interstate conflicts in the states of Central Asia. A negative precedent in the resolution of disputed questions of transboundary water resources could be of serious consequences for all countries of Central Asia.

6. Water usage in the region and the opportunity to control it becoming one of the most powerful mechanisms of economic and political pressure on the part of some Central Asian states.

Thus, the sharing of water resources in Central Asia has not only definitive economic and ecological, but also huge political and international significance. Proceeding from the complicated situation, which has developed around the problem of water use in Central Asia, it is necessary for the countries of the region to put all their efforts into forming a regional water policy, which would be built on taking an overall inventory of the specifics of the very essence of the problem. At the same time, in present conditions the politicization of these questions would be extremely counterproductive.

== CHAPTER III ==

PROSPECTS FOR REGIONAL COOPERATION IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF A NEW SECURITY ENVIRONMENT IN CENTRAL ASIA

3.1. The Afghan factor after September 11, 2001 in the formation of a new security environment in Central Asia

The international coalition forces' military campaign in Afghanistan deeply affected the security situation in Central Asia. After the overthrow of the Taliban regime, the situation in the country became relatively stabilized, and threats to the countries of the region proceeding from Afghan territory were reduced. Thus, new horizons of the formation of a post-conflict Afghanistan became apparent.

As a result of the transformation of the Afghan factor in the formation of a regional security system in Central Asia, new opportunities arose for close economic cooperation between Afghanistan and the states of the region. Obviously, this will promote more effective stabilization of the military-political situation in the Islamic Republic of Afghanistan (IRA), as the solution of economic questions is the bread-and-butter issue for the post-conflict restoration of the Afghan state and society.

At the same time, as a result of the antiterrorist operation in Afghanistan, the geopolitical distribution of forces in the region has changed, with far-reaching consequences for the formation of a new security system in the region of Central Asia. In this connection, in my opinion, it is clearly important to consider the problems and prospects of the Afghan settlement, as well as the new threats and challenges to the stabilization of the situation in Afghanistan with respect to strengthening the development of security and regional cooperation in the Central Asian region.

During the last decades of the last century, Afghanistan became the most vulnerable object of the geopolitical confrontation of the major powers. Afghan territory was transformed into «a convenient outpost» for the promotion of the geostrategic interests of a number of world and regional powers on the whole space of the Eurasian continent. By the end of the 20th century, Afghanistan had clearly

become the despairing victim of the finale of the «cold war.» As the Russian expert-orientalist V. Belokrenitsky noted, from being a buffer zone, as it was at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, Afghanistan was transformed into a broken and shattered archaic periphery of the modern world²⁵⁸.

Domestic political struggle among various Afghan groups after the withdrawal of former Soviet Union troops from the territory of Afghanistan led to an escalation of military conflict, with negative effects on the stability and security in Central Asia over the past decades. At the same time, it should not be forgotten that the involvement of various external forces in these processes played an extremely unconstructive role.

As a result of the war in Afghanistan, by various estimates, in the past two decades more than 2 million people perished, and the number of refugees reached more than 5 million, who found refuge in Pakistan, Iran and other contiguous countries of the region. During the war the infrastructure of the country was completely destroyed, turning Afghanistan into one of the world's poorest states.

The next stage of the escalation of the civil war in Afghanistan, connected with the rise to power of the Taliban movement, was characterized by its attempt «to restore» the theocratic state of the Middle Ages. The situation in the country and the region as a whole was substantially complicated by the «consolidation» of the Talibs with international terrorist organizations. As a result of this, camps for the training of insurgents from several countries of the world, and also extremists from Central Asian countries — in particular from the so-called «Islamic movement of Uzbekistan» — began to appear on the territory of Afghanistan.

Unfortunately, right up to the tragic events in the United States on September 11, 2001 the international community did not attach importance to this trend in Afghanistan. Nevertheless, Uzbekistan from various international tribunes diligently emphasized the absolute necessity of an immediate resolution of the Afghan problem.

In particular, the President of Uzbekistan raised this issue in 1993 at the 48th session of the United Nations General Assembly. I. A. Karimov also took the lead in the creation of the «6+2» group under the aegis of the United Nations. In an attempt to attract the attention of the international community to the increasing threat of international terrorism from Afghanistan in 1999, Uzbekistan addressed the world at the summit of the OSCE in Istanbul with the goal of uniting efforts in the struggle against this evil and suggested the creation of an international antiterrorist center. At «the

Millennium Summit» in 2000 in New York, Islam Karimov insisted that Afghanistan already represented a threat not only to the Central Asian states, but also to the entire world. At the same time, the President of Uzbekistan emphasized that it was necessary for all the countries of the world «to use all possible means for a peaceful resolution of the Afghan problem»²⁵⁹.

The appeals of the Uzbekistan leader to unite the efforts of the entire world community to settle the Afghan conflict, which had created «favorable conditions» for the cultivation of terrorism and extremist ideologies in Afghanistan, were completely well-founded. Almost from the moment the Central Asian countries gained independence, Afghanistan had been the main source of such non-conventional threats to them as religious extremism, terrorism, drug trafficking and illicit arms trafficking. The territory of the country had become a shelter for international terrorist organizations, and also for the so-called «IMU», which had carried out terrorist attacks in the mountain areas of Uzbekistan and Kyrgyzstan in 1999 and 2000.

The lack of peace in Afghanistan promoted the success of the illegal drug business in the country, which transformed Central Asia into a staging post for drug transportation to Russia and further to the countries of Europe. According to some sources, before the military actions of the coalition forces in Afghanistan, there were more than 400 laboratories for heroin manufacturing along the border with Tajikistan and about 10 tons of heroin were stored in warehouses ready for dispatch at any moment²⁶⁰. Meanwhile, funds obtained from the sale of drugs had become the basic source of financing the activities of different radical groups of religious persuasion.

The complex of these threats proceeding from the territory of Afghanistan negatively affected the political and socio-economic situation in the Central Asian countries. First, the growth of threats demanded a constant increase in defensive expenditures, which could have been used for dealing with major problems in the social and economic sphere. Second, the wide-ranging propagandistic activity of radical religious ideas directed towards the destabilization of the internal political situation in the region forced the governments of the Central Asian states to adopt counter-measures, which delayed the process of implementing political and economic reforms. The intense situation in the region also exerted a negative influence on the dynamics of development of relations between the Central Asian states, which do not always see eye-to-eye on questions of preserving security in the region²⁶¹.

²⁵⁹ Narodnoe slovo. September 12, 2000.

²⁶⁰ Information Agency «ITAR-TASS» February 11, 2002.

²⁶¹ Allison R. «Regionalism and security in Central Asia». International Affairs, Volume 80, Number 3, May 2004. — P.485.

²⁵⁸ Belokrenitsky V. Elements of «the great game» in the war of the West against terrorism// Central Asia and the Caucasus. 6(18). 2001. — P.153

In conditions of the lack of appropriate political and economic resources in the Central Asian republics, along with the disinterest of Western countries in solving the Afghan problem, the states of the region could rely only on the aid of Russia in the case of aggression from the south²⁶². In turn, the Russian Federation's policy towards Afghanistan did not go beyond the attempts to create a buffer zone between Afghanistan and the Central Asian countries by means of supporting the formation of a pseudo-state in the north of Afghanistan. However it did not solve the root of the problem, and only to some extent minimized the threats proceeding from the territory of Afghanistan. In this connection it should be noted, that the situation in the given country could at any moment could have gotten out of control in the case of a Taliban victory over the Northern alliance.

In this connection it is necessary to consider the antiterrorist operation of coalition forces commanded by the USA in Afghanistan as a positive event in the provision of security in Central Asia. As a result of this campaign, the Taliban movement has been displaced from the political arena of the country, and substantial losses have crippled international terrorist forces such as «Al-Qaeda» and the so-called «IMU». Their military-political, financial-economic and organizational potential has been undermined. By virtue of this the level of direct threats to the region has been considerably reduced.

As is known, from the very beginning of the conflict in Afghanistan its development in many respects was determined by the interests and involvement of a number of external participants. It was precisely external players who apportioned the military and political forces in Afghanistan, as well as the corresponding international environment around the Afghan conflict. In fact, Afghanistan remained extremely open for external intervention during the entire time from the beginning of war in the country.

It is important to note that the cooperation of foreign powers in the cause of maintaining prosperity in Afghanistan is an integral, vitally important necessity for providing security in Central and Southern Asia. In such a context, the presence of American military forces and an international peace-making contingent in Afghanistan has become a primary factor preventing new large-scale armed conflicts from arising among various internal political forces in the country. Thus US involvement in resolving security problems both in Afghanistan and in Central Asia cannot be considered the strengthening of American influence in the region to the detriment of other neighboring powers.

²⁶² See. Alimov R. «Central Asian security and geopolitical interests»// Marco Polo Magazine 1/2003. — P.3.

However, the majority of experts are inclined to consider the actions of coalition forces in Afghanistan as a factor which substantially changes the geopolitical apportionment of forces in Central Asia. According to the belief of Kazak analyst M. Laumulin, during the USA's the anti-terrorist operation in Afghanistan, «the secret tripartite balance of forces of the leading countries — Russia, the USA and China — developed in the region up to the middle of 2001, collapsed»²⁶³.

From this point of view it is necessary to emphasize that the states of Central Asia took an active part in the antiterrorist operation in Afghanistan, providing their territories, air corridors and other necessary conditions for conducting a successful military campaign. The cooperation of the Central Asian countries with the international coalition forces during the Afghan situation also became one of the reasons for the region's status transformation into a basic center for the struggle against the expansion of international terrorism and religious extremism.

In this context, the strengthening presence in the region of the West, above all the USA, is emphasized. This has significantly influenced Russian and Chinese foreign policy approaches concerning Central Asia. Although initially their shared interest in the struggle against terrorism, including support for coalition forces in the antiterrorist operation in Afghanistan, was notable, afterwards in some states' policies the established stereotypes of geopolitical rivalry resurfaced. Certainly, this tendency can negatively affect the security situation, both in Central Asia, and in the world as a whole.

Currently, in answer to Central Asia's entry into the global strategy of Washington, Moscow tries to reanimate its lost military-political and economic position in the region, thereby avoiding direct complication of relations with the leading world powers²⁶⁴. For this, energizing the work of economic structures by means of expanding control over the development and transportation of the region's energy resources, and also increasing the share of Russian capital in the economy of the Central Asian states, occupies a special place in Russia's interests in Central Asia²⁶⁵.

Anxiety concerning the rapprochement between Central Asia and the West is also shown in Beijing, which strives accordingly to intensify dialogue with the Central Asian countries in an effort to politically and economically «bind» the region to China. In its Central Asian policy, China aspires to avert the long-term presence on its western boundaries of the major world powers and to gain stable access to the natural resources of Central Asia and the Caspian Sea, providing means of their transportation to the

²⁶³ Laumulin M. «Strategy and the West's interests in Central Asia: «old» and «new» geopolitics»// Central Asia and the Caucasus. 4(22). — P.34.

²⁶⁴ See also: Allison R. Op. cit.

²⁶⁵ Ibid. — P.491—493.

People's Republic of China. At the same time, special emphasis is made on strengthening the role of the SCO, within the framework of which China plans to expand regional cooperation in the field of security and to create the preconditions for gradually weakening the Western military factor in the region²⁶⁶.

In spite of the fact that Iran supports attempts to create a global coalition against terrorism headed by the USA, Teheran shows distrust not only concerning the actions of the allies in Afghanistan, but also the provisional government of Afghanistan²⁶⁷. This category is gradually coming to include also the states of Central Asia, which are considered as countries gradually being sucked into the sphere of American influence.

Hence, in the immediate perspective, the foreign policy of Iran will most likely be formed on the basis of the aspiration to restrain the growth of American political and economic influence in Afghanistan and Central Asia. At the same time, it is not excluded that Teheran will resort to the support of some friendly Afghan tribes and groups, thus influencing the development of an internal political situation in Afghanistan.

The antiterrorist operation of external forces in Afghanistan has most strongly affected Pakistan, whose government has been forced to revise its present Afghan policy due to the intense pressure of the international community. In this connection it is necessary to note, that Pakistan's strategic aims in Afghanistan are currently undergoing important changes under pressure from the United States, which aspires to activate the efforts of Islamabad in the antiterrorist campaign.

Thus, recently Pakistan has been subjected to serious criticism on the part of the Bush administration for its restraint in the struggle against terrorism. According to foreign mass-media, the Pakistani leadership more often calls on the tribes, living on the Pakistani-Afghani border, to get rid of foreign terrorists and insurgents independently. Moreover, Islamabad even offered a «safe corridor» to Islamists if they left Pakistani territory voluntarily²⁶⁸.

Undoubtedly, the increase in the activity of Pakistan in the struggle against terrorism in Afghanistan has a special significance for security and stability in Southern and Central Asia, especially in connection with the «special»²⁶⁹ situation in the western provinces of

Pakistan. In this context, taking into account the fact that the Taliban and terrorists make sorties into Afghan territory from the territories of Pakistani provinces bordering with Afghanistan, in our opinion, it is necessary to examine in more detail the latest tendencies in American-Pakistan relations which can promote increased efficiency of the antiterrorist campaign in Afghanistan. This also has a special importance for the Pakistani leadership, which is trying to weaken the positions of radical Islamists in Pakistan, who render support to destructive forces in the country and outside.

Moreover, the internal political situation in neighboring Pakistan, where Sunni-Shia confrontation has been observed, has a «return» influence on the situation in Afghanistan. At the same time, according to the evaluations of foreign experts, the situation in Pakistan remains extremely unpredictable by virtue of the absence of any objective conditions for political consolidation in Pakistan society itself. «Today there are neither political principles, nor ideologies in Pakistan. Religious parties have no religious motives. The same thing occurs with political parties. They are simply in pursuit of seats in Parliament»²⁷⁰. At the same time, «as in any other country of Southern Asia, strong individuals dominate in the politics of Pakistan. Political parties are identified by their leaders, rather than their programs»²⁷¹.

In these conditions, the activation of cooperation between the USA and Pakistan in the context of antiterrorist operations in Afghanistan demands the optimization of the efforts of Islamabad in the struggle against terrorism, and also the strengthening of its control over the entire perimeter of the Afghan-Pakistan border. Recently these questions have become the most pressing subject of discussions at American-Pakistan meetings at the highest level.

High-ranking representatives of the Bush administration, during visits to Islamabad over the last several months, have been demanding that Pakistani authorities annihilate or capture Osama bin Laden by the end of July 2004. This was reported by the American magazine «New Republic», referring to data it received from two unnamed sources in Pakistani intelligence and one source in the Ministry of Internal Affairs of Pakistan. At the same time, the magazine reminded readers that recently in the spring and summer of 2004, the Director of the CIA George Tenet, the US State Secretary Colin Powell, the State Department Coordinator for counterterrorism K. Black and a number of other high-ranking diplomats and representatives of the American special services visited Islamabad²⁷².

²⁷⁰ Khattak W. The Nation, September 14, 2002. <http://nation.com.pk/daily/140902/editor/opi.htm>.

²⁷¹ IPRI. (Islamabad Policy Research Institute). Factfile. November. 2002. — P.1.

²⁷² «The administration of G. Bush demands from the Pakistan government to annihilate or capture Osama bin Laden up to the end of July. 09/07.2004. www.rian.ru.

²⁶⁶ Collins K., Wohlforth W. «Central Asia: Defying the «Great Game» Expectations». In: «India and Central Asia. Advancing the common interest». New Delhi, 2004. — P.57.

²⁶⁷ Entekhabi-Fard C. Iranian Leader Plans Visit To Afghanistan. May 24, 2002. <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav052402.shtml>.

²⁶⁸ Islamabad has offered a safe corridor to terrorists, 06.04.2004. www.rian.ru

²⁶⁹ See: Mahmudov R. About the problem of manufacture and proliferation of small arms in the western provinces of Pakistan // Materials of the international conference «Stability in Central Asia during the post-conflict period». Tashkent. June, 14–15, 2002. — P.95–101.

During his last visit to Islamabad in March 2004, US State Secretary Powell confirmed, that in the case of acceptance by the Pakistan side of practical measures in the struggle against terrorism, Washington is ready to give Pakistan the status of a «key ally outside of NATO» within the framework of the antiterrorist campaign. In June 2004 US President George Bush raised the relationship between Washington and Islamabad to a new level, having officially declared Pakistan a basic ally of the United States from among those countries which are not included in the NATO block. By a twist of fate, the assignment to Pakistan of this new status coincided with the promulgation of the commission's report on the investigation of the terrorist acts on September 11 in New York and Washington in which Islamabad is accused of rendering assistance to the Taliban and concealing Osama bin Laden²⁷³.

On the other hand, Washington renders financial and economic assistance to Musharraf's government, trying to optimize its efforts in the struggle against religious extremist and terrorist organizations. Until recently the support of the Pakistan military in the antiterrorist campaign under command of the USA promoted the arrival in Islamabad of international aid. The Bush administration has generously recompensed Pakistan, having written off about 1 billion dollars of the external debt of the country and having re-structured payments under delayed credits for the sum of 12 billion dollars. In addition, the United States has promised to allocate to Pakistan 3 billion dollars over the next five years, although this assistance is dependent on Pakistan's cooperation in the struggle against Al-Qaeda and opposition to the armed operations in the region of the Taliban²⁷⁴.

Against this background, as is known, joint antiterrorist operations have been carried out by US military contingents on the Afghan-Pakistan border with the participation of both Afghan and Pakistan armies. At the same time, Islamabad has carried out some large-scale military operations on the territory of the frontier with the Afghanistan province of Southern Vaziristan, where the positions of various Islamic, including radical, organizations are strong. As professor Stephen Blank of the US Army Military College notes, recent attempts of Pakistan armed forces to establish authority in this region have led to obviously ambiguous results. The military operations carried out in March with the purpose of destroying Al-Qaeda and other radical Islamic elements have, according to general opinion, ended in failure. It has also been reported that US divi-

sions were sent from Afghanistan to the territory of Pakistan to try to accomplish what Pakistan soldiers and tribal leaders were not yet able to do²⁷⁵.

In summer 2004, friction appeared in the relationship between the USA and Pakistan. For example, American diplomats accused Musharraf of deviating from his pledged obligations to struggle against groups of radical Islamists base in Pakistan. The joint American-Pakistan military campaign, announced in February 2004 by the American generals with great fanfare, which should have resulted in the destruction of Islamic insurgents «between the hammer and the anvil», has suffered one failure after another, military commentators consider²⁷⁶.

In April the US ambassador in Afghanistan Zalmi Khalilzad came out with sharp criticism of Pakistan, accusing it of unwillingness to stop attacks in Afghanistan by Al-Qaeda and Taliban insurgents based in Pakistan²⁷⁷.

The resoluteness of Islamabad in cooperating with Washington in the sphere of the struggle against international terrorism is connected to a number of factors concerning the interests of Pakistan towards Afghanistan, and also the internal political situation in Pakistan. Thus, in the opinion of separate experts, the Pakistan leadership is not interested in the final liquidation of the Taliban movement and its supporters.

In particular, as Russian expert V. Korgun notes, Pakistan — which actually stood behind the Taliban movement — considered it necessary to isolate so-called «moderate» Talibs from this movement and to give them an opportunity to participate in the Afghan political process. From the point of view of Pakistan, this is a unique opportunity for certain political circles in Islamabad to maintain their influence on the situation in Afghanistan, the character of which is directly tied to the internal political situation in Pakistan²⁷⁸.

Uzbek scientist-orientalist A. Khaydarov notes that «the tenacity of the Taliban [in Afghanistan. — R.A.] cannot be explained only by internal factors. We must also consider the support they are getting from external forces that are their ideological allies — various radical Islamic parties of Pakistan. They are giving great moral, political, and probably, other help to the fragments of the Taliban and Al-Qaeda on the territory of Afghanistan»²⁷⁹.

²⁷⁵ Blank S. Pakistan begins to represent a threat to regional stability/ 21/06/ 2004 <http://www.eurasianet.org/Russian/departments/insight/articles/eav062104aru.shtml>.

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Ibid.

²⁷⁸ See: Korgun V. «Afghanis are preparing for general elections». «NG-Curier».124(3236) July, 21 2004. <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.php4?st=1087850340>.

²⁷⁹ Khaydarov A. The Role of the Ethno-Religious Factor in the Stabilization of the Internal Political situation in Afghanistan and its Impact on Central Asia. In: «India and Central Asia. Advancing the Common Interests». — P.291.

²⁷³ Rob Watson «US President named Pakistan as an ally». 17/06/2004.<http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/>

²⁷⁴ Rashid A. «Reliability of Pakistan as a partner in the struggle with terrorism begins to cause doubts» 30.04.2004. <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav043004aru.shtml>.

This tendency is substantially complicated by the observed special activity of some religious-extremist organizations, which aspire to direct Pakistan policy to reanimate their influence on Afghanistan. Evidence of the continuing impressive potential of the results of their activity is the fact that «only after August 8, 1998 from the Northwest boundary province of Pakistan to Afghanistan, 15 thousand Pakistanis who had received military preparation were sent to fill up the ranks of the detachments of the Islamic Taliban movement and to help them to consolidate their achieved successes»²⁸⁰.

Most likely, in certain Pakistan circles they are not interested in delivering captured terrorists to the foreign states, given that Pashtun tribes have put pressure upon Islamabad, expressing their sharp discontent with the cooperation of their country's government with the USA. As RIA «News» informed, on March 30, 2004 the antiterrorist operation in Vaziristan was temporarily suspended, but not completed, the prime minister of Pakistan Mir Zafarullah Khan Djamali declared. «The struggle against terrorists and the entire Al Qaeda network will be continued, until the entire territory of Pakistan is completely cleared of such elements. Nobody will be allowed to use our land for terrorist activity», said Djamali. He explained that the antiterrorist operation in Southern Vaziristan was suspended to allow the decision of the local jirga (council of the elders of Pashtun tribes) to be implemented, which promised to hand over to the authorities or to expel from the territory the remaining foreign terrorists. Djamali confirmed the promise of the government not to extradite similar persons to foreign states²⁸¹.

On April 6, 2004, the Pakistan leadership «gave 15 more days to the tribes in Northern and Southern Vaziristan so that they independently got rid of foreign terrorists and insurgents». According to the foreign mass-media, the governor of the Northwest boundary province of Pakistan Sayed Ifthihar Hussein declared, that «if foreign terrorists leave the territory of Pakistan we are ready to give them a safe corridor.» Meanwhile he specified, that «people and their families who have arrived from Afghanistan, including Uzbeks and Tajiks, can remain to live in these areas if local Pashtun tribes will be entrusted with them»²⁸².

At the same time, it is necessary to emphasize the ambiguous effect which Iranian-Pakistan relations could exert upon the Afghani situation. «Iran, Afghanistan and Pakistan, — notes Uzbek expert Sh. Akmalov, — located in the large macroregion including the Middle East and Southern Asia, represent a unique political tri-

angle; political-economical changes in one component find direct reflection in the domestic and foreign policy of the other two»²⁸³. It is obvious that this tendency, which existed at the end of the 1970s and beginning of the 1990s in the macroregion, to a certain degree gives an idea about the character and orientation of the Afghan policies of Iran and Pakistan, which even today exert a direct influence on the internal political situation in Afghanistan.

In particular, Akmalov notes that «the analysis of the Afghan policy vector of Pakistan and Iran in the period from 1978 to 1992 shows that the concurrence of positions of these countries on the question of Afghanistan's political future was not coincidental, though not coordinated. The main unifying beginning for both countries was an aversion to communist ideology, the conductor of which became Afghanistan after the coup-d'état of 1978. The struggle against «a godless regime» pulled these two countries together. The invasion by Soviet troops of Afghanistan in December 1979 strengthened fears in both Pakistan and Iran of the expansion of the geopolitical ambitions of the USSR, which pushed both countries to search for various measures to counteract this at various levels»²⁸⁴.

Meanwhile, the present character of American-Iranian relations, which are now exposed to more and more new trials, must be causing serious concern in Teheran. Most likely, the Iranian leadership is concerned not only with the geopolitical aspirations of Washington to create a so-called geostrategic ring around Iran, through strengthening its military-political presence in Afghanistan, in Iraq and strengthening American influence in the Caucasus.

It is obvious that these fears of the Iranian leadership are not unreasonable, as the appearance and strengthening in the neighboring countries of so-called «democratic regimes» could present a serious threat to Teheran, including in the ideological sphere. In this context, the stabilization of the military-political situation in Afghanistan and Iraq would only accelerate the development dynamics of events in this scenario, creating potential preconditions for social and economic restoration in these countries.

Despite the efforts of the international antiterrorist coalition in Afghanistan, isolated groups of international terrorists and religious extremists still operate. The neutralization of the military and administrative machine of the Taliban has not resulted in the resolution of the tasks before the participants of the international antiterrorist coalition. In fact, the central government is capable of providing peace only in Kabul and nearby provinces, and that is thanks to the American troops and forces of the International Forces for the Maintenance of Safety in Afghanistan (ISAF). The

²⁸⁰ Ghankovsky Yu. Instability becomes permanent/ Asia and Africa today. 4/99 (#501). — P.20.

²⁸¹ «Pakistan army awaits the decision of the elders about extradition of terrorists» RIA «NEWS». Islamabad. 30.03.2004. www.rian.ru.

²⁸² RIA «News» «Islamabad offered safe corridor to the terrorists» 06.04.2004. www.rian.ru.

²⁸³ Akmalov Sh. Afghan vector of foreign policy of Pakistan and Iran in 1978–1992// Oriental studies. Tashkent.2001. #1. — P.7.

²⁸⁴ Ibid. — P.13.

formation of a normally functioning national army, police and border guard still requires a lot of time²⁸⁵.

The incessant armed conflicts in Afghanistan testify to the regroup of terrorist forces which has occurred, and the availability of sufficient weapons and money for the recruitment of new supporters. Moreover, insurgents use an extensive network of intelligence agents for the realization of attacks against forces of the international antiterrorist coalition. According to the opinion of Indian expert S. Lambah, at the present moment in Afghanistan, a restoration of Taliban forces, which is speeding up its activity in the provinces of Nangharhar, Paktiya, Paktika, Kandagar, Zabul, etc. has been observed²⁸⁶.

Meanwhile, analysis of the developments in Afghanistan shows that the terrorist Al-Qaeda network has not yet been exterminated, and there is the probability that it will unite with other, smaller radical groups in Central and Southern Asia, the Caucasus and the Near East, which are ready to continue war with the civilized world.

R. Gunaratna adheres to a similar opinion and considers that as a result of the military operations of coalition forces in Afghanistan, the Al-Qaeda members and leadership, together with other terrorist organizations which are not able to take shelter in third countries, continue to act along the Afghanistan-Pakistan border, and also in Iran where they plan new acts of terrorism²⁸⁷.

Confirmation of these words for the countries of Central Asia are the acts of terrorism committed in Uzbekistan in March – April 2004. As the facts show, on the Afghanistan-Pakistan border there are still remnants of the terrorists of the so-called «IMU», which continue to conduct subversive activities. Thus, the military and terrorist threats emanating from Afghan territory, including for the countries of Central Asia, have not yet been liquidated.

In view of the fact that modern religious extremism and terrorism have become global phenomena, one of the main priorities of the international antiterrorist coalition in Afghanistan in the medium-term period should become blocking the sources and channels of financing terrorist organizations. Without this it is impossible to speak about the formation of prerequisites for normal political and economic development in Afghanistan and the achievement of long-term stability in this country, and, hence, about the maintenance of steady security in the Central Asian region.

A disturbing phenomenon for the security of the region is the absence of strong government and continuing civil strife in Afghanistan. If in the country, on the one hand, the process of statehood restoration gains force, then on the other hand, there is a return to active political life of many Afghan ethnic and tribal leaders and strengthening of their positions in areas of traditional influence.

In this connection the most contradictory process for Afghanistan could become the formation of political parties which would aspire to come into power by all means. It is mostly probable, that the majority of them would be based on the interests of concrete ethnic, tribal or religious groups, stimulating the development of nationalist tendencies in Afghanistan. In this case, such parties pursuing certain narrow interests could go on the path to open conflict with the central authority²⁸⁸.

In such unpredictable conditions, Afghanistan drug's industry, which has always financed the continuation of war, is gathering speed. One of the reasons for the prosperity of the Afghanistan drug business is the difficult social and economic situation and the absence among the population of alternative sources of subsistence. Despite the official interdiction introduced by the provisional government of Afghanistan on the cultivation of the opium poppy in the country, more and more plantations of the opium poppy are appearing, as the financial benefit for Afghan peasants from its cultivation are more favourable than for the cultivation of wheat.

The «convenient» location of Central Asia on the transport routes of drugs to the West continues to remain one of the main reasons for the presence of terrorist forces in the region. There is proof that the activity of international terrorists in many respects follows the aim of forming stable channels for drug traffic from Afghanistan through Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan to Russia and further to Europe.

Thus, the scale of drug transportation and also the participation in the drug business of Islamic radical groups testify that a blow to drug trafficking in the region means a direct blow to terrorism and vice versa. For this reason the international forces in Afghanistan should pay more and more attention to the issue of the struggle against drug trafficking.

Today the internal political situation in Afghanistan radically differs from those realities which dominated this country only several years ago. Thus, now it is possible to cite the rather substantial achievements of Afghan society: «the release of the people from a tyrannical regime, the attenuation of secular political conflicts

²⁸⁵ See: Amin Saikal «Afghanistan, Iraq and the «war» on terror». The World Today, Volume 60, Number 8/9, August/September 2004.

²⁸⁶ Satinder Kumar Lambah «The current situation in Afghanistan: An Indian perspective». In: India and Central Asia. Advancing the common interest. P.301.

²⁸⁷ See: Gunaratna R. «The terrorist threat after Afghanistan: Developments in the evolution of Al Qaeda and its associated groups». In: India and Central Asia. Advancing the common interest. P.233–284.

²⁸⁸ Entekhabi-Fard C. Afghan Politician's Murder Touches Off Political Discord, July 10, 2002, www.eurasianet.org/departments/insight/articles/2002indexo.shtml.

between different ethnic groups, the opening of schools and universities, the emancipation of the Afghani women and the inflow of the capital to Afghanistan»²⁸⁹.

Moreover, many foreign experts are inclined to underestimate the role of the temporary head of the Afghan administration, H. Karzai, in overcoming the opposition among various ethnic groups in Afghanistan. From the point of view of the deep roots of the given problem, and the historical, cultural and political nature of the Afghan crisis, his successes achieved within a short period, are nonetheless significant. It is also necessary to emphasize especially, that «somehow or another, Karzai maintains his popularity and continues to enjoy the confidence of the Afghan population»²⁹⁰.

The ethno-religious factor as an integral component of the political culture of Afghanistan exerted and still exerts a direct influence on the process of the settlement and post-conflict restoration of the country. In this connection it should be noted that already in the 1990s some well-known political scientists and experts gave an objective evaluation of the ethno-religious factor and its role in the political life of the country.

In particular, Z. Brzezinski noted that «broken into separate fragments as a result of the Soviet occupation and long-term guerrilla war against it, Afghanistan as a national state exists only on paper, and its 2-million population is sharply separated by the ethnic principle.... At the same time, jihad against Russian invaders has transformed religion into the dominating factor of political life, introducing dogmatic passion into those already sharp political disagreements»²⁹¹.

Specifying the special influence of the ethno-religious factor on the formation of political processes in Afghanistan, Uzbek expert A. Khaydarov notes that in the country there are a number of various groups and sects, especially among Shiites²⁹². «Moreover, — emphasizes Khaydarov, — the Afghan leadership does not possess a strict, organized structure. Thus, organizationally divided Muslim communities have no uniform center of administration, and therefore they cannot operate as a uniform political force. This situation has created difficulties for the higher authorities in the establishment of close contacts and cooperation with such communities»²⁹³.

At the same time it is necessary to note that nowadays there are 7.5 million Pashtuns, 4.8 million Tajiks, 1.5 million Hazarites, 1.3 million Uzbeks, 545 thousand Turkmens and 110 thousand

Belujs living in Afghanistan²⁹⁴. Without question, the multinational structure of the Afghanistan population represents a serious challenge, in view of the fact that a considerable part of the specified ethnic groups lives in neighboring states.

Moreover, the parameters of the ethnic structure of the Afghan population given above are rather relative; to confirm them for today is practically impossible. Thus, for example, pointing out the United Nations data on the number of Afghan Uzbeks, the attaché on culture affairs of the Afghanistan embassy in Tashkent F. Aimak noted that «the given figure is far inadequate to the reality»²⁹⁵. In his opinion, «in just one vilayat in Faryab, more than two million ethnic Uzbeks live». Moreover, in northern Afghanistan «there are a total of 8 vilayats where the majority of the population is Uzbek»²⁹⁶. At the same time, the chairman of the European Community on Central Asia Research (ESCAS, Vienna) G. R. Palechek emphasized that the number of Afghan Uzbeks is growing, and has currently reached, «according to some information, about 10% of the entire population of the country»²⁹⁷.

Despite the complicated stage of the Afghan settlement, at the present time important results have been achieved which provide an opportunity for Afghanistan and the countries of Central Asia to evaluate present problems of regional security in a new way and to determine further prospects for their social, economic and political development. As the director of the Harvard forum of Central Asian research G. Shoberlein notes, «the relative stability in present Afghanistan has a positive influence on the situation in the region and it considerably increases the attractiveness of Central Asia to business»²⁹⁸. The president of the Euroasian research Group (Euroasian Group, New York) Jan Bremer considers that in the region the conditions for the further strengthening of security and the inflow of foreign investments for the further development of industrial infrastructure have been already created²⁹⁹.

And actually, the prospect of the situation normalizing in Afghanistan and the formation of long-term conditions for providing security in the Central Asian region, and also the growing attention of the international community, create a unique opportunity for the all-around development of the region. This, in turn, will allow the countries of Central Asia to develop more productively

²⁸⁹ Ibid. — P. 288

²⁹⁵ Speech of A. Aimak at the seminar on the theme: «Urbanization in historical cities of Central Asia on example of cities Samarkand and Bukhara», taken place on March 11, 2004 in French Institute of Central Asia Research in Tashkent.

²⁹⁶ Ibid.

²⁹⁷ Ibid. Speech of G. R. Palechek at the above-mentioned seminar.

²⁹⁸ Shoberlein G. Central Asia: Presidents To Meet Ahead of Informal CIS Summit, RFE/RL, February 28, 2002.

²⁹⁹ Ibid.

²⁸⁹ Karzai M., Vardak H., Kemp J. How to win the war in Afghanistan. April 8, 2003 www.washingtonpost.com.

²⁹⁰ Rashid A. «Karzai continues the campaign of struggle with Afghani field commanders». 06.01.2003. «Eurasianet.org».

²⁹¹ Brzezinski Z. The Great Chessboard. — P. 160.

²⁹² Khaydarov A. Op. cit. — P. 288—289.

²⁹³ Ibid. — P. 289.

their political and economic cooperation with Afghanistan, which is an integral part of providing security not only in the country, but also in the region as a whole.

At the given stage, the regional cooperation of the Central Asian countries in reconstruction programs in Afghanistan is the most optimal mechanism of assistance for the subsequent stabilization of the military-political situation in the country. At the same time deliveries to Afghanistan of Central Asian goods, materials and services for post-war reconstruction already actively stimulate the economies of the region's countries.

Moreover, the involvement of Afghanistan in the realization of scaled transport/communication projects in Central Asia, which would promote the development of the huge stocks of fuel and energy resources in the region and their export to the world markets, would be equally favorable for the states of the region and for international investors. Also the creation of new alternative transport corridors could generate a uniform inter-connected system of communications which would provide the countries of the region reliable access to prospective markets. For this purpose it is necessary to develop an adequate mechanism for financing projects and to develop joint plans for developing regional economic cooperation in Central Asia involving Afghanistan.

Regarding the participation of the Central Asian countries in the reconstruction of Afghanistan, Uzbekistan could play a special role by virtue of its close location to the country. This would allow the cost of construction projects on the Afghan territory to be reduced considerably, lowering transport and insurance charges, and the advanced transport infrastructure in Uzbekistan could effectively coordinate deliveries of goods directed to Afghanistan and carry out deliveries in the shortest possible time.

It is necessary to emphasize also, that at present moment official Kabul considers Uzbekistan as one of its basic trusted partners, as the successful visit of a number of official delegations from Afghanistan to Tashkent testifies³⁰⁰. As a result of the signed bilateral contracts, the privilege for realizing some vital projects for the Afghan economy have been given to Uzbekistan, including the reconstruction of the Jalalabad irrigational complex and the irrigational systems «Sar-de» and «Kukcha», the construction of the oil-and-gas sector in Afghanistan, the opening of a field hospital and joint factory for the manufacture of medicines in Mazar-i-Sharif.

Uzbekistan, as well as other states of Central Asia, renders assistance to Afghanistan, considering this to be a strategic investment into security. It has directed of 300 tons of cargo — construction materials, clothes, food stuffs and medicines — to the neigh-

boring country³⁰¹. In March 2002, during Karzai's visit to Uzbekistan, 18 passenger cars and trucks worth 350 thousand dollars were presented to the Afghan side.

In the shortest period of time specialists from Uzbekistan have already restored ten bridges in the direction of Mazar-i-Sharif — Salang — Kabul. The builders of the State-joint-stock concern «Uzavtoyul» in February 2003 put into operation two bridges in the northeast of Afghanistan. 8 more such bridges are planned, as is the realization of the joint civil-engineering design of the motorway Termez — Mazar-i-Sharif—Shibergan — Meimene — Herat³⁰². In 2001—2002 through the territory of Uzbekistan (the Hairaton Bridge) over 500 thousand tons of humanitarian cargo were delivered to Afghanistan³⁰³. Every day the assistance rendered by the governments of many countries, various international agencies and nongovernmental organizations is sent to the Afghani people.

At the same time, the Uzbek side more and more actively participates in the process of the peaceful restoration of Afghanistan. Thus, between the Uzbek company «Uzvodzarubedshstroy» (Construction of water objects in foreign countries) and American Lemna International (LI) in August 2004, a protocol of intentions on the joint restoration of the irrigational infrastructure of Afghanistan was signed. In the near future LI will develop the scheme for financing this large-scale project, the total sum of subsidies in which will be about 85 million dollars. The ministry of water resources, irrigation and energy of Afghanistan is preparing a list of the basic water-economic objects of the country, which, according to international experts, were almost 90% destroyed over twenty years of civil war.

Uzbek irrigators have been working in Afghanistan from the beginning of the 1960s, starting with the construction of the Jalalabad irrigational complex — a dam 22 meters high, a hydro-electric power station and a reservoir of 50 million cubic meters. From 1965 to 1970 the experts of «Uzvodzarubezhshstroy» also carried out the development of additional irrigated land with an arrangement of plantations of olives and citrus on an area of about 32 thousand hectares. And from 1964 to 1970 in the province of Ghazni, a hydro unit was constructed with a reservoir with a capacity of 165 million cubic meters and a system of irrigation-drainage canals which allowed water to be brought to vast areas of pastures — Afghanistan at that time being the world's second largest producer of Astrakhan fur. The technical documentation on the majority of the irrigational objects of Afghanistan has been stored until the present time in the archives of «Uzvodzarubezhshstroy», a

³⁰⁰ Alimov R. «Central Asian security and geopolitical interests»// Marco Polo Magazine 1/2003. — P.5.

³⁰¹ See: Uza, November 27, 2002. — www.uza.uz.

³⁰² See: Uza, February 5, 2003. — www.uza.uz.

³⁰³ See: Uza, November 27, 2002. — www.uza.uz.

fact which served as one of the decisive arguments in LI's choice of the Uzbek company as a subcontractor³⁰⁴.

From August 28 till August 30, 2003 there was an official visit to Tashkent by an Afghanistan governmental delegation headed by the Minister of Foreign Affairs Abdulla Abdulla, during which negotiations with Prime Minister Sh. Mirziyayev, Minister of Foreign Affairs S. Safayev and chairman of «Uzavtoyul» R. Yunusov were carried out. As the Ministry of Foreign Affairs (MFA) press-secretary I. Zakirov reported, the main aim of the visit was a discussion of the state and prospects of developing bilateral relations: including the political and economic cooperation of Afghanistan with the countries of the Central Asian region and the questions of the struggle against terrorism and also drug trafficking. For Uzbekistan, a strong and long-term peace in Afghanistan has great significance, as an important factor for regional and international security, and also for the realization of the initiative on a trans-Afghanistan transport corridor, the construction of which would allow the infrastructure of the entire region to be improved³⁰⁵.

Along with this, other countries of Central Asia are carrying out more and more active policies towards Afghanistan, taking a growing part in the social and economic restoration of Afghanistan. Thus, on May 12, 2004 in Bishkek the three-day international conference «Regional Cooperation of Afghanistan: Central Asia, Iran and Pakistan» completed its work. During this forum, organized by the joint efforts of the Kyrgyzstan government and the UNDP, basically issues of trade and transit infrastructure were discussed, as well as the development of a partnership between Afghanistan and the countries of region. In the Bishkek declaration accepted as a result of the conference, the emphasis was on supporting the efforts of the private sector in expanding economic cooperation of the regional countries with Afghanistan³⁰⁶.

As was declared at the final briefing, the results of the conference were the acceptance of the suggestions for carrying out joint regional research on human development, creating regional institutions, educating specialists in Afghanistan, and stimulating the growth of trans-border communication infrastructure. Ministers of participating countries of the conference also considered as priority measures the simplification of transit procedures through

Afghanistan, the achievement of an agreement on the distribution of electric power in the region, and the development of air communications through Kabul³⁰⁷.

Also it was decided to create a Permanent Regional Committee consisting of representatives of the private sector of the regional countries for realizing the monitoring of the fulfillment of the recommendations of the Bishkek conference. Two similar conferences are planned for Tashkent and Almaty. As the Minister of Finance of the Transitional Islamic Government of Afghanistan Ashraf Ghani declared at the press conference in Bishkek devoted to the results of the international conference, «the Bishkek conference on Afghanistan is no less important for us than the Berlin conference. The conference in Bishkek will lead us to steady development and will allow to establish partnerships with the private sector, which will cooperate with the government on a multilateral basis»³⁰⁸.

At the same time Kazakhstan, as IA «REGNUM» reported, referring to the press-service of the Ministry of Industry and Trade of the Republic of Kazakhstan, offers its help in the rehabilitation of Afghanistan. Astana considers it possible to realize transit transportations of cargo through its territory with the observance of normative documents in the field of transport. The offered route of delivery of cargo by motor transport is Chimkent — Tashkent — Samarkand — Bukhara — Termez — Afganistan. As the most suitable airports for cargo and passenger transportation towards Afghanistan, the airports of the cities of Almaty, Chimkent and Astana were offered³⁰⁹.

Now the activity of Kazakh enterprises in the Afghani market has been intensifying. In particular, a representative office of the Open Shareholder Society «Kazhimmontage (Kazakhstan Chemical installation) holding» has opened in Kabul. The enterprise specializes in building and installation works, construction of load-bearing and protecting designs for buildings and facilities.

In the opinion of Sayed Mustafa Kazimi, Afghanistan minister of trade, the Afghan side is offering Kazakhstan the opportunity to sell oil through the investment in oil tank construction and the opening of gasoline stations on the whole territory of Afghanistan³¹⁰. As he declared, «Afghanistan is in need of foodstuffs, metal production, wood and timber. In turn, our country can organize deliveries of carpets, fruit and dried fruits to Kazakhstan. I would like to note, that our relations have reached such a stage of development, that

³⁰⁴ «The US and Uzbekistan will restore the irrigational system of Afghanistan» 25.08.2004. <http://www.ferghana.ru>.

³⁰⁵ «On August 28–30 Afghanistan Minister of Foreign Affairs Abdulla Abdulla will visit Uzbekistan». 27.08.2004. <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.php4?st=1093552620>.

³⁰⁶ «Afghan regional cooperation — Bishkek declaration is accepted» 13.05.2004. <http://www.centrasia.ru/newsaph4?st=1084423620>.

³⁰⁷ Ibid.

³⁰⁸ See: «Finance Minister of Afghanistan: the Bishkek conference will lead us to sustainable development». May 12, 2004. www.khabar.kz

³⁰⁹ «Kazakhstan offers assistance in the rehabilitation of Afghanistan». <http://www.rambler.ru/15.05.2004>.

³¹⁰ Ibid.

we simultaneously should raise the importance of the private sector in business. Kazakhstan is for Afghanistan a very good transit way to China. Today the agreement has been reached that the route from the People's Republic of China through Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Afghanistan and Pakistan up to India should operate, and operate efficiently³¹¹.

On the whole, the social and economic restoration of Afghanistan should remain a key orientation of regional and international cooperation within the framework of strengthening security in this country. The reduction of international attention to the problems of Afghanistan, for one reason or another, could lead to the territory of this country again becoming a source of such interconnected and mutually reinforcing manifestations as armed confrontation, terrorism, Islamic extremism and drug trafficking.

Today, as never before, the international community realizes that a stable Afghanistan is no longer an illusion, but a necessity for regional and global security. In the process of reducing the tension in Afghanistan, the prospects for the all-around development of the countries in the regions of Central and Southern Asia become more and more realistic. In spite of continuing armed conflicts in certain regions of Afghanistan, the hope of the Central Asian countries for its peace and safe development becomes stronger and stronger.

At the same time, it is possible to provide stability and security in Central Asia and around it by implementing the complex sociopolitical and economic infrastructure of Afghanistan and accelerating the social, economic and political reforms in the Central Asian republics. In this connection it is important to realize, that for today these problems are interrelated and the solution of one of them is impossible without the solution of the other.

Changing the old paradigm of international relations in the Central Asian region and around it, characterized as geopolitical rivalry, to the level of cooperation has key importance for regional security. In other words, the transformation of the Afghan factor in the new security environment in the central part of huge Eurasia creates potential preconditions for strengthening global security. In this connection strengthening cooperation, both on a regional and international level, acquires particular importance.

3.2. External factors of influence on the development of regional cooperation in Central Asia

The formation of the modern independent states of Central Asia is a new milestone not only in the history of the peoples of the region. The collapse of the Soviet empire, one of the largest in the history of mankind, has led to the transformation of the modern international system. The Soviet ideology, which failed to justify the Bolsheviks' slogans of «the proletarian state» where the worker-and-peasant class should have become the avant-garde of the Communist party in the creation of a so-called socialist society, has failed. The achievement of this goal demanded the search for and formation of an external enemy and, naturally, the «decaying» world of capitalism was chosen, which tried, in its turn, to picture the former USSR as the «empire of evil».

These tendencies led to the ruin of illusions and stereotypes, values and guidelines not only in the republics of the former Soviet Union themselves. However they did not change the quintessence of the new world order, and the events which have developed in Central Asia during the last decades testify to this. At the present time, the prevailing majority of experts note that very often the region is associated with some kind of «field of battle» where geopolitical and other interests of world and regional powers come into collision. Obviously, such processes are connected with the new, and, at the same time, old perception of Central Asia in which the principle «who is not with us, is against us» is basic. In point of fact this reiterates the ideological dogmas of the «cold war» period.

In these conditions the countries of Central Asia, pinning their aspirations on the new opportunities, which were granted by the achievement of national sovereignty, have faced two closely interrelated problems of their own state formation and smooth integration into the world community. Naturally, external factors have direct and, at the same time, ambiguous influence on internal processes in the Central Asian states.

In this context it would be desirable to analyze the most serious questions having special importance from the point of view of understanding these processes, which exert a negative influence on prospects for regional cooperation in Central Asia. Some of them were examined in the previous chapters in the context of threats and challenges to regional security, and also within the framework of the analysis of the foreign policy of the major powers in the Central Asian region. However, in our opinion, it is necessary to concentrate attention on the specified problems from such a standpoint as will give us an opportunity to evaluate objectively the perception of events taking place in the region and around it.

In this connection, a comparative and conceptual examination

³¹¹ Ibid.

of the continuing geopolitical rivalry of the major powers in the region is very important. Obviously, these tendencies are connected with the rule that the promotion of the interests of some external powers entails a direct opposite reaction from the others.

In the history of Central Asia similar processes have already taken place: witness the struggle for domination in the region between the Russian and British empires in the 19th century, events which led to the use of the new popular expression «The Great Game», and then «the New Great Game»³¹².

Similar word-combinations, quite a few of them, as a rule, are one of the technical toolkits for the formation of modern political and cultural-civilized recognition of Central Asia and, therefore, are a product of the informational and ideological war among external forces competing in the region. Though it should not be denied that at the same time they are associative perceptions of all geopolitical and other related events inside the Central Asian states and the region as a whole.

From this point of view, some kind of allegorical expressions within certain limits reflect the true reality in Central Asia, especially at a time when various interests of extra regional players are growing in the region. As a rule, such tendencies lead to the appearance of non-coinciding approaches to the existing security environment, causing the aspirations of various powers to be strengthened, as they try to expand their influence in the region.

The realization of the interests of external forces in Central Asia is carried out by the use of a series of mechanisms and means of influence on intraregional processes. At the same time, the aspirations of the major powers to demonstrate themselves as the «guarantor» of regional security and stability in Central Asia become more and more obvious.

Thus, for today the geopolitical landscape of Central Asia is reminiscent of some kind of variegated inlaid map of various regional organizations, problems and goals, which are frequently duplicated, and even have a contradictory character. In this connection it is hardly possible to understand the logic of the regional countries' participation in them, without taking into consideration their aspiration to create some kind of containment and counterbalance system for balancing the presence of external forces in Central Asia.

Thus, all five countries of Central Asia are CIS members, though Turkmenistan tries to adhere to its so-called «positive neutrality». In the region there are organizations, such as the CSTO

and the EurAsEC, whose member states are Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Kazakhstan also participates in the activities of the UES (Unified Economic Space), which its Central Asian partners in the EurAsEC and the CSTO have not entered. In the architecture of security being formed in Central Asia the SCO, which promotes the formation of a new configuration of forces by involving China in intraregional problems, increases its potential. Thus the Central Asian countries are diversifying their foreign policy in the sphere of security and military-political cooperation with NATO, whose expanding presence in the region Beijing and Moscow examine cautiously.

The analysis of the foreign policy of the major powers, and also the institutional formations in Central Asia considered in the previous chapter, considerably facilitates our task to show the importance of the various organizations functioning in the region for prospects for regional cooperation. These processes seem quite problematic, especially with respect to the fact that after the events of September 11, 2001, there have been obvious tendencies for the military factor in the region to increase, in view of the necessity to struggle against threats of international terrorism and religious extremism.

Thus, in the countries of Central Asia, on the one hand, after the appearance of military contingents of NATO members, Russia has undertaken serious measures to strengthen its military presence in the region. In particular, the military air base of the Russian Federation billeted in the Kyrgyz city of Kant is presented by Moscow as a necessary the CSTO component. However, this similar phenomenon reminds one of the «cold war» era, when the action of one superpower was met with the counteraction of the other.

In these conditions strengthening the military dimension in the present apportionment of external forces in Central Asia could lead to the militarization of the region where the strategic interests of adversarial sides come into collision. The events taking place in the Caucasus show the danger of similar tendencies. For example, now military bases of the Russian Federation adjoin American ones in two CIS countries — in Georgia and Kyrgyzstan. In Georgia the question of the presence of the Russian bases was actually solved by the Georgian side: they will be withdrawn, and Tbilisi, most likely, will do its utmost to enter NATO. In Kyrgyzstan the opposite picture is seen today: Russia is restoring its military presence, trying to tie Bishkek to the CSTO and to closer military-political cooperation. However, in Kyrgyzstan, as well as in Georgia, the presence of Russian bases, as well as those of the US and their NATO allies, creates potential preconditions for strengthening the militarization of Central Asia.

Naturally, as we have already mentioned above, geopolitical

³¹² At the end of the 19th century the last Lord vice-king of India Lord Kurzon associated Turkestan, Afghanistan and Persia with «the figures on a chess board on which there was a game for the establishment of domination in the world». He named this «game» «the great game». Later on the given term was widely popularized by the well known writer R. Kipling.

rivalry is connected with a lot of serious costs, one of which is the multi-directional nature of the Central Asian countries' foreign policy. As a result, the characterization of the states of the region according such indications as «pro-American» or «pro-Russian» has appeared³¹³. In this connection it is necessary to note, that a similar external perception, as a product of the ideological stereotypes of cold war times, has been focused on two Central Asian states — Kazakhstan and Uzbekistan. The opposition of these republics, as has already been mentioned, enables external forces to influence not only their external and internal policy, but also the processes of regional cooperation.

This tendency is distinctly shown in the EurAsEC and the UES format, within the framework of which certain measures hindering the deepening of regional cooperation have been undertaken. Thus, some conditions of the agreements reached regarding tariff and other policy concerning «third countries», which include, above all, the Central Asian states not included in these organizations, do not correspond to the agreements signed earlier on a bilateral basis, and also in the format of multilateral cooperation. In this context it is necessary to note that within the framework of the Organization of Central Asian Cooperation (OCAC) the Central Asian states have concluded many agreements, the implementation of which conflicts with a number of reasons, including external. Moreover, the Russian establishment has more than once mentioned its particularly preferential relationship with its partner in the EurAsEC and UES, Kazakhstan, alongside with the Ukraine and Belarus³¹⁴, forgetting at the same time about the existence of its agreements within the framework of the CIS.

Meanwhile, the active and purposeful aspiration of Kazakhstan to weaken its dependence on Russia influence, in both the military-political, and the power and transport spheres is disregarded. In particular, Astana has successfully made efforts towards closer interaction with NATO not only in the framework of «Partnership for Peace» and «CentrAzBat». With the assistance of the North Atlantic Alliance Astana has established «KazBat», which participates in the structure of the peace-making forces in Iraq.

In spite of the advantages given in the CSTO framework for the purchase of Russian weapons, Kazakhstan, as well as other countries of Central Asia, actively buys American military technical equipment. In particular, deliveries are carried out under the project of the plan «International Military Training and Preparation». According to the press-service of the Kazakh Ministry of Defense,

the plan for five years' partnership signed in September 2003 is based on a project of military cooperation between Kazakhstan and the USA. It is the first document of such a kind signed by Washington with the states of Central Asia, embracing such spheres of cooperation as the struggle against international terrorism, the development of peace-making forces, the strengthening of the combativeness of anti-aircraft defense forces, the strengthening of Caspian Sea military infrastructure, and also including the development of a navy and the creation of a military institute of language preparation. In addition, Astana and Washington have agreed upon the creation of an antiterrorist training center. Plans for the further development and modern technical equipment of the peace-keeping battalion «Kazbat» have been coordinated³¹⁵.

At the same time, Kazakhstan attaches special significance to deepening its interaction with NATO. Cooperation with the North Atlantic Alliance within the framework of the program «Partnership for Peace» as M. Altynbaev, the head of the defense department, noted, is directed towards the resolution of specific tasks for maintaining the national security of the republic, as determined in the strategy «Kazakhstan — 2030»³¹⁶.

In December, 2003 M. Altynbaev, Kazakhstan Minister of Defense, speaking at NATO headquarters in Brussels at the session of the heads of the defense departments of the member states of the Euro-Atlantic Partnership Council, declared that Kazakhstan was going to create its own special divisions which would operate within the framework of the NATO program «Partnership for Peace.» Altynbaev, suggesting that the North Atlantic alliance examine the practical aspects of this initiative, emphasized that Astana had made an important contribution to the struggle against terrorism, having neutralized 400 thousand mines and shells in Iraq³¹⁷.

Against this background, Uzbekistan is considered as a state which ostensibly carries out a «pro-American policy», especially since the beginning of antiterrorist operation in Afghanistan. Such a conclusion began to take on a more tendentious character after the signing of the declaration on strategic partnership between the Republic of Uzbekistan and the United States of America during President Karimov's visit to Washington in March, 2002.

It is obvious, that the attempts of Uzbekistan and Kazakhstan, as independent states, to diversify their foreign policy in various spheres is a result of their natural aspirations to provide for their own national interests. Moreover, the fact is not taken into

³¹³ See: Tolipov F. Theoretical and methodological problems of political research. In the collection of articles «Political science in Uzbekistan». Tashkent, 2002.

³¹⁴ See: Khristenko V. Do we need integration? // Russia in a global policy. V 2, №1, January — February, 2004. — P.80—85.

³¹⁵ See: «The Army of Kazakhstan will buy weapons from the USA. The 5—year plan of cooperation is promulgated», Kazakhstan today, 20.02.2004.

³¹⁶ The source — Interfax, 27.12.2003.

³¹⁷ www.khabar.kz 03.12.03.

account, that the interaction of these Central Asian countries with the USA, especially after September 11, 2001, had a constructive character. Cooperation in the sphere of security has played a highly productive role in reducing the threats from the territory of Afghanistan, which interested Russia and China as well.

Special attention must be given to the fact that in Central Asia the coincident and non-coincident interests of external actors are becoming more and more apparent, forming the modern security environment in the region. The presence of long-term strategic tasks for the US in the Central Asian region results in its interests coinciding with the interests of Russia and China — the struggle against international terrorism and religious extremism. The interests of these powers coincide in the sphere of the struggle against international terrorism, drug trafficking and transnational organized crime, and also in their comprehensive support for the creation in Central Asia of nuclear-free zones and the maintenance of WMD non-proliferation throughout the territory of the Central Asian region. Washington recognizes the concerns of Moscow and Beijing regarding the possible growth of terrorism and extremism in the region, which presents a serious threat to their national security.

Relations between the major powers involved in the geopolitical game in Central Asia will in many respects depend on the context of their relations among themselves and outside of the region. In Washington it is considered, that a steady system of regional security can be formed by balancing the interests of the fundamental major powers. At the same time Russia and China realize that cooperation with the United States is more important than their mutual relations.

In these conditions the USA concentrates its basic political and diplomatic efforts on the achievement of a certain consensus with Russia on questions of counteracting the transnational challenges and threats to security in Central Asia. For today, both in Russia and in the West, the realization is growing of the necessity of interaction in order to overcome the challenges and threats arising both in Afghanistan and in the Central Asian region.

Another factor being examined in Moscow, as a basis for cooperation with Washington in the sphere of security in the region, is the joint elaboration of Russian Federation and US approaches to the solution of the problems connected with the stabilization of the situation in Afghanistan, and also the reduction of threats, capable of affecting the status of regional security in Central Asia. For this purpose Russia quite often uses rhetoric regarding the necessity of developing cooperation between the CSTO and the SCO, on the one hand, and NATO on the other, in the joint provision of security and stability, both in Afghanistan, and in the region as a whole.

At the same time, the Russian Federation, as well as the Chinese People's Republic as was emphasized above, is concerned with the growing prospects of the USA becoming entrenched both politically-economically and militarily in Central Asia on a long-term basis. In this connection Russia, utilizing also the potential of Russian — Chinese relations, undertakes efforts to achieve a certain strategic balance of interests in the region with the USA. In the conditions of the US military presence in Uzbekistan and Kyrgyzstan, and also the expanding military cooperation of the regional countries with the USA and NATO, Moscow — assuming the penetration of American interests into its zone of «traditional» influence — aspires to gain maximum political and economic dividends in its relations with Washington. Thus the USA is compelled to take into account the growing role of Russia on the Eurasian continent and the new quality of its relations with Washington's traditional allies in the Western Europe. In turn, strengthening its dialogue with the USA, especially on security issues and regarding its own economic development, serves Russia's national interests.

Russia in the context of its interests in Central Asia aspires to support «a spirit of partnership» in relations with China, which is necessary for Moscow for balancing its dialogue with the countries of the West, and also for the realization of joint measures with Beijing on weakening the logical basis for the US military presence in the region. However, the given alliance has a situational character, insofar as Moscow, most likely, realizes that the substantial financial and economic breach between the Russian Federation and the People's Republic of China, and also the further growth of Chinese military/technical potential can promote an increase in the geopolitical ambitions of Beijing in Central Asia. The development of the situation in the region under such a script does not serve the national interests of Russia.

The character of EU foreign policy concerning Central Asia is distinguished by a lower level of activity in comparison with the other major powers advancing their own interests in the region. In the given context for today there are no sharp contradictions in the mutual relations between the EU and other major powers concerning their foreign policy aspirations in Central Asia. At the same time the European Union is interested in the balanced and transparent participation of Russia in intraregional processes.

Another important question in Central Asia for the major powers is the preservation of secular political regimes in the countries of the region. In present conditions of international security the appearance of theocratic states in the Central Asian region would substantially complicate the situation of regional security, which is not in the interests of the USA, the Russian Federation, China, the EU or Japan.

At the same time, in the USA, the EU and Japan there is an understanding that the Russian Federation and the People's Republic of China are not interested in the accelerated democratization of the countries of Central Asia, and their attempts to institutionalize their political-economical presence in the region are considered as a potential obstacle to the development of regional cooperation. Russia and China are traditionally inclined to establish relations with Central Asian states on a bilateral basis which, Western experts consider, leads to a deepening of divergences in the foreign policy of Central Asian countries and erodes the «integrity of the region.» Russia and China, in turn, are genuinely concerned about the possibility of so-called pro-Western leaders coming to power in the countries of Central Asia. Moscow and Beijing exaggeratedly demonstrate their neutral attitude to questions of democratization and human rights, and their readiness to support the states of the region in dialogue with the West on the given issue.

Against the background of «an ideological opposition» not only the problems of Central Asia's future, but also prospects for new transport-communication routes — through which the region would play the role of a binding link between the North and the South, the West and the East — take on particular significance. However, the aspirations of the USA, EU, Japan and China to reduce the dependence of the countries of the region on Russia in this sphere lead to increasing fears in Moscow of similar tendencies. As a result, the Russian Federation places as its priority task the necessity of forming an international transport corridor «North — South» intersecting with «TRASEKA» on the line «West — East».

In this context it would be desirable to dwell on the issues of transport-communication route construction as these have a direct connection to the problems of transporting the hydrocarbon resources of the Central Asian countries to foreign markets. And this problem, as is known, has currently become one of the most serious factors in the foreign policy of all the external players in the Central Asian region, especially for the adjoining powers, where increasing consumption of energy raw materials has been observed, in particular in the European Union.

In this connection the opinions of some Russian experts, who are inclined to believe that the initiative of the Western countries, above all the USA, directly coordinates with Washington's military strategy of attempting to strengthen its military bases, seem noteworthy. In particular, the deputy director of the Russian Institute of Economic Strategy V. Yurtaev has pointed out that on the map one can distinctly see a precise geostrategic line, delineated by American bases, stretching from the Caucasian region up to the borders of China in Central Asia. These indicators, as he said, provide the opportunity to project the further development of events on all of Eurasian territory, including the prospects for constructing

transport and communication routes. In this connection Yurtaev has shown that the given question is becoming considerably relevant due to the EU expansion occurring on the Russian border with the Caucasus and in Central Asia³¹⁸.

Against this background the importance for the European countries of implementing the complex program on the construction of the transport corridor TRASECA rises. In particular, the EU has recently been considering the question of assigning financial assets for the development of plans for the given corridor. In the spring of 2004 the European Commission made the decision to assign 1.7 billion Euro for the activities of the TRASECA Secretariat. According to the opinion of most European experts, full realization of the given program will promote the development of transport and communication infrastructures between Europe and Asia, independent of the monopolistic control of Russia.

Against this background the problem of power and transport route construction is becoming particularly relevant, also demonstrating the convergence of the interests of the major powers. This sphere is one of the important components of the foreign policy of the geopolitical players in Central Asia. In this connection it would be desirable to dwell on the latest tendencies promoting those processes, which characterize present geopolitical rivalry in the region and around it. In this context the European Union will play a significant role, most likely, in the subsequent transformation of the geopolitical landscape, especially against the background of new countries joining this association.

First of all, in our opinion, it is necessary to note the increasing activity of the European Union, which has recently made more purposeful efforts to maintain stable sources of hydrocarbon raw material imports. The urgency of maintaining deliveries of energy resources to the European Union from the countries of the Caspian basin and Central Asia results, above all, from the predicted growth of power consumption by the European economy, and also the necessity to diversify sources of energy resources imports in an effort to strengthen the energy independence of the EU and its member countries.

Thus, according to expert estimates, the volume of imported gas and oil to the European Community by 2020 will cover only 64% and 90%, respectively, of general consumption. Moreover, if the world price for oil stays at a high level, as particularly aspired by OPEC — of which the Central Asian countries are not members — then rates of economic growth in the EU can remain extremely low.

³¹⁸ From Yurtaev's report on the 11th international conference «Security on South Caucasus», organized by the Institute of political and international research at MFA IRI, December 8–9, 2003, Teheran.

The EU interest in the energy resources of the Caspian basin countries and the Central Asia macroregion is also growing in connection with the continued process of the European Union's expansion. Thus, according to the requirements of EU energy policy, the level of member states' dependence on deliveries of hydrocarbon raw materials from one country or one region should not exceed one third of their imports. In this connection, new member countries and candidates for the EU, especially the countries of Central and Southeast Europe, are required to lower the degree of their power dependence on Russia, which remains for them the basic supplier of hydrocarbon raw materials. Hence, with a view towards diversifying the import of energy raw materials, it is necessary for these countries to increase the dynamics of purchasing hydrocarbon raw materials from a macroregion considered as an alternative source of oil and gas to Russian sources.

In such conditions in Europe different variations of oil import from Kazakhstan and natural gas from Turkmenistan and Uzbekistan are being examined. Thus European Union anxiety concerning the increase in Russian influence on EU energy security plays a special role in defining European policy concerning Central Asia. So the Russian Federation, which for today already controls a significant part of energy resources deliveries to the European countries, actively tries to strengthen its own position in the EU power market, in particular by means of concluding large long-term agreements with the states of Central Asia on the transit and purchase of energy resources from the region.

In this connection, the European side has recently made appreciably active its policy of protecting its own power interests. Accordingly, the EU attaches particular significance to the implementation of the European Power Charter (EPC), which foresees the free transit of oil and natural gas at market conditions. In particular, the execution of EPC requirements on liberalizing and demonopolizing the Russian gas market by Moscow would allow the EU to obtain the opportunity to regulate deliveries of energy resources to Europe through Russian territory without state control over the volumes and prices of hydrocarbon resources.

In the opinion of some foreign experts, EPC realization would promote an increase in the incomes of Central Asian suppliers, which for today are artificially suppressed by Gazprom's low purchase prices. By their estimations, it would also allow large volumes of investments to be attracted by means of increasing the interest of western transnational companies in developing the gas deposits in Central Asian countries, where it would be possible to extract gas of higher quality than Russian oil and gas, under better technical conditions.

With a view to reducing the level of Russian control over the routes and volumes of hydrocarbon raw material delivery from the Caspian basin and the Central Asia macroregion to the European

markets, the European Union also supports the implementation of various alternative transport and communication projects, particularly pipelines. In particular, the EU is making a purposeful effort to implement the project of transporting Caspian oil to Europe via «the Eurasian Oil Transport Corridor» (EOTC). The given project provides for the extension of the Ukrainian «Odessa-Brodi» pipeline to the Polish city of Plock, which is connected by means of an oil pipeline with Gdansk. On the given route, the plan is to deliver to Europe annually about 40 million tons of oil extracted from the Caspian Sea.

At the end of May, 2003 the EU appropriated 2 million euro for EOTC development. In May, 2004 the European Bank of Reconstruction and Development expressed its readiness to allocate credit for the implementation of the given corridor. On November, 26, 2003 in Brussels an intergovernmental agreement was signed between Poland and the Ukraine, providing for the integration, in the short-term perspective, of the Ukrainian oil pipeline «Odessa-Brodi» into the oil transport system of Poland. Also a tripartite communique was signed between the governments of the Ukraine, Poland and the European Commission, in which further assistance in the development of the EOTC project was discussed.

In turn, the Kazakhstan oil-and-gas company «Kazmunaigas» has declared its desire to participate in a consortium of investors on extending the pipeline «Odessa-Brodi» to Gdansk. As K. Tokaev, Kazakhstan's Minister of Foreign Affairs, declared in November 2003, summarizing the results of a meeting with the head of the Ukraine Ministry of Foreign Affairs K. Grishchenko in Astana, the transportation of oil via the EOTC has «strategic significance» for Kazakhstan.

Meanwhile, a number of European states, in particular Germany and Great Britain, are developing an energy partnership with Russia, considering it as «the key player» in the energy carriers market of Eastern Europe, and also taking into account its stocks of hydrocarbon raw materials and transport — transit potential. They consider that the problem of the monopoly of state companies in the energy system of the Russian Federation in time will be gradually solved as Russian legislation will be brought into correspondence with WTO requirements. According to the opinion of European experts, this will also promote the implementation of numerous projects on creating alternative transport and communication routes.

Against this background, the United States is making a purposeful effort to speed up the realization of the project «Baku-Tbilisi-Ceihan» which, as many foreign analysts note, is directed towards weakening Russian influence on the power-transport infrastructures of the Caucasus and Central Asia macroregion. Kazakhstan's involvement in these processes would mean the begin-

ning of a transformation of the entire geopolitical landscape of the Central Asian region, where Russia still retains control over the flow of hydrocarbon raw materials.

At the same time, the implementation of the two projects — «Odessa-Brodi» and «Baku-Tbilisi-Ceihan» — serves the long-term interests of both the USA and the European Union. According to the American ambassador to the Ukraine K. Pasquale, the «Odessa-Brodi» is not a competitor with the pipeline «Baku-Ceihan» in oil transit from Caspian Sea to the West, as it is focused on the transportation of Kazakh oil, while the second would transport oil from Azerbaijan³¹⁹. However, the probability is not excluded that in the future, economic feasibility will require closer interaction among all the countries of the macroregion which are large suppliers of oil to foreign markets.

In these conditions it is obvious that the power-transport infrastructure is aimed towards the west, causing concern in the large Asian countries which import hydrocarbon raw materials, above all, China and Japan. As was mentioned earlier, the dynamics of increasing power consumption dictate that Beijing and Tokyo must undertake more active steps to maintain their own power security.

However, the realization of this task for Japan and China is essentially complicated by their geographical remoteness from large sources of hydrocarbon raw materials, and also by absence of power-transport pipelines in their direction. Thus for Tokyo the construction of oil and gas pipelines through Chinese territory is practically the only means (except Russian) for maintaining the stable delivery of energy resources to its own market, although it is connected with political risk.

At the same time Beijing, using the factor of growing power consumption in the country, positions itself as the largest importer of hydrocarbons from Central Asia, with the goal of supporting the interest of the region's states in deepening bilateral cooperation. However, by virtue of the absence of sufficient financial resources at the present time, the realization of power projects by China appear realistic only in the medium-term perspective.

In conditions of increasing geopolitical rivalry in Central Asia, the problem of the concentration of value-conceptual ideological reference points in the region's countries has also taken on special forms and significance. The manifestation of this phenomenon is quite obvious, as these tendencies are linked, since the disintegration of the former Soviet Union, with the ideological vacuum left throughout former CIS territory. The symbiosis of various cultural-civilizational values systems in Central Asia, and also the region's closeness to the rest

of the Muslim world only substantially aggravates the problem of the ideological choice for Central Asian society.

Since the beginning of the struggle against global terrorism Central Asia has become more and more involved in the so-called «clash of civilizations» which is characterized as a confrontation between Christianity and Islam. These processes not only promote an ideological opposition between world and regional powers, but also find in themselves ideological bases for terrorist and extremist groups, trying to expand their ranks in the countries of region.

In these conditions the vulgarization of western and national-religious values, which get more and more of a political slant, is observed in Central Asian societies. At the same time, the polarization of the ethical-political values system, based on a religious foundation which is becoming radicalized due to the present social and economic situation in the countries of Central Asia, substantially complicates the task of the region's states in maintaining inter-confessional harmony and peace.

Certainly, external factors are also involved, in particular, the fundamental distinction between the ideological reference points of the world and the regional powers actively involved in the global struggle against terrorism. Thus, for example, «the existing ideological distinctions between the United States and Iran can also be considered as a serious challenge to long-term stability in Central Asia and Afghanistan»³²⁰.

Moreover, modern informational and ideological technologies allow the various external forces, which are trying to create a powerful fifth column of Islamists in the region, to manipulate public opinion inside the countries of Central Asia. Obviously, those feeble efforts which began, as we have already noted, at the end of 1970s, have not lost momentum. On the contrary, the antiterrorist campaign headed by the USA in Afghanistan and Iraq, which is interpreted by Islamic radicals as the West's «new crusade», only strengthens the politicization of Islam in the Central Asian societies.

These displays not only exert a direct influence on stability in Central Asia, but also result in the complication of the process of strengthening interethnic accord in the region's countries. In this context it is necessary to note the phenomenon of the so-called IMU, which is quite often considered as a «product» of Uzbekistan's ineffective religious policy. This stereotype has often resulted in the formation of a negative image of Uzbekistan and Uzbeks, taking into consideration that insurgents of Uzbek nationality were also members of this terrorist group. This question takes on special significance in the context, that large Uzbek communities live throughout Central Asia.

³¹⁹ See: speech of K. Pasquale at the international conference «World in the XXI century: security, cooperation, dialogue». Kiev, July 4–6, 2001.

³²⁰ Alimov R. Central Asian security and geopolitical interests// Marco Polo. 1/2003. — P.8.

It is no coincidence, Russian expert A. Malashenko noted, that the effect of Islam «is felt on the mutual perception of people»³²¹ in the region. According to his opinion, this is caused by the fact that in Central Asia «there is still a 'conceptual' classification of people from the point of view of their adherence to Islam. Tajiks are first, then Uzbeks, Kyrgyz, Kazakhs and Turkmen follow. Many local intellectuals consider Kazakhs and Kyrgyz as incompatible with Islam»³²².

In this respect the Islamic factor takes on a special significance for the security not only of Uzbekistan, but also for other countries of Central Asia, whose ambivalence to religion leads to diverse and frequently inconsistent realms of perception both inside the region and outside it. A clear example of this is the active discussion which has developed around the international extremist organization «Hizb ut-Tahrir» which tries to materialize its ideology step by step. Skilful use of the liberal political and legal system of the West has given this organization the potential opportunity to freely prepare a «social base» in many states of the world, including the countries of Central Asia, for the realization of far-reaching plans on the construction of a Caliphate.

In this context, in my opinion, it is necessary to examine certain aspects of the position of the USA, the state which has headed the international antiterrorist campaign, concerning Hizb ut-Tahrir. Scrutiny of this question enables us to draw the conclusion that the American approach to this organization remains, to this day, indeterminate. As a result, a dual attitude to Hizb ut-Tahrir is shown in Washington.

Thus, Washington is following the activities of Hizb ut-Tahrir which, as representatives of the US State department believe, «calls for the overthrow of the governments in Central Asia. Despite its inflammatory rhetoric, it declares nonviolence»³²³. In their opinion, the United States expresses concerns about Hizb ut-Tahrir activity. However in the absence of any proof of violent acts on its part, the US has not recognized this organization as terrorist.

At the same time, representatives of the US State Department emphasize their concern about the fact that Hizb ut-Tahrir, being a secret, transnational organization supported by Muslims in Asia, Europe and the Near East, calls for the overthrow of governments throughout the whole Islamic world and for the establishment of a borderless theocratic Islamic Caliphate. Moreover, they emphasize that since the beginning of operation Enduring Freedom, started in Afghanistan after September 11, 2001, and the global war against

terrorism, Hizb ut-Tahrir rhetoric has become more aggressive. In leaflets of this movement, suicide actions against Israel and the coalition forces quartered in Central Asia are eulogized, and they call on Muslims to protect their faith and for jihad against the USA and Great Britain, who have declared war on Islam.

In spite of the lack of confirmed proof regarding Hizb ut-Tahrir participation, the US State Department representatives assert, it is clear that the organization incites violence. The organization «also serves to involve in radical Islam unsatisfied and jobless youth, who can later be recruited by more violent groups»³²⁴.

Moreover, the position of Washington substantially differs in the evaluation of measures undertaken in the struggle against international terrorism on the part of London, where Hizb ut-Tahrir headquarters are located, and Berlin. In particular, representatives of the current Bush administration emphasize that «Great Britain was and remains one of our strongest allies in the global struggle against terrorism. It continues to undertake important political, financial and legislative steps in the promotion of the international antiterrorist effort»³²⁵. However, the fact that in London ideologists of Hizb ut-Tahrir actively carry out propaganda activity, calling for jihad, which actually means calling for violence, is not mentioned.

As Gilles Kepel, the head of the doctorate program on questions of the Islamic world at the Parisian Institute of Political Science notes, the founder of «Hizb ut-Tahrir al-Islami», sheikh Taki al-Din al-Nabahani, preached a strategy of capturing power first by infiltrating the elite and then by violent action³²⁶. This position of Taki al-Din al-Nabahani arose as a reaction to the failure of the social introduction strategy which was offered by the organization «Muslim Brotherhood»³²⁷.

Against this background Washington also considers Germany an «active supporter of the antiterrorist campaign at international forums, including the EU, the United Nations, NATO, the OSCE and «the Big 8». It is thereby noted that Germany has carried out antiterrorist reforms which should raise its possibilities in the struggle against terrorism. In the opinion of the American side, new and more rigid positions in the German legislation on associations has been useful in banning several foreign extremist organizations in Germany. The Ministry of Internal Affairs has forbidden the extremist Islamic organization Hizb ut-Tahrir, having confiscated its property»³²⁸.

³²¹ Malashenko A. Islam in Central Asia. In: Central Asian Security. The New International Context. London: Royal Institute of International Affairs. 2001. — P.51.

³²² Ibid.

³²³ Frequently Asked Questions About U.S. Policy In Central Asia. Fact Sheet. Bureau of European and Eurasian Affairs. — Washington, DC. — November 27, 2002.

³²⁴ Ibid.

³²⁵ Ibid.

³²⁶ Kepel, Gilles. Jihad, Expansion et declin de l'islamisme, Ed. Gallimard, 2000. Paris. — P.420.

³²⁷ Ibid. — P.383.

³²⁸ Frequently Asked Questions About U.S. Policy In Central Asia. Fact Sheet. Bureau of European and Eurasian Affairs. — Washington, DC. — November 27, 2002.

The ambivalent attitude of Washington is shown not only regarding Hizb ut-Tahrir itself but also Germany and Great Britain, and also the countries of Central Asia. Thus, in the first place, the USA positively evaluates the steps Berlin has undertaken against this extremist organization, as if not noticing that London has created favorable conditions for Hizb ut-Tahrir ideology. Secondly, it remains unclear why Washington, noting with satisfaction the strict actions of the German authorities against Hizb ut-Tahrir, has critically evaluated the measures undertaken by the governments of Central Asia concerning members of this organization.

At the same time Washington carries out drastic measures in the struggle against various «charitable» organizations, which render financial and other support to international terrorist groups. Thus, for example, on July, 27, 2004 representatives of the US Department of Justice declared that «Sacred land», a large Muslim charitable fund operating in Texas, was accused of financing the Palestinian terrorist organization Hamas³²⁹. At the same time, the Secretary of this department, John Ashcroft announced that «there is no difference between those who commit acts of terrorism, and those who knowingly finance them»³³⁰. However, in the case of Hizb ut-Tahrir activity, a reasonable question arises: Is there a difference between those who commit acts of terrorism, and those who knowingly call for such violence?

In this connection it is necessary to note, that the display of «spinelessness» concerning this radical organization will inevitably end with Washington and London, sooner or later, receiving «strong evidence» concerning the terrorist essence of Hizb ut-Tahrir. However, recently, as many experts note, there has recently been a split in this group between Hizb ut-Tahrir headquarters and its local branches, at least in the countries of Central Asia.

While Hizb ut-Tahrir leaders assert their nonviolent activity, activists «on the ground» already openly declare the need to proceed to armed struggle against the secular governments in the region. This, according to my opinion, is the «effective» tactic of Hizb ut-Tahrir — which, while ideologically preparing terrorists — Shahids³³¹, denies participation in any acts of terrorism, particularly those which took place in the spring and summer of 2004 in Uzbekistan. In this connection the skilful use by Hizb ut-Tahrir ideologists of slogans about «nonviolence», allowing this organization to carry out its destructive activity freely, becomes obvious.

In this context it is necessary to note that the position of the world's large countries exerts a direct influence on the approaches

of the Central Asian states concerning Hizb ut-Tahrir and other terrorist and extremist organizations. Rhetoric that the problem of terrorism and extremism concerns more this or that Central Asian republic only aggravates the religious — political situation in all countries of the region.

This, in particular, results in the fact that while Uzbekistan, as a victim of terrorism, carries out more rigid and purposeful policy concerning terrorist and extremist groups, Kyrgyzstan does not undertake serious measures in suppressing Hizb ut-Tahrir recruitment of new members among the local population. According to the results of field research carried out in 2004 in Osh and Jalal-Abad, large cities of Kyrgyzstan, Hizb ut-Tahrir activists freely give interviews to independent journalists, openly declaring their readiness for armed struggle against local authorities as soon as possible. Their main purpose, according to one of the organization's activists, is the propaganda of party ideology and expansion of their ranks, including in various power structures, which «will be useful for the overthrow of the secular government» in the Kyrgyz Republic.

From this point of view, for the countries of Central Asia it appears necessary not only to struggle against terrorist organizations, but also to suppress the activity of any extremist organization calling for violence, jihad or armed opposition, as Hizb ut-Tahrir does. The importance of such measures demands not only the consolidation of the regional states' efforts in this direction, but also the formation of a common approach to such groups propagandizing «imported» ideologies of extremism and terrorism. Precisely the struggle against extremism and terrorism is one of the most important elements of consolidation of the Central Asian countries. In this context it is necessary to note that the manifestation of so-called double standards concerning threats of terrorism and extremism among the region's states will only hinder the process of deepening regional cooperation.

Against the background of the erosion of Central Asia unity by the so-called Islamic factor, the region is also exposed to other information-ideological inclinations which exert a moderate if not immediate influence on prospects for regional cooperation. From this point of view, in my opinion, the activity of the Russian mass-media, which covers the entire territory of the CIS should be noted. This gives them potential opportunities to affect the formation of public opinion in Central Asian states and societies.

Thus, in the Russian mass-media, and also in expert circles, the tendency to arouse nostalgic feelings in the societies of the Commonwealth countries for «the former greatness of the Union» has been strengthening. Similar informational tactics allow the simultaneous achievement of two purposes. First, in the public consciousness in the post-Soviet countries, including Central Asia, psychological discomfort is growing, especially in conditions of

³²⁹ See: <http://usinfo.state.gov/ruski/>.

³³⁰ Ibid.

³³¹ It is necessary to note, that Shahidism peculiar to the Near-Eastern region is a new demonstration of terrorism in Central Asia, in particular, in Uzbekistan.

decreased standards of living throughout CIS territory. In this connection the appearance of retorts on «how good the Soviet time was», etc are logical. Obviously, this is directed towards «fixing» on Russia the status of the «legitimate», historical integrator.

Second, the methodical use of such information-ideological influence provokes the strengthening of the missionary spirit in Russian society itself, which will result most likely in the growth of nationalism. Manifestations of a similar phenomenon have been observed even in those concepts which have arisen since the disintegration of the former Soviet Union, such as «the near abroad», «persons of Caucasian / Asian nationality», «the underpinnings of Russia». In this connection the burst of nationalistic moods in Russia itself is no coincidence.

In November 1992 Boris Yeltsin issued the decree «On the protection of the rights and interests of Russian citizens who are residing outside of the Russian Federation» with a view of declaring Russian unity with the native Russian population in the near abroad and taking on the responsibility for its protection³³². For today similar tendencies are continuing, as has been most evidently demonstrated in some political circles of Russia. In particular, the Irish expert D. O'Bechain examines certain displays of nationalist moods in V. Zhirinovskiy's activity.

«One of the well-known, in Russia, defenders of the rights of the «Diaspora», undoubtedly, is Vladimir Zhirinovskiy ... Being a political chameleon, who lost people's trust and lost his charm during the period of the rapidly developing events at the beginning of the 1990s, Zhirinovskiy nevertheless had significant political authority in post-communist Russia and was a serious contender for the post of president. The support rendered to him by the Russian population reached its highest point in 1993, at 23%, when almost 400 thousand Russians left Kazakhstan. Zhirinovskiy portrayed himself as a spokesman for the rights of the Russians wherever they were, especially the 25-million Diaspora which appeared on the other side of the border after the disintegration of the Soviet Union ... When parliamentary elections appeared on the horizon in 1993, Zhirinovskiy declared that «Kazakhstan is an artificial formation and can develop successfully only under the domination of Russia»³³³.

The mention of Zhirinovskiy's name would seem a little bit inappropriate in view of the «eccentricity» of his person. However the fact that his beliefs are shared by a considerable part of Russian society, as showed by the elections of 1993, and also by current

measures by Moscow to protect the Russians in the near abroad, cannot but cause concern. From this point of view, the Irish researcher has succeeded in showing the reasons for such manifestations in Russia. As he said, «the Russians have been deprived of imperial pride and advantage, are plundered by capitalists and are deceived by the promises of politicians — all this has resulted in imperial nostalgia and national extremism»³³⁴.

The announcement by Moscow of the policy on the protection «of the Russian citizens» outside Russia has special significance in that the very statement of this question point blank testifies, at a minimum, to two aspirations of the Russian Federation. On the one hand, Moscow obviously demands a special position for citizens of the Commonwealth countries of Russian nationality, behind whom «all of Russia stands firm.» On the other hand, the Russian political elite tries to maintain its presence in all the post-Soviet republics in order to maintain the guarantee to its compatriots. As a rule, the human factor is the most effective tool ensuring the objective presence of one or another power beyond its borders.

However these actions are attended with negative consequences for Russia itself; obviously, «diligence» in this direction will result in strengthening suspicions of Russian policy in the CIS countries, both on a public, and on a state level. In this there is a certain advantage of the ideology of the western countries, which declare their aspiration to support the post-Soviet states in strengthening their independence. As a matter of fact, it has already given appreciable results, at least in the countries of Eastern Europe, and also in the countries of the Baltic, which today are EU and NATO members.

Directly, these distinctions in the ideological framework of the foreign policy of Russia and the countries of the West, the USA in particular, have become a subject of informational struggle. In this connection the appearance in broad analytical circles, both in Central Asia and abroad, of suspicions and accusations of «neo-imperialism» from Moscow is not coincidental.

In this respect the «statistical data» on the number of Russians left in post-Soviet countries after the disintegration of the former Soviet Union, presented in «Eurasia» magazine, cause special interest. A. Tokarev, the author of the article «Poor Relatives or Dear Compatriots» specifies that an important reason for the outflow of Russians from the states of the former USSR is not oppression because of their nationality, but rather social and economic conditions³³⁵. Thus he notes that «... also the struggle for the status of the language, for equal rights, is begun where there exists or is the prospect for a prosperous life»³³⁶.

³³² O'Bechain D. «Kazakhization» and language policy in the post-Soviet space. In the collection of scientific articles «Political science and the government in the Russian Federation and the New Independent states». Institute of philosophy and rights of the Ural branch of the Russian Academy of Science. 2004. — P.78.

³³³ Ibid. — P.79.

³³⁴ Ibid.

³³⁵ Tokarev A. «Poor relatives or dear compatriots» // Eurasia. March, 2004. — PP. 36—37.

³³⁶ Ibid. — P. 37.

From this point of view, the Russian government faces a problem whose solution would have special value for strengthening the position of Moscow in Central Asia. Thus, Moscow is interested in restraining the flow of immigration of the Central Asian countries' citizens of Russian nationality. However, if one takes into consideration Tokarev's opinion that the principal cause for Russian resettlement is the socio-economic factor in the states of the region, then Moscow does not currently have sufficient resources to assist the republics of Central Asia in the given sphere.

The countries of the West, in turn, actively use their information-ideological resources, as a result of which a certain image of the Central Asian states and the region as a whole is formed. In this respect the superiority of Western scientists and experts in political science³³⁷, which has deep historical roots from antiquity, allows them to use more effectively the developed terminology, especially while characterizing the political systems, the states and societies in the Central Asian region.

In this connection, it is necessary to note a number of terms to which the majority of the Western experts appeal. In particular, concerning post-Soviet and developing countries, the terms authoritarianism, totalitarianism, regime, etc. are widely used. However, as practice shows, similar concepts, as a rule, «emerge» only in case of need or «are forgotten», if dictated by the imperatives of economic and political expediency.

Thus, already in the 1970s — 1980s, the separate countries of the West supported close connections with Saddam Hussein, who in the 1990s «suddenly» appeared to be a dictator, «oppressing his own people». At the same time the United States supported the Taliban regime, which was rather far from those democratic ideals that are cherished by the countries of the West. Moreover, the appearance of the new concept «moderate» Talib seems rather strange. And this, as American experts note, against the background of the Taliban's being classified in the USA, along with Al-Qaeda, as a terrorist organization³³⁸. From this arises the reasonable question: Can a terrorist be «moderate»?

The problem of democracy, as is known, stands as one of the pressing questions in the relations between the countries of Central Asia and the West. Precisely this aspect plays a key role in the development of bilateral and multilateral cooperation, as it has spe-

³³⁷ Actually «politology» or «political science» as an independent discipline has become a subject of study at the end of the 1980s, beginning of the 1990s. In the majority of post-Soviet countries politology research developed after the disintegration of the former Soviet Union. See: **Khaidarov A.** To a question of the situation and prospects of development of political science in Uzbekistan; **Tolipov F.** Theoretical-methodological problems of political research. In the collection of articles «Political science in Uzbekistan».

³³⁸ **Collins K., Wohlforth W.** Op. cit. — P.42.

cial value not only for the political establishment of one or another Western country, but also for Western society. As a matter of fact, the democratic system is not a result, but more likely a process of institutional formation of the state, where conditions for the realization of the rights and freedom of citizens are created.

At the same time, it is important not to overemphasize Western democracy, if only for the reason that it is the best achievement in the history of mankind and the standard of the modern political system. Here it is also necessary to take into account, that antique democracy is represented as an extremely important phenomenon, a «historical precedent» which was absent in the history of non-European peoples including in Central Asia.

As a matter of fact, even in modern times, without going in detailed discussions about the particularities of the democratic regimes of the West, it is difficult to doubt Aristotle's insights, reflecting on the advantages of various state systems — democracy, oligarchy, tyranny, monarchy. In his opinion, «more correct is the judgment of those who mix several kinds, because the political system which consists of a conjunction of many types really is the best»³³⁹.

Actually, according to Aristotle's concept about state systems, in certain countries of the West, in particular in the USA, there is a conjunction of many types. As is known, the phenomenon of the lobby is in reality nothing more than a mechanism for the protection and promotion of the interests of influential circles, in whose hands a large amount of capital is concentrated, which could otherwise be called an oligarchy. However, at the same time an extremely important role is played by those democratic mechanisms which, as opposed to an authoritarian regime, limit their actions and permissiveness. For example, it is no secret, that Bush's candidacy during the presidential elections in 2000 was lobbied by representatives of the large oil-business and military-industrial complex of the USA.

Naturally, democracy is also a certain historical stage of the cultural — civilization development of this or that people. In this connection E. Fromm's opinion is noteworthy: «Speaking about 'a medieval society' and about 'the spirit of the Middle Ages' unlike 'a capitalist society,' we mean ideal types. Actually, certainly, there was no such moment when the Middle Ages suddenly ended and at the following moment a New Era began»³⁴⁰.

As a matter of fact, this statement is not at all obsolete and from the conceptual point of view it concerns all post-Soviet countries, including Central Asia, from which in the West they expected «amazing» results in the sphere of democracy in a couple or more

³³⁹ **Aristotle.** Politics. In the collection of works of antique philosophers and thinkers «Thinkers of Greece. From myth to logic. «Exmo—press» Moscow *, «Folio» Kharkov. 1999. — P.481.

³⁴⁰ **Fromm E.** «Escape from freedom.» Moscow. «Progress». 1990. — P.43.

years. As is known, until recent times such phrases were widely used as «a tiny island of democracy in Central Asia», «Central Asian Jefferson» etc., which now one can hardly recollect.

Obviously, «great leaps» do not always bring those results which were expected by the democratic states of the West and, especially, the societies themselves in Central Asia. On the contrary, in the public consciousness some kind of an inferiority complex is taking root, intensifying with the complicated social and economic situation. The speeding up of democratic processes on the part of the Western countries, especially in the sphere of religious rights, leads to the indirect protection of the «rights» of religious extremists and terrorists. Thus, the issue that the headquarters of international extremist organizations closely cooperating with terrorist groups are located in certain countries of the West is practically not discussed.

In this respect it is necessary to emphasize that all countries of Central Asia have declared their aspiration to build democratic states and civil societies. However it demands more time, than many democratic countries imagine. It is enough to recollect only, that in the 1960s–70s in the USA there was still a sharp problem of discrimination against black Americans, and there still remain American Indian reservations in some American states.

In this connection, in my opinion, concerning the problems of democracy of the Central Asian countries it is necessary to realize the importance of stage-by-stage, progressive reform, which demands drawing special attention, first of all, to two factors.

First, the present mentality, outlook and culture of the Central Asian societies do not allow radical democratic transformations to be carried out. Any political innovations without wide public comprehension of the essence of democracy can result in destructive consequences. It is necessary to recognize that long years of Soviet governance have deeply implanted in the public consciousness the authoritarian psychology that determines the passivity of the citizen in his sociopolitical life.

Second, the economic factor acts as another important aspect. The command-administrative system of management in the former Soviet Union hindered the development of the institution of private property, which is a basis for economic freedom. Not coincidentally George Bush laid special emphasis on the experience of the People's Republic of China, where «the Chinese leaders have begun to understand, that the unique source of national wealth is economic freedom»³⁴¹.

Moreover, historically the institution of private property in Central Asia strikingly differed in its role and place in the economic life of society from that in the countries of Europe. In this connec-

tion, the transformations in the economic sphere and the formation of market relations in certain states are going more effectively and without serious consequences, rather than in the republics of the Central Asian region.

Fromm, analyzing the phenomenon of authoritarianism in European society, searched for the economic preconditions of its transformation in Medieval Europe. Thus, the American scientist writes, the structure of society and the person in Europe began to vary in the epoch of the Renaissance. This phenomenon was observed earlier in Italy rather than in other European countries, due to its location on the Mediterranean Sea — a trading crossroads between Europe and Asia³⁴².

In this context the Central Asian countries have passed, in comparison with the European states, only a small historical period. The present economic structure of the Central Asian community is suffering a break that lays the basis for the formation of an economic freedom which was practically forbidden by communistic ideology. The perception of the private initiative, its advantage for the person and society, and thus for the state, is gradually changing. Naturally, these processes will be stipulated by a reassessment of values, which occurs not only inside one country, but also on a global level.

Against this background, the severe realities of the modern economic world order in the countries of Central Asia give rise to newer and newer disappointments in the «sincerity» of the advanced countries in rendering assistance for social and economic development. In this context, one can hardly doubt the truth of the conclusions of Turkish scientist I. Kuchuradi concerning the policy of the advanced countries with respect to «the third world» states in the 1980s. According to her opinion, «... the rich countries rendering 'assistance' did not for a moment abandon the maximum protection of their economic and political interests, and that assistance amounted to granting loans with large interest rates»³⁴³. In addition, she specifies, «some economic projects ... have not achieved their purpose and have even deepened existing social and economic inequality, insofar as they did not take into consideration the real social and intellectual conditions of the needy countries»³⁴⁴.

The former chancellor of Germany Helmut Schmidt noted, that «... the USA, the European Union and Japan today carry out egoistic policies. Forcing less developed countries to open their markets, they preach the idea of free trade, but then take unprecedented measures for the protection of the interests of their own

³⁴¹ See: The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Office, 2002.

³⁴² Fromm E. Op. cit. — P. 44–49.

³⁴³ Kuchuradi I. Economic inequality, human rights, democracy and free market// Issues of Philosophy. 1996 #6. — P.116.

³⁴⁴ Ibid.

farmers, steel founders, and so forth from external competitors. Many countries, yielding to persuasion, opened their economy for short-term crediting from the outside, and carried out the liberalization of current accounts. As a result these states were transformed into an arena for the activity of every possible foreign speculator and have burdened themselves with external debts»³⁴⁵.

Certainly, rendering such «financial and economic assistance» to the countries of Central Asia by the international community would have rather negative consequences not only for the social and economic well-being of the region's states, but also for regional and global security as a whole. It is necessary to take into consideration that for transitional countries, the appearance of the interstate contradictions caused by the sharp differentiation of the population's standards of living is typical. In the Central Asian states, which are multinational and multiconfessional, such processes proceed most painfully.

The analysis of the antiterrorist campaign conducted by the international coalition headed by the USA after September 11, 2001 shows that the struggle against terrorism and other new kinds of threats and challenges should not be limited only to military operations.

In this context, for the preservation and further strengthening of security and stability in Central Asia, one of the key factors has become the issue of strengthening the assistance of the international community for regional cooperation in order to increase the efficiency of the social, economic and political transformations in the countries of the region. At the same time, the necessity arises to reevaluate the opportunities of the regional and external states, and also the potential of various institutional mechanisms in the Central Asian region capable of introducing a new constructive spirit — a spirit of trust and cooperation among the countries of Central Asia. From this point of view, the most effective regional structure, in our opinion, is the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC).

3.3. Towards the formation of an institutional basis for a common market in Central Asia and prospects for the OCAC development

At the boundary of the 20th and 21st centuries, globalization has become the dominant tendency of world development, exerting a greater and greater influence on all the regions of the world. In many respects these processes render key effects on the formation of the new world order, the consequences of which do not have an unequivocal character, especially for countries with transition economies and developing democracies.

³⁴⁵ See: Schmidt H. Global Responsibility Burden. The European View on the Perspective of Universal Development // Russia in Global Policy/ No 1/ November–December, — P. 2002.

On the one hand, globalization as an objective development process plays a positive role for these countries, as they simplify international interaction in various spheres. Globalization stimulates the attraction of foreign investments, promotes the acceleration of exchanging achievements in the sphere of science, equipment and technology, thus assisting the scientific and technical progress of the countries.

On the other hand, as the experience of the Central Asian countries over the last years shows, the processes of globalization are connected with a lot of threats and challenges to security, which aggravate the position of the region's states in forming the system of the new world order in practically all aspects. In this connection it is necessary to note at least the fact that so far none of the Central Asian republics has succeeded in reaching that level of social and economic development, which they enjoyed at the end of the 1980s.

The events of the last decades in Central Asia testify that the integration of the Central Asian states into the world community is inconceivable without a solution to the problem of developing regional cooperation as the major mechanism for neutralizing the risks and threats connected with globalization. In this context there is an absolute necessity for the regions' countries to elaborate and implement a consequent and purposeful general regional program of development, founded on the concept of regionalization.

In this situation, the Organization for Central Asian Cooperation (OCAC) is an effective format of interstate interaction for all Central Asian republics, aimed at accelerating regional cooperation. In the previous chapters it was noted that today the Central Asian countries are involved in a number of international and regional organizations which also include outside powers with both coincident and non-coincident interests in the region. It is obvious that the prevalence of this last element in regional processes, creating preconditions for geopolitical rivalry, will exert a negative influence on the safe development of the Central Asian states and the prospect for deepening regional cooperation.

In the last few years in the scientific — analytical works of many experts and scientists, precisely these problems of regional rivalry are the center of their attention³⁴⁶. At the same time, this research reminds one of the phenomenon when each scientist, depending on his or her home country, «takes all of the covers». In particular, in trying to expose the advantageous aspects of one

³⁴⁶ See, for example: Allison R. Regionalism, regional structures and security management; Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order // International Affairs. Vol. 80, No3, May 2004; Akiner S. Regional cooperation in Central Asia // Analytic. №3, 2001; Isadjanov A. About confidence—building measures and deepening of cooperation in Central Asia; Ashimbayev M. Main tasks of security and directions of regional cooperation in Central Asia; Mirskiy G. Between the East, the West and Russia // Asia and Africa today. 6, 2002.

regional association, analysts unwillingly appear to be the opponents of others, who aspire to express the opposite position.

The character of the polemics around the problems and prospects of regional cooperation in Central Asia is becoming complicated also by the fact that they are being developed in the conditions of the absence of the formation of a system of regional security and the transformation of the world order. However in the polemics of these questions the community of ideas shows that regional cooperation is the process necessary for providing security and all-around development of the countries of Central Asia. At the present time it is impossible to imagine any country of the world in the condition of autarky, when the social and economic sphere of people's life, and also the well-being of the nation, would completely depend on internal state policy. «Governmental policy will inevitably fail, if it appears to be the only source of the competitive advantage of the nation»³⁴⁷.

In this connection, in this section different theoretical and practical aspects of regional cooperation, and the problems and prospects of the OCAC as an institutional mechanism capable of being an effective format for interstate interaction not only on a regional, but also on an international level, will be studied. At the same time, questions relevant for today connected with the formation of the Central Asian Common Market (CACM) demand special attention. Pointing out the necessary steps for the possible creation of a new economic integrational formation, R. Azimov, vice-premier of Uzbekistan, noted that «the Organization for Central Asian Cooperation can become the institutional basis for the creation of a CACM»³⁴⁸.

What does the OCAC as an international structure represent today?

For today an increased interest in the OCAC on the part of many world states is being observed. As the most striking example it is possible to emphasize the interest of Japan in establishing relations with the given organization³⁴⁹. For example, during the visit of A. Aitmatov, the Kyrgyz Republic Minister of Foreign Affairs, to Tokyo in January 2004, the agreement was reached that Kyrgyzstan would assist Japan in establishing cooperation with the OCAC³⁵⁰. Along with this, European Union experts note the possibility of considering the question of rendering assistance to Central Asian regional economic cooperation initiatives, such as the OCAC or the Europe-Asian Economic Cooperation (EAEC).

³⁴⁷ Porter M. International competition: the competitive advantage of nations. — M. Economica, 1990. — P. 128.

³⁴⁸ <http://uzland.narod.ru/2004/june/01/02.htm>.

³⁴⁹ «Japan asks Kyrgyzstan to assist in establishing relations with the OCAC». IA «KyrgyzINFO». http://www.investment.kg/cgi.bin/page.pl?id=1&story_name=doc4166.shtml.

³⁵⁰ See: «Kyrgyzstan Will Assist Japan in the Establishment of Cooperation with the Organization Central Asian Cooperation». 23/01 13:35KhabarPhpt: // www.pr.kg/news/040123jap.php.

At the same time, the statements of representatives of the Asian Development Bank (ADB), the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the World Bank, the Islamic Bank for Development and the UNDP concerning the opportunity to promote increasing the OCAC efficiency have particular importance. In particular, they have declared their readiness to render consultative assistance in elaborating program documents and presenting the results of their own research in the field of the water-power resources of Central Asia and the development of trade and transport³⁵¹.

Support for the development of integration processes in the OCAC framework has been expressed by leading American political and business circles. The leading expert of the Carnegie Foundation A. Liven noted, concerning the prospects for the economic measurement of the OCAC activity, that «during the years of independence, the economies of the Central Asian states developed in different ways and at different rates and now it is at different stages in terms of privatization, the degree of foreign capital presence, the development of the banking sector, the shares market and many other questions. On the other hand, the member countries of the OCAC have already determined their external economic priorities up to the present moment»³⁵².

It is notable that among the factors capable of stirring up the OCAC activity, in in the USA it is considered the involvement of Afghanistan in regional cooperation in Central Asia. In the opinion of F. Starr, director of the Central Asia and Caucasus Institute at John Hopkins University, the OCAC «efficiency and viability will be determined, above all, by the political will of the presidents of the member countries and their internal stability, by how sincere they are and how far the Central Asian states are ready to go on the path towards integration, and also by how far it will be possible to develop those formulas which take into greatest consideration the national interests of the member states and present them the advantages and privileges of similar associations»³⁵³.

On the whole, the increasing interest of the international community in the OCAC is no coincidence. The given tendency testifies that the countries of Central Asia, which will be of great strategic importance in the system of international security in the future also, are more and more involved in the irreversible processes of globalization. It is obvious that in the present geopolitical situation in the region, as the Central Asian countries try to find comprehensible ways of integrating into the world community, there is a

³⁵¹ Muzaffarov Z. Regional integration demands real economic actions. IA. «Jakhon». <http://jahon.mfa.uz/ARHIV/2003/9/26092003.htm>.

³⁵² Ibid.

³⁵³ Ibid.

search for the most effective forms of regional and international cooperation in Central Asia.

Further strengthening of the OCAC appears to be a very important task, especially in conditions when the maintenance of regional security directly coordinates not only with problems of the struggle against new threats, such as international terrorism, religious extremism and drug trafficking. Today the strengthening of social and economic stability in the states of Central Asia, and the maintenance of favorable conditions for their steady development, should become one of the priority directions of foreign policy of the Central Asian states.

In the conditions of the present character of the social and economic situation in the countries of Central Asia, today's thinking requires operating by economic categories when analyzing issues of regional security and stability. From this point of view the necessity is growing of transforming analytical thinking from the politicized criterion «us versus them», characteristic of cold war times, to a more constructive plane — a plane of cooperation and close interaction, above all, in the sphere of trade and the economy. Precisely the accentuation of attention and the implementation of common, mutually advantageous economic projects will promote the rapprochement of approaches and positions of the countries of Central Asia towards the solution of the modern vital problems of security and steady development. Moreover, at the present time there is obviously a tendency towards the growing influence of globalization, with the states of the region turning more and more into energy resource appendages of the large developed states of the world and transnational companies.

As the involvement of the Central Asia states in globalization processes grows, dictating an increasing degree of «openness» and further liberalization of the economic activities of the countries of the region, their dependence is growing on the dynamics of the development of the world economy, the level of deepening international economic relations, the condition of the world commodity-raw markets, and situations arising from them.

The existing geopolitical and geo-economic situation in Central Asia has caused an urgency for the formation of a mechanism for mutually advantageous cooperation among the region's countries in political, trade and economic, industrial — investment, scientific and technical and cultural spheres, and in the field of maintaining regional security and stability. At the same time, the formation of a common regional market in Central Asia is an objective and necessary process for overcoming the present social and economic situation in these states and for deepening regional cooperation.

Taking the above into consideration, it would be desirable to pause in greater detail on this question — what is the common regional market for Central Asia?

First, as the analysis shows, in Central Asia at the present time practically all the objective conditions for the formation of a common regional market exist, which relates above all to the commonality of the history, language and cultural heritage, and customs and mentality of the region's peoples, which we have discussed in the first chapter of our book.

Second, another favorable condition is the economic factor, including the very rich natural resources of the Central Asian countries, the volumes of manufacturing and common economic self-sufficiency. The human potential of Central Asia is characterized by a high combined population and a rather high level of education and professional skills. Developed specialization and economic complementarity in the industrial sphere of the Central Asian states promotes an absence of conflict among the national economies and creates a basis for the development of interstate economic connections. As has been already mentioned above, the necessity to unite the economic potentials of the region's countries is especially acute in connection with challenges of globalization.

Thirdly, studying the international experience of, for example, the EU and ASEAN, shows that the creation of «a common regional market» is the most perspective form of interstate integration. The experience of the formation and development of these integration mechanisms demand the general study of the effective solution to the problem questions existing in Central Asia, which hamper regional processes.

Creation of a common market in Central Asia is connected to a number of advantages capable of considerably increasing the opportunity of the region's countries to provide growth of their combined economic potential, to expand the capacity of production commodity markets and the rationalization of natural resources use. Such tendencies will simultaneously cause the formation of a new dynamically developing market attractive to world strategic investors, increasing flows of foreign investment into the economy of the countries of Central Asia.

Fourthly, the necessary conditions for creating a common regional market should be pragmatism, the realization of infrastructural projects of region-wide significance, the inadmissibility of discrimination among the countries of the region, stage-by-stage maintenance of the free movement of goods, services and capital on the territory of Central Asia.

Fifthly, as world experience shows, the final creation of a common market in the region could be ensured by the stage-by-stage formation of first a free trade zone, then a customs union and then finally a common market. The implementation of these stages demands consecutive steps on the part of all the states of Central Asia for developing a standard-legal foundation for the creation and

functioning of a common market, and also taking effective measures for coordinating a currency — financial policy and ensuring the free movement of capital and investments in the region.

Sixthly, as was noted in the previous paragraphs, the maintenance of steady development in Central Asia seems to be impossible without the development on the basis of international legal norms of long-term mechanisms for the joint, rational use of water-power resources, which are one of the basic riches of the region.

The experience of the Central Asian countries on the creation of a united economic space shows that it is necessary to approach the realization of this task stage by stage, in view of the participating countries' readiness to take up certain obligations, proceeding, first of all, from internal opportunities. In this context such interconnected factors of regional cooperation in Central Asia, the prospects for which in many respects will predetermine the stable and safe development of the region's countries, are becoming important. For today, in our opinion, special emphasis should be placed on the resolution of such problems as the deepening of interaction in the trade and economic sphere, and also in the field of regional security maintenance. For this it has become important to optimize efforts in the development of relations in the cultural — humanitarian sphere.

Thus, without mentioning in detail the efforts of the Central Asia countries to activate cooperation in the OCAC framework in the 1990s, the attempts of the countries of the region to intensify interaction in the economic sphere should be especially noted. So, from this point of view the practical experience of the members of the OCAC — within the framework of which a business — forum of participant member states of this organization was carried out for the first time — seems remarkable. That business-forum of Central Asia countries business circles and businessmen took place on November 28-29, 2002 in Tashkent according to an arrangement reached by the leaders of OCAC member states in Dushanbe on September 5, 2002. In July 2003 in the city of Osh (Kyrgyzstan) a second business — forum was carried out.

At the Tashkent business — forum, delegations of the OCAC member country governments, representatives of economic and financial organizations, and businessmen of the region's countries participated. The sides discussed problems concerning, mainly, the development of trade and economic relations among the countries of the region and the elimination of reasons interfering with cooperation in trade and economic sphere. During the meetings concrete questions were examined in connection with:

- the financial and credit maintenance of regional cooperation;
- the development of small and medium businesses and the creation of joint ventures;

- the deepening of foreign trade within the OCAC framework;
- the formation of an information-providing system for businessmen;
- the development of transport communications³⁵⁴.

The leitmotif of the speeches of the heads of the OCAC member states delegations was the necessity of expanding and strengthening regional relations. In particular, E. Ganiev, vice-prime minister of the Republic of Uzbekistan, noted that «the countries of our region can realize their industrial export potential best of all by arranging effective cooperation inside the region. It speaks objectively that Uzbekistan is interested in the expansion of such cooperation». In his opinion, «the creation of joint trading houses and in the long term the creation of regional stock exchanges for trade with agricultural and industrial goods could become an effective path for regional trading cooperation»³⁵⁵.

The head of the Tajik delegation, deputy prime minister of Tajikistan K. Koimdodov, pointing out the continuing difficulties in the establishment of trading connections with the neighboring countries of the region, emphasized that «more than five years ago we organized trade with Afghanistan. With our neighbors in Central Asia we have not done so until now». In the opinion of D. Otorbaev, the head of the Kyrgyz delegation, the reason for this is the insufficiency of contacts in this regard at the governmental level. His words are not unreasonable that «my colleagues, deputy prime-ministers, we participate in conferences abroad much more often than within the framework of the region»³⁵⁶.

The given business forum also was noteworthy in that the representatives of the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the World Bank and the Asian Bank for Development took part in it³⁵⁷. They also expressed their interest in the expansion of cooperation among the countries of Central Asia. This is testified to particularly by the fact that only over the last several years the EBRD has invested about 160 million Euro in the development of trade in the region. According to the president of the EBRD Z. Lemjer, «the bank is ready to invest even more and to continue cooperation in this direction»³⁵⁸.

In this connection Lemjer emphasized, that Central Asia should be attractive to investors, as in the region there are three necessary factors — «the qualified workforce, rich stocks of natural resources and large population, which make Central Asia a good

³⁵⁴ <http://www.uzreport.com> 28.11.2002.

³⁵⁵ Ibid.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ <http://tajikistan.tajnet.com> 03.12.2002.

³⁵⁸ <http://www.uzreport.com> 28.11.2002.

market»³⁵⁹. Meanwhile, the president of the EBRD pointed out that in the trading sphere too many obstacles exist, and «this is especially well visible in the two countries Kyrgyzstan and Tajikistan»³⁶⁰.

The achievement of these goals assumes a concentration of efforts, above all in the sphere of industrial cooperation and the development of direct economic relations. It is based on modern tendencies of the development of the international division of labor, the specialization and the cooperation of manufacture resulting from:

— the deepening of the international and regional exchange of goods and services on the basis of the access across national borders first of all of private, intrabrand, and then also individual, component and technological division of labor;

— the growth in the number of foreign trade activity participants of Central Asian countries, since according to the legislation of the regional states they can be both large, small and medium enterprises.

As a result of this, branches and sub-branches with component and technological specialization, for which cooperation with other sectors of social production is an integral feature and a condition of their productive activity, could be created in Central Asia. That objectively expands the forms of foreign trade activity. On this basis the foundation for the development of regional industrial cooperation (RIC) is formed. In parallel with this process the character of RIC itself changes, connected with the fact that research and developmental works (R&DW) are included as a major element.

An important condition of the development of industrial-investment cooperation is the stimulation of creation in the Central Asian countries of large joint ventures competitive on regional markets with the participation of the capital of OCAC member countries. The achievement of this goal will promote, undoubtedly, the strengthening of the export-industrial potential of the Central Asian countries and increase their economic competitiveness on foreign markets.

The creation of large joint ventures competitive on regional and world markets and capable of actively cooperating with foreign firms and companies, first, would allow efficient connections to innovative production processes of the world economy; second, would provide the fullest use of their comparative competitive advantages, consisting of the concentration of industrial, financial resources and research potential with a view to reducing the terms for fundamental and applied research, engineering development, technological preparation of manufacture and the most rapid serial development of new competitive production types.

However for this purpose it is necessary to ensure the formation of a corresponding mechanism for its realization in OCAC frameworks, the basic elements of which should be considered the creation of equal organizational-economic conditions for the activities of enterprises on the territory of the Central Asian states; the implementation of coordinated policy in the field of manufacturing specialization in the branches of industry; and the development of scientific technical and industrial cooperation at the level of management.

Meanwhile, today there is a stereotype that the external economic policy of Uzbekistan in the region ostensibly interferes with the expansion of trade and economic cooperation in the region³⁶¹. However, world practice shows that each state forms its foreign trade policy, above all, with a view to integrating the country into international economic relations. The foreign trade regime as a set of tools for commercial policy should provide, alongside with necessary integration, the solution of a number of tasks:

- to stimulate the inflow of foreign investments;
- to provide maximal use of local sources of raw materials and their deep processing;
- to keep current and to stimulate creation of additional working places;
- to create a competitive environment in the market;
- to solve the fiscal tasks of filling profitable part of the budget.

Moreover, in this context one should note the statement of Akio Kavato, Japan's former ambassador in Tashkent, at the meeting of the heads of missions of international development institutions, the diplomatic corps of the world's leading countries, foreign experts on trading questions and representatives of the Uzbek government, which took place on June 1, 2003 on his personal initiative. Summing up the meeting, ambassador Kavato made the following conclusions following from the presentation, an exchange of the opinions of the meeting participants which can be reduced, in essence, to three basic theses:

1. The borders of Uzbekistan are open;
2. Cross-border trade and trade which is carried out by individuals (shuttles) according to international practice and traditions, is not an object of GATT-WTO regulation.
3. Boundary trade is carried out according to the regulations of free trade and regulated by the agreements «On the Creation of a Zone of Free Trade», signed by all CIS countries in 1994, and also

³⁵⁹ Ibid.

³⁶⁰ Ibid.

³⁶¹ See, for example: Shoberlein G. Problems of regional cooperation in Central Asia // Analytic. 3/2001. — P.29.

bilateral agreements on the free trade of Uzbekistan with all countries of Central Asia³⁶².

The figures testify to this also. Thus, according to the results of 2003 the foreign trade turnover of Uzbekistan with the OCAC member states was more than 607 million US dollars, having increased by 6.8% in comparison with 2002. Growth in commodity circulation was achieved due to an increase in goods export by 6.9%, and import — by 6.7%. According to the results of the first quarter of 2004 the foreign trade turnover of Uzbekistan with the countries of Central Asia has increased already by 34%, reaching 153.9 million US dollars. At the same time, the growth of commodity circulation in the current year is also connected to escalating trading operations, both on export, and on import (growth respectively by 32.4% and 36.2%, exports were 91.5 million US dollars, imports — 62.4 million US dollars, the positive balance of commodity circulation — 29.1 million US dollars)³⁶³.

According to the results of 2003, foreign trade operations carried out by individuals made up 205 million US dollars, and in comparison with 2002 increased by 16.9%, including exports — 62.5 million US dollars (a decrease by 30.8%), imports — 142.5 million US dollars (growth by 1.7 times). The export ratio of individuals in 2003 was 2.7% of the total amount of exports of the country, the import ratio — 5.4%. The role of small businesses is also growing in the foreign trade of the OCAC countries. In the share of foreign trade of Uzbekistan, individual businessmen with partners from the region, according to the results of 2003, accounted for 10% (52 million US dollars) of the general commodity circulation with the given countries. In commodity circulation imports dominate with 93.8% and their dynamics (103% of the volume of 2003) outstrip the dynamics of export (44% the volume of 2003)³⁶⁴.

At the same time, as Kazakhstan expert M. Ashimbaev notes, today there is the opinion, that in the presence of boundary problems, integration in the region is impossible. I cannot agree with such statements. On the contrary, close regional cooperation should become a basis for the resolution of such problems as the delimitation of borders and the exploitation of trans-boundary rivers³⁶⁵. And really, these problems by virtue of their specific character could become a factor in the consolidation of the efforts of Central Asian countries to create potential conditions for strengthening regional cooperation. For today it becomes more and more obvious that the resolution of problems in Central Asia, as well as the realization of

opportunities of the region's countries, demands the strengthening of regional cooperation³⁶⁶.

It is obvious that regionalization in Central Asia is becoming more and more relevant, as was mentioned earlier, as the states of the region become involved in processes of globalization. By virtue of various factors, today the countries of Central Asia are not in the best conditions within the framework of global competition. This is connected to a number of objective factors, in particular, to the level of economic potential of the Central Asian republics, the capacity of the domestic market, the level of technological development, the geopolitical factor, etc³⁶⁷. One of the optimal tools for the adaptation to globalization is the development of regional cooperation and integration.

In the given context I agree with Ashimbaev's other statement that there is no alternative to cooperation in our region. Isolation from each other, misunderstanding each other's requirements, and doubtful competition is an unpromising path, which leads to the further backwardness of the region³⁶⁸.

In this connection, the initiative of Uzbekistan concerning the formation of a common regional market in Central Asia could become an effective mechanism for the activation of interstate cooperation in the trade and economic spheres. For today the countries of the Central Asian region are at the stage of rising, and they need the means and the newest technologies which could accelerate the development of local manufacturing, guaranteed access to profitable foreign markets, and also the help and stimulation of the creation of a common regional market.

The formation of a common market in Central Asia via the stage-by-stage promotion of economic integration processes assumes not only procedures of free trade with goods among the countries of the region, but also the free movement of manpower and capital³⁶⁹. The given initiative has extremely important significance as the common market, without doubts, would only strengthen the inflow of additional volumes of foreign investments into the region, and would expand the scale of trade with goods and services. As Islam Karimov, President of Uzbekistan, noted, today in Central Asia «wide prospects for the realization of scaled investments and integration projects in various spheres of the economy are being opened, the most powerful, capacious market for the

³⁶² Macfarlane S. Neil. The United States and Regionalism in Central Asia // *International Affairs*, Volume 80. Number 3. May 2004. — P.460.

³⁶³ Ashimbayev M. Modern Kazakhstan in the global world // *Analytic*. 3/2004. — P. 4.

³⁶⁴ Ibid. — P.5.

³⁶⁵ Fazilov F. Economic Cooperation in Central Asia within the CAC. In: *Cooperation and Conflict Management in Central Asia*. Frankfurt. 2003. — P.114.

³⁶² See: <http://www.mfer.uz/modules.php?name=News&file=print&sid=136>.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Ibid.

³⁶⁵ Ashimbayev M. Main problems of security and the direction of regional cooperation in Central Asia // *Analytic*. 3/2001. — P.4.

investment of capital and goods...is being created, the necessary conditions for successful business exist and are being created»³⁷⁰.

This tendency will determine the readiness of the Central Asian countries to cooperate not only in the field of trade and economic relations, but also in the sphere of security and democratization. This has fundamental significance for the maintenance of stability and steady national and regional development in Central Asia. At the same time, the OCAC would remain a unique institutional mechanism, capable of becoming precisely that format of dialogue and cooperation among the Central Asian states which would respond to the national interests of each state of the region.

Today in Central Asia there is a high level of positive expectations in connection with the increased attention to problems of the region, in particular to processes of the post-conflict restoration of Afghanistan. After the beginning of the antiterrorist campaign in Afghanistan, as was already emphasized in the previous passage, the transformation of the Afghan factor into a developing system of regional security in Central Asia provides potential opportunities for the states of the region and the Islamic Republic of Afghanistan to strengthen mutually advantageous cooperation in trade and economic spheres. President Karimov emphasized that «Afghanistan, for many years having represented a real threat to peace and stability, today could become a factor for regional development due to the fact that it is situated in the center of the world community's attention. Already there are real preconditions for involving the joint potential of our countries in the restoration of the Afghan economy»³⁷¹.

Now, as never before, the prospects for strengthening peace and stability in Afghanistan, in which the social and economic revival of the Afghan people plays a growing role, is becoming more real. The development of positive processes in Afghanistan creates favorable opportunities for the realization of scaled communication projects in Central Asia, equally favorable to the states of the region and international investors. New multiple transport corridors should form a unified mutually connected system of communications³⁷², which would provide the Central Asian countries reliable access to prospective markets.

In this connection the development of joint projects for economic cooperation in Central Asia involving Afghanistan appears

relevant³⁷³. Programs for the modernization and development of economic potential, and also solutions to the political, social and environmental problems — all these will create conditions for long-term stability in Central Asia. In this process, certainly, the activation of efforts and measures of the Central Asian countries to render assistance to the Afghan people in reconstructing their economy has special value.

This circumstance promotes the deepening of mutually advantageous cooperation in the trade and economic sphere among the Central Asian countries and Afghanistan, as testified to by the consistent growth of bilateral commodity circulation volumes. In particular, if in 2001 the volume of foreign trade between Uzbekistan and Afghanistan was 11.4 million US dollars, in 2003 this parameter had reached almost 90 million US dollars. Commodity circulation between Kazakhstan and Afghanistan in 2003 made up about 49.5 million US dollars³⁷⁴.

The transformation of the Afghan factor in the formation of a new system of regional security in Central Asia will play a special role in this. The commonality of external threats and challenges to the national security of the region's countries is capable of providing rapprochement of their positions towards the modern problems of regional security and stability. At the same time, the struggle against religious extremism and international terrorism could become one of the important spheres of regional cooperation.

This is especially relevant, when in Central Asia there is still no strong model of regional security, despite the presence of multilateral structures in the region, such as the CIS, the SCO, and the NATO program «Partnership for Peace» (PFP). Moreover, as British expert O. Antonenko notes, much would depend on Central Asian states themselves³⁷⁵.

Obviously, the horizons of interaction in such formats in the sphere of regional security maintenance in Central Asia will become real as rapprochement of the regional states' positions towards the problems of the struggle against modern threats takes place. At the summit of the OCAC participant states in Astana on December 27, 2002 it was again ascertained, that strengthening the organization corresponds to the strategic interests of its members. The necessity of new forms, methods and approaches, searching for the development and strengthening of interaction in various spheres was

³⁷⁰ Statement of President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov at grand opening of annual session of the Council of managers of the European Bank for Reconstruction and Development // *Narodnoye slovo* May 5, 2003.

³⁷¹ *UzA*, on June 7, 2004r. <http://www.uzbekistan.uz/rus/pressa15.html>.

³⁷² See: Statement of President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov at grand opening of annual session of the Council of managers of the European Bank for Reconstruction and Development // *Narodnoye Slovo*. May 5, 2003.

³⁷³ *Ibid*.

³⁷⁴ «Kazakhstan offers help in rehabilitation of Afghanistan». <http://www.rambler.ru.15.05.2004>.

³⁷⁵ Antonenko O. Towards a new cooperative security model for Central Asia. In: Materials of the international conference «Central Asia: cooperation, partnership and dialogue» (May 13–15, 2003, Tashkent). T.: Shark, 2004. — P. 61–67.

emphasized³⁷⁶. In April 2000 in Tashkent the leaders of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan signed the Agreement «On joint actions in the struggle against terrorism, political and religious extremism, transnational organized crime and other threats to security and stability».

However for today to speak about more far-reaching plans for the deepening of cooperation in the security sphere, in particular, in the struggle against terrorism and extremism is not yet necessary. Many experts, both Central Asian and foreign, fairly note that the OCAC still remains a mechanism in which the decisions have, for the most account, a declarative character³⁷⁷. In the given context the tendency has appeared of the search for the «guilty» party, mainly among Central Asian countries, which is related, as a rule, to subjective reasons³⁷⁸. Using the factor of the presence of boundary, territorial, water-power and other problems, which interfere with the processes of deepening regional cooperation, and also the prospects of the OCAC development, has also become an original cliché in analytical works. However, as was mentioned in the previous chapters, often sufficient attention is not paid to the external factors exerting ambiguous influences on interstate interaction among the countries of Central Asia.

From this point of view it would be necessary to emphasize the estimations of American expert G. Shoberlein, who noted that in cooperation among the countries of Central Asia and large external factors, the prevalence of bilateral relations instead of regional and structural relations is shown. The interests of large powers, for example, the USA, for which the absence of strong structures that would work effectively in the region is convenient, can serve as an explanation for this. As a result of such an approach, Central Asian countries rely more on their connections with large powers, rather than on relations inside the region³⁷⁹.

Some people in the United States, as well as elsewhere, consider Central Asia an axial point of global policy, a bridge between the East and the West, the North and the South, and also, using Mackinder's terms, «the heartland of the heartland»³⁸⁰. Though the officials in the United States have emphasized the necessity for regional cooperation on such problems as transport, manufacturing

and transmission of electric power, and also water resources management, American assistance, rendered on a bilateral basis, has provided insignificant incentives for regional cooperation among the countries. There is no clear official position on the regional institutions which have Russian support, including in Central Asia. There is also no proof of American attention or support for initiatives of cooperation in the region³⁸¹.

Naturally, in these circumstances to speak about the institutional strengthening of the OCAC as an important tool for deepening regional cooperation and forming a common market in Central Asia seems to be rather problematic, at least, in the short-term perspective.

On the other hand, the objective consequence of such external influence becomes the assignment to the countries of Central Asia of the status of an «object» of geopolitical games in the region. In the situation when in the region a complicated configuration of interests and obligations of various major powers has been set up, the Central Asian states are compelled to react actually to those other tendencies occurring in Central Asia and around it.

In these conditions the weakness of the Central Asian states, which represents serious obstacles for the transformation of their foreign policy to a strategy directed towards constructive cooperation, increases. In this context, in our opinion, British expert S. N. Macfarlane was right, having noted that weak state structures complicate the fulfillment of the obligations which they assume during the process of regional cooperation. The state institutions themselves, therefore, are short of trust and appear incapable of concentrating on the implementation of national policy³⁸².

And in fact, this tendency has touched not only the countries of Central Asia and the OCAC, but also the CIS states, on whose territory practically all the created organizations have until now not achieved significant practical results. Most likely, one of the most serious problems in this respect is the resurgence of confrontational thinking. This is shown, as was mentioned above, in the analytical works of many scientists, inclined to resort to block-confrontational schemes in which primary importance is assigned to questions like «Who has won and who has lost as a result of integration?» Such comments refer to the same category which reduces integration processes, first of all, to attempts to prove their orientation against certain external third forces. This sort of reasoning distorts the essence of the processes, the understanding of which is incorporated in the answer to the question «Not against whom, but in the name of what are peoples and states integrated?»

³⁷⁶ See: the Joint communique of presidents of the CAC member countries on the results of the meeting of the heads of the states — members of the organization «Central Asian cooperation» // the National word. — 2002. — on December 28.

³⁷⁷ See: for example: Allison R. Regionalism, regional structures and security management; Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order. Vol. 80, No 3, May 2004.

³⁷⁸ Ibid.

³⁷⁹ Shoberlein G. Problems of regional cooperation in Central Asia // Analytic. 3/2001. — P. 28.

³⁸⁰ Macfarlane S. Neil. Op. cit. — P. 449.

³⁸¹ Ibid. — P. 455.

³⁸² Macfarlane S. Neil. Op. cit. — P. 460.

The logic of a multipolar perception of the world, inherently, is also formed by confrontational (or block-confrontational) thinking, at the basis of which lies the principle of the formation of a system of containment and counterbalance.

Within the framework of such logic, integration processes are perceived schematically enough and mechanically lead to the simplified substantiation of the claims of the new poles of the major powers, around which interstate associations are formed. The recurrence of confrontational thinking sets a number of «phase» conditions, from a theoretical point of view describing the state of the environment and dynamics of world perception (multipolar or monopolar). On the basis of the results of analytical research, the forecasting and estimation of the influence of the consequences of confrontation on integration processes are carried out, taking into consideration developing global tendencies.

However, concerning Central Asia it could be noted that in conditions of the formation of a new world order in the region, it is impossible to establish the unilateral influence of any one major power. This is recognized in Washington, Moscow and Beijing, whose aspirations have not yet found a proper logical explanation in expert-analytical circles. Meanwhile, some Russian experts point out that by preserving its economic positions in the Central Asian countries, Russia can exert a constraining influence on the expansion of the US presence in Central Asia.

However, if before the events of September 11, 2001 the role of the guarantor of military-political stability in Central Asia was allocated to Russia, since that time this situation has undergone serious changes. In this connection it is impossible to exclude, that the activation of the Western countries in the economic sphere could also transform the present geopolitical status quo.

In other words, as these tendencies in the region increase according to this scenario, Z. Brzezinski's concept of «geopolitical pluralism», meaning the inevitable process of the diversification of the foreign policy orientations of the new independent states after the disintegration of the Soviet Union, is becoming relevant. «Geopolitical pluralism» has not been imposed by Washington and cannot be impeded by Moscow. «Geopolitical pluralism» should be understood not in the sense of the strategic orientation of the Central Asian countries to various competing powers, but only in the sense of denying an exclusive and monopolistic right of domination in this part of the world to any single power and, what is important, in the sense of an inclusive and consensus correlation of interests of many acting parties in the given region³⁸³.

³⁸³ Tolipov F. Diversity of interests and «big strategy for Central Asia». In: «Central Asia in XXI century: cooperation, partnership and dialogue». T. 2003. — P. 110.

In this context the formation of a new world order to a certain degree finds its reflection also in the present situation in Central Asia, when the different levels of the presence of the major powers is determined by various degree of influence in military, political and economic spheres. For revealing the influence of global tendencies on the Central Asian region, in our opinion, it is necessary to note the following evaluations of Werner Link, professor of political science at Cologne University.

«If one approaches in a differentiated way the various spheres of policy it is possible to speak, more likely, about a combination of mono— and multipolar distribution of forces. It is possible to speak about the monopolar distribution of forces in the present world system if by that one means the extremely high quality indicators of US military potential. In non-military spheres, however, the distribution of forces is different, namely: multipolar. In the geo-economic sphere, undoubtedly, multipolarity, to be more precise, tri-polarity is observed. Thus, the world's economic potential is concentrated in three regions: America, Europe and (Southeast) Asia. Among the USA, the EU and Japan (which, truly speaking, has to overcome serious difficulties and the recession in its economy) as key powers there exists a relative balance; in world trade the EU even outstrips the USA, and in the field of currency policy two poles have appeared»³⁸⁴.

In Central Asia we are witnessing the very complicated interlacing of the interests of the major powers and the no less complicated mechanism of interaction among them. In general there are enough examples, confirming the fact, that at a certain level the interests of the various powers coincide, while at other levels there could be divergences and even contradictions, bringing a threat to the security of the region.

And really, one cannot but agree with the statements of Russian expert G. Mirski who noted the following: «It is customary to say that after the acts of terrorism on September 11 the entire world changed. One could argue with that. However, it is not subject to doubt that in some regions today much looks really different than before. Particularly, changes have touched Central Asia, which is now being discussed more than during all the more than ten years of independent existence of the states of this region. Central Asia has already become a unique part of the modern world. It is not the East in the traditional sense of a word, which meant «the foreign East» as a

³⁸⁴ Link W. «Imperial or pluralistic world? In protection of a policy of the balanced cooperation // Internationale Politik. 03/2003. — P. 56.

core of «the Third world», and, especially, not the West, but already not a part of that geopolitical space associated with the domination of Russia — first within the framework of the Russian empire, and then the Soviet Union»³⁸⁵.

At the same time, speaking about prospects for long-term stability, it should be noted especially, that the course of events in Central Asia the dynamics, of events around Central Asia will have a greater and greater influence on the situation in the region itself. Prospects for long-term stability will be determined in many respects here by the character of mutual relations of global and regional powers, and also by the ability of international security structures to carry out effective coordinating functions in the struggle against new threats and challenges.

In these conditions it is necessary to enter a new stage of developing bilateral and multilateral relations, the main task of which should become the creation in Central Asia of an environment which would allow the region's countries not only effectively to cooperate among themselves, but also to exert a coordinated influence on the strategies of external powers. Without this, it is impossible to speak about normal political and economic development of Central Asia, or achievement of long-term stability in the region and in each state separately.

However for an increase in OCAC efficiency, most likely, the support and assistance on the part of the international community, whose interest recently has notably grown, seems to be important. Thus, in June 2004 in Astana at the summit of OCAC participant states, Russia officially handed in an application for joining the Organization. During the extended session of the state leaders' council, the personal representative of the President of Russia, Security Council Secretary I. Ivanov announced the official request of the Russian President for Russia to join the OCAC as a full member. As Kyrgyz analyst A. Sultanghaziyev notes, Russia, alongside with Georgia, Turkey, Ukraine and India, received the status of the OCAC observer already in 1994³⁸⁶. And in October 2004, during the Dushanbe summit Russia became a member of the OCAC. About Russia's Role in Central Asia we have already spoken in the previous paragraphs.

Experts also connect the processes occurring in Central Asia to such a phenomenon as sub-globalization which, in the opinion of

Peter L. Berger, a well-known American sociologist, is characterized by movements having a regional, rather than global scope, but nevertheless promoting the rapprochement of societies which together face the growing global culture. «Europeanization» probably, is the most essential example of this, especially in the post-Soviet countries, including in Central Asia³⁸⁷.

In such complicated circumstances the processes of deepening not only regional cooperation, but also supra-regional interactions in Central Asia appear irreversible. Given the ambiguity of such phenomena, characterized by the increasing dynamics of sub-globalization, which assumes the intensification of the influence of external forces on this process in all its manifestations.

From this point of view, the initiative of Uzbekistan concerning the creation of a common Central Asian market undoubtedly is especially important, as the strengthening of cooperation in trade and economic spheres will result in the formation of potential conditions for regional integration. In this connection one should note the growing importance of the OCAC as a mechanism, capable of becoming precisely that regional structure which would ensure the harmonious development of the Central Asian countries in the circumstances of modern global tendencies.

³⁸⁵ Sultanghaziyev A. «Russia has become a member of OCAC». Magazine «Kyrgyzstan today», №6. <http://www.kabar.kg/04/Jun/16/7.htm>.

³⁸⁶ Mirski G. Among the East, the West and Russia // Asia and Africa today. 6, 2002. — P.42.

³⁸⁷ Berger P. Introduction. Cultural dynamics of globalization. In the monograph «Many-sided globalization. Cultural variety in the modern world.» Under edition of P. Berger and S. Hantington. Moscow. 2004. — P.22.

THE CONCLUSION

As one of the characteristic features of the modern world, the growing coherence and interdependence of security systems of various levels — national, regional and global stand out. In the epoch of globalization, the given tendency has become more distinctly apparent, deepening the differentiation between the advanced and less developed countries of the world.

Such a perception of the world order which had formed by the end of the 20th century requires more adequate evaluations in understanding the so-called non-conventional threats, with a view to accepting measures adequate to the present realities for the effective struggle against the challenges of the modern world.

Thus, for today the advanced countries, whose population makes up 20% of the inhabitants of the entire planet, possesses 86% of the world's gross national product, whereas the share of the developing states, whose population makes up only 80% of the world, accounts for only 14% of the world's gross national product. Against this background, the number of least advanced countries, according to the data of the United Nations, has increased from 19 in 1974 up to 49 in 2002³⁸⁸.

The new threats to international security have deeper reasons and factors, formed over many years, even decades, than one could imagine. Hence, the search for solutions to the present problems, as well as the prevention of new threats, should be based on revealing the relationship of cause and effect between all phenomena causing special concern in the world community.

In the conditions of so-called «Third-world» marginalization, it is no coincidence that the increase in the gap between the North and the South has promoted the transformation of international terrorism, religious extremism, transnational criminality, and also of a number other threats and challenges into factors of global world politics. By virtue of the developing processes of globalization, these threats and challenges gain a more and more interconnected character, and to solve one problem in isolation from the others becomes impossible. The events of September 11, 2001 and the subsequent terrorist attacks in various countries and regions of the world have evidently shown, that security cannot «be divided» — today security can be provided only with joint efforts.

So-called non-traditional, transboundary threats to international and regional security, including international terrorism, have manifested themselves in full measure in the region of Central Asia. This has not only coincided with, but has also become in many respects the consequence of, the geopolitical transformation of the entire post-Soviet space. The latter, in turn, has been accompanied by a reorganization of security systems. And in this connection for Central Asia a new architecture of security, which will be based not only on the necessity for coordinated counteraction to common threats and challenges, but also on the commonality of interests, both of the countries of the region and external players, is necessary today.

The new architecture of Central Asia security should be formed on three basic supports.

The first support of the structure of security should be the states of Central Asia themselves, whose relations should rise to such a level of cooperation and good-neighborliness as would guarantee intraregional military-political and socio-economic stability, and steady development. The spirit of mutual understanding and trust, the mutually advantageous coordinated political and economic steps should become basic elements of interstate relations. It should be a system of collective actions of the region's states directed towards the prevention of threats and the realization of national interests on the basis of objective complementarity and interdependence³⁸⁹ and the commonality of interests.

Much will depend on Uzbekistan and Kazakhstan, which by right are the axial states of the region and should undertake identical responsibility for the destiny of Central Asia.

As is known, France and Germany in the 1950s, having averted the mistrust which existed between the large and small European states in the post-war years, created, on the basis of Schuman's declaration, the «coal and steel» association and managed to unite the other countries around them, bringing Europe up to its present condition.

Precisely Uzbekistan and Kazakhstan, initiating the creation of a similar association, for example an «oil and water» association or implementing into reality the mechanism for the regional cooperation of water-power, transport-communication and food consortia, formed on May 2004 in Astana, should take a joint step forward.

The second support of the structure of security for Central Asia should become the world's major powers: the USA, Russia, China, the EU and Japan.

The USA has already for a long time been cooperating with the countries of the region on various programs in the sphere of securi-

³⁸⁸ Yang Fuchang, Zhang Qingmin. The position of the developing countries in the changing structure of international relations and reflections on China's policy// International Studies, Vol. 1. January 2004. — P.34.

³⁸⁹ Central Asia: Geoeconomy, geopolitics, security. — P. 188.

ty, and this has created a basis for interaction within the framework of the antiterrorist operation. However the US presence in the region and in Uzbekistan is not limited only to military-political cooperation, but extends to many other directions: economic, social, political, cultural and humanitarian spheres.

The USA has increased assistance to Uzbekistan in carrying out democratic and economic reforms, as was noted in the joint declaration on strategic partnership. The US Agency for International Development has for several years actively been realizing in the republic the program «Strengthening Democratic Culture among Citizens and Separate Institutions», and in February 2003 the program for the support of civil interests, directed at the creation of conditions for further political, economic and social changes began³⁹⁰.

I am convinced that the USA is undertaking similar steps in other countries of the region also. The USA openly demonstrates that full-scale cooperation with Central Asia is in its interests, directed towards the maintenance of long-term stability, the promotion of reforms, and the conditions for contributing to the elimination of radical ideologies. Now practically all the states of Central Asia, one way or another, consider the participation of the USA in maintaining of regional security as necessary, proved by their cooperation within the framework of the antiterrorist coalition. Such steps speak about the beginning of basic political changes in the relations between these states and the USA, and show the aspiration of the region's countries to become closer to the West.

Recently Russia has activated its foreign policy throughout the entire territory of the CIS, in particular, in Central Asia. Russia certainly is the natural partner of the Central Asian region, where it traditionally played an important geopolitical and geo-economic role. At the Dushanbe summit of the Central Asian states in October 2004, Russia became a full member of the OCAC which, according to President of Uzbekistan I. Karimov «was a crucial turning point in the activity of the Organization»³⁹¹. But whether this event will exclude from its approach to the region some elements of old geopolitics in place until now, and whether Russia can be the «locomotive» of integration processes in the region as is expected from it, time will show.

A positive signal in the sphere of security in Central Asia is the joint declaration on new strategic relations signed by the USA and Russia in May 2002, in which it is noted that the two countries intend to promote the transformation of Afghanistan «to a stable viable state, living in peace within itself and with its neighbors».

Washington and Moscow have also recognized «the common interest in assisting the stability, the sovereignty and territorial integrity of all states» of Central Asia and Southern Caucasus. As is said in the declaration, «Russia and the USA reject the model of rivalry between the «great powers», which has shown its inconsistency, and which would only intensify the potential for conflict in these regions».

As is known, after the events on September 11, 2001 Russia supported the efforts of the USA in forming an international antiterrorist coalition. The Russian Federation, despite the attempts of some forces to play again in «great games», quite precisely realized the advantages of cooperation with the USA, which for today is the only «superpower» capable of actively forming a political climate, both in particular regions and on a global level. Thus, Russia has tried to take the most of the situation for strengthening its international image through partnership with the USA in the field of security.

At the same time, it is obvious that such cooperation with the USA, in particular taking into consideration the high dynamism of the development of the international situation, also contains within itself a number of challenges for Russia. The trends in the modern mutual relations of the USA with the EU, Iran, China and a number of other countries compels Russia to substantially amend its foreign policy strategy with the aim of precisely determining the Russian position concerning actual world problems.

Concerning the question of the role of China in Central Asia, in the given monograph we have remembered T. Kellner, who has noted that the interests of this country in the region are mainly concentrated around three axes — security, trade and hydrocarbons³⁹². The foreign policy of Beijing concerning Central Asia is determined, in Kellner's opinion, «within the frameworks of a wider strategy — 'a peripheral policy' (zhoubian zhengce) (according to official terminology of Beijing), adopted with regard to all the Asian neighbors of China»³⁹³. The given policy is directed towards increasing China's influence at a global level by means of strengthening Chinese positions at a regional level. Within the framework of this strategy the Chinese leadership aspires to deepen its relations with neighboring countries in order to prevent «unfriendly powers» from taking advantage of possible various disagreements between the People's Republic of China and its neighbors. In this context the Chinese politicians and researchers always have given and will give special significance to security issues in Central Asia.

³⁹⁰ Agency «UzA» from 13.02.2003, www.uza.uz.

³⁹¹ See: www.izvestia.ru. — October 19.2004.

³⁹² See: Kellner T. «La Chine et les républiques d'Asie Centrale: de la défense au partenariat», *Cemoti*, №22, juillet—décembre 1996. — P.277—313.

³⁹³ See on this issue: Zhao S. «China's Periphery Policy and its Asian Neighbors»// *Dialogue of Security*, vol. 30, №3, September 1999. — P.335—346.

For today in the European Union understanding of the need to develop a more differentiated approach to Central Asia and Afghanistan, and to carry out a multi-aspect and multilevel policy grows. At the same time, the level of involvement, above all regarding the rendering of financial, economic and technical assistance raises certain apprehensions concerning EU policy on assistance for development in the region.

In the opinion of a number of European analysts, it is necessary for the European countries to increase their presence in strategically located Central Asia, as active cooperation with the countries of the region can play a determining role in strengthening Euro-Atlantic security³⁹⁴. The less sensitive strategic position of Europe in the world arena give it a potential opportunity to play the rather important role of the neutral third party, however this will demand the long-term presence of the EU in the Central Asian region.

As some Japanese experts note, one of the key aspects of «the updated foreign policy strategy» of Japan in Central Asia could be the aspiration of Tokyo to develop cooperation with the states of region on a multilateral basis. In this connection Japan shows an interest in strengthening interregional cooperation in Central Asia.

Within the framework of the political initiatives put forward by Tokyo some basic directions of relations development have been formulated in this sphere, namely: development of political dialogue for a deepening of trust and mutual understanding; assistance in the stabilization of the region by means of strengthening the non-proliferation regime; and stimulation of democratic and economic reforms.

The initiative of the prime minister of Japan D. Koizumi on the connection of the region to processes of economic cooperation in East Asia has an important significance for the development of Japanese relations with the Central Asian countries. The given initiative is directed at differentiating sources of hydrocarbon raw materials for Japan, and will allow the Central Asian countries to sell their energy resources through alternative routes to the East.

At the same time it is rather important that Japan does not aspire to dominate in the Central Asian region. As we know, Tokyo is going to maintain its «course on preserving the steady balance of interests» of Japan with the interests of the Russian Federation, People's Republic of China, and, above all, the United States. This approach of Japan to Central Asia could provide the essential contribution to strengthening regional security and will promote the formation of conditions for long-term steady development of the Central Asian region.

³⁹⁴ Presentation by Osman R. Yavuzali — Political Administrator, Euro-Atlantic Partnership and Cooperation Section, Political Affairs Division, NATO // the international conference «Central Asian Stability in the post-conflict era», Tashkent, June 13–16, 2002.

The third support of the structure of security are the international institutions engaged in security issues in Central Asia — NATO, the SCO, the United Nations, OSCE and the CSTO — as well as all other regional states having interests in the region, above all, India, Iran, Turkey and Pakistan.

The interests of India, Iran, Turkey and Pakistan were detailed in our collective monograph³⁹⁵; we'll pause only on the role of international structures of security.

Though the participation of NATO in the operation in Afghanistan at the first stages was limited, the cooperation of the region's countries with the Alliance in the PFP/CEAP framework has resulted in efficient interaction in the antiterrorist campaign. The continuing global struggle against terrorism will promote an increasing role for NATO in the maintenance of international and regional security, including in Central Asia. Confirmation of this is the transition to NATO of the management of the headquarters of the peace-keeping forces in Afghanistan. The NATO mission in this country will promote the establishment of peace in Afghanistan and will allow stability in the entire region to be strengthened.

The countries of Central Asia place great hopes on the SCO, which is considered as a mechanism of multilateral cooperation, capable of making a real contribution to strengthening stability in the region. A major aspect of SCO activity could become the realization of joint efforts in the struggle against terrorism and religious extremism, transnational organized crime, illegal migration and other challenges. At the same time, the SOC should remain a transparent and open organization, create favorable conditions for the development of integration processes in the region and genuinely promote the strengthening of security. The SCO now is in a stage of becoming a high-grade international organization; moreover, it is not yet free from the influence of geopolitical factors³⁹⁶.

For the countries of the region, an important mechanism for maintaining stability is also cooperation with the leading international organizations in the field of security — the United Nations and OSCE. Their involvement in regional processes is dictated by the need for a coordinated counteraction to terrorism and religious extremism, including through the resolution of social, economic and political problems in Central Asia.

With the creation of a UN Security Council Committee on the struggle against terrorism, the political sense of Uzbekistan's initia-

³⁹⁵ Central Asia: geo-economy, geopolitics, security.

³⁹⁶ Tolipov F. To a question on the independent OCAC role in the SOC frameworks// the Central Asia and Caucasus, № 3, 2004. — P.169.

tive to create an «international center in the struggle against terrorism in the structure of the United Nations» has been practically realized. Highly significant also is the Protocol between the government of the Republic of Uzbekistan and the United Nations concerning assistance with deliveries of humanitarian aid to Afghanistan from December 14, 2001, which also has considerably accelerated the realization of the long-term programs of the UNDP in Uzbekistan in the spheres of increasing the living standards of the population, the ecology, the development of information and communication technologies, and the coordination of the external help.

At the same time, it is possible to agree with the opinion of experts, that the United Nations should reconsider the organization of its activity, to bring it into accord with the realities of the present world. Only transformation into a flexible mechanism of cooperation and counteraction to modern threats and challenges of security will allow the United Nations to preserve a leading role in maintaining global stability.

The OSCE plays one of the key roles in strengthening security and stability in Central Asia; however, for this purpose it is necessary for it to be ready to reassess and update its priorities, including the expansion of its mandate for increasing its coordinating role in the common strategy of the struggle against new transnational threats³⁹⁷.

The countries of Central Asia have a right to rely on the aid from the OSCE not only in the realm of monitoring potential breeding grounds of conflicts, but also in maintaining efforts towards steady development in all spheres, including cultural — humanitarian, scientific and technical and educational aspects.

Along with this, the Collective Security Treaty Organization tries to take its place in the new architecture of security being formed in Central Asia. Not by chance, the end of the full institutionalization of the CSTO coincided with the direct military involvement of the NATO member states in of regulation process in Afghanistan. The presence of military bases of CSTO Collective Forces of Rapid Deployment, on the one hand, and the international coalition from the NATO countries, on the other hand, has created, in essence, a historical precedent in Central Asia. The future of the CSTO, designed to provide security on the «southern boundaries» of the CIS, in many respects will depend on the efficiency of international interaction in the given sphere, lacking a confrontational ideological slant.

³⁹⁷ www.osce.org/romania2001/documents.

On the basis of the analysis of the developing situation in Central Asia carried out within the framework of the preparation of the given monograph, it is obviously important to point out the following factors which are necessary to take into account when developing a strategy for a new architecture of security in the region:

The military-political conditions in the region in the medium term prospect will most likely remain tense, as threats of terrorism and extremism from the Afghan direction, though considerably reduced, are not liquidated completely. This tendency will be still caused by a number of problems whose resolution will demand an indeterminately long time.

First, the terrorist Al-Qaeda network has not yet been destroyed, as the acts of terrorism in recent years in Indonesia, Spain, Russia and in other countries testify. It is quite probable, that Al-Qaeda could be united with other, minor radical groups³⁹⁸ — in Central and Southern Asia, or in the Caucasus and the Near East — which are ready to continue the war with the civilized world.

Second, after almost three years since the beginning of the operation in Afghanistan the population still has a huge amount of weapons. In the beginning of April 2003 the government of Afghanistan and the United Nations signed an agreement according to which within 3 years, 100 thousand Afghans from non-governmental formations will be disarmed. 100 million dollars for this program will be allocated by Japan, Canada, Great Britain and the USA, but, according to experts, in the country there is an arsenal of arms worth dozens of times more³⁹⁹. In Afghanistan and in the zone of the Pashtuns residing in Pakistan there are numerous primitive weapons manufacturers, continuing to work. In this connection it is impossible to weaken international control over the development of the military-political situation in Afghanistan.

Third, in the conditions of the lack of a strong government and continuing civil strife in Afghanistan, the drugs business, which has always financed the continuation of war, has picked up speed. The Afghan government is still too weak to struggle with drug traffickers. In the opinion of many analysts, Afghanistan in the foreseeable

³⁹⁸ «The US success in the Iraq war can constrain possible growth of global terrorism», materials of hearings in the US Congress on March 18, 2003 on the question «Diplomacy and war with terrorism», Office of the international information programs of the USA State department, 21.03.2003, usinfo.state.gov/ruski/.

³⁹⁹ «The Crutch for Karzai. For a year the new Kabul authority has a little got stronger, but while without the help of the West can neither support, nor protect itself E.Pahomov, 29.4.2003, the Weekly №067, www.ej.ru.

future will maintain its position as the largest opium supplier, which, in the case of adequate measures not being taken, would result in the explosive growth of drug trafficking through Central Asia.

Fourthly, despite the past presidential elections in Afghanistan and the victory of president H. Karzai, the rate of restoration of Afghanistan still does not guarantee steady stability in this country. In the long-term perspective strengthening peace in Afghanistan and forming a way of forward development is possible only by maintaining the conditions of economic growth, which requires not only humanitarian assistance, but also real investments into industry and agriculture. It is obvious, that such financial assets simply are not present at the Afghani government, and the majority of international investors still await the establishment of a strong peace in Afghanistan before beginning any projects.

The development of positive processes in Afghanistan creates favorable opportunities for the realization of scaled communication projects in Central Asia, equally favourable to the states of the region and to international investors. New multiple transport corridors should form a common interrelated system of communications⁴⁰⁰, which would provide the countries of region a reliable outlet to prospective markets. In this connection, the development of joint projects for regional economic cooperation in Central Asia involving Afghanistan is very pressing⁴⁰¹.

On the whole, such tendencies in Afghanistan promote the preservation of objective conditions for the consolidation in Central Asia of an unstable, fragile regime of regional security, subject to international terrorism and religious extremism. Undoubtedly, these threats have materialized through the radicalization of religious — political ideas, and their transformation into destructive ideologies of violence.

In this connection, the resoluteness of the international community in the struggle against terrorism can result in the tactical rejection by extremist organizations of violent methods. However, for the time being the «peaceful» activity of any extremist movement sooner or later develops into violence. Their program documents almost always, in one or another form, ensure a transition to armed struggle for the achievement of the established goals. Modern history contains many confirmations of this.

⁴⁰⁰ Statement of the President of Republic Uzbekistan of I. Karimov at solemn opening of annual session of Council of managers of the European Reconstruction and Development Banks, Tashkent, on May, 4—5, 2003, www.press-service.uz.

⁴⁰¹ Ibid.

In the conditions of Central Asia, issues of the struggle against religious extremism and the implementation of democratic reforms are frequently at odds. Therefore it is impossible to agree with the opinion of some researchers and politicians who support granting the radical organizations freedom for the realization of religious propagation in the hope, that the variety of opinions will lower the popularity of extremist ideologies. From our point of view, the necessity for constant complete readiness for action and vigilance in the struggle against various forms of political and religious extremism should remain always the most important and pressing task of the world community.

It is necessary to continue, at various levels, the dialogue between the countries of Central Asia and the western states on the given questions to a deep mutual understanding, a formation of common aims, and also the development of united approaches to the solution of problems in this sphere. However for today, unfortunately, on the part of some Western countries a kind of monologue concerning democratic questions has been observed so far, not taking into account all the objective realities in the region.

No doubt, that the long-term success in the struggle against terrorism and religious extremism will be the liquidation of deep reasons for these negative phenomena, frequently fed by the social and economic problems existing in a society. At the same time, an appreciable reduction in regional security threats would allow the countries of Central Asia to concentrate more on the economic and political reforms begun after gaining independence. It is not coincidental that the tasks of strengthening national security do not allow active democratization to begin. Democracy is being recognized more and more as a condition for stable development and security.

The countries of Central Asia are at a stage of rising, and the means and the newest technologies which could accelerate the development of local manufacturers, and guarantee access to profitable foreign markets are necessary for them.

At the same time, the countries of Central Asia require support to strengthen and develop the institutions of a civil society. To receive international support in the given process does not mean to shift difficulties onto another's shoulders completely. It does not mean imposing somebody's political will instead of the assistance given, as only parties which respect each other's sovereignty can establish authentic mutually advantageous cooperation.

Today in Central Asia there is a high level of positive expectations concerning the increased attention to the problems of the

region. This tendency will determine the readiness of the region's countries to cooperate in such spheres as security, economic reforms and democratization, and also to strengthen regional cooperation.

The factors enumerated above have crucial importance for the maintenance of stability and steady development of the region in the long-term period. At the same time, as has been mentioned in previous paragraphs, some undetermined aspects of interstate relations have exerted a certain negative influence on the security of the region, for example, questions of boundary delimitation, the regime of exploiting transborder rivers and natural resources and a number of others. But these problems, by virtue of their specific transborder character, play not so much a separating as a unifying role, because they require joint efforts for their solution.

The countries of Central Asia have common strategic interests in the creation of a common regional market, the maintenance of civil peace and the interethnic accord, the preservation of territorial integrity, and also in the neutralization of the reasons for the occurrence of conflicts. Uzbekistan has always supported the encouragement of integration processes in the region and the flexible resolution of arising problems. As it has been noted by the President of Uzbekistan I. Karimov that «the most essential, vitally important task today is to coordinate and develop not only our joint positions, but also a program of measures adequate to the situation developing in the region in the context of the strengthening of threats and challenges in the world»⁴⁰².

It is obvious, that the geopolitical apportionment of forces in the Central Asian region will no longer be what it was until September, 11, 2001. The countries of the region realize, that the largest states of the world — the USA, Russia, China, the countries of the EU and Japan — have, in many respects, conterminous positions concerning questions of Central Asia, as well as a number of contradictions. As well-known American scholar F. Starr noted, any separate country or small group of countries cannot become an effective guarantor of peace in Afghanistan and long-term stability in Central Asia⁴⁰³. If old geopolitical approaches to Central Asia will not be reconsidered, maintaining security and stability in central Asia will be problematic for all of us and to solve Regional questions will simply be impossible.

In modern conditions, only when a new architecture of security is created in Central Asia, based on a policy of cooperation, can stability be achieved and conditions for the steady development of the entire region be guaranteed.

In such conditions for the countries of Central Asia the further deepening of cooperation in the political sphere, and in economic, scientific and technical, cultural — humanitarian and other areas is vital. Today the prospect is distinctly shown at which the national security of each of the Central Asian states will be determined by its readiness to cooperate constructively with its neighbors and the international community on the basis of a commonality of interests.

⁴⁰² From the statement of the President of Republic Uzbekistan of I. Karimov at summit of the heads of OCAC states in Astana.

⁴⁰³ Starr F. «Twenty Theses on Afghanistan» // Prepared for Brookings Institution, Asia Society Conference, on May, 18 2001.

Р. М. АЛИМОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

общность интересов

Ташкент
Главная редакция
ИПАК «Шарк»
2005

Переводчик *Таджибаев Л.У.*
Художественный редактор *Самойлов М.Н.*
Технический редактор *Хижова Л.Ю.*
Корректор *Ярулина И.В.*
Верстка *Цой Л.А.*

Подписано в печать 25.02.05. Формат 60х90 1/16. Печать офсетная. Гарнитура
Таймс. Усл. п.л. 29,0. Уч-изд. л. 31,52. Тираж 750 экз. Заказ № 1160.

Типография издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк»
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

